

ISSN 0869-6063

Номер 1

Январь - Февраль - Март
2024

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

НАУКА
— 1727 —

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 2024

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

ISSN: 0869-6063

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор
чл.-корр. РАН Л.А. Беляев

Редакционный совет

акад. РАН А.П. Деревянко, акад. РАН Н.А. Макаров, акад. РАН В.И. Молодин,
д.и.н. М.Г. Мошкова, д.и.н. А.А. Тишкин, проф. А. Буко (Польша),
докт. М. Вемхофф (Германия), проф. Т. Дарвилл (Великобритания),
проф. Ж.-П. Демуть (Франция), проф. Ф. Кол (США),
Я. Чехановец (Израиль)

Редакционная коллегия

акад. РАН Х.А. Амирханов, акад. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, к.и.н. А.Н. Гей,
д.и.н. Д.С. Коробов (зам. главного редактора),
д.и.н. Н.А. Кренке, д.и.н. В.Д. Кузнецов,
к.и.н. О.С. Румянцева (ответственный секретарь), д.и.н. А.В. Чернецов

Заведующая редакцией
к.и.н. О. В. Гусакова

Адрес: 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Телефон (499)124-34-42

E-mail: ra@iaran.ru

Москва

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1, 2024

Новые данные о связях древних поселенцев Нахчывана с Ближним Востоком <i>В. Бахшалиев, К. Марро, Р. Бертон, М. Оранж</i>	7
О краниологических признаках западных миграций в Восточную Европу в эпоху бронзы (на примере материалов абашевской культуры) <i>А. А. Казарницкий</i>	22
Круглоплановые поселения Зауралья и Западной Сибири от неолита до раннего железного века <i>В. А. Борзунов</i>	40
Городища в системе расселения самбийско-натангийской культуры Юго-Восточной Прибалтики I тысячелетия <i>О. А. Хомякова</i>	59
Металлические находки из каменного склепа на северном участке некрополя Пантикапея (район “Глинище”): комплексный анализ <i>Д. В. Бейлин, И. В. Рукавишников, Н. Ф. Федосеев, Т. Н. Смекалова, А. В. Антипенко, А. Ю. Лобода, П. В. Гурьева, Е. С. Коваленко, М. М. Мурашев, Е. Ю. Терещенко, Е. Б. Яцишина</i>	75
Новые методики в дендроархеологии: возможности изучения древесных углей из археологических памятников (на примере стоянки Кара-Дыт II, Республика Тыва) <i>В. С. Мыглан, А. В. Тайник, В. В. Баринев, М. О. Филатова, В. С. Бусова, О. В. Сучева, О. В. Наумова, З. Ю. Жарников</i>	93
К изучению монет великого княжества Нижегородско-Суздальского (конец XIV — начало XV в.) <i>П. Г. Гайдуков, И. В. Гришин, А. А. Кудрявцев, Е. М. Ушанков</i>	105
Женский пояс из кургана 12 Белореченского могильника <i>А. Н. Теплякова</i>	122

ПУБЛИКАЦИИ

Неолитическое погребение собаки на острове Ольхон (озеро Байкал) <i>Д. Е. Кичигин, А. М. Клементьев</i>	139
Чобурак 1 — некрополь жужанского времени на Северном Алтае <i>Н. Н. Серегин, А. А. Тишкин, С. С. Матренин, Т. С. Паршикова</i>	152
Ажурная застежка Абакумлевского клада V в. н.э. (Владимирская область): технология и археологический контекст <i>А. С. Морозов, И. Е. Зайцева</i>	170
Шлем эпохи Великого переселения народов с курганного могильника Юванаят <i>А. Л. Белицкая, Е. В. Попов, В. И. Силаев, В. Н. Филиппов, А. Ф. Хазов</i>	186
Клад джучидских монет из раскопа СХСII Болгарского городища <i>А. И. Бугарчев</i>	203

ИСТОРИЯ НАУКИ

Б.С. Жуков в истории отечественной археологии: к юбилею ученого <i>С. В. Кузьминых, О. А. Лопатина</i>	213
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Г.Б. Зданович, Т.С. Малютина, Д.Г. Зданович. Аркаим. Археология укрепленных поселений <i>С. А. Григорьев</i>	228
Д.Г. Савинов, И.В. Тункина. Сибирская коллекция Д.Г. Мессершмидта. Первое научное археологическое собрание России <i>В. И. Молодин, А. Ю. Борисенко</i>	231

ХРОНИКА

Шестая международная конференция “Археология и геоинформатика” (Москва, 2023 г.) <i>Д. С. Коробов</i>	234
Семинар “Дендрохронология в археологии и истории деревянного зодчества. К 90-летию Наталии Борисовны Черных” <i>А. А. Карпухин</i>	238
Неутомимый путник... К 75-летию А.А. Масленникова <i>А. А. Завойкин, В. Д. Кузнецов, Л. А. Беляев, П. Г. Гайдуков, Н. А. Макаров, А. В. Энговатова</i>	240
К 75-летию А.И. Айбабина <i>Э. А. Хайрединова</i>	243
К 70-летию Г.Е. Дубровина <i>В. Ю. Коваль, П. Г. Гайдуков, Д. О. Осипов, Н. Н. Фараджеева</i>	246
Маргарита Ваклинова (04.05.1939–05.04.2023) <i>С. Горянова, В. С. Флёров</i>	248
Александр Юрьевич Скаков (1971–2023) <i>Д. В. Журавлев, Д. С. Коробов</i>	251

CONTENTS

Number 1, 2024

New data on the connections of ancient settlers of Nakhchivan with the Near East <i>V. Bakhshaliyev, C. Marro, R. Berthon, M. Orange</i>	7
On craniological markers of western migrations to Eastern Europe in the Bronze Age (the case of the Abashevo culture) <i>A. A. Kazarnitsky</i>	22
Circular settlements of the Trans-Urals and Western Siberia from the Neolithic to the Early Iron Age <i>V. A. Borzunov</i>	40
Hillforts in the settlement system of the Sambian-Natangian culture of the South-Eastern Baltics in the 1st millennium AD <i>O. A. Khomyakova</i>	59
Metal finds from the stone crypt in the northern part of the Pantikapaeon necropolis ("Glinishche" district): a comprehensive analysis <i>D. V. Beylin, I. V. Rukavishnikova, N. F. Fedoseev, T. N. Smekalova, A. V. Antipenko, A. Yu. Loboda, P. V. Guryeva, E. S. Kovalenko, M. M. Murashev, E. Yu. Tereshchenko, E. B. Yatsishina</i>	75
New methods in dendroarchaeology: possibilities for studying charcoals from archaeological sites (the case of the Kara-Dyt II site, Republic of Tyva) <i>V. S. Myglan, A. V. Taynik, V. V. Barinov, M. O. Filatova, V. S. Busova, O. V. Sycheva, O. V. Naumova, Z. Yu. Zharnikov</i>	93
To studying coins of the grand principality of Nizhny Novgorod-Suzdal (late 14th – early 15th century AD) <i>P. G. Gaidukov, I. V. Grishin, A. A. Kudryavtsev, E. M. Ushankov</i>	105
Women's belt from mound 12 of the Belorechensk burial ground <i>A. N. Teplyakova</i>	122

PUBLICATIONS

Neolithic burial of a dog on Olkhon island (Lake Baikal) <i>D. E. Kichigin, A. M. Klementyev</i>	139
Choburak-I – a necropolis of the Rouran period in the Northern Altai <i>N. N. Seregin, A. A. Tishkin, S. S. Matrenin, T. S. Parshikova</i>	152
Openwork clasp from the Abakumlevo hoard of the 5th century AD (Vladimir Region): technology and archaeological context <i>A. S. Morozov, I. E. Zaytseva</i>	170
Helmet of the Migration Period from the Yuvanayag mound cemetery <i>A. L. Belitskaya, E. V. Popov, V. I. Silaev, V. N. Filippov, A. F. Khazov</i>	186
The hoard of Juchid coins from excavation site CXCII in the Bolgar fortified settlement <i>A. I. Bugarchev</i>	203

HISTORY OF SCIENCE

B.S. Zhukov in the history of Russian archaeology: to the scientist's anniversary <i>S. V. Kuzminykh, O. A. Lopatina</i>	213
---	-----

REVIEW OF BOOKS

G.B. Zdanovich, T.S. Malyutina, D.G. Zdanovich. Arkaim. Archaeology of the fortified settlements <i>S. V. Grigoryev</i>	228
D.G. Savinov, I.V. Tunkina. Siberian collection of D.G. Messerschmidt. The first scholarly archaeological collection in Russia <i>V. I. Molodin, A. Yu. Borisenko</i>	231

CHRONICLE

6th International conference “Archaeology and geoinformatics” (Moscow, 2023) <i>D. S. Korobov</i>	234
Seminar “Dendrochronology in archaeology and in the history of wooden architecture. To the 90th anniversary of Natalia Borisovna Chernykh” <i>A. A. Karpukhin</i>	238
Tireless wayfarer... To the 75th anniversary of A.A. Maslennikov <i>A. A. Zavoykin, V. D. Kuznetsov, L. A. Belyaev, P. G. Gaidukov, N. A. Makarov, A. V. Engovatova</i>	240
To the 75th anniversary of A.I. Aybabin <i>E. A. Khayredinova</i>	243
To the 70th anniversary of G.E. Dubrovin <i>V. Yu. Koval, P. G. Gaidukov, D. O. Osipov, N. N. Faradzheva</i>	246
Margarita Vaklinova (04.05.1939 – 05.04.2023) <i>S. Goryanova, V. S. Flerov</i>	248
Aleksandr Yuryevich Skakov (1971–2023) <i>D. V. Zhuravlev, D. S. Korobov</i>	251

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Российская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, критические статьи и рецензии на новые публикации по археологии.

К публикации не принимаются статьи, основанные на анализе материалов, собранных в поле или полученных иным путем без официального разрешения государственных органов (открытого листа) или не сданных на хранение в Государственный музейный фонд (указание на место хранения материалов желательно).

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии со следующими правилами, принятыми в журнале.

Все рукописи предоставляются в электронном виде (на мэйл редакции или на диске). Оформление: **1.5 интервала**, шрифт **Times New Roman**, кегль **14**.

К рукописям (по разделам «Статьи», «Публикации», «Дискуссии») должно быть приложено краткое **резюме на русском и английском языке**, а также **ключевые слова на русском и английском языках** (не более 10 слов).

На отдельной странице — **подробные сведения об авторах** (с обязательным указанием почтового и электронного адресов, контактного телефона).

Общий объем рукописи (включая таблицы, список литературы, подрисовочные подписи и резюме) **не должен превышать 40 тыс. знаков (с пробелами)** и содержать **не более 8 иллюстраций** (цветных и/или черно-белых). Для раздела «Заметки» объем рукописи не должен превышать **15 тыс. знаков (с пробелами)**. Некрологи и юбилейные материалы, публикуемые в разделе «Хроника», не должны превышать **10 тыс. знаков (с пробелами)** и **не должны сопровождаться списком трудов ученого** (его наиболее фундаментальные труды должны быть упомянуты внутри текста).

Начало рукописи оформляется по следующему образцу:

ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КУРГАНОВ У с. ОРЕХОВКА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

© 2022 г. М. В. Андреева^{1,*}, М. А. Очир-Горяева^{2, 3,**}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

²Институт археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан, Казань, РФ

³Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, РФ

*E-mail: amvlad11@yandex.ru

**E-mail: mariaochir@gmail.com

Поступила в редакцию 06.06.2017 г.

Резюме:

Ключевые слова (не более 10)

Иллюстрации нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Подписи к иллюстрациям даются на отдельной странице.

Постраничные примечания даются внизу соответствующей страницы со сплошной нумерацией для всей рукописи (1, 2, 3, ...).

Ссылки на литературу и источники даются по следующему образцу: (Коваль, 2011. С. 46. Рис. 12). Список литературы и источников дается общий в алфавитном порядке на отдельной странице и состоит из двух частей: первая — работы на кириллице, вторая — на латинице. Работы одного автора располагаются в хронологическом порядке. При наличии публикаций одного года к ним проставляются литеры а, б, в..., включая первое упоминание. Например:

монография: Кренке Н.А. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

сборник: Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2011. 456 с.

статья в сборнике: Коваль В.Ю. «Ростиславльский курган» (вал городища эпохи раннего железного века на Ростиславле) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7. М.: ИА РАН, 2011. С. 35–57.

статья в журнале: Решетова И.К. Новые антропологические материалы салтово-маяцкой культуры из могильника Верхний Салтов-IV // РА. 2012. № 3. С. 129–136.

источники: Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л.: АН СССР, 1941. 147 с.

архивные материалы: Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6695.

Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Юбилейные и иные статьи, строго привязанные к датам, должны поступить в редакцию до конца декабря предшествующего года (в противном случае, редакция не гарантирует их выхода в юбилейном году).

Присланные статьи должны сопровождаться подписанным Договором о передаче авторских прав на публикацию Российской академии наук, который можно найти на сайте журнала «Российская археология» по адресу: http://www.ra.ianan.ru/Dogov-or_2018.doc.

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.

Статьи, оформленные с нарушением данных правил, редакция не рассматривает!

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СВЯЗЯХ ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНЦЕВ НАХЧЫВАНА С БЛИЖНИМ ВОСТОКОМ

© 2024 г. В. Бахшалиев^{1,*}, К. Марро^{2,**}, Р. Бертон^{3,***}, М. Оранж^{4,****}

¹Нахчыванское отделение Национальной Академии наук Азербайджана

²Национальный центр научных исследований, Париж, Франция

³Национальный музей естественной истории, Париж, Франция

⁴Университет Бордо, Франция

*E-mail: velibahshaliyev@mail.ru

**E-mail: catherine.marro@mom.fr

***E-mail: remi.berthon@mnhn.fr

****E-mail: marie.orange@u-bordeaux-montaigne.fr

Поступила в редакцию 29.09.2022 г.

После доработки 25.03.2023 г.

Принята к публикации 11.04.2023 г.

Археологические памятники, выявленные исследованиями 2010–2021 гг. на территории Нахчывана, позволили заполнить пробел, существовавший между материалами позднего неолита и позднего энеолита. Отмечается присутствие древневосточных — халафских и убейдских — черт в материалах Нахчыван Тепе, Учан-Агыл, Бюловкая и Узуноба. Можно предположить, что поселения Нахчыван Тепе и Бюловкая являлись опорными пунктами или же колониями пришельцев — носителей ближневосточных культурных традиций.

Ключевые слова: Южный Кавказ, Нахчыван, Нахчыван Тепе, Далма Тепе, халафская культура.

DOI: 10.31857/S0869606323030054, EDN: TUVXKX

О формировании древнеземледельческих культур Южного Кавказа и об их связях имеются разные мнения. Некоторые исследователи предполагали, что неолитическая культура Южного Кавказа привнесена из стран Ближнего Востока (Ахундов, 2019. С. 98; Массон, 1964. С. 407), а другие говорили, что культура Кюльтепе формировалась на местной почве в тесном контакте с соседними ближневосточными регионами (Бахшалиев, 2022. С. 139). Однако этапы культурно-экономических связей культур Южного Кавказа с Ближним Востоком до сих пор хорошо не изучены. Причиной является то, что в начале XXI в. некоторые энеолитические поселения, такие как Арухло, Кюльтепе I, Шомутепе и другие, были отнесены исследователями к неолиту, вследствие чего между поздним неолитом и поздним энеолитом появился хронологический разрыв. Археологические памятники, выявленные исследованиями 2010–2021 гг. на территории Нахчывана — Нахчыван Тепе, Учан Агыл, Бюловкая, Узуноба (рис. 1),

позволяют заполнить этот пробел, несмотря на то, что их материалы до сих пор полностью не опубликованы.

Поселение Нахчыван Тепе, исследованное В. Бахшалиевым, расположено вблизи г. Нахчывана на высоте 853 м над уровнем моря и охватывает площадь ок. 2 га. Общая площадь раскопанной части поселения 450 м². Мощност культурного слоя меняется в зависимости от рельефа местности и составляет 3–3.5 м. Выявлены четыре строительных горизонта (рис. 2). Первый строительный горизонт находился на глубине 0.8 м от поверхности холма (Нахчыван Тепе 1); второй (Нахчыван Тепе 2) — на глубине 0.78–2.10 м; третий — на глубине 2.10–2.50 м (Нахчыван Тепе 3); четвертый — на глубине 2.50–3.50 м (Бахшалиев Э., Бахшалиев В., 2021. С. 194). В верхних горизонтах представлены прямоугольные глинобитные помещения (Вахсəliyev и др., 2018. S. 3–30), в нижних — прямоугольные помещения полужемляночного типа. Керамическая коллекция Нахчыван Тепе

Рис. 1. Месторасположение поселений эпохи энеолита Нахчывана.

Fig. 1. The location of the settlements of Chalcolithic period of Nakhchivan

(более 3 тыс. фрагментов посуды) включает посуду с тисненым и расписным орнаментом, что является характерной особенностью культуры Далма Тепе. Исследования показывают, что появление керамики, украшенной тисненым орнаментом, связано с неолитическими культурами Мильской степи и Карабаха, а расписной керамики — с позднехалафскими и убейдскими традициями Ближнего Востока (Бахшалиев Э., Бахшалиев В., 2021. С. 194). Поселение Нахчыван Тепе датируется VI–V тыс. до н.э. (табл. 1).

Поселение Учан-Агыл расположено вблизи с. Сираб Бабекского р-на на высоте 1178 м над уровнем моря. В поселении с 2015 г. проводятся раскопки совместной экспедицией Азербайджана и Франции под руководством В. Бахшалиева и К. Маро (Marro, Bakhshaliyev, 2021. Р. 14). Площадь раскопанной части — 300 кв. м. Толщина культурного слоя составляет 2–2.5 м.

Культурные отложения относятся к энеолитическому периоду, иногда они разрезаны куро-аракскими ямами. В верхних пластах строительные остатки не выявлены. В нижних слоях обнаружены следы столбовых ямок, свидетельствующие о том, что жители создавали четырехугольные помещения легкой конструкции из дерева и жердей. В отличие от Нахчыван Тепе на этом поселении керамика с тисненым орнаментом выявлена в очень небольшом количестве (3 фрагмента). Большую часть составляет простая, а отчасти — расписная керамика. Поселение появилось в конце VI — начале V тыс. до н.э. (табл. 1), однако основные культурные остатки датируются первой половиной V тыс. до н.э. (Вахсəлиев, 2022).

Поселение Биюловкая расположено вблизи с. Гейнук Бабекского р-на на высоте 1429 м над уровнем моря, на берегу горного ручья.

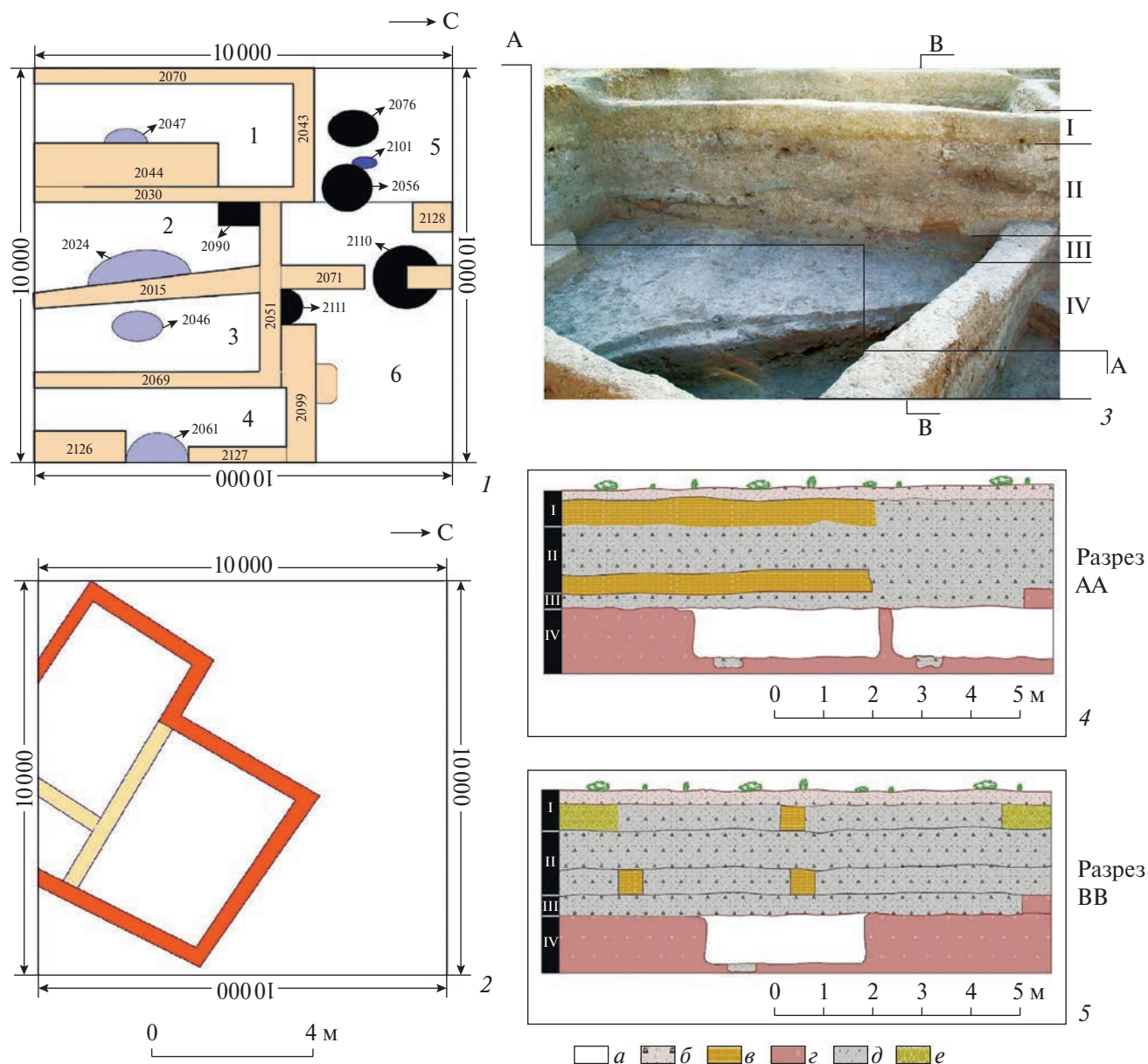

Рис. 2. Планы и разрезы раскопа на поселении Нахчыван Тепе: 1 – план первого горизонта; 2 – план второго горизонта; 3 – местоположение разрезов; 4, 5 – разрезы. Условные обозначения: а – полужемлянки; б – слой с мелкими фрагментами глинобитных конструкций; в – глинобитные строения; г – материк; д – золистый культурный слой; е – руинированные остатки глинобитных строений.

Fig. 2. Plans and sections of excavations at the Nakhchivan Tepe settlement

Поселение изучено одним разведочным шурфом площадью 3×3 м. Толщина культурного слоя 0.5–1 м. Строительные остатки не выявлены. Большинство археологических находок составляют фрагменты керамической посуды, среди которых много черепков с росписью. Место расположения поселения очень благоприятно для отгонного скотоводства. На основе анализа угля, взятого из заложенного шурфа,

поселение можно датировать серединой – второй половиной V тыс. до н.э. (табл. 1).

Поселение Узуноба расположено вблизи селения Узуноба Бабекского р-на на высоте 839 м над уровнем моря, на правом берегу р. Нахчыванчай. На восточном склоне памятника заложен раскопочный шурф площадью 3×2 м. В полученном разрезе прослежена последовательность культурных отложений толщиной

Таблица 1. Радиоуглеродные даты поселений эпохи энеолита**Table 1.** Radiocarbon dates of the Eneolithic settlements

Памятник	Шифр образца	Лабораторный Индекс	Дата BP	$\delta^{13}\text{C}$ (‰)	CalBC (95.4%)
Нахчыван Тепе	NA-2019-1240	LTL19695A	6102±45	-23.2 ± 0.4	5209–4930
—“—	NB-2019-2277	LTL19694A	6028 ± 45	-22.1 ± 0.3	5038–4799
—“—	NA-2019-1253	LTL19693A	5967 ± 45	-21.2 ± 0.4	4959–4725
—“—	NB 2019- 2278	LTL19696A	5951 ± 45	-30.8 ± 0.6	4941–4722
—“—	NB-2017-2095	LTL17636A	5956 ± 45	-25.9 ± 0.5	4945–4722
—“—	NA-2019-1258	LTL19896A	5965 ± 45	-14.8 ± 0.6	4955–4725
—“—	NA-2018-1165	LTL18624A	5724 ± 45	-20.3 ± 0.1	4686–4464
—“—	NA-2018-1179	LTL18625A	5777 ± 40	-23.1 ± 0.5	4720–4529
Бюловкая	Bulovkaya 2021	LTL21697	5611 ± 45	-24.5 ± 0.5	4508–4353
Учан-Агыл	Uçan Agıl 2019	LTL19813A	5949 ± 45	-19.4 ± 0.1	4941–4721
Учан-Агыл	Uçan Agıl 15-2019	LTL16009A	5713 ± 45	-23.4 ± 0.4	4690–4450
Узуноба	Uzunoba 15-2010	LTL16019A	5674 ± 45	-20.3 ± 0.5	4620–4370

2.5 м. Во время раскопок выявлены простые и расписные керамические изделия эпохи энеолита. Анализ угля, взятого из нижнего слоя, позволяет датировать поселение серединой — второй половиной V тыс. до н.э. (табл. 1).

Таким образом, поселения, открытые в 2010–2021 гг., датируются концом VI тыс. — первой половиной и серединой V тыс. до н.э. Эти поселения, а в особенности обнаруженные здесь керамические изделия, имеют своеобразные характеристики, отличающие их от позднеэнеолитических поселений, и восполняют разрыв между поздним неолитом и поздним энеолитом. Отметим, что места расположения этих поселений благоприятны для оседлого и полукочевого образа жизни.

Археологические материалы этих поселений в основном состоят из обсидиановых и керамических изделий, а также из остеологических остатков.

Керамика — наиболее массовый материал. В керамической коллекции Нахчыван Тепе выделяется семь групп. К первой группе относится простая (30%), ко второй — красноокрашенная (20%), к третьей — тисненая (30%), к четвертой — расписная (10%) керамика; к пятой — керамика с гребенчатым (6%), к шестой — с ушковидным (3%), к седьмой — с рельефным (1%) орнаментом. В керамических коллекциях

поселений Учан Агыл, Бюловкая и Узуноба такое разнообразие не наблюдалось. Здесь абсолютно преобладала простая керамика; отмечены единичные фрагменты с нарезным и рельефным, но отсутствовали экземпляры с тисненым орнаментом. Расписная посуда в поселении Узуноба представлена двумя образцами, в поселении Бюловкая доля расписных фрагментов составляет около 20%.

Керамические изделия, которые связаны с культурами Ближнего Востока, можно разделить на две группы. К первой группе относится простая, а ко второй — расписная керамика.

Простая керамика. Как сказано выше, простая (неорнаментированная) керамика среди общего числа керамических изделий таких памятников, как Нахчыван Тепе и Учан Агыл, составляет большинство. Она изготовлена из глины с примесью рубленой соломы и в основном подвергалась обжигу в окислительной среде. Простая (неорнаментированная) посуда, связанная с культурами Ближнего Востока, представлена единичными экземплярами разнообразных мисок. Миски первого типа имеют закрытую округлую форму без выделенного венчика (рис. 3, 1). Они происходят из нижнего слоя Нахчыван Тепе. Более древние экземпляры сосудов подобного типа известны из неолитического слоя поселения Кюльтепе I

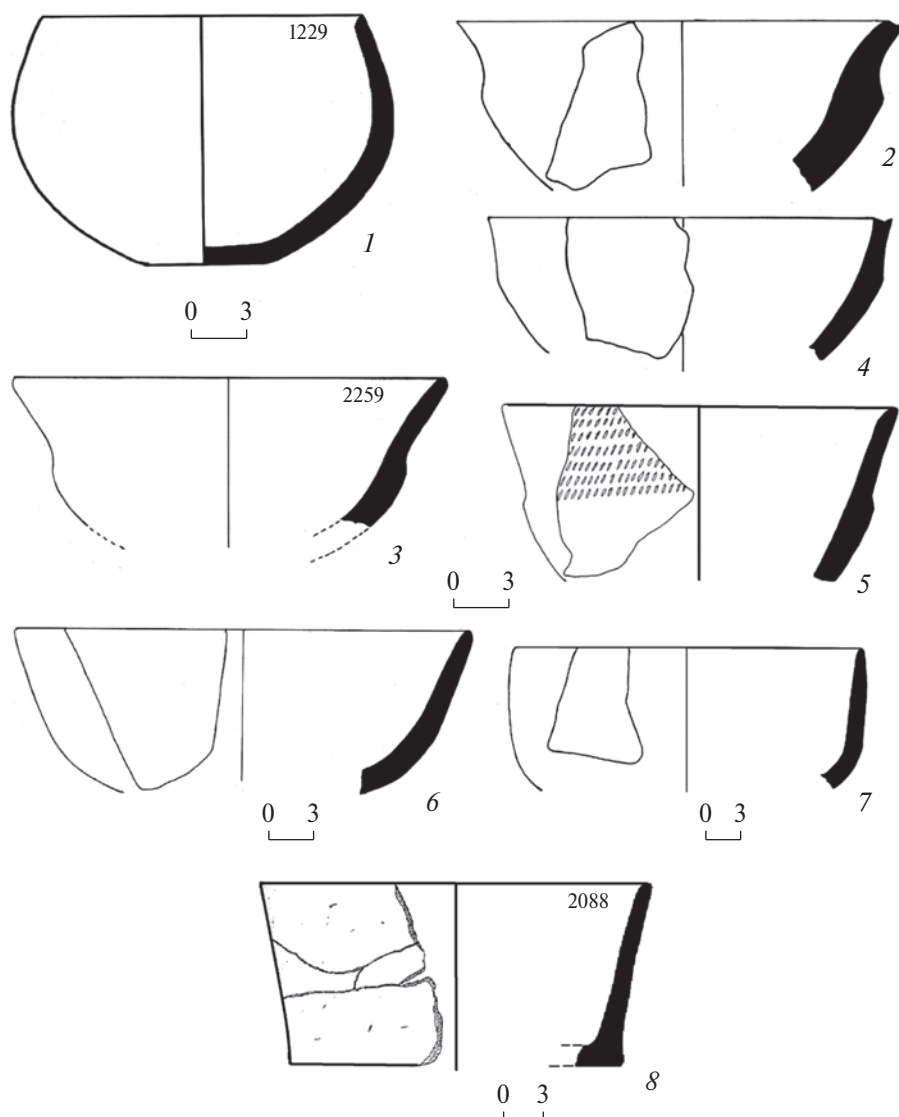

Рис. 3. Миски: 1, 8 – Нахчыван Тепе; 2–7 – Бюловкая.

Fig. 3. Bowls: 1, 8 – Nakhchivan Tepe; 2–7 – Bulovkaya

(Бахшалиев, 2022. Рис. 6, 2), Ярымтепе I (Merpert, Munchaev, 1987. Fig. 6, 4), Саби-Абьяд (Akkermans 1989, Fig. IV.16, 120) и Умм Дабагия (Kirkbride, 1972. Pl. XIII, d); они распространены и в раннем энеолите. Эти сосуды также типичны для культуры Далма Тепе (Hamlin, 1975): они хорошо известны из поселения Далма Тепе (Hamlin, 1975. Fig. 4; 5, A, B) и из убейдского слоя Телль Арпачия (Mallowan, Cruikshank, 1935. Fig. 28, 1; 31, 1).

Миски второго типа известны из поселений Нахчыван Тепе и Бюловкая (рис. 3, 2–5). Это открытые слабопрофилированные сосуды типа *cream-bowls*. Подобные сосуды до сих пор в памятниках Южного Кавказа не выявлялись,

в основном они характерны для памятников Ближнего Востока. Они впервые появляются в период среднего Халафа (Hijara, 1997. P. 27–37), но мы думаем, что прототипами подобных сосудов были миски из раннего халафского слоя Саби-Абьяд (Akkermans 1987. Fig. 4, 10; 1989. Fig. IV. 28, 204). Такая посуда распространена также и в позднем периоде халафской культуры. Миски этого типа хорошо известны из памятников Ближнего Востока, они найдены в халафском слое поселений Телль Арпачия (Mallowan, Cruikshank, 1935. Fig. 54, 4), Ярымтепе II (Amirov, 2018. Fig. 7, 1, 3; Merpert, Munchaev, 1987. Fig. 19, 3, 4), Телль-Араб (Davidson, Watkins, 1981. Fig. 2, 4), Телль Халаф (Tekin, 2018. Resim 8), Тепеджик (Esin, Arsebuk, 1974. S. 121) и Тюлентепе

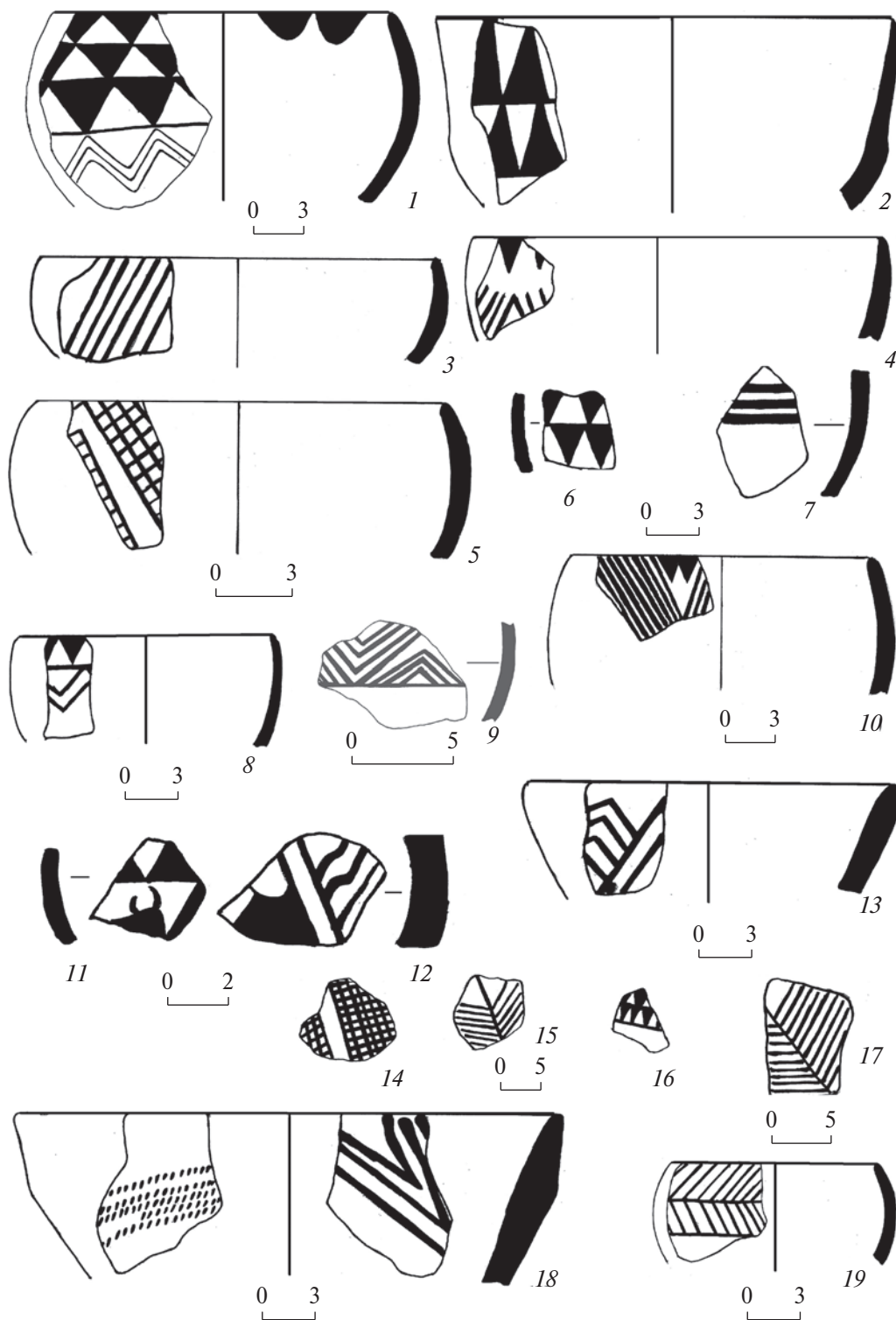

Рис. 4. Расписная керамика из поселения Бюловкая.

Fig. 4. Painted ceramics from the settlement of Bulovkaya

(Esin, Arsebuk, 1982. S. 91). По мнению исследователей, в халафских поселениях подобные сосуды составляют 5% керамики (Hijjara, 1997. P. 25). Отметим, что миска из поселения Нахчыван Тепе

была найдена среди отложений, датирующихся 4941–4722 CalBC (Бахшалиев Э., Бахшалиев В., 2021. С. 187), а для поселения Бюловкая имеется дата 4508–4353 CalBC (табл. 1).

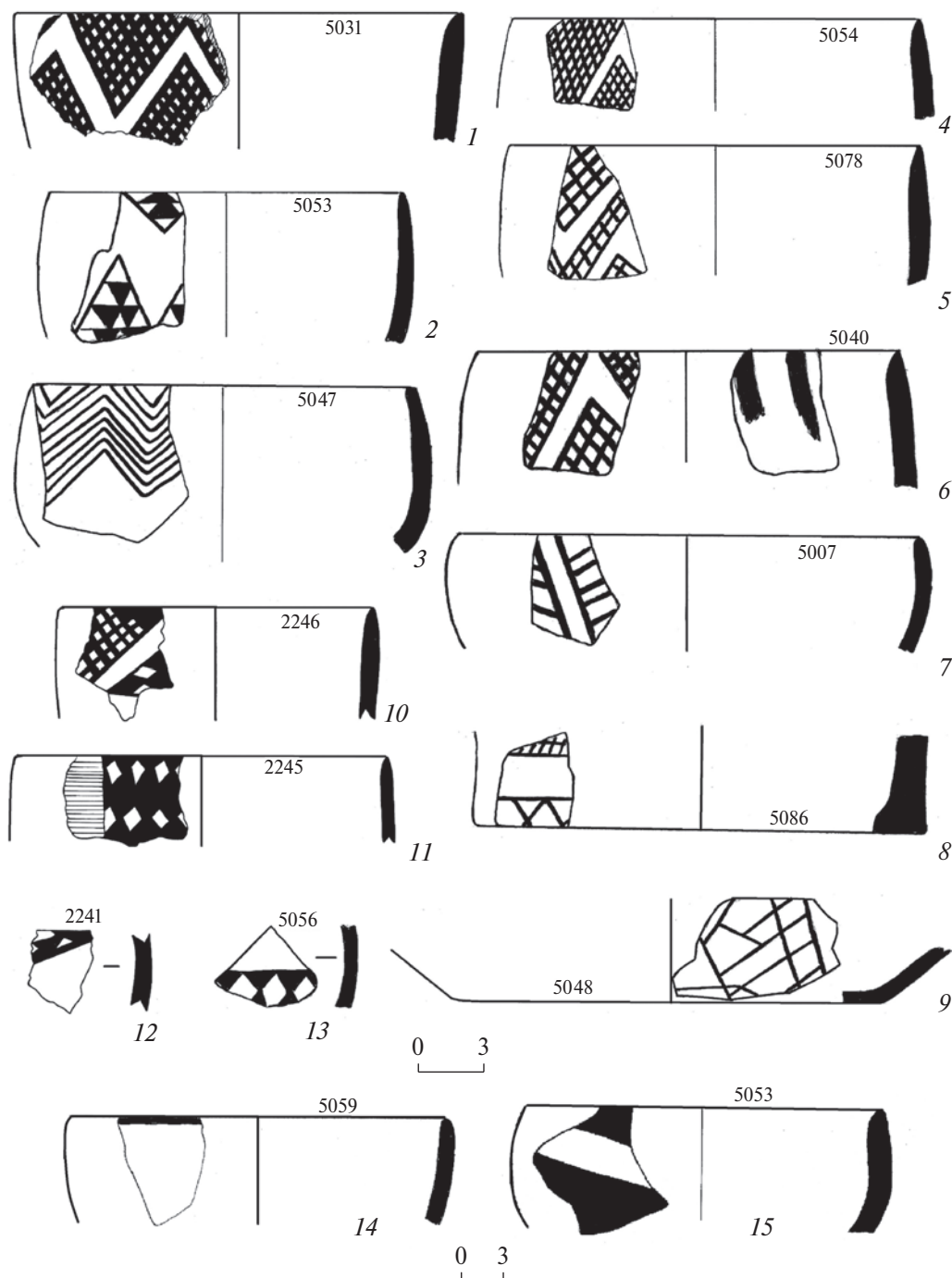

Рис. 5. Расписная керамика из поселения Нахчыван Тепе.

Fig. 5. Painted ceramics from the settlement of Nakhchivan Tepe

Миски третьего типа, имеющие открытую округленную форму (рис. 3, 6, 7), хорошо известны из поселений Ближнего Востока убейдского периода. Подобные миски выявлены в поселении Телль-Агаб (Davidson, Watkins, 1981. Fig. 2, 5) и в Убейдском слое поселения Телль-Арпачия (Mallowan, Cruikshank, 1935. Fig. 27, 28).

К четвертому типу относятся открытые прямостенные миски с плоским дном (рис. 3, 8). Подобный тип сосудов хорошо известен из памятников эпохи неолита. Они были найдены в поселениях Кюльтепе I (Бахшалиев, 2022. Рис. 7, 5, 6), Акнашен-Хатунарх (Badalyan et al., 2010. Fig. 9, 6) и Хаджи-Фируз (Voigt, 1983.

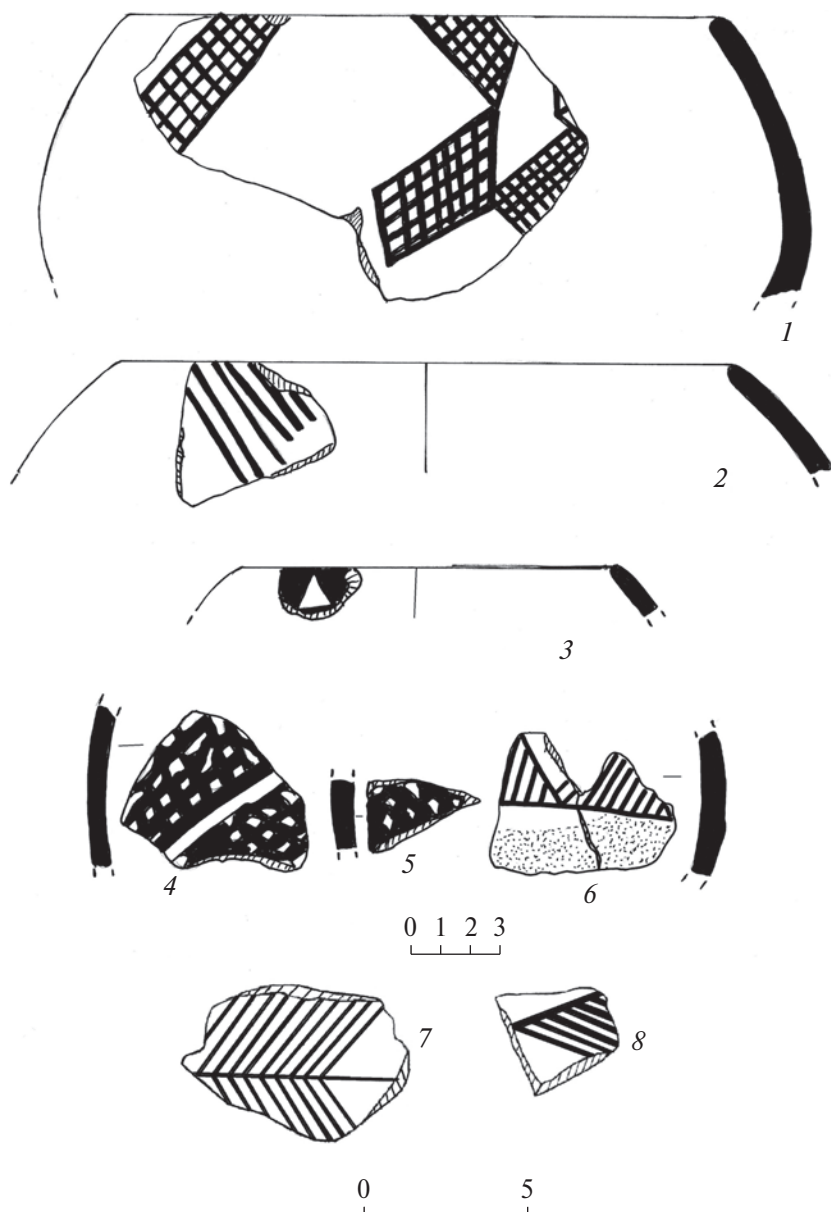

Рис. 6. Расписная керамика из поселений Учан Агыл (1–6) и Узуноба (7, 8).

Fig. 6. Painted ceramics from the settlements of Uçan Ağıl (1–6) and Uzunoba (7, 8)

Fig. 79). Подобные сосуды также хорошо известны из поселения Нахчыван Тепе (Baхşəliyev et al., 2019. Fig. 45, 3). Расписные образцы подобных мисок известны также из Саби-Абяд (Akkermans, 1987. Fig. 5, 11–15), Ярымтепе II (Amirov, 2018. Fig. 7, 11) и других памятников. При этом следует отметить, что миски второго типа, которые не характерны для культур неолита и энеолита Южного Кавказа, как и для культуры Далма Тепе, могут считаться импортными изделиями. А прочие, по нашему мнению, изготовлены на месте в подражание экземплярам с Ближнего Востока. Можно сказать,

что вышеуказанные экземпляры простой керамики энеолитических памятников Нахчывана хорошо перекликаются с аналогичными сосудами Ближнего Востока. Аналогичное явление прослеживается также на расписной керамике.

Расписная керамика, выявленная в поселениях Нахчыван Тепе, Учан Агыл, Бюловкая и Узуноба, как по форме, так и по орнаментальным мотивам близка аналогичным сосудам культуры Далма Тепе. Расписная керамика в основном изготовлена из глины с примесью рубленой соломой и обожжена в разных оттенках красного

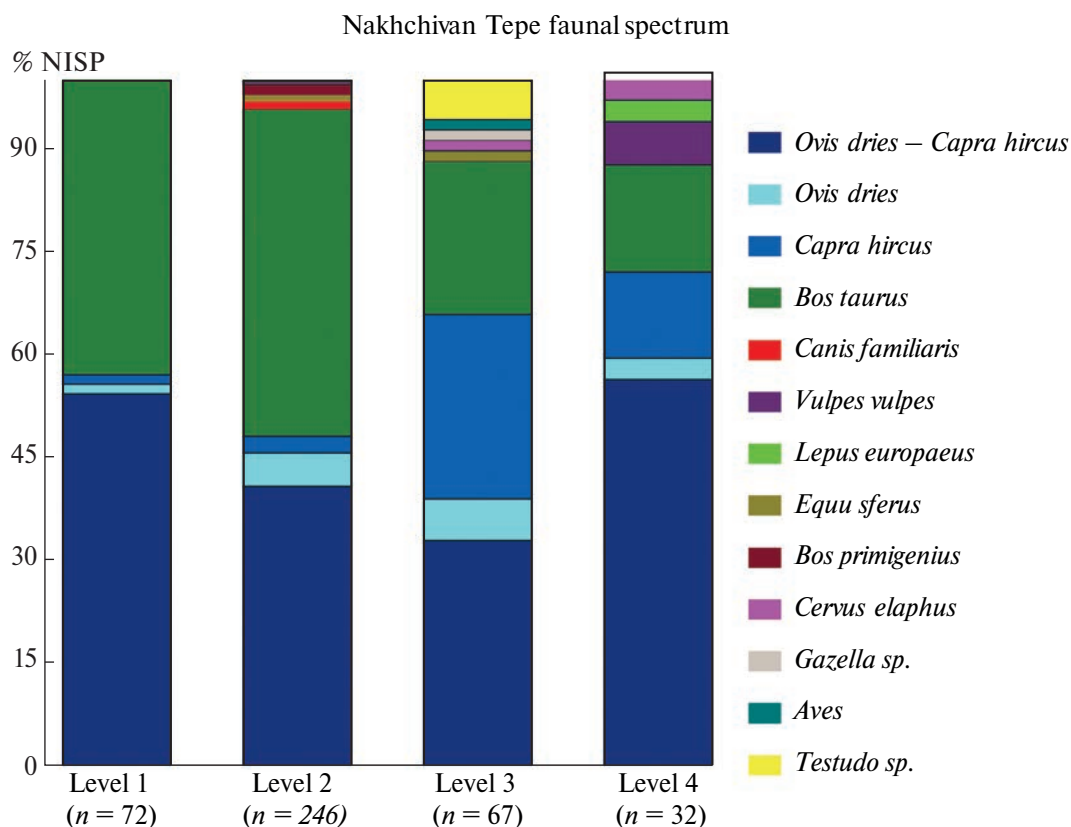

Рис. 7. Результаты анализа зоологических материалов из поселения Нахчыван Тепе (предварительные данные предоставлены Р. Бертон и О. Ожедиран).

Fig. 7. Results of zoological analyses from the settlement of Nakhchivan Tepe (preliminary data provided by Rémi Berthon and Olumide Ojediran)

цвета. Однако некоторые экземпляры из поселений Бюловкая и Нахчыван Тепе изготовлены из слабозапесоченной глины с примесью песка или же из глины без видимых естественных примесей (Вахшәлиев и др. 2018. S. 19). При этом некоторые экземпляры из Бюловкая (2 экз.) и Нахчыван Тепе по форме, качественному обжигу, технике изготовления, по цвету и мотивам орнамента отличаются от остальных керамических изделий (рис. 4, 2, 9; рис. 5, 2, 5, 7, 8, 9, 13) и, возможно, привезены с Ближнего Востока.

Керамические изделия из поселения Бюловкая представлены разнообразными мисками. Одна из мисок по форме напоминает миски эпохи среднего Халафа (рис. 4, 2).

Орнаментация других керамических изделий очень разнообразна (рис. 4–6), при этом большинство сосудов имеют геометрическую орнаментацию. Характерны сетчатые треугольники (рис. 5, 1, 4–6), смежные ромбы (рис. 5, 11; 6, 1), треугольники, расположенные друг

над другом (рис. 4, 1, 2, 6; 5, 2, 12, 13; 6, 3). Подобная орнаментация известна из Нахчыван Тепе (Вахшәлиев et al., 2018. Şəkil 46, 4), Бюловкая (Бахшалиев, 2020. Рис. 1, 2) и Учан-Агыл (Вахшәлиев, Вахшәлиев, 2020. Şəkil 2, 3). Представлена также орнаментация в виде сетчатых, прямых и колосообразных полос (рис. 4, 5, 14–19; 5, 1, 4–6; 6, 1, 4, 7, 8). Встречаются также зооморфные мотивы (рис. 4, 11, 12). Подобные орнаменты хорошо известны из поселения Далма Тепе (Hamlin, 1975. Fig. 4, D; 7, A) и других энеолитических поселений северо-западного Ирана (Henrikson, 1983. Fig. 68, 40.2, 40.3).

Исследования показывают, что более древние экземпляры с подобной орнаментацией известны также из неолитических памятников Ближнего Востока. Например, смежные треугольники, расположенные друг над другом, имеются на керамике поселения Хассуна (Lloyd, Safar, Braidwood, 1945. Fig. 12, 13) и в самаррской керамической традиции (Tekin, 2015. Fig. 13). Древние экземпляры керамических изделий

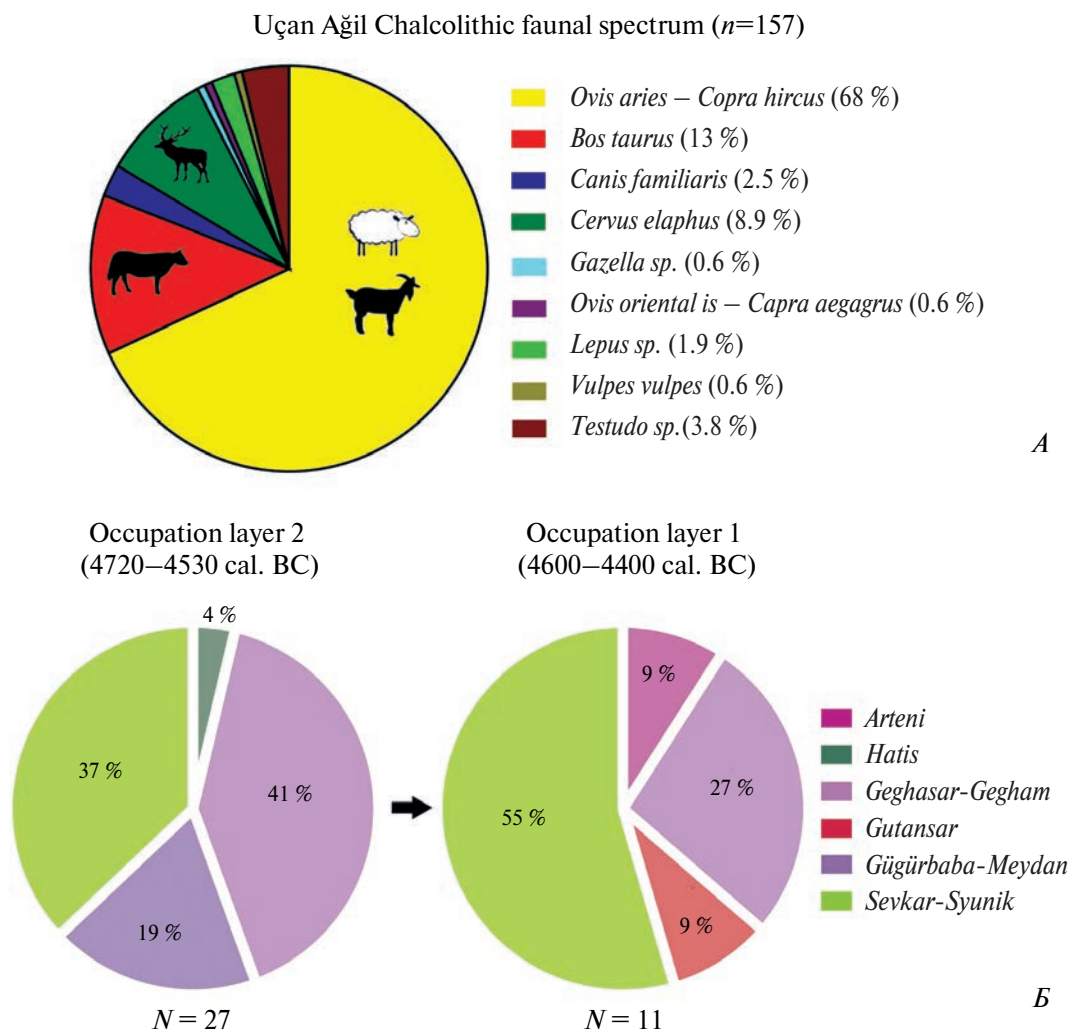

Рис. 8. Результаты анализа зоологических материалов из поселения Учан Агыл (предварительные данные предоставлены Р. Бертоном и Д. Декруенар) (А) и анализа обсидиана из поселения Нахчыван Тепе (по М. Оранж) (Б).
Fig. 8. Results of zoological analyses from the settlement of Uçan Ağıl (preliminary data provided by Rémi Berthon and Delphine Decruyenaere) (A) and analyses of obsidian from the settlement of Nakhchivan Tepe (by Marie Orange) (B)

с колосообразным орнаментом также найдены в неолитических памятниках, однако они хорошо известны и из поселений энеолита. Поэтому можно сказать, что формы и орнаментальные мотивы энеолитической керамики Нахчывана развивались на базе орнаментальных мотивов Ближнего Востока. Исследования показывают, что среди керамических изделий культуры Далма Тепе, которая распространена на территории Нахчывана, существуют привозные изделия. Это подтверждается как простыми, так и расписными керамическими изделиями.

Скотоводство и охота. Ботанические остатки в этих поселениях пока не выявлены. Osteo-логические же остатки поселений Узуноба и Бюловкая не изучены должным образом.

Исследования костей животных из поселения Нахчыван Тепе¹ показывают, что их жители в основном разводили мелкий (*Ovis aries*, *Capra hircus*) и крупный рогатый скот (*Bos taurus*) (Бахşəliyəv et al., 2018. S. 21). Отметим, что в нижних слоях поселения Нахчыван Тепе преобладают кости мелкого рогатого скота, а в верхних слоях увеличивается процент крупного рогатого скота (рис. 7). Обнаружены также остатки костей собаки (*Canis familiaris*). В хозяйстве жителей Нахчыван Тепе определенное место занимала также охота. Жители охотились на зайцев (*Lepus europaeus*), газелей (*Gazella sp.*), диких лошадей (*Equus ferus*), диких быков (*Bos*

¹ Кости животных из Нахчыван Тепе изучены зоологом Р. Бертоном.

primigenius) и оленей (*Cervus elaphus*). Исследования остеологических остатков поселения Учан Агыл показывают, что здесь также занимались скотоводством, основное место в котором занимал мелкий (*Ovis aries*, *Capra hircus*) и крупный (*Bos taurus*) рогатый скот, с преобладанием первого (рис. 8, 1). Поселенцы Учан Агыл охотились на оленей (*Cervus elaphus*), газелей (*Gazella sp.*), зайцев (*Lepus sp.*), муфлонов (*Ovis orientalis*) и безоаровых козлов (*Capra aegagrus*).

Полезные ископаемые. Как известно, Южный Кавказ богат различными полезными ископаемыми, в том числе медью и обсидианом. В поселениях Нахчывана, которые датируются первой половиной V тыс. до н.э., предметы, изготовленные из меди, встречаются очень редко. Однако находки орудий горного дела показывают, что в хозяйстве древних поселенцев Нахчывана определенное место занимали также добыча и обработка меди. В поселении Нахчыван Тепе найден каменный топор со следами меди, а в Учан Агыл обнаружены орудия горного дела, поврежденные во время работы. Добыча и обработка меди на территории Нахчывана была освоена в эпоху неолита (Бахшалиев, 2022. С. 143). Медные изделия в большом количестве выявлены в позднеэнеолитических поселениях (Marro, Bakhchaliyev, Ashurov 2011. Р. 69–71). В поселении Овчулартепеси найдено более 200 медных и бронзовых изделий (Мәтмәдов, 2021. S. 20). Однако в первой половине V тыс. до н.э. обсидиановые орудия сохраняли господствующее место в хозяйственном инвентаре древних поселенцев. Поэтому добыча и доставка обсидиана являлись, по-видимому, одними из основных занятий. Исследования археологических памятников показывают, что, начиная с эпохи неолита, использование обсидиановых ресурсов, расположенных в Зангезуре и бассейне оз. Севан, занимало основное место в хозяйстве неолитических поселенцев Нахчывана и не потеряло своего значения и в энеолите (Бахшалиев, 2022. С. 144, 145). На Ближнем Востоке в эпоху неолита в основном использовались обсидиановые ресурсы Восточной Анатолии. Сюда, начиная с конца VI тыс. до н.э., проникал и кавказский обсидиан (Barge et al., 2018. Р. 310, 311). Исследования показывают, что в период Далма Тепе в памятниках Северо-Западного Ирана преобладают изделия, изготовленные из обсидиана месторождений Зангезура

и Гекхасара (Abedi, Varoutsikov, Chataigner, 2018. С. 763). Это наблюдается и на поселении Нахчыван Тепе² (табл. 2; рис. 8, 2). Однако в середине и во второй половине V тыс. до н.э. в таких энеолитических памятниках долины рек Нахчыванчай и Сирабчай, как Учан-Агыл, Бюловкая и Зиринджли, доминировали обсидианы из Зангезура. В памятниках бассейна Урмии 95% (Khademi et al., 2013. Р. 1956–1965), а в поселении Аликемектепеси 85% обсидиана поступало из Зангезура (Бадалян, Кикодзе, Коль, 1996. С. 258).

Таблица 2. Поселение Нахчыван Тепе. Источники сырья обнаруженных обсидиановых изделий

Table 2. The settlement of Nakhchivan Tepe. Sources of raw materials for discovered obsidian items

Ресурсы	Число анализов
Артени	12
Гекхасар	38
Гутансар	17
Хатис	5
Мейдандаг	21
Сюник	86
Сарыкамыш	2
Всего	181

Таким образом, связи с Ближним Востоком, которые начались в эпоху неолита, продолжались и на протяжении энеолитического времени. Исследование энеолитических памятников Нахчывана показывает, что связи с Ближним Востоком стали более интенсивными в первой половине и середине V тыс. до н.э. Несомненно, этим связям способствовали богатые залежи обсидиана и меди на территории Южного Кавказа. Однако до конца не выяснено, как конкретно осуществлялись эти культурно-экономические контакты. По поводу формирования и распространения культуры Далма Тепе были высказаны различные мнения, учитывающие торговлю, обмен, перемещение материальных благ, миграции населения, распространение инокультурных особенностей (Tonoike, 2012. Р. 65–80). Особое внимание привлекает точка зрения исследователей, предполагавших, что переселенцы из районов Ближнего Востока

² Обсидианы из Нахчыван Тепе, Учан Агыл, Узуноба и Бюловкая изучены М. Оранж.

создавали отдельные колонии (Özfirat, Marro, 2007), способствовавшие развитию культурно-экономических связей. Поселение Тилки-тепе в бассейне оз. Ван, отмеченное расписной керамикой халафского облика, считается одной из таких колоний. Думаем, что нечто подобное имело место и на Южном Кавказе. При этом поселение Нахчыван Тепе являлось одним из опорных пунктов или, другими словами, колонией племен культуры Далма Тепе и, несомненно, играло важную роль в переносе культурных традиций Ближнего Востока в регион Южного Кавказа. Находки керамики с тисненым и расписным орнаментом в поселении Учан Агыл (Бахшалиев, 2022, Şəkil 2) и Годедзор (Chataigner et al., 2010. P. 397, 398. Fig. 23, 6) говорят о северном векторе влияния культуры Далма Тепе. Об этом свидетельствует также расписная керамика поселения Годедзор, которую исследователи связывают с убейдской традицией (Chataigner et al., 2010. P. 395. Fig. 23, 3, b). В материалах поселений Нахчывана также прослеживаются традиции культур Халафа и Убейда³. Отметим, что в энеолитических памятниках Нахчывана, которые датируются второй половиной V тыс. до н.э., керамика с тисненым орнаментом не выявлена. Подобная керамика не обнаружена также в поселениях Бюловкая и Узуноба. Как мы уже сказали, в поселении Учан-Агыл керамика, украшенная тисненым орнаментом, найдена в небольшом количестве. Это же мы наблюдаем и в памятниках северо-западного Ирана. Несмотря на то что нижний слой поселения Джульфа-Кюльтепе исследователями отнесен к культуре Далма Тепе, здесь керамика, украшенная тисненым орнаментом, отсутствует. Нижний слой этого поселения датируется 4600–4350 CalBC (Abedi et al., 2014. P. 54, 55). Следует отметить, что по поводу датировки культуры Далма Тепе высказывались очень разные мнения. Некоторые исследователи появление этой культуры относили ко второй половине V тысячелетия до н.э. (Zeynivand, Haririan, Heydarian, 2013. S. 39), а работы последних лет на поселении Тепе Кешлак позволяют сказать, что культура Далма Тепе в начале V тысячелетия до н.э. уже присутствовала

в иранском регионе Хамадан (Sharifi, Motarjem, 2018. С. 88). Расписная керамика, обнаруженная в нижнем слое поселения Далма Тепе, связана с влиянием культур Халафа и Убейда. Отсутствие тисненой керамики в памятниках второй половины V тыс. до н.э., по-видимому, свидетельствует о появлении новых культурных традиций на стыке культур Южного Кавказа и Ближнего Востока. Здесь происходили сложные процессы, которые способствовали развитию своеобразных культур. А присутствие традиций Халафа и Убейда в таких памятниках, как Учан-Агыл, Бюловкая и Узуноба, говорит о том, что связи с Ближним Востоком продолжались и в этот период. Возможно, что Нахчыван Тепе и Бюловкая являлись опорными пунктами, колониями пришельцев с сопредельных территорий Ближнего Востока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахундов Т. Неолит Южного Кавказа // *Antiquities of East Europe, South Asia and South Siberia in the Context of Connections and Interactions within the Eurasian Cultural Space (new data and concepts): proceedings of the international conference (St. Petersburg, november 18–22, 2019)*. St. Petersburg, 2019. С. 97–100.
- Бадалян Р.С., Кикодзе З.К., Коль Ф.Л. Кавказский обсидаан: источники и модели утилизации и снабжения (Результаты анализов нейтронной активации) // *Историко-филологический журнал*. 1996. № 1–2. С. 245–264.
- Бахшалиев В. Археологические раскопки на поселении Кюльтепе I // *Российская археология*. 2022. № 1. С. 139–152.
- Бахшалиев Э., Бахшалиев В. Неолитический слой поселения Нахчыван Тепе // *Российская археология*. 2021. № 2. С. 187–197.
- Бахшалиев Э. Связи культур периода среднего энеолита Нахичевани со Средним Востоком // *Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ): материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения д-ра ист. наук А.М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения д-ра ист. наук И.Н. Хлопина (10–12 ноября 2020 г., Санкт-Петербург)*. СПб.: ИИМК РАН, 2020. С. 44–46.
- Массон В.М. Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л.: Наука, 1964. 468 с.
- Abedi A., Khatib Shahidi H., Chataigner Ch., Niknami K., Eskandari N., Kazempour M., Pirmohammadi A., Hoseinzadeh, J., Ebrahimi Gh. Excavation at Kul Tepe of (Jolfa), North-Western Iran, 2010: First Preliminary

³ Этот феномен прослеживается также в поселении Аликемектепеси. Большое количество расписной керамики поселения исследователями связывается с влиянием убейдской культуры (Alməmmədov, 2008. S. 28).

- Report // *Ancient Near Eastern Studies*. 2014. № 51. P. 33–167.
- Abedi A., Varoutsikov B., Chataigner Ch.* Provenance of obsidian artifacts from the Chalcolithic site of Dava Göz in NW Iran using portable XRF // *Journal of Archaeological Science Reports*. 2018. Vol. 20. P. 756–767.
- Akkermans P.* A Late Neolithic and Early Halaf Village at Sabi Abyad, Northern Syria // *Paléorient*. 1987. Vol. 13, № 1. P. 23–40.
- Akkermans P.* The Prehistoric Pottery of Tell Sabi Abyad // *Excavations at Tell Sabi Abyad. Prehistoric investigations in the Balikh Valley, northern Syria*. Oxford, 1989. P. 77–214.
- Alməmmədov X.İ.* Azərbaycanca eneolit dövrünün mədəni-iqtisadi əlaqələrinin öyrənilməsində boyalı və byanaxışlı keramikanın əhəmiyyəti // *Azərbaycan arxeologiyası və Etnoqrafiyası*. 2008. № 1. S. 27–35.
- Amirov Sh.* The Morphology of Halafian Painted Pottery from Yarim Tepe II, and The Process of Ubaidian Acculturation // *II Workshop on Late Neolithic Ceramics in Ancient Mesopotamia: Pottery in Context*. Barcelona: Museu d'Arqueologia de Catalunya, 2018. P. 15–24. (Monografies del MAC; 1).
- Barge O., Azizi Kharanaghi H., Biglari F., Moradi B., Mashkour M., Tengberg M., Chataigner Ch.* Diffusion of Anatolian and Caucasian obsidian in the Zagros Mountains and the highlands of Iran: Elements of explanation in 'least cost path' models // *Quaternary International*. 2018. 467. P. 297–322.
- Badalyan R., Harutyunyan A., Chataigner Ch., Le Mort F., Brochier J., Balasescu A., Radu V., Hovsepyan R.* The Settlement of Akhnashen-Khatunarkh, A Neolithic Site in the Ararat Plain (Armenia): Excavation Results 2004–2009 // *TUBA-AR (Türkiye Bilimler Akademisi Arkeoloji Dergisi)*. 2010. 13. P. 185–218.
- Baxşəliyev V.* Uçan Ağılda arxeoloji araşdırmalar // *Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası Naxçıvan Bölməsi Elmi əsərləri*. 2022. № 3. S. 81–89.
- Baxşəliyev V., Quliyeva Z., Baxşəliyev E., Həşimova T., Mehbalıyev K.* Naxçıvantəpəyaşayış yerində arxeoloji tədqiqatlar. Naxçıvan: Əcəmi, 2018. 264 s.
- Baxşəliyev V., Quliyeva Z., Baxşəliyev E., Həşimova T., Mehbalıyev K.* Naxçıvantəpədə 2018-ci ilin arxeoloji tədqiqatları. Naxçıvan: Əcəmi, 2019. 136 s.
- Baxşəliyev V., Baxşəliyev E.* Naxçıvanın Orta Eneolit dövrü mədəniyyəti // *Naxçıvan Universitetinin Elmi Əsərləri*. 2020. № 4. S. 134–143.
- Chataigner C., Avetisyan P., Palumbi G., Uerpmann H.-P., Godedzor.* A Late Ubaid-related Settlement in the Southern Caucasus // *Beyond the Ubaid transformation and integration in the late Prehistoric societies of the Middle East: Papers from the Ubaid expansion? Conference held at Durham, 20–22 april 2006* / Eds. R.A. Carter, G. Philip. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 2010. P. 391–409.
- Davidson T.E., Watkins T.* Two Seasons of Excavation at Tell Aqab in the Jezirah, N.E. Syria // *Iraq*. 1981. Vol. 43, № 1. P. 1–18.
- Hamlin C.* Dalma Tepe // *Iran*. 1975. 13. P. 111–127.
- Henrickson E.F.* Ceramic styles and cultural interaction in the Early and Middle Chalcolithic of the Central Zagros, İran: A Thesis submitted in conformity with the requirements for the degree of Doctor of philosophy in the University of Toronto. Toronto, 1983. 840 p.
- Hijara I.* The Halaf period in northern Mesopotamia. London: Nabu Publications, 1997. 114 p.
- Esin U., Arsebuk G.* Tepecik ve Tülintepkazısı 1971 // *Ankara: Keban Projesi 1971 Çalışmaları*. Ankara, 1974. S. 111–159.
- Esin U., Arsebük G.* Tülintepe kazısı 1974 // *Ankara: Keban Projesi 1974–1975 Çalışmaları*. Ankara, 1982. S. 119–134.
- Khademi F., Abedi A., Glascock M.D., Eskandari N., Khazae M.* Provenance of prehistoric obsidian artifacts from Kul Tepe, Northwestern Iran using X-ray fluorescence (XRF) analysis // *Journal of Archaeological Science*. 2013. Vol. 40, iss. 4. P. 1956–1965.
- Kirkbride D.* Umm Dabaghiyah 1971: A Preliminary Report. An Early Ceramic Farming Settlement in Marginal North Central Jazira, Iraq // *Iraq*. 1972. Vol. 34, № 1. P. 3–15.
- Lloyd S., Safar F., Braidwood R.* Tell Hassuna Excavations by the Iraq Government Directorate General of Antiquities in 1943 and 1944 // *Journal of Near Eastern Studies*. 1945. Vol. 4, № 4. P. 255–289.
- Mallowan M.E.L., Cruikshank J.R.* Excavations at Tall Arpachiyah, 1933 // *Iraq*. 1935. Vol. 2, № 1. P. 1–178.
- Marro C., Bakhshaliyev V.* What does the camp site of Uçan Ağıl tell us about the Early Chalcolithic period in Nakhchivan? // *Crises, Collapse and Change in the Occupation Patterns of the Caucasus during the Holocene: Environmental and Human Factors*. Paris, 2021. P. 14.
- Marro C., Bakhchaliyev V., Ashurov S.* Excavation at Ovçulartepesi (Nakhchivan, Azerbaijan). Second Preliminary Report: The 2009–2010 Seasons // *Anatolia Antiqua*. 2011. XIX. P. 53–100.
- Məmmədov E.M.* Azərbaycanın Şərur rayonunun Eneolit və Tunc dövrü abidələri. Naxçıvan: Tusi, 2021. 29 s.
- Merpert N.Y., Munchaev R.M.* The Earliest Levels at Yarim Tepe I and Yarim Tepe II in Northern // *Iraq*. 1987. Vol. 49. P. 1–36.
- Özfirat A., Marro C.* 2004 Yılı Van, Ağrı ve İqdır İlleri Yüzey Araştırması // *Türk Arkeoloji ve Etnografia Dergisi*. 2007. 7. S. 1–20.
- Sharifi M., Motarjem A.* The process of cultural change in the Chalcolithic period in the highlands of Western Iran at Tepe Gheshlagh // *Documenta Praehistorica*. 2018. XLV. P. 86–99.
- Tekin H.* Yukari Mezopotamya'nın İlk Boyalı Çanak-Çömlekleri: Hassuna, Samarra Ve Halaf Yeni Yorumlar

- ve Yaklaşımlar. Bölüm 1: Hassuna ve Samarra // Olba. XXIII. Mersin, 2015. S. 1–57.
- Tekin H.* Halaf: Mezopotamya'nın "gizemli" neolitik seramiği // *Azərbaycan Arxeologiyası*. 2018. Cild 21, № 1. S. 55–69.
- Tonoike Y.* Petrographic Analysis of the 6th Millennium B.C. Dalma Ceramics from Northwestern and Central Zagros // *Iranian Journal of Archaeological Studies*. 2012. 2, 2. P. 65–80.
- Voigt M.M.* Hajji Firuz Tepe, Iran: The Neolithic Settlement. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1983. 396 p.
- Zeynivand M., Haririan H., Heydarian M.* The Dalma Settlements of Songhor and Koliyaei Plains, Central Zagros // *Iranian Journal of Archaeological Studies*. 2013. 3. P. 39–47.

NEW DATA ON THE CONNECTIONS OF ANCIENT SETTLERS OF NAKHCHIVAN WITH THE NEAR EAST

Veli Bakhshaliyev^{a, #}, Catherine Marro^{b, ##}, Remi Berthon^{c, ###} and Marie Orange^{d, ####}

^a*Nakhchivan Branch of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Nakhchivan, Azerbaijan*

^b*French National Centre for Scientific Research, Paris, France*

^c*National Museum of Natural History, Paris, France*

^d*University of Bordeaux, Bordeaux, France*

[#]*E-mail: velibakhshaliyev@mail.ru*

^{##}*E-mail: catherine.marro@mom.fr*

^{###}*E-mail: remi.berthon@mnhn.fr*

^{####}*E-mail: marie.orange@u-bordeaux-montaigne.fr*

Archaeological sites identified by studies of 2010–2021 on the territory of Nakhchivan made it possible to supply the gap between the Late Neolithic and Eneolithic Chalcolithic periods. The presence of ancient Eastern features – Halaf and Obeid ones – is noted in the materials of Nakhchivan Tepe, Uçan-Ağıl, Bulovkaya and Uzunoba. It can be assumed that the settlements of Nakhchivan Tepe and Bulovkaya were strongholds or colonies of newcomers – bearers of Middle Eastern cultural traditions.

Keywords: South Caucasus, Nakhchivan, Nakhchivan Tepe, Dalma Tepe, the Halaf culture.

REFERENCES

- Abedi A., Khatib Shahidi H., Chataigner Ch., Niknami K., Eskandari N., Kazempour M., Pirmohammadi A., Hoseinzadeh, J., Ebrahimi Gh.*, 2014. Excavation at Kul Tepe of (Jolfa), North-Western Iran, 2010: First Preliminary Report. *Ancient Near Eastern Studies*, 51, pp. 33–167.
- Abedi A., Varoutsikov B., Chataigner Ch.*, 2018. Provenance of obsidian artifacts from the Chalcolithic site of Dava Göz in NW Iran using portable XRF. *Journal of Archaeological Science Reports*, 20, pp. 756–767.
- Akhundov T.*, 2019. The Neolithic of the South Caucasus. *Antiquities of East Europe, South Asia and South Siberia in the Context of Connections and Interactions within the Eurasian Cultural Space (new data and concepts): proceedings of the international conference*. St. Petersburg, pp. 97–100. (In Russ.)
- Akkermans P.*, 1987. A Late Neolithic and Early Halaf Village at Sabi Abyad, Northern Syria. *Paléorient*, vol. 13, no. 1, pp. 23–40.
- Akkermans P.*, 1989. The Prehistoric Pottery of Tell Sabi Abyad. *Excavations at Tell Sabi Abyad. Prehistoric investigations in the Balikh Valley, northern Syria*. Oxford, pp. 77–214.
- Almammədov X.İ.*, 2008. Azərbaycanca eneolit dövrünün mədəni-iqtisadi əlaqələrinin öyrənilməsində boyalı və byanaxışlı keramikanın əhəmiyyəti. *Azərbaycan arxeologiyası və Etnoqrafiyası*, 1, pp. 27–35.
- Amirov Sh.*, 2018. The Morphology of Halafian Painted Pottery from Yarim Tepe II, and the Process of Ubaidian Acculturation. *II Workshop on Late Neolithic Ceramics in Ancient Mesopotamia: Pottery in Context. Barcelona: Museu d'Arqueologia de Catalunya*, pp. 15–24. (Monografies del MAC, 1).
- Badalyan R., Harutyunyan A., Chataigner Ch., Le Mort F., Brochier J., Balasescu A., Radu V., Hovsepyan R.*, 2010. The Settlement of Akhnashen-Khatunarkh, A Neolithic Site in the Ararat Plain (Armenia): Excavation Results 2004–2009. *TUBA-AR (Türkiye Bilimler Akademisi Arkeoloji Dergisi)*, 13, pp. 185–218.
- Badalyan R.S., Kikodze Z.K., Kol' F.L.*, 1996. Caucasian obsidian: sources and patterns of utilization and supply (Results of neutron activation analyses). *Istoriko-filologicheskii zhurnal [Patma-Banasirakan Handes (Historical-philological journal)]*, 1–2, pp. 245–264. (In Russ.)
- Bakhshaliyev E.*, 2020. Connections between the Nakhichevan Middle Eneolithic cultures and the Middle East. *Drevnie i srednevekovye kul'tury Tsentral'noy Azii (stanovlenie, razvitiye i vzaimodeystviye urbanizirovannykh i*

- skotovodcheskikh obshchestv): materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya doktora istoricheskikh nauk A.M. Mandel'shtama i 90-letiyu so dnya rozhdeniya doktora istoricheskikh nauk I.N. Khlopina [Ancient and medieval cultures of Central Asia (formation, development and interaction of urbanized and pastoralist societies): Proceedings of the International scientific conference to the 100th anniversary of Doctor of History A.M. Mandelshtam and the 90th anniversary of Doctor of History I.N. Khlopina]. St. Petersburg: Institut istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, pp. 44–46. (In Russ.)*
- Bakhshaliev E., Bakhshaliev V., 2021. The Neolithic layer of the Nakhchivan Tepe settlement. *Rossiyskaya arheologiya [Russian archaeology]*, 2, pp. 187–197. (In Russ.)
- Bakhshaliev V., 2022. Archaeological excavations at the settlement of Kültepe I. *Rossiyskaya arheologiya [Russian archaeology]*, 1, pp. 139–152. (In Russ.)
- Barge O., Azizi Kharanaghi H., Biglari F., Moradi B., Mashkour M., Tengberg M., Chataigner Ch., 2018. Diffusion of Anatolian and Caucasian obsidian in the Zagros Mountains and the highlands of Iran: Elements of explanation in 'least cost path' models. *Quaternary International*, 467, pp. 297–322.
- Baxşəliyev V., 2022. Uçan Ağıl da arxeoloji araşdırmalar. *Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası Naxçıvan Bölməsi Elmi əsərləri*, 3, pp. 81–89.
- Baxşəliyev V., Baxşəliyev E., 2020. Naxçıvanın Orta Eneolit dövrü mədəniyyəti. *Naxçıvan Universitetinin Elmi Əsərləri*, 4, pp. 134–143.
- Baxşəliyev V., Quliyeva Z., Baxşəliyev E., Həşimova T., Mehbalıyev K., 2018. Naxçıvantəpəyaşayış yerində arxeoloji tədqiqatlar. Naxçıvan: Əcəmi. 264 p.
- Baxşəliyev V., Quliyeva Z., Baxşəliyev E., Həşimova T., Mehbalıyev K., 2019. Naxçıvantəpədə 2018-ci ilin arxeoloji tədqiqatları. Naxçıvan: Əcəmi. 136 p.
- Chataigner C., Avetisyan P., Palumbi G., Uerpmann H.-P., 2010. Godedzor. A Late Ubaid-related Settlement in the Southern Caucasus. *Beyond the Ubaid transformation and integration in the late Prehistoric societies of the Middle East: Papers from the Ubaid expansion? Conference held at Durham, 20–22 april 2006*. R.A. Carter, G. Philip, eds. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, pp. 391–409.
- Davidson T.E., Watkins T., 1981. Two Seasons of Excavation at Tell Aqab in the Jezirah, N.E. Syria. *Iraq*, vol. 43, no. 1, pp. 1–18.
- Esin U., Arsebük G., 1974. Tepecik ve Tülin-tepe kazısı 1971. *Ankara: Keban Projesi 1971 Çalışmaları*. Ankara, pp. 111–159.
- Esin U., Arsebük G., 1982. Tülin-tepe kazısı 1974. *Ankara: Keban Projesi 1974–1975 Çalışmaları*. Ankara, pp. 119–134.
- Hamlin C., 1975. Dalma Tepe. *Iran*, 13, pp. 111–127.
- Henrickson E.F., 1983. Ceramic styles and cultural interaction in the Early and Middle Chalcolithic of the Central Zagros, İran: A Thesis submitted in conformity with the requirements for the degree of Doctor of philosophy in the University of Toronto. Toronto. 840 p.
- Hijara I., 1997. The Halaf period in northern Mesopotamia. London: Nabu Publications. 114 p.
- Khademi F., Abedi A., Glascock M.D., Eskandari N., Khazae M., 2013. Provenance of prehistoric obsidian artifacts from Kul Tepe, Northwestern Iran using X-ray fluorescence (XRF) analysis. *Journal of Archaeological Science*, vol. 40, iss. 4, pp. 1956–1965.
- Kirkbride D., 1972. Umm Dabaghiyah 1971: A Preliminary Report. An Early Ceramic Farming Settlement in Marginal North Central Jazira, Iraq. *Iraq*, vol. 34, no. 1, pp. 3–15.
- Lloyd S., Safar F., Braidwood R., 1945. Tell Hassuna Excavations by the Iraq Government Directorate General of Antiquities in 1943 and 1944. *Journal of Near Eastern Studies*, vol. 4, no. 4, pp. 255–289.
- Mallowan M.E.L., Cruikshank J.R., 1935. Excavations at Tall Arpachiyah, 1933. *Iraq*, vol. 2, no. 1, pp. 1–178.
- Marro C., Bakhshaliyev V., 2021. What does the camp site of Uçan Ağıl tell us about the Early Chalcolithic period in Nakhchivan? *Crises, Collapse and Change in the Occupation Patterns of the Caucasus during the Holocene: Environmental and Human Factors*. Paris, p. 14.
- Marro C., Bakhchaliyev V., Ashurov S., 2011. Excavation at Ovçulartepesi (Nakhchivan, Azerbaijan). Second Preliminary Report: The 2009–2010 Seasons. *Anatolia Antiqua*, XIX, pp. 53–100.
- Masson V.M., 1964. Srednyaya Aziya i Drevniy Vostok [Central Asia and the ancient Orient]. Moscow; Leningrad: Nauka. 468 p.
- Məmmədov E.M., 2021. Azərbaycanın Şərur rayonunun Eneolit və Tunc dövrü abidələri. Naxçıvan: Tusi. 29 p.
- Merpert N.Y., Munchaev R.M., 1987. The Earliest Levels at Yarim Tepe I and Yarim Tepe II in Northern Iraq. *Iraq*, 49, pp. 1–36.
- Özfarat A., Marro C., 2007. 2004 Yılı Van, Ağrı ve Iğdır İlleri Yüzey Araştırması. *Türk Arkeoloji ve Etnografya Dergisi*, 7, pp. 1–20.
- Sharifi M., Motarjem A., 2018. The process of cultural change in the Chalcolithic period in the highlands of Western Iran at Tepe Gheslagh. *Documenta Praehistorica*, XLV, pp. 86–99.
- Tekin H., 2015. Yukari Mezopotamya'nın İlk Boyalı Çanak-Çömlekleri: Hassuna, Samarra Ve Halaf Yeni Yorumlar ve Yaklaşımlar. Bölüm 1: Hassuna ve Samarra. *Olba*, XXIII. Mersin, pp. 1–57.
- Tekin H., 2018. Halaf: Mezopotamya'nın "gizemli" neolitik seramiği. *Azərbaycan Arxeologiyası*, vol. 21, no. 1, pp. 55–69.
- Tonoike Y., 2012. Petrographic Analysis of the 6th Millennium B.C. Dalma Ceramics from Northwestern and Central Zagros. *Iranian Journal of Archaeological Studies*, 2, 2, pp. 65–80.
- Voigt M.M., 1983. Hajji Firuz Tepe, Iran: The Neolithic Settlement. Philadelphia: University of Pennsylvania. 396 p.
- Zeynivand M., Haririan H., Heydarian M., 2013. The Dalma Settlements of Songhor and Koliyaei Plains, Central Zagros. *Iranian Journal of Archaeological Studies*, 3, pp. 39–47.

О КРАНИОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЗНАКАХ ЗАПАДНЫХ МИГРАЦИЙ В ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ В ЭПОХУ БРОНЗЫ (на примере материалов абашевской культуры)

© 2024 г. А. А. Казарницкий

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: kazarnitski@mail.ru

Поступила в редакцию 29.05.2023 г.

После доработки 24.09.2023 г.

Принята к публикации 17.10.2023 г.

Краниологические материалы абашевской культуры редки. Давно известна выборка черепов из Пепкинского кургана в Чувашии. Сравнительно недавно опубликованы краниометрические данные носителей абашевской культуры с территории между Волгой и Уралом. Это все доступные на сегодня выборки, не считая нескольких отдельных черепов из других памятников. Происхождение абашевской культуры по археологическим данным неоднозначно: может восходить к предшествующей фатьяновской культуре Верхнего Поволжья или к некоторым локальным группам ямной культуры, либо может быть результатом западных миграций. В статье обсуждается, какая из археологических гипотез не противоречит закономерностям краниологической изменчивости европейского населения эпох неолита, энеолита и бронзы. Используются краниометрические данные о большом количестве европейских групп с целью поиска влияния миграций на состав абашевского населения и других популяций эпохи бронзы Восточной Европы. Утверждается наличие сходства между сериями черепов из фатьяновских памятников и восточных локальных групп культуры шнуровой керамики. При этом отсутствуют какие-либо западные черты в краниометрической характеристике двух абашевских серий, ближайшие аналогии которым наблюдаются среди населения степной и лесостепной зон Восточной Европы эпох энеолита и бронзы.

Ключевые слова: краниология, краниометрия, популяционная история, миграции, эпоха бронзы, абашевская культура, археология, Европа.

DOI: 10.31857/S0869606324010026, **EDN:** ZWRPBW

На протяжении нескольких десятилетий мужские черепа из Пепкинского кургана оставались единственной выборкой, по которой можно было судить о краниологии носителей абашевской культуры (Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966). Краниометрические данные о единичных черепках из других абашевских могильников публиковались очень давно (Дебец, 1948; Герасимов, 1955; Акимова, 1955). В последние годы стали появляться редкие публикации о черепках из восточной части ареала абашевских памятников, объединенных недавно во вторую абашевскую выборку (Хохлов, 2010а, 2017; Хохлов, Григорьев, 2019; Хохлов, Китов, 2019, Хохлов, Григорьев, 2021). Этих двух небольших краниологических серий, конечно, по-прежнему недостаточно для отражения краниологических

особенностей носителей абашевской культуры. Однако пополнение краниологических коллекций идет настолько медленно, что невозможно не обсудить хотя бы то, что доступно, с привлечением современных методов физической антропологии.

Известны различные версии происхождения абашевской культуры, основанные на интерпретации археологических данных. Поскольку настоящая статья не носит историографического характера, ограничимся лишь кратким перечислением ключевых гипотез. Во-первых, это преемственное развитие от предшествующей фатьяновской культуры, в свою очередь, близкой к кругу культур шнуровой керамики (Кривцова-Гракова, 1947; Бадер, 1970; Кузьмина, 2001, 2003). Во-вторых, формирование под

Материалы для межгруппового анализа

Materials for intergroup analysis

№ на карте	Наименование краниологической выборки	Число (max)	Источник
Неолитические западные группы (на рис. 1: <i>a</i>)			
1	Средний неолит, Дания	27	Bröste, Jorgensen, 1956; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
2	Рёссенская культура, Франция	19	Knussmann, Knussmann, 1978; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
3	Рёссенская культура, Германия	14	Knussmann, Knussmann, 1978; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
4	Культура ямных захоронений, Испания	14	Riquet, 1970; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
5	Неолит, Греция	7	Angel, 1945; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
6	Культура тисаполгар, Венгрия	15	Zoffmann, 1984; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
7	Культура бодрокерештур, Словакия	12	Zoffmann, 1984; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
8	Культура тиса, Румыния	10	Zoffmann, 1984; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
9	Культура винча, Сербия	12	Zoffmann, 1984; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
10	Культура лендбель, Польша	16	Zeimo-Zejmis, 1938; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
11	Культура лендбель, Австрия и Словакия	6	Jungwirth, Kloiber, 1973; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
12	Культура лендбель, Венгрия	25	Zoffmann, 1984; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
В среднем более поздние западные группы неолита и энеолита (на рис. 1: <i>b</i>)			
13	Поздний неолит, Дания	56	Bröste, Jorgensen, 1956; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
14	Средний и поздний неолит суммарно, Дания	80	Bröste, Jorgensen, 1956; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
15	Коридорные гробницы, Швеция	15	Furst, 1912; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
16	Каменные ящики, Германия и Нидерланды	30	Czarnetzky, 1978; Maue, 1939; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
17	Каменные ящики, Гессен, Германия	24	Czarnetzky, 1978; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
18	Каменные ящики, Альтендорф, Гессен, Германия	40	Perret, 1938; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
19	Мекленбург, Германия	13	Asmus, 1939; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
20	Осторф, Германия (керамика с глубокими насечками)	15	Asmus, 1939; Grimm, 1965; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
21	Культура вальтерниенбург-бернбург, Германия	32	Feustel, Ullrich, 1965; A. & H. Bach, 1972; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
22	Культура шаровидных амфор, Польша	19	Schwidetzky, 1980; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
23	Баденская культура	17	Zoffmann, 1984; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
24	Культура ринальдоне, Италия	12	Parenti, 1963; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
25	Неолит и энеолит, Португалия	25	Alcobe et al., 1978; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
26	Неолит, Страна басков, Испания	23	Riquet, 1972; Gallay, Spinder, 1970; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990

№ на карте	Наименование краниологической выборки	Число (max)	Источник
Группы культуры Сены-Уазы-Марны, эпоха бронзы (на рис. 1: c)			
27	Крытые галереи	119	Riquet, 1973; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
28	Гробницы в блоке	19	Riquet, 1973; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
29	Грот Эна	34	Riquet, 1973; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
30	Галерейные гробницы Марны (без Бе)	41	Riquet, 1973; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
31	Галерейные гробницы Марны (только Бе)	110	Riquet, 1973; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
32	Галерейные гробницы Мёза	44	Riquet, 1973; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
Южноевропейские группы эпохи бронзы (на рис. 1: d)			
33	Кондейша-а-Нова, Португалия	18	Mendes Correa, Teixeira, 1949; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
34	Плато Месета, Испания	17	Barras de Aragon, 1933; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
35	Валенсия и Андалусия, Испания	36	Fuste, 1957; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
36	Нарбонн, Франция	24	Riquet, 1962; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
37	Известняковые плато Аверона, Франция	34	Riquet, 1973; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
38	Гранд-Косс, Лозер, Франция	28	Riquet, 1973; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
39	Лозер, Франция	41	Riquet, 1970; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
40	Культура свайных построек, Ницца, Франция	37	Riquet, 1970; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
41	Лангедок, Франция	21	Riquet, 1970; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
42	Прованс, Франция	19	Riquet, 1973; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
43	Ранняя бронза, Греция	12	Xirotiris, неопубл.; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
44	Средняя бронза, Греция	33	Xirotiris, неопубл.; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
Группы культуры колоколовидных кубков (на рис. 1: e)			
45	Западная Германия	19	Gerhardt, 1978; Schröter, 1977/78; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
46	Восточная Германия	32	Gerhardt, 1953; Bach, 1966; Schröter, 1977/78; Schwidetzky, 1978; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
47	Чехия и Словакия	36	Jelinek, 1973; Hanáková, Stloukal, Muška, 1977; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
48	Испания	12	Alcobe et al., 1978; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
Группы культур шнуровой керамики (КШК) и культуры Злата (на рис. 1: f)			
49	КШК, Германия	33	Schwidetzky, 1978; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
50	КШК, Чехия и Словакия	41	Jelinek, 1973; Hanáková, Stloukal, Muška, 1977; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
51	КШК, Польша	28	Wiercinski, 1973; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
52	Культура злата, Польша	16	Wiercinski, 1973; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
53	КШК, Восточная Пруссия	11	Perret, 1943; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
54	КШК, Эстония	5	Марк, 1956; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990

№ на карте	Наименование краниологической выборки	Число (max)	Источник
Группы унетицкой культуры (на рис. 1: g)			
55	Центральная Богемия	63	Jelinek 1973; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
56	Северо-Западная Богемия	46	Jelinek 1973; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
57	Моравия	38	Jelinek 1973; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
58	Силезия	22	Asmus, неопубл.; Miskiewicz, 1972; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
59	Гроссбрембах	25	Ullrich, 1972; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
60	Восточная Германия	58	Bach, неопубл.; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
61	Австрия	21	Weniger, 1941; цит. по: Schwidetzky, Rösing, 1990
Неолитические восточноевропейские группы (на рис. 1: h)			
62	Сахтыш, волосовская культура	14	Алексеева и др., 1997
63	Вильнянский, мариупольская культура	12	Сурнина, 1961
64	Вовниги, мариупольская культура	22	Гохман, 1966
65	Васильевка II, мариупольская культура	10	Гохман, 1966
66	Деревка, мариупольская культура	50	Зиневич, 1967
67	Никольский, мариупольская культура	15	Зиневич, 1967
68	Звейниески, ранний неолит	14	Денисова, 1975
69	Звейниески, средний и поздний неолит	35	Денисова, 1975
70	Ямочно-гребенчатая культура (волго-окская)	6	Чижишева, 2012
Волго-уральские группы неолита и энеолита (на рис. 1: i)			
71	Неолит Волго-Уралья 1 (Лебяжинка, Царево-Александровский, Бурановская)	3	Хохлов, 2017
72	Неолит Волго-Уралья 2 (Меллятамак)	4	Хохлов, 2017
73	Энеолит Волго-Уралья (Съезжее, Лебяжинка)	6	Хохлов, 2017
Энеолитические среднестоговская и хвалынские группы (на рис. 1: j)			
74	Среднестоговская культура	16	Герасимов, 1955; Зиневич, 1967; Сурнина, 1963; Потехина, 1983
75	Хвалынский II	19	Хохлов, 2010б
76	Хвалынский I	11	Мкртчян, 1988
Группы из могильников энеолита и бронзы Закавказья и майкопской культуры Предкавказья (на рис. 1: k)			
77	Гинчи, Дагестан	27	Гаджиев, 1975
78	Самтавро, Грузия	14	Абдушелишвили, 1964
79	Мингечаур, Азербайджан	13	Касимова, 1960
80	Ором и Артик, Армения	26	Алексеев, 1974; Мкртчян, 2001
81	Цамакаберд и Норадуз, Армения	12	Алексеев, 1974
82	Лчашен, Армения	21	Азизян, 1965
83	Шенгавит, Армения	4	Алексеев, 1974
84	Майкопская культура (Ставрополье, Калмыкия)	10	Шевченко, 1986; Хохлов, 2002; Герасимова, Пежемский, Яблонский, 2007; Казарницкий, 2010
Группы ямной культуры (на рис. 1: l)			
85	Ингульская	10	Круц, 1984
86	Нижнеднепровская западная	10	Круц, 1984

№ на карте	Наименование краниологической выборки	Число (max)	Источник
87	Нижнеднепровская южная	8	Круц, 1984
88	Нижнеднепровская восточная	18	Зиневич, 1967; Круц, 1984
89	Нижнедонская, правый берег Дона	8	Батиева, 2010
90	Нижнедонская, левый берег Дона	9	Батиева, 2010
91	Могильники долины р. Восточный Маныч	21	Шевченко, 1986; Казарницкий, 2012
92	Калмыцкая	22	Шевченко, 1986; Казарницкий, 2012
93	Астраханская	15	Шевченко, 1986; Казарницкий, 2012
94	Волго-донская	16	Балабанова, 2016; Хохлов, 2017; Архив ОА МАЭ РАН
95	Нижневолжская, левый берег Волги	14	Дебец, 1936; Гинзбург, 1959; Глазкова, Чтецов, 1960; Фирштейн, 1967; Балабанова, 2016; Хохлов, 2017
96	Самарская	20	Дебец, 1936; Фирштейн, 1967; Хохлов, 2017
97	Приуральская (тамар-уткульская), правый берег р. Урал	10	Хохлов, 2017
98	Приуральская (тамар-уткульская), левый берег р. Урал	15	Хохлов, 2017
Группы катакомбных и полтавкинской культур (на рис. 1: <i>m</i>)			
99	Ингульская	19	Круц, 1984
100	Херсонская	33	Круц, 1984
101	Запорожская	28	Круц, 1984
102	Нижнедонская правобережная	14	Казарницкий, 2012
103	Нижнедонская левобережная	21	Казарницкий, 2012
104	Волго-донская	9	Казарницкий, 2012
105	Восточно-манычская северная	18	Казарницкий, 2012
106	Восточно-манычская центральная	13	Казарницкий, 2012
107	Восточно-манычская южная	17	Казарницкий, 2012
108	Полтавкинская культура	20	Хохлов, 2017
Фатьяновские и балановская группы (на рис. 1: <i>n</i>)			
109	Фатьяновская ранняя, центральная	12	Денисова, 1975
110	Фатьяновская ранняя, южная	7	Денисова, 1975
111	Фатьяновская поздняя, северная	16	Денисова, 1975
112	Балановская	12	Акимова, 1963
Группы неолита и энеолита Барабинской лесостепи и Верхнего Приобья (на рис. 1: <i>o</i>)			
113	Кузнецко-алтайская культура, Верхнее Приобье	6	Чижишева, 2012
114	Большемысская культура, Верхнее Приобье	7	Чижишева, 2012
115	Кузнецко-алтайская культура, Кузнецкая котловина	7	Чижишева, 2012
116	Барабинская лесостепь (Сопка, Протока, Корчуган)	7	Чижишева, 2012
117	Усть-тартасская культура	30	Чижишева, 2012
Абашевские группы (на рис. 1: <i>p</i>)			
118	Абашевская пепкинская	14	Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966
119	Абашевская волго-уральская	6	Хохлов, Китов 2019; Хохлов, Григорьев, 2021

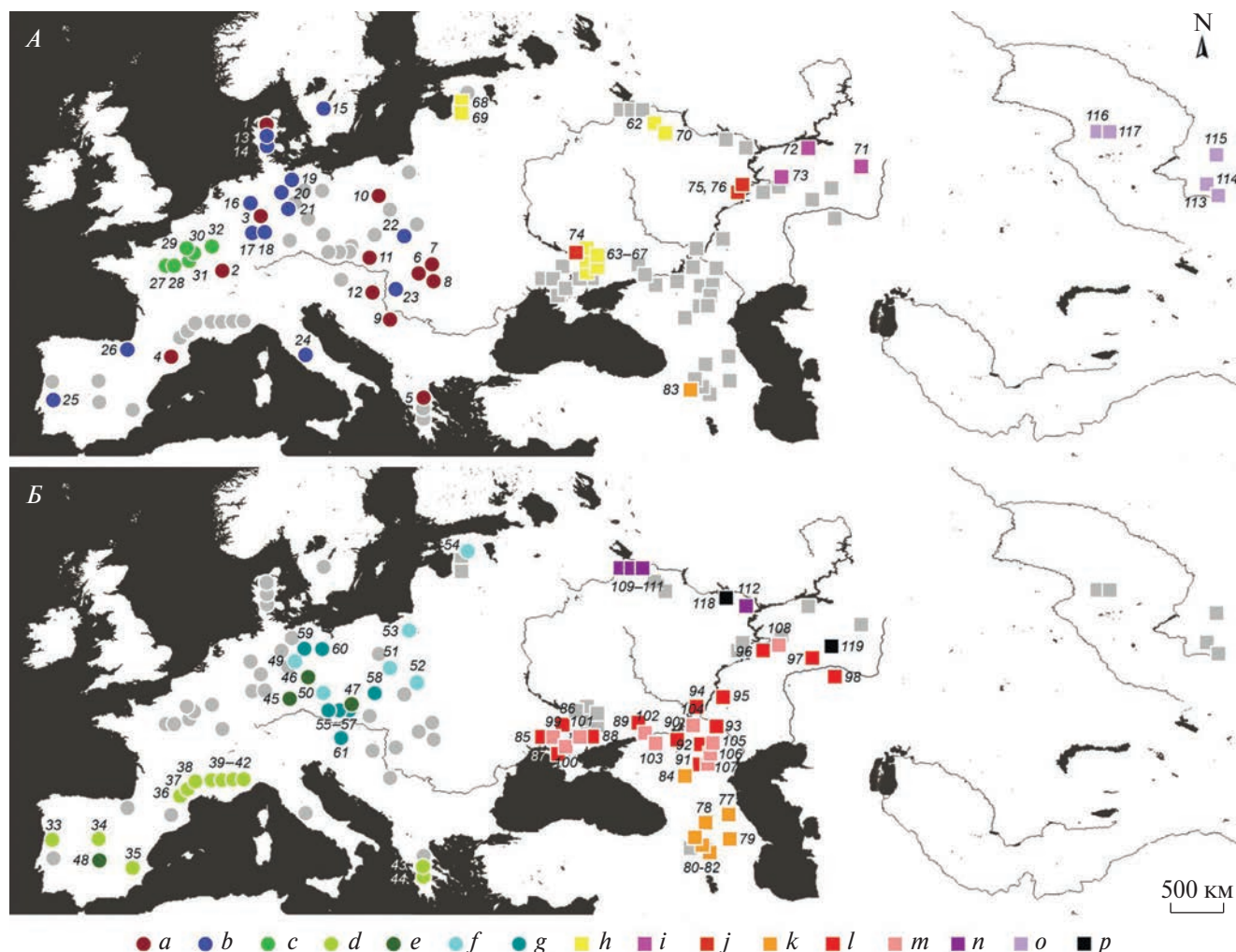

Рис. 1. Карта-схема расположения краниологических серий эпохи неолита и энеолита (А), эпохи бронзы (Б).

Условные обозначения здесь и на рис. 2: *a* — неолитические западные группы; *b* — в среднем более поздние западные группы неолита и энеолита; *c* — группы культуры Сены-Уазы-Марны; *d* — южноевропейские группы эпохи бронзы; *e* — группы культуры колоколовидных кубков; *f* — группы культур шнуровой керамики и культуры Золта; *g* — группы унетичской культуры; *h* — неолитические восточноевропейские группы; *i* — волго-уральские группы неолита и энеолита; *j* — энеолитические среднестоговская и хвалынские группы; *k* — группы из могильников энеолита и бронзы Закавказья и майкопской культуры Предкавказья; *l* — группы ямной культуры; *m* — группы катакомбных и полтавкинской культур; *n* — фатьяновские и балановская группы; *o* — группы неолита и энеолита Барабинской лесостепи и Верхнего Приобья; *p* — абашевские группы. Номера серий приведены в таблице.

Fig. 1. A schematic map of the location of craniological series

влиянием степных локальных групп ямной культуры (Халиков, 1961; Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966). В-третьих, миграция населения с запада при участии среднестоговской культуры (Ефименко, Третьяков, 1961; Мерперт, 1961). В-четвертых, также западная миграция, но с локализацией исходных популяций в Центральной Европе при особой роли культуры колоколовидных кубков (Кузьминых, Мимоход, 2016; Мимоход, 2022).

Мнения антропологов о краниологии представителей абашевской культуры многие годы формировались по индивидуальным типологическим описаниям черепов, т.е. основывались на подходе, приемлемом в середине XX в., но ныне выглядящим архаично. Главным его недостатком является преувеличенное внимание к случайным индивидуальным особенностям, которые интерпретируются как популяционные черты, хотя могут ими и не быть. Поэтому при обсуждении абашевских черепов

упоминались настолько разные комбинации признаков — негроидные, широколицые европеоидные, узколицые европеоидные, уралоидные, монголоидные, — что сложно представить их в рамках одной и той же древней европейской популяции. Воспользуемся только среднегрупповыми краниометрическими характеристиками пепкинской (Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966) и волго-уральской (Хохлов, Григорьев, 2021) абашевских мужских серий, чтобы сравнить их с краниологическими данными о европейском населении эпох неолита, ранней и средней бронзы.

В качестве сравнительных материалов были использованы выборки мужских черепов эпох неолита, энеолита и бронзы Северной, Центральной, Западной, Южной и Восточной Европы, Восточного и Южного Кавказа и Западной Сибири (таблица). Общая численность материалов составила около 2600 черепов, средняя/средняя численность выборки — 22/17 индивидов.

Географическое положение памятников, из которых получены краниологические серии, представлено на рис. 1 (при локализации суммарных серий из нескольких могильников на карте указана равноудаленная от всех памятников точка).

Численность выборок, как правило, невелика, что повышает вероятность случайных морфологических вариаций и может искажать наши представления о краниологии древних популяций. Выборки женских черепов не использованы по причине еще меньшей численности, чем мужские. Все эти недостатки несомненны, но даже при их наличии удастся проследить некоторые закономерности.

Сравнение проводилось по десяти измерениям (продольный, поперечный и высотный диаметры черепа, наименьшая ширина лба, скуловой диаметр, верхняя высота лица, высота и ширина носа, высота и ширина глазницы), если в анализе использовались западноевропейские материалы. Для сопоставления восточноевропейских, кавказских и западносибирских серий привлекались также измерения назомалярного и зигомаксиллярного лицевых углов, относительной высоты переноса и угла выступления носа (Алексеев, Дебец, 1964). В программе Сапон высчитывались квадраты расстояний Махаланобиса между сериями с поправкой на численность наблюдений (Козинцев, 2007).

Для визуализации результатов в виде двухмерных графиков (рис. 2) применялось многомерное шкалирование матрицы расстояний Махаланобиса по алгоритму Гуттмана в программе Statistica.

Задачей первого этапа исследования был поиск закономерностей краниологической изменчивости населения западных регионов (рис. 2, 1, 2). В результате наблюдается несколько комплексов краниометрических признаков, повторяющихся у хронологически или культурно близких групп. Ранние выборки заняли центральную и верхнюю часть координатного пространства (рис. 2, 1). Самые древние из них расположены в левой и центральной части (а), имеют длинные, узкие или среднеширокие долихокранные черепа, как правило, узкое и невысокое лицо, низкий и среднеширокий нос и небольшие размеры глазницы.

Почти тот же набор признаков, но с большей длиной и шириной мозгового отдела и большей шириной глазницы, наблюдается в сериях неолита и энеолита (b), расположенных в центральной и правой части графика (среди них лишь у одной — из Осторфа, культура воронковидных кубков, — неожиданно широкое лицо).

В позднем неолите и энеолите Западной Европы появляются новые краниологические черты, свойственные только носителям культуры Сены-Уазы-Марны (c): менее длинные и более широкие мезокранные черепа средней высоты с еще меньшими размерами глазницы, чем в предыдущую эпоху. Эти серии получили большие значения координат по вертикальной оси.

В еще более поздних группах энеолита и эпохи бронзы (рис. 2, 2) повторяются черты неолитического населения в долихоморфных выборках с территории современных Португалии, Испании, южной Франции и Греции (d), они расположены на графике, как и большинство неолитических групп, в центральной части.

Череп носителей культуры колоколовидных кубков и в Центральной Европе, и на Пиренейском полуострове (e) имеют иные пропорции: они средней длины, широкие, брахикранные, лицо в этих выборках тоже узкое, но более высокое, чем в неолитических. Они имеют максимальные координаты по вертикальной оси графика. Ближайшие, хотя и не полные

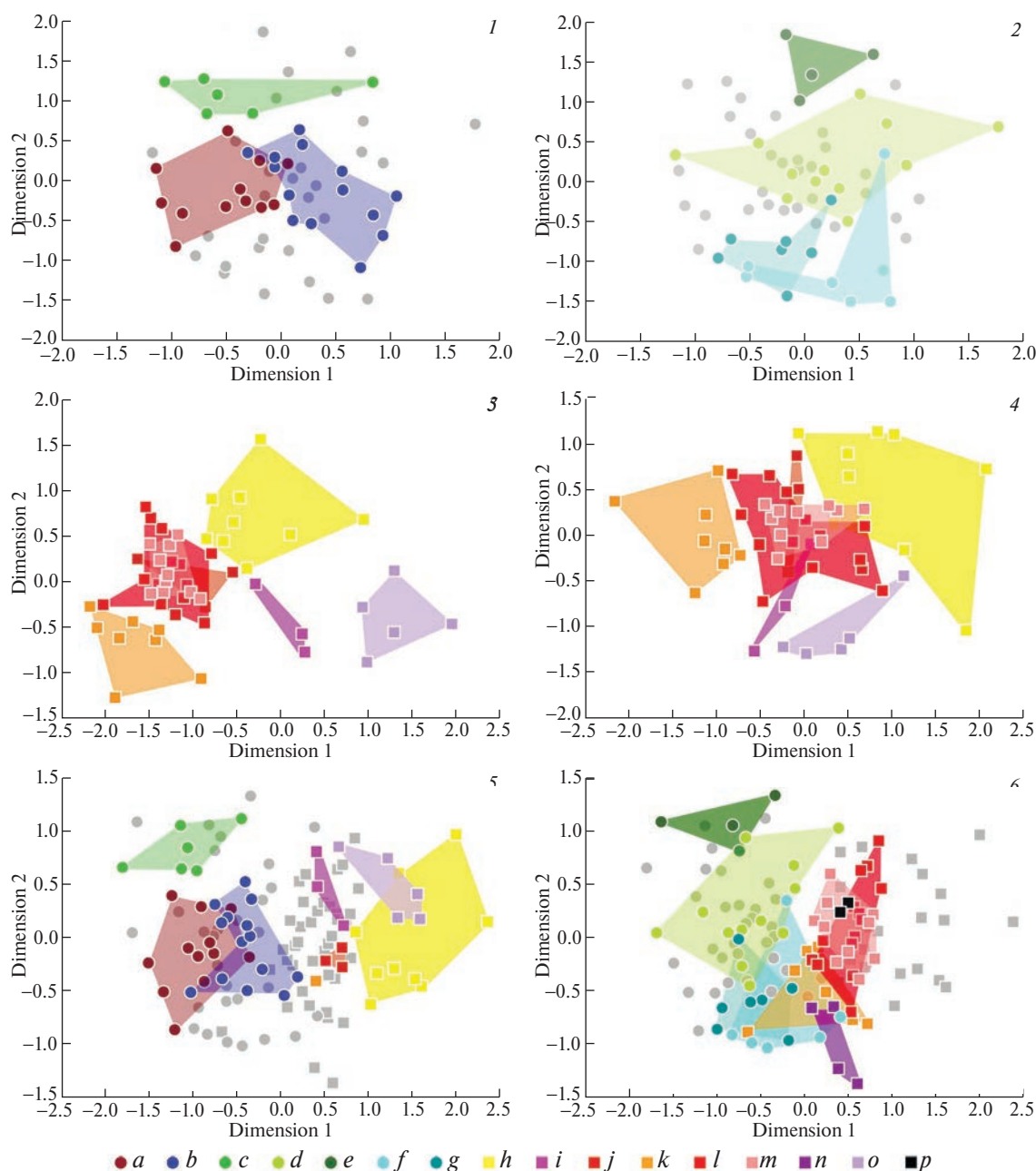

Рис. 2. Результаты многомерного шкалирования расстояний Махаланобиса.

Fig. 2. Results of multidimensional scaling of Mahalanobis distances

морфологические аналогии им есть в материалах культуры Сены-Уазы-Марны.

Еще одна комбинация признаков, почти не встречающаяся в материалах эпохи неолита, свойственна большинству выборок культуры шнуровой керамики, находящихся в самой нижней части графика (f): очень длинные, узкие, долихокранные, высокие черепа. При этом среди них малый скуловой диаметр и средняя

высота лица наблюдаются в западных группах, в восточных же лицевой скелет заметно шире и выше. Исключением является выборка из памятников культуры Злота: близкая кругу культур шнуровой керамики по археологическим признакам, краниологически она ближе неолитическому населению. Выборки черепов еще более поздней унетичской культуры (g) в большинстве своем очень схожи с западными выборками шнуровой керамики, за исключением

одной группы с территории Австрии, демонстрирующей тот же, распространенный в неолите, краниологический комплекс, сохранившийся в эпоху бронзы в основном в южной Европе.

На втором этапе исследования было проведено сравнение краниологических материалов из разных регионов и культур Восточной Европы, Кавказа и Западной Сибири с привлечением большего количества признаков (рис. 2, 3). В пространстве шкалированных расстояний Махаланобиса выделяются следующие пять территориально-хронологических объединений.

Неолитическое население Восточной Европы (*h*) с длинными, среднеширокими, высокими или очень высокими черепами с большими и очень большими поперечными размерами лицевого отдела, очень широкими и низкими глазницами, средней профилированностью лица на верхнем уровне при малом зигомаксиллярном угле и, как правило, с сильно выступающим носом.

Неолитическое и энеолитическое население между Волгой и Уралом (*i*) имело меньшие размеры черепа в целом, существенно менее широкое лицо с меньшими размерами грушевидного отверстия и глазниц и менее выступающим носом. Однако пропорции мозгового отдела здесь тоже на границе долихо- и мезокрании, лицевой отдел слегка уплощен на верхнем уровне и резко профилирован на уровне зигомаксиллярных точек, что напоминает морфологию других восточноевропейских неолитических серий (*h*).

Краниологические выборки энеолитических среднестоговской и хвалынской культур (*j*), локальных серий ямной культуры (*l*), а также катакомбных и полтавкинской культур (*m*) при всем их региональном разнообразии имеют ряд общих черт, благодаря которым они заняли одну и ту же область на графике. Длинные и очень длинные мозговые отделы сильно варьируют по абсолютной (и относительной) ширине от узких до широких (от долихокраниальных до брахикраниальных), но лицо, как правило, широкое и средневысокое с широкими и низкими глазницами, малым зигомаксиллярным углом (при вариабельном назомальном) и с сильно выступающим носом.

Выборки Предкавказья и Закавказья (*k*) имеют наименьшие значения координат по обеим осям графика. Их объединяет долихокrania, среднеширокое и высокое лицо (кроме единственной узколицей выборки из Самтавро), малые значения горизонтальных углов на верхнем и среднем уровнях лицевого скелета и более высокие глазницы, чем в ямных и катакомбных сериях.

Наиболее обособленное положение заняли на графике западносибирские группы неолита и энеолита (*o*) — мезокраниальные, с широким лицом средней высоты, средним или большим назомальным углом при большой вариабельности зигомаксиллярного (от клиногнатности до уплощенности), средневысоким переносом и слабо выступающим носом.

При повторном анализе восточноевропейских, кавказских и западносибирских групп по сокращенному набору из десяти признаков (рис. 2, 4) описанная выше дифференциация сохраняется, но в меньшей степени. Это нужно учитывать при интерпретации результатов подобных межгрупповых сопоставлений, так как чем меньше используется признаков, тем менее заметны различия между выборками. При небольшом количестве признаков, по которым проводится сравнение, больше доверия вызывают различия между группами, чем сходство, так как последнее может быть обусловлено нехваткой данных.

На завершающем этапе в один анализ (по десяти признакам) были объединены все европейские, кавказские и западносибирские группы (рис. 2, 5, 6) и добавлены выборки фатьяновской, балановской и абашевской культур. Западные группы оказались в левой части графика, так как имеют в целом более узкое лицо и менее широкие глазницы, чем жители Восточной Европы, Кавказа и Западной Сибири. Здесь снова прослеживаются (рис. 2, 5) небольшие различия западных групп раннего неолита (*a*) и позднего неолита и энеолита (*b*) при яркой особенности мезокраниальных черепов носителей культуры Сены-Уазы-Марны (*c*). От неолитических западных групп менее всего отличается единственная закавказская выборка эпохи энеолита из Шенгавита. Краниологические особенности восточных популяций усиливаются в энеолитических среднестоговской

и хвалынских и в волго-уральских неолитических и энеолитической группах, а наиболее велики — в сериях неолита Восточной Европы (*h*) и Западной Сибири (*o*).

В материалах эпохи бронзы (рис. 2, б) также видна преемственность с неолитическими популяциями в Южной Европе (*d*), специфичность брахиморфных черепов из памятников культуры колоколовидных кубков (*e*) и очень долихоморфных черепов носителей культур шнуровой керамики (*f*) и унетицкой (*g*). Последние два объединения групп (шнурокерамическое и унетицкое) на первый взгляд слабо отличаются от кавказских выборок, однако наблюдаемая близость их координат возникает из-за расположения единственной кавказской группы — из Самтавро — настолько узколицей, что она оказалась морфологически ближе центральноевропейским. При этом большинство серий шнуровой керамики, в отличие от кавказских, получили минимальные значения координат по вертикальной оси — и именно к ним (особенно к восточным сериям из Восточной Пруссии и Эстонии) ближе всего расположились три фатьяновские и одна балановская выборки. Главное же наблюдение заключается в том, что обе абашевские группы морфологически одинаково далеки от носителей культуры колоколовидных кубков и культуры шнуровой керамики и находятся на графике среди материалов, представляющих население энеолита и бронзы восточноевропейских степей.

Если сравнить непосредственно расстояния Махаланобиса без дополнительных процедур преобразования в двухмерный график, которые могут недостаточно корректно отображать малые различия (Козинцев, 2017), то среди ближайших к абашевской пепкинской серии обнаруживаются только восточноевропейские: абашевская волго-уральская (–0.46), ямные с левого берега Нижнего Дона (–0.66) и с левого берега реки Урал (1.98), поздняя фатьяновская (1.37), балановская (1.37) и неолитическая волго-уральская выборка из могильника Меллятамак (1.30). Среди ближайших к абашевской волго-уральской таких еще больше — неолитические волго-уральские группы из Меллятамака (–0.37), из Лебяжинки, Царево-Александровского и Бурановской суммарно (–1.33) и энеолитическая из Лебяжинки и Съезжего

(1.03), энеолитическая из Хвалынска I (0.20), балановская (1.69), ямные ингульская (0.45), нижнедонская левобережная (0.81) и приуральская левобережная (1.65), катакомбные восточноманычская (0.63), нижнедонская левобережная (1.23) и херсонская (1.47).

Таким образом, в привлеченных к анализу материалах из Восточной Европы сходство с центральноевропейскими наблюдается только в выборках фатьяновской и балановской культур, что с большей или меньшей уверенностью давно отмечается краниологами (Денисова, 1975; Шевченко, 1986; Хохлов, Китов, 2019). В абашевских сериях черепов, как пепкинской, так и волго-уральской, не прослеживается общих черт с краниологическими выборками из Центральной Европы, хотя сходство с позднефатьяновской и балановской группами сохраняется.

Предположение о том, что пепкинская выборка, возможно, нерепрезентативна для того, чтобы судить по ней о краниологии абашевской культуры (Казарницкий, 2022), как будто не очень убедительно в связи с ее сходством с выборкой из волго-уральских абашевских памятников. При публикации последней авторы, правда, уделили больше внимания морфологическим различиям между ними (Хохлов, Григорьев 2021). Поэтому нужно отметить, что в последнем анализе (рис. 2, 5, 6) отсутствуют важные для популяционной дифференциации признаки — горизонтальные лицевые углы, размеры переносья и угол выступления носа. По этой причине обсуждаемое здесь сходство между некоторыми (в том числе абашевскими) группами может быть несколько преувеличенным. Однако межгрупповые различия при расширении количества признаков только усиливаются (см. рис. 2, 3, 4). Следовательно, либо нужно признать, что обе абашевские серии черепов пока малы и нерепрезентативны, либо в краниологии населения абашевской культуры в самом деле не заметно влияние западных популяций.

Работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда № 19-18-00406 “Палеоэкология — металлургия — культурогенез: причины и механизмы смены эпох в культурном пространстве Восточной Европы на рубеже средней и поздней бронзы”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдушлишвили М.Г.* Антропология древнего и современного населения Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1964. 209 с.
- Азизян Г.* Палеоантропологический материал из погребений у селения Лчашен // Историко-филологический журнал Академии наук Армянской ССР. 1965. № 3. С. 306–316.
- Акимов М.С.* Палеоантропологические материалы с территории чувашской АССР // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. 1955. № 23. С. 78–92.
- Акимов М.С.* Палеоантропологические материалы из Балановского могильника // Бадер О.Н. Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 322–362.
- Алексеев В.П.* Происхождение народов Кавказа. М.: Наука, 1974. 317 с.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниология. Методика краниологических исследований. М.: Наука, 1964. 126 с.
- Алексеева Т.И., Денисова Р.Я., Козловская М.В., Костылева Е.Л., Крайнов Д.А.* Неолит лесной полосы Восточной Европы (антропология Сахтышских стоянок). М.: Научный мир, 1997. 191 с.
- Бадер О.Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.: Наука, 1970. 176 с.
- Балабанова М.А.* К антропологии населения энеолита – ранней бронзы (по материалам могильников Волгоградской области) // Нижневолжский археологический вестник. 2016. Т. 15, № 1. С. 72–94.
- Батиева Е.Ф.* Черепа из нижнедонских могильников эпохи ранней бронзы // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М.: Таус, 2010 (Материалы и исследования по археологии России; № 13). С. 484–491.
- Гаджиев А.Г.* Древнее население Дагестана. Москва: Наука, 1975. 125 с.
- Герасимов М.М.* Восстановление лица по черепу. М.: Изд-во АН СССР, 1955 (Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Нов. сер.; т. 28). 584 с.
- Герасимова М.М., Пежемский Д.В., Яблонский Л.Т.* Палеоантропологические материалы майкопской эпохи из Центрального Предкавказья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VII. М.: Памятники исторической мысли, 2007. С. 91–121.
- Гинзбург В.В.* Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья (по антропологическим материалам Калиновского могильника) // Древности Нижнего Поволжья. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1959 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 60). С. 524–594.
- Глазкова Н.М., Чтецов В.П.* Палеоантропологические материалы Нижневолжского отряда Сталинградской экспедиции // Древности Нижнего Поволжья. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1960 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 78). С. 285–292.
- Гохман И.И.* Население Украины в эпоху мезолита и неолита. М.: Наука, 1966. 224 с.
- Дебец Г.Ф.* Материалы по палеоантропологии СССР: Нижнее Поволжье // Антропологический журнал. 1936. № 1. С. 65–80.
- Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948 (Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Нов. сер.; т. 4). 391 с.
- Денисова Р.Я.* Антропология древних балтов. Рига: Зинатне, 1975. 404 с.
- Ефименко П.П., Третьяков П.Н.* Абашевская культура в Поволжье // Абашевская культура в Среднем Поволжье. М.: Изд-во АН СССР, 1961 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 97). С. 57–110.
- Зиневич Г.П.* Очерки палеоантропологии Украины. Киев: Наукова думка, 1967. 240 с.
- Казарницкий А.А.* Краниология населения майкопской культуры: “новые” старые материалы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 1. С. 148–155.
- Казарницкий А.А.* Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы (антропологический очерк). СПб.: Наука, 2012. 264 с.
- Казарницкий А.А.* Краниологические данные о миграциях с запада в Восточную Европу в посткатакомбное время // Camera praehistorica. 2022. № 2. С. 134–144.
- Касимова Р.М.* Антропологическое исследование черепов из Мингечаура. Баку: АН Азербайджанской ССР, 1960. 134 с.
- Кривцова-Гракова О.А.* Абашевский могильник (раскопки 1945 года) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1947. Вып. XVII. С. 92–97.
- Кузьмина О.В.* Абашевская культура в системе культур бронзового века Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: материалы конф. “К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века Южной половины Европы”. Самара: Самарский гос. пед. ун-т, 2001. С. 153–160.
- Кузьмина О.В.* К вопросу о происхождении топаров абашевского типа // Абашевская культурно-историческая область: истоки, развитие, наследие: материалы междунар. науч. конф. Чебоксары: Чувашский гос. ин-т гуманитар. наук, 2003. С. 92–102.
- Кузьминых С.В., Мимоход Р.А.* Радиоуглеродные даты Пепкинского кургана и некоторые вопросы хронологии средневолжской абашевской культуры //

- Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н.э.). СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 39–44.
- Козинцев А.Г.* Скифы Северного Причерноморья: межгрупповые различия, внешние связи, происхождение // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 4 (32). С. 140–144.
- Козинцев А.Г.* Происхождение западных алакульцев по данным краниометрии (об одной затянувшейся дискуссии) // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2016 г. СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН, 2017. С. 277–287.
- Круц С.И.* Палеоантропологические исследования Степного Поднепровья (эпоха бронзы). Киев: Наукова думка, 1984. 208 с.
- Марк К.Ю.* Палеоантропология Эстонской ССР // Балтийский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1956 (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия; т. XXXII). С. 204–207.
- Мерперт Н.Я.* Абашевские курганы северной Чувашии // Абашевская культура в Среднем Поволжье. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 111–156. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 97).
- Мимоход Р.А.* Средневожская абашевская культура и культура колоколовидных кубков: наброски к семейному портрету // Археология евразийских степей. 2022. № 2. С. 122–150.
- Мкртчян Р.А.* Палеоантропология неолитического и энеолитического населения юга европейской части СССР: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. 19 с.
- Мкртчян Р.А.* Палеоантропология Оромского могильника. Ереван: Зангак-97, 2001 (Материалы по антропологии Армении; вып. 1). 114 с.
- Потехина И.Д.* О носителях культуры Средний Стог II по антропологическим данным // Советская археология. 1983. № 1. С. 144–154.
- Сурнина Т.С.* Палеоантропологические материалы из Вольненского неолитического могильника // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. 1961. Т. 71. С. 3–25.
- Сурнина Т.С.* Палеоантропологические материалы из Александрийского могильника // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. 1963. Т. 82. С. 144–153.
- Фирштейн Б.В.* Антропологическая характеристика населения Нижнего Поволжья в эпоху бронзы (по материалам раскопок в Волгоградской и Саратовской областях и в Калмыцкой АССР) // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев: Наукова думка, 1967. С. 100–140.
- Халиков А.Х.* Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // Абашевская культура в Среднем Поволжье. М.: Изд-во АН СССР, 1961 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 97). С. 157–241.
- Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М.* Пепкинский курган (абашевский человек). Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1966. 69 с.
- Хохлов А.А.* Краниологический тип человека, погребенного по традиции майкопской культуры эпохи ранней бронзы // Нижневолжский археологический сборник. 2002. Вып. 5. С. 174–179.
- Хохлов А.А.* Раритетные палеоантропологические материалы эпохи средней бронзы Самарского Поволжья и Приуралья // Известия Самарского научного центра РАН. 2010а. Т. 12, № 6. С. 248–251.
- Хохлов А.А.* Население хвалынской энеолитической культуры: по антропологическим материалам грунтовых могильников Хвалынский I, Хвалынский II, Хлопков Бугор // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура: Исследования материалов. Самара: Ист.-эко-культур. ассоц. “Поволжье”, 2010б. С. 407–517.
- Хохлов А.А.* Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита-бронзового века). Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т, 2017. 368 с.
- Хохлов А.А., Григорьев А.П.* Морфологические характеристики антропологической выборки курганного могильника эпохи бронзы Красиковский I // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 14. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т, 2019. С. 69–80.
- Хохлов А.А., Григорьев А.П.* Краниологические материалы из погребений абашевской культуры финала средней бронзы Поволжья и Приуралья // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 69. С. 132–139.
- Хохлов А.А., Китов Е.П.* Теоретические и практические аспекты проблемы происхождения физического облика носителей культур синташтинского круга // Поволжская археология. 2019. № 1 (27). С. 59–71.
- Чикишева Т.А.* Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпоху неолита – раннего железа. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии Сибирского отд. РАН, 2012. 486 с.
- Шевченко А.В.* Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л.: Наука, 1986. С. 121–215.
- Alcobe S., Basabe J.M., Riquet R., Schwidetzky I.* Anthropologische Reste der neolithischen und frühbronzezeitlichen Bevölkerung der iberischen Halbinsel // Schwidetzky I. Die Anfänge des Neolithikums vom Orient bis Nordeuropa. T. VIIIb. Anthropologie. 2. Köln; Wien: Böhlau, 1978 (Fundamenta. Reihe B; Bd. 1). S. 28–43.

- Angel J.L.* Neolithic Ancestors of the Greeks // *American Journal of Archaeology*. 1945. Vol. 49, № 3. P. 252–260.
- Asmus G.* Die vorgeschichtlichen rassischen Verhältnisse in Schleswig-Holstein und Mecklenburg. Neumunster: K. Wachholtz, 1939. 106 S.
- Bach A., Bach H.* Anthropologische Analyse des Walternienburg/Bernburger Kollektivgrabes von Schönstedt im Thüringer Becken // *Alt-Thüringen*. 1972. № 12. S. 59–106.
- Bach H.* Die Skelette von zwei Glockenbecherleuten aus Wundersleben, Kr. Sömmerda // *Ausgrabungen und Funde*. 1966. № 11. S. 243–249.
- Barras de Aragon F.* Notas sobre restos humanos prehistóricos, protohistóricos y antiguos de España // *Actas y Memorias de la Sociedad Española de Arqueología, Etnografía y Prehistoria*. 1933. № 12. P. 89–207.
- Bröste K., Jorgensen J.B.* Prehistoric Man in Denmark: A Study in Physical Anthropology. Copenhagen: Munksgaard, 1956. 600 p.
- Czarnetzki A.* Vier neolithische Steinkistenpopulationen aus Hessen und Niedersachsen // *Schwidetzky I.* Die Anfänge des Neolithikums vom Orient bis Nordeuropa. T. VIIIb. Anthropologie. 2. Köln; Wien: Böhlau, 1978 (Fundamenta. Reihe B; Bd. 1). S. 218–240.
- Feustel R., Ullrich H.* Totenhütten der neolithischen Walternienburger Gruppe // *Alt-Thüringen*. 1965. № 7. S. 105–202.
- Fürst C.M.* Zur Kraniologie der Schwedischen Steinzeit. Uppsala: Almqvist and Wiksell, 1912 (Kungliga Svenska Vetenskapsakademiens Handlingar; 49, 1). 77 S.
- Fuste M.* Estudio antropológico de los pobladores neoneolíticos de la región valenciana. Valencia: Servicio de Investigación Prehistórica, 1957 (Serie de trabajos varios; 20). 128 p.
- Gallay G., Spindler K.* Archäologische und anthropologische Betrachtungen zu den neolithisch-kupferzeitlichen Funden aus der Cova da Moura, Portugal // *Madriider Mitteilungen*. 1970. № 11. P. 35–58.
- Gerhardt K.* Die Glockenbecherleute in Mittel- und West-Deutschland. Stuttgart: E. Schweizerbart'sche Verlagsbuchhandlung, 1953. 222 S.
- Gerhardt K.* Paläoanthropologie der Glockenbecherleute // *Schwidetzky I.* Die Anfänge des Neolithikums vom Orient bis Nordeuropa. T. VIIIb. Anthropologie. 2. Köln; Wien: Böhlau, 1978 (Fundamenta. Reihe B; Bd. 1). S. 265–316.
- Grimm H.* Zur anthropologischen Charakteristik der 1961 geborgenen menschlichen Skelettreste aus dem jungsteinzeitlichen Flachgräberfeld von Ostorf // *Anthropologischer Anzeiger*. 1965. Vol. 29. S. 59–64.
- Hanáková H., Stloukal M., Muška J.* Anthropologische Funde aus Nordwestböhmen, die aus den älteren Fonds des Kreismuseums in Teplice übernommen wurden // *Acta Musei Nationalis Pragae*. 1977. 33B, 3–4. S. 159–266.
- Jelinek J.* Die neolithische und bronzezeitliche Besiedlung der heutigen Tschechoslowakei // *Schwabedissen H., Schwidetzky I.* Die Anfänge des Neolithikums vom Orient bis Nordeuropa. T. VIIa. Anthropologie. 1. Köln; Wien: Böhlau, 1973 (Fundamenta. Reihe B; Bd. 3). S. 186–199.
- Jungwirth J., Kloiber Ä.* Die neolithischen Skelette aus Österreich // *Schwabedissen H., Schwidetzky I.* Die Anfänge des Neolithikums vom Orient bis Nordeuropa. T. VIIa. Anthropologie. 1. Köln; Wien: Böhlau, 1973 (Fundamenta. Reihe B; Bd. 3). S. 200–209.
- Knussmann R., Knussmann R.* Die Skelettreste der Rössener und Michelsberger Kulturepoche // *Schwidetzky I.* Die Anfänge des Neolithikums vom Orient bis Nordeuropa. T. VIIIb. Anthropologie. 2. Köln; Wien: Böhlau, 1978 (Fundamenta. Reihe B; Bd. 1). S. 164–217.
- Maue R.* Die Skelettfunde in der Steinkiste von Hiddingseen, Kreis Sioest. Munster: Aschendorffsche Verlagsbuchhandlung, 1939. 40 S.
- Mendes Correa A., Teixeira C.* A Jazida Pré-Histórica de Eira Pedrinha (Condeixa). Lisboa: Serviços Geológicos de Portugal, 1949. 64 p.
- Miszekiewicz B.* Die Aunjetitzer Bevölkerung aus Tomice, Kr. Dzierżoniów // *Homo*. 1972. Vol. 23. P. 145–154.
- Parenti R.* Studio antropologico d'un gruppo di scheletri eneolitici, riferibili alla civiltà di Rinaldone // *Archivio per l'Antropologia e la Etnologia*. 1963. № 92. P. 5–39.
- Perret G.* Cro-Magnon-Typen vom Neolithikum bis heute // *Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie*. 1938. Bd. 37. S. 1–101.
- Perret G.* Jungsteinzeitliche und frühbronzezeitliche Skelettreste Alt-Preußens. Zur Rassengeschichte Nordostdeutschlands. Beitrag I // *Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie*. 1943. Bd. 40. S. 334–366.
- Riquet R.* Les crânes préhistoriques de la collection Hélène (Narbonne) // *Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris*. XI Série. 1962. T. 3, fasc. 4. P. 480–522.
- Riquet R.* Anthropologie du neolithique et du bronze ancien. Poitiers: Texier, 1970. 277 p.
- Riquet R.* Anthropologie de quelques neolithiques Portugais // *Homo*. 1972. Vol. 23. P. 154–187.
- Riquet R.* Anthropologie du Néolithique de la France et des provinces limitrophes // *Schwabedissen H., Schwidetzky I.* Die Anfänge des Neolithikums vom Orient bis Nordeuropa. T. VIIa. Anthropologie. 1. Köln; Wien: Böhlau, 1973 (Fundamenta. Reihe B; Bd. 3). S. 247–279.
- Schröter P.* Endneolithische Schädel aus Franken // *Geschichte am Obermain*. 1977/78. 11. S. 20–33.
- Schwidetzky I.* Anthropologie der Schnurkeramik und Streitaxtkulturen // *Schwidetzky I.* Die Anfänge des Neolithikums vom Orient bis Nordeuropa. T. VIIIb.

- Anthropologie. 2. Köln; Wien: Böhlau, 1978 (Fundamenta. Reihe B; Bd. 1). S. 241–264.
- Schwidetzky I. Zur Anthropologie der Kugelamphoren-Kultur // Anthropologischer Anzeiger. 1980. Vol. 37. S. 245–250.
- Schwidetzky I., Rösing F. Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Anthropologie von Neolithikum und Bronzezeit // Homo. 1990. Vol. 40, № 1/2. P. 4–45.
- Ullrich H. Das Aunjetitzer Gräberfeld von Grossbrenbach. T. 1. Weimar: H. Böhlau, 1972. 170 S.
- Wiercinski A. Untersuchungen zur Anthropologie des Neolithikums in Polen // Schwabedissen H., Schwidetzky I. Die Anfänge des Neolithikums vom Orient bis Nordeuropa. T. VIIIa. Anthropologie. 1. Köln; Wien. Böhlau, 1973 (Fundamenta. Reihe B; Bd. 3). S. 170–185.
- Weniger J. Eine seltsame Mehrbestattung aus der frühen Bronzezeit von Schleimbach in Niederdonau // Natur und kultur. 1941. № 10. S. 1–38.
- Żejmo-Żejmis S. Seria czaszek neolitycznych z Brześcia Kujawskiego // Wiadomości Archeologiczne. 1938. T. XV. S. 158–186.
- Zoffmann Zs. A Kárpát-medence neolitikus és rézkori embertani leleteinek főbb metrikus és taxonómiai jellemzői // Anthropologiai Közlemények. 1984. № 28. S. 79–90.

ON CRANIOLOGICAL MARKERS OF WESTERN MIGRATIONS TO EASTERN EUROPE IN THE BRONZE AGE (the case of the Abashevo culture)

Alexey A. Kazarnitsky

Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS, St.-Petersburg, Russia
E-mail: kazarnitski@mail.ru

Craniological materials from the Abashevo culture are rare. A selection of skulls from the Pepkino mound in Chuvashia has long been known. Relatively recently, craniometric data of Abashevo culture bearers from the territory between the Volga and the Urals have been published. These are all the samples available today, with the exception of a few individual skulls from other sites. The origin of the Abashevo culture based on archaeological data is ambiguous: it may go back to the preceding Fatyanovo culture of the Upper Volga region or to some local groups of the Pit Grave (Yamnaya) culture, or else it may be the result of western migrations. The article deals with the question which of the archaeological hypotheses does not contradict the patterns of craniological variability of the European population of the Neolithic, Chalcolithic and Bronze Ages. The author employs craniometric data on a large number of European groups to search for the influence of migrations on the composition of the Abashevo population and other Bronze Age populations of Eastern Europe. It is argued that there are similarities between the series of skulls from the Fatyanovo sites and the eastern local groups of the Corded Ware culture. At the same time, there are no Western features in the craniometric characteristics of the two Abashevo series. The closest analogies of the latter can be observed among the population of the steppe and forest-steppe zones of Eastern Europe of the Chalcolithic and Bronze Ages.

Keywords: craniology, craniometry, population history, migrations, the Bronze Age, the Abashevo culture, archaeology, Europe.

REFERENCES

- Abdushelishvili M.G., 1964. Antropologiya drevnego i sovremennogo naseleniya Gruzii [Anthropology of the ancient and modern population of Georgia]. Tbilisi: Metsniereba. 209 p.
- Akimova M.S., 1955. Palaeoanthropological materials from the territory of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic. *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii Akademii nauk SSSR [Brief communications of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences]*, 23, pp. 78–92. (In Russ.)
- Akimova M.S., 1963. Palaeoanthropological materials from the Balanovo burial ground. *Bader O.N. Balanovskiy mogil'nik. Iz istorii lesnogo Povolzh'ya v epokhu bronzy [The Balanovo burial ground. From the history of the forest Volga region in the Bronze Age]*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 322–362. (In Russ.)
- Alcobe S., Basabe J.M., Riquet R., Schwidetzky I., 1978. Anthropologische Reste der neolithischen und frühbronzezeitlichen Bevölkerung der iberischen Halbinsel. *Schwidetzky I. Die Anfänge des Neolithikums vom Orient*

- bis Nordeuropa, VIIIb. Anthropologie, 2.* Köln; Wien: Böhlau, pp. 28–43. (Fundamenta, B, 1).
- Alekseev V.P., 1974. Proiskhozhdenie narodov Kavkaza [The origin of the peoples of the Caucasus]. Moscow: Nauka. 317 p.
- Alekseev V.P., Debets G.F., 1964. Kraniologiya. Metodika kraniologicheskikh issledovaniy [Craniology. Methods of craniological research]. Moscow: Nauka. 126 p.
- Alekseeva T.I., Denisova R.Ya., Kozlovskaya M.V., Kostyleva E.L., Kraynov D.A., 1997. Neolit lesnoy polosy Vostochnoy Evropy (antropologiya Sakhtyshskikh stoyanok) [The Neolithic of the forest area of Eastern Europe (anthropology of the Sakhtysh sites)]. Moscow: Nauchnyy mir. 191 p.
- Angel J.L., 1945. Neolithic Ancestors of the Greeks. *American Journal of Archaeology*, vol. 49, no. 3, pp. 252–260.
- Asmus G., 1939. Die vorgeschichtlichen rassischen Verhältnisse in Schleswig-Holstein und Mecklenburg. Neumünster: K. Wachholtz. 106 p.
- Azizyan G., 1965. Palaeoanthropological material from burials near the village of Lchashen. *Istoriko-filologicheskii zhurnal Akademii nauk Armyanskoy SSR [Historical and Philological Journal of the Academy of Sciences of the Armenian SSR]*, 3, pp. 306–316. (In Russ.)
- Bach A., Bach H., 1972. Anthropologische Analyse des Walternienburg/Bernburger Kollektivgrabes von Schönstedt im Thüringer Becken. *Alt-Thüringen*, 12, pp. 59–106.
- Bach H., 1966. Die Skelette von zwei Glockenbecherleuten aus Wundersleben, Kr. Sömmerda. *Ausgrabungen und Funde*, 11, pp. 243–249.
- Bader O.N., 1970. Basseyn Oki v epokhu bronzy [The Oka River basin in the Bronze Age]. Moscow: Nauka. 176 p.
- Balabanova M.A., 2016. On the anthropology of the Chalcolithic – Early Bronze Age population (based on materials from the burial grounds of Volgograd Region). *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik [The Lower Volga archaeological bulletin]*, vol. 15, no. 1, pp. 72–94. (In Russ.)
- Barras de Aragon F., 1933. Notas sobre restos humanos prehistóricos, protohistóricos y antiguos de España. *Actas y Memorias de la Sociedad Española de Arqueología, Etnografía y Prehistoria*, 12, pp. 89–207.
- Batieva E.F., 2010. Skulls from the Lower Don burial grounds of the Early Bronze Age. *Arkheologiya i paleoantropologiya evraziyskikh stepey i sopredel'nykh territoriy [Archaeology and palaeoanthropology of the Eurasian steppes and adjacent territories]*. Moscow: Taus, pp. 484–491. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii, 13). (In Russ.)
- Bröste K., Jorgensen J.B., 1956. Prehistoric Man in Denmark: A Study in Physical Anthropology. Copenhagen: Munksgaard. 600 p.
- Chikisheva T.A., 2012. Dinamika antropologicheskoy differentsiatsii naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri v epokhi neolita – rannego zheleza [Dynamics of anthropological differentiation of the population in the South-Western Siberia during the Neolithic – Early Iron Age]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. 486 p.
- Czarnetzki A., 1978. Vier neolithische Steinkistenpopulationen aus Hessen und Niedersachsen. *Schwidetzky I. Die Anfänge des Neolithikums vom Orient bis Nordeuropa, VIIIb. Anthropologie, 2.* Köln; Wien: Böhlau, pp. 218–240. (Fundamenta, B, 1).
- Debets G.F., 1936. Materials on palaeoanthropology of the USSR: Lower Volga region. *Antropologicheskii zhurnal [Anthropological journal]*, 1, pp. 65–80. (In Russ.)
- Debets G.F., 1948. Paleoantropologiya SSSR [Palaeoanthropology of the USSR]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 391 p. (Trudy Instituta etnografii imeni N.N. Miklukho-Maklaya. Novaya seriya, 4).
- Denisova R.Ya., 1975. Antropologiya drevnikh baltov [Anthropology of the ancient Baltic peoples]. Riga: Zinatne. 404 p.
- Efimenco P.P., Tretyakov P.N., 1961. The Abashevo culture in the Volga region. *Abashevskaya kul'tura v Srednem Povolzh'e [The Abashevo culture in the Middle Volga region]*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 57–110. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 97). (In Russ.)
- Feustel R., Ullrich H., 1965. Totenhütten der neolithischen Walternienburger Gruppe. *Alt-Thüringen*, 7, pp. 105–202.
- Firshteyn B.V., 1967. Anthropological characteristics of the Lower Volga region population in the Bronze Age (based on excavations in Volgograd and Saratov Regions and in the Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic). *Pamyatniki epokhi bronzy yuga evropeyskoy chasti SSSR [The Bronze Age sites in the south of the USSR European part]*. Kiev: Naukova dumka, pp. 100–140. (In Russ.)
- Fürst C.M., 1912. Zur Kraniologie der Schwedischen Steinzeit. Uppsala: Almqvist and Wiksell. 77 p. (Kungliga Svenska Vetenskapsakademiens Handlingar, 49, 1).
- Fuste M., 1957. Estudio antropológico de los pobladores neo-eneolíticos de la región valenciana. Valencia: Servicio de Investigación Prehistórica. 128 p. (Serie de trabajos varios, 20).
- Gadzhiev A.G., 1975. Drevnee naselenie Dagestana [Ancient population of Dagestan]. Moscow: Nauka. 125 p.
- Gerasimov M.M., 1955. Vosstanovlenie litsa po cherepu [Restoration of the facial features by the skull]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 584 p. (Trudy Instituta etnografii imeni N.N. Miklukho-Maklaya. Novaya seriya, 28).
- Gerasimova M.M., Pezhemskiy D.V., Yablonskiy L.T., 2007. Palaeoanthropological materials of the Maikop period from the Central Ciscaucasia. *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza [Materials on the study of the historical and*

- cultural heritage of the North Caucasus*], VII. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 91–121. (In Russ.)
- Gerhardt K., 1953. Die Glockenbecherleute in Mittel- und West-Deutschland. Stuttgart: E. Schweizerbart'sche Verlagsbuchhandlung. 222 p.
- Gerhardt K., 1978. Paläoanthropologie der Glockenbecherleute. *Schwidetzky I. Die Anfänge des Neolithikums vom Orient bis Nordeuropa, VIIb. Anthropologie*, 2. Köln; Wien: Böhlau, pp. 265–316. (Fundamenta, B, 1).
- Ginzburg V.V., 1959. Ethnogenetic connections of the ancient population of the Stalingrad Trans-Volga region (based on anthropological materials from the Kalinovka burial ground). *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya [Antiquities of the Lower Volga region]*, I. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 524–594. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 60). (In Russ.)
- Glazkova N.M., Chtetsov V.P., 1960. Palaeoanthropological materials of the Lower Volga detachment of the Stalingrad expedition. *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya [Antiquities of the Lower Volga region]*, II. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 285–292. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 78). (In Russ.)
- Gokhman I.I., 1966. Naselenie Ukrainy v epokhu mezolita i neolita [Population of Ukraine in the Mesolithic and Neolithic]. Moscow: Nauka. 224 p.
- Grimm H., 1965. Zur anthropologischen Charakteristik der 1961 geborgenen menschlichen Skelettreste aus dem jungsteinzeitlichen Flachgräberfeld von Ostorf. *Anthropologischer Anzeiger*, 29, pp. 59–64.
- Hanáková H., Stloukal M., Muška J., 1977. Anthropologische Funde aus Nordwestböhmen, die aus den älteren Fonds des Kreismuseums in Teplice übernommen wurden. *Acta Musei Nationalis Pragae*, 33B, 3–4, pp. 159–266.
- Jelinek J., 1973. Die neolithische und bronzezeitliche Besiedlung der heutigen Tschechoslowakei. *Schwabedissen H., Schwidetzky I. Die Anfänge des Neolithikums vom Orient bis Nordeuropa, VIIa. Anthropologie*, 1. Köln; Wien. Böhlau, pp. 186–199. (Fundamenta, B, 3).
- Jungwirth J., Kloiber Ä., 1973. Die neolithischen Skelette aus Österreich. *Schwabedissen H., Schwidetzky I. Die Anfänge des Neolithikums vom Orient bis Nordeuropa, VIIa. Anthropologie*, 1. Köln; Wien. Böhlau, pp. 200–209. (Fundamente, B, 3).
- Kasimova R.M., 1960. Antropologicheskoe issledovanie cherepov iz Mingechaura [Anthropological study of skulls from Mingechaur]. Baku: Akademiya nauk Azerbaydzhanskoy SSR. 134 p.
- Kazarnitskiy A.A., 2010. The Maikop Crania revisited. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]*, 1, pp. 148–155. (In Russ.)
- Kazarnitskiy A.A., 2012. Naselenie azovo-kaspiyskikh stepey v epokhu bronzy (antropologicheskii ocherk) [Population of the Azov-Caspian steppes in the Bronze Age (anthropological study)]. St.Petersburg: Nauka. 264 p.
- Kazarnitskiy A.A., 2022. Craniological data on migrations from the West to Eastern Europe during the post-Catacomb period. *Camera praehistorica*, 2, pp. 134–144. (In Russ.)
- Khalikov A.Kh., 1961. The Abashevo culture sites in the Mari Autonomous Soviet Socialist Republic. *Abashevskaya kul'tura v Srednem Povolzh'e [Abashevo culture in the Middle Volga]*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 157–241. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 97). (In Russ.)
- Khalikov A.Kh., Lebedinskaya G.V., Gerasimova M.M., 1966. Pepkinskiy kurgan (abashevskiy chelovek) [Pepkino mound (The Abashevo man)]. Yoshkar-Ola: Mariyskoe knizhnoe izdatel'stvo. 69 p.
- Khokhlov A.A., 2002. Craniological type of a person buried according to the Maikop culture tradition of the Early Bronze Age. *Nizhnepovolzhskiy arkheologicheskii sbornik [The Lower Volga archaeological collection]*, 5, pp. 174–179. (In Russ.)
- Khokhlov A.A., 2010a. Rare palaeoanthropological materials of the Middle Bronze Age from the Samara Volga region and the Urals. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk [News of the Samara Scientific Centre RAS]*, vol. 12, no. 6, pp. 248–251. (In Russ.)
- Khokhlov A.A., 2010b. Population of the Khvalynsk Eneolithic culture: based on anthropological materials from the burial grounds of Khvalynsk I, Khvalynsk II, and Khlopkov Bugor. *Khvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i khvalynskaya eneoliticheskaya kul'tura: Issledovaniya materialov [Khvalynsk Eneolithic burial grounds and the Khvalynsk Eneolithic culture: Research of materials]*. Samara: Istoriko-eko-kul'turnaya assotsiatsiya "Povolzh'e", pp. 407–517. (In Russ.)
- Khokhlov A.A., 2017. Morfogeneticheskie protsessy v Volgo-Ural'e v epokhu rannego golotsena (po kraniologicheskim materialam mezolita-bronzovogo veka) [Morphogenetic processes in the Volga-Ural region in the early Holocene (based on craniological materials of the Mesolithic–Bronze Age)]. Samara: Samarskiy gosudarstvennyy sotsial'no-pedagogicheskii universitet. 368 p.
- Khokhlov A.A., Grigor'ev A.P., 2019. Morphological characteristics of the anthropological sample of the Bronze Age Krasikovo I burial mound. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya [Archaeological sites of Orenburg Region]*, 14. Orenburg: Orenburgskiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet, pp. 69–80. (In Russ.)
- Khokhlov A.A., Grigor'ev A.P., 2021. Craniological materials from Abashevo culture burials of the final of Middle Bronze Age in the Volga and Urals regions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Tomsk State University. History]*, 69, pp. 132–139. (In Russ.)

- Khokhlov A.A., Kitov E.P., 2019. Theoretical and practical aspects of the origin of the Sintashta circle culture bearers' physical appearance. *Povolzhskaya arkhеologiya [The Volga River Region archaeology]*, 1 (27), pp. 59–71. (In Russ.)
- Knussmann R., Knussmann R., 1978. Die Skelettreste der Rössener und Michelsberger Kulturepoche. *Schwidetzky I. Die Anfänge des Neolithikums vom Orient bis Nordeuropa, VIIIb. Anthropologie*, 2. Köln; Wien: Böhlau, pp. 164–217. (Fundamenta, B, 1).
- Kozintsev A.G., 2007. Scythians of the Northern Pontic: intergroup differences, external connections, origin. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]*, 4 (32), pp. 140–144. (In Russ.)
- Kozintsev A.G., 2017. The origin of the Western Alakul people based on craniometric data (about one long-running debate). *Radlovskiy sbornik. Nauchnye issledovaniya i muzeynye proekty Muzeya antropologii i etnografii Rossiyskoy akademii nauk v 2016 g. [Radlov collection of papers. Scientific research and museum projects of the Museum of Anthropology and Ethnography RAS in 2016]*. St.Petersburg: Muzei antropologii i etnografii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 277–287. (In Russ.)
- Krivtsova-Grakova O.A., 1947. The Abashevo burial ground (excavations in 1945). *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury [Brief communications of the Institute for the History of Material Culture]*, XVII, pp. 92–97. (In Russ.)
- Kruts S.I., 1984. Paleoantropologicheskie issledovaniya Stepnogo Podneprov'ya (epokha bronzy) [Palaeo-anthropological studies of the Steppe Dnieper region (Bronze Age)]. Kiev: Naukova dumka. 208 p.
- Kuz'mina O.V., 2001. The Abashevo culture in the system of the Bronze Age cultures of Eastern Europe. *Bronzovyy vek Vostochnoy Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiya: materialy konferentsii "K stoletiyu periodizatsii V.A. Gorodtsova bronzovogo veka Yuzhnoy poloviny Evropy" [Bronze Age of Eastern Europe: Features of cultures, chronology and periodization: Proceedings of the Conference to the centenary of periodization of the Bronze Age of the Southern half of Europe by V.A. Gorodtsov]*. Samara: Samarskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 153–160. (In Russ.)
- Kuz'mina O.V., 2003. To the origin of Abashevo type axes. *Abashevskaya kul'turno-istoricheskaya oblast': istoki, razvitie, nasledie: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Abashevsko cultural and historical community: Origins, development, heritage: Proceedings of the International scientific conference]*. Cheboksary: Chuvashskiy gosudarstvennyy institut gumanitarnykh nauk, pp. 92–102. (In Russ.)
- Kuz'minykh S.V., Mimokhod R.A., 2016. Radiocarbon dates of the Pepkino mound and some issues of the chronology of the Middle Volga Abashevo culture. *Vneshnie i vnutrennie svyazi stepnykh (skotovodcheskikh) kul'tur Vostochnoy Evropy v eneolite i bronzovom veke (V–II tys. do n.e.) [External and internal relations of the steppe (pastoralist) cultures of Eastern Europe in the Chalcolithic and Bronze Age (5th–2nd millennia BC)]*. St. Petersburg: Institut istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, pp. 39–44. (In Russ.)
- Mark K.Yu., 1956. Palaeoanthropology of the Estonian SSR. *Baltiyskiy etnograficheskiy sbornik [Baltic collection of papers on ethnography]*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 204–207. (Trudy Instituta etnografii Akademii nauk SSSR. Novaya seriya, XXXII). (In Russ.)
- Maue R., 1939. Die Skelettfunde in der Steinkiste von Hiddingseen, Kreis Sioest. Munster: Aschendorffsche Verlagsbuchhandlung. 40 p.
- Mendes Correa A., Teixeira C., 1949. A Jazida Pré-Historica de Eira Pedrinha (Condeixa). Lisboa: Serviços Geológicos de Portugal. 64 p.
- Merpert N.Ya., 1961. Abashevo mounds of northern Chuvashia. *Abashevskaya kul'tura v Srednem Povolzh'e [The Abashevo culture in the Middle Volga region]*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 111–156. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 97). (In Russ.)
- Mimokhod R.A., 2022. The Middle Volga Abashevo culture and bell-shaped beaker culture: sketches for a family portrait. *Arkheologiya evraziyskikh stepey [Archaeology of the Eurasian steppes]*, 2, pp. 122–150. (In Russ.)
- Miszekiewicz B., 1972. Die Aunjetitzer Bevölkerung aus Tomice, Kr. Dzierżoniów. *Homo*, 23, pp. 145–154.
- Mkrtchyan R.A., 1988. Paleoantropologiya neoliticheskogo i eneoliticheskogo naseleniya yuga evropeyskoy chasti SSSR: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Palaeoanthropology of the Neolithic and Chalcolithic population of the south of the USSR European part: an author's abstract of the thesis for the Doctoral Degree in History]. Moscow. 19 p.
- Mkrtchyan R.A., 2001. Paleoantropologiya Oromskogo mogil'nika [Palaeoanthropology of the Orom burial ground]. Erevan: Zangak-97. 114 p. (Materialy po antropologii Armenii, 1).
- Parenti R., 1963. Studio antropologico d'un gruppo di scheletri eneolitici, riferibili alla civiltà di Rinaldone. *Archivio per l'Antropologia e la Etnologia*, 92, pp. 5–39.
- Perret G., 1938. Cro-Magnon-Typen vom Neolithikum bis heute. *Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie*, 37, pp. 1–101.
- Perret G., 1943. Jungsteinzeitliche und frühbronzezeitliche Skelettreste Alt-Preußens. Zur Rassengeschichte Nordostdeutschlands. Beitrag I. *Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie*, 40, pp. 334–366.
- Potekhina I.D., 1983. Anthropological characteristics of the Sredny Stog II population. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 1, pp. 144–154. (In Russ.)
- Riquet R., 1962. Les crânes préhistoriques de la collection Héléna (Narbonne). *Bulletins et Mémoires de la*

- Société d'Anthropologie de Paris. XI Série*, vol. 3, iss. 4, pp. 480–522.
- Riquet R., 1970. Anthropologie du neolithique et du bronze ancien. Poitiers: Texier. 277 p.
- Riquet R., 1972. Anthropologie de quelques neolithiques Portugais. *Homo*, 23, pp. 154–187.
- Riquet R., 1973. Anthropologie du Néolithique de la France et des provinces limitrophes. Schwabedissen H., Schwidetzky I. *Die Anfänge des Neolithikums vom Orient bis Nordeuropa, VIIa. Anthropologie, 1.* Köln; Wien: Böhlau, pp. 247–279. (Fundamente, B, 3).
- Schröter P., 1977/78. Endneolithische Schädel aus Franken. *Geschichte am Obermain*, 11, pp. 20–33.
- Schwidetzky I., 1978. Anthropologie der Schnurkeramik und Streitaxtkulturen. Schwidetzky I. *Die Anfänge des Neolithikums vom Orient bis Nordeuropa, VIIb. Anthropologie, 2.* Köln; Wien: Böhlau, pp. 241–264. (Fundamenta, B, 1).
- Schwidetzky I., 1980. Zur Anthropologie der Kugelamphoren-Kultur. *Anthropologischer Anzeiger*, 37, pp. 245–250.
- Schwidetzky I., Rösing F., 1990. Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Anthropologie von Neolithikum und Bronzezeit. *Homo*, vol. 40, no. 1/2, pp. 4–45.
- Shevchenko A.V., 1986. Anthropology of the population of the southern Russian steppes in the Bronze Age. *Antropologiya sovremennogo i drevnego naseleniya Evropeyskoy chasti SSSR [Anthropology of the modern and ancient population of the USSR European part]*. Leningrad: Nauka, pp. 121–215. (In Russ.)
- Surnina T.S., 1961. Palaeoanthropological materials from the Volnensky Neolithic burial ground. *Trudy Instituta etnografii imeni N.N. Miklukho-Maklaya. Novaya seriya [Proceedings of N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnography. New series]*, 71, pp. 3–25. (In Russ.)
- Surnina T.S., 1963. Palaeoanthropological materials from the Alexandria burial ground. *Trudy Instituta etnografii imeni N.N. Miklukho-Maklaya. Novaya seriya [Proceedings of N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnography. New series]*, 82, pp. 144–153. (In Russ.)
- Ullrich H., 1972. Das Aunjetitzer Gräberfeld von Grossbreimbach, 1. Weimar: H. Böhlau. 170 p.
- Weniger J., 1941. Eine seltsame Mehrbestattung aus der frühen Bronzezeit von Schleimbach in Niederdonau. *Natur und kultur*, 10, pp. 1–38.
- Wiercinski A., 1973. Untersuchungen zur Anthropologie des Neolithikums in Polen. Schwabedissen H., Schwidetzky I. *Die Anfänge des Neolithikums vom Orient bis Nordeuropa, VIIa. Anthropologie, 1.* Köln; Wien: Böhlau, pp. 170–185. (Fundamente, B, 3).
- Żejmo-Żejmis S., 1938. Seria czaszek neolitycznych z Brześcia Kujawskiego. *Wiadomości Archeologiczne*, XV, pp. 158–186.
- Zinevich G.P., 1967. Ocherki paleoantropologii Ukrainy [Studies in palaeoanthropology of Ukraine]. Kiev: Naukova dumka. 240 p.
- Zoffmann Zs., 1984. A Kárpát-medence neolitikus és rézkori embertani leleteinek főbb metrikus és taxonómiai jellemzői. *Anthropologiai Közlemények*, 28, pp. 79–90.

КРУГЛОПЛАНОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЗАУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ОТ НЕОЛИТА ДО РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

© 2024 г. В. А. Борзунов

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

E-mail: victor.borzunov@mail.ru

Поступила в редакцию 02.02.2023 г.

После доработки 21.07.2023 г.

Принята к публикации 17.10.2023 г.

Круглоплановые (кольцевые) городища являлись идеальным типом равнинных укреплений. Один из их прототипов — селища с замкнутой расстановкой жилищ по кругу и овалу. На севере Евразии кольцевые укрепления появились в неолите (VI–IV тыс. до н.э.) в обществах рыболовов-охотников-собирателей таежного Приобья и горно-лесного Зауралья во время массового заселения этих территорий в условиях глобального потепления климата. В бронзовом веке (конец III — начало I тыс. до н.э.) такие укрепленные поселки, равно как мысовые и береговые городища, в тайге исчезли, уступив место большим дерево-земляным укрепленным жилищам. В начале эпохи бронзы, во время очередного ксеротерма, в степях Зауралья скотоводами, мигрировавшими из Юго-Восточной Европы, возводятся круглоплановые крепости (синташтинская культура XXI–XVIII вв. до н.э.). Вероятно, под влиянием степного оборонного зодчества в XXI/XX–XVI вв. до н.э. в лесах Нижнего Приобья сооружаются круглоплановые селища ташковской культуры. Первые таежные городища развивались независимо от лесостепных и степных. Как те, так и другие являлись хозяйственно-производственными, социальными и, возможно, культовыми центрами общин. Новое массовое распространение кольцевых городищ в лесостепной зоне Тоболо-Иртышья, а затем в тайге Сургутского и Нижнего Приобья происходило в финале бронзового века и начале железного (VIII/VII вв. до н.э. — III/IV вв. н.э.). В VI/V вв. до н.э. — III/IV вв. н.э. защитные системы некоторых западносибирских укреплений стали дополняться бастионно-башенными элементами, заимствованными у саков Приаралья.

Ключевые слова: Зауралье, Западная Сибирь, тайга, лесостепь, степь, неолит, эпоха бронзы, ранний железный век, кольцевые городища, круглоплановые селища.

DOI: 10.31857/S0869606324010036, EDN: ZWLNOK

Изучение результатов полевых и камеральных исследований археологов Урало-Западно-сибирского региона позволило выделить самый северный в Евразии и мире ареал первобытных укрепленных поселений и их прототипов, приходившийся на таежные, лесостепные и степные области Зауралья и Западной Сибири. Намечены пять этапов генезиса и распространения таких центров на севере Евразии. Они относятся к неолиту и энеолиту (VII/VI — конец III тыс. до н.э.), первой и второй половинам эпохи бронзы (XXI/XX–XV, XII/XI–VIII вв. до н.э.) и раннего железного века (РЖВ I и II: VII–IV/III вв. до н.э.; IV/III вв. до н.э. — III/IV вв. н.э.) (Борзунов, 2013. С. 20; 2015. С. 296; 2016. С. 34; 2020а; 2020б. С. 99–100, 396).

В этом ареале наряду с городищами на мысах, холмах, скалах и краях коренных террас возводились большие дерево-земляные укрепленные жилища, а на равнинах — кольцевые (круглого, овального и подовального плана) городища, равно как их типологические предшественники — круглоплановые селища с замкнутой кольцевой расстановкой жилищ.

Статья посвящена феномену оригинальных круглоплановых поселений, как укрепленных, так и без защитных сооружений. Рамки исследования: Зауралье и Западная Сибирь, неолит — ранний железный век (VII/VI тыс. до н.э. — III/IV вв. н.э.). Рассмотрение этих правильного плана поселенческих объектов, довольно необычных для периферийных

территорий Евразии, значительно удаленных от развитых центров Древнего мира, позволяет реконструировать динамику и факторы появления, временного угасания и эпизодического возрождения особой планиграфической традиции на севере континента, причем в сходных либо принципиально разных условиях на протяжении продолжительного времени — от финала эпохи первобытности до преддверия формирования классовых обществ.

В работе приведены характеристики данных поселений, предложены варианты их генезиса, причины разнообразия, рассмотрены факты наличия либо отсутствия преемственности в их становлении и развитии.

При оценке хронологии памятников я опирался на оценки, предложенные авторами раскопок и аналитиками этих поселений. Необходимые даты были установлены на основании традиционных археологических методов (сравнительно-типологический анализ керамики, оружия, орудий труда, украшений и других артефактов), а также с помощью естественно-научных тестов (радиоуглеродное датирование органических остатков с учетом калибровочных поправок или без таковых). Из радиоуглеродных дат в данной публикации использовались в основном определения с калиброванными значениями. При этом приходится констатировать крайне малое количество радиоуглеродных дат, полученных для лесных памятников, по сравнению со степными. Впрочем, для распределения интересующих нас поселений по основным периодам большого количества дат, в том числе “сверхточных” калиброванных радиоуглеродных, не требуется.

Первый этап: неолит. К нему относятся три принципиально разных кольцевых городища, являющихся самыми северными ($57^{\circ}52' - 60^{\circ}52'$ с.ш.) в Евразии и мире: Каюково 2 (первая треть или половина VI тыс. до н.э.), Большая Умытъя 9 (V тыс. до н.э.) и Полудёнка I (начало IV тыс. до н.э.). Первые два укрепления открыты в средней тайге Приобья, третий — в горно-лесном Зауралье (рис. 1, 1–3).

Памятник Каюково 2 находится в бассейне р. Большой Салым, на вершине песчаной гривы с крутыми склонами. По результатам зондажей биологами установлено, что в древности поселок располагался в 100 м к западу от большого

озера, на высоте 7 м от воды. С юго-востока к возвышенности примыкала пойма реки, заросшая елью, березой и осиной. Раскопки показали, что это было городище площадью $1100-1200 \text{ м}^2$, окруженное кольцевым ровиком диаметром 30–35 м (рис. 2, А, Б). Последний не являлся остатками оборонительного рва, а представлял собой канаву, глубиной и шириной около 1 м, заполненную углистой супесью, предназначенную для установки частокола или бревенчатой “стены-тоннеля”. Роль дополнительного защитного пояса выполняли обращенные ко рву торцевые стенки построек № 1–5. Эти жилища были возведены по периметру городищенской площадки и имели прямоугольные котлованы размерами $4 \times 5 \text{ м}$, глубиной 0.6–1.2 м. Стены построек сооружены из досок толщиной до 12 см, которые устанавливались вертикально внутри котлованов, где зафиксированы мелкие узкие канавки. По другой версии, стенки котлованов только обшивались плахами, а полуземлянки были каркасно-столбовыми с наземной частью в виде усеченной пирамиды и наклонными стенами, опиравшимися основанием за пределами котлована. Каждое строение было окружено песчаной завалинкой. В центре поселка раскопано большое ($6 \times 6 \text{ м}$) жилище № 6. В помещениях открыты очаги и хозяйственные ямы. Малая хозяйственная постройка № 7 находилась в канаве и была связана с конструкцией оборонительной стены. Все жилища и постройка соединялись крытыми коридорами длиной до 2 м с углубленными полами. Вход в укрепление располагался с западной стороны и был фланкирован двумя кострищами (Иванько, Кардаш, 2002; Иванько, 2002; 2003; 2008; Кардаш и др., 2020. С. 110, 113. Рис. 2).

Поселение Большая Умытъя 9 находится на правом берегу одноименной реки, являющейся левым притоком Конды. Укрепление занимало часть обширного песчаного мыса высотой 4–6 м, ограниченного с юга поймой, а с запада — логом. В ходе раскопок установлено, что это было кольцевое городище площадью не менее 900 м^2 . Окружавшая его канава-“ровик” шириной 0.4–0.5 м, глубиной 0.5–0.7 м осталась от основания частокола. Центр поселения занимала полуземлянка с прямоугольным ($8.8 \times 8.2 \times 2.8 \text{ м}$) котлованом, окруженная песчаной “завалинкой”. От опорных конструкций

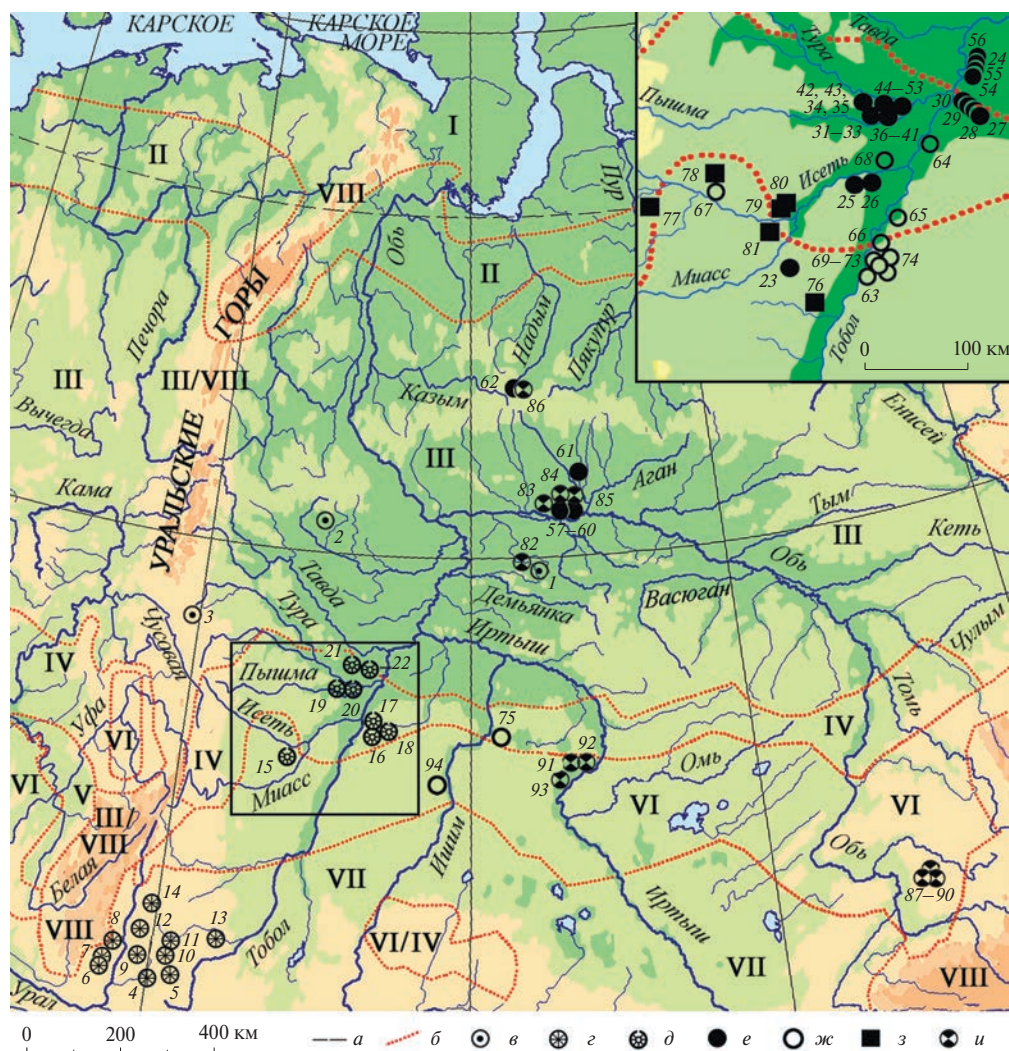

Рис. 1. Карта основных круглоплановых поселений неолита – раннего железного века Зауралья и Западной Сибири: 1 – Каюково 2*; 2 – Большая Умытъя 9*; 3 – Полудёнка I*; 4 – Аландское*; 5 – Берсуат (Ягодный Дол)*; 6 – Селек (1-я площадка); 7 – Улак I*; 8 – Кизильское (ранний горизонт)*; 9 – Аркаим (Утяганское)*; 10 – Синташта I*; 11 – Журумбай; 12 – Сарым-Саклы (Сарым-Сакла, Зингейка); 13 – Исеней I и II; 14 – Шикуртау; 15 – Ташково II*; 16 – Заводоуковское X*; 17 – Заводоуковское VIII/1; 18 – Заводоуковское XIII*; 19 – САО*; 20 – ЮАО XIII*; 21 – Иска III*; 22 – Шапкуль VIII, X; 23 – Санаторий “Лесные Горки”; 24 – Нерда 20; 25 – Онуфриевский Борок*; 26 – Сазык 8; 27 – Карагай Аул 4*; 28 – Карагай Аул I*; 29 – Вак Кур 2*; 30 – Юртобор 6; 31 – Кыртым 2*; 32 – Кыртым I*; 33 – Мичуринец 3; 34 – Андреевские 5* и 7*; 35 – Андреевское 6; 36 – Кыртым 3; 37–41 – ЮАО 5, 11, 15, 18, 23; 42 – Андреевское 11; 43 – Болотное 4; 44 – Белый Яр 4; 45 – Митюшино 5; 46 – Энергетик 1; 47 – Антонова Старица 1; 48–53 – Пламя Сибири 1–6; 54 – Варвара 1; 55 – Бор 1; 56 – Караульный Яр 4; 57 – Барсов городок I/9*; 58 – Барсов Городок III/1*; 59 – Барсов городок III/2*; 60 – Барсов Городок III/7*; 61 – Ермаково IV; 62 – Нумто II*; 63 – Баитовское (Чудаки)*; 64 – Большой Имбиряй 3*; 65 – Боровушка 2*; 66 – Бочанецкое*; 67 – Нижне-Суварышское I; 68 – Слободо-Бешкильское; 69–73 – Увал 1, 2, 3, 4*, 5*; 74 – Камышное I (Романовское)*; 75 – Лихачевское (Ерзовка)*; 76 – Гороховское-Чудаки*; 77 – Мало-Казахбаевское*; 78 – Нижне-Суварышское V; 79 – Ильтяковское; 80 – Юлдус 1; 81 – Мурзинское; 82 – Соровское XXXIV; 83 – Кучиминское XV; 84 – Барсов Городок I/6*; 85 – Барсов Городок II/5; 86 – Нумто III; 87–89 – Городище 3*, 7, 8; 90 – Малый Иткуль 4*; 91 – Батаково VI (Инберень IV)*; 92 – Батаково XIX*; 93 – Кушайлы; 94 – Марай 4*. Условные обозначения: а – Северный полярный круг; б – границы современных природно-климатических зон (I – тундра; II – лесотундра; III – редколесье; IV – тайга; V – широколиственно-лесная; VI – лесостепь; VII – степь; VIII – горные районы); в – городища неолита (1–3); г – синташтинские городища начала эпохи бронзы (4–14); д – ташковские “подкрепленные” поселения начала эпохи бронзы (15–22); е – юртоборские городища рубежа бронзового и железного веков (23–56); ж – белоярские, калининские, баитовские городища РЖВ I (57–75, 94); з – гороховские городища РЖВ I (76–81); и – кулайские и саргатские городища РЖВ II (82–93). Здесь и на рис. 2–8: * – памятники, на которых закладывались раскопы или разведочные траншеи.

Fig. 1. A map of circular fortified and non-fortified settlements of Western Siberia and the Urals

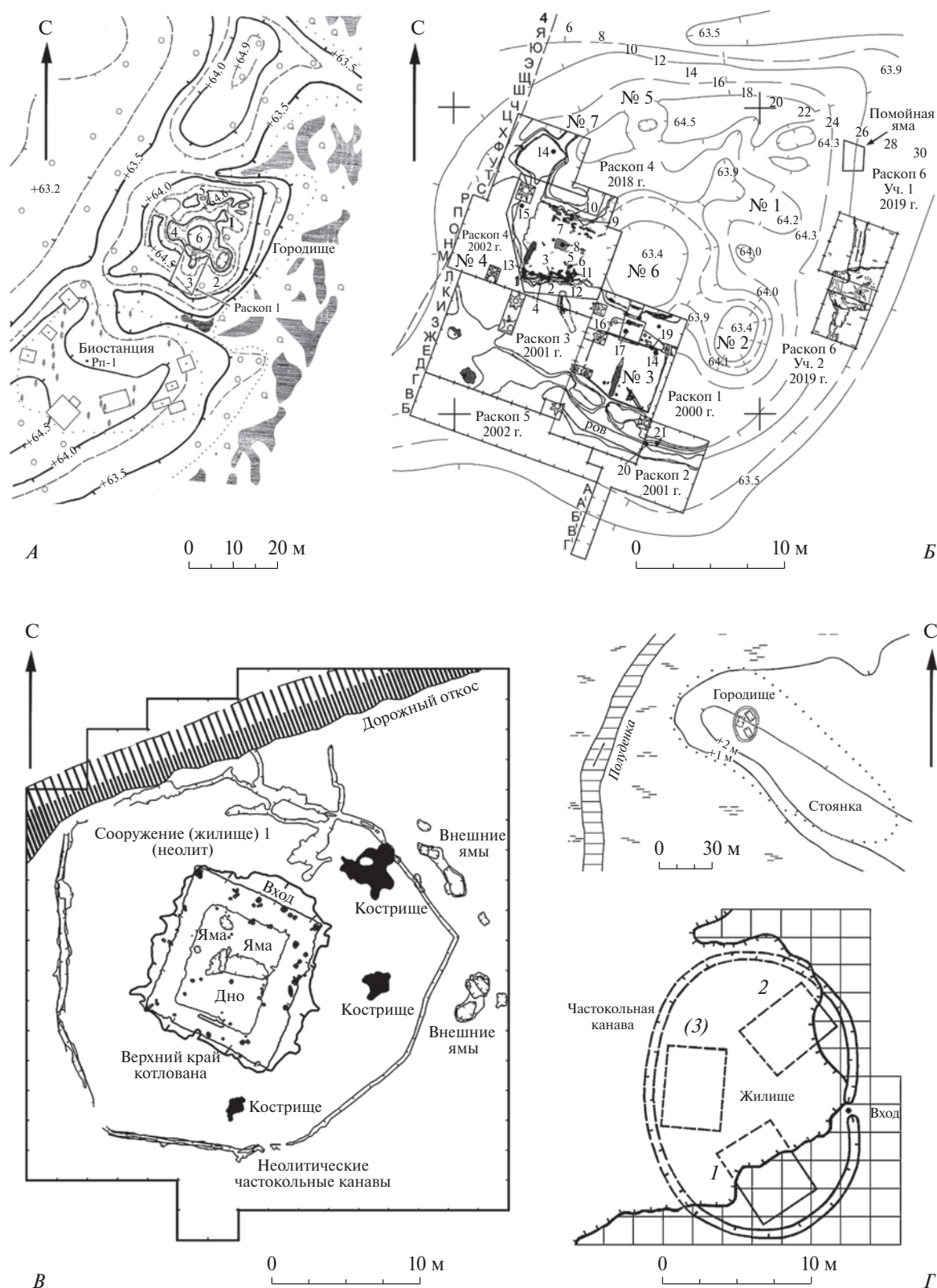

Рис. 2. Укрепленные поселения неолита Каюково 2* (А, Б), Большая Умытъя 9* (В), Полудёнка* (Г). Раскопки и съемки Л.В. Ивасько, О.В. Кардаша 2000–2002 гг. (А), О.В. Кардаша, Н.М. Чаиркиной и др. 2018, 2019 гг. (Б), А.А. Погодина 2007, 2008 гг. (В), О.Н. Бадера 1944–1946 гг. (Г). Здесь и на рис. 3–8 север – магнитный.

Fig. 2. The fortified Neolithic settlements of Kayukovo 2* (А, Б), Bolshaya Umytiya 9* (В), and Poludenka* (Г)

жилища вдоль стенок котлована сохранились столбовые ямки. В центре помещения находилась большая яма ($3.7 \times 1.2 \times 1$ м). Следов очага не выявлено. Вход в жилище располагался с северной стороны. На огороженном дворе прослеживались остатки наземных кострищ. За оградой открыты пять вытянутых ям, ориентированных продольно “ровику” (рис. 2, В). Основные находки представлены керамикой сумпаньинского типа (Погодин А., 2010; Борзунов, 2020б. С. 292, 320–322. Рис. 29).

Миниатюрное (260 м^2) сильно разрушенное карьером *поселение Полудёнка I* обнаружено в 12 км к западу от г. Нижний Тагил, на оконечности низкого (2 м) мыса в долине одноименной реки, входящей в бассейн Тагила (рис. 2, Г). Оно было окружено овальным ровиком-траншеей размерами 14.5×20 м. Автор раскопок О.Н. Бадер предполагал наличие здесь трех жилищ с прямоугольными котлованами, защищенными “деревянной оградой” (на мой взгляд, частокольной стеной) с одним проходом, расположенным с напольной стороны (Бадер, 1949; Борзунов, 2020б. С. 331–338. Рис. 35; 36).

Второй этап: начало эпохи бронзы. Около 2030–1740 (2300–1400) гг. до н.э. (Епимахов, 2004. С. 204–208; Молодин, Епимахов, Марченко, 2014) в степях Южного Зауралья скотоводами синташтинской культуры возведена серия больших укрепленных центров. Формирование ее было результатом массовых миграций скотоводческих племен Юго-Восточной Европы, устремившихся на восток в поисках новых пастбищ и, возможно, источников медных руд. Эти грандиозные подвижки происходили вслед за сильнейшей засухой XXIII–XXII вв. до н.э., в условиях улучшения климатической обстановки (ксеротерм) на севере Евразии (Таиров, 2003; Григорьев, 2015; Борзунов, 2020а. С. 360 и сл.).

Первые степные городища в плане были овальными (Аландское, Берсуат, Кизильское – ранний горизонт, Улак I, Шикуртау) и округлыми (Синташта I, Аркаим, Журумбай, Сарым-Саклы / Зингейка, Исеней I и II, Селек – основная площадка) (Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.Ф., 1992; Зданович, Малютин, 2004; Зданович, Батанина, 2007; Макурова, Петров, 2017; Солдаткин, 2018; История Южного Урала..., 2019; Зданович Г.Б., Малютин, Зданович Д.Г., 2020) (рис. 1, 4–14; 3). Поселения

равнинные, располагались рядом с источниками воды, на краях низких коренных террас, были окружены рвами и дерево-земляными стенами с глинистой заливкой и валообразными подсыпками. Диаметры памятников варьируются от 140 до 170 м. Застройка поселков плотная, монолитная, секторально-радиальная. Жилые камеры стандартные, вытянутого подтрапециевидного плана, бревенчато-столбовой конструкции, с вертикальными стенами и слегка наклонными двускатными крышами, покрытыми жердями, камышом и грунтом. Пристроенные друг к другу жилища образуют кольцевой массив, разделенный на сектора прямыми “улочками”, ориентированными к центру поселка. В помещениях открыты места отдыха, очаги, производственные печи, хозяйственные ямы, колодцы. В некоторых укреплениях выявлены по два “жилых кольца”, разделенные круговыми “улочками” с остатками перекрытых плахами водостоков. Наружные части жилых секторов соединялись с оборонительной стеной. Дополнительными защитными элементами являлись предвратные укрепления и ложные входы-ловушки. Входов в поселок зафиксировано от двух до четырех. В центре укрепления находилась круглая открытая площадка, предназначенная для хозяйственных целей, собраний, ритуалов и, возможно, для укрытия части скота в проблемные моменты.

Эти поселения выглядят как уменьшенные и видоизмененные варианты круглоплановых балканских крепостей с каменной архитектурой (о них: Мерперт, 1995; Балабина, 2015; Nikolov, 2016; Борзунов, 2020б: 147–150, 164, 165, 312, 344, 347). Вполне вероятно, что планировка степных городищ Зауралья была заимствована предками синташтинских племен в юго-восточных областях Европы. В новых условиях она была реализована с использованием местных строительных материалов – бревен, жердей, дерна, глинистых растворов, “земляных” блоков, камыша, как исключение – плитчатого камня, применявшегося для облицовки валов и рвов.

Высказана и альтернативная гипотеза – о местном генезисе данных поселений как следствие развития погребальной обрядности ямных племен Южного Урала. Первые синташтинские укрепления якобы не были связаны с миграциями, а

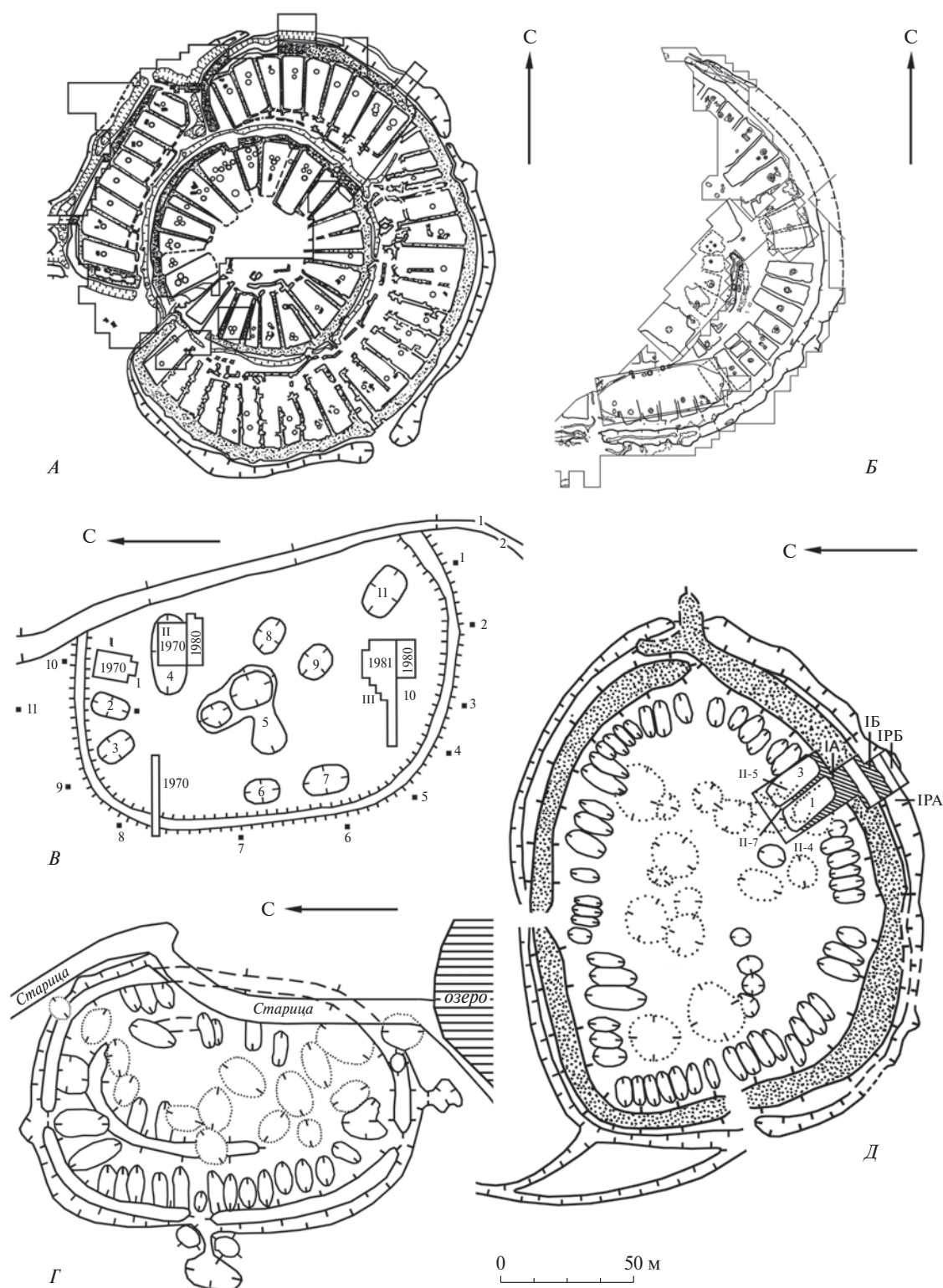

Рис. 3. Укрепленные поселения эпохи бронзы синташтинской культуры Аркаим* (А), Синташта* (Б), Кизильское – ранний горизонт* (В, Г), Аландское* (Д). Разведки, раскопки и съемки Г.Б. Здановича, С.Г. Боталова, С.А. Григорьева, Д.Г. Здановича и др. 1987–1996 гг. (А), В.И. Стефанова, В.Ф. Генинга, Г.Б. Здановича, В.В. Генинга и др. 1968, 1972–1976, 1983–1987 гг. (Б), В.С. Стоколоса 1968–1970, 1980, 1981 гг. (В), А.Д. Таирова, Г.Б. Здановича, И.М. Батагиной и др. 1995–1996 гг. (Г), Г.Б. Здановича, Т.С. Малютиной 1997, 1999–2000 гг. (Д).

Fig. 3. Bronze Age Sintashta fortified settlements of Arkaim* (A), Sintashta* (B), Kizilskoye – early horizon* (B, G), Alandskoye* (D)

строились по образу и подобию овальных и круглых курганов, оконтуренных “сырцовыми кладками” и рвами (Малютина, Зданович, 2013. С. 62–64).

Археологи, изучавшие синташтинские и синташтинско-петровские укрепления, указывают на отсутствие в них следов “военных катастроф”, а также боевого травматизма на костях из синхронных могильников. Некоторые исследователи даже утверждают, что военная функция обводных стен и рвов в круглоплановых центрах не была ведущей. Такие поселки-карды создавались для защиты населения от суровых климатических условий (зимние холода, весенние потопа) и от угрозы угона скота (Чечушков, Дакович, Якимов, 2018. С. 88, 89). Впрочем, наличие фортификаций вокруг стационарных поселков, наоборот, увеличивало шансы комфортного проживания степняков и спасения домашних животных в сложных условиях.

В действительности на время существования синташтинской культуры пришелся пик “военизированности” населения эпохи бронзы в данном регионе (История Южного Урала..., 2019. С. 287). Вследствие этого военная функция фортификаций в этот период приобрела первостепенное значение (Зданович, Батанина, 2007). Война и строительство оборонительных систем в уральских степях были спровоцированы конфликтами за новые территории и ресурсы, причем в первую очередь между родственными коллективами.

В соседнем Нижнем Притоболье, на границе лесов и лесостепи, на низких берегах рек и озер населением ташковской культуры стали возводиться круглоплановые поселки, но без оборонительных стен и рвов (рис. 1, 15–22; 4). Для точного датирования этих памятников данных мало. Ташковскую культуру ее главный исследователь В.Т. Ковалева, на основании результатов семи радиоуглеродных тестов, поместила “вокруг рубежа III–II тыс. до н.э.” (Ковалева, 2005. С. 105, 106).

Площади памятников варьировались от 700 до 2500 м². Постройки в них стандартные, наземные с квадратными котлованами средних размеров (40–55 м²). Стены жилищ вертикальные бревенчатые или, скорее всего, слегка наклоненные к центру помещения. Дома стояли

близко к друг к другу или, как вариант, были объединены в замкнутый кольцевой (овал, круг, трапеция) жилой массив. Центр селения оставался свободным или был занят одной постройкой. Вход в поселок, шириной около 2 м, находился со стороны водоема. Известно 10 таких поселений: Ташковское II, ЮАО XIII, Заводоуковские VIII/1, X (ранний горизонт), XIII, Иса III, возможно, Шапкуль VIII, X, ЮАО X, САО (Северный берег Андреевского озера). Их планиграфия напоминает синташтинские укрепления.

Жители этих поселков, по мнению их исследователей, являлись потомками степных скотоводов и металлургов, в значительной степени утративших в лесах навыки производящего хозяйства (Ковалева, 1988; Ковалева, Рыжкова, Шаманаев, 2000). Между тем у ташковских общин не было обязательных для степняков курганов и грунтовых погребений. По оценкам специалистов, носители ташковской культуры — это рыболовы-охотники юга Западной Сибири с зачаточным бронзолитным производством. Только самые южные ташковские коллективы могли позаимствовать у обитателей степей навыки содержания небольшого количества домашнего скота. Единичные кости лошади, найденные на данных памятниках, представлены дикой формой (Косинцев, 1999. С. 82, 83; Дегтярева, Ковалева, Кузьминых, 2014; Борзун, 2020а. С. 381–387. Рис. 1, 33–38; 7–9).

Третий этап: финал эпохи бронзы. В Курганском Притоболье раскопано двухслойное поселение — Заводоуковское X (рис. 1, 16; 4, Г). Носители бархатовской культуры (XIII/XII–VIII вв. до н.э.), представители обществ межовско-ирменского историко-культурного пласта, построили этот кольцевой центр на руинах ташковского, но с жилищами иной конструкции — подквадратными полуземлянками с длинными коридорообразными выходами, обращенными к центру незастроенной площадки (Сергеев, 1991; Очерки культурогенеза..., 1994. С. 167. Рис. 9, Г).

Четвертый этап: рубеж бронзового и железного веков, первая половина раннего железного века. В IX/VIII–VI вв. до н.э. в Нижнем Притоболье в массе распространяются разной величины (1–64 тыс. м²) одно- и двухплощадочные городища с фортификациями круглого, овального и

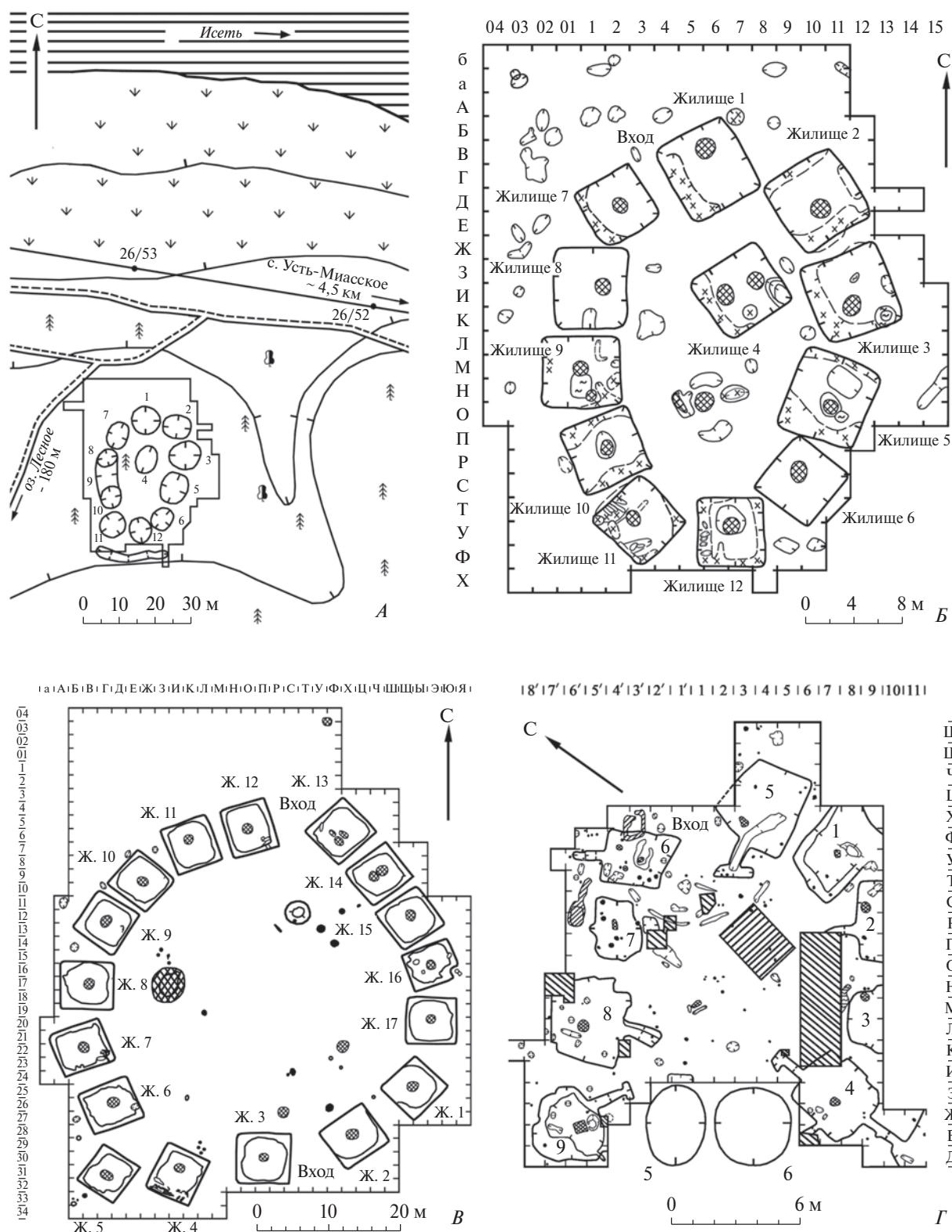

Рис. 4. Круглоплановые неукрепленные поселения эпохи бронзы Ташково II* (А, Б), ЮАО XIII* (В), Заводуковское X* (Г). Ташковская (А–Г) и бархатовская (Г) культуры. Раскопки и съемки В.Т. Ковалевой 1982, 1984–1986 гг. (А, Б), Л.А. Осоткиной 1979 г., В.Т. Ковалевой, О.В. Рыжковой 1990–1994 гг. (В), С.А. Сергеева 1985, 1988–1990 гг. (Г).

Fig. 4. Circular unfortified settlements of the Bronze Age Tashkovo II* (А, Б), YuAO XIII* (В), Zavodoukovskoye X* (Г). The Tashkovo (А–Г) and Barkhatovo (Г) cultures

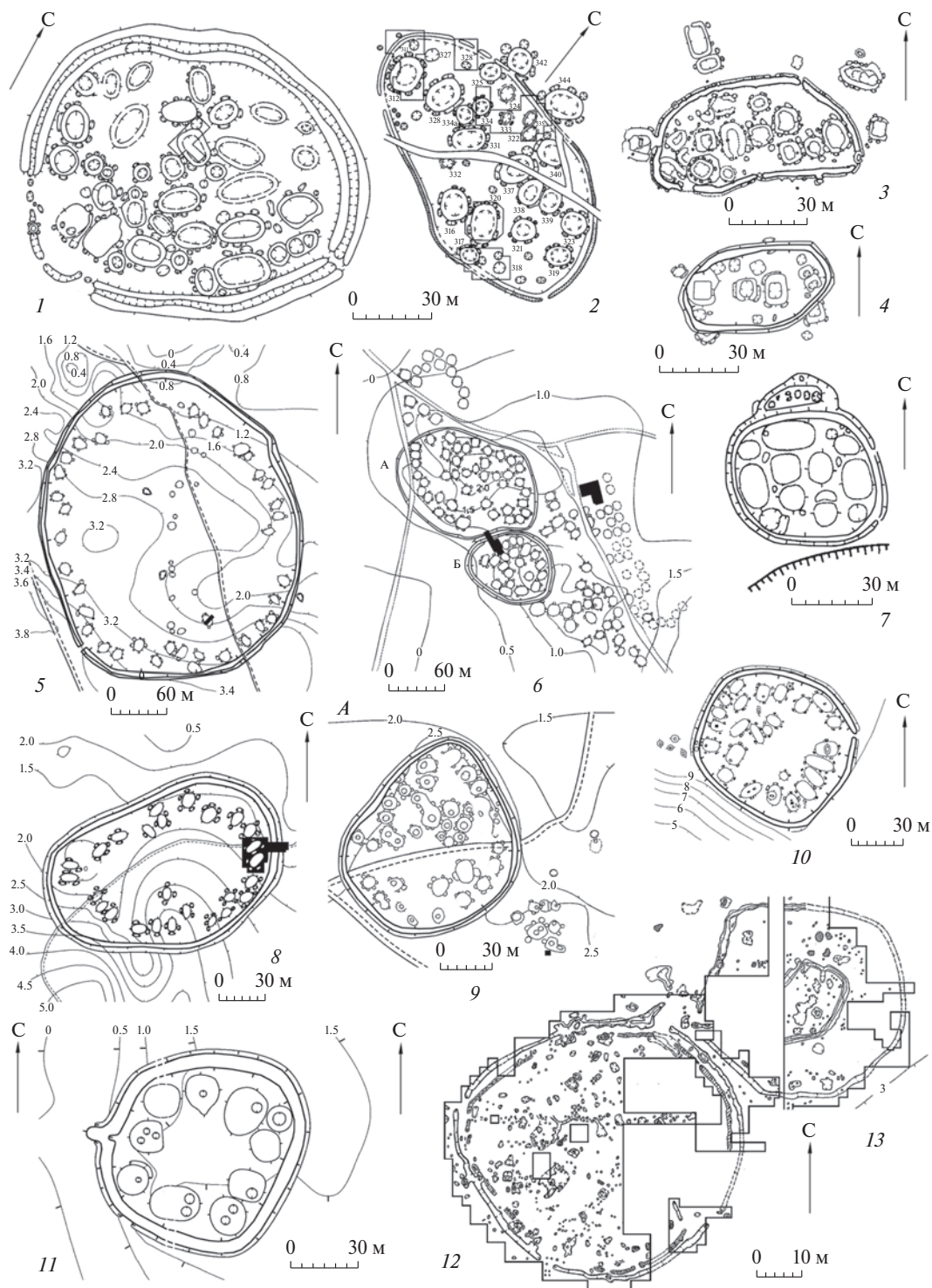

Рис. 5. Кольцевые городища белоярской (1–3) и калинкинской (4, 7) культур раннего железного века, юртоборской культуры рубежа бронзового и железного веков (5, 6, 8–13).

1 – Барсов Городок III/1*; 2 – Барсов Городок III/7*; 3 – Ермаково IV; 4 – Нумто II (4); 5 – Кырым 1*; 6 – Вак Кур 2*; 7 – Барсов Городок I/9; 8 – Карагай Аул 4*; 9 – Андреевское 11; 10 – Нерда 20; 11 – Сазык 8; 12 – Андреевское 7*; 13 – Андреевское 5* (1–4 – по Чемакин, 2008. Рис. 46, 1–3; 61, 6; 4, 7 – по Чемакин, Зыков, 2004. Рис. 4; 5, 6, 8–12 – по Зими́на, Зах, 2009. Рис. 3; 4; 10; 16; 50; 58; 66; 67; 72).

Fig. 5. Ring fortified settlements of the Early Iron Age Beloyar (1–3) and Kalinkina (4, 7) cultures, and of the Yurtobor culture at the turn of the Bronze and Iron Ages (5, 6, 8–13)

подовального плана. Их защитные бревенчатые стены были укреплены в основании песчаными “валиками” и дополнены мелкими ровиками-водоотводами. Таких памятников выявлено 23. На восьми из них (Андреевское 5 и 7, Карагай Аул 1 и 4, Вак-Кур 2, Кыртым 1 и 2, Белый Яр 4) проведены раскопки (рис. 1, 23–56; 5, 5, 6, 8–13). Постройки располагались в основном по периметру городищенской площадки, а значительная часть ее была свободна, возможно, с целью размещения здесь скота. Данные жилища отличались от полуземлянок бархатовской культуры. Это были наземные сооружения каркасно-столбовой конструкции, со слабо углубленными полами, наклонными бревенчатыми стенами, оконтуренными в основании песчаными завалинками и ямами-“карьеррами”. Их точными аналогами являлись многочисленные жилые объекты таежного Приобья. Тюменские археологи отнесли эти укрепления к “восточному варианту иткульской культуры”, подразделив на иткульские, карагай-аульские и вак-куровские. Последние определили северным вариантом баитовских (Зими́на, Зах, 2009). Тем не менее культура создавшего их населения с комплексным хозяйством (скотоводство, рыболовство, охота, домашние производства, включая керамическое, косторезное, а также скромное бронзолитейное), которую я назвал юртоборской (с исетским, карагай-аульским и вак-куровским этапами), по всем параметрам резко отличалась от замкнутого общества иткульских металлургов горно-лесного Зауралья VII–III/II вв. до н.э. (Борзунов, 2019. С. 140–142).

Южнее юртоборских укреплений в Притоболье были распространены баитовские (VII–IV вв. до н.э.) и гороховские (VI/V–II вв. до н.э.). Первые – круглого и овального плана, вторые – подовального с “ломаной” линией фортификаций. Защитные стены у них были бревенчатые, типа заплота, и, возможно, частокольные, дополненные внешним рвом.

К кольцевым притобольским баитовским относятся городища Баитовское-Чудаки, Большой Имбиряй 3, Бочанецкое, Боровушка 2, с меньшей вероятностью – Нижне-Суварышское I, Слободо-Бешкильское, Коркинское, Увал 1–5, Камышное I (Романовское), Осеево V, Устюг 2, Сосновка 3, Луговое 1 и 3 (рис. 1, 63–74;

6, A, B, Г) (Цембалюк, 2017. С. 17–24, 29–31, 47–50. Рис. 10; 45; 60; 67; 72; 84; 113; 129; 140; 142).

Два овальные городища с расстановкой жилищ по кругу открыты в лесостепном Приишимье: Лихачевское (Ерзовка) и Марай 4. Одни исследователи относят их к баитовским древностям, наследующим бархатовские, другие – к лихачевским, сложившимся на основе комплексов журавлевского (раннебогочановского) типа. На первом памятнике остатки жилых построек со слабо углубленными полами представлены под трапезиевидными котлованами, частично окруженными канавками. На втором укреплении зафиксированы руины наземных слабо углубленных и неуглубленных строений в виде малых круглых впадин и больших округло-овальных приподнятых площадок, оконтуренных ямами-карьеррами (Илюшина и др., 2019. С. 29–35, 43. Рис. 1–3) (рис. 1, 75; 94; 6, B, Д, E).

Характерной чертой гороховских фортификаций являлось наличие башен, бастионов, предгордий, предвратных сооружений и укрепленных входов (городища Гороховское-Чудаки, Мало-Казахбаевское, Нижне-Суварышское V, Ильтяковское, Юлдус 1, Мурзинское) (рис. 1, 76–81; 7) (Сальников, 1947; Стоянов, 1989. С. 98, 99; Очерки культурогенеза..., 1994. С. 238–242. Рис. 12, 25; 13, 2, 3; Борзунов, 2002. С. 80–95. Рис. 2, 9, 10, 12, 14, 19; 6; 7; Матвеева, 2000. Рис. 30, 2, 4; 31; 32, 3).

В тайге Сургутского и Нижнего Приобья открыты поселки начала железного века с фортификациями овального плана. К ним относятся городища Барсов городок III/1, III/7, Ермаково IV местной белоярской культуры VII–IV вв. до н.э. (рис. 1, 57, 58, 62; 7, 1–3), а также Барсов городок I/9, III/2 и Нумто II пришлового с юга населения, создавшего калинкинскую культуру VI–IV вв. до н.э. (рис. 1, 59–61; 7, 4, 7). Их руины выражены на поверхности в виде низких песчаных валов с мелкими напольными ровиками либо двух валов и канавы между ними. Возможно, планиграфия таких оборонительных линий была заимствована у населения Нижнего Притоболья. Жилища “северного типа” размещались на городищенских площадках очень плотно, без видимой системы, что характерно для поселков таежных охотников-рыболовов (Чемякин, Зыков, 2004. С. 19, 47, 49, 51. Рис. 4; 23; 24; 29; Чемякин, 2008. С. 67, 74, 75. Рис. 46; 61, 6).

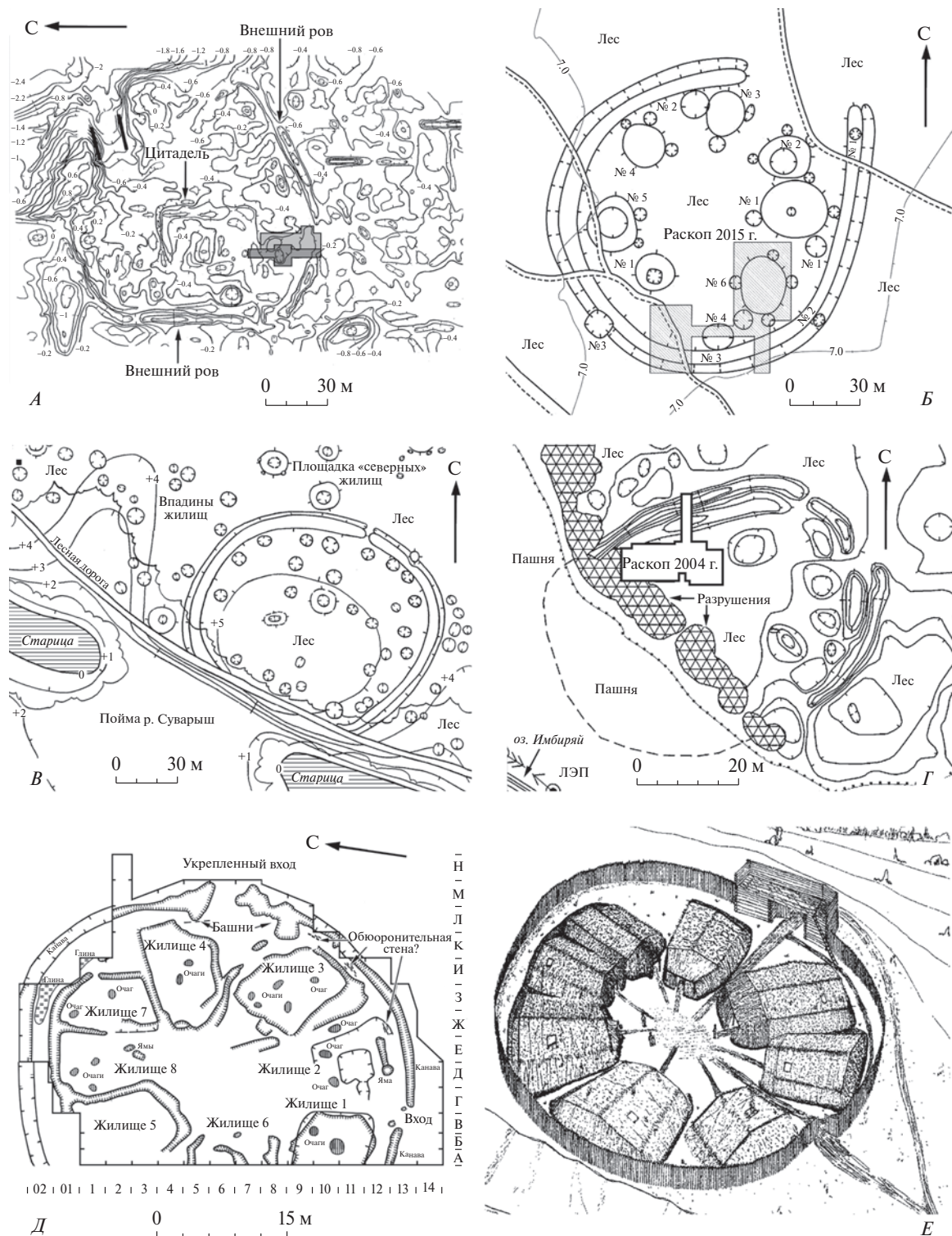

Рис. 6. Кольцевые городища баитовской культуры раннего железного века: Баитовское (Чудаки)* (А), Марай 4 (Б), Нижне-Суварышское I (В), Большой Имбиряй 3* (Г), Лихачевское (Ерзовка)* (Д, Е). Раскопки Л.Н. Коряковой и др. 1995–1996 гг., съемки Л. Лангвета 1996 г. (А). Разведка С.Н. Скочиной 2014 г.; раскопки и съемки В.В. Илюшина, В.А. Заха и др. 2015 г. (Б). Разведка А.А. Ковригина и др. 1992 г. (В). Раскопки и съемки Н.П. Матвеевой 2004 г. (Г), В.Ф. Генинга, В.Е. Стоянова, Г.Б. Здановича 1964 г.; В.Ф. Генинга 1966 г. (Д). Реконструкция С.И. Цембалюк, С.В. Берлиной 2014 г. (Е).

Fig. 6. Ring fortified settlements of the Early Iron Age Baitovo culture: Baitovo (Chudaki) (А), Maray 4 (Б), Nizhne-Suvaryskoye I (В), Bolshoy Imbiryay 3 (Г), Likhachevskoye (Erzovka) (Д, Е)

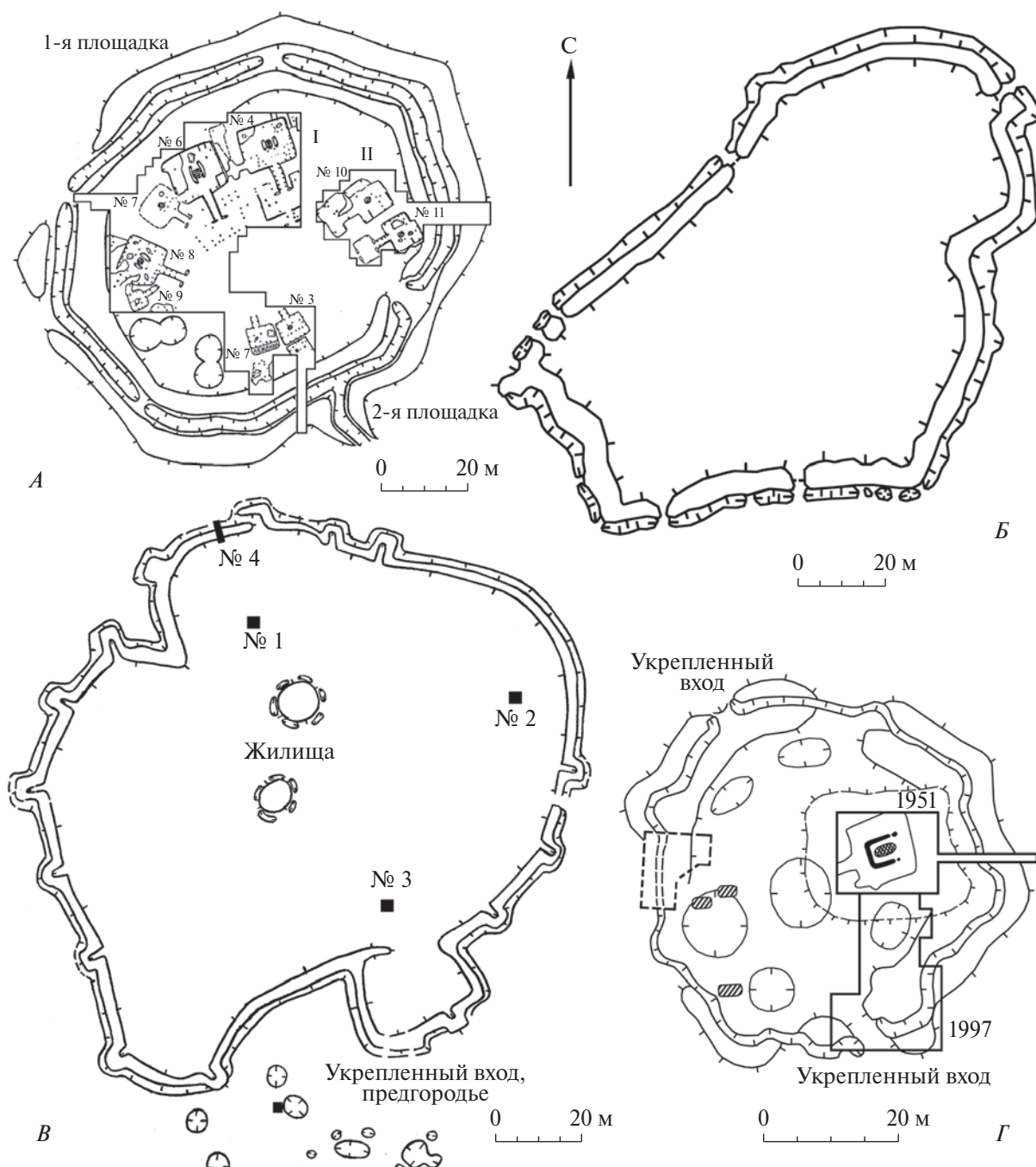

Рис. 7. Кольцевые городища гороховской культуры раннего железного века: Гороховское (Чудаки)* (А), Ильтяковское (Б), Нижне-Суварышское IV (В), Мало-Казахбаевское* (Г). Раскопки и съемки К.В. Сальникова 1937–1939, 1949 гг., Г.В. Бельтиковой, В.Е. Стоянова 1975–1977 гг. (А); К.В. Сальникова 1951 г., А.В. и М.Г. Епи-
маховых 1997 г. (Г). Разведки и съемки К.В. Сальникова и др. 1958 г., Н.Б. Виноградова 1986 г. (Б), В.А. Борзунова, А.А. Ковригина 1992 г. (В).

Fig. 7. Ring fortified settlements of the Gorokhovo Early Iron Age culture: Gorokhovo (Chudaki) (A), Iltyakovo (B), Nizhne-Suvaryshskoye IV (B), Maly Kazakhbay (G)

Пятый этап: вторая половина раннего железного века. Овально-кольцевые городища с постройками северного типа сохранялись в тайге в сургутском и нижеобском вариантах кулайской культурно-исторической общности (Барсов Городок I/6, III/5, Кучиминское XV, Соровское XXXIV, Нумто III) (рис. 1, 82–86; 8, I–4) (Очерки культурогенеза..., 1994. Рис. 26, 4; 5;

Борзунов, 2002. Рис. 3, 32, 37, 48; Чемякин, Зыков, 2004. С. 17, 50. Рис. 3; 27; Чемякин, 2008. Рис. 69, 4).

В Барнаульском Приобье открыты овально-го плана кулайские укрепления на оконечностях мысов (Городище 3, 8, Малый Иткуль 4) и в глубине террасы (Городище 7) (рис. 1, 87–90; 8, 6, 7) (Очерки культуругенеза..., 1994. Рис. 21).

В Среднем Прииртышье скотоводами саргатской культуры начали возводиться обширные селища и городища с цитаделями округло-овального плана: Батаково VI (Инберень IV), Батаково XIX, Кушайлы (рис. 1, 91–93; 8, 8, 9, 9a) (Погодин Л., 1977; Корякова, Стефанов, 1981). Предполагается, что цитадели, “малые крепости”, были предназначены для элиты общества, тогда как в “посадах” проживало население более низких рангов.

Кольцевые городища являлись идеальным типом укреплений для равнинных участков степей, лесостепей и тайги. Основная “нагрузка” по защите таких поселков приходилась не на естественную укрепленность, а на замкнутые оборонительные системы.

Разных вариантов круглоплановые поселения появились на севере Евразии в неодинаковой природной, этнокультурной и социальной среде.

Их генезис и развитие происходили как независимо друга от друга, так и в условиях наследования традиций “градостроительства” следующими поколениями, а также в процессе заимствования кольцевых систем окружающими чужеродными коллективами.

Первые “крепости” появились в таежном Приобье в раннем неолите (VII/VI тыс. до н.э.), в ходе массового заселения лесных пространств Зауралья и Западной Сибири в период климатического оптимума. В это время среднегодовые температуры были выше современных, а северная граница тайги доходила до середины Ямала (Кардаш и др., 2020. С. 104; Борзунов, 2020б. С. 305–312, 345–347).

Авторы раскопок самого древнего круглопланового таежного памятника Каюково 2 интерпретировали его как городище (Ивасько, Кардаш, 2002), но впоследствии определили культово-ритуальным объектом, преднамеренно сожженным его обитателями. Строителями этого сложного, “похожего на лабиринт”,

архитектурного комплекса были объявлены выходцы из среды протоиндоевропейских древнеземледельческих обществ, которые якобы мигрировали в сибирскую тайгу из Юго-Восточной Европы и даже Передней Азии (Ивасько, 2002; 2008; Кардаш и др., 2020. С. 120).

Тем не менее на данном и других памятниках Западной Сибири не найдено керамики с расписным (крашеным) декором, характерной для обществ юга Евразии. Укрепление Каюково 2 было явно жилое и долговременное. Оно, как и другие синхронные таежные поселки, основано охотниками-рыболовами-собирающими, не занимавшимися ни скотоводством, ни земледелием. Это население мигрировало в Приобье из ближайших, подвергшихся сильной засухе территорий юга Западной Сибири, Урала, Северного Казахстана, Поволжья и Прикаспия. Переселенцы принесли с собой на север навыки изготовления плоскодонной и круглодонной глиняной посуды, украшенной отступающе-накольчатыми, волнисто-прочерченными и гребенчато-ямочными узорами.

В начале эпохи бронзы городища в тайге исчезли, уступив место второму варианту укреплённых жилищ (Борзунов, 1999; 2015; 2020б).

Строительство укреплений в тайге способствовало закреплению за самыми сильными коллективами наиболее богатых охотничье-рыболовческих угодий. Такие стационарные поселки были хозяйственно-производственными, социальными и, возможно, культовыми центрами общин.

Появление укрепленных центров в конце III – начале II тыс. до н.э. в евразийских степях, между реками Тобол и Урал, было обусловлено, скорее всего, “западным импульсом”, т.е. продвижением на восток скотоводческих племен из юго-востока Европы. Первобытные “крепости” способствовали разделу и закреплению за отдельными коллективами территорий с постоянными источниками воды, обширными пастбищами, ленточными борами, откуда брался материал для строительства и отопления жилищ, а также с месторождениями медных руд и качественного камня. Очередная аридизация евразийских степей, а также активное воздействие на синташтинскую культуру лесостепных петровских племен, отразились и на архитектуре поселков. Круглоплановые укрепления

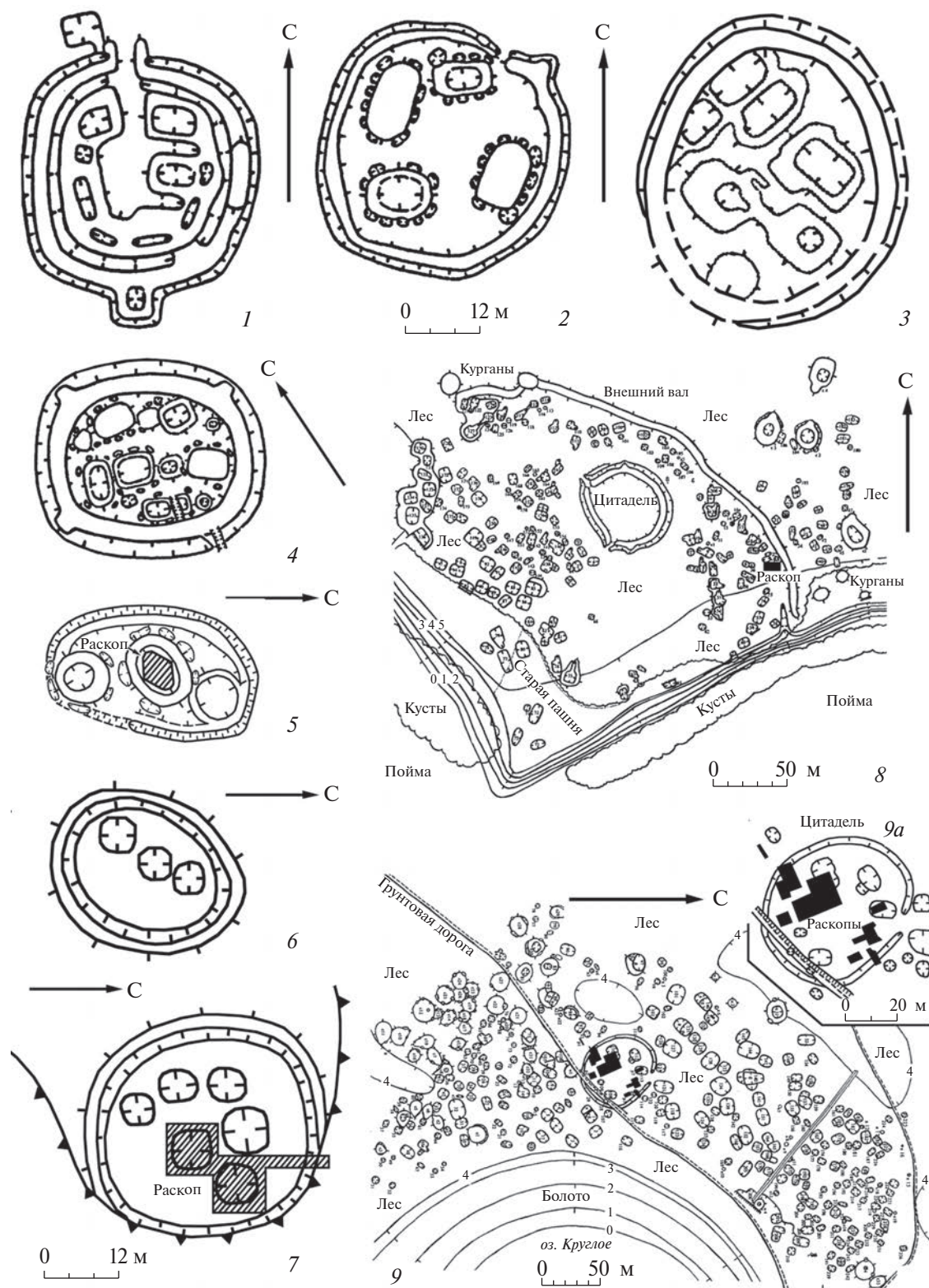

Рис. 8. Кольцевые городища кулайской (1–7) и саргатской (8, 9, 9а) культур раннего железного века: 1 – Соровское XXXIV; 2 – Кучиминское XV; 3 – Барсов Городок I/6*; 4 – Нумто III; 5 – Барсов городок III/5; 6 – Городище 7; 7 – Сошниково I; 8 – Батаково XIX*; 9 – Батаково VI (Инберень IV)*; 9а – Батаково VI, цитадель* (1, 2, 4 – по Борзунов, 2002. Рис. 3, 32, 37, 48; 3, 5–7 – по Очерки культуригенеза..., 1994. Рис. 26, 4, 5; 21, 4, 5). 8, 9, 9а – раскопки и съемка Л.И. Погодина 1996, 1997 гг.

Fig. 8. Ring fortified settlements of the Early Iron Age Kulayka (1–7) and Sargat (8, 9, 9a) cultures

сменились прямоугольными, а в XVII–XVI вв. до н.э. такие “городки” оказались “избыточными” и исчезли вообще (История Южного Урала..., 2019. С. 91, 283).

Вероятно, под влиянием синташтинского “градостроительства” в Нижнем Притоболье в начале эпохи бронзы формируются круглоплановые поселки ташковской культуры.

Новый всплеск строительства круглоплановых укреплений связан с рубежом бронзы и железа, а также ранним железным веком.

Исследователи круглоплановых городищ IX/VIII–VI вв. до н.э. Нижнего Притоболья предполагали опосредованное воздействие на генезис таких поселков домостроительства носителей ташковской культуры (Зими́на, 2005). Я не исключаю “возрождения” древней строительной традиции именно на данной территории, но не представляю механизмы этого процесса. Судя по наземным и полужелезным жилищам “северного типа”, в создании этих укреплений, которые я отношу к юртоборской культуре, помимо наследников местных бархатовских племен, принимали активное участие мигранты из таежных областей Конды, Обь-Иртышского междуречья и Сургутского Приобья (Борзунов, 2019). Сдвиг последних на юг был обусловлен резким похолоданием и увлажнением климата в начале I тыс. до н.э.

В период раннего железа круглоплановые укрепления путем наследования, культурного взаимодействия, заимствования и миграций лесного населения распространились по всему Нижнему Притоболью, а также в ряде областей лесного Приобья и лесостепного Ишимо-Иртышья.

Как полагают уральские и сибирские археологи, на планиграфию и бастионно-башенную оборонную архитектуру городищ гороховской, саргатской и кулайской культур оказало влияние фортификационное зодчество саков Приаралья (кюзели-гырская, чирик-рабатская культуры, Хорезм). Причиной этого были разнообразные тесные связи населения Средней Азии и Западной Сибири (Стоянов, 1989. С. 99; Матвеева 1997; 2000. С. 111; Борзунов, 2002).

Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ, тема № FEUZ-2023-0018.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадер О.Н.* Новый тип неолитического поселения на Урале // Советская этнография. 1949. № 2. С. 144–150.
- Балабина В.И.* Сескля // Большая Российская энциклопедия: в 35 т. Т. 30. Сен-Жерменский мир 1679 – Социальное обеспечение. М.: Рос. энцикл., 2015. С. 107.
- Борзунов В.А.* Новый ареал укрепленных жилищ на севере Евразии // Российская археология. 1999. № 4. С. 5–23.
- Борзунов В.А.* Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // Российская археология. 2002. № 3. С. 79–97.
- Борзунов В.А.* Неолитические укрепленные поселения Западной Сибири и Зауралья // Российская археология. 2013. № 4. С. 20–34.
- Борзунов В.А.* Укрепленные поселения первой половины эпохи бронзы севера Западной Сибири // Stratum plus. 2015. № 2. С. 295–315.
- Борзунов В.А.* Укрепленные поселения энеолита таежного Приобья // Российская археология. 2016. № 3. С. 34–44.
- Борзунов В.А.* О культурной принадлежности иткульских и гамаюно-иткульских древностей Зауралья // Российская археология. 2019. № 3. С. 131–146.
- Борзунов В.А.* Миграции и укрепленные поселения на юге Западной Сибири в первой половине эпохи бронзы // Stratum plus. 2020а. № 2. С. 359–408.
- Борзунов В.А.* Древние укрепления лесной полосы Урала и Западной Сибири. Т. 1. Неолит и энеолит. Екатеринбург: Уральский ун-т, 2020б. 576 с.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей: в 2 ч. Ч. 1. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1992. 408 с.
- Григорьев С.А.* Древние индоевропейцы. Челябинск: Цицеро, 2015. 496 с.
- Дегтярева А.Д., Ковалева В.Т., Кузьминых С.В.* Особенности цветной металлообработки племен ташковской культуры Нижнего Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3 (26). С. 14–24.
- Епимахов А.В.* Абсолютная и относительная хронология бронзового века Урала в свете новых радиоуглеродных дат // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии / Под ред. Ю.Ф. Кириюшина, А.А. Тишкина. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2004. С. 204–208.
- Зданович Г.Б., Батанина И.М.* Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). Челябинск: Крокус, 2007. 260 с.
- Зданович Г.Б., Малютин Т.С.* Укрепленное поселение Аландское. Строительные горизонты и керамические комплексы (к проблеме взаимосвязи

- синташтинско-аркаимской и петровской культур) // Этнические взаимодействия на Южном Урале / Ред. А.Д. Таиров и др. Челябинск: Рифей, 2004. С. 56–61.
- Зданович Г.Б., Малютина Т.С., Зданович Д.Г.* Аркаим. Археология укрепленных поселений. Кн. 1. Жилища и жилое пространство. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2020. 450 с.
- Зими́на О.Ю.* Аналогии кольцевым городищам Тюменского Притоболья в системе памятников с круговой планировкой Урало-Сибирского региона // АВ ОВО: Проблемы генезиса культуры / Отв. ред. А.Г. Еманов. Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 2005. С. 71–84.
- Зими́на О.Ю., Зах В.А.* Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.
- Ивасько Л.В.* О каюковской археологической культуре // Барсова Гора: Древности таежного Приобья / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Уральское кн. изд-во, 2008. С. 112–122.
- Ивасько Л.В.* Раскопки укрепленного поселения каменного века Каюково II // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 1. Томск; Ханты-Мансийск: Томский гос. ун-т, 2003. С. 228–229.
- Ивасько Л.В.* Укрепленное поселение каменного века Каюково 2 // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2002. С. 7–25.
- Ивасько Л., Кардаш О.* По следам огня. Открытие нового городища каменного века // Родина. 2002. Спец. вып. С. 40–42.
- Илюшина В.В., Зах В.А., Еньшин Д.Н., Тигеева Е.В., Кисагулов А.В.* Комплекс укрепленного поселения Марай 4 начала раннего железного века лесостепного Приишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 3 (46). С. 29–47.
- История Южного Урала: в 8 т. Т. 2. Южный Урал в начале эпохи металлов. Бронзовый век / Науч. ред. А.В. Епимахов. Челябинск: Южно-Уральский гос. ун-т, 2019. 432 с.
- Кардаш О.В., Чаиркина Н.М., Дубовцева Е.Н., Пиецонка Х.* Новые исследования городища раннего неолита Каюково-2 на севере Западной Сибири // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 7. С. 109–124.
- Ковалева В.Т.* Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Притоболья // Вопросы археологии Урала. Вып. 19. Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1988. С. 29–47.
- Ковалева В.Т.* Генезис, датировка и этническая специфика ташковской культуры // Археология Урала и Западной Сибири / Отв. ред. В.А. Борзунов. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2005. С. 102–109.
- Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В.* Ташковская культура: поселение Андреевское озеро XIII. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2000. 160 с.
- Корякова Л.Н., Стефанов В.И.* Городище Инберень IV на Иртыше // Советская археология. 1981. № 2. С. 178–195.
- Косинцев П.А.* Хозяйство ташковской культуры // XIV Уральское археологическое совещание: тез. докл. / Отв. ред. С.А. Григорьев. Челябинск: Рифей, 1999. С. 82–83.
- Макурова М.Р., Петров Ф.Н.* Аркаим — “Страна городов”: путеводитель по “бронзовому кольцу России”. Челябинск: Абрис, 2017. 55 с.
- Малютина Т.С., Зданович Г.Б.* Могильник Кизильский I: у истоков строительства аркаимских крепостей // Этнические взаимодействия на Южном Урале / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Рифей, 2013. С. 51–64.
- Матвеева Н.П.* Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск: Наука, 2000. 339 с.
- Матвеева Н.П.* О торговых связях Западной Сибири и Центральной Азии в раннем железном веке // Российская археология. 1997. № 2. С. 63–77.
- Мерперт Н.Я.* О планировке поселков раннего бронзового века в Верхнефракийской долине (Южная Болгария) // Российская археология. 1995. № 3. С. 28–46.
- Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В.* Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История и филология. 2014. Т. 13, вып. 3. С. 136–167.
- Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. I / Отв. ред. Н.В. Лукина. Томск: Томский гос. ун-т, 1994. 286 с.
- Погодин А.А.* Поселение Большая Умытъя 9: результаты полевых исследований 2007–2008 гг. в Советском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 8 / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Ханты-Мансийск; Томск: Томский ун-т, 2010. С. 146–183.
- Погодин Л.И.* Исследования в Омской области // Археологические исследования 1996 г. М.: Наука, 1977. С. 344–346.
- Сальников К.В.* Городище “Чудаки” Челябинской области: по раскопкам 1937 года // Советская археология. 1947. Вып. IX. С. 221–238.
- Сергеев А.С.* Поселение Заводоуковское X — новый памятник бархатовской культуры лесостепного Притоболья // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях / Ред. М.Ф. Обыденнов, Н.А. Мажитов, В.С. Горбунов. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 1991. С. 55–58.

- Солдаткин Н.В. Жилая архитектура укрепленных поселений синташтинско-петровского типа: обзор источников // Научный диалог. 2018. № 1. С. 209–220.
- Стоянов В.Е. Хозяйство и социальные отношения населения лесостепи и степи // История Урала с древнейших времен до 1861 г. М.: Наука, 1989. С. 99–103.
- Таиров А.Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II—I тыс. до н.э.: Материалы к историческим реконструкциям. Челябинск: Рифей, 2003. 68 с.
- Цембалюк С.И. Баитовская культура начала раннего железного века в лесостепном и подтаежном Приоболье: дис. ... канд. ист. наук. Т. 2. Тюмень, 2017. 349 с.
- Чечушков И.В., Дакович Г., Якимов А.С. Архитектурно-планировочные решения синташтинско-петровских поселений и проблема военного дела эпохи бронзы // Российская археология. 2018. № 3. С. 75–92.
- Челякин Ю.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. 224 с.
- Челякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора: археологическая карта. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2004. 208 с.
- Nikolov V. The Chalcolithic Stone Fortress of Provadia-Solnitsata // Культурные взаимодействия, динамика и смыслы. Kishinev: Stratum plus, 2016. С. 169–174.

CIRCULAR SETTLEMENTS OF THE TRANS-URALS AND WESTERN SIBERIA FROM THE NEOLITHIC TO THE EARLY IRON AGE

Viktor A. Borzunov

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

E-mail: victor.borzunov@mail.ru

Circular in plan fortified settlements, or ring settlements, were an ideal type of lowland fortifications. One of their prototypes is unfortified settlements with a closed layout of dwellings in a circle and an oval. In the north of Eurasia, ring fortifications emerged in the Neolithic (6th–4th millennia BC), in the fisher-hunter-gatherers' communities in the taiga area of the Ob' River Basin and the mountain-forest Trans-Urals, during the mass settlement of these territories in the context of global warming. In the Bronze Age (late 3rd – early 1st millennium BC), such fortified settlements, as well as promontory and riverside fortified settlements, disappeared in the taiga giving way to large earth-timber fortified dwellings. At the beginning of the Bronze Age, during the next xerotherm, in the steppes of the Trans-Urals, pastoralists who migrated from South-Eastern Europe erected circular fortresses (the Sintashta culture of the 21st–18th centuries BC). Probably, the construction of circular in plan unfortified settlements of the Tashkovo culture in the forests of the Lower Tobol region in the 21st/20th – 16th centuries BC was influenced by the steppe defensive architecture. The earliest taiga fortified settlements were developing independently of the forest-steppe and steppe settlements. The former and the latter alike were economic, industrial, social and, possibly, cult centres of communities. A new mass distribution of ring settlements in the forest-steppe area of the Tobol-Irtysh region, and later in the taiga area of the Surgut and Lower Ob' River region, took place at the end of the Bronze Age and the beginning of the Iron Age (8th/7th centuries BC – 3rd/4th centuries AD). In the 6th/5th centuries BC – 3rd/4th centuries AD, the defensive systems of some West Siberian fortifications were supplemented with bastion-tower elements borrowed from the Saka people of the Aral Sea region.

Keywords: the Trans-Urals, Western Siberia, the Neolithic, the Bronze Age, the Early Iron Age, fortified and unfortified circular in plan settlements.

REFERENCES

- Bader O.N., 1949. A new type of Neolithic settlement in the Urals. *Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]*, 2, pp. 144–150. (In Russ.)
- Balabina V.I., 2015. *Sesklo. Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya [Great Russian Encyclopedia]*, 30. *Sen-Zhermenskiy mir 1679 – Sotsial'noe obespechenie [Peace of Saint-Germain 1679 – Social Security]*. Moscow: Rossiyskaya entsiklopediya, p. 107. (In Russ.)
- Borzunov V.A., 1999. Something new of the geographical distribution of fortified dwellings in North Eurasia. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 4, pp. 5–23. (In Russ.)
- Borzunov V.A., 2002. The Early Iron Age hillforts with bastion-tower fortification in the North Eurasia.

- Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology], 3, pp. 79–97. (In Russ.)
- Borzunov V.A., 2013. Fortified Neolithic settlements of the Trans-Urals and Western Siberia. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 4, pp. 20–34. (In Russ.)
- Borzunov V.A., 2015. Fortified Settlements of the First Half of the Bronze Age in the North of Western Siberia. *Stratum plus*, 2, pp. 295–315. (In Russ.)
- Borzunov V.A., 2016. Fortified Eneolithic settlements in the taiga zone of the Ob river valley. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 3, pp. 34–44. (In Russ.)
- Borzunov V.A., 2019. On the cultural attribution of the Itkul and Gamayun-Itkul antiquities of the Trans-Urals. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 3, pp. 131–146. (In Russ.)
- Borzunov V.A., 2020a. Migrations and Fortified Settlements in the South of Western Siberia in the First Half of the Bronze Age. *Stratum plus*, 2, pp. 359–408. (In Russ.)
- Borzunov V.A., 2020b. Drevnie ukrepleniya lesnoy polosy Urala i Zapadnoy Sibiri [Ancient fortifications of the forest strip of the Urals and Western Siberia], 1. Neolit i eneolit [Neolithic and Eneolithic]. Ekaterinburg: Ural'skiy universitet. 576 p.
- Chechushkov I.V., Dakovich G., Yakimov A.S., 2018. Architectural and planning design of the Sintashta-Petrovka settlements and the issue of the Bronze Age warfare. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 3, pp. 75–92. (In Russ.)
- Chemyakin Yu.P., 2008. Barsova Gora: Ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. Drevnost' [Barsova Gora: Studies in the archaeology of the Surgut Ob' River region. Antiquity]. Surgut; Omsk: Omskiy dom pechati. 224 p.
- Chemyakin Yu.P., Zykov A.P., 2004. Barsova Gora: arkheologicheskaya karta [Barsova Gora: An archaeological map]. Surgut; Omsk: Omskiy dom pechati. 208 p.
- Degtyareva A.D., Kovaleva V.T., Kuz'minykh S.V., 2014. Features of non-ferrous metalworking of the Tashkovo culture tribes of the Lower Tobol River region. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii], 3 (26), pp. 14–24. (In Russ.)
- Epimakhov A.V., 2004. Absolute and relative chronology of the Bronze Age of the Urals in the light of new radiocarbon dates. *Kompleksnye issledovaniya drevnikh i traditsionnykh obshchestv Evrazii* [Comprehensive studies of ancient and traditional societies of Eurasia]. Yu.F. Kiryushin, A.A. Tishkin, eds. Barnaul: Altayskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 204–208. (In Russ.)
- Gening V.F., Zdanovich G.B., Gening V.V. Sintashta: Arkheologicheskie pamyatniki ariyskikh plemen Uralo-Kazakhstanskikh stepey [Sintashta: Archaeological sites of the Aryan tribes of the Ural-Kazakh steppes], 1. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1992. 408 p.
- Grigor'ev S.A., 2015. Drevnie indoevropeytsy [Ancient Indo-Europeans]. Chelyabinsk: Tsitsero. 496 p.
- Ilyushina V.V., Zakh V.A., En'shin D.N., Tigeeva E.V., Kisa-gulov A.V., 2019. The complex of the fortified settlement of Maray 4 of the beginning of the Early Iron Age in the forest-steppe area of the Ishim River region. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii], 3 (46), pp. 29–47. (In Russ.)
- Istoriya Yuzhnogo Urala [History of the Southern Urals], 2. Yuzhnyy Ural v nachale epokhi metallov. Bronzovyy vek [Southern Urals at the beginning of the Metals Age. Bronze Age]. A.V. Epimakhov, ed. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, 2019. 432 p.
- Ivas'ko L.V., 2002. The Stone Age fortified settlement of Kayukovo 2. *Materialy i issledovaniya po istorii Severo-Zapadnoy Sibiri* [Materials and research on the history of North-Western Siberia]. A.Ya. Trufanov, ed. Ekaterinburg: Ural'skiy rabochiy, pp. 7–25. (In Russ.)
- Ivas'ko L.V., 2003. Excavations in the Stone Age fortified settlement of Kayukovo II. *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo* [Khanty-Mansi Autonomous District in the mirror of the past], 1. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 228–229. (In Russ.)
- Ivas'ko L.V., 2008. On the Kayukovo archaeological culture. *Barsova Gora: Drevnosti taezhnogo Priob'ya* [Barsova Gora: Antiquities of the taiga area of the Ob River region]. A.Ya. Trufanov, ed. Ekaterinburg; Surgut: Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 112–122. (In Russ.)
- Ivas'ko L., Kardash O., 2002. In the wake of fire. Discovery of a new Stone Age settlement. *Rodina* [Motherland], spec. iss., pp. 40–42. (In Russ.)
- Kardash O.V., Chairkina N.M., Dubovtseva E.N., Pietsonka Kh., 2020. New studies in the Early Neolithic fortified settlement of Kayukovo-2 in the north of Western Siberia. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology], vol. 19, no. 7, pp. 109–124. (In Russ.)
- Koryakova L.N., Stefanov V.I., 1981. The fortified settlement of Inberen IV on the Irtys River. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 2, pp. 178–195. (In Russ.)
- Kosintsev P.A., 1999. The economy of the Tashkovo culture. *XIV Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie: tezisy dokladov* [XIV Ural archaeological session. Abstracts]. S.A. Grigor'ev, ed. Chelyabinsk: Rifei, pp. 82–83. (In Russ.)
- Kovaleva V.T., 1988. The Tashkovo culture of the Early Bronze Age of the Lower Tobol River region. *Voprosy arkheologii Urala* [Issues of the Ural archaeology], 19. *Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Urala i Zapadnoy Sibiri* [Problems of Ural and Siberian archaeology]. Sverdlovsk: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 29–47. (In Russ.)
- Kovaleva V.T., 2005. Genesis, dating and ethnic peculiarities of the Tashkovo culture. *Arkheologiya Urala i Zapadnoy Sibiri* [Archaeology of the Urals and Western Siberia]. V.A. Borzunov, ed. Ekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 102–109. (In Russ.)

- Kovaleva V.T., Ryzhkova O.V., Shamanaev A.V., 2000. Tashkovskaya kul'tura: poselenie Andreevskoe ozero XIII [The Tashkovo culture: settlement of Andreevskoye Ozero XIII]. Ekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet. 160 p.
- Makurova M.R., Petrov F.N., 2017. Arkaim — “Strana gorodov”: putevoditel' po “bronzovomu kol'tsu Rossii” [Arkaim — the “Land of Towns”. Guide to the “Bronze Ring of Russia”]. Chelyabinsk: Abris. 55 p.
- Malyutina T.S., Zdanovich G.B., 2013. The Kizil 1 burial ground: at the origins of the Arkaim fortresses construction. *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale [Ethnic interactions in the Southern Urals]*. A.D. Tairov, ed. Chelyabinsk: Rifei, pp. 51–64. (In Russ.)
- Matveeva N.P., 1997. Trade contacts between Western Siberia and Central Asia in the Early Iron Age. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 2, pp. 63–77. (In Russ.)
- Matveeva N.P., 2000. Sotsial'no-ekonomicheskie struktury naseleniya Zapadnoy Sibiri v rannem zheleznom veke (lesostepnaya i podtaezhnaya zony) [Social and economic structures of the population of Western Siberia in the Early Iron Age (forest-steppe and subtaiga areas)]. Novosibirsk: Nauka. 339 p.
- Merpert N.Ya., 1995. Concerning the planning of the Early Bronze Age settlements of the Upper Thracian Valley (Southern Bulgaria). *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 28–46. (In Russ.)
- Molodin V.I., Epimakhov A.V., Marchenko Zh.V., 2014. Radiocarbon chronology of Bronze Age Ural and South-Western Siberia cultures: Principles and approaches, achievements and problems. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya [Bulletin of Novosibirsk State University. History and Philology]*, vol. 13, iss. 3, pp. 136–167. (In Russ.)
- Nikolov V., 2016. The Chalcolithic Stone Fortress of Provadia-Solnitsata. *Kul'turnye vzaimodeystviya, dinamika i smysly [Cultural interactions, Dynamics and meanings]*. Kishinev: Stratum plus, pp. 169–174.
- Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri [Studies in the cultural genesis of the peoples of Western Siberia], 1. Poseleniya i zhilishcha [Settlements and dwellings], 1. N.V. Lukina, ed. Tomsk: Tomskiy gosudarstvennyy universitet, 1994. 286 p.
- Pogodin A.A., 2010. The settlement of Bolshaya Umytya 9: results of field research in 2007–2008 in Sovetsky district of Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra. *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo [Khanty-Mansi Autonomous District in the mirror of the past]*, 8. Ya.A. Yakovlev, ed. Khanty-Mansiysk; Tomsk: Tomskiy universitet, pp. 146–183. (In Russ.)
- Pogodin L.I., 1977. Research in Omsk Region. *Arkheologicheskie issledovaniya 1996 g. [Archaeological Research of 1996]*. Moscow: Nauka, pp. 344–346. (In Russ.)
- Sal'nikov K.V., 1947. The fortified settlement of “Chudaki” in Chelyabinsk Region: according to excavations in 1937. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, IX, pp. 221–238. (In Russ.)
- Sergeev A.S., 1991. The settlement of Zavodoukovsk X — a new Barkhatovo site in the forest-steppe Tobol River region. *Problemy pozdney bronzy i perekhoda k epokhe zheleza na Urale i sopredel'nykh territoriyakh [Problems of the Late Bronze Age and the transition to the Iron Age in the Urals and adjacent territories]*. M.F. Obydenov, N.A. Mazhitov, V.S. Gorbunov, eds. Ufa: Bashkirskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 55–58. (In Russ.)
- Soldatkin N.V., 2018. Residential architecture of the fortified settlements of the Sintashta-Petrovka type: a review of sources. *Nauchnyy dialog [Scientific dialogue]*, 1, pp. 209–220. (In Russ.)
- Stoyanov V.E., 1989. Economy and social relations of the forest-steppe and steppe population. *Istoriya Urala s drevneyshikh vremen do 1861 g. [History of the Urals from ancient times to 1861]*. Moscow: Nauka, pp. 99–103. (In Russ.)
- Tairov A.D., 2003. Izmeneniya klimata stepey i lesostepey Tsentral'noy Evrazii vo II — I tys. do n.e.: Materialy k istoricheskim rekonstruktsiyam [Changes in the climate of the steppes and forest-steppes of Central Eurasia in the 2nd — 1st millennium BC: Materials for historical reconstructions]. Chelyabinsk: Rifei. 68 p.
- Tsembalyuk S.I., 2017. Baitovskaya kul'tura nachala rannego zheleznoogo veka v lesostepnom i podtaezhnom Pritobol'e: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [The Baitovo culture of the initial phase of the Early Iron Age in the forest-steppe and taiga Tobol River region: the Doctoral thesis for a degree in History], 2. Tyumen'. 349 p.
- Zdanovich G.B., Batanina I.M., 2007. Strana gorodov: Prostranstvo i obrazy (Arkaim: gorizonty issledovaniy) [Land of Towns: Space and images (Arkaim: research horizons)]. Chelyabinsk: Krokus. 260 p.
- Zdanovich G.B., Malyutina T.S., 2004. The fortified settlement of Alandskoye. Building horizons and pottery complexes (On the problem of the relationship between the Sintashta-Arkaim and Petrovka cultures). *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale [Ethnic interactions in the Southern Urals]*. A.D. Tairov, ed. Chelyabinsk: Rifei, pp. 56–61. (In Russ.)
- Zdanovich G.B., Malyutina T.S., Zdanovich D.G., 2020. Arkaim. Arkheologiya ukreplennykh poseleniy [Arkaim. Archaeology of fortified settlements.], 1. Zhilishcha i zhiloe prostranstvo [Dwellings and living space]. Chelyabinsk: Chelyabinskiy gosudarstvennyy universitet. 450 p.
- Zimina O.Yu., 2005. Analogies to the circular fortified settlements of the Tyumen area of the Tobol region in the system of circular sites of the Ural-Siberian region. *AB OVO: Problemy genezisa kul'tury [AB OVO: Problems of the genesis of culture]*. A.G. Emanov, ed. Tyumen': Tyumenskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 71–84. (In Russ.)
- Zimina O.Yu., Zakh V.A., 2009. Nizhnee Pritobol'e na rubezhe bronzovogo i zheleznoogo vekov [The Lower Tobol River region at the turn of the Bronze and Iron Ages]. Novosibirsk: Nauka. 232 p.

ГОРОДИЩА В СИСТЕМЕ РАССЕЛЕНИЯ САМБИЙСКО-НАТАНГИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

© 2024 г. О. А. Хомякова

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: olga.homiakova@gmail.com

Поступила в редакцию 17.02.2023 г.

После доработки 12.06.2023 г.

Принята к публикации 13.06.2023 г.

Статья посвящена системе расселения самбийско-натынгийской культуры Юго-Восточной Прибалтики I тыс. н.э., роли в ней городищ, структуре отдельных центров расселения. Городища рассматриваются в качестве доминант в культурном ландшафте, которые организовывали округу с неукрепленными поселениями и хозяйственными зонами. Могильники находились на периферии таких центров. Отдельные центры расселения формировали концентрации памятников в местах сбора янтаря на Калининградском полуострове, вдоль Преголи и побережья Калининградского залива, важных для контроля транспортных коммуникаций. Данная система была довольно устойчивой и могла существовать длительный период на протяжении I тыс., эволюционировав в систему расселения раннесредневековых пруссов.

Ключевые слова: Юго-Восточная Прибалтика, самбийско-натынгийская культура, система расселения, ландшафт, городище, неукрепленное поселение, могильник.

DOI: 10.31857/S0869606323040086, **EDN:** IFCGSB

Структура и рельеф микрорегионов, степень обзора окружающей территории, ее восприятие определяют организацию пространства с точки зрения размещения поселенческих, погребальных, культовых объектов и оборонительных сооружений (Frachetti, 2006. Р. 128–147; Llobera, 2006. Р. 148, 149; там же литература; Коробов, 2017. С. 88–105). Условия расположения памятников влияют на формирование культурного ландшафта и систему расселения, которая отражает уровень социальной организации общества, степень экономического воздействия на окружающую среду, уровень религиозных представлений.

Развитие системы расселения I тыс. у племен Юго-Восточной Прибалтики началось в первых веках н.э. в эпоху римских влияний, когда они стали частью центральноевропейского варварского мира. Активизация культурных процессов привела к росту мобильности социальных групп, необходимости организации пространства и контроля коммуникационных артерий. Естественные природные барьеры, возможность

устройства искусственных защитных сооружений, доступ к наземным и водным путям сообщения и выгодное расположение на перекрестках транспортных коммуникаций — признаки, характеризующие поселенческие центры Восточной Прибалтики первой половины I тыс. (Zabiela, 1995. Р. 54–69; Lang, 2007. Р. 49–83, 262–265; Bliujienė, 2013. Р. 149–158).

Самбийско-натынгийская культура I–V вв. (другое название — “культура Доллькайм-Коврово” (подробно см.: Хомякова, 2014. С. 163–172) (рис. 1, А, Б) занимала особое место среди культур западнобалтского круга. Ее географические и природные условия — выход к морю, наличие богатейших запасов янтаря на Калининградском полуострове — обусловили возможность торговых и культурных связей с провинциями Римской империи, культурами Центральной и Северной Европы. В эпоху римских влияний здесь находилась зона контактов, через которую распространился ряд инноваций в материальной культуре Прибалтики и западной части Восточно-Европейской равнины.

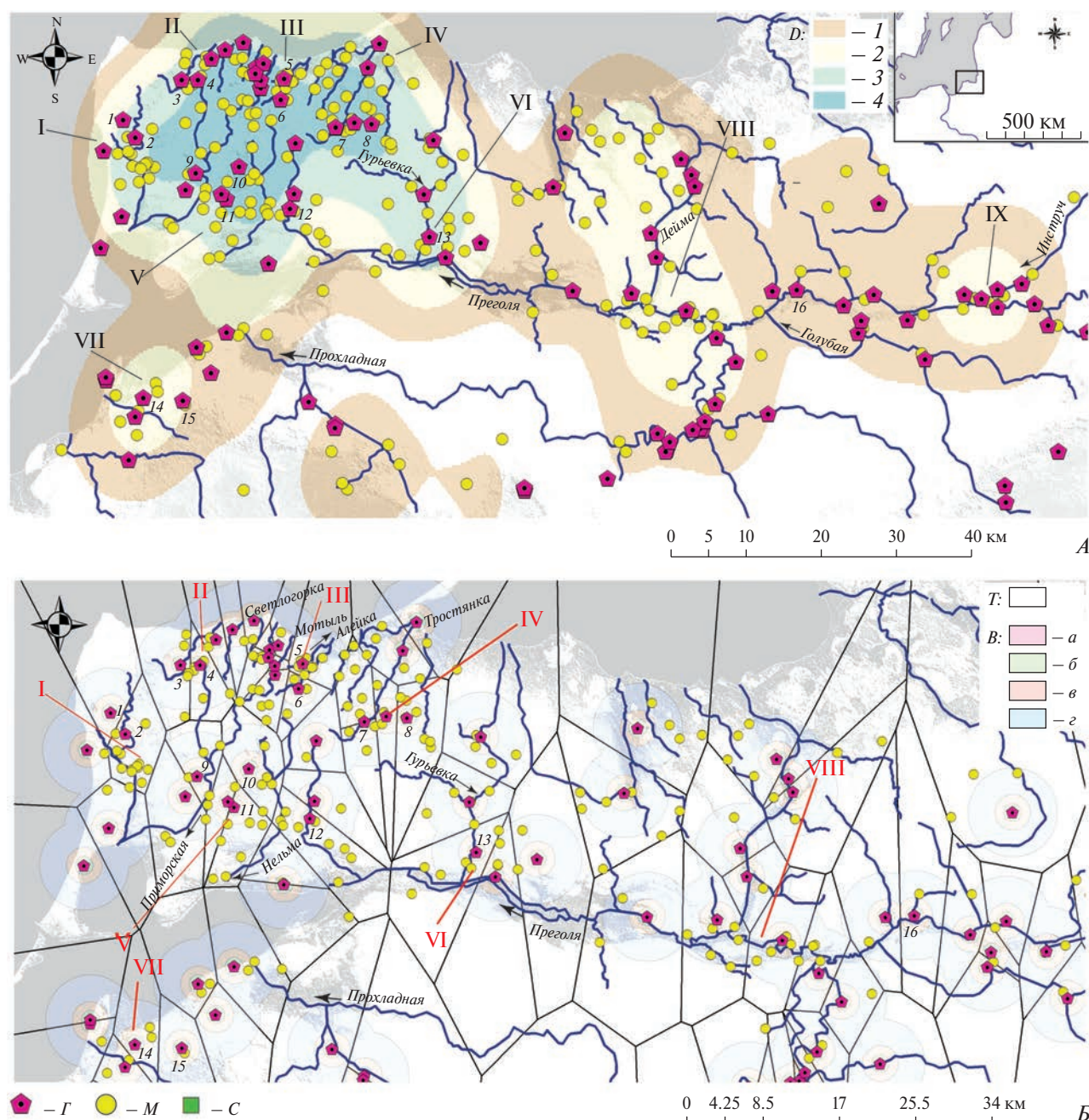

Рис. 1. Скопления памятников самбийско-натангийской культуры: *А* – скопления грунтовых могильников, *Б* – анализ полигонов Тиссена и буферных зон городищ: I – у современного пос. Янтарный (река Приморская), II – вдоль реки Светлогорка, III – междуречье рек Мотыль, Забава, Алейка, IV – междуречье рек Медвежья и Куровка, V – среднее течение реки Нельма, VI – нижнее течение реки Гурьевка, VII – вдоль побережья Калининградского (Вислинского) залива, VIII–XI – долина реки Преголя; городища, обсуждаемые в статье: 1 – Русское/Ellerhaus, 2 – Русское/Germau, 3 – Грачевка/Craam, 4 – Богатое/Pokirben, 5 – Куликово/Kringitten, 6 – Геройское/Eislithen, 7 – Ветрово/Ekritten, 8 – Моршанское/Schreitlacken, 9 – Медведево/Klein Norgau, 10 – Кумачево/Galgarben, 11 – Логвино/Medenau, 12 – Котельниково/Wargen, 13 – Заозерье/Rodmannshöfen, 14 – Московское/Partheinen, 15 – Первомайское/Warnikam, 16 – Кудрявцево/Kuglacken. Условные обозначения здесь и далее на рисунках: *T* – полигоны Тиссена; *B* – буферные зоны (*a* – 500, *b* – 1000, *v* – 2000, *z* – 5000 м); *D* – плотность могильников (на 30 км) (1 – 1–2, 2 – 2–3, 3 – 3–5, 4 – 5–8); *Г* – городище, *М* – могильник, *С* – селище. Основа карт – цифровая модель рельефа с использованием SRTM данных, топографическая и геологическая карты генерального штаба Пруссии (Messtischblatt).

Fig. 1. Clusters of sites of the Sambian-Natangian culture: *A* – clusters of burial grounds, *B* – analysis of the Thyssen polygons and buffer zones of fortified settlements

Имеющиеся представления о системе расселения самбийско-натынгийских племен строятся на данных погребальных объектов. На основе характеристики могильников делаются выводы о ландшафтной приуроченности, пространственном расположении памятников всех типов региона в целом. Могильник рассматривается как центр микрорегиона и ключевой элемент социальной организации ландшафта (например: Okulicz, 1981. Р. 34, 35; Nowakowski, 1996. S. 48–54, 170; Кулаков, 2003. С. 29–46, 47–60, 272–285. Рис. 1, 2; Ibsen, 2022. Р. 152).

Возникает ряд следующих вопросов. Достаточно ли данные о расположении и концентрациях грунтовых могильников для понимания организации культурного ландшафта в самбийско-натынгийском ареале? Какие археологические объекты являются в нем доминантами? Какова роль городищ, неукрепленных поселений, могильников в организации культурного ландшафта и формировании поселенческих центров? Наконец, как могла выглядеть структура таких поселенческих центров?

Система расселения по данным расположения грунтовых могильников. Выделяются¹ четыре-пять наиболее крупных ареалов концентраций могильников² (подробно: Khomiakova, 2016. Р. 62–69. Fig. 2, 3).

Скопления могильников формируются в I–II вв. н.э. у основания Самбийской возвышенности Калининградского полуострова (рис. 1, А). В III–IV вв. памятники данного типа распространяются вглубь полуострова вплоть до водораздельных территорий возвышенности Большие Горы (Альк). Могильники немногочисленны лишь в низменной слабо дренированной древнеаллювиальной равнине на юге полуострова, представляющей приустьевую часть древней долины Преголи.

Три наиболее крупных скопления могильников локализуются на западном и северном побережье Калининградского полуострова — исторической

¹ При моделировании использовался модуль "Spatial Analyst" ArcView пакета программ ArcGIS 10.6.1. В статье используются термины: анализ плотности ядер (*kernel density*), ресурсные буферные зоны (*buffer zones*), полигоны Тиссена (*Thiessen*), зоны видимости (*field-of-view*) (подробно, например: Коробов, 2017. С. 34, 35, 89, 92, 102–104, там же литература).

² Используются данные о расположении 261 могильника.

Самбии (рис. 1, А, I–III). Они расположены в местах сбора янтаря, выходов янтароносной "голубой земли" и приурочены к бассейнам малых рек. Среднее расстояние между могильниками в пределах этих скоплений не превышает 3 км, плотность — 6–9 памятников на 30 км². Первое — находится в районе современного пос. Янтарный, вдоль реки Приморская (рис. 1, А, I); второе — в районе современных Светлогорска и Пионерского (рис. 1, А, II) и между реками Мотыль и Забава (рис. 1, А, III). Здесь, помимо выходов янтароносной глины, у мысов Купальный и Гвардейский находится естественная гавань, которая могла использоваться в древности для морской каботажной торговли (Кулаков, 2003. С. 121, 122). Третье скопление локализуется между реками Медвежья и Куровка, а также на правом берегу Тростянки (рис. 1, А, IV), устье которой расположено у пролива, в древности перерезавшего основание Куршской косы.

Менее концентрированные скопления находятся в среднем течении рек Нельма и Граевка (рис. 1, А, V), впадающих в Калининградский (Вислинский) залив, вдоль реки Гурьевка (рис. 1, А, VI). У побережья Калининградского залива группы могильников расположены в низовьях рек Преголя и Прохладная, а также у полуострова Бальга (рис. 1, А, VII).

В восточной части Самбии и на территории Надровии (современные Черняховский и Полесский районы) могильники приурочены к долине реки Преголи. Они локализуются в ее среднем течении в районе современного Гвардейска, вдоль Деймы (рукава Преголи) (рис. 1, А, VIII); у слияния с крупными притоками — Голубая, Глубокая (рис. 1, А–Б, 16); в районе слияния Инструча и Анграппы (рис. 1, А, IX).

Однако на этом возможности анализа грунтовых могильников с точки зрения изучения системы расселения исчерпываются. Их концентрации указывают, где могли располагаться центры расселения, но не объясняют, как могла выглядеть их структура.

Роль городищ, могильников и неукрепленных поселений в социальной организации ландшафта и формировании поселенческих центров. В теории центральных мест обитания типом памятников, которые могли выполнять функции центров власти, считаются укрепленные

поселения на возвышенностях, представлявшие собой константу в ландшафте — городища (подробно: Nakoinz, 2010. S. 251–265; Webley, 2008. P. 21–44; Renfrew, Bahn, 2012. P. 173–176). По имеющимся данным, в эпоху римских влияний городища играли значимую роль в системе расселения Южной Скандинавии и Восточной Прибалтики. В их устройстве использовались природные особенности ландшафта, холмов, мысов, излучин рек (Christensen, 2011. P. 93, 98; Lang, 2007. P. 44–47; Vengalis, 2016. P. 178–180).

По данным довоенных архивов в центральной части бывшей Восточной Пруссии с категорией городищ соотносится более 500 памятников (Wendt, 2011. P. 17–24). Установлено местоположение и имеются сведения о морфологии 136 городищ Калининградской области (подробно: Khomiakova, Skhodnov, Chaukin, 2018. P. 29, 30; Ibsen, 2022. S. 144–146). Значительное их количество локализуется в местах указанных скоплений грунтовых могильников: около 40% — на Калининградском полуострове, 30% — в долине Преголи (Khomiakova, Skhodnov, Chaukin, 2018. Fig. 1).

Непосредственному изучению городищ самбийско-натангийского ареала долгое время не уделялось достаточного внимания. Однако в последние годы начато их активное исследование (Хомякова, 2018; Khomiakova, Skhodnov, Chaukin, 2018; Khokhlov, Zaltsman, Ibsen, 2020; Вокруг кольца, 2021; Ibsen, 2022). Получены данные радиоуглеродного датирования образцов почвы из культурного слоя ряда городищ (Ibsen, 2022).

Анализ ближайшего соседства показывает, что городища на Калининградском полуострове формируют скопления, в пределах которых присутствует хотя бы одно городище, функционировавшее в эпохи римских влияний и Великого переселения народов (рис. 1, Б).

В качестве активных элементов культурного ландшафта первых веков н.э. можно рассматривать городища Русское/Germāu, Богатое/Rokirben, Медведево/Klein Norgau, которые функционировали еще с эпохи бронзы (рис. 1, Б, 2, 4, 7, 9), Грачевка/Craam, Куликово/Kringitten, Ветрово/Ellerhaus, Русское/Ekritten, Геройское/Eislithen, использовавшиеся с эпохи раннего железного века (рис. 1, Б, 1, 3, 5, 6). На всех перечисленных городищах зафиксирован и

культурный слой, датированный эпохой римских влияний и Великого переселения народов (Ibsen, 2022. P. 152–152, Fig. 5, Tab. 1) и связанные с ними находки.

Городища находятся недалеко от мест концентраций могильников (рис. 2–5), но занимают другое место в ландшафте и расположены на территориях с другим геологическим строением почв.

Могильники на Калининградском полуострове преимущественно расположены на небольших неподтапливаемых возвышенностях, в долинах рек, на высотах значительно ниже городищ (рис. 2; 5, II). В долине Преголи и вдоль ее притоков они находятся на террасах коренного берега на небольших дюнных всхолмлениях.

Городища на западном и юго-западном побережье Калининградского полуострова у современного пос. Янтарный и в среднем течении реки Нельма локализуются на коренном берегу основания Самбийского плато вдоль приустьевой части древней долины Преголи (рис. 1, Б, I; 2). В центральной части полуострова — на конечно-моренной гряде Большие Горы (Альк) (рис. 1, Б, V).

В северной части полуострова городища расположены на возвышении Самбийского плато выше отметок 20 м над уровнем моря, на мысах в долинах нижнего течения рек Светлогорка (рис. 1, Б, II), Мотыль, Забава и Алейка (рис. 1, Б, III).

На цепочке моренных гряд у окончания Самбийской возвышенности находятся городища долины Преголи (рис. 1, Б, VI). У побережья Калининградского залива они локализуются на крутом повышении коренного берега на мысах в устьях или приустьевых долинах малых рек (рис. 1, Б, VII).

В Надровии городища локализуются вдоль Преголи, ее наиболее значимых притоков и Деймы, на возвышенных участках конечно-моренных холмов Инстручской гряды. По данным картографии вплоть до Нового времени этот регион был покрыт лесами, и для проживания здесь могли выбираться удобные участки вдоль речной долины в местах впадения притоков и у переправ. Анализ зон видимости показывает, что с городищ Надровии

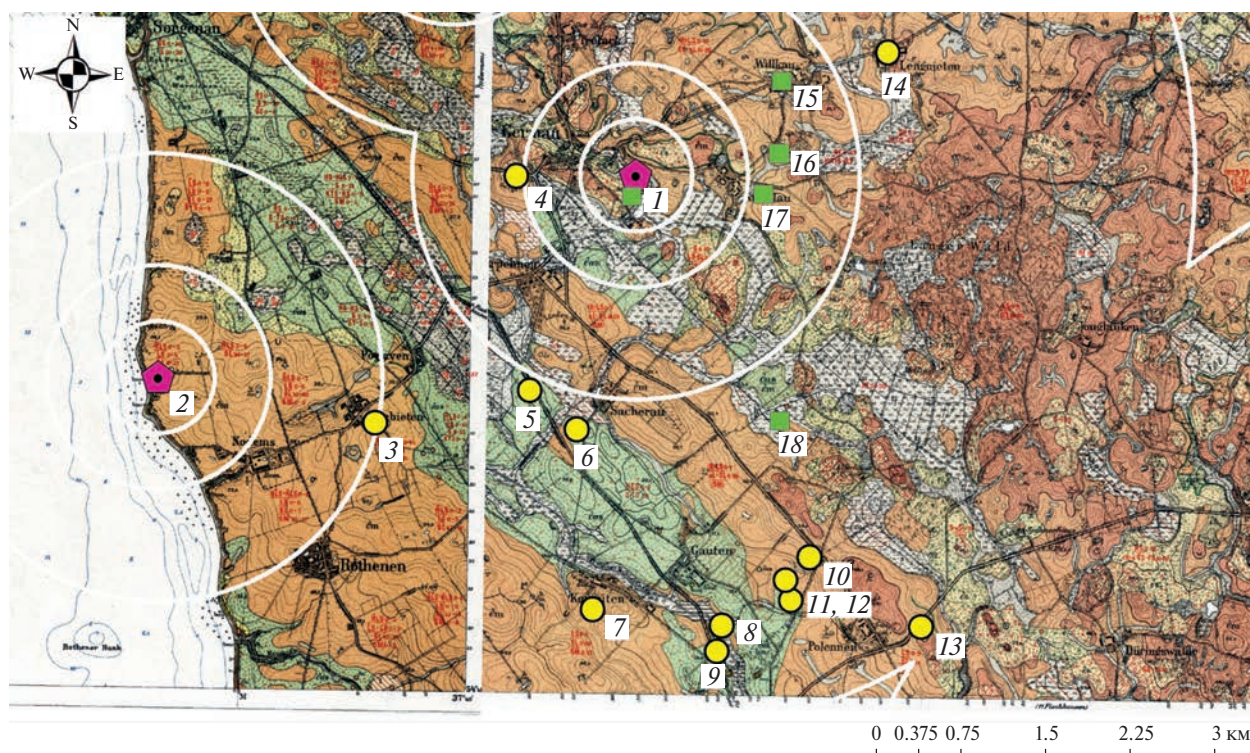

Рис. 2. Расположение могильников и поселений относительно буферных зон городищ у пос. Янтарный: 1 – Русское/Germau, 2 – Окунево/Nodemns, 3 – Гребитен/Grebiten, 4 – Поваровка/Kirpehnen-Galgenberge, 5 – Поваровка/Kirpehnen, 6 – Морозовка/Sacherau-Ellerhaus, 7 – Корьейтен/Corjieten, 8–9 – Гутен/Gauten, 10–12 – Путилово/Gauten, 13 – Поленен/Polenhen, 14 – Щорцово/Lengniethen, 15–17 – Сычево 1–3, 18 – Путилово 2.

Fig. 2. The location of burial grounds and settlements with respect to the buffer zones of fortified settlements near the village of Yantarnoye

можно контролировать русло реки Преголя (Khomiakova, Skhodnov, Chaukin, 2018. Р. 92–96. Fig. 13, 15).

Данные о роли и месте городищ в системе расселения могут быть получены и путем моделирования их ресурсных зон. Рассматривая городища как образующие элементы культурного ландшафта, можно представить их 5-километровые буферные (ресурсные) зоны, разделенные на ближнюю округу (500–1000 м) и периферию (2000–5000 м) (подробно: Коробов, 2017. С. 34–35; там же литература).

Локализация неукрепленных поселений относительно городищ для самбийско-натынгийской культуры возможна лишь по материалам наиболее изученных микрорегионов. Данные о поселениях всего культурного ареала недостаточны: количество поселений от общего числа учтенных памятников для Калининградской области составляет 39% (подробно: Khomiakova, 2016. Р. 72–74).

Тем не менее имеющиеся сведения показывают зависимость расположения поселений и городищ. Большинство поселений расположено в ближней округе городищ на расстоянии до 2000 м (т.е. в 20 мин пешей ходьбы), и могут образовывать с ними единый комплекс. Неукрепленные поселения могут быть отделены от городищ небольшими водотоками, низкотопойменными участками, которые могли использоваться в хозяйственной деятельности (рис. 2; 3, I; 4, I; 5, I, II).

Моделирование ресурсных зон не показывает прямой зависимости между расположением городищ и могильников. Погребальные объекты в большинстве расположены на их периферии (от 2.5 до 5.0 км) (см. буферные зоны на рис. 1, Б). Вероятно, наиболее принципиальной при выборе места для могильника была не близость к городищу, а топографическая ситуация и мировоззренческие/нематериальные факторы. Могильники занимают земли, непригодные для землепользования

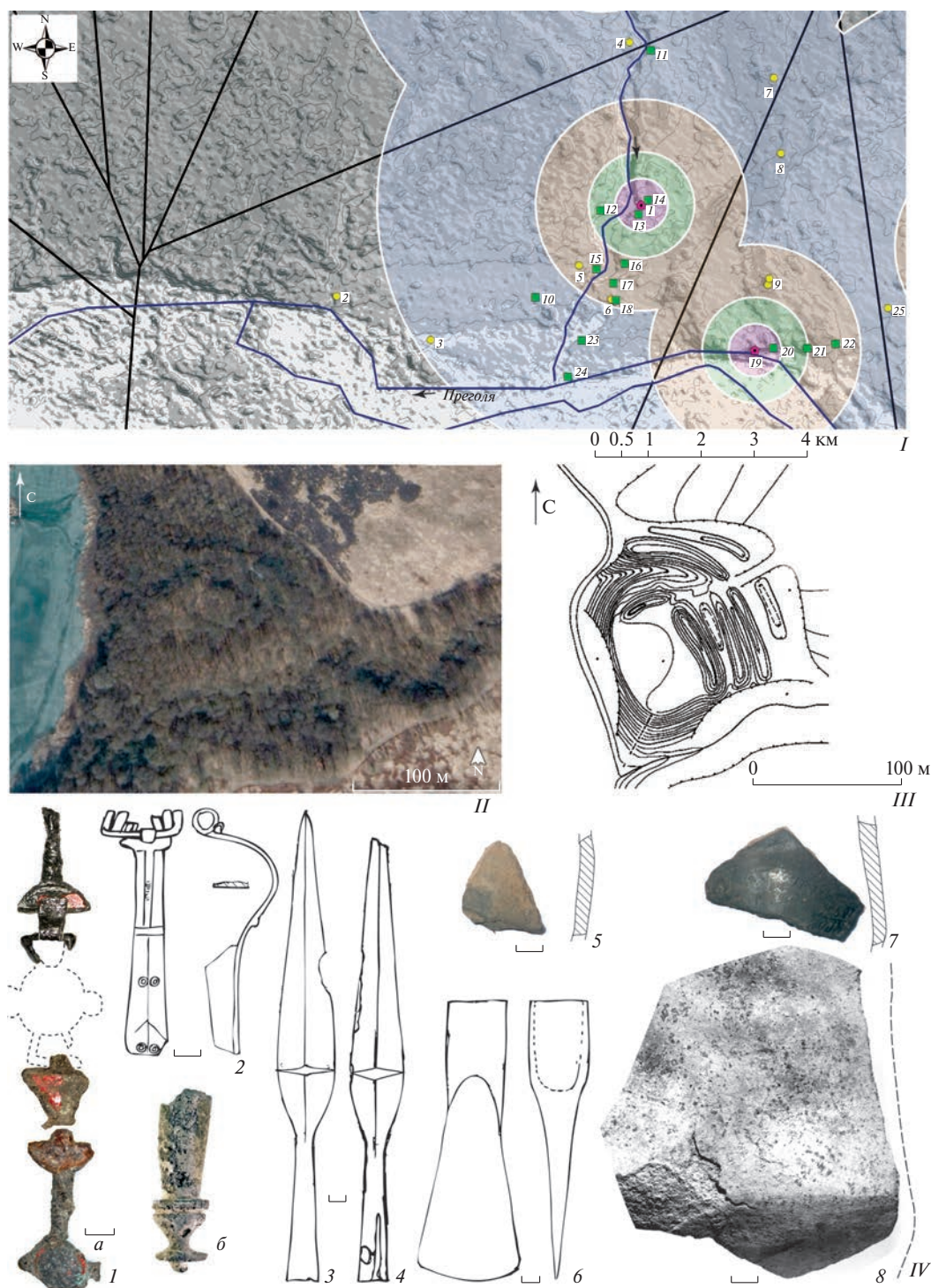

Рис. 3. Микрорегион у оз. Чистый Пруд: I – Модель центра расселения (1 – Заозерье/Rodmannshöfen; 2 – Ялтинская улица/Kupferberg; 3 – Октябрьский/Lier; 4 – Кумачево/Tropitten; 5 – Большое Исаково/Lauth; 6 – Заозерье/Lapsau; 7 – Авангардное/Dossiten; 8 – Поддубное/Neidtkeim-Fürstenwalde; 9 – Родники 1/Käpphen bei Preußisch Arnau; 10 – Большое Исаково 1; 11 – Кумачево; 12 – Большое Исаково; 13 – Заозерье 2; 14 – Заозерье 1; 15 – Большое Исаково 2; 16 – Заозерье 3; 17 – Заозерье 4; 18 – Заозерье 5; 19 – Марьино/Arnau; 20 – Родники 1; 21 – Родники 2; 22 – Солнечное; 23 – Прибрежное 1; 24 – Прибрежное 2; 25 – Солнечное/Praddau; II–IV – городище Заозерье: II – космоснимок; III – топоплан; IV – находки из окрестности городища (I, a, б – цепь и наконечник рога для питья; 2 – “глазчатая” фибула; 3, 4 – копья; 5, 7, 8 – фрагменты лошечных лепных сосудов; 6 – топор (I–4, 6 – по: Хомякова, 2013; 5, 7, 8 – © Калининградский областной историко-художественный музей).

Fig. 3. A microregion near Lake Chisty Prud

(песчаные возвышенности, дюнные всхолмления) (рис. 2; 4, *I*; 5, *II*). Как и в остальной Юго-Восточной Прибалтике (см.: Jaskanis, 1977. Р. 38–39, 42), они находятся в прямой видимости от какого-либо водоема или водной артерии. В мировоззренческой традиции западных балтов воде придается сакральное значение, как стихии, через которую мог осуществляться вход мертвых в потусторонний мир (Bliujienė, 2013. Р. 198, 199; там же литература).

Определенная система в расположении могильников относительно укрепленных поселений прослеживается при построении полигонов Тиссена вокруг городищ³ (рис. 1, *Б*). Погребальные объекты равномерно распределены по всей анализируемой поверхности, но локализуются внутри зон влияния городищ, функционировавших в первой половине I тыс.

Могильники самбийско-натангийской культуры у пос. Янтарный находятся в полигоне городища Русское/Germau (рис. 1, *Б*, *I*). В северной части полуострова центрами таких зон являются городища Грачевка/Craam и Богатое/Pokirben, Куликово/Kringitten и Геройское/Eisliethen (рис. 1, *Б*, *II*, *III*). В восточной части северной Самбии наибольшее количество могильников находится в зонах влияния городищ Ветрово/Ekritten, Моршанское/Schreitlacken (рис. 1, *Б*, *IV*).

К зонам влияния городищ на гряде Альк — Кумачево/Galgarben, Логвино/Medenau, а также Котельниково/Wargen относятся могильники в среднем течении рек Нельма и Граевка (рис. 1, *Б*, *V*). В нижнем течении Гурьевки могильники расположены в полигоне городища Заозерье/Rodmannshöfen (рис. 1, *Б*, *VI*), а на побережье Калининградского залива — городищ Московское/Partheinen, Первомайское/Warnikam (рис. 1, *Б*, *VII*). Могильники в долине Преголи также концентрируются вокруг городищ (рис. 1, *Б*, *VIII*).

К изучению структуры поселенческих центров самбийско-натангийской культуры. Рассмотрим модели центров расселения на примере наиболее изученных микрорегионов с памятниками первой половины I тыс. всех указанных типов

³ Из-за неясности наличия/отсутствия иерархии городищ самбийско-натангийской культуры мы исходим из того, что микрорегионы равнозначны между собой.

из центральной и периферийной частей культурного ареала: 1) в низовьях Преголи в районе слияния с ней реки Гурьевка (подробно — Хомякова, 2013) (рис. 1, *Б*, *VI*; 3); 2) в среднем течении Преголи в районе слияния Преголи и Глубокой (подробно — Khomiakova, Skhodnov, Chaukin, 2018. Р. 11; Хомякова, 2018; 2020) (рис. 1, *Б*, 16; 4); 3) на севере Самбии в районе пос. Романово (Хомякова, 2016б. С. 25–31 (каталог объектов); Вокруг кольца, 2021) (рис. 1, *Б*, *III*; 5).

В низовьях реки Гурьевка в эпоху римских влияний могло функционировать городище Заозерье/Rodmannshöfen (рис. 3, *I–III*). Ф.Д. Гуревич, в 1949 г. в шурфе на площадке городища зафиксировала культурный слой мощностью около 0.5–0.6 м и фрагменты лепной керамики, в том числе венчиковые части сосудов с зашипами и фрагменты чернолощенных сосудов (Гуревич, 1960. С. 43. Рис. 70, 2), соотносимые с II–V вв. н.э. (например: Nowakowski, 1996. Taf. 1: 6, 8, Karte 10; Кулаков, 2003. Рис. 105) (рис. 3, *IV*, 5, 7, 8). О наличии слоя с фрагментами лощеной керамики сообщает и В.И. Кулаков (1985. С. 10). В ближайшей округе городища обнаружены предметы, датирующиеся II–III вв. н.э. (Хомякова, 2013. С. 94, 95. Рис. 3) (рис. 3, *IV*, 1–4, 6).

Площадка городища имеет размеры 60 × 45 м, находится на мысу, при впадении безымянного ручья в Чистый Пруд Гурьевки. Высота площадки 15 м от основания (рис. 3, *II*). С северной напольной стороны городище ограждено тремя валами. Наружные валы высотой до 2 м, отделяются рвом около 2.5–3 м шириной и 2 м глубиной, внутренний вал высотой до 5–6 м (рис. 3, *III*).

Четыре поселения первых веков I тыс. расположены южнее городища, на первой и второй надпойменных террасах Чистого Пруда, в ближней округе на расстоянии не далее 1.5–2.0 км от него. Расстояние между поселениями составляет 500–800 м (рис. 3, *I*, 13, 14, 16–18).

В зоне влияния городища расположены могильники Большое Исаково/Lauth, занимающий верхнюю часть склона моренной возвышенности (рис. 3, *I*, 5), Заозерье/Lapsau (рис. 3, *I*, 6), локализованный на вершине холма. На указанных памятниках найдены предметы, указывающие на высокий статус погребенных (подробно: Хомякова, 2013. С. 92–94. Рис. 2), среди

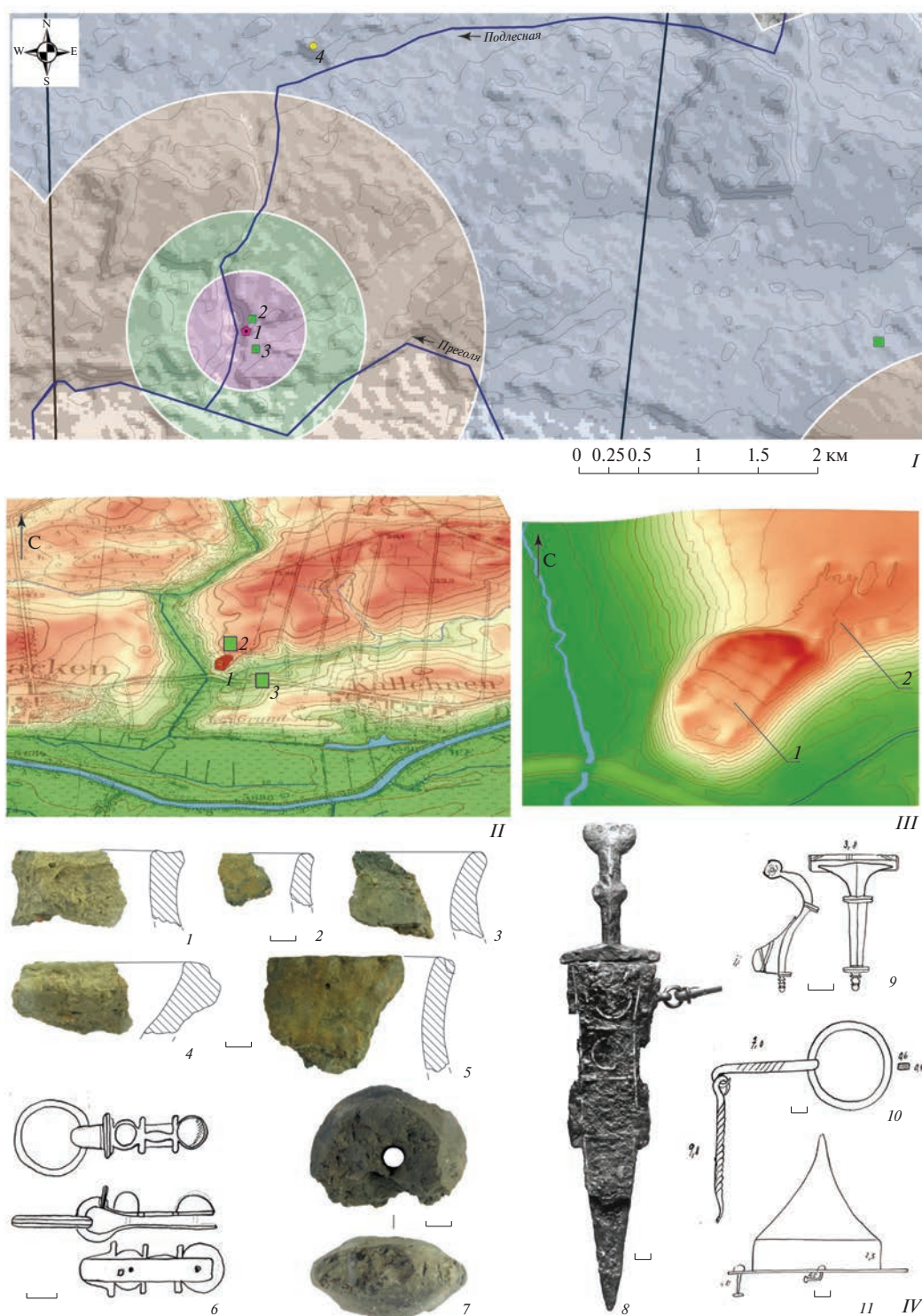

Рис. 4. Микрорегион у деревни Кудрявцево: I – модель центра расселения; II, III – модель микрорегиона у городища Кудрявцево/Kuglacken (подготовил И.Н. Сходнов) (1 – Кудрявцево/Kuglacken, 2 – Кудрявцево 2, 3 – Кудрявцево 3, 4 – Яковлево/Iischken); IV – находки: 1–7 – с площадки и ближайшей округи городища (1–3, 6 – площадка городища, 4, 5, 7 – селище Кудрявцево 2); 8–11 – из могильника Яковлево/Iischken (1–5 – фрагментированные лепные сосуды, 6, 10 – детали конского снаряжения, 7 – пряслице, 8 – римский нож – rugio, 9 – фибула, 11 – умбон щита; 1–5, 7 – керамика, 6, 9 – бронза, 8, 10, 11 – железо) (1–5, 7 – по: Хомякова, 2018; 6, 8–11 – по: Архив Г. Янкуна: H. Jahnkuhn, Archive–Scientific archives of Herbert Jahnkuhn, Archäologisches Landesmuseum Schloß Gottorf in Schleswig).

Fig. 4. A microregion near the village of Kudryavtsevo

которых — детали рога для питья с выемчатыми эмальями, оружие (рис. 3, IV, 1, а, б). Погребальные памятники находятся на обоих берегах Чистого Пруда на расстоянии 300–500 м от водотока. На периферии буферной зоны городища находится еще несколько могильников (рис. 3, I, 3, 4, 7, 8).

Следующий рассматриваемый микрорегион расположен на северном, правом берегу р. Преголи восточнее слияния с ней р. Глубокой (рис. 4, I–III). Его центром могло быть городище Кудрявцево/Kuglacken I — начала II тыс. н.э. (SMB-РК MVF⁴, РМ-IXh 00164a; Hollack, 1908. С. 80; Кулаков, 1974. С. 7. Рис. 2, 29–33). В 2018–2020 гг. нами в ходе разведки с площадки и склонов городища получено большое количество керамического материала самбийско-натангийской и раннесредневековой культур пруссов (Хомякова, 2018. Рис. 16–32) (рис. 4, IV, 1–5, 7).

Городище расположено в 0.5 км к северу от русла Преголи, на возвышенности, на мысу при слиянии ручья и притока Преголи — Подлесной. Размеры городища 125 × 90 м, прямоугольной площадки — 87 × 48 м. Высота от подошвы составляет 16 м. С напольной северной стороны прослеживаются следы вала высотой 1–2 м и оплывшего рва (рис. 4, II, III).

В близлежащей округе городища на расстоянии не более 500 м локализованы поселения Кудрявцево 2, 3 (рис. 4, I, II), где обнаружена керамика, аналогичная найденной на площадке городища (рис. 4, IV, 4, 5). Поселения, расстояние между которыми около 400 м, занимают надпойменные террасы небольших притоков Преголи (рис. 4, III).

Размеры зоны проживания, расположенной вплотную к городищу, составляют 113 × 134 м, с запада и востока она ограничена склонами моренной гряды. На противоположном от городища берегу ручья на уступе коренного берега Преголи локализуется еще одна зона расселения (рис. 4, II). В 2.4 км севернее городища на левом берегу Подлесной на песчаной дюне находится могильник Яковлево/Iischken. С могильника происходят находки, датированные I–III вв. (Хомякова, 2020. С. 28–39. Рис. 104), в том

числе предметы римского импорта (рис. 4, IV, 8–11).

Модель данного центра показательна для системы расселения региона в целом. В эпоху римских влияний он был компактным и при этом принадлежал общине “высокого” социального статуса. Городище занимает доминирующее положение, возвышаясь над округой на берегу коренного берега реки (рис. 4, II). Анализ зон видимости показывает, что с городища просматривается большой участок долины реки Преголя в районе ее слияния с притоком Глубокая (Khomiakova, Skhodnov, Chaukin, 2018. Fig. 13). Ландшафтная ситуация в Надровии, вероятно, диктовала условия расположения зон хозяйственного освоения. В отличие от Самбии, они имели небольшие размеры, находясь в наиболее пригодных для проживания местах. На границе ближней округи городища и его периферийной зоны расположен могильник, связанный с зоной проживания водной артерией (рис. 4, I).

Одним из наиболее изученных по числу памятников археологии является микрорегион на севере Самбии у пос. Романово (Хомякова, 2016б. С. 25–31 (каталог объектов); Вокруг кольца, 2021. С. 15–18) (рис. 5).

Его центрами могли быть городища Геройское/Eisliethen и Куликово/Kringitten (рис. 5, I–II, 2, 5). На городище Геройское/Eisliethen присутствуют слои III–V вв. (Ibsen, 2022. Р. 163. Tab. 1). Расположенное на мысу притока Алейки городище возвышается над округой и отделено с напольной стороны земляным валом и рвом (рис. 5, III). Размеры площадки — 50 × 35 м, высота около 20 м (Khokhlov et al., 2020. Р. 7). К VI–VIII вв. относится городище Куликово/Kringitten, расположенное на левом высоком берегу притока Алейки (Вокруг кольца, 2021. С. 24; Ibsen, 2022. Р. 163. Tab. 1). Площадка городища овальной формы размерами 60 × 35 м, высотой 7–15 м. С напольной стороны площадки находится подковообразный вал высотой 2 м (рис. 5, IV).

Поселения первой половины I тыс. занимают наиболее пригодные для хозяйствования участки: широкие понижения пологих моренных холмов, террасы небольших рек и ручьев находятся у низкопойменных участков на расстоянии 400–800 м друг от друга (рис. 5, II).

⁴ SMB-РК MVF — Staatliche Museen zu Berlin — Preußischer Kulturbesitz, Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin.

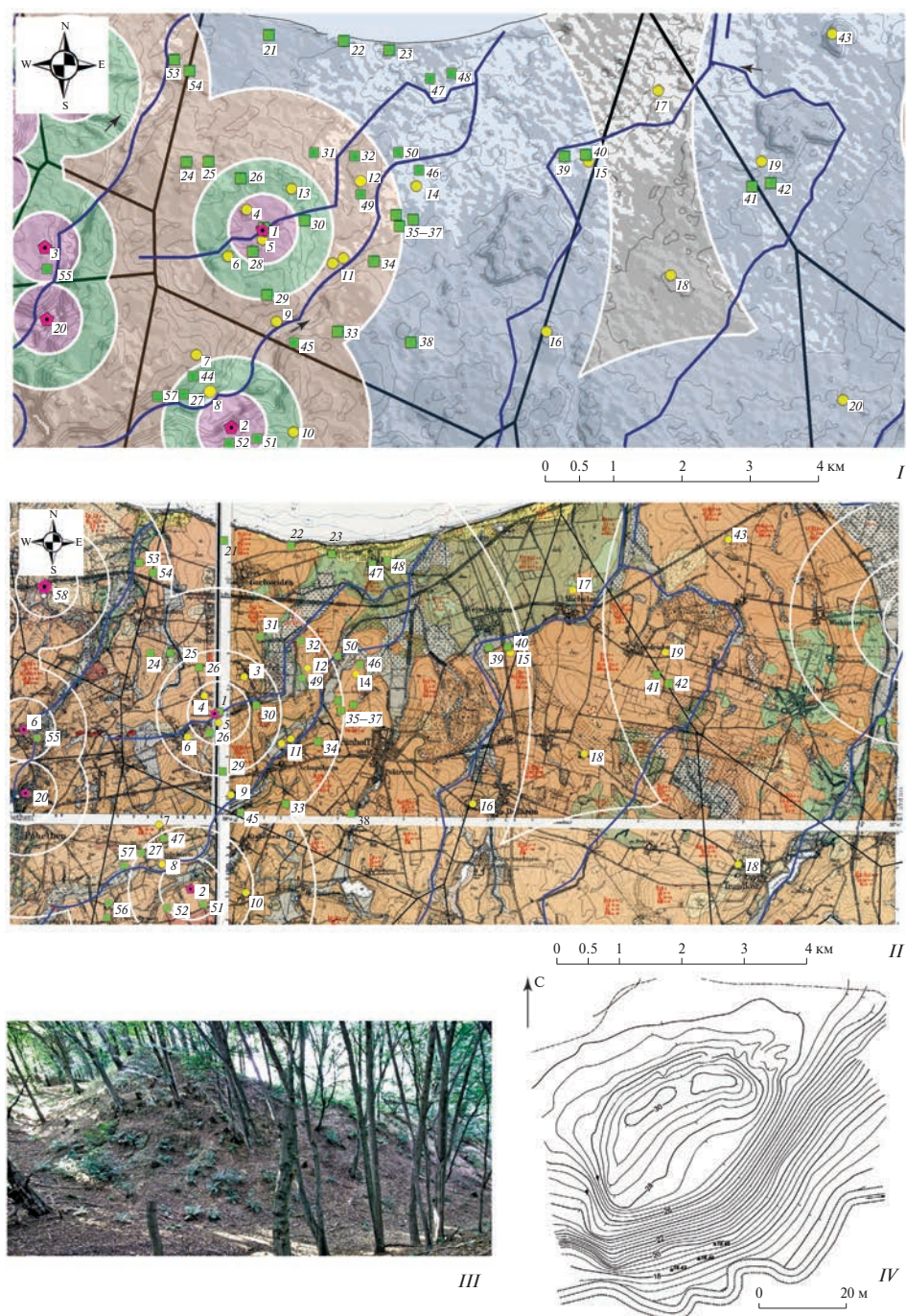

Рис. 5. Микрорегион на севере Самбии в районе реки Алейка: *I* – модель центра расселения; *II* – расположение памятников в пределах 5 км буферных зон городищ (*I* – Куликово/Kringitten; 2 – Геройское/Eisliethen; 3 – Романово 2/Diewens; 4 – Куликово 1; 5 – Куликово 2/Sorthenen; 6 – Сортъенен 1, 3; 7 – Алейка 3; 8 – Алейка 7; 9 – Шумное; 10 – Айслиттен I–II; 11 – Шумное 2–3; 12 – Рошино 1; 13 – Куликово 2/Strobjehnen; 14 – Шумное 1; 15 – Коврово/Nautsau; 16 – Коврово/Dollkeim; 17 – Михелау; 18 – Наутцау-Кадигсберг; 19 – Каменка; 20 – Трансау; 21 – Куликово 3; 22 – Куликово 4; 23 – Береговое; 24 – Куликово 8а; 25 – Куликово 8; 26 – Куликово 5; 27 – Алейка 1; 28 – Куликово 6; 29 – Куликово 1; 30 – Куликово 2, 2а; 31 – Куликово 9; 32 – Куликово 7; 33 – Шумное 4; 34 – Шумное 1; 35–37 – Шумное 2–4; 38 – Рошино; 39 – Коврово 4; 40 – Коврово 2; 41 – Коврово 3; 42 – Сиренево; 43 – Кунтерштраух; 44 – Алейка 2; 45 – Шумное 6; 46 – Рошино 1; 47 – Береговое 2; 48 – Береговое 1, 3; 49 – Куликово 12; 50 – Куликово 6; 51, 52 – Зольное 1, 2; 53, 54 – Хелле 1, 2; 55 – Романово 1; 56 – Геройское 5, 6; 57 – Алейка 5; 58 – Заостровье); *III* – городище Айслиттен, фото; *IV* – городище Куликово/Kringitten, топоплан (*III*, *IV* – по: Вокруг кольца, 2021. Рис. 4, 11).

Fig. 5. A microregion in the north of Sambia in the Aleyka River region

Спорово-пыльцевые исследования отложений склонов поселений Зольное 1, Алейка 1–2, Геройское, Куликово 8а (рис. 5, *I–II*, 24, 27, 51) указывают на следы подсечно-огневого земледелия первой пол. — сер. I тыс., осушение заболоченных почв. Ландшафты в этот период характеризуются как “полуоткрытые”, долины рек были заняты черноольшаниками, произрастающими на вырубках и заброшенных угодьях, но многочисленными были дуб и липа (Спиридонова, Алешинская, Кочанова, 2013. С. 219–220; Ершова, 2021. С. 70–74).

Неукрепленные поселения, на которых обнаружены материалы эпохи римских влияний, группируются вблизи городища Геройское/Eisliethen (500–1000 м) (рис. 5, *I–II*, 27, 44, 51, 52), на максимальном расстоянии до 2000 м (рис. 5, *I–II*, 33, 45). Поселения второй половины I тыс. тяготеют к округе городища Куликово/Kringitten, куда в раннем Средневековье смещается центр микрорегиона (рис. 5, *I–II*, 30–32). На наиболее высоких точках рельефа расположены поселения конца I — начала II тыс. (рис. 5, *I–II*, 24, 25).

Могильники самбийско-натынгийской культуры локализуются на песчаных возвышенностях в долине и вдоль реки Алейка и ее безымянного притока на удалении до 200 м (рис. 5, *II*). Содержащие материалы II–V вв. могильники Алейка 3, 7 и Геройское 5/Eisliethen I–II, расположены на расстоянии более 1 км от городища Геройское/Eisliethen и отделены от него водотоками (рис. 5, *I–II*, 7, 8, 10). На периферии микрорегиона расположены могильники Куликово 2, Рошино, Шумное (рис. 5, *I–II*, 5, 9, 12). Продолжавший функционировать в V–VII вв. могильник Алейка 7 с погребениями высокого социального статуса в этот период мог оказаться на периферии зоны влияния городища Куликово/Kringitten. Захоронения IX–XII вв. обнаружены в Куликово 2, Геройское 5, Алейка 3 (рис. 5, *I*, 5, 7, 10), когда указанные могильники занимают периферию функционировавших в данное время городищ Романово 1 и 2 (рис. 5, *I*, 3, 20).

Городища самбийско-натынгийского ареала I тыс. н.э. в большинстве имели относительно небольшие размеры. Подобно похожим укрепленным поселениям на территории Южной Скандинавии и Прибалтики (Wendt, 2009.

S. 162, 163; Christensen, 2011. P. 93, 98; Lang, 2007. P. 44–47; Vengalis, 2016. P. 178–180), они могли иметь простую конструкцию из валов, рвов и деревянного частокола (рис. 3, *II*, *III*; 4, *III*; 5, *III*, *IV*). Но, несмотря на это, именно памятники данного типа могли играть роль элементов, организующих пространство в системе расселения самбийско-натынгийской культуры, состоящей из скоплений неукрепленных поселений и могильников (рис. 1, *Б*). Городища занимали доминирующее положение в ландшафте, располагаясь на выгодных участках рельефа, мысах, излучинах рек (рис. 2; 3, *II*; 5, *II*), и могли использоваться как городища-убежища в момент опасности, как ремесленные центры, места сбора, обмена, культа.

При формировании центров расселения самбийско-натынгийской культуры наиболее важной, вероятно, была организация зон проживания и ресурсных зон (рис. 3–5). Поскольку в первой половине I тыс. у местных племен не прослеживаются признаков интенсивной системы земледелия, поселения локализуются в ближней округе городищ на участках, наиболее пригодных для проживания и хозяйственной деятельности (рис. 3, *I*; 4, *I–III*; 5, *II*). Экстенсивное хозяйство с подсечно-огневым земледелием, рыболовство, необходимость выпаса скота, доступ к водным артериям могли обусловить наличие в ближней округе городищ нескольких поселений в радиусе 400–800 м (рис. 3, *I*; 4, *II*; 5, *I*). Такая картина, например, представлена в северной Самбии, в долине р. Алейка. По имеющимся данным, самбийско-натынгийские племена использовали дома каркасно-столбовой конструкции с отопительными сооружениями-печками (Кулаков, 2003. С. 117; Khomiakova, Skhodnov, Chaukin, 2018. P. 10–11; Хомякова, 2021. С. 161–167. Рис. 2, 3). При необходимости, например при изменении природных условий, зона проживания могла быть перенесена на другое место. По данным планиграфии зона расселения II–V вв. на поселении Шумное 6 имела небольшие размеры (Вокруг кольца, 2021. С. 53. Рис. 66). Компактной была и исследованная нами хозяйственная зона III–V вв. на поселении Ильичевка 1 (Хомякова, 2021. С. 161, 162. Рис. 2).

Расположение могильников, вероятно, более связано с мировоззренческими факторами и

топографической ситуацией, а близость к укрепленному поселению не являлась определяющей. Исключение — наиболее густонаселенные центры, где могло проживать несколько общин, и одновременно функционировать несколько принадлежавших им могильников (рис. 2; 5, II). Большинство могильников расположено на периферийных участках ресурсных зон городищ, но в границах их зон влияния (полигонов Тиссена) (рис. 1, Б), т.е. в пешей доступности от условного центра микрорегиона.

Скопления памятников самбийско-натангийской культуры в первых веках н.э., вероятно, могли представлять собой локальные центры с признаками центральных мест обитания (см.: Nakoinz, 2010. Р. 252). Можно возразить, что культурный слой самбийско-натангийских городищ и поселений, как правило, не содержит предметов культуры престижа. Известны лишь отдельные находки “высокого социального статуса” и элитных импортов. Однако такая ситуация не уникальна для культур европейских варваров. Модель системы расселения, где на поселениях не прослеживаются следов неравенства и образования элиты, известна по материалам Скандинавии первой половины I тыс. Находки культуры “престижа” присутствуют там на могильниках (Wickham, 2005. Р. 495–514). Расположение погребений более высокого социального статуса используется для локализации центров власти у центральноевропейских варваров эпохи Великого переселения народов (например: Steuer, 2009. Р. 203).

Самбийско-натангийские захоронения высокого социального статуса известны с раннеримского времени. В I–II вв. они представлены женскими погребениями с многочисленными элементами убора провинциально-римского облика и мужскими, сопровождаемыми предметами всаднической культуры и конскими захоронениями (Кулаков, 2003. С. 71–94; Хомякова, 2016а. С. 43. Рис. 4). Их расположение совпадает с выделенными скоплениями памятников (рис. 1, А–Б, I–VII). На Калининградском полуострове расстояние между ними не превышает 5 км. На могильниках побережья Калининградского залива они также найдены на незначительном расстоянии друг от друга (5–10 км). Вдоль Преголи и Деймы такие погребения известны уже на большем

расстоянии — до 15–20 км. Аналогичным образом характеризуется и расположение богатых погребений эпохи Великого переселения народов (Казанский, Зальцман, Скворцов, 2018. С. 33, 40, 41. Рис. 38, 1–10; Скворцов, 2022. С. 237–241. Рис. 189, 190).

Система расселения самбийско-натангийских племен являлась отражением уровня развития ее социальной структуры, которая в первых веках н.э. характеризовалась формами примитивного вождества с институтом “богатых семей” (Хомякова, 2016а. С. 43–45; 2022. С. 113–114). Таким образом, она могла представлять собой концентрацию нескольких крупных центров расселения на Калининградском полуострове и расположенных в радиусе 20–30 км от них более мелких (рис. 1, Б). Такие локальные центры могли принадлежать одной или нескольким (родственным) более и менее богатым общинам. Похожие принципы формирования центров расселения в римское время и эпоху Великого переселения народов прослеживаются у народов Северной Европы (Myhre, 1987. Р. 185; Jørgensen, 2011. Р. 77, 78).

Вероятно, эти группы памятников, сформировавшиеся на этапе самбийско-натангийской культуры в I–V вв., в эпоху раннего Средневековья затем развились в поселенческие центры культуры пруссов (например: Кулаков, 2003. С. 118–123. Рис. 37; Вокруг кольца, 2021. С. 16, 17). Городища, расположенные в ключевых и удобных местах для обитания, обмена, контроля коммуникаций, могли играть роль условных центров таких сообществ общин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вокруг кольца. Поселения эстиев и пруссов на севере Самбии / Авт.-сост. Н.А. Кренке. М.: ИА РАН, 2021. 284 с.
- Гуревич Ф.Д. Из истории Юго-Восточной Прибалтики в I тысячелетии н.э. (по материалам Калининградской области) // Древности северо-западных областей РСФСР в первом тысячелетии н.э. / Отв. ред. М.А. Тиханова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 76). С. 328–451.
- Ершова Е.Г. Результаты спорово-пыльцевых исследований округа прусских поселений севера Самбии // Вокруг кольца. Поселения эстиев и пруссов на севере Самбии / Авт.-сост. Н.А. Кренке. М.: ИА РАН, 2021. С. 70–74.

- Казанский М.М., Зальцман Э.Б., Скворцов К.Н. Раннесредневековый могильник Заостровье-1 в Северной Самбии. М.: ИА РАН, 2018 (Материалы спасательных археологических исследований; т. 22). 312 с.
- Коробов Д.С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э.: (ландшафтная археология Кисловодской котловины). Т. 1. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 384 с.
- Кулаков В.И. Отчет по обследованию археологических памятников Калининградской области // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 5273. 1974.
- Кулаков В.И. Отчет о работе Балтийской экспедиции в 1985 году // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 10913. 1985.
- Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 г. М.: Индрик, 2003 (Prussia Antiqua; т. 1). 402 с.
- Скворцов К.Н. Элитные погребения эстиев в эпоху Великого переселения народов. М.: ИА РАН, 2022 (Материалы спасательных археологических исследований; т. 29). 476 с.
- Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д. Особенности природной среды и хозяйственного освоения бассейна р. Алейки на Самбийском полуострове с Железного века до Нового времени // Краткие сообщения Института археологии. 2013. Вып. 229. С. 217–226.
- Хомякова О.А. Поле погребений Родники и его место в культурном ландшафте микрорегиона оз. Чистый Пруд (опыт предварительного анализа) // Stratum plus. 2013. № 4. С. 91–103.
- Хомякова О.А. Культура Доллькайм-Коврово (самбийско-натынгийская): подходы к дефинициям общности // Российская археология. 2014. № 1. С. 163–172.
- Хомякова О.А. Вопросы социальной интерпретации погребений с “самбийскими” поясами римского времени из ареала культуры Доллькайм-Коврово // Краткие сообщения Института археологии. 2016а. Вып. 243. С. 33–49.
- Хомякова О.А. Отчет об археологических разведках в Черняховском, Правдинском и Зеленоградском районах Калининградской области в 2016 году // Архив Института археологии РАН. Р-1. Б/н. 2016б.
- Хомякова О.А. Отчет об археологических разведках в Черняховском районе Калининградской области в 2018 году // Архив Института археологии РАН. Р-1. Б/н. 2018.
- Хомякова О.А. Отчет об археологических разведках в Гвардейском и Черняховском районах Калининградской области в 2020 году // Архив Института археологии РАН. Р-1. Б/н. 2020.
- Хомякова О.А. Поселение Ильичевка эпохи римских влияний и раннего средневековья в Калининградской области // Краткие сообщения Института археологии. 2021. Вып. 265. С. 160–176.
- Хомякова О.А. Женский убор самбийско-натынгийской культуры I–IV вв. Анализ компонентов и хронология. М.: ИА РАН, 2022. 320 с.
- Bliujienė A. Romėniškasis ir tautų kraustymosi laikotarpiai. Klaipėda: Klaipėdos universiteto leidykla, 2013 (Lietuvos archeologija; III). 750 p.
- Christensen K. Fertile Central Zealand – Iron Age settlement at Ringsted // The Iron Age on Zealand: Status and Perspectives / Ed. L. Boye. Copenhagen: Royal Society of Northern Antiquaries, 2011. P. 268–270.
- Frachetti M. Digital archaeology and the scalar structure of pastoral landscapes: Modeling mobile societies of prehistoric central Asia // Digital Archaeology: Bridging Method and Theory / Eds. T.L. Evans, P.T. Daly. London: Psychology Press, 2006. P. 128–147.
- Hollack E. Erläuterungen zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte von Ostpreußen. Glogau; Berlin: Flemming, 1908. 234 S.
- Ibsen T. Spatial and temporal distribution of hillforts on the Sambian peninsula in Russia // Fortifications in their Natural and Cultural Landscape: From Organising Space to the Creation of Power / Eds. T. Ibsen, K. Ilves et al. Bonn: Habelt, 2022. P. 141–166.
- Jaskanis J. Cmentarzyska kultury zachodniobałtyjskiej z okresu rzymskiego // Materiały Starożytne i Wczesnośredniowieczne. Vol. IV. Warszawa, 1977. P. 239–350.
- Jørgensen L. Gudme-Lundeborg on Funen as a model for northern Europe // The Gudme/Gudhem Phenomenon / Red. O. Grimm, A. Pesch. Neumünster: Wachholtz, 2011 (Schriften des Archäologischen Landesmuseums; 6). S. 77–90.
- Khokhlov A., Zaltsman E., Ibsen T. Eisliethen hillfort on the Alejka river in Sambia // The setting of fortifications in the natural and cultural landscape International workshop (5th and 6th of March 2020 in Schleswig, Germany): Abstracts / Eds. S. Messal, B. Maixner, T. Ibsen. Schleswig, 2020. P. 7.
- Khomiakova O. The Landscape and spatial analysis of Roman Period archaeological sites at the Eastern border of Dollkeim-Kovrovo/Sambian-Natangian culture // Archaeologia Baltica. 2016. Vol. 23. P. 58–80.
- Khomiakova O., Skhodnov I., Chaukin S. Hillforts of the Central Nadruvians: a case study of settlement patterns and social organization in former East Prussia in the first half of the 1st Millennium AD // Archaeologia Lituana. 2018. Vol. 19. P. 78–99.
- Lang V. The Bronze and Early Iron Ages in Estonia. Tartu: University of Tartu Press, 2007 (Estonian Archaeology; vol. 3). 298 p.
- Llobera M. What you see is what you get? Visualscapes, visual genesis and hierarchy // Digital Archaeology: Bridging Method and Theory / Eds. T.L. Evans, P.T. Daly. London: Psychology Press, 2006. P. 148–169.
- Myhre B. Chieftain's graves and chieftdom territories in South Norway in the Migration Period // Studien zur Sachsenforschung. Bd. 6. Hannover, 1987. S. 169–187.

- Nakoinz O.* Concepts of Central Place Research in Archaeology // *Landscapes and Human Development: The Contribution of European Archaeology: Proceedings of the International Workshop "Socio-Environmental Dynamics over the Last 12,000 Years: The Creation of Landscapes"* (1st–4th April 2009) / Ed. J. Müller. Bonn: Habelt, 2010 (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie; 191). P. 251–265.
- Nowakowski W.* Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg; Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität, 1996 (Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg; Sonderband 10). 169 S.
- Okulicz J.* Osadnictwo ziem pruskich od czasów najdawniejszych do XIII wieku // *Dzieje Warmii i Mazur w zarysie. 1* / Red. J. Sikorski, S. Szostakowski. Olsztyn: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1981. P. 6–80.
- Renfrew C., Bahn P.G.* Archaeology: Theories, Methods, and Practice. 6th edition. London: Thames and Hudson, 2012. 656 p.
- Steuer H.* Die Herrschaftssitze der Thüringer // *Die Frühzeit der Thüringer: Archäologie, Sprache, Geschichte* / Hrsg. H. Castritius, D. Geuenich, M. Werner, T. Fischer. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2009. S. 201–234.
- Vengalis R.* Old and Middle Iron Age Settlements and Hillforts // *A Hundred Years of Archaeological Discoveries in Lithuania* / Eds. G. Zabiela, Z. Baubonis, E. Marcinkevičiūtė. Vilnius: Lietuvos Archeologijos Draugija, 2016. P. 160–181.
- Webley L.* Iron Age Households: Structure and Practice in Western Denmark, 500BC–AD200. Aarhus: Aarhus University Press, 2008. 167 p.
- Wendt A.* Die Burgwälle des Samlandes // *The reception of Medieval Europe in the Baltic Sea Region* / Ed. J. Staeker. Visby: Gotland University Press, 2009 (Acta Visbyensa; XII). P. 143–167.
- Wendt A.* Samländische Burgwälle. Bonn: Habelt, 2011 (Studien zur Archäologie Europas; 13). 104 S.
- Wickham C.* Framing the Early Middle Ages: Europe and the Mediterranean. Oxford: Oxford University Press, 2005. 1018 p.
- Zabiela G.* Lietuvos medinės pilys. Vilnius: Diemedis, 1995. 336 p.

HILLFORTS IN THE SETTLEMENT SYSTEM OF THE SAMBIAN-NATANGIAN CULTURE OF THE SOUTH-EASTERN BALTICS IN THE 1ST MILLENNIUM AD

Olga A. Khomyakova

*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia
E-mail: olga_homiakova@gmail.com*

The article discusses the settlement system of the Sambian-Natangian culture of the South-Eastern Baltic region in the 1st millennium AD, the role of hillforts in it, and the structure of individual settlement centres. Hillforts are considered as dominants in the cultural landscape; together with unfortified settlements and economic zones they formed single districts. Burial grounds were located on the periphery of such centres. Individual settlement centres produced clusters of sites in the locations of amber gathering on the Kaliningrad Peninsula, along the Pregol River and the Kaliningrad Bay coast, which were important for the control of transport routes. This system was quite stable and could exist for a long period during the 1st millennium, evolving into the settlement system of the early medieval Prussians.

Keywords: the South-Eastern Baltic, the Sambian-Natangian culture, settlement system, landscape, hillfort, unfortified settlement, burial ground.

REFERENCES

- Bliujienė A.*, 2013. Romėniškasis ir tautų kraustymosi laikotarpiai. Klaipėda: Klaipėdos universiteto leidykla. 750 p. (Lietuvos archeologija, III).
- Christensen K.*, 2011. Fertile Central Zealand – Iron Age settlement at Ringsted. *The Iron Age on Zealand: Status and Perspectives*. L. Boye, ed. Copenhagen: Royal Society of Northern Antiquaries, pp. 268–270.
- Ershova E.G.*, 2021. Results of spore-pollen studies of the vicinity of the Prussian settlements in the north of Sambia. *Vokrug kol'tsa. Poseleniya estiev i prussov na severe Sambii [Around the ring. Settlements of the Aestii and Prussians in the north of Sambia]*. N.A. Krenke, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 70–74. (In Russ.)
- Frachetti M.*, 2006. Digital archaeology and the scalar structure of pastoral landscapes: Modeling mobile

- societies of prehistoric central Asia. *Digital Archaeology: Bridging Method and Theory*. T.L. Evans, P.T. Daly, eds. London: Psychology Press, pp. 128–147.
- Gurevich F.D., 1960. From the history of the South-East Baltic in the 1st millennium AD (Based on the materials of Kaliningrad Region). *Drevnosti severo-zapadnykh oblastey RSFSR v pervom tysyacheletii n.e. [Antiquities of the northwestern regions of the RSFSR in the first millennium AD]*. M.A. Tikhonova, ed. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 328–451. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 76). (In Russ.)
- Hollack E., 1908. Erläuterungen zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte von Ostpreußen. Glogau; Berlin: Flemming. 234 p.
- Ibsen T., 2022. Spatial and temporal distribution of hillforts on the Sambian peninsula in Russia. *Fortifications in their Natural and Cultural Landscape: From Organising Space to the Creation of Power*. T. Ibsen, K. Ilves, eds. Bonn: Habelt, pp. 141–166.
- Jaskanis J., 1977. Cmentarzyska kultury zachodniobaltyjskiej z okresu rzymskiego. *Materiały Starożytne i Wczesnośredniowieczne*, IV. Warszawa, pp. 239–350.
- Jørgensen L., 2011. Gudme-Lundeborg on Funen as a model for northern Europe. *The Gudme/Gudhem Phenomenon*. O. Grimm, A. Pesch, eds. Neumünster: Wachholtz, pp. 77–90. (Schriften des Archäologischen Landesmuseums, 6).
- Kazanskiy M.M., Zal'tsman E.B., Skvortsov K.N., 2018. Rannesrednevekovyy mogil'nik Zaostrov'e-1 v Severnoy Sambii [Early medieval burial ground of Zaostrovye-1 in Northern Sambia]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 312 p. (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy, 22).
- Khokhlov A., Zaltsman E., Ibsen T., 2020. Eisliethen hillfort on the Alejka river in Sambia. *The setting of fortifications in the natural and cultural landscape International workshop (5th and 6th of March 2020 in Schleswig, Germany): Abstracts*. S. Messal, B. Maixner, T. Ibsen, eds. Schleswig, p. 7.
- Khomiakova O., 2016. The Landscape and spatial analysis of Roman Period archaeological sites at the Eastern border of Dollkeim-Kovrovo/Sambian-Natangian culture. *Archaeologia Baltica*, 23, pp. 58–80.
- Khomiakova O., Skhodnov I., Chaukin S., 2018. Hillforts of the Central Nadruvians: a case study of settlement patterns and social organization in former East Prussia in the first half of the 1st Millennium AD. *Archaeologia Lituana*, 19, pp. 78–99.
- Khomyakova O.A., 2013. The Rodniki (formerly Preußisch Arnau/Käpphen) graveyard and its place in the cultural landscape of Chisty Prud microregion (Practice of preliminary analysis). *Stratum plus*, 4, pp. 91–103. (In Russ.)
- Khomyakova O.A., 2014. The Dollkeim-Kovrovo culture (Sambia-Natangiya): approaches to social definitions. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 1, pp. 163–172. (In Russ.)
- Khomyakova O.A., 2016a. Issues of social interpretation of burials with Sambian belts of the Roman period from the Dollkeim-Kovrovo culture region. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 243, pp. 33–49. (In Russ.)
- Khomyakova O.A., 2016b. Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Chernyakhovskom, Pravdinskom i Zelenogradskom rayonakh Kaliningradskoy oblasti v 2016 godu [Report on archaeological surveys in Chernyakhovsk, Pravdinsk and Zelenograd districts of Kaliningrad Region in 2016]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1.
- Khomyakova O.A., 2018. Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Chernyakhovskom rayone Kaliningradskoy oblasti v 2018 godu [Report on archaeological surveys in Chernyakhovsk district of Kaliningrad Region in 2018]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1.
- Khomyakova O.A., 2020. Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Gvardeyskom i Chernyakhovskom rayone Kaliningradskoy oblasti v 2020 godu [Report on archaeological surveys in Gvardeysk and Chernyakhovsk districts of Kaliningrad Region in 2020]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1.
- Khomyakova O.A., 2021. The Ilyichevka 1 settlement of the Roman period and the early Middle Ages in Kaliningrad Region. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 265, pp. 160–176. (In Russ.)
- Khomyakova O.A., 2022. Zhenskiy ubor sambiysko-natangiskoy kul'tury I–IV vv. Analiz komponentov i khronologiya [Women's attire of the Sambian-Natangian culture of the 1st–4th centuries AD. Component analysis and chronology]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 320 p.
- Korobov D.S., 2017. Sistema rasseleniya alan Tsentral'nogo Predkavkaz'ya v I tys. n.e.: (landshaftnaya arkheologiya Kislovodskoy kotloviny) [The settlement system of the Alans of the Central Ciscaucasia in the 1st millennium AD: (landscape archaeology of the Kislovodsk Basin)], 1. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 384 p.
- Kulakov V.I., 1974. Otchet po obsledovaniyu arkheologicheskikh pamyatnikov Kaliningradskoy oblasti [Report on the survey of archaeological sites of Kaliningrad Region]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 5273.
- Kulakov V.I., 1985. Otchet o rabote Baltiyskoy ekspeditsii v 1985 godu [Report on the work of the Baltic expedition in 1985]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-I, № 10913.

- Kulakov V.I., 2003. Istoriiya Prussii do 1283 g. [History of Prussia before 1283]. Moscow: Indrik. 402 p. (Prussia Antiqua, 1).
- Lang V., 2007. The Bronze and Early Iron Ages in Estonia. Tartu: University of Tartu Press. 298 p. (Estonian Archaeology, 3).
- Llobera M., 2006. What you see is what you get? Visualscapes, visual genesis and hierarchy. *Digital Archaeology: Bridging Method and Theory*. T.L. Evans, P.T. Daly, eds. London: Psychology Press, pp. 148–169.
- Myhre B., 1987. Chieftain's graves and chiefdom territories in South Norway in the Migration Period. *Studien zur Sachsenforschung*, 6. Hannover, pp. 169–187.
- Nakoinz O., 2010. Concepts of Central Place Research in Archaeology. *Landscapes and Human Development: The Contribution of European Archaeology: Proceedings of the International Workshop "Socio-Environmental Dynamics over the Last 12,000 Years: The Creation of Landscapes" (1st–4th April 2009)*. J. Müller, ed. Bonn: Habelt, pp. 251–265. (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, 191).
- Nowakowski W., 1996. Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg; Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität. 169 p. (Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg, Sonderband 10).
- Okulicz J., 1981. Osadnictwo ziem pruskich od czasów najdawniejszych do XIII wieku. *Dzieje Warmii i Mazur w zarysie*, 1. J. Sikorski, S. Szostakowski, eds. Olsztyn: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, pp. 6–80.
- Renfrew C., Bahn P.G., 2012. Archaeology: Theories, Methods, and Practice. 6th edition. London: Thames and Hudson. 656 p.
- Skvortsov K.N., 2022. Elitnye pogrebeniya estiev v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [Elite burials of the Aestii of the Migration period]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 476 p. (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy, 29).
- Spiridonova E.A., Aleshinskaya A.S., Kochanova M.D., 2013. Environmental features and economic development of the Aleika River basin on the Sambian Peninsula from the Iron Age till the New Time. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 229, pp. 217–226. (In Russ.)
- Steuer H., 2009. Die Herrschaftssitze der Thüringer. *Die Frühzeit der Thüringer: Archäologie, Sprache, Geschichte*. H. Castritius, ed. Berlin; New York: Walter de Gruyter, pp. 201–234.
- Vengalis R., 2016. Old and Middle Iron Age Settlements and Hillforts. *A Hundred Years of Archaeological Discoveries in Lithuania*. G. Zabiela, Z. Baubonis, E. Marcinkevičiūtė, eds. Vilnius: Lietuvos Archeologijos Draugija, pp. 160–181.
- Vokrug kol'tsa. Poseleniya estiev i prussov na severe Sambii [Around the ring. Settlements of the Aestii and Prussians in the north of Sambia]. N.A. Krenke, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, 2021. 284 p.
- Webley L., 2008. Iron Age Households: Structure and Practice in Western Denmark, 500BC–AD200. Aarhus: Aarhus University Press. 167 p.
- Wendt A., 2009. Die Burgwälle des Samlandes. *The reception of Medieval Europe in the Baltic Sea Region*. J. Staecher, ed. Visby: Gotland University Press, pp. 143–167. (Acta Visbyensa, XII).
- Wendt A., 2011. Samländische Burgwälle. Bonn: Habelt. 104 p. (Studien zur Archäologie Europas, 13).
- Wickham C., 2005. Framing the Early Middle Ages: Europe and the Mediterranean. Oxford: Oxford University Press. 1018 p.
- Zabiela G., 1995. Lietuvos medinės pilys. Vilnius: Die-medis. 336 p.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ИЗ КАМЕННОГО СКЛЕПА НА СЕВЕРНОМ УЧАСТКЕ НЕКРОПОЛЯ ПАНТИКАПЕЯ (РАЙОН “ГЛИНИЩЕ”): КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ

© 2024 г. Д. В. Бейлин^{1,*}, И. В. Рукавишникова^{2,**}, Н. Ф. Федосеев¹,
Т. Н. Смекалова^{3,***}, А. В. Антипенко^{1,****}, А. Ю. Лобода^{4,*****},
П. В. Гурьева^{4,*****}, Е. С. Коваленко^{4,*****}, М. М. Мурашев^{4,*****},
Е. Ю. Терещенко^{4,5,*****}, Е. Б. Яцишина^{4,*****}

¹Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия

²Институт археологии РАН, Москва, Россия

³Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия

⁴Национальный исследовательский центр “Курчатовский институт”, Москва, Россия

⁵ФНИЦ “Кристаллография и фотоника” РАН; Москва, Россия

*E-mail: denis-beylin@mail.ru

**E-mail: rukavishnikovairina@yandex.ru

***E-mail: tnsmek@mail.ru

****E-mail: an.antipenko@yandex.ru

*****E-mail: lobodaau@mail.ru

*****E-mail: poli.b3@gmail.com

*****E-mail: kovalenko_es@mail.ru

*****E-mail: mihail.mmm@inbox.ru

*****E-mail: elenatereschenko@yandex.ru

*****E-mail: Yatsishina_EB@nrcki.ru

Поступила в редакцию 15.05.2023 г.

После доработки 14.06.2023 г.

Принята к публикации 17.10.2023 г.

Статья посвящена изучению состава сплава и особенностей техники изготовления металлических вещей, обнаруженных в ходе исследования склепа на северном участке некрополя Пантикапея. По результатам исследования деталей погребальных венков установлено, что они выполнялись из золота достаточно высокой пробы. Использование такого сплава в римское время зафиксировано для вещей из раскопок некрополей Пантикапея и Фанагории. Боспорские ювелиры изготавливали детали погребальных венков с помощью механической обработки —ковки, резки и тиснения. Бронзовые вещи, найденные в склепе, применявшиеся владельцем при жизни, преимущественно литые. Они сделаны из чистой меди, латуни, оловянно-свинцовых и свинцово-оловянных бронз.

Ключевые слова: некрополь Пантикапея, металлические артефакты, погребальные венки, золотая фольга, рентгенофлуоресцентная спектроскопия, рентгеновская и нейтронная томография.

DOI: 10.31857/S0869606324010058, EDN: ZWJEQB

Некрополь Пантикапея занимает обширную территорию, находящуюся в настоящее время в черте сплошной городской застройки. Статья посвящена исследованию остатков склепа, выявленного при строительных работах на улице Мирошника в районе “Глинище” в г. Керчь (рис. 1, 2). Акцент сделан на изучении состава

сплава и особенностей техники изготовления как специально изготовленных “погребальных” декоративных предметов, так и аксессуаров, используемых в обычной жизни. Монетовидные индикации и другие детали погребальных венков из тонкой металлической фольги, очевидно, являются показателями местного ювелирного

Рис. 1. Спутниковый снимок центральной части г. Керчь с указанием местоположения склепа 2018 г.

Fig. 1. A satellite image of the central part of Kerch indicating the 2018 crypt location

производства, так как их хрупкость делала невозможной транспортировку изделий на большие расстояния (Золото Фанагории, 2015. С. 331; Журавлев и др., 2017. С. 170).

Несмотря на то, что многими исследователями прямо или косвенно выделяется боспорская ювелирная традиция (Максимова, 1957; Щеглов и др., 2013. С. 17, 18; Золото Фанагории, 2015. С. 330, 331; Новичихин, 2009. С. 117), применявшиеся сплавы и способы изготовления украшений после важных работ М.Ю. Трейстера более чем тридцатилетней давности (Treister, 1988, Трейстер 1992) остаются недостаточно изученными. Редким и счастливым исключением является доскональный анализ целым коллективом авторов золотых предметов, обнаруженных на городище и некрополе Фанагории (Золото Фанагории, 2015).

Исследование склепа в переулке Малый¹. Расположенный к северу от Пантикапея один

¹ Наиболее полно вопрос топографии и истории исследования северного участка некрополя Пантикапея, так называемого Глинища, освещен в статье: Бейлин, Рукавишников, Федосеев, 2023.

из участков курганно-грунтового некрополя — “Глинище” — стал известен еще в XIX в. благодаря обнаружению таких уникальных погребальных комплексов, как склепы Деметры и Мелек-Чесменского кургана, погребение “с золотой маской”. Этот участок стал формироваться еще в эпоху ранних Спартокидов. В первых веках нашей эры некрополь достиг своих максимальных размеров. Наиболее поздняя группа погребений, локализующаяся к северу от р. Мелек-Чесме, датируется IV–V вв. н.э. (Шестаков, 2004. С. 428, 429). Вероятно, одним из элитных участков некрополя являлась территория между современными улицами Мирошника и Братьев Перепелиц (рис. 1, 2).

В августе 2018 г. при сооружении фундамента по адресу пер. Малый, д. 10 были обнаружены фрагменты человеческих костей, фрагменты амфор, столовых краснолаковых, красноглиняных и лепных сосудов II–IV вв. н.э., стеклянные бусины. Было принято решение о исследовании погребального комплекса.

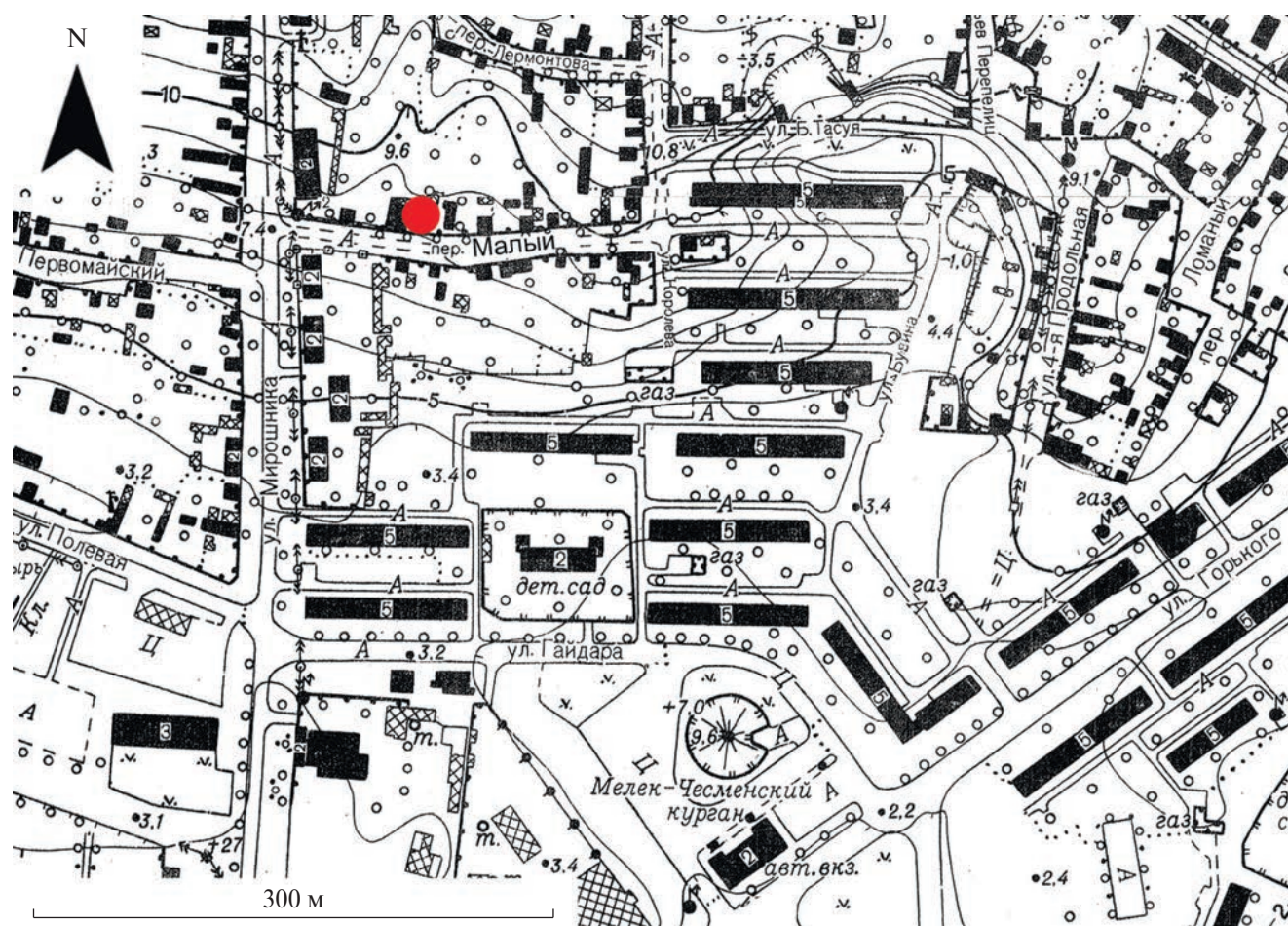

Рис. 2. Топографический план "Глинища" с отметкой расположения склепа 2018 г.

Fig. 2. A topographic plan of "Glinishche" with the indication of the 2018 crypt location

К югу от траншеи, разрушившей северную часть погребального сооружения, была сделана прирезка 4.5×4 м. Профиль южной траншеи выявил выборку западной и восточной стен склепа, позволил определить ширину погребального сооружения, а также изучить стратиграфию заполнения камеры склепа.

Погребальное сооружение представляло собой прямоугольный в плане склеп (рис. 3, 1, 2). Для его постройки в материковом суглинке был вырыт котлован размерами не менее 6×4.5 м. Все стены склепа, за исключением западной, оказались полностью разобраны на строительный камень. Выявленный участок западной стены сохранился на высоту одного ряда кладки, которая была сложена из крупных, аккуратно подогнанных друг к другу известняковых блоков, обработанные поверхности которых обращены внутрь склепа. Пространство между бортами котлована и кладкой стен

склепа заполнено бутовым камнем и известковой крошкой.

В северной части камеры склепа расчищены две крупных плоских известняковых плиты, первоначально установленных вертикально. Угол одной из них имел прямоугольный технологический вырез, другая своим северным краем опиралась на первую. Плиты могли быть использованы в оформлении дромоса камеры склепа, но в процессе ограбления и разбора стен на камень были перемещены. Пол склепа, сооруженный в плотном суглинке и тщательно выровненный, не имел каменного покрытия.

В плотном суглинке заполнения камеры склепа были обнаружены беспорядочно расположенные кости скелетов не менее 101 индивида: 50 мужчин, 40 женщин, а также 6 детей в возрасте не ранее 9 лет. У пяти индивидов пол и возраст определить не удалось. Особого внимания заслуживает нетипичная половозрастная

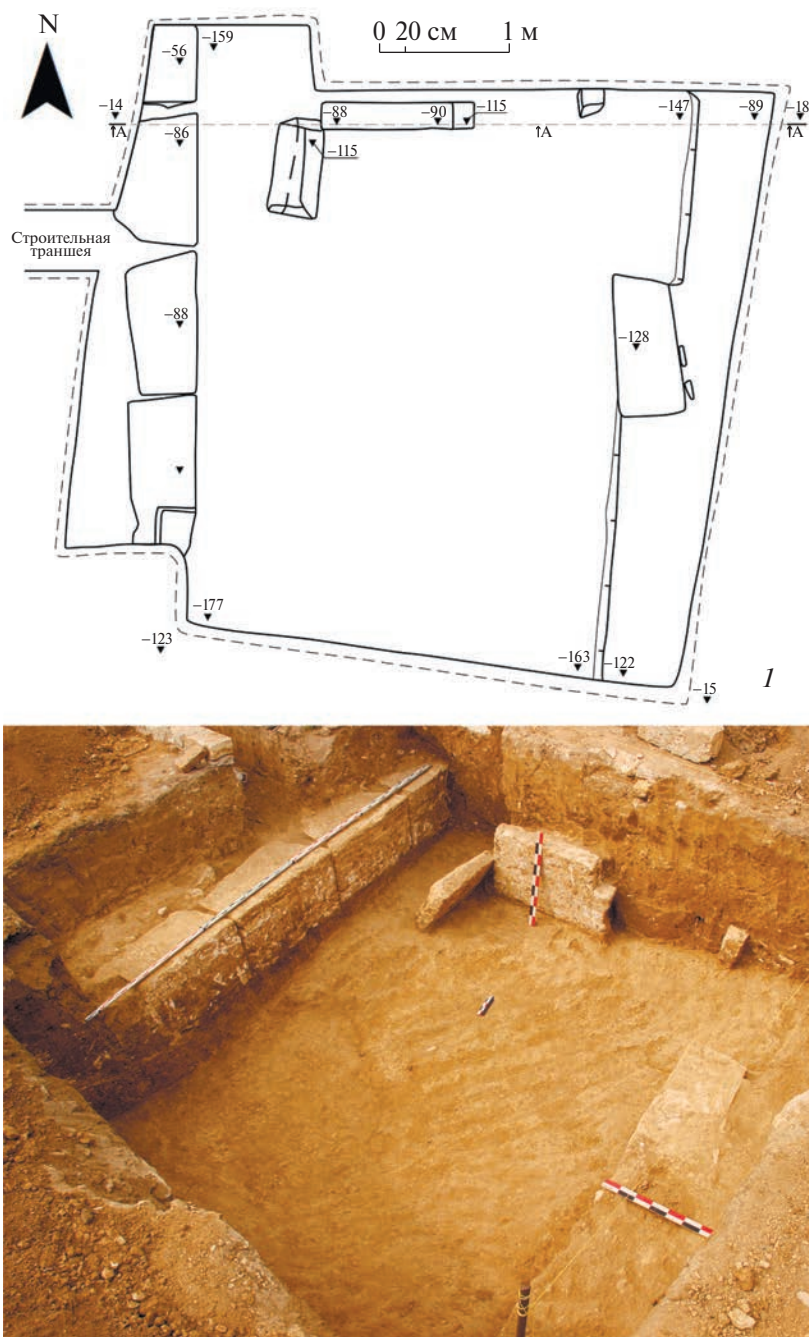

Рис. 3. Склеп 2018 г. по пер. Малый, 10 в Керчи: 1 – план; 2 – фотография, вид с юго-востока.

Fig. 3. The 2018 crypt located at 10 Maly lane, Kerch

структура группы погребенных индивидов – отсутствие детских скелетов ранних возрастов, что не позволяет рассматривать данное скопление как палеопопуляцию (ординарное кладбище)².

На высоте 0.42 м от уровня пола склепа среди скопления костей скелетов обнаружена стопка

из десяти сильно корродированных статеров боспорских царей. Еще одна монета, возможно, провинциально-римская, не поддается точному определению. Также в заполнении камеры склепа найдены отдельные стеклянные бусины, датирующиеся I–IV вв. н.э.

В придонной части склепа найдены металлические вещи: зеркало с ручкой-петелькой

² Антропологическое определение предоставлено В.П. Гусевой.

Рис. 4. Изделия из медных сплавов из склепа: 1 – зеркало; 2 – пряжка со щитком в виде театральной маски; 3 – обувная пряжка; 4 – пинцет; 5 – браслет; 6 – ригель от шкатулки; 7 – шило; 8 – фрагмент дужки серьги; 9 – серьга; 10 – колечко.

Fig. 4. Artifacts made of copper alloys from the crypt

на оборотной стороне (рис. 4, 1), браслет с разомкнутыми концами (рис. 4, 5), пинцет (рис. 4, 4), пряжка со щитком в виде театральной маски (рис. 4, 2), обувная (?) пряжка (рис. 4, 3), фрагмент дужки серьги (рис. 4, 8), серьга с витым приемником (рис. 4, 9), колечко (рис. 4, 10).

На полу склепа, в его северной части вблизи орфостатно установленных плит, зачищены металлические детали шкатулки II – первой половины III в. н.э.: накладка прямоугольной формы с отверстием для ключа г-образной формы, тип 2.2.1 (по: Труфанов, 2020. С. 165) и ригель в виде гермы с обозначенными гениталиями, с выделенными плечами и выступами на месте рук и профилированной нижней частью, тип 4.1 (по: Труфанов, 2020. С. 171) (рис. 4, 6).

В северо-западной части камеры склепа на полу обнаружены фрагменты погребальных украшений в виде треугольных листков из золотой фольги (рис. 5, 4), подвески-медальона, прикрепленного к проници тонкой проволокой (рис. 5, 3), и поврежденного листа фольги, на котором сохранился фрагмент декора, выполненного пуансоном (рис. 5, 5). Выделяется округлый медальон на кружкѣ листового золота с горизонтально прорезанным в верхней части сквозным отверстием, на лицевой стороне которого оттиснуто изображение бюста боспорского царя (индикация с боспорской монеты III в. н.э.) (рис. 5, 2).

Уникальна сложносоставная брошь, или центральный медальон, погребального венка с основой в форме “глаза с ресницами” и подвижными элементами (рис. 5, 1). Она изготовлена из пластины со сквозными отверстиями в центре, к которому посредством заклепки крепятся два элемента в виде глаза, с отходящими по всему периметру “ресницами” из полосок фольги с окончаниями в виде плоских кружков.

В заполнении склепа также были найдены фрагменты бронзовых и железных гвоздей, биконическое лепное пряслице, а также мелкие фрагменты стеклянных и керамических сосудов.

Анализ материала позволяет говорить о бытовании склепа со второй половины II в. до начала или первой половины IV в. н.э. Исследованный комплекс может служить примером

боспорской погребальной традиции римского времени.

Длительность использования склепа и обилие металлических предметов делают исследование данного археологического комплекса перспективным для изучения эволюции сплавов и техники изготовления украшений и деталей погребального убора на Боспоре.

Объекты и методы исследования. В исследование были включены 30 изделий из цветного и драгоценного металла. В первую очередь это детали венка и нашивки на одежду из тонкой золотой и медной фольги. Ко второй группе предметов относятся украшения, детали костюма и бытовые предметы, изготовленные из сплавов на медной основе. Сюда же можно отнести 11 найденных монет.

Для анализа состава всего массива изделий использовали рентгенофлуоресцентный анализ (РФЛА), который дает возможность получать данные о содержании основных компонентов и примесей сплава с достаточно большой глубиной, что позволяет снижать влияние неоднородности металла на получаемые результаты. Надо отметить, что состав многих материалов синхронных памятников (Сапрыкина, Пельгунова, 2021. С. 284; Сапрыкина, Пельгунова, 2015. С. 311; Чавушьян, 2017. С. 215) также определялся методом РФЛА, что дает возможность сопоставить сплавы различных находок.

Для ряда предметов, у которых необходимо было уточнить особенности техники изготовления, привлекались томографические методы (рентгеновская – РТ и нейтронная – НТ), которые дают информацию о внутреннем строении образцов. Кроме того, в тех случаях, когда была необходима информация о микропримесях в составе объектов использовался метод масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой (МС-ИСП), а при необходимости анализа состава локальных областей для проверки предположений о технологических операциях – энергодисперсионный рентгеновский микроанализ в режиме растровой электронной микроскопии (РЭМ/ЭРМ).

Исследование состава сплава бронзовых вещей и монет проводилось на спектрометре Mistral M1 (Bruker), с полупроводниковым кремний-дрейфовым детектором высокого разрешения (50 кэВ,

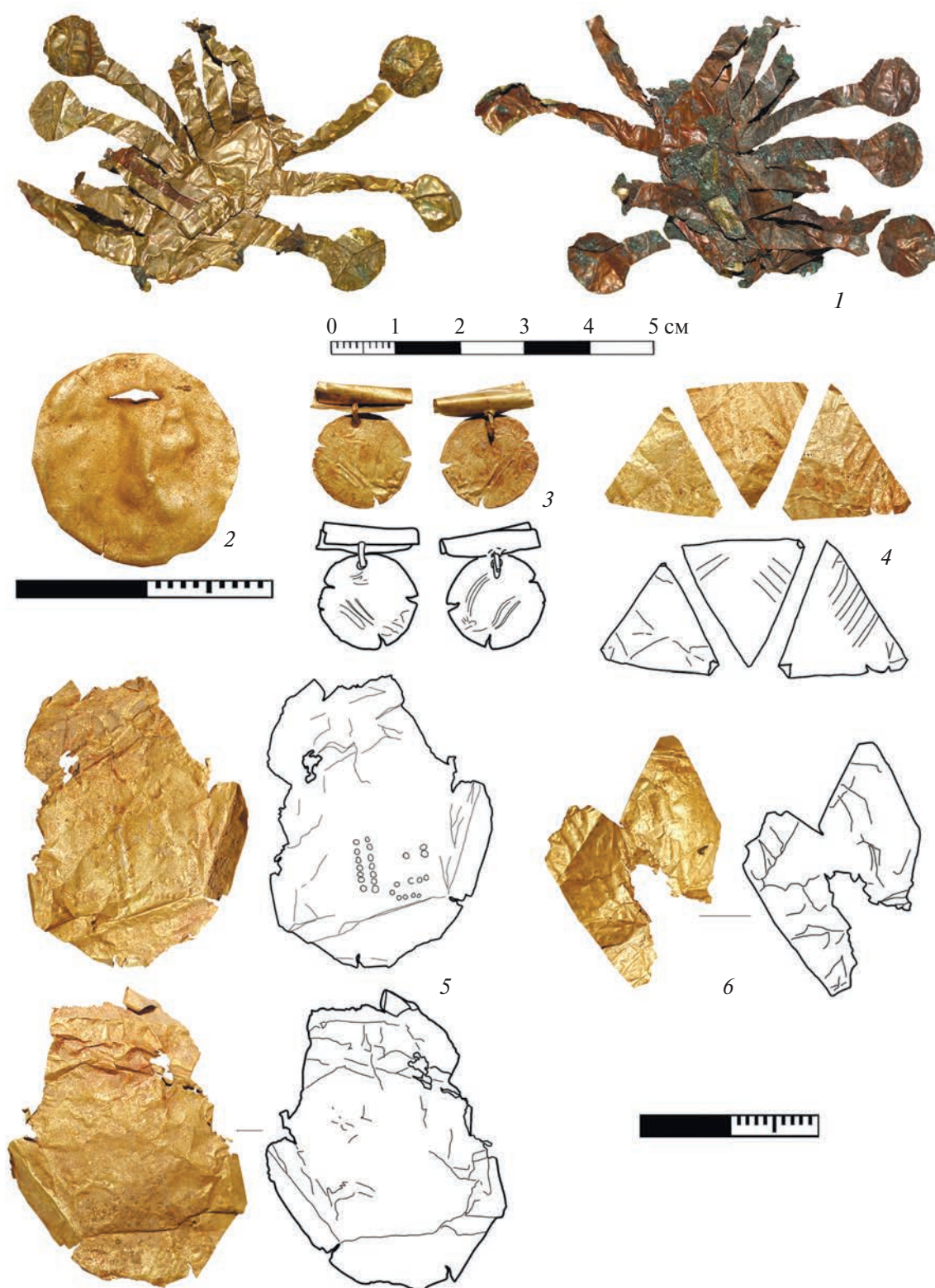

Рис. 5. Детали погребального костюма из заполнения камеры склепа: 1 – сложносоставная брошь с основой в форме “глаза” и подвижными элементами; 2 – медальон-индикация; 3 – подвеска-медальон; 4 – украшения погребального костюма в виде треугольных листков; 5 – лист фольги с декором, выполненным пуансоном; 6 – фрагмент трилистника.

Fig. 5. Details of the burial costume from the filling of the crypt chamber

мощность 50 Вт), программное обеспечение — XSpecPro. Размер изучаемой области составлял $1.5 \times 1.5 \text{ мм}^2$. Исследование проводилось на неочищенных предметах.

Фрагменты погребальных венков, зеркало с выступом-петелькой в центре и восьмеркообразная пряжка с театральной маской изучались на базе НИЦ “Курчатовский институт” с применением методов РТ, НТ, МС-ИСП и РЭМ/ЭРМ (детали изучения золотых изделий см. Antipenko et al., 2022. Р. 731–737, результаты исследования пряжки см. Лобода и др., 2023).

Исследование деталей погребальных венков. Результаты и обсуждение. Мастерские Боспора в первые века нашей эры увеличивают производство изделий, предназначенных исключительно для погребального ритуала: погребальных венков, пряжек, наконечников ремней (Прушевская, 1955. С. 350). Они обнаружены в некрополях городов Пантикапея (Чевелев, 2006. С. 222. Табл. 2, 13–15), Горгипии (Алексеева, 2021. С. 193, 195. Рис. 137, 140), Танаиса (Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001. Табл. XXIX, 6), Фанагории (Треyster, 2015. Табл. 4–6, 7.1, 10, 15). Обычны они и для Херсонеса (Журавлев и др., 2017. С. 9–24). Детали диадем и венков из золотых пластин и листочков встречаются также на памятниках варварского населения Крыма: мавзолея Неаполя Скифского (Погребова, 1961. С. 108–110) и некрополя Усть-Альма (Пуздровский, 2007. Рис. 109, 1, 3; 112, 1, 8; 119, 1, 3–5; 121; 122; Пуздровский, 2015. Рис. 4, 1, 2, 9, 10; 5, 1–4; 6, 1, 7; Труфанов, Мордвинцева, 2016. Рис. 5, 1–3).

В первые века н.э. на территории Боспорского царства получает распространение простая форма погребального венка из тонкой золотой фольги в виде ленты, с приклепанными или приклеенными листками, и другими накладными элементами: кружка ми, пластинами с рельефными изображениями, прямоугольными и треугольными аппликациями (Скржинская, 2010. С. 283, 285, 293–294; Треyster, 2014. С. 55, 61, 62). Часто в центре такого венка помещалась индикация с рельефным оттиском монеты (Абрамзон, 2015. С. 184, 185). Известны находки индикаций в некрополях Тиритаки, Нимфея, Китея, Фанагории, Горгипии (Абрамзон, 2015. С. 182–184; Новичихин, 2009. С. 117–118). В составе погребального

инвентаря они выступают как заместители полновесной монеты ее легким, тонким подобием в качестве платы Харону (Калашник, 2013. С. 85, 89). Оттиски монет нередко встречаются и на некрополе Херсонеса (Журавлев и др., 2017. С. 169–194, 329–349). Пронизь в форме трубочки с дисковидной подвеской (рис. 5, 3) имеет аналогии в погребальном инвентаре некрополя Нимфея и Фанагории (Грач, 1999. С. 148, 149; Золото Фанагории, 2015. Кат. № 197А, 197Б. Табл. 66, 7, 8; Сапрыкина, 2015. С. 232).

Все исследованные нами детали погребальных украшений, за исключением броши в виде “глаза с ресничками”³, изготовлены из золото-серебряного сплава примерно одинакового состава, с содержанием золота от 68 до 77%, серебра от 21 до 30%, и с небольшими добавками меди (до 1.5%). Очень похожий состав сплава наблюдается в аналогичных деталях погребальных венков второй половины II – III в. н.э. из Фанагории (Зайков и др., 2015. С. 293, 294). Анализ металла золотых украшений из могильника римского времени Фронтное-3 в Юго-Западном Крыму демонстрирует, что в сравнении с украшениями, использовавшимися владельцами при жизни, элементы погребальных венков имеют пониженное содержание золота, в пределах 70%. Вторым компонентом сплава выступает серебро, содержание меди незначительно (Сапрыкина, Пельгунова, 2021, С. 289. Табл. 2. № 1–3). Единственным исключением является овальный орнаментированный нагубник из этой выборки, выполненный из золота высокой пробы (Сапрыкина, Пельгунова, 2021. С. 289. Табл. 2. № 57).

Для создания деталей погребальных венков из некрополя Херсонеса, напротив, использовали более высокопробное золото. Среднее содержание золота в листьях венков и лентах от диадем — 89%, в лицевых и круглых пластинах — 85%, в нашивных бляшках — 91%, в монетовидных индикациях — 86%. Вторым компонентом в сплаве выступает серебро (3–21%), регистрируется также медь в незначительных количествах (0.5–3.8%) (Чавушьян, 2017. С. 219–222). Возможно, на Боспоре использовалось более низкопробное золото в связи с высоким спросом на погребальные венки, которые

³ Исследования способа изготовления медной броши на данный момент продолжаются.

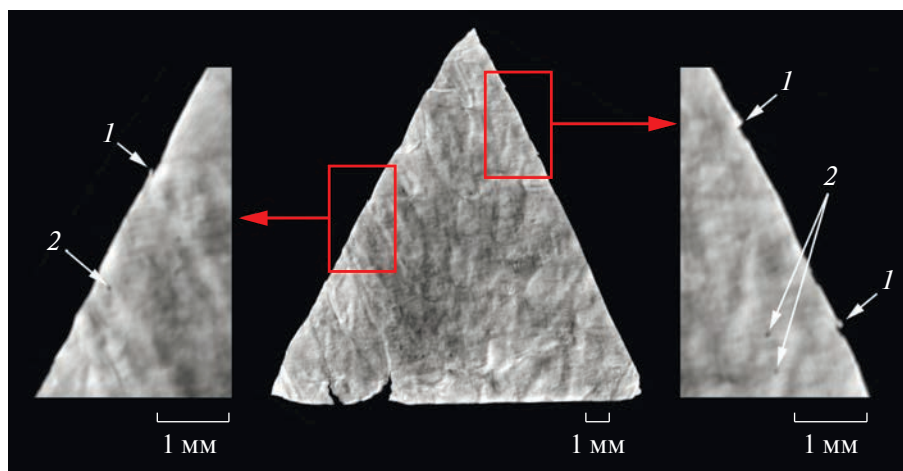

Рис. 6. Результаты рентгеновской томографии треугольной аппликации: 1 — следы режущего орудия на краю аппликации, 2 — сквозные отверстия.

Fig. 6. The results of X-ray tomography of the triangular applique

очень часто использовались в захоронениях первых веков.

Тонкая фольга из золото-серебряного сплава изготавливалась путем ковки листа, из которого затем вырезали изделия необходимой формы (Сапрыкина, 2015. С. 214). Далее по необходимости на них наносился тисненый орнамент, как, например, на треугольном листке из исследуемого склепа (рис. 6). Индикации монет изготавливались путем их оборачивания фольгой, затем свинцовой пластиной, по которой деревянным молотком наносился удар. После получения изображения индикацию обрезают по краям. Вещи, созданные для погребального облачения, имеют следы небрежного или не слишком умелого нанесения изображения, повреждения поверхности, о чем свидетельствуют данные рентгеновской томографии (Antipenko et al., 2022. Р. 731–737).

Изделия из сплавов на медной основе. Вотивное зеркало имеет выступ-петельку в центре и солярный выпуклый орнамент (рис. 4, 1). Зеркало сломано и состоит из двух частей. Подобные зеркала появляются с рубежа I–II вв. н.э. в могильниках Крымской Скифии. Особенно много их в погребениях середины II – первой половины III в. н.э. Подобный орнамент в виде лучеобразно расходящихся линий от центрального кольца мы находим на зеркале с боковой ручкой II–III вв. н.э. в Усть-Альминском могильнике (Пуздровский, 2007. Рис. 129, 4, 6). По наличию центральной ручки-петли исследуемое

зеркало следует отнести к более раннему времени – I–II вв. н.э. Подобные зеркала мы встречаем в погребениях этого времени в том же могильнике (Пуздровский, 2007. Рис. 127, 8). По-видимому, наше зеркало представляет некий “пограничный” тип, по форме тяготеющий к более раннему времени, а орнаментом напоминающий позднесарматские зеркала с боковой ручкой. Зеркала наряду с утилитарным имели и ритуальное значение. Иногда их клали в могилу намеренно разбитыми (Дашевская, 1991. С. 40). Возможно, что и наше зеркало было специально разбито перед тем, как его положили рядом с усопшим. Оно относится к сарматской традиции, однако, не исключено, что производили такие зеркала на Боспоре или в Неаполе Скифском.

РФА измерение состава сплава показало (табл. 1, 12), что зеркало отлито из оловянно-свинцовой бронзы с достаточно высоким содержанием олова – в среднем 26.5%, что обусловлено характером предмета: высокооловянные бронзы обладают значительной твердостью и хорошо поддаются полировке. Свинца в сплаве немного – в среднем 3.7%. Разницы в содержании элементов на лицевой и оборотной поверхностях зеркала нет.

По данным РТ и НТ, на поверхности зеркала находится слой коррозии неравномерной толщины (до 1 мм). Интенсивный коррозионный процесс проходил в несколько стадий: в приповерхностных областях наблюдается

Таблица 1. Элементный состав вещей из склепа в переулке Малый, масс. %**Table 1.** The elemental composition of items from the crypt in Maly Lane, wt. %

№	Предмет	Cu	Zn	Fe	Ag	As	Pb	Sb	Sn
1	Пинцет	97.49	—	0.12	0.16	—	0.73	0.17	1.32
2	Бусина	94.67	0.10	3.10	0.06	0,25	1.56	0.16	0.10
3	Шило	76.97	17.68	4.25	0.05	—	0.95	0.10	—
4	Герма	52.41	—	2.26	0.07	—	44.94	0.18	0.14
5	Серьга	96.95	—	1.02	0.06	—	0.18	0.30	1.49
6	Серьга	96,93	—	0.81	0.20	—	0.86	1.00	0.21
7	Кольцо	91.35	1.16	0.81	0.19	—	3.50	0.68	2.31
8	Браслет	92.05	1.88	0.61	0.10	0.40	3.11	0.19	1.67
9	Пряжка (рамка)	87.97	0.14	0.85	0.05	—	0.85	—	10.14
10	Пряжка (язычок)	89.25	—	0.64	—	—	1.48	0.23	8.40
11	Пряжка с маской	70.24	—	1.09	—	1.23	17.87	—	9.56
12	Зеркало	69.27	—	0.06	0.03	0.15	3.71	0.12	26.64

растрескивание на слои толщиной от 60 до 270 мкм (рис. 7, 1). По всему объему идет значительное количество радиальных и поперечных трещин шириной до 250 мкм, проникающих в некоторых областях на всю глубину (рис. 7, 2). Регистрируются поры округлой формы диаметром от 90 до 630 мкм, что позволяет исключить проковку предмета после его отливки. Совместный анализ ослабления рентгеновского излучения и тепловых нейтронов

позволил выявить области предмета с наилучшей сохранностью — в центральной зоне зеркала и ручки (рис. 7, 3). Следов создания на поверхности изделия дополнительного “зеркального” слоя не обнаружено.

Важные результаты были получены И.Г. Равич, проанализировавшей 43 зеркала раннесарматского времени с валиком по краю из могильников Поволжья. Она определила, что все зеркала изготовлены из высокооловянной бронзы, содержащей 20–25% олова (Равич, 2001. С. 46). Аналогичные результаты были получены М.Г. Мошковой и Н.В. Рындиной, исследовавшими 26 зеркал из сарматских могильников Нижнего Поволжья и Приуралья (Мошкова, Рындина, 1975. Табл. 1). И.Г. Равич также детально исследовала технологию изготовления сарматских зеркал методом горячейковки из бронзы, содержащей 20–23% олова (Равич, 2006. С. 47). По мнению исследователей, столь высокая концентрация олова в изделиях не случайна. Повышение концентрации олова до 20–23% влияло на окраску изделия, придавая ему золотисто-желтый цвет, а до 24–28% — серо-стальной (Равич, Бер, Мухина, 2004. С. 28).

Скифские и сарматские зеркала различаются по составу сплава и технологии изготовления. Как определила Т.Б. Барцева, большинство скифских зеркальных бронз содержит 5–12% олова и примерно 1–3% свинца (Барцева, 1981. С. 65–72).

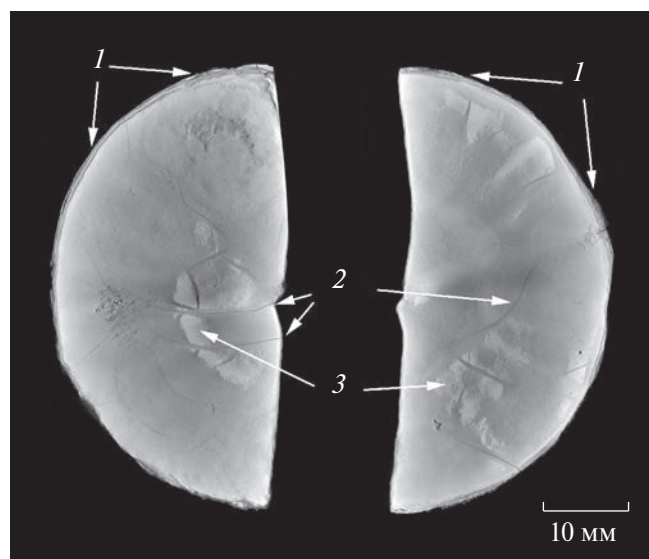

Рис. 7. Рентгеноматомографические сечения фрагментов зеркала: 1 — приповерхностные слои коррозии; 2 — трещины; 3 — предположительно, области наилучшей сохранности металла.

Fig. 7. X-ray tomographic sections of mirror fragments

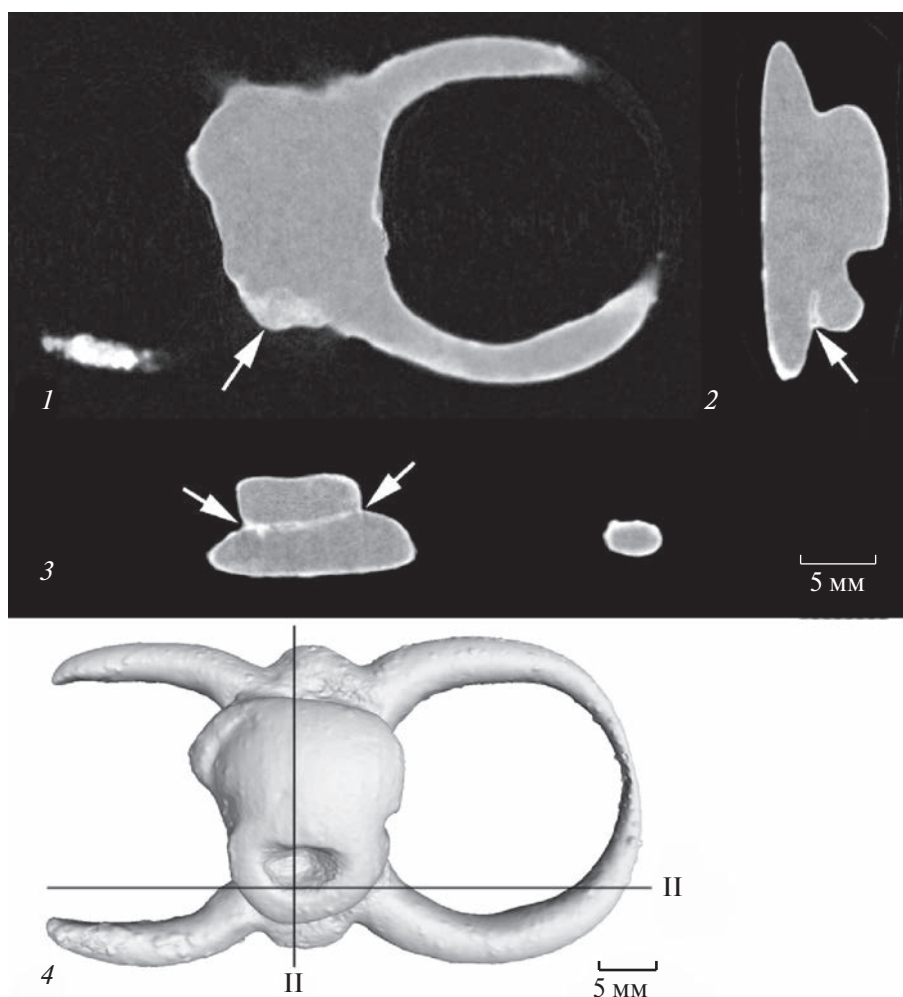

Рис. 8. Нейтронотомографические сечения пряжки в трех взаимно перпендикулярных плоскостях (1–3) с областями коррозии (отмечены стрелками), лежащими под центральным декоративным элементом. Положение секущих плоскостей I и II для сечений 2 и 3 соответственно указано на объемной модели (4).

Fig. 8. Neutron tomographic sections of the buckle in three mutually perpendicular planes (1–3) with corrosion areas (marked by arrows) located under the central decorative element. The location of secant planes I and II for sections 2 and 3 respectively is indicated on the 3D model (4)

Таким образом, следует признать, что оловянная бронза, иногда с небольшим количеством свинца, является типичным сплавом для производства зеркал, начиная с раннескифского до позднесарматского времени. Исследуемое вотивное литое позднесарматское зеркало из керченского склепа не является исключением.

Литая восьмеркообразная пряжка с театральной маской (рис. 4, 2) относится к деталям мужского костюма и имеет довольно многочисленные аналогии в Центральном и Восточном Крыму, на Тамани. Две пряжки I в. до н.э. с рельефной маской актера были найдены в мавзолее Неаполя Скифского (Шульц, 1953.

Табл. XV, 8) и в Дмитровском могильнике, в 15 км к северо-востоку от Неаполя (Высоцкая, Махнева, 1983. С. 71. Рис. 3, 19). Еще одна пряжка-застежка с маской бородатого Силена была обнаружена при раскопках 2016–2017 гг. могильника Кара-Тау II в. до н.э. – IV в. н.э., в Восточном Крыму. В Артюховском кургане на Таманском п-ве была найдена подобная серебряная пряжка с женской фигурой между колец (Максимова, 1961. С. 140). М.И. Максимова приводит сведения о еще трех подобных пряжках, с рельефными комическими масками, поступивших из Керчи в Государственный Эрмитаж (С. 141). По типу все эти пряжки близки между собой и, по общепринятому мнению,

Таблица 2. Состав сплава монет из склепа в переулке Малый, масс. %**Table 2.** The composition of the alloy of coins from the crypt in Maly lane, wt. %

№	Правитель, годы, вес	Cu	Ni	Zn	Fe	Ag	As	Pb	Sb	Sn
1	Фофорс, 300–302 гг., 7.49 г	46.19	—	0.26	0.81	0.14	1.46	38.08	0.38	12.68
2	Рискупорид VI, 322–325 гг., 7.48 г	96.65	—	0.24	0.20	0.15	1.45	0.74	0.40	0.17
3	Рискупорид VI, 322–325 гг., 6.76 г	93.21	0,25	0.10	0.48	0.28	2.70	2.06	0.47	0.45
4	Рискупорид VI, 322–325 гг., 7.28 г	90.97	0.03	0.23	0.11	0.29	1.11	6.20	0.39	0.68
5	Рискупорид VI, 322–325 гг., 6.93 г	92.15	0.09	0.16	0.05	0.21	0.72	5.97	0.42	0.24
6	Рискупорид VI, 322–325 гг., 6.82 г	95.43	0.02	0.14	0.16	0.16	0.63	2.90	0.28	0.29
7	Рискупорид VI, 322–325 гг., 7.44 г	93.02	0.16	0.07	0.90	0.19	0.94	4.11	0.41	0.21
8	Рискупорид VI, 322–325 гг., 7.26 г	80.28	—	—	0.46	—	0.62	17.05	0.11	1.48
9	Рискупорид VI, 322–325 гг., 8.90 г	53.36	—	0.16	—	0.37	2.24	40.16	0.40	3.30
10	Рискупорид VI, 322–325 гг., 7.26 г	92.70	—	0.28	0.13	0.19	2.69	3.27	0.37	0.39
11	Провинциально- римская (?), 2.81 г	74.36	—	—	0.20	—	2.28	22.21	0.16	0.80

считаются, хотя и характерными для сармат, но носящими следы античного влияния (Зайцев, 2011. С. 590) или даже признаются сделанными в греческих мастерских (Дашевская, 1991. С. 36; Максимова, 1961. С. 141).

Исследованная нами пряжка по данным РФЛА (табл. 1, 11) была отлита из свинцово-оловянной бронзы: Pb — 17.87%, Sn — 9.56%. Нами был измерен состав сплава еще одной пряжки, происходящей из некрополя Кара-Тау; это тоже свинцово-оловянная бронза: Pb — 4.6%, Sn — 3.8%.

По результатам РТ и НТ (Лобода и др., 2023) пряжка-застежка из керченского склепа имеет однородное внутреннее строение, трещины не выявляются. Отсутствие каких-либо особенностей между нижней частью декоративного элемента и рамкой пряжки, за исключением области глубиной до 3 мм, подвергшейся коррозии (рис. 8), позволяет предположить, что восьмеркообразная часть пряжки отливалась в единой форме вместе с маской.

Театральные маски комических актеров или силенов выполнены в античной стилистике. Поэтому можно заключить, что пряжки с этими декоративными элементами вышли из греческих мастерских. Тяготение всех известных находок к Восточному Крыму и Тамани указывает на Боспор, как возможное место их производства.

Пряжки с рельефными масками или фигурами между двух колец ведут свое начало от пряжек в виде одинарных, двоянных и тройных колец, широко известных у сарматов прохоровской культуры (Мошкова, 1960. С. 293–307). Подобные пряжки встречаются при раскопках некрополей Крымской Скифии: Неаполя, Битака, Капак-Таша, Усть-Альмы (Пуздровский, 2007. С. 70, 71, 369. Рис. 95). По мнению М.И. Максимовой, население Северного Причерноморья заимствовало у сарматов конструкцию пряжек данного типа, привнеся в них некоторые видоизменения под влиянием греческой культуры (Максимова, 1961. С. 141).

Таблица 3. Состав сплава статоров Рискупорида VI 322/323 гг. из немецкой коллекции ВКИКМЗ, масс. %**Table 3.** The composition of the alloy of staters of Riskuporid VI 322/323 from the German collection of the East Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve, wt. %

Инвентарный №	Cu	Zn	Fe	Ag	As	Pb	Sb	Sn
КП 178380	95.41	0.06	0.12	1.14	0.45	0.87	0.15	1.73
КП 178381	92.10	0.05	0.32	0.57	2.31	3.11	0.11	1.42
КП 178390	97.37	—	—	0.15	1.03	1.09	0.21	0.14
КП 178391	91.31	—	0.17	0.15	1.32	5.90	0.21	0.94

Другие изделия из медных сплавов. В целом состав медных сплавов предметов, найденных в склепе в пер. Малый, показывает большое разнообразие по содержанию цинка, свинца и олова (табл. 1).

Пинцет (рис. 4, 4) изготовлен из медного сплава с небольшой добавкой олова — 1.32%. Свинца в сплаве — 0.7% (табл. 1, 1).

Биконическая бусина, относящаяся к типу 7 по Е.М. Алексеевой (Алексеева, 1982. С. 23), отлична из практически “чистой” меди, которая имеет присадку свинца в пределах 1.5% (табл. 1, 2).

Фрагменты шила (рис. 4, 7) выполнены из латуни (Zn — 17.68%), высокое содержание железа является результатом поверхностного загрязнения (табл. 1, 3).

Ригель в виде гермы (рис. 4, 6) сделан из свинцовой бронзы с очень высоким содержанием свинца, достигающим до 53% (табл. 1, 6). Подобные ключи из Пантикапея I–II вв. н.э., исследованные методом оптико-эмиссионной спектроскопии М.Ю. Трейстером, сделаны из свинцово-оловянной бронзы (Pb — 7.5–11.3%, Sn 1.2–4.5%) и из многокомпонентного сплава с цинком (Zn — 8.8%, Pb — 8.9%, Sn — 1.2%) (Treister, 1988. Fig. 15, 8–10; P. 53, Tabl. 1. 489, 553, 512).

Две серьги (рис. 4, 8, 9) изготовлены из почти “чистой” меди (табл. 1, 5, 6). Кольцо (рис. 4, 10) содержит в составе сплава небольшие количества цинка (1.16%), свинца (3.11%) и олова (2.31%), т.е. сделано из многокомпонентного сплава (табл. 1, 8).

Браслет с расширяющимися концами (рис. 4, 5) относится к повсеместно распространенному на территории Северного Причерноморья в I–IV вв. н.э. типу IX (по: Polit, 2022. P. 73–76). Состав сплава браслета близок к рецептуре одной из серег и содержит олово, свинец и

цинк в небольших концентрациях (Sn — 1.67%, Pb — 3.11%, Zn — 1.88%) (табл. 1, 7).

Пряжка с овальной рамкой с подвижным язычком (рис. 4, 3), близкая по форме к типу П2а по В.Ю. Малашеву, может быть датирована концом II — серединой III в. н.э. (Малашев, 2000. С. 195, 207). По данным РФЛА и рамка, и язычок сделаны из оловянно-свинцовой бронзы с содержанием олова — 8.4–10.14%, свинца — 0.85–1.48% (табл. 1, 9, 10).

Монеты. В склепе было найдено 10 поздне-боспорских статоров: один — Фофорса (286/287–309/310 гг. н.э.), девять — Рискупорида VI (318/319–336/337 гг. н.э.), а также монета плохой сохранности с пробитым отверстием, предположительно провинциально-римская. Результаты по РФЛА исследованию элементного состава приведены в табл. 2.

Большинство (7 из 9) статоров Рискупорида VI отчеканены из сплава на медной основе с очень небольшим количеством олова (0.17–0.7%), свинца (от 0.7 до 6.2%), и таким же количеством мышьяка. Два статора Рискупорида VI отчеканены из свинцово-оловянно-мышьяковой бронзы с очень большим количеством свинца (17–40%). Из такого же сплава сделаны статор Фофорса и римская провинциальная монета.

Особенностью сплава этих монет является заметное количество мышьяка (от 1 до 2.69%). Подобное явление мы отмечали для монет Рискупорида VI 322/323 гг. из довоенной коллекции, переданной ФРГ Восточно-Крымскому историко-культурному музею-заповеднику (табл. 3).

Отметим, что в монетах предшественников — Ининфимея, Рискупорида V, мышьяк не был обнаружен (Сапрыкина, Гунчина, 2015. С. 296–438).

Вероятно, для чеканки монет Рискупорида VI использовались поставки металла с примесью мышьяка.

В склепе в переулке Малый обнаружены как изделия утилитарного назначения, используемые владельцами при жизни, так и вещи, которые имели символическое назначение и создавались исключительно для погребальных целей. К первой категории относятся находки из бронзы и монеты, ко второй — изделия, выполненные из золотой и медной фольги.

По результатам комплексного исследования деталей погребальных венков и аппликаций к ним установлено, что они выполнялись из золота достаточно высокой пробы (Au — 68.5–77.3%) с присадкой серебра (Ag — 21.1–30.4%). Сплав золото-серебро хорошо поддается как обработке механическим способом, так и литью. Его использование в римское время зафиксировано как на территории Европейского Боспора (некрополь Пантикапея), так и в городах Азиатского Боспора (некрополь Фанагории). В нашем случае боспорские ювелиры применяли его преимущественно для механической обработки —ковки листа, из которого затем вырезали изделия необходимой формы. Далее по необходимости на них наносился тисненый орнамент.

Вещи, созданные для погребального облачения, имеют следы небрежного нанесения изображения с повреждением поверхности. Бронзовые предметы, которые применялись владельцем при жизни, преимущественно литые. В составе “настоящих” или повседневных вещей склепа представлены предметы, изготовленные из чистой меди, латуни, оловянно-свинцовых и свинцово-оловянных бронз. Эти сплавы были хорошо знакомы боспорским мастерам (Treister, 1988; Трейстер, 1992).

Для зеркала мы можем подтвердить применение высокооловянной бронзы, что, вероятно, определяется легкостью полировки поверхностей изделий из такого сплава, обладающего повышенной твердостью. Зеркало из керченского склепа отлито из оловянно-свинцовой бронзы с достаточно высоким содержанием олова — в среднем 26.5%, подобная концентрация этого элемента обеспечивает светлый “зеркальный” цвет сплава, что в наибольшей мере отвечает назначению предмета.

Исследования выполнены при финансовой поддержке Российской Федерации в лице Минобрнауки России в рамках Соглашения о предоставлении из федерального бюджета гранта в форме субсидии № 075-15-2023-010 от 21.02.2023.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамзон М.Г.* Золотые индикации с античных монет из раскопок Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 2. Золото Фанагории / Ред. М.Ю. Трейстер. М.: ИА РАН, 2015. С. 182–193.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1982 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Г1-12). 104 с.
- Алексеева Е.М.* Некрополь античного города Гор-гиппии: комплекс гробниц рубежа II–III вв. н.э. М.; Вологда: Древности Севера, 2021. 351 с.
- Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В.* Некрополь Танаиса (раскопки 1981–1995 гг.). М.: Палеограф, 2001. 275 с.
- Барцева Т.Б.* Цветная металлообработка скифского времени. М.: Наука, 1981. 127 с.
- Бейлин Д.В., Рукавишников И.В., Федосеев Н.Ф.* Исследования каменного склепа в районе ул. Ми-рошника в Керчи (Северный участок некрополя Пантикапея) // Древности Боспора. Т. 28. М., 2023. С. 38–61.
- Высоцкая Т.Н., Махнева О.А.* Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму // Население и культура Крыма в первые века н.э. / Ред. Т.Н. Вы-сотская. Киев: Наукова думка, 1983. С. 66–80.
- Греч Н.Л.* Некрополь Нимфея. СПб.: Наука, 1999. 328 с.
- Дашевская О.Д.* Поздние скифы в Крыму. М.: Наука, 1991 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Д1-7). 141 с.
- Журавлев Д.В., Новикова Е.Ю., Коваленко С.А., Ше-маханская М.С.* Золото Херсонеса Таврического (Ювелирные изделия из собрания Государственного исторического музея). М.: Внешторгиздат, 2017. 358 с.
- Зайков В.В., Трейстер М.Ю., Зайкова Е.В., Хворов П.В., Котляров В.А.* Результаты исследования состава золотых изделий из Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 2. Золото Фанагории / Ред. М.Ю. Трейстер. М.: ИА РАН, 2015. С. 266–310.
- Зайцев Ю.П.* “Позднескифский” костюм как этно-индикатор (на примере элементов поясной гар-нитур III–I вв. до н.э.) // Боспорский феномен. Население, языки, контакты: материалы между-нар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2011 г.). СПб.: Нестор-История, 2011. С. 584–592.

- Золото Фанагории / Ред. М.Ю. Трейстер. М.: ИА РАН, 2015 (Фанагория. Результаты археологических исследований; т. 2). 604 с.
- Калашник Ю.П. Пантикапейские индикации // Фитидия: памяти Юрия Викторовича Андреева / Ред. Ю.А. Виноградов, М.Ю. Вахтина, В.А. Горончаровский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 85–99.
- Лобода А.Ю., Антипенко А.В., Гурьева П.В., Коваленко Е.С., Мурашев М.М., Мандрыкина А.В., Сmealова Т.Н., Терещенко Е.Ю., Яцишина Е.Б. Пряжка-застежка из каменного склепа некрополя “Глинище” в Керчи // Российские нанотехнологии. 2023. № 5. С. 580–583.
- Максимова М.И. Боспорская камнерезная мастерская // Советская археология. 1957. № 4. С. 75–82.
- Максимова М.И. Серебряная пряжка из Артюховского кургана // Краткие сообщения Института археологии. 1961. Вып. 83. С. 139–142.
- Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–233.
- Мошкова М.Г. Раннесарматские бронзовые пряжки // Древности Нижнего Поволжья. (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. II / Ред. Е.И. Крупнов, К.Ф. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1960 (Материалы и исследования по археологии России; № 78). С. 293–309.
- Мошкова М.Г., Рындина Н.В. Сарматские зеркала Поволжья и Приуралья: (Химико-технологическое исследование) // Очерки технологии древнейших производств. М.: Наука, 1975. С. 117–133.
- Новичихин А.М. Ювелирные изделия из раскопок некрополя Горгиппии в 1987 г. // Вестник древней истории. 2009. № 1. С. 110–118.
- Погребова Н.Н. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Северном Причерноморье / Ред. К.Ф. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1961 (Материалы и исследования по археологии России; № 96). С. 103–213.
- Прушевская Е.О. Художественная обработка металла (торевтика) // Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры / Ред. В.Ф. Гайдукевич, М.И. Максимова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 325–355.
- Пуздровский А.Е. Крымская Скифия. II в. до н.э. — III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
- Пуздровский А.Е. Склеп с элитными воинскими погребениями из Усть-Альминского некрополя // История и археология Крыма. 2015. Вып. II. С. 186–199.
- Равич И.Г. Некоторые типы высокоооловянных горячекованных зеркал сарматского времени и их технологические особенности // Историко-археологический альманах. Вып. 7. Армавир: Армавирский краевед. музей, 2001. С. 43–54.
- Равич И.Г. Некоторые типы высокоооловянных горячекованных зеркал сарматского времени и их технологические особенности // Краткие сообщения Института археологии. 2006. Вып. 220. С. 42–51.
- Равич И.Г., Бер Л.Б., Мухина Т.А. Особенности состава благородной черной патины на миниатюрных зеркалах сарматского времени // Художественное наследие. № 21 (51). М.: Гос. науч.-исслед. ин-т реставрации, 2004. С. 27–45.
- Сапрыкина И.А. Техника изготовления золотых изделий из Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 2. Золото Фанагории / Ред. М.Ю. Трейстер. М.: ИА РАН, 2015. С. 208–265.
- Сапрыкина И.А., Пельгунова Л.А. Исследование золотых изделий из Фанагории на РФА-спектрометре M4 Tornado (Bruker) // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 2. Золото Фанагории / Ред. М.Ю. Трейстер. М.: ИА РАН, 2015. С. 311–321.
- Сапрыкина И.А., Пельгунова Л.А. Золотые украшения могильника Фронтное-3: состав и техники изготовления (предварительные данные) // Stratum plus. 2021. № 4. С. 283–297.
- Скржинская М.В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб.: Алетейя, 2010. 464 с.
- Трейстер М.Ю. Бронзолитейное ремесло Боспора // Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Вып. 10. Археология и искусство Боспора. М.: Внешторгиздат, 1992. С. 66–110.
- Трейстер М.Ю. Золотые погребальные венки Боспора IV в. до н.э. — V в. н.э. (генезис и хронология основных типов) // Погребальная культура Боспорского царства: материалы Круглого стола, посвящ. 100-летию со дня рождения Михаила Моисеевича Кубланова (1914–1998) (Санкт-Петербург, 25–26 ноября 2014 г.) / Ред. В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 54–65.
- Труфанов А.А., Мордвинцева В.И. Воинское погребение середины I в. н.э. из Усть-Альминского некрополя (Юго-Западный Крым) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 2. С. 196–212.
- Труфанов А.А. Металлические детали шкатулок из варварских погребений Крыма I–IV вв. н.э. // История и археология Крыма. 2020. Вып. XII. С. 163–200.
- Чавушьян С.Л. Результаты исследования состава золотых изделий из Херсонеса // Золото Херсонеса Таврического (Ювелирные изделия из собрания Государственного исторического музея). М.: Внешторгиздат, 2017. С. 215–222.
- Чевелев О.Д. Охранные раскопки восточного некрополя Пантикапея на ул. Кирова в 1987–1988 гг. //

- Научный сборник Керченского заповедника. Вып. 1. Керчь, 2006. С. 211–243.
- Шестаков С.А. Топография поздних некрополей как показатель этнического состава населения Пантикапея-Боспора // V Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы: материалы междунар. науч. конф. / Ред. В.Н. Зинько. Керчь, 2004. С. 427–430.
- Шульц П.Н. Мавзолей Неаполя Скифского. М.: Искусство, 1953. 124 с.
- Щеглов А.Н., Кац В.И., Смекалова Т.Н., Беван В.В. Курганы скифской знати в западном Крыму. Симферополь: Феникс, 2013 (Материалы к археологической карте Крыма; вып. XI, ч. 1). 102 с.
- Antipenko A.V., Rukavishnikova I.V., Beilin D.V., Smekalova T.N., Loboda A.Yu., Guryevad P.V., Kovalenkod E.S., Mandrykina A.V., Ismagulov A.M., Terechenko E.Yu., Yatsishina E.B. Golden Details of a Funeral Wreath and Clothing from the Roman Time Bosporan Crypt: X-ray and Mass Spectrometric Studies // Nanobiotechnology Reports. 2022. Vol. 17, № 5. P. 731–737.
- Polit B. Jewellery of the barbarian societies from the Crimea in the sarmatian period. Earrings, bracelets, band rings and finger rings. Rzeszow, 2022. 425 p.
- Treister M.Ju. Spectroanalytical Study of the Kingdom of Bosphorus Bronze Coins // Bulletin of the Metals Museum. 1988. Vol. 13. P. 3–21.

METAL FINDS FROM THE STONE CRYPT IN THE NORTHERN PART OF THE PANTIKAPAEAN NECROPOLIS (“GLINISHCHE” DISTRICT): A COMPREHENSIVE ANALYSIS

Denis V. Beylin^{a, #}, Irina V. Rukavishnikova^{b, ##}, Nikolay F. Fedoseev^a,
Tatiana N. Smekalova^{c, ###}, Anna V. Antipenko^{a, ####}, Anastasia Yu. Loboda^{d, #####},
Polina V. Guryeva^{d, #####}, Ekaterina S. Kovalenko^{d, #####}, Mikhail M. Murashev^{d, #####},
Elena Yu. Tereshchenko^{d, e, #####} and Ekaterina B. Yatsishina^{d, #####}

^aInstitute of Archaeology of Crimea RAS, Simferopol, Russia

^bInstitute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

^cV. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

^dNational Research Centre “Kurchatov Institute”, Moscow, Russia

^eFederal Research Centre of Crystallography and Photonics RAS; Moscow, Russia

[#]E-mail: denis-beylin@mail.ru

^{##}E-mail: rukavishnikovairina@yandex.ru

^{###}E-mail: tnsmek@mail.ru

^{####}E-mail: an.antipenko@yandex.ru

^{#####}E-mail: lobodaau@mail.ru

^{#####}E-mail: poli.b3@gmail.com

^{#####}E-mail: kovalenko_es@mail.ru

^{#####}E-mail: mihail.mmm@inbox.ru

^{#####}E-mail: elenatereshchenko@yandex.ru

^{#####}E-mail: Yatsishina_EB@nrcki.ru

The article is focused on the study of the alloy composition and the peculiarities of the manufacturing technique of metal objects uncovered during the excavation in the crypt in the northern part of the Panticapaeum necropolis. Based on the results of research on the details of funeral wreaths with natural science methods, it was established that they were made of gold of a fairly high standard. The use of such an alloy in the Roman period was recorded for items from the excavations at the Panticapaeum and Phanagoria necropolises. Bosporan jewellers made parts of funeral wreaths by mechanical processing: in the beginning, a metal sheet was forged, after that they cut out items of the required shape from it and applied an embossed ornament. Bronze objects found in the crypt, which were used by their owner during his lifetime, are mostly cast. They are made of pure copper, brass, tin-lead and lead-tin bronzes.

Keywords: the Panticapaeum necropolis, ancient metal objects, funeral wreaths, gold foil, X-ray fluorescence spectroscopy, X-ray and neutron tomography.

REFERENCES

- Abramzon M.G.*, 2015. Gold indications on classical coins from the excavations in Phanagoria. *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of archaeological research]*, 2. *Zoloto Fanagorii [Gold of Phanagoria]*. M.Yu. Treyster, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 182–193. (In Russ.)
- Alekseeva E.M.*, 1982. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya [Classical period beads of the Northern Pontic]. Moscow: Nauka. 104 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, G1-12).
- Alekseeva E.M.*, 2021. Nekropol' antichnogo goroda Gorgippii: kompleks grobnits rubezha II–III vv. n.e. [Necropolis of the classical city of Gorgippia: a complex of tombs from the turn of the 2nd–3rd centuries AD]. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa. 351 p.
- Antipenko A.V., Rukavishnikova I.V., Beilin D.V., Smekalova T.N., Loboda A.Yu., Guryevad P.V., Kovalenkod E.S., Mandrykina A.V., Ismagulov A.M., Tereschenko E.Yu., Yatsishina E.B.*, 2022. Golden Details of a Funeral Wreath and Clothing from the Roman Time Bosporan Crypt: X-ray and Mass Spectrometric Studies. *Nanobiotechnology Reports*, vol. 17, no. 5, pp. 731–737.
- Arsen'eva T.M., Bezuglov S.I., Tolochko I.V.*, 2001. Nekropol' Tanaisa (raskopki 1981–1995 gg.) [The Tanais necropolis (excavations of 1981–1995)]. Moscow: Paleograf. 275 p.
- Bartseva T.B.*, 1981. Tsvetnaya metalloobrabotka skifskogo vremeni [Non-ferrous metalworking of the Scythian period]. Moscow: Nauka. 127 p.
- Beylin D.V., Rukavishnikova I.V., Fedoseev N.F.*, 2023. Research on a stone crypt in the area of Miroshnika Street in Kerch (Northern part of the Panticapaeum necropolis). *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]*, 28, pp. 38–61. (In Russ.)
- Chavush'yan S.L.*, 2017. Results of a study in the composition of gold products from Chersonesos. *Zoloto Kheronesosa Tavricheskogo (Yuvelirnye izdeliya iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya) [Gold from the Tauric Chersonesos (Jewellery from the collection of the State Historical Museum)]*. Moscow: Vneshtorgizdat, pp. 215–222. (In Russ.)
- Chevelev O.D.*, 2006. Salvage excavations of the eastern necropolis of Panticapaeum in Kirova Street in 1987–1988. *Nauchnyy sbornik Kerchenskogo zapovednika [Collected research papers of the Kerch Reserve]*, 1. Kerch', pp. 211–243. (In Russ.)
- Dashevskaya O.D.*, 1991. Pozdnie skify v Krymu [The Late Scythians in the Crimea]. Moscow: Nauka. 141 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D1-7).
- Grach N.L.*, 1999. Nekropol' Nimfeya [The Nymphaion necropolis]. St.Petersburg: Nauka. 328 p.
- Kalashnik Yu.P.*, 2013. Panticapaeum indications. *Fitidiya: pamyati Yuriya Viktorovicha Andreeva [Phitidia: in memory of Yuri Viktorovich Andreev]*. Yu.A. Vinogradov, M.Yu. Vakhtina, V.A. Goroncharovskiy, eds. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 85–99. (In Russ.)
- Loboda A.Yu., Antipenko A.V., Gur'eva P.V., Kovalenko E.S., Murashev M.M., Mandrykina A.V., Smekalova T.N., Tereshchenko E.Yu., Yatsishina E.B.*, 2023. Buckle-clasp from the stone crypt of the Glinishche necropolis in Kerch. *Rossiyskie nanotekhnologii [Nanotechnology Reports]*, 5, pp. 580–583. (In Russ.)
- Maksimova M.I.*, 1957. Bosporan stone-cutting workshop. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 4, pp. 75–82. (In Russ.)
- Maksimova M.I.*, 1961. Silver buckle from the Artyukhovskiy mound. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 83, pp. 139–142. (In Russ.)
- Malashev V.Yu.*, 2000. Periodization of belt sets of the late Sarmatian period. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu [Sarmatians and their neighbours on the Don]*. Yu.K. Guguev, ed. Rostov-na-Donu: Terra, pp. 194–233. (In Russ.)
- Moshkova M.G.*, 1960. Early Sarmatian bronze buckles. *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya. (Itogi rabot Stalingradskoy arkheologicheskoy ekspeditsii) [Antiquities of the Lower Volga region. (Results of the work of the Stalingrad archaeological expedition)]*, 2. E.I. Krupnov, K.F. Smirnov, eds. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 293–309. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii, 78). (In Russ.)
- Moshkova M.G., Ryndina N.V.*, 1975. Sarmatian mirrors of the Volga and Urals: (Chemical and technological research). *Ocherki tekhnologii drevneyshikh proizvodstv [Studies in the technology of earliest industries]*. Moscow: Nauka, pp. 117–133. (In Russ.)
- Novichikhin A.M.*, 2009. Jewellery from excavations in the Gorgippia necropolis in 1987. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]*, 1, pp. 110–118. (In Russ.)
- Pogrebova N.N.*, 1961. Burials in the mausoleum of Scythian Neapolis. *Pamyatniki epokhi bronzы i rannego zheleza v Severnom Prichernomor'e [The Bronze and Early Iron Age sites in the Northern Pontic]*. K.F. Smirnov, ed. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 103–213. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii, 96). (In Russ.)
- Polit B.*, 2022. Jewellery of the barbarian societies from the Crimea in the Sarmatian period. Earrings, bracelets, band rings and finger rings. Rzeszow. 425 p.
- Prushevskaya E.O.*, 1955. Artistic metalworking (toreutics). *Antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ya. Ocherki istorii i kul'tury [Cities of the classical period in the Northern Pontic. Studies in history and culture]*. V.F. Gaydukevich, M.I. Maksimova, eds. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 325–355. (In Russ.)
- Puzdrovskiy A.E.*, 2007. Krymskaya Skifiya. II v. do n.e. – III v. n.e. Pogrebal'nye pamyatniki [Crimean Scythia. 2nd century BC – 3rd century AD. Funerary sites]. Simferopol': Biznes-Inform. 480 p.
- Puzdrovskiy A.E.*, 2015. Crypt with elite military burials from the Ust-Alma necropolis. *Istoriya i arkheologiya*

- Kryma [History and archaeology of the Crimea]*, II, pp. 186–199. (In Russ.)
- Ravich I.G., 2001. Some types of high-tin hot-forged mirrors of the Sarmatian period and their technological features. *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh [Historical and archaeological almanac]*, 7. Armavir: Armavirskiy kraevedcheskiy muzey, pp. 43–54. (In Russ.)
- Ravich I.G., 2006. Some types of hot-forged mirrors of the Sarmatian period with high tin content (technical specifics). *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 220, pp. 42–51. (In Russ.)
- Ravich I.G., Ber L.B., Mukhina T.A., 2004. Features of the composition of noble black patina on miniature mirrors of the Sarmatian period. *Khudozhestvennoe nasledie [Artistic heritage]*, 21 (51). Moscow: Gosudarstvennyy nauchno-issledovatel'skiy institut restavratsii, pp. 27–45. (In Russ.)
- Saprykina I.A., 2015. Techniques for making gold products from Phanagoria. *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of archaeological research]*, 2. *Zoloto Fanagorii [Gold of Phanagoria]*. M.Yu. Treyster, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 208–265. (In Russ.)
- Saprykina I.A., Pel'gunova L.A., 2015. Study of gold products from Phanagoria with M4 Tornado X-ray spectrometer (Bruker). *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of archaeological research]*, 2. *Zoloto Fanagorii [Gold of Phanagoria]*. M.Yu. Treyster, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 311–321. (In Russ.)
- Saprykina I.A., Pel'gunova L.A., 2021. Golden jewelry from the Frontovoye 3 cemetery: Composition and manufacturing techniques (preliminary results). *Stratum plus*, 4, pp. 283–297. (In Russ.)
- Shcheglov A.N., Kats V.I., Smekalova T.N., Bevan V.V., 2013. Kurgany skifskoy znati v zapadnom Krymu [Mounds of the Scythian nobility in the Western Crimea]. Simferopol': Feniks. 102 p. (Materialy k arkheologicheskoy karte Kryma, iss. XI, part 1).
- Shestakov S.A., 2004. Topography of late necropolises as an indicator of the ethnic composition of the population of Panticapaeum-Bosporus. *V Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Etnicheskiye protsessy: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [V Bosporus Readings. The Cimmerian Bosporus and barbarian world during the Classical period and the Middle Ages. Ethnic processes: Proceedings of the International scientific conference]*. V.N. Zin'ko, ed. Kerch', pp. 427–430. (In Russ.)
- Shul'ts P.N., 1953. Mavzoley Neapolya Skifskogo [Mausoleum of Scythian Neapolis]. Moscow: Iskusstvo. 124 p.
- Skrzhinskaya M.V., 2010. Drevnegrecheskie prazdniki v Ellade i Severnom Prichernomor'e [Ancient Greek celebrations in Hellas and the Northern Pontic]. St. Petersburg: Aleteyya. 464 p.
- Treyster M.Ju., 1988. Spectroanalytical Study of the Kingdom of Bosporus Bronze Coins. *Bulletin of the Metals Museum*, 13, pp. 3–21.
- Treyster M.Yu., 1992. Bronze casting craft of Bosporus. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv imeni A.S. Pushkina [Communications of the Pushkin State Museum of Fine Arts]*, 10. *Arkheologiya i iskusstvo Bospora [Archaeology and art of the Bosporus]*. Moscow: Vneshtorgizdat, pp. 66–110. (In Russ.)
- Treyster M.Yu., 2014. Golden funeral wreaths of the Bosporus of the 4th century BC – 5th century AD (genesis and chronology of the main types). *Pogrebal'naya kul'tura Bosporskogo tsarstva: materialy Kruglogo stola, posvyashchennogo 100-letiyu so dnya rozhdeniya Mikhaila Moiseevicha Kublanova (1914–1998) [Funeral culture of the Bosporus Kingdom: Proceedings of the Round table to the 100th anniversary of Mikhail Moiseevich Kublanov (1914–1998)]*. V.Yu. Zuev, V.A. Khrshanovskiy, eds. St.Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 54–65. (In Russ.)
- Trufanov A.A., 2020. Metal parts of caskets from barbarian burials of the Crimea of the 1st–4th centuries AD. *Istoriya i arkheologiya Kryma [History and archaeology of the Crimea]*, XII, pp. 163–200. (In Russ.)
- Trufanov A.A., Mordvintseva V.I., 2016. Warrior's burial of the mid-1st century AD from the Ust-Alma necropolis (South-Western Crimea). *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological, and Cultural Studies]*, 2, pp. 196–212. (In Russ.)
- Vysotskaya T.N., Makhneva O.A., 1983. New Late Scythian cemeteries in the Central Crimea. *Naselenie i kul'tura Kryma v pervye veka n.e. [Population and culture of the Crimea in the first centuries AD]*. T.N. Vysotskaya, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 66–80. (In Russ.)
- Zaykov V.V., Treyster M.Yu., Zaykova E.V., Khvorov P.V., Kotlyarov V.A., 2015. Results of a study in the composition of gold products from Phanagoria. *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of archaeological research]*, 2. *Zoloto Fanagorii [Gold of Phanagoria]*. M.Yu. Treyster, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 266–310. (In Russ.)
- Zaytsev Yu.P., 2011. “Late Scythian” attire as an ethnic indicator (the case of belt set elements of the 3rd–1st centuries BC). *Bosporskiy fenomen. Naselenie, yazyki, kontakty: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Bosporan phenomenon. Population, languages, contacts: Proceedings of the International scientific conference]*. St.Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 584–592. (In Russ.)
- Zhuravlev D.V., Novikova E.Yu., Kovalenko S.A., Shemakhanskaya M.S., 2017. Zoloto Khersonesa Tavricheskogo (Yuvelirnye izdeliya iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya) [Gold of the Tauric Chersonesos (Jewellery from the collection of the State Historical Museum)]. Moscow: Vneshtorgizdat. 358 p.
- Zoloto Fanagorii [Gold of Phanagoria]. M.Yu. Treyster, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, 2015. 604 p. (Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoriya. Results of archaeological research], 2).

НОВЫЕ МЕТОДИКИ В ДЕНДРОАРХЕОЛОГИИ: ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВЕСНЫХ УГЛЕЙ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ (на примере стоянки Кара-Дыт II, Республика Тыва)

© 2024 г. В. С. Мыглан^{1,*}, А. В. Тайник^{1,**}, В. В. Баринов^{1,***}, М. О. Филатова^{2,****}, В. С. Бусова^{3,*****}, О. В. Сычева^{3,*****}, О. В. Наумова^{1,*****}, З. Ю. Жарников^{1,*****}

¹Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

²Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Россия

³Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

*E-mail: vmiglan@sfu-kras.ru

**E-mail: ataynik@sfu-kras.ru

***E-mail: vybarinov@sfu-kras.ru

****E-mail: mayaphylatova@gmail.com

*****E-mail: kulturnijkarman@gmail.com

*****E-mail: olysycheva@gmail.com

*****E-mail: ovnaumova@sfu-kras.ru

*****E-mail: zzharnikov@sfu-kras.ru

Поступила в редакцию 23.03.2023 г.

После доработки: 13.06.2023 г.

Принята к публикации 17.10.2023 г.

Традиционно древесные угли из археологических памятников считались малоприспособленным материалом для проведения дендрохронологического датирования. Нами исследовано 23 образца угля из памятника Кара-Дыт II (Республика Тыва, Россия). Анализ существующих решений по пробоподготовке такого материала показал их низкую скорость и результативность. В данной статье применен авторский подход, позволяющий выполнить быструю и качественную пробоподготовку большого числа древесных углей с минимальными трудозатратами. В результате по археологическим древесным углям удалось построить 138-летнюю древесно-кольцевую хронологию. Продолжение работы в этом направлении позволит решить проблему с построением длительной древесно-кольцевой хронологии в аридной зоне Южной Сибири. Такая хронология — уникальный инструмент для определения календарного возраста древесины из многочисленных курганов Тувы и углубленного изучения вопроса о связи климата и социума за последние два тысячелетия.

Ключевые слова: Республика Тыва, дендроархеология, древесно-кольцевая хронология (ДКХ), древесные угли, железоплавильный горн.

DOI: 10.31857/S0869606324010066, **EDN:** ZWFEIM

Развитие спектра естественнонаучных методов во второй половине прошлого века позволило широко применять их и в археологии. Этот опыт оказался настолько успешным, что обращение к ним прочно вошло в повседневную практику ученых. Один из самых точных естественнонаучных методов датирования с разрешением в год/сезон — дендрохронологический. Он повсеместно стал применяться при обнаружении древесины удовлетворительной сохранности (Büntgen et al., 2019; Жарников и др.,

2020; Мыглан и др., 2020). Однако исследователи сталкиваются с рядом ограничений, которые существенно затрудняют процесс датирования памятников. Первое — плохая сохранность археологической древесины, второе — отсутствие для ряда регионов длительных древесно-кольцевых хронологий, пригодных для датирования.

Внедрение цифровых методов в дендрохронологическую практику (т.е. переход от непосредственного полуавтоматического измерения ширины годовичных колец на образцах древесины

Рис. 1. Карта-схема района отбора образцов, в результате исследования которых построены древесно-кольцевые хронологии. 1, 2 — верхняя граница леса, хронологии Mongun и Kolch (соответственно); 3, 5 — лесостепная зона, хронологии Bora и Nan (соответственно); 4 — стоянка Кара-Дыт II, хронология KD.

Fig. 1. A schematic map of the area, which provided samples for the study. Based on its results tree-ring chronologies discussed in the paper were constructed

под стереоскопическим микроскопом к измерению параметров годичных колец на цифровых изображениях высокого разрешения, полученных с помощью разного рода сканеров, фотоаппаратов, микроскопов и т.п. оборудования) подталкивает к переосмыслению названных ограничений в дендроархеологии, в первую очередь связанных с плохой сохранностью древесины. Яркий пример — древесные угли, которые широко распространены и часто фиксируются в ходе археологических раскопок. Тем не менее до сих пор древесные угли рассматривались как неперспективные в дендрохронологическом плане, пригодные только для определения видового состава и радиоуглеродного датирования (Филатова, Филатов, 2021). Считалось, что из-за их хрупкости процесс пробоподготовки и измерения существенно затруднен, а в силу небольшого размера и сильной фрагментарности они содержат небольшое количество древесных колец. В итоге потенциал древесных углей как источника информации оставался нераскрытым.

В рамках настоящей статьи рассматривается эффективность нового подхода пробоподготовки древесных углей из археологического памятника Кара-Дыт II (Республика Тыва, Россия), что снимает ранее существовавшие ограничения. Разработанная методика позволила использовать древесные угли как полноценный источник

дендрохронологической информации, строить по ним древесно-кольцевые хронологии, а значит, выполнять календарную перекрестную датировку, что ранее считалось трудно осуществимым. Результаты исследования наглядно показывают, что в настоящее время древесный уголь превращается в весьма перспективный источник информации о прошлом.

Материалы и методы. Места сбора образцов располагаются в Республике Тыва, в северо-западной части Убсунурской котловины (рис. 1). В ходе разведки полевого сезона 2019 г. отдельным отрядом Тувинской археологической экспедиции Института истории материальной культуры РАН на берегу р. Кара-Дыт выявлена стоянка Кара-Дыт II, расположенная в 24.32 км к юго-западу от с. Саглы, в 4.4 км к северо-западу от дороги Хандагайты-Саглы, высота над уровнем моря — 1666–1668 м (рис. 2). Кара-Дыт — тюркское словосочетание, которое переводится как “черная лиственница”. Вероятно, названием река обязана лиственницам с обугленной корой в результате степных пожаров, которые и сегодня встречаются по ее берегам.

На правом пойменном берегу реки зафиксирована небольшая площадка однослойной стоянки со смешанным слоем и без каких-либо выявленных конструкций. Культурный слой насыщен фрагментами красноглиняной лепной

Рис. 2. Общий вид окрестностей стоянки Кара-Дыт II, вид с севера.

Fig. 2. A general view of the surroundings of the Kara-Dyt II site, north view

керамики и железных шлаков, костями животных, найдена игла из медного сплава. Изучено 133 м² из общей площади в 450. В 2022 г. разведывательный шурф (2 × 1 м) в 195 м ниже по течению реки позволил почти полностью раскрыть один из сильно разрушенных горнов. В его заполнении в перемешанном состоянии зафиксированы фрагменты шлаков (71.5 кг) с крупными включениями древесных углей, фрагменты глиняных обмазки и воздуходувных сопел. Как сказано выше, среди артефактов, обнаруженных на памятнике, значительную часть составляют находки, связанные с металлургическим и кузнечным производством: куски железной руды, железные шлаки, фрагменты кричного железа. Вероятно, что пребывание людей на стоянке было связано именно с производственными процессами и носило временный характер.

Анализ существующих решений по пробоподготовке древесных углей показал их низкую результативность применительно к задаче быстрой обработки (в России отсутствуют исследования, связанные с построением древесно-кольцевых хронологий (далее ДКХ) по углям). Кратко остановимся на них. Классический способ подразумевает разламывание угля в поперечном направлении (Stokes, Smiley, 1996. Р. 42). Несомненно, на разломе хорошо (четко) видны годовичные кольца и отсутствуют следы внешних загрязнений. Однако в нашем случае

сложно разломить крупные угли (диаметром более 50 мм), а мелкие (до 8 мм) часто разрушаются в результате механического воздействия. Главные недостатки этого подхода — отсутствие возможности стабильно получать ровную плоскость по линии разлома и потеря образца в случае неудачи. Существует способ, опирающийся на ручную подрезку лезвием поверхности углей под микроскопом (Rybnicek et al., 2022). Результат подрезки можно улучшить последующим контрастированием (порошком мела, пастой и др. мелкодисперсными составами), но, несмотря на хороший конечный результат, этот способ требует существенных трудозатрат и высокую квалификацию персонала, а значит, он плохо применим для массовой обработки материала. Вариант, связанный с пропиткой сложными составами с последующей подрезкой (шлифовкой), позволяет получать превосходное по качеству изображение (Rossi et al., 2006), но себестоимость оборудования и расходных материалов для подготовки образцов не позволяет использовать данный подход на массовом материале.

В результате для решения стоящей задачи сотрудниками Сибирской дендрохронологической лаборатории разработан авторский подход, позволяющий с минимальными трудозатратами выполнить быструю и качественную пробоподготовку большого числа древесных углей практически любого размера и формы. Важно

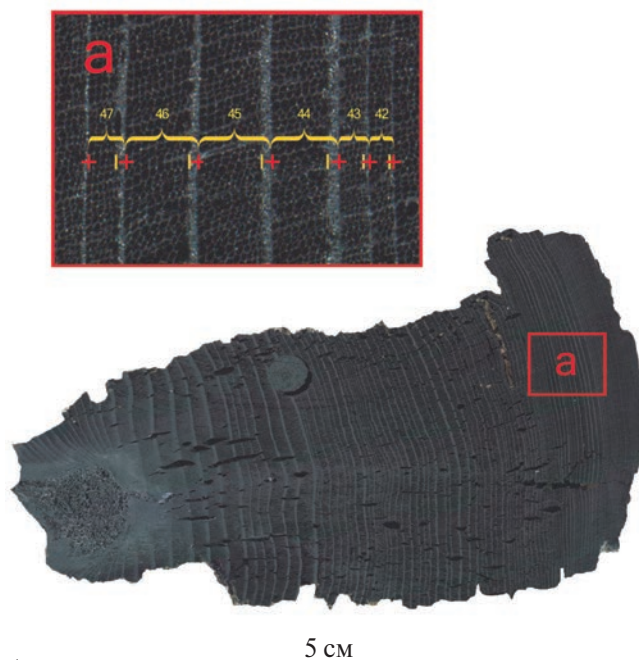

Рис. 3. Образец KD 004. Обозначения: а — подготовленная поверхность древесного угля под 30-кратным увеличением; фигурные скобки — границы годовичных колец; цифры — порядковый номер годовичного кольца; вертикальные отрезки — границы ранней древесины годовичного кольца; кресты — границы поздней древесины.

Fig. 3. KD 004 sample

подчеркнуть, что метод опирается на использование стандартного (обычного) шлифовального и микроскопического оборудования, имеющегося в распоряжении практически любой естественнонаучной лаборатории (которая занимается изучением древесины), т.е. имеет высокую степень доступности (воспроизводимости).

Образцы поступили в лабораторию в виде двух шлаков с включениями древесных углей (весом в пределах 5 кг). В процессе пробоподготовки потребовалось провести работу по извлечению хрупких древесных углей с наименьшими потерями материала. Для этого шлаки разламывали с помощью кирки, в некоторых случаях применялась углошлифовальная машина с алмазным диском. Всего извлечено 23 образца угля (рис. 3).

Древесные угли шлифовались на тарельчато-ленточном шлифовальном станке (лента Р600, Р1000, круг Р1000). В процессе шлифовки образцов образуется угольная пыль, которая заполняет трахеиды и препятствует визуализации клеточной структуры. Для ее удаления

использовался бытовой пылесос. Для качественного (полного) удаления пыли очень важно предварительно высушить угли (до уровня не более 7%-ной влажности), поскольку при избыточной влажности образцов пыль забивает трахеиды и слипается, при высыхании затвердевает и ее невозможно удалить.

Для измерения годовичных колец все чаще выполняется сканирование поверхности образцов с помощью профессиональных сканеров высокого разрешения (Brossiera, Poiriera, 2018). В нашем случае подготовленная торцевая поверхность древесных углей фотографировалась в отраженном свете при 30-кратном увеличении с помощью микроскопа AXIO zoom.V16 (CARL ZEISS), оснащенного моторизированным предметным столиком (рис. 3а). Применение микроскопа обусловлено наличием в образцах депрессий прироста годовичных колец, ширина которых неразличима на изображениях, полученных при помощи сканера (с разрешением 4800 dpi). Полученные фотографии годовичных колец образцов сшивались в программном пакете ZEN (CARL ZEISS), дополнялись сопроводительной информацией об увеличении, масштабе и т.п., после чего конвертировались в формат TIFF (Tagged Image File Format). В дальнейшем изображения обрабатывались в программе CooRecorder 9.8 (CR) (Larsson, 2013), где в ручном режиме выполнялось измерение линейных размеров по трем параметрам ширины: годовичного кольца; ранней древесины годовичного кольца; поздней древесины годовичного кольца (рис. 3а). Графическое представление полученных данных выполнялось в программе CDendro 9.8 (Larsson, 2013). Датирование всех измеренных серий проведено посредством сочетания графической перекрестной датировки (Douglass, 1919) и кросс-корреляционного анализа в пакете специализированных программ для дендрохронологических исследований — DPL (Holmes, 1983) и TSAP v3.5 (Rinn, 1996).

В ходе процедуры происходило выявление выпавших колец и ошибок измерений, с последующим обращением к цифровым изображениям (проверялся факт наличия или отсутствия годовичного кольца, вносились поправки в измерения). Возрастной тренд измеренных серий убирался путем стандартизации сплайном в $\frac{2}{3}$ от длины каждой серии (Cook, Krusic, 2008).

Таблица 1. Параметры индивидуальных серий прироста, полученных по древесным углям

Table 1. Parameters of individual growth series obtained from charcoal

№ лаб.	Порядковые номера ГК в общей относительной ДКХ	Длина ДКХ, лет	R	Средняя ширина ГК, мм	Максимальная ширина ГК, мм	SD
kd001	45–109	65	0.73	0.63	1.48	0.32
kd003	75–111	37	0.40	0.99	1.51	0.28
kd004	1–125	125	0.70	0.39	1.49	0.34
kd005	51–98	48	0.51	0.73	1.65	0.37
kd006	36–66	31	0.51	0.86	1.70	0.37
kd007	20–95	76	0.88	0.59	1.88	0.34
kd008	37–87	51	0.61	0.35	0.66	0.15
kd009	48–91	44	0.62	0.48	0.96	0.20
kd010	45–73	29	0.72	0.46	0.90	0.21
kd011	27–65	39	0.71	0.44	1.01	0.19
kd012	28–78	51	0.82	0.36	0.92	0.20
kd013	99–138	40	0.69	0.46	0.97	0.20
kd014	88–124	37	0.65	0.22	0.42	0.08
kd015	51–95	45	0.81	0.44	0.94	0.25
kd016	49–130	82	0.59	0.16	0.66	0.15
kd017	54–80	27	0.89	0.31	0.64	0.15
kd018	74–97	24	0.50	0.32	0.54	0.09
kd019	64–89	26	0.78	0.33	0.64	0.14
kd020	33–48	16	0.70	1.09	1.81	0.31
kd021	34–77	44	0.78	0.37	0.72	0.17
kd022	79–113	35	0.77	0.45	0.98	0.23
<i>Среднее значение</i>		46	0.68	0.50	1.07	0.23

Примечание: № лаб. — номер лабораторный, ГК — годовое кольцо, ДКХ — древесно-кольцевая хронология, R — коэффициент множественной корреляции, SD — стандартное отклонение.

Выбор такого способа стандартизации определялся наличием у отдельных образцов коротких периодов с резким увеличением прироста (что характерно для прироста деревьев из лесостепной зоны). Оценка качества построенных хронологий выполнялась на основе применения традиционных показателей: коэффициентов корреляции (множественной и Пирсона), стандартного отклонения, EPS (чувствительность ДКХ к изменению внешних факторов (зависит от количества анализируемых образцов и показывает, как конкретная ограниченная выборка отражает сигнал популяции или генеральной совокупности)), RBAR (среднее значение коэффициента корреляции между отдельными сериями) и др. (Wigley et al., 1984).

Результаты. Из 23 образцов 21 оказался пригоден для измерения линейных параметров годовых колец. Измеренные индивидуальные серии прироста были перекрестно датированы относительно друг друга, т.е. одна индивидуальная серия принималась за эталон и выставлялась на нулевой год, относительно которого выполнялась перекрестная датировка остальных рядов измерений. Параметры измеренных и датированных друг относительно друга индивидуальных серий прироста приведены в табл. 1.

Качество полученной выборки (число повторений и согласованность прироста) позволило построить стандартизованную древесно-кольцевую хронологию длительностью 138 лет, которая на периоде в 75 лет отражает внешний климатический сигнал (рис. 4).

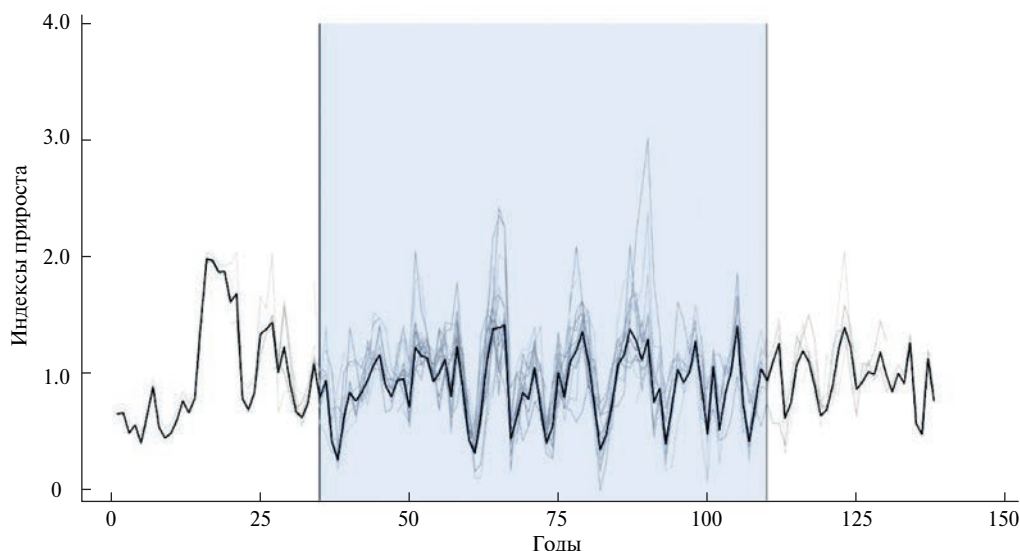

Рис. 4. Стандартизированная древесно-кольцевая хронология KD (черная линия). Другие обозначения: серые линии — индивидуальные серии прироста; заливка — период при обозначенном стандартном отклонении, EPS.

Fig. 4. Standardized KD tree-ring chronology (black line)

Радиоуглеродная дата. С целью определения времени существования горна отобраны образцы древесного угля из заполнения рабочей камеры, по которым получена дата 1648 ± 25 BP (2σ 265–535 calAD) (SPb-3816). Перевод радиоуглеродных дат в календарные проводился при помощи программы OxCal 4.4. Результаты получены в Лаборатории изотопных исследований кафедры геологии и геоэкологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург).

Последующая калибровка радиоуглеродной даты проводилась при помощи программы OxCal 4.4. Из рис. 5 хорошо видно, что с наибольшей вероятностью время заготовки древесного угля приходится на интервал с 352 по 441 г. н.э.

Наш опыт работы в дендроархеологии наглядно показывает, что увеличение доступности профессионального технического оборудования и цифровизация приводят к быстрому увеличению качества, расширения возможностей применения существующих и появлению новых подходов пробоподготовки. Это расширяет область применения дендрохронологического метода, в первую очередь для анализа материалов, ранее считавшихся непригодными к обработке, например, появляется возможность использовать древесные угли для построения тысячелетних древесно-кольцевых хронологий в лесостепной зоне. Несомненные

преимуществами предложенного нами подхода — существенное снижение затрат на приобретение оборудования; повышение качества (точности) измерения годовичных колец; появление возможности полноценной удаленной работы по измерению образцов (достаточно установить специализированную программу CooRecorder на подходящий по параметрам компьютер); снятие проблемы верификации (качество измерений на изображении легко проверяется независимыми исследователями); расширение диапазона измеряемых параметров годовичного кольца (помимо ширины годовичного кольца такой подход позволяет одновременно получить значения ширины ранней и поздней частей годовичного кольца, оптическую плотность и др.). Важно подчеркнуть, что полученное изображение фиксирует клеточную структуру образца в момент оптимального состояния (достигнутое качество поверхности углей при пробоподготовке со временем неизбежно снижается, т.е. в дальнейшем не придется тратить время на повторную подготовку).

Не менее важный момент связан с возможностью применения новой методики пробоподготовки углей применительно к древесным углям на разных территориях. В нашем случае новая методика пробоподготовки успешно применена во второй раз (первый опыт см. Мыглан и др., 2023), т.е. продемонстрировала универсальность,

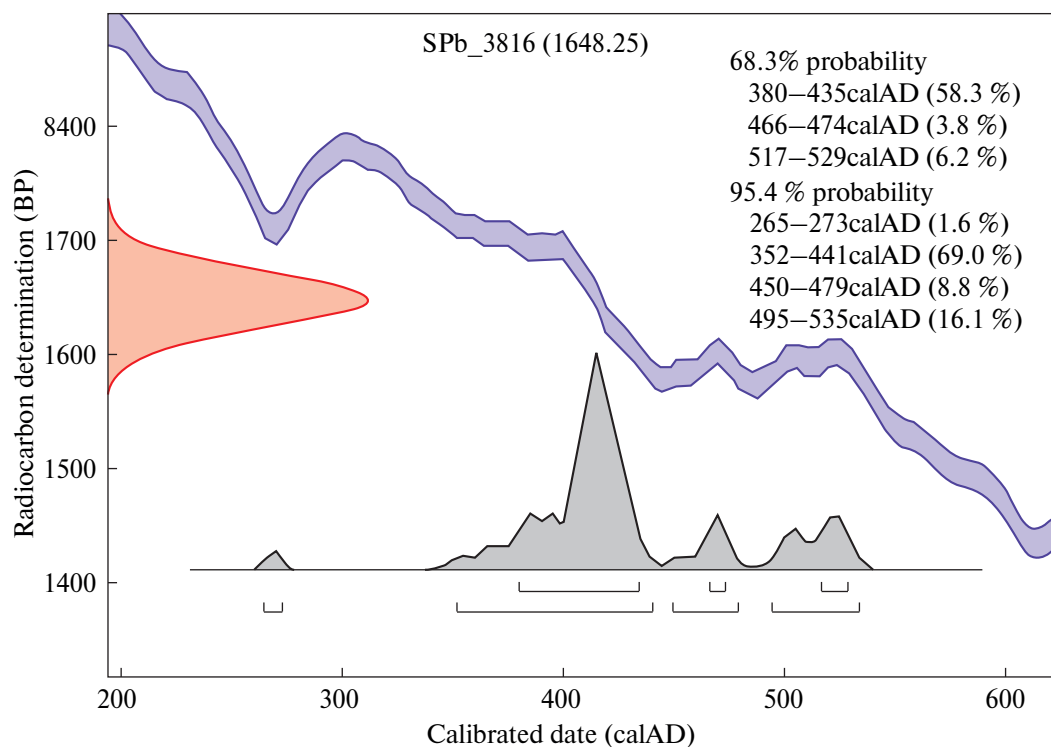

Рис. 5. Калибровка радиоуглеродной даты в программе OxCal.

Fig. 5. Calibration of radiocarbon dates in the OxCal program

и самое главное — масштабируемость, применимость к любым древесным углям.

Следует отметить, что полученная радиоуглеродная дата — это достаточно “грубая” календарная датировка, поскольку при отборе образца на радиоуглеродное датирование не удалось избежать “эффекта старого дерева”. Суть данного явления заключается в том, что при датировке древесины ключевое значение имеет факт наличия подкорового кольца, который прямо указывает на дату заготовки древесины. В случае древесных углей крайне сложно определить количество потерянных периферийных колец, что ведет к ошибке в датировке (сдвигу в прошлое на величину утерянных годовичных колец). Классический подход к решению такой проблемы заключается в том, что перед проведением радиоуглеродной датировки отбирается материал с углей, ширина годовичных колец которых указывает на близость подкорового кольца. За год заготовки древесины в таком случае принимается группа наиболее поздних близкорасположенных дат (Vodysov et al., 2020). Но на наш взгляд, такой подход следует применять с большой осторожностью, поскольку проведение радиоуглеродных датировок без

привлечения дендрохронологического анализа (в случаях когда это возможно) намного увеличивает вероятность ошибки.

Наиболее оптимально использование при датировании метода “wiggles matching”, который дает большую точность датировки вплоть до нескольких лет (следует учитывать, что точность метода зависит от наклона калибровочной кривой). В данном случае при наличии древесно-кольцевой хронологии KD (построенной из перекрестно датированных относительно друг друга древесных углей) появляется возможность через известные интервалы времени (например, 30 лет) отобрать несколько проб материала для радиоуглеродного анализа. Для того чтобы обеспечить необходимый вес пробы, материал может отбираться не только с одного, но и с нескольких образцов древесного угля, так как они содержат годовичное кольцо, датированное одним годом.

Принципиальный вопрос, с которым сталкивается любой исследователь древесины с археологического памятника, связан с поиском источника происхождения древесины. Для решения этого вопроса нами выполнено сравнение параметров древесно-кольцевых хронологий,

Таблица 2. Параметры древесно-кольцевых хронологий (ДКХ) для лесостепной зоны и верхней границы произрастания древесной растительности

Table 2. Parameters of tree-ring chronologies (TRC) for the forest-steppe zone and the upper limit of woody vegetation growth

Название хронологии		KD	Han	Bora	Kolch
Высота над уровнем моря, м		1680	1550	1550	2220
Количество образцов, шт.		21	32	16	50
Протяженность ДКХ	длина, лет	138	485	335	1452
	интервал, годы	1–138	1534–2018	1679–2013	561–2012
Средняя длина индивидуальной серии, лет		46	249	182	284
Ширина годичного кольца, мм	средняя	0.47	0.27	0.53	0.43
	максимальная	1.88	3.33	3.05	3.72
Межсерийный коэффициент корреляции		0.69	0.84	0.77	0.66
Чувствительность		0.25	0.54	0.37	0.29
Стандартное отклонение		0.33	0.56	0.49	0.35

полученных по древесным углям (KD), с хронологиями, построенными по прилегающим участкам лесной растительности в степной части Убсунурской котловины (хронология Han, Bora, Тайник и др., 2022) и верхней границе леса (хронология Kolch, Тайник, 2019) (рис. 1).

Сравнение параметров хронологий (табл. 2) показало, что такие параметры ДКХ KD, как средняя ширины годичного кольца, — сопоставимы с параметрами остальных хронологий; максимальная ширина годичного кольца меньше, чем у остальных ДКХ, скорее всего, по причине того, что образцы углей из хронологии KD представляют собой фрагменты стволов деревьев, у которых отсутствуют начальные (центральные) кольца периода “большого роста”. Обращаясь к другим параметрам хронологий (межсерийный коэффициент корреляции, чувствительность и стандартное отклонение), можно констатировать, что простое сопоставление параметров ДКХ для прилегающих лесостепных участков и верхней границы распространения древесной растительности не позволяют однозначно разобраться в этом вопросе.

Учитывая, что калиброванная радиоуглеродная дата древесного угля приходится на интервал с 352 по 441 г. н.э., для решения вопроса

об источнике происхождения древесины привлечена 2367-летняя региональная хронология по ширине годичного кольца для верхней границы произрастания древесной растительности — Mongun (Myglan et. al., 2012). Место отбора образцов (рис. 1, 1), по которым получена ДКХ Mongun, расположено в 120 км условно западнее стоянки Кара-Дыг II (рис. 1, 4), по образцам с которой получена хронологии KD, а ее качество позволяет датировать образцы палеодревесины с верхней границы леса в Республике Тыва и прилегающих территориях за весь указанный период. Проведенная перекрестная датировка ДКХ Mongun с KD (в программе COFESHA) показала, что хронологии не датируются. Это свидетельствует о том, что в древесных углях с памятника Кара-Дыг II не содержится сигнал, связанный с изменением температурного поля на данной территории.

Следует отметить, что построение ДКХ KD по древесным углям для аридной зоны Южной Сибири имеет принципиальное значение. В прикладном аспекте ее календарная привязка позволит дать точный ответ о времени функционирования металлургических печей, которые могут быть связаны с функционированием стоянки Кара Дыг II. В более широком аспекте проведение дальнейших исследований

позволит привлечь археологическую древесину (древесные угли) в качестве важного источника экологической и палеоклиматической информации (Омурова и др., 2018). Дендрохронологические исследования исследуемой территории показали, что средний возраст лиственницы достигает 300 лет, а максимальный — более тысячи (Тайник и др., 2022). По этой причине работа в этом направлении приближает нас к возможности построения двухтысячелетней ДКХ для лесостепной зоны. На сегодняшний день наибольшая длительность ДКХ в этой зоне достигает 1102 года, а опубликована только 778-летняя часть этой хронологии (Taunik et al., 2023).

Получение региональной ДКХ такой длительности откроет широкие возможности для выполнения реконструкции режима увлажнения исследуемой территории, засух с высоким разрешением (год). Кроме того, закладывается прочный фундамент для решения старой научной проблемы, связанной с проведением календарной датировки образцов древесины из многочисленных курганов, расположенных в степных долинах Южной Сибири.

Итак, разработка нового подхода к изучению древесных углей из металлургических печей Республики Тыва и внедрение современных способов анализа дендрохронологических материалов открывают новые перспективы в деле изучения климатических изменений и культурного наследия прошлого. Проведение дальнейших исследований в этом направлении потенциально позволит решить принципиальную проблему, связанную с построением тысячелетней древесно-кольцевой хронологии и календарной датировкой многочисленных курганов в аридной зоне Южной Сибири.

Кроме того, радиоуглеродный возраст углей, извлеченных из шлаков, соответствует времени существования носителей кокельской археологической культуры (III–V вв.) и позволяет перейти к соотношению этих данных с материалами стоянки Кара-Дыт II, на которой зафиксированы аналогичные следы плавки и обработки железа. До сих пор культурно-хронологическая привязка памятника оставалась дискуссионной из-за сильно переотложенного культурного слоя и отсутствия каких-либо важных маркирующих поселенческий слой находок (предметов из металла хорошей сохранности,

серий венчиков сосудов и т.д.). Продолжение исследований на правом берегу р. Кара-Дыт поможет определить границы производственной зоны и сделать эту связь более точной.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-78-10118.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Жарников З.Ю., Мыглан В.С., Сидорова М.О., Аболина Л.А. Генезис деревянной архитектуры Енисейска в контексте последствий пожара 1869 г. // Былые годы. 2020. № 55 (1). С. 173–187.
- Мыглан В.С., Агатова А.Р., Непон Р.К., Тайник А.В., Филатова М.О., Баринов В.В. Новый подход к изучению древесных углей из археологических памятников на примере металлургических печей Юго-Восточного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. Т. 51, № 2. С. 74–84.
- Мыглан В.С., Омурова Г.Т., Баринов В.В., Кардаш О.В. Методические аспекты определения типа, возраста и происхождения археологической древесины (на примере построек Надымского городка) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48, № 3. С. 80–89.
- Омурова Г.Т., Баринов В.В., Кардаш О.В., Ваганов Е.А., Мыглан В.С. Реконструкция экстремальных палеоклиматических событий на севере Западной Сибири по археологической древесине (на примере Надымского городка) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46, № 3. С. 32–40.
- Тайник А.В. Изменения ширины годичных колец лиственницы сибирской (*Larix sibirica* Ldb.) и температуры воздуха на верхней границе леса в Республике Тыва: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Красноярск, 2019. 22 с.
- Тайник А.В., Мыглан В.С., Баринов В.В., Ойдунаа О.Ч., Наумова О.В. Сеть опорных древесно-кольцевых хронологий для проведения судебно-ботанических (дендрохронологических) экспертиз и датировки архитектурных построек в Республике Тыва: свидетельство о регистрации базы данных № 2022620160 от 19.01.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47779331> (дата обращения: 22.11.2023).
- Тайник А.В., Мыглан В.С., Баринов В.В., Ойдунаа О.Ч., Наумова О.В. Сеть опорных древесно-кольцевых хронологий для проведения судебно-ботанических (дендрохронологических) экспертиз и датировки архитектурных построек в Республике Тыва: свидетельство о регистрации базы данных № 2022620160 от 19.01.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47779331> (дата обращения: 22.11.2023).

- Филатова М.О., Филатов Е.А. Первое антракологическое исследование древесных углей в Восточной Сибири: по материалам мастерской им. А.П. Окладникова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 27. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии Сибирского отд. РАН, 2021. С. 289–293.
- Brossiera B., Poiriera P. A new method for facilitating tree-ring measurement on charcoal from archaeological and natural contexts // Journal of Archaeological Science: Reports. 2018. Vol. 19. P. 115–126.
- Büntgen U., Krusic P.J., Piermattei A., Coomes D.A., Esper J., Myglan V.S., Kirdyanov A.V., Camarero J.J., Crivellaro A., Körner Ch. Limited capacity of tree growth to mitigate the global greenhouse effect under predicted warming // Nature Communications. 2019. Vol. 10. 2171.
- Cook E.R., Krusic P.J. Tree-Ring Standardization Program Based on Detrending and Autoregressive Time Series Modeling, with Interactive Graphics (ARSTAN) [Электронный ресурс]. 2008. URL: <http://www.ldeo.columbia.edu/res/fac/trl/public/publicSoftware.html> (дата обращения: 09.11.2023).
- Douglass A.E. Climatic cycles and tree-growth. A study of the annual rings of trees in relation to climate and solar activity. Vol. 1. Washington: Carnegie Institution, 1919. 127 p.
- Holmes R.L. Computer-assisted quality control in tree-ring dating and measurement // Tree-ring bulletin. 1983. Vol. 44. P. 69–75.
- Larsson L. CooRecorder and Cdendro programs of the CooRecorder. Cdendro package version 7.6 [Электронный ресурс]. 2013. URL: <http://www.cybis.se/forfun/dendro/> (дата обращения: 26.11.2021).
- Myglan V.S., Oidupaa O.Ch., Vaganov E.A. A 2367-year Tree-Ring Chronology for the Altai-Sayan Region (Mongun-Taiga Mountain Massif) // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2012. № 40 (3). P. 76–83.
- Rinn F. TSAP V3.5. Computer program for tree-ring analysis and presentation. Heidelberg: Frank Rinn Distribution, 1996. 269 p.
- Rossi S., Anfodillo T., Menardi R. Trephor: a new tool for sampling microcores from tree stems // IAWA Journal (International Association of Wood Anatomists Journal). 2006. 27 (1). P. 89–97.
- Rybánek M., Kyncl T., Vavřík H., Kolar T. Dendrochronology improves understanding of the charcoal production history // Dendrochronologia. 2022. Vol. 75. 125994.
- Stokes M.A., Smiley T.L. An Introduction to Tree-Ring Dating. Tucson: University of Arizona Press, 1996. 73 p.
- Taynik A., Myglan V., Barinov V., Oidupaa O., Churakova (Sidorova) O. Ancient larch trees in the Tuva Republic, land of the oldest trees in Russia // Eco.mont. 2023. Vol. 15, № 2. P. 13–19.
- Vodyasov E.V., Zaitceva O.V., Vavulin M.V., Pushkarev A.A. The earliest box-shaped iron smelting furnaces in Asia: New data from Southern Siberia // Journal of Archaeological Science: Reports. 2020. Vol. 31. 102383.
- Wigley T.M.L., Briffa K.R., Jones P.D. On the average value of correlated time series, with applications in dendroclimatology and hydrometeorology // Journal of Climate and Applied Meteorology. 1984. Vol. 23. P. 201–213.

NEW METHODS IN DENDROARCHAEOLOGY: POSSIBILITIES FOR STUDYING CHARCOALS FROM ARCHAEOLOGICAL SITES (the case of the Kara-Dyt II site, Republic of Tyva)

Vladimir S. Myglan^{a, #}, Anna V. Taynik^{a, ##}, Valentin V. Barinov^{a, ###},
Maya O. Filatova^{b, ####}, Varvara S. Busova^{c, #####}, Olga V. Sycheva^{c, #####},
Oksana V. Naumova^{a, #####} and Zakhar Yu. Zharnikov^{a, #####}

^aSiberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

^bInstitute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch RAS, Novosibirsk, Russia

^cInstitute for the History of Material Culture RAS, St. Petersburg, Russia

[#]E-mail: vmiglan@sfu-kras.ru

^{##}E-mail: ataynik@sfu-kras.ru

^{###}E-mail: vvbarinov@sfu-kras.ru

^{####}E-mail: mayaphylatova@gmail.com

^{#####}E-mail: kulturnijkarman@gmail.com

^{#####}E-mail: olysycheva@gmail.com

^{#####}E-mail: ovnaumova@sfu-kras.ru

^{#####}E-mail: zzharnikov@sfu-kras.ru

Traditionally, charcoal from archaeological sites was considered an unsuitable material for dendrochronological dating. The authors examined 23 coal samples from the Kara-Dyt II site (Republic of Tyva, Russia). An analysis of existing solutions for sample preparation of such material showed their low speed and efficiency. This article uses the approach developed by the authors, which allows for quick and high-quality sample preparation of a large number of charcoals with minimal labour costs. As a result, it was possible to construct a 138-year tree-ring chronology using archaeological charcoal. Further work in this direction will make it possible to solve the problem of constructing a long-term tree-ring chronology in the arid zone of South Siberia. This chronology provides a unique tool for determining the calendar age of wood from numerous burial mounds in Tuva and for an in-depth study of the relationship between climate and society over the past two millennia.

Keywords: Republic of Tyva, dendroarchaeology, tree-ring chronology (DRC), charcoal, iron smelting forge.

REFERENCES

- Brossiera B., Poiriera P., 2018. A new method for facilitating tree-ring measurement on charcoal from archaeological and natural contexts. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 19, pp. 115–126.
- Büntgen U., Krusic P.J., Piermattei A., Coomes D.A., Esper J., Myglan V.S., Kirdyanov A.V., Camarero J.J., Crivellaro A., Körner Ch., 2019. Limited capacity of tree growth to mitigate the global greenhouse effect under predicted warming. *Nature Communications*, 10, 2171.
- Cook E.R., Krusic P.J., 2008. Tree-Ring Standardization Program Based on Detrending and Autoregressive Time Series Modeling, with Interactive Graphics (ARSTAN) (Electronic resource). URL: <http://www.ldeo.columbia.edu/res/fac/trl/public/publicSoftware.html>.
- Douglass A.E., 1919. Climatic cycles and tree-growth. A study of the annual rings of trees in relation to climate and solar activity, 1. Washington: Carnegie Institution. 127 p.
- Filatova M.O., Filatov E.A., 2021. The first anthracological study of charcoal in Eastern Siberia: based on materials from the A.P. Okladnikov workshop. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories], 27. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk, pp. 289–293. (In Russ.)
- Holmes R.L., 1983. Computer-assisted quality control in tree-ring dating and measurement. *Tree-ring bulletin*, 44, pp. 69–75.
- Larsson L., 2013. CooRecorder and Cdendro programs of the CooRecorder. Cdendro package version 7.6 (Electronic resource). URL: <http://www.cybis.se/forfun/dendro/>.
- Myglan V.S., Agatova A.R., Nepop R.K., Taynik A.V., Filatova M.O., Barinov V.V., 2023. A new approach to the study of archaeological charcoal: The case of metallurgical furnaces of the Southeastern Altai. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], vol. 51, no. 2, pp. 74–84. (In Russ.)
- Myglan V.S., Oidupaa O.Ch., Vaganov E.A., 2012. A 2367-year Tree-Ring Chronology for the Altai-Sayan Region (Mongun-Taiga Mountain Massif). *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 40 (3), pp. 76–83.
- Myglan V.S., Omurova G.T., Barinov V.V., Kardash O.V., 2020. Methodological aspects of determining type, age, and origin of archaeological wood: the case of fort Nadym. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], vol. 48, no. 3, pp. 80–89. (In Russ.)
- Omurova G.T., Barinov V.V., Kardash O.V., Vaganov E.A., Myglan V.S., 2018. Reconstruction of extreme palaeoclimatic events in Northwestern Siberia using ancient wood from fort Nadym. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], vol. 46, no. 3, pp. 32–40. (In Russ.)
- Rinn F., 1996. TSAP V3.5. Computer program for tree-ring analysis and presentation. Heidelberg: Frank Rinn Distribution. 269 p.
- Rossi S., Anfodillo T., Menardi R., 2006. Trephor: a new tool for sampling microcores from tree stems. *IAWA Journal (International Association of Wood Anatomists Journal)*, 27 (1), pp. 89–97.
- Rybníček M., Kyncl T., Vavřík H., Kolar T., 2022. Dendrochronology improves understanding of the charcoal production history. *Dendrochronologia*, 75, 125994.
- Stokes M.A., Smiley T.L., 1996. An Introduction to Tree-Ring Dating. Tucson: University of Arizona Press. 73 p.
- Taynik A., Myglan V., Barinov V., Oidupaa O., Churakova (Sidorova) O., 2023. Ancient larch trees in the Tuva Republic, land of the oldest trees in Russia. *Eco.mont*, vol. 15, no. 2, pp. 13–19.
- Taynik A.V., 2019. Izmeneniya shiriny godichnykh kolets listvenitsy sibirskoy (*Larix sibirica* Ldb.) i temperatury vozdukh na verkhney granitse lesa v Respublike Tyva: avtoreferat dissertatsii ... kandidata biologicheskikh nauk [Changes in the width of annual rings of Siberian larch (*Larix sibirica* Ldb.) and air temperature at the upper border of the forest in the Republic of Tyva: an author's Abstract of the Thesis for the Doctoral degree in Biology]. Krasnoyarsk. 22 p.

- Taynik A.V., Myglan V.S., Barinov V.V., Oydupaa O.Ch., Naumova O.V., 2022. Set' opornykh drevesno-kol'tsevykh khronologiy dlya provedeniya sudebno-botanicheskikh (dendrokhnologicheskikh) ekspertiz i datirovki arkhitekturnykh postroek v Respublike Tyva: svidetel'stvo o registratsii bazy dannykh № 2022620160 ot 19.01.2022 (Elektronnyy resurs) [Network of reference tree-ring chronologies for forensic botanical (dendrochronological) examinations and dating of architectural buildings in the Republic of Tyva: Database Registration Certificate No. 2022620160 of 19.01.2022 (Electronic resource)]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47779331>.
- Vodyasov E.V., Zaitceva O.V., Vavulin M.V., Pushkarev A.A., 2020. The earliest box-shaped iron smelting furnaces in Asia: New data from Southern Siberia. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 31, 102383.
- Wigley T.M.L., Briffa K.R., Jones P.D., 1984. On the average value of correlated time series, with applications in dendroclimatology and hydrometeorology. *Journal of Climate and Applied Meteorology*, 23, pp. 201–213.
- Zharnikov Z.Yu., Myglan V.S., Sidorova M.O., Abolina L.A., 2020. The genesis of wooden architecture in Yeniseisk in the context of the 1869 fire consequences. *Bylye gody [Bygone years]*, 55 (1), pp. 173–187. (In Russ.)

К ИЗУЧЕНИЮ МОНЕТ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА НИЖЕГОРОДСКО-СУЗДАЛЬСКОГО (конец XIV — начало XV в.)

© 2024 г. П. Г. Гайдуков^{1,*}, И. В. Гришин^{1,**},
А. А. Кудрявцев^{1,***}, Е. М. Ушанков^{2,****}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

²Государственный исторический музей, Москва, Россия

*E-mail: russianchange@yandex.ru

**E-mail: robert2t@yandex.ru

***E-mail: a-kudravtsev@yandex.ru

****E-mail: ushankov.evgeny@yandex.ru

Поступила в редакцию 05.10.2023 г.

После доработки: 05.10.2023 г.

Принята к публикации 17.10.2023 г.

Статья посвящена итогам многолетнего изучения монетного чекана Нижегородско-Суздальского княжества конца XIV — начала XV в. (до денежной реформы начала 1410-х годов). К исследованию привлечено около 17 500 монет, систематизированных и разделенных на четыре группы. В первую группу входит суверенная монетная чеканка периода независимости Нижегородско-Суздальского княжества (5107 экз.), во вторую — денежные выпуски московских наместников после присоединения Нижнего Новгорода к Москве, 1392–1410 гг. (3074 экз.), в третью — анэпиграфные монеты конца XIV — начала XV в., в значительной части не определенные по принадлежности к эмитентам и местам чеканки (5427 экз.). Двусторонние подражания джучидским дирхемам (более 3800 экз.; часть связана общими штемпелями с монетами основных групп) в работе не рассматриваются.

Ключевые слова: Средневековая Русь, Московское княжество, монетная чеканка, монетный тип и вариант, денга, штемпель, топография находок, монетный клад.

DOI: 10.31857/S0869606324010078, EDN: ZWCFUL

История изучения. Исследование монет Нижегородско-Суздальского княжества конца XIV — начала XV в. и работу над составлением их каталога авторы ведут уже два десятилетия. К концу 2023 г. зарегистрировано около 17 500 монет, хранящихся в музейных собраниях и частных коллекциях или размещенных на сайтах сети Интернет.

Конечно, монеты нижегородско-суздальской чеканки публиковали с XIX в. (краткий обзор истории изучения см. Гайдуков, 2006. С. 83–84). Их публиковали в каталогах А.Д. Чертков, С. Шодуар, Ф.Ф. Шуберт, Я.Я. Рейхей, Д.П. Сонцов, Э.К. Гуттен-Чапский. Впервые в значительном количестве их описал А.В. Орешников (1896. С. 177–194). Позже к их описанию и изданию обращались С.И. Чижов (1922. С. 41–50) и А.А. Ильин (1940. С. 27–41).

Первая серьезная попытка системно осмыслить материал принадлежит Н.Д. Мец (1962). Она предложила разделить все нижегородско-суздальские монеты на три хронологические группы по внешнему виду и весу (в их числе монеты первой группы: “продолговатые плоского чекана”). Подробный разбор монет Н.Д. Мец не провела, а верхней границей их чеканки сочла 1412 г., опираясь на свидетельство Никоновской летописи о дороговизне зерна (Полное собрание..., 1897. С. 218), когда в Нижнем Новгороде ввели монеты второй группы, с пониженным весом. Отмечена важность работы с ранними нижегородско-суздальскими монетами для реконструкции начальной русской чеканки конца XIV в. (Мец, 1962. С. 311, 312, 318).

Новый этап исследований открыл Г.А. Федоров-Давыдов (1981, 1989), издав Саранский клад

(найден в 1961 г. в Больше-Березниковском р-не Мордовской АССР). Он был зарыт около 1409 г. и насчитывал 2547 монет: 109 джучидских и 2438 русских. В кладе отложились монеты разных русских центров чеканки, но более половины относится к Нижегородско-Суздальскому княжеству: 896 периода независимости и 472, чеканенные при московских властях (Федоров-Давыдов, 1989. С. 21–22, 33–130).

При изучении Саранского клада ученый выявил и описал суверенные именные нижегородско-суздальские монеты, отнеся их к князьям Дмитрию-Фоме Константиновичу (ок. 1324–1383), Борису Константиновичу (ум. 1394), Василию Дмитриевичу Кирдяпе (ок. 1350–1403) и Даниилу Борисовичу (до 1370 – ок. 1429) (Федоров-Давыдов, 1989. С. 33–87). В отдельных главах описаны анэпиграфные монеты предположительно суздальско-нижегородского чекана, выпускавшиеся на территории княжества в конце XIV – начале XV в., и анонимные денги, обильно чеканившиеся в Нижнем Новгороде под властью Москвы (Федоров-Давыдов, 1989. С. 96–130).

Книга о Саранском кладе стала событием в русской нумизматике. Впервые в науку вошел массив кладовых монет двух крупнейших русских княжеств конца XIV в., Московского и Нижегородско-Суздальского. Автор провел глубокое историческое исследование, и главное – выделил и описал монетные типы в хронологической последовательности в рамках единого каталога. Но сегодня требования к изданию нумизматического источника гораздо выше, особенно в части иллюстраций. В каталоге менее половины номеров с описаниями монет сопровождаются их графическими прорисовками и фотографиями; для многих дана лишь одна сторона; прорисовки и фото недостаточно четкие, что затрудняет (иногда лишает возможности) использовать их для точной идентификации. Есть и неверно определенные монеты (Гайдуков, Гришин, 2004).

В XXI в. нижегородско-суздальские монеты изучал О.В. Тростьянский (2009а), но ранний период он затронул только в тезисах двух докладов, дав периодизацию некоторых монетных выпусков до 1410 г. и, на основе изучения кладов, показав, что монеты с надписью “князя Дмитрия” следует относить к Дмитрию

Константиновичу Ногтю, а не к Дмитрию-Фоме (Тростьянский, 2009б; Тростьянский, Тростьянская, 2009). Массу фотографий нижегородско-суздальских монет и отдельные прорисовки денег из разных изданий, без подробного описания, собрали Д.В. Гулецкий и К.М. Петрунин (2017. С. 282, 286–359. № 4020–4608; 2022. С. 296, 300–373. № 4020–4608; в обоих изданиях нумерация не сплошная).

Краткая история княжества. Образование Нижегородско-Суздальского княжества в Северо-Восточной Руси относят к 1341 г., когда хан Узбек, опасаясь усиления московского князя Семена Ивановича, разделил Владимирское великое княжество, передав Нижний Новгород и Городец суздальскому князю Константину Васильевичу. После 1355 г. в княжестве было три стола – в Нижнем Новгороде, Суздале и Городце. Нижегородский стол считался “старшим” и примерно с 1360-х годов. его владелец именовался “великим князем”. Это самостоятельное территориально-политическое объединение существовало около полувека, в 1392 г. его присоединили к владениям московских князей, и суверенный нижегородский стол был ликвидирован (Кучкин, 1984. С. 199, 231; Горский, 2004. С. 140–147; 2010. С. 45–51). Нижегородские князья с помощью ордынских войск не раз пытались вернуть утерянную власть. Это им удавалось, но ненадолго (Кучкин, 1984. С. 199, 231; Федоров-Давыдов, 1989. С. 25–31; Тростьянский, 2009а. С. 11–22; Горский, 2010. С. 52–71).

После смерти князя Константина Васильевича (1355 г.) земли Нижегородско-Суздальского княжества разделили между его четырьмя сыновьями. Андрею перешел Нижний Новгород, Борису – Городец, Дмитрию-Фоме и Дмитрию-Ногтю достались Суздаль и земли на территории Суздальского княжества. После смерти Андрея (1383 г.) и Дмитрия-Фомы (1365 г.) великим князем нижегородским стал Борис. В 1388 г. его племянники Василий и Семен, заняв Нижний Новгород, изгнали дядю в Городец. В 1391 г. Борис Константинович при поддержке Орды вернул себе великокняжеский стол, но летом 1392 г. великий князь московский Василий Дмитриевич перекупил ярлык на нижегородское княжение у Токтамыша. В ноябре того же года Борис Константинович был смещен с престола и в мае 1394 г.

умер в заточении в Суздале. Его дети Даниил и Иван в 1410 г. смогли вернуть себе земли отца и владели ими до 1415 г. (Федоров-Давыдов, 1989. С. 25–31; Тростьянский, 2009а. С. 11–15).

Проблемы и методы. Систематизация монет конца XIV – начала XV в. сопряжена с большими трудностями. Сложная, запутанная политическая история Нижегородско-Суздальского княжества наложила отпечаток на его денежное дело. Ряд князей использовали близкие изобразительные сюжеты, а низкое качество чеканки чрезвычайно затрудняет прочтение легенд и атрибуцию отдельных монетных выпусков. Это ведет к ошибкам в атрибуции: большинство исследователей, начиная с А.В. Орешникова, относили к монетам Дмитрия Константиновича денги других правителей (Василия Дмитриевича московского, Василия Дмитриевича Кирдяпы, нижегородского князя Даниила, анэпиграфные и анонимные суздальско-нижегородские денги).

Для полной реконструкции изображений монетных штемпелей с именем правителя иногда не хватает нумизматического материала. Именные монеты разных князей зачастую связаны общими штемпелями не только между собой, но и с анэпиграфными денгами и русскими двусторонними подражаниями джучидским дирхемам, что еще больше усложняет атрибуцию.

Наша задача – создать каталог нижегородско-суздальских монет на основе максимально полного сбора и систематизации нумизматического материала, включая проведение скрупулезного поштемпельного и метрологического анализа монет, изготовление качественных и по возможности полных прорисовок монетных штемпелей, составление таблиц штемпельных связей и описание всех вариантов монет в отдельных типах. Только после этого можно рассчитывать на продвижение в изучении денежного дела Нижегородско-Суздальского княжества.

Весовая норма ранних нижегородских монет соответствовала московской, что способствовало формированию единого ареала обращения денег обоих княжеств (Тростьянский, 2009б. С. 132). Изменение нормативного веса московских монет времени Дмитрия Ивановича и Василия Дмитриевича послужило ориентиром

для датировки отдельных выпусков рассматриваемых монет (Гайдуков, Гришин, 2009а, б).

Нумизматическое исследование нижегородско-суздальского монетного чекана базируется на источниковой базе, насчитывающей около 17 500 монет, выпущенных до денежной реформы начала 1410-х годов. Этот внушительный нумизматический материал систематизирован и разделен на четыре группы. Монеты, входящие в три основные группы, характеризуются в настоящей статье (всего 13 601 экз.). В первую группу входит суверенная монетная чеканка периода существования независимого Нижегородско-Суздальского княжества (до 1392 г.) (рис. 1; 2, 1–52), во вторую – денежные выпуски московских наместников после присоединения Нижнего Новгорода к Москве (1392–1410) (рис. 2, 53–64; 3, 65–93). Третья группа представлена эмиссиями анэпиграфных монет конца XIV – начала XV в., значительной частью неопределенных как по их принадлежности к эмитентам, так и по местам чеканки (рис. 3, 94–96; 4, 97–124).

Отдельной группой монет, изготавливавшихся в княжестве, являются двусторонние подражания джучидским дирхемам (рис. 4, А–Г). Они датируются концом XIV – началом XV в., часть из них связана общими штемпелями с монетами основных групп. К концу 2023 г. зарегистрировано более 3800 таких денег, разделяющихся на более чем 600 вариантов. В настоящей работе они не рассматриваются, поскольку их изучение еще далеко от завершения.

Монеты нижегородско-суздальских князей. К чекану нижегородско-суздальских князей относится 5107 именных и анонимных монет. Они выпускались в разных центрах как в период суверенитета, так и после присоединения княжества к Москве в 1392 г. На одной стороне денег, как правило, помещено изображение (животных, птиц, воинов, орнаментальных узоров) и круговая надпись, другую сторону занимает подражание арабской надписи, копирующее с разной степенью мастерства легенды на джучидских дирхемах. В круговых надписях можно прочесть следующие имена: Андрей, Борис, Дмитрий, Василий, Даниил и Федот.

Нет нумизматических оснований относить монеты с именем Андрея к старшему сыну Константина Васильевича – Андрею Константиновичу,

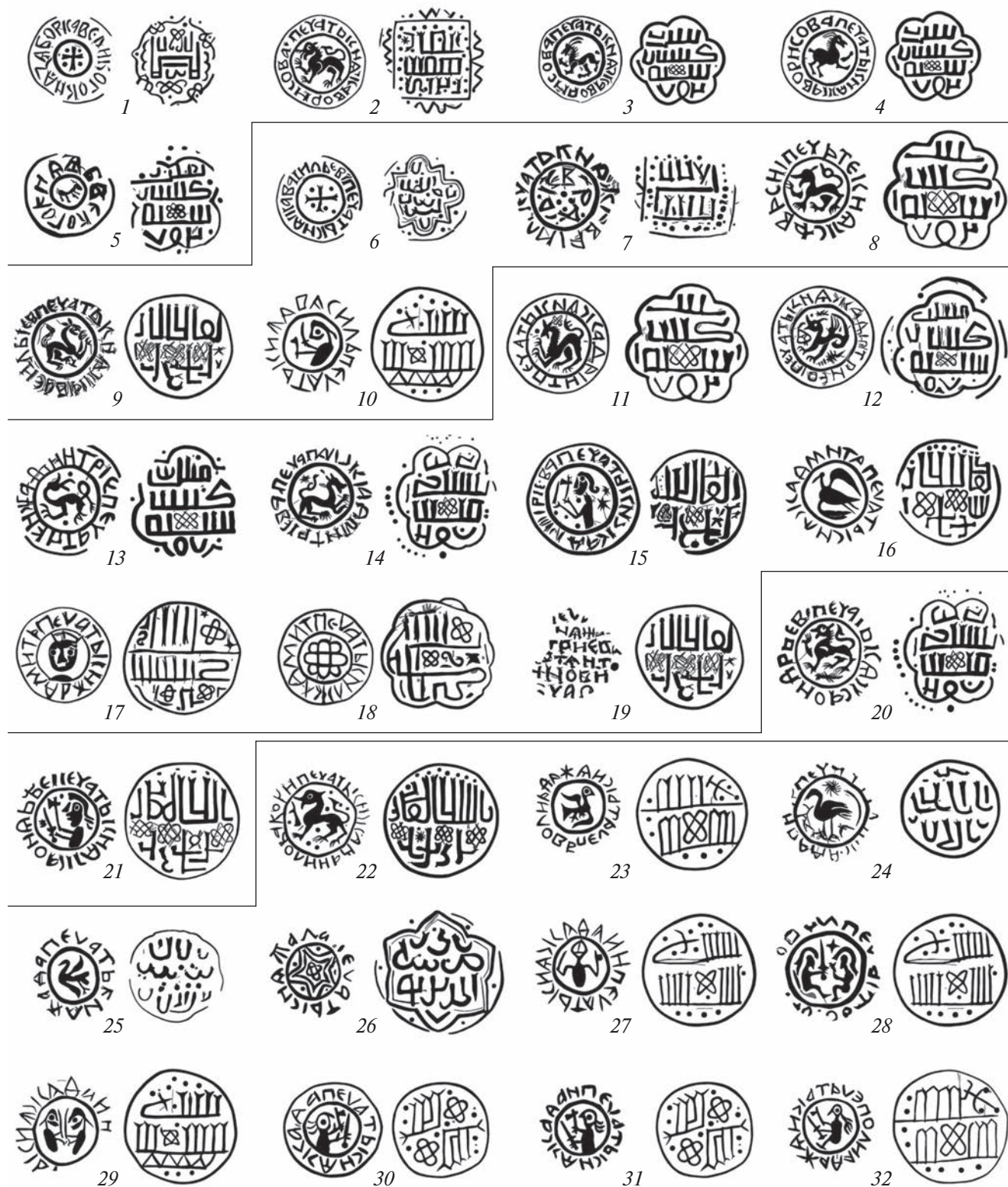

Рис. 1. Монеты Нижегородско-Суздальского княжества. 1–5 – князя Бориса Константиновича; 6–10 – князя Василия Дмитриевича Кирдяпы; 11–19 – князя Дмитрия Константиновича; 20, 21 – князя Андрея; 22–32 – князя Даниила Борисовича. Здесь и на других рисунках прориси И.В. Гришина. Натуральная величина.

Fig. 1. Coins of the Nizhny Novgorod-Suzdal Principality. This and other Figures show drawings by I.V. Grishin. Life size

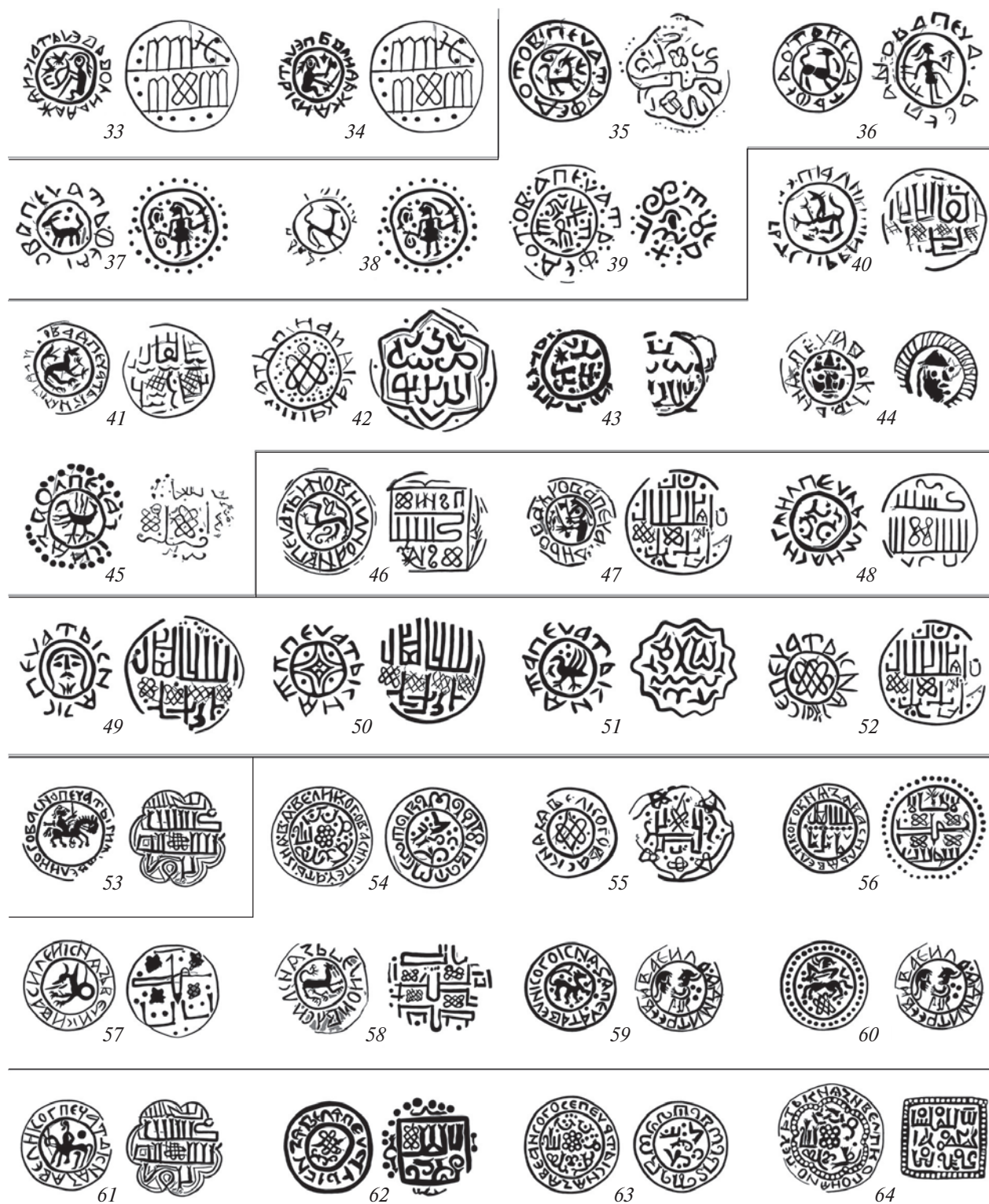

Рис. 2. Монеты Нижегородско-Суздальского княжества. 33, 34 – князя Даниила Борисовича; 35–39 – с надписью ПЕЧАТЬ ФЕДОТОВА; 40–45 – с не реконструированными именами; 46–48 – с искаженными легендами; 49–52 – анонимные.

Монеты Нижегородско-Суздальского княжества под властью Москвы. 53–60 – великого князя Василия Дмитриевича; 61–64 – анонимные.

Fig. 2. Coins of the Nizhny Novgorod-Suzdal Principality (33–52) and the principality under the rule of Moscow (53–64)

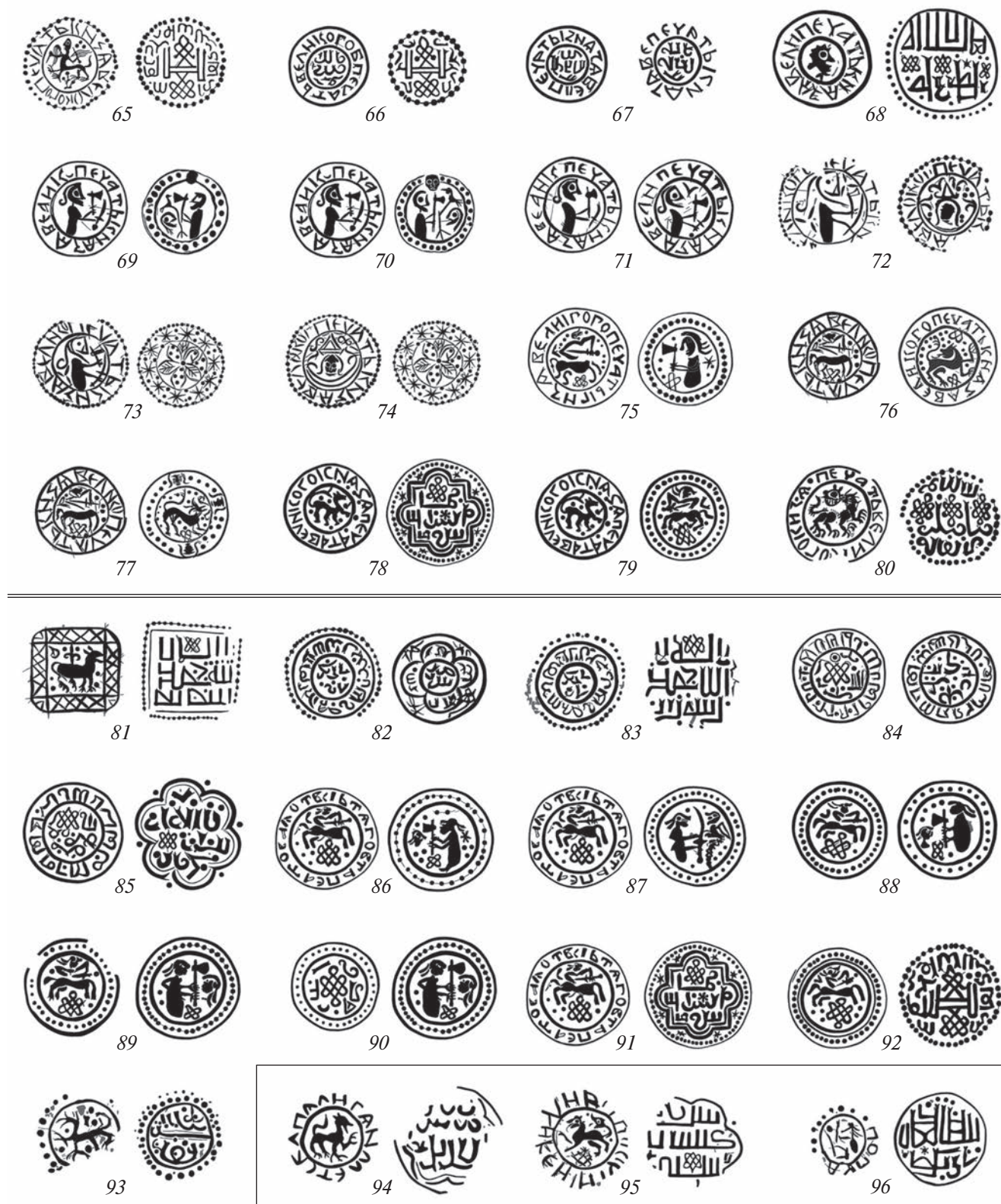

Рис. 3. Монеты Нижегородско-Суздальского княжества под властью Москвы. 65–80 – анонимные. Анэпиграфные монеты Нижегородско-Суздальского княжества. 81–93 – связанные с чеканкой великого князя Василия Дмитриевича; 94–96 – связанные с чеканкой нижегородско-суздальских князей.

Fig. 3. Coins of the Nizhny Novgorod-Suzdal Principality under the rule of Moscow (65–80) and anepigraphic coins of the principality (81–96)

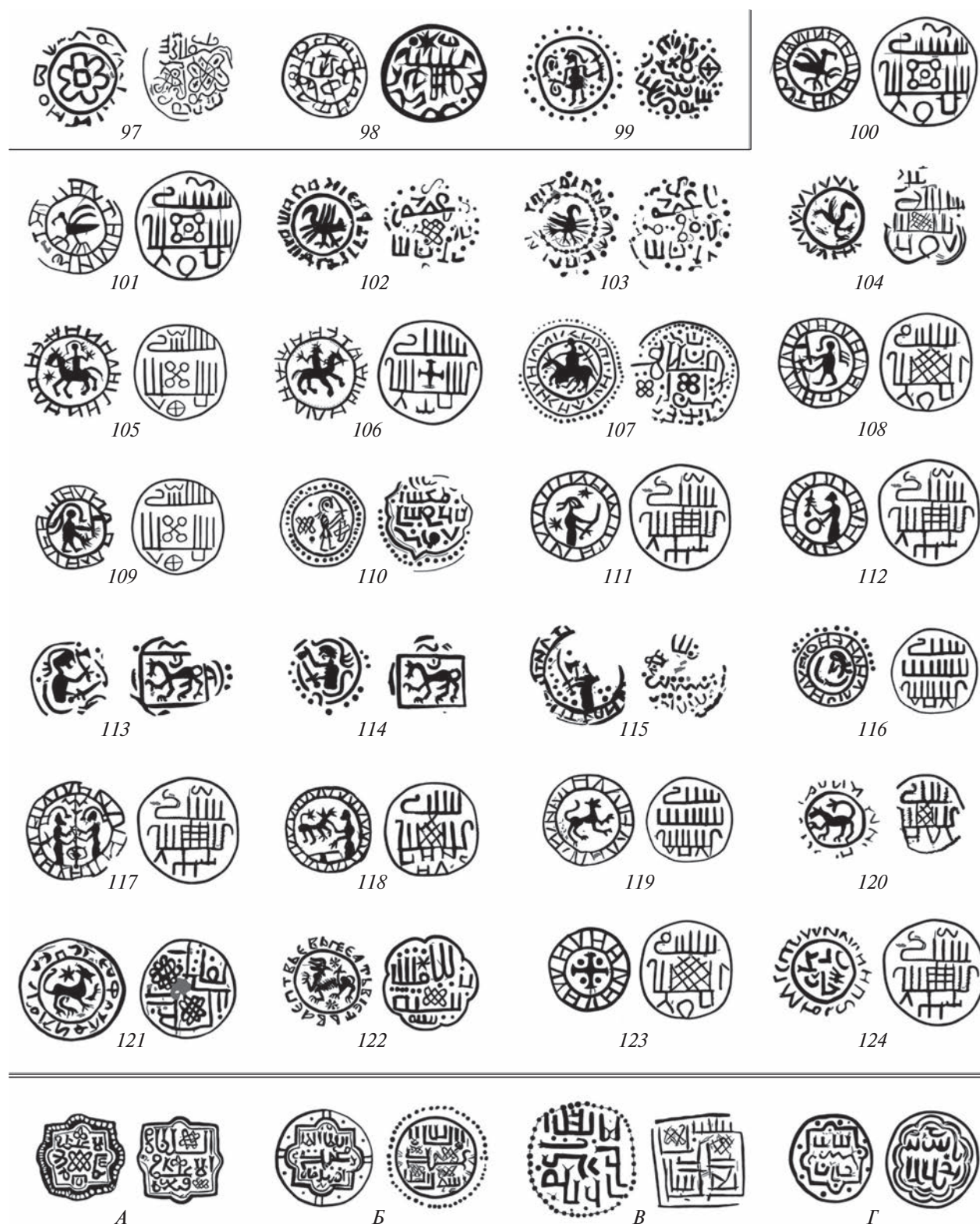

Рис. 4. Анэпиграфные монеты Нижегородско-Суздальского княжества. 97–99 – связанные с чеканкой нижегородско-суздальских князей; 100–124 – неопределенные по эмитентам и местам чеканки.

Двусторонние подражания джучидским дирхемам, связанные с нижегородско-суздальской чеканкой (А–Г).

Fig. 4. Anepigraphic coins of the Nizhny Novgorod-Suzdal Principality (97–124) and bilateral imitations of Jochid dirhams associated with the Nizhny Novgorod-Suzdal coinage (A–G)

умершему в 1365 г. Общепринято, что монетное дело на Руси возникло в 1370–1380-х годах. Высказано обоснованное предположение, что чеканка самостоятельных серебряных денег в великом княжестве Московском могла осуществляться уже в 1374–1380 гг. Первые именные денги Дмитрия Ивановича Донского (1359–1389) весят около 1 г. В конце его правления, вероятно, произошло первое понижение веса монет, поскольку ранние денги его сына и преемника – Василия Дмитриевича (1389–1425) выпускались с нормативным весом около 0.96–0.98 г (Гайдуков, Гришин, 2009а. С. 340; 2009б. С. 138, 139. Табл. 1). Средний вес монет с именем Андрея – 0.86 и 0.89 г. К тому же они тесно связаны по штемпелям с денгами Дмитрия такого же веса и можно полагать, что изготавливались в близкое время.

Начиная с А.В. Орешникова монеты с надписью ПЕЧАТЬ КНЯЖА ДМИТРИЕВА атрибутировали князю Дмитрию-Фоме Константиновичу (ок. 1324–1383). Выше отмечалось, что их следует относить к Дмитрию Константиновичу Ногтю (Тростыанский, Тростыанская, 2009). В период правления Дмитрия-Фомы, по всей вероятности, деньги в княжестве еще не изготавливались.

Монетную чеканку в Нижегородско-Суздальском княжестве начал Борис Константинович (до 1340–1394), вероятно, в 1383 г., будучи до 1388 г. великим князем нижегородским. Зарегистрировано 479 монет с именем Борис, которые могли чеканиться в 1383–1388 и 1391–1392 гг. в Нижнем Новгороде и Городце. По надписям они разделяются на великокняжеские (1 тип) и княжеские (2 типа) денег (Гайдуков, Гришин, 2019). Монеты с изображением креста, где Борис именуется великим князем – самые массовые, они чеканились, вероятно, в течение длительного времени (рис. 1, 1). Известно 274 такие денги, разделяющиеся по соотношению штемпелей на 43 варианта (далее – вар.). Их вес колеблется от 1.07 до 0.53 г, а средний вес равен 0.83 г. Однако он не может свидетельствовать о весовой норме этих монет. Подобный весовой разброс прослежен у денег Дмитрия Ивановича и Василия I Дмитриевича с изображением петуха (Гайдуков, 2006. С. 49, 50. Рис. 28, 4; 30, 1, 2; Гайдуков, Гришин, 2009а. С. 338, 339. Рис. 5, 4).

На княжеских денгах первого типа изображены хищное четвероногое животное и круговая надпись с именем Бориса (рис. 1, 2). Подражание арабской надписи оборотной стороны имитирует дирхемы Токтамыша выпусков Сарая ал-Джедид 792 г. х. (1389/1390 г.). В типе насчитывается 151 монета (10 вар.), их средний вес – 0.96 г.

На денгах второго типа изображены животное с рогами и круговая надпись, на другой стороне – подражание арабской надписи гулистанских дирхемов Джанибека 752 г. х. (1351/1352 г.) (рис. 1, 3, 4). Зарегистрировано 53 монеты (9 вар.), средний вес которых – 0.94 и 0.93 г.

В особый тип выделена подражательная денга с надписью ВЕКОГО КНЯЗЯ Б, известная в одном экземпляре. Изображение животного и имитация арабской надписи на ней могли быть скопированы с княжеских монет второго типа (рис. 1, 5).

При анализе соотношения штемпелей княжеских монет Бориса Константиновича первого типа выявилась их связь с двусторонними подражаниями золотоордынским дирхемам посредством общих штемпелей оборотных сторон (Гайдуков, Гришин, 2019. С. 163, 168. Рис. 2, А, Б. Табл. 4, А, Б).

С княжескими монетами второго типа связана группа из пяти вариантов анонимных великокняжеских денег с всадником влево (рис. 2, 61; 46 экз., ср. вес 0.99 г) (Гайдуков, Гришин, 2019. С. 163, 168. Рис. 2, В–Ж. Табл. 4, В–Ж), а также великокняжеская денга с именем Василия с всадником вправо (рис. 2, 53) (Гайдуков, Гришин, 2019. С. 163, 168. Рис. 2, 3. Табл. 4, 3), которые можно относить к чеканке Нижегородского княжества после его присоединения к Москве в 1392 г.

Судя по датировке прототипа оборотных сторон первых княжеских монет Бориса Константиновича (Гайдуков, Гришин, 2019. С. 163. Рис. 2, 1–8), их выпуск начался не ранее 1390 г. С приходом к власти в 1392 г. Василия Дмитриевича выпуск денег нижегородского князя не был, вероятно, сразу прекращен.

Зарегистрировано 1016 монет с именем Василий, которые следует относить к чекану Василия Дмитриевича Кирдяпы (ок. 1350–1403),

старшего сына Дмитрия-Фомы Константиновича. В 1364–1382 гг. он владел Суздалем. В 1382 г. участвовал в походе хана Токтамыша на Москву, после этого до 1387 г. находился в Орде в качестве заложника, в последние годы жизни владел Городцом.

Монеты с именем князя Василия делятся на пять типов. К первому, вероятно, древнейшему, относятся денги с изображением четырехконечного креста и круговой надписью: ПЕЧАТЬ КНЯЖА ВАСИЛЬЕВА (рис. 1, 6) (Гайдуков, Гришин, 2023в). Известно 22 монеты, восходящие к 8 вариантам. Их средний вес — 0,86 г. Можно предположить, что эти монеты Василий Дмитриевич чеканил после возвращения из многолетнего ордынского плена. В 1387 г. Токтамыш отпустил его из Орды, и уже на следующий год Василий с братом Семеном, как уже упоминалось, занимают Нижний Новгород, изгнав из него своего дядю. К этому времени и следует относить чеканку монет Василия с изображением креста, стилистически очень похожих на великокняжеские денги Бориса Константиновича.

Во второй тип, возможно, синхронный первому, выделены редкие монеты (1 вар., 4 экз., ср. вес 0,98 г) с круговой надписью: ПЕЧАТЬ КНЯЖА ВАСИЛ (продолжается в центре — ЫЕВА Д) (рис. 1, 7). На многочисленных монетах третьего типа помещены изображение четвероногого животного влево и круговая надпись: ПЕЧАТЬ КНЯЖА ВАСИЛЬЕВА (в разных вариантах). Известно о 852 денгах (66 вар.), что свидетельствует о продолжительной чеканке этого типа (рис. 1, 8). Средний вес в целом — 0,90 г, но для денег некоторых вариантов он равен 0,97–0,98 г. Вполне вероятно, что эти монеты чеканились в начальный период правления Василия Дмитриевича.

На монетах четвертого типа изображены четвероное животное и круговая надпись: ПЕЧАТЬ КНЯЖА ВАСИЛЬЕВА (в разных вариантах) (рис. 1, 9). Зарегистрировано 77 таких денег (14 вар.), средний вес — 0,87 г. К последнему, пятому типу Василия Дмитриевича отнесены денги с поясным изображением воина с топором и саблей и круговой надписью: ПЕЧАТЬ КНЯЖА ВАСИЛЬ (рис. 1, 10). Собрано 57 монет (1 вар.), их средний вес — 0,85 г.

В 2017 г. было известно около 450 экз. денег с именем князя Дмитрия (Гайдуков, Гришин, 2017а). К концу 2023 г. монет с надписью ПЕЧАТЬ КНЯЖА ДМИТРИЕВА (в разных вариантах) зарегистрировано уже 779 экз., после проведения систематизации они разделены на девять типов (рис. 1, 11–19). Средний вес в типах колеблется в пределах 0,85–0,89 г, а количество вариантов — от двух до десяти. Наиболее многочисленны типы VI, I и III (224, 111 и 99 экз.), еще в шести насчитывается от 46 до 84 монет. Последний и самый малочисленный тип IX (2 вар., 3 экз.) оригинален по оформлению лицевой стороны, где все монетное поле занимает шестистрочная надпись: ПЕЧА[ТЬ К]НЯЖА [ДМ]ТРИЕВА [КО]СТЯНТИНОВИЧА. Тростыанские опровергли первоначальную атрибуцию рассматриваемых монет и отнесли их к чеканке Дмитрия Константиновича Ногтя, выделив шесть типов (Тростыанский, Тростыанская, 2009).

Атрибуция монет князя Дмитрия до конца не ясна. Их весовые показатели свидетельствуют об изготовлении не ранее 1390-х годов. Биографических сведений о младшем сыне Константина Васильевича — Дмитрие Константиновиче Ногте, немного. Годы его жизни неизвестны, был женат на некоей Марии, имел единственного сына Юрия. В 1375 г. Дмитрий Константинович вместе с Дмитрием Ивановичем Донским ходил в поход на Тверь. Позже летописных сведений о нем нет. Тростыанские, опираясь на актовый материал, высказали предположение, что князь Дмитрий здравствовал до конца XIV в. Будучи лоялен московским властям, он мог благополучно пережить переход Нижегородского княжества под власть Москвы в 1392 г. и позже активно чеканить свою монету (Тростыанский, Тростыанская, 2009. С. 134, без отсылок к изданию актов).

Зарегистрировано 143 монеты с надписью ПЕЧАТЬ КНЯЖА ОНДРЕЕВА двух типов (рис. 1, 20, 21). На денгах первого типа изображено четвероное животное (43 экз., 6 вар.), на денгах второго — человек с топором и мечом (100 экз., 3 вар.). Их средний вес — 0,86 и 0,89 г. Выше уже говорилось, что нет оснований относить эти монеты к князю Андрею, старшему сыну Константина Васильевича. Другие нижегородско-суздальские князья с таким именем

в конце XIV в. неизвестны. Рассматриваемые монеты изготавливались в конце XIV — начале XV в. На это указывает как их вес, так и тесная поштемпельная связь с денгами Дмитрия Константиновича и Василия Дмитриевича Кирдяпы (Гайдуков, Гришин, 2017а. С. 179. Рис. 2).

Монеты с именем князя Даниила следует относить к князю Даниилу Борисовичу (до 1370 — ок. 1429) — старшему сыну Бориса Константиновича. Он мог чеканить их в Суздале до денежной реформы начала 1410-х годов. (Федоров-Давыдов, 1989. С. 87).

Впервые монету с изображением воина и надписью ПЕЧАТЬ КНЯЖА ДАНИИ опубликовал А.Д. Чертков, отнес ее к Даниилу Борисовичу (Чертков, 1834. С. 136. № 276). Однако наличие в княжестве двух Даниилов (второй — сын Василия Дмитриевича Кирдяпы) затрудняло точную атрибуцию, в связи с чем А.В. Орешников отказался от их конкретной персонификации (Орешников, 1896. С. 190—192. № 883—888). С.И. Чижов связывал такие монеты с Даниилом Борисовичем (Чижов, 1922. С. 46—48), с чем позже согласились большинство исследователей (Ильин, 1940. С. 34, 35; Мец, 1962. С. 309—312; Федоров-Давыдов, 1989. С. 83—87).

О.В. Тростянский счел атрибуцию С.И. Чижова недостаточно обоснованной, полагая, что в то время Даниил Борисович не мог вести чеканку, и приписал рассматриваемые монеты Даниилу Васильевичу (ум. 1412) (Тростянский, 2009а. С. 13, 14). Такой же версии придерживаются Д.В. Гулецкий и К.М. Петрунин (2017. С. 300—303; 2022. С. 314—317).

Монеты князя Даниила — самые массовые в нижегородско-суздальском чекане. В 2018 г. на основе изучения 1095 экз. проведена систематизация этих денег (Гайдуков, Гришин, 2018). К концу 2023 г. монет с именем Даниила зарегистрировано уже 1562 экз. Они делятся на 13 типов, с количеством вариантов от 1 до 17 (рис. 1, 22—32; 2, 33, 34). Средний вес отдельных типов монет колеблется в пределах 0.81—0.87 г, что соответствует денгам Москвы первого десятилетия XV в. (Гайдуков, Гришин, 2009б. С. 138). Наиболее многочисленны пять типов монет: с изображениями различных воинов, четвероногого животного и летящей птицы (365, 354, 271, 199 и 150 экз.; рис. 1, 31, 30, 22, 25, 27). В других типах насчитывается от 8 до 53 монет.

Среди денег с изображением четвероногого животного, традиционно приписываемых к чекану Василия Дмитриевича Кирдяпы (Орешников, 1896. С. 210. № 857, 858; Федоров-Давыдов, 1989. С. 51, 52. № 430, 436), выделена группа монет с именем и отчеством Даниила Борисовича в круговой легенде (относится к типу I) (рис. 1, 22). На трех штемпелях отчество вырезано вполне отчетливо — БОРИ (Гайдуков, Гришин, 2018. С. 160. Рис. 2а, 12—14, 16—17) или БОРИС (Гайдуков, Гришин, 2018. Рис. 2а, 15).

Выявление на монетах с четвероногим животным имени и отчества князя и их поштемпельные связи с денгами с именем Даниила (Гайдуков, Гришин, 2018. С. 159—162. Рис. 2а—в) дает основание относить все эти монеты к князю Даниилу Борисовичу. Вопрос о том, чеканил ли монеты Даниил Васильевич, остается открытым.

К последним именованным нижегородско-суздальским денгам относится загадочная группа монет начала XV в., не получивших до настоящего времени окончательной атрибуции. Их характерная особенность — лишенная титула круговая легенда с именем эмитента: ПЕЧАТЬ ФЕДОТОВА. В 2017 г. уже проводилось исследование группы таких монет (167 экз.) (Гайдуков, Гришин, 2017б).

Зарегистрировано 243 монеты Федота (5 типов) (рис. 2, 35—39). Средний вес в типах равен 0.76, 0.78 и 0.79 г, количество вариантов — от одного до восьми. Наиболее многочисленны два типа: с изображением на лицевой стороне четвероногого животного и подражания арабской надписи (по 93 экз. в типе) (рис. 2, 36, 39). В остальных насчитывается от 14 до 25 монет.

Впервые две такие монеты без атрибуций издал А.Д. Чертков (1834. С. 163, 170. № 349, 373. Табл. А, 11; С, 11). Круговую надпись на одной из них впервые прочитал А.В. Орешников и предположил, что Федот — имя денежника (Орешников, 1896. С. 205. № 937. Табл. XVIII, 832). Г.А. Федоров-Давыдов при издании Саранского клада поместил денги с именем Федота в разделе “Неопределимые по месту чеканки монеты” и отнес их чеканку к какому-то мелкому князю, неизвестному по письменным источникам (Федоров-Давыдов, 1989. С. 138, 139). О.В. Тростянский предположил, что имена Федот и Фёдор близки по написанию и

рассматриваемые монеты в первом десятилетии XV в. мог чеканить Федор — сын нижегородского князя Василия Кирдяпы (Тростянский, 2005. С. 158–159; 2009а. С. 14). Можно согласиться со временем изготовления этих загадочных монет, но предложенную атрибуцию вряд ли можно принять.

Значительная концентрация рассматриваемых монет в Нижегородской области и примыкающих к ней регионах убедительно свидетельствует об их изготовлении в Нижегородско-Суздальском княжестве (Гайдуков, Гришин, 2017б. С. 104, 105). Отнести их принадлежность к конкретному правителю пока невозможно.

К княжескому суверенному чекану авторы относят еще три отдельные группы монет. Стилистически и поштемпельно они тесно связаны с нижегородско-суздальской чеканкой периода независимости. На монетах первой группы из-за недостатка нумизматического материала пока не удалось транскрибировать имя князя или оно не реконструируется (рис. 2, 40–45). Таких монет 160 экз. Они разделяются на 6 типов, содержащих от 2 до 16 вариантов монет, их средний вес — 0.66–0.87 г.

Во вторую группу выделены монеты с искаженными нечитаемыми легендами (рис. 2, 46–48). Зарегистрировано 245 денег, разделенных на 3 типа. Их общий средний вес — 0.84 г.

В третью группу объединены анонимные монеты с надписью ПЕЧАТЬ КНЯЖА, в большинстве своем имеющие поштемпельные связи с денгами Даниила Борисовича (рис. 2, 49–52). Известно 480 таких монет, разделяющихся на 4 типа. В них насчитывается от 3 до 13 вариантов монет, средний вес которых — 0.81–0.82 г.

Чеканка монет в Нижегородско-Суздальском княжестве под властью Москвы. В Нижегородско-Суздальском княжестве под властью Москвы с 1392 по 1410 г. осуществлялась массовая чеканка именной и анонимной монеты. В этой группе зарегистрировано 3074 монеты, при их систематизации выделено около 40 типов денег, многие из которых уже опубликованы (рис. 2, 53–64; 3, 65–93) (Гайдуков, Гришин, 2020; 2021; 2022а, б; 2023а). Основные типы анонимных великокняжеских монет из этой группы впервые отнес к чеканке Нижнего Новгорода

под властью Москвы Г.А. Федоров-Давыдов (1989. С. 119–126).

Известно 1136 монет, в круговых легендах которых отмечено имя великого князя Василия. Вслед за Г.А. Федоровым-Давыдовым авторы рассматривают их как чеканку наместников великого князя Василия Дмитриевича после присоединения Нижнего Новгорода к Москве в 1392 г. Они разделены на восемь типов, два из них, с имитацией арабских надписей на обеих сторонах, — ведущие.

В наиболее массовом типе, с надписью ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ ВЕЛИКОГО ВАСИЛ (с вариациями), насчитывается 835 монет, разделяющихся на 66 вариантов (рис. 2, 54). Около 20 из них анонимные — в легендах нет имени князя. Но выделять монеты этих вариантов в отдельный тип не целесообразно, поскольку все они тесно связаны с именными денгами многочисленными общими штемпелями и чеканились в одно время и в одном месте. Средний вес монет — 0.98 г.

Второй ведущий тип — денги с надписью КНЯЗЯ ВЕЛИКОГО ВАСИЛЬЯ (на одном штемпеле: ВАСИЛЬЯ ДМ) (Гайдуков, Гришин, 2021). В нем насчитывается 234 монеты, разделяющиеся на 14 вариантов (рис. 2, 56). Средний вес монет — 0.96 г. Судя по весовым показателям, чеканка монет двух ведущих типов осуществлялась сразу после перехода Нижегородско-Суздальского княжества под власть Москвы.

Остальные именные типы малочисленны, все они представлены лишь одним вариантом денег. В монетном типе с изображением крылатого двуногого дракона насчитывается 30 экз. (рис. 2, 57), в остальных 5 типах — от 1 до 14 экз. (рис. 2, 53, 55, 58–60). Одними из самых ранних в рассматриваемой группе следует признать денги с изображением всадника с мечом и надписью ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ ВЕЛИКОГО ВАСИ (рис. 2, 53). В пользу такого заключения свидетельствуют как весовой показатель (ср. вес 0.95 г, 4 экз.), так и их поштемпельная связь с монетами Бориса Константиновича (Гайдуков, Гришин, 2019. С. 163, 168. Рис. 2, 3).

Зарегистрировано 1938 анонимных монет с надписью ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ ВЕЛИКОГО (с вариациями), разделяющихся почти на 20 типов (рис. 2, 61–64; 3, 65–80). Некоторые из них, преимущественно наиболее массовые, уже

систематизированы и опубликованы. В их числе один из наиболее ранних, с изображением орнаментальной решетки и подражанием двустрочной арабской надписи в квадратной рамке (54 экз., 6 вар., ср. вес 0.99 г) (рис. 2, 62) (Гайдуков, Гришин, 2023а).

Изготовление некоторых типов анонимных монет, судя по их весу и опубликованным клладам, можно датировать концом XIV — началом XV в. Среди них — монеты с изображением воина с топором и саблей на обеих сторонах (351 экз., 44 вар., ср. вес 0.90 г) (рис. 3, 69–71) (Гайдуков, Гришин, 2022а).

Одновременны денгам с воинами, вероятно, два близких по оформлению типа монет. На одном помещено изображение воина и шестилепестковой розетки. На втором — схематичное изображение головы человека и та же розетка (рис. 3, 73–74) (Гайдуков, Гришин, 2022б). Денег первого типа немного (36 экз., 1 вар.), денги второго многочисленны (328 экз., 34 вар.). Их средний вес — 0.91 и 0.89 г.

Концом XIV — началом XV в. можно датировать выпуск еще четырех типов анонимных денег. Два из них связаны общими штемпелями оборотной стороны. На одном изображен крылатый кентавр с мечом (74 экз., 2 вар.), на втором — подражание арабской надписи (307 экз., 14 вар.) (рис. 3, 65–66). Их средний вес одинаков — 0.86 г.

Два типа анонимных монет с изображением кентавра тесно связаны общими штемпелями. Обратную сторону денег первого типа занимает изображение воина с топором, другого — четвероногого животного (рис. 3, 75–77) (Гайдуков, Гришин, 2020). Монеты с воином — одни из самых массовых в анонимной чеканке (320 экз., 29 вар.). Монет с четвероногим животным 156 экз. (11 вар.). Их средний вес — 0.87–0.88 г.

Денги со всадником (46 экз., 5 вар.) и с подражанием арабским надписям на обеих сторонах (99 экз., 18 вар.; 73 экз., 6 вар.), чеканились в первые годы после утраты Нижним Новгородом независимости (рис. 2, 61, 63, 64). Их средний вес — 0.99 и 0.97 г. Монеты с человеческой головой (32 экз., 2 вар.; ср. вес 0.89 г) могли выпускаться в конце XIV — начале XV в. (рис. 3, 68). Денги с четвероногими животными наиболее поздние (35 экз., 5 вар.; 10 экз., 1 вар.;

8 экз., 1 вар.), они чеканились незадолго до денежной реформы 1410-х годов (рис. 3, 78, 79, 80). Их средний вес — 0.76, 0.73 и 0.75 г.

Анэпиграфные монеты нижегородско-суздальской чеканки. Особенность монетного дела Нижегородско-Суздальского княжества в рассматриваемый период — массовая чеканка анэпиграфных денег. Зарегистрировано более 5427 монет с имитациями надписей в виде различных геометрических знаков, реже с нечитаемыми кириллическими легендами, а также денег без надписей (рис. 3, 81–96; 4, 97–124). Благодаря проведенному поштемпельному анализу весь массив анэпиграфных монет удалось разделить на три группы. Для первой группы установлена надежная связь с денгами, выпускавшимися после присоединения Нижнего Новгорода к Москве, для второй — с суверенной княжеской чеканкой. Определить эмитентов для третьей группы монет в настоящее время не представляется возможным.

Анэпиграфных монет, выпущенных после потери княжеством независимости, насчитывается 2565 экз. (13 типов). Датировать их временем с 1392 по 1410 г. позволяют многочисленные поштемпельные связи с именными и анонимными великокняжескими денгами, описанными выше. Стилистически и метрологически анэпиграфные монеты делятся на две, вероятно хронологические разные, и почти равные по количеству группы.

Денги первой группы (1324 экз.), чеканившиеся, вероятно, в конце XIV в., оформлены по образцу джучидских дирхемов: обе стороны занимают подражания арабским надписям, строчным и круговым. Выделено четыре типа таких монет, два из которых наиболее массовые: 858 и 215 экз. (49 и 40 вар.) (рис. 3, 85, 83). Их средний вес — 0.88 и 0.98 г. В двух других типах насчитывается 117 и 69 монет (19 и 7 вар.) (рис. 3, 82, 84). Их средний вес — 0.98 и 0.96 г. К раннему выпуску следует отнести также денги с изображением четвероногого животного и подражанием арабской надписи, которых известно 65 экз. (4 вар.) (рис. 3, 81). Их средний вес — 0.95 г.

На монетах второй группы (1241 экз.) изображены кентавр и воин (4 типа), воин и подражание арабской надписи (1 тип), а также кентавр и подражания арабской надписи (2 типа)

(рис. 3, 86–92). На лицевой стороне монет трех типов вокруг кентавра помещена круговая нечитаемая надпись, копирующая, вероятно, легенду на великокняжеских монетах (рис. 3, 86, 87, 91). В наиболее массовых типах насчитывается 488, 296, 182 и 146 денег (23, 6, 3 и 1 вар.) (рис. 3, 92, 87, 86, 88). Другие три типа малочисленны: 88, 20 и 18 экз. (2, 2 и 1 вар.) (рис. 3, 90, 91, 89). К позднему выпуску относится денга с изображением четвероногого животного и подражанием арабской надписи (3 экз., 1 вар.) (рис. 3, 93). Средний вес денег второй группы колеблется от 0.79 до 0.85 г. Их чеканка осуществлялась в первом десятилетии XV в.

Анэпиграфных монет, связанных общими штемпелями с суверенными денгами нижегородско-суздальских князей, насчитывается 284 экз. (6 типов). К наиболее ранним относятся три типа денег (с изображением четвероногих животных и воина), имеющие связь с именными монетами Василия Дмитриевича Кирдяпы (рис. 3, 94–96). В типах насчитывается 15, 12 и 4 монеты (3, 7 и 4 вар.). Их средний вес — 0.83, 0.89 и 0.87 г. Тип денег с изображением розетки поштемпельно связан с монетами Дмитрия Константиновича (91 экз., 8 вар., ср. вес 0.84 г) (рис. 4, 97). Наиболее массовый тип анэпиграфных денег с подражаниями арабским надписям на обеих сторонах связывается с чеканкой Даниила Борисовича (149 экз., 19 вар., ср. вес 0.80 г) (рис. 4, 98). Анэпиграфная денга с изображением воина поштемпельно связана с монетами с надписью ДЕНГА ФЕДОТОВА (13 экз., ср. вес 0.79 г) (рис. 4, 99).

Значительную группу составляют анэпиграфные монеты, привязка которых к эмитентам и местам чеканки пока не установлена (2578 экз., 25 типов) (рис. 4, 100–124). Изображения лицевой стороны денег — это преимущественно птицы, всадники, воины и четвероногие животные. На оборотной стороне, как правило, помещены подражания арабским надписям. Средний вес в отдельных типах колеблется в диапазоне 0.71–0.86 г. Вся эта многочисленная группа монет чеканилась непрерывно с рубежа XIV–XV вв. до денежной реформы начала 1410-х годов.

Денги двух типов уже систематизированы и опубликованы. На первых изображены человек и четвероногое животное (72 экз., 6 вар., ср. вес

0.74 г), на вторых — четырехконечный крест (240 экз., 26 вар., ср. вес 0.79 г) (рис. 4, 118, 123) (Гайдуков, Гришин, 2023б, г). Судя по весу, а также сведениям кладов, чеканку монет этих типов следует относить к первому десятилетию XV в.

Среди анэпиграфных денег выделяются своей массовостью два “парных” типа монет, с птицами и всадниками. Они чрезвычайно близки по оформлению и связаны друг с другом общими штемпелями (рис. 4, 100, 101, 105, 106). В типах с птицами насчитывается 777 монет (489 и 288 экз., 44 и 50 вар.), в типах с всадниками — 732 монеты (163 и 669 экз., 30 и 141 вар.).

К подобным “парным”, объединенным общими штемпелями монетам, можно отнести еще восемь типов денег — с изображением воинов и четвероногих животных. Монеты с воинами образуют три группы. В первой группе насчитывается 270 денег (171 и 99 экз., 39 и 25 вар.), во второй — 144 денги (92 и 52 экз., 12 и 17 вар.), в третьей — 13 денег (5 и 8 экз., 2 и 3 вар.) (рис. 4, 108 и 109, 111 и 112, 113 и 114). В типах с четвероногими животными зарегистрировано 256 монет (219 и 37 экз., 61 и 19 вар.) (рис. 4, 119, 120).

Другие анэпиграфные монеты менее многочисленны. Таковы типы денег с всадником (81 экз., 4 вар.), с двумя воинами (114 экз., 40 вар.), с подражанием арабской надписи на лицевой стороне (71 экз., 17 вар.) (рис. 4, 107, 117, 124). В оставшихся семи типах монет еще меньше (12, 23, 20, 5, 9, 24 и 34 экз.; 3, 5, 6, 2, 1, 4 и 4 вар.) (рис. 4, 102–104, 110, 116, 121, 122).

Изучение и издание новых кладовых комплексов даст возможность более точно определить датировку и место чеканки нижегородско-суздальских монет, рассмотренных в настоящей статье.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01528, <https://rscf.ru/project/22-28-01528>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гайдуков П.Г. Русские полуденги, четверетцы и полушки. М.: Палеограф, 2006. 407 с.
Гайдуков П.Г., Гришин И.В. Саранский клад русских монет XIV — начала XV в. // Двенадцатая

- Всероссийская нумизматическая конференция: тез. докл. и сообщ. М., 2004. С. 138–140.
- Гайдуков П.Г., Гришин И.В. Именные деньги великого князя Дмитрия Ивановича Донского // Великий Новгород и Средневековая Русь: сб. ст. к 80-летию академика В.Л. Янина. М.: Памятники исторической мысли, 2009а. С. 323–364.
- Гайдуков П.Г., Гришин И.В. О метрологии денег Москвы времени правления Василия Дмитриевича // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция: тез. докл. и сообщ. М., 2009б. С. 136–139.
- Гайдуков П.Г., Гришин И.В. К изучению монет Нижегородско-Суздальского князя Дмитрия Константиновича // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2017 г.: памяти Т.Ю. Стукаловой: материалы докл. и сообщ. М.: Внешторгиздат, 2017а. С. 174–181.
- Гайдуков П.Г., Гришин И.В. О монетах с надписью “ПЕЧАТЬ ФЕДОТОВА” // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 6. М.: Внешторгиздат, 2017б. С. 102–114.
- Гайдуков П.Г., Гришин И.В. К изучению ранних монет Нижегородско-Суздальского князя Даниила Борисовича // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2018 г.: к 100-летию Отдела нумизматики Гос. ист. музея: материалы докл. и сообщ. М.: Гос. ист. музей, 2018. С. 154–164.
- Гайдуков П.Г., Гришин И.В. Княжеские монеты Нижегородско-Суздальского князя Бориса Константиновича // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2019 г.: к 90-летию А.С. Мельниковой и 100-летию В.В. Узденикова: материалы докл. и сообщ. М.: Гос. ист. музей, 2019. С. 159–169.
- Гайдуков П.Г., Гришин И.В. О монетах великого князя Василия I с изображением кентавра, изготовленных в Нижегородско-Суздальском княжестве // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2020 г.: памяти В.А. Дурова: материалы докл. и сообщ. М.: Гос. ист. музей, 2020. С. 162–178.
- Гайдуков П.Г., Гришин И.В. Об одном типе монет великого князя Василия I, изготовленном в Нижегородско-Суздальском княжестве // Двадцать первая Всероссийская нумизматическая конференция: тез. докл. и сообщ. Тверь: Тверская фабрика печати, 2021. С. 153–157.
- Гайдуков П.Г., Гришин И.В. О группе монет великого князя Василия I с изображением воина на обеих сторонах, изготовленных в Нижегородско-Суздальском княжестве // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2022 г.: к 150-летию Гос. ист. музея: материалы докл. и сообщ. М.: Гос. ист. музей, 2022а. С. 164–181.
- Гайдуков П.Г., Гришин И.В. О группе монет великого князя Василия I с изображением шестилепестковой розетки, изготовленных в Нижегородско-Суздальском княжестве // Краткие сообщения Института археологии. 2022б. Вып. 268. С. 292–309.
- Гайдуков П.Г., Гришин И.В. Анонимные великокняжеские монеты с изображением орнаментальной решетки, чеканившиеся в Нижегородско-Суздальском княжестве под властью Москвы // Краткие сообщения Института археологии. 2023а. Вып. 272. С. 123–132.
- Гайдуков П.Г., Гришин И.В. Анэпиграфные монеты Нижегородско-Суздальского княжества с изображением человека и четвероногого животного // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2023 г.: к 100-летию Н.Д. Мец: материалы докл. и сообщ. М., 2023б. С. 166–176.
- Гайдуков П.Г., Гришин И.В. О монетах нижегородско-суздальского князя Василия Дмитриевича Кирдяпы с изображением креста // Российский конгресс по нумизматике (Москва, 9–10 июня 2022 г.): сб. материалов. М.: Наука, 2023в. С. 111–119.
- Гайдуков П.Г., Гришин И.В. Об анэпиграфных монетах с изображением креста, изготовленных в Нижегородско-Суздальском княжестве в начале XV в. // Двадцать вторая Всероссийская нумизматическая конференция: тез. докл. и сообщ. Смоленск: Смоленский гос. музей-заповедник, 2023г. С. 172–181.
- Горский А.А. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV – середине XV в. // Средневековая Русь. Вып. 4. М.: Индрик, 2004. С. 140–170.
- Горский А.А. Нижний Новгород // От земель к великим княжениям: “примыслы” русских князей второй половины XIII–XV в. М.: Индрик, 2010. С. 41–71.
- Гулецкий Д.В., Петрунин К.М. Русские средневековые монеты. М., 2017. 660 с.
- Гулецкий Д.В., Петрунин К.М. Русские средневековые монеты. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2022. 675 с.
- Ильин А.А. Классификация русских удельных монет. Вып. 1. Л., 1940. 52 с.
- Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. 350 с.
- Мец Н.Д. Некоторые вопросы систематизации монет Суздальско-Нижегородского княжества // Историко-археологический сборник: А.В. Арциховскому к 60-летию со дня рождения и 35-летию науч., пед. и обществ. деятельности. М.: Изд-во Московского ун-та, 1962. С. 308–318.
- Орешников А.В. Императорский Российский исторический музей имени императора Александра III.

- Описание памятников. Вып. 1. Русские монеты до 1547 г. М., 1896. XX, 232 с., 22 л. ил.: ил.
- Полное собрание русских летописей. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. М., 1897. 254 с.
- Тростянский О.В. Клад русских и золотоордынских монет конца XIV в. из села Ильинка // Нумизматический сборник. Т. XVII. М.: Гос. ист. музей, 2005. С. 152–160.
- Тростянский О.В. Монеты Великого княжества Нижегородско-Суздальского 1410–1431 гг. М.: Нумизматическая литература, 2009а. 178 с.
- Тростянский О.В. Периодизация монетных выпусков Нижегородско-Суздальского княжества (1383–1410) // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция: тез. докл. и сообщ. М.: Нумизматическая литература, 2009б. С. 131–132.
- Тростянский О.В., Тростянская О.В. Монеты нижегородско-суздальского князя Дмитрия Константиновича // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция: тез. докл. и сообщ. М.: Нумизматическая литература, 2009. С. 132–134.
- Федоров-Давыдов Г.А. Монеты Московской Руси (Москва в борьбе за независимое и централизованное государство). М.: Изд-во Московского ун-та, 1981. 222 с.
- Федоров-Давыдов Г.А. Монеты Нижегородского княжества. М.: Изд-во Московского ун-та, 1989. 253 с.
- Чертков А.Д. Описание древних русских монет. М.: Тип. С. Селивановского, 1834. XII, 225 с., 29 л. ил.
- Чижов С.И. Дроздовский клад русских денег времени вел. кн. Василия Дмитриевича Московского. Пг.: Рос. гос. акад. тип., 1922. 66 с., 7 л. ил.: ил.

TO STUDYING COINS OF THE GRAND PRINCIPALTY OF NIZHNY NOVGOROD-SUZDAL (late 14th – early 15th century AD)

Petr G. Gaidukov^{a, #}, Igor V. Grishin^{a, ##},
Andrey A. Kudryavtsev^{a, ###} and Evgeny M. Ushankov^{b, ####}

^aInstitute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

^bState Historical Museum, Moscow, Russia

[#]E-mail: russianchange@yandex.ru

^{##}E-mail: robert21@yandex.ru

^{###}E-mail: a-kudravtsev@yandex.ru

^{####}E-mail: ushankov.evgeny@yandex.ru

The article considers the results of years-long study in the coinage of the Nizhny Novgorod-Suzdal Principality of the late 14th – early 15th century AD (prior to the monetary reform of the early 1410s). About 17,500 coins were involved in the study, systematized and divided into four groups. The first group includes sovereign coinage from the period of independence of the Nizhny Novgorod-Suzdal Principality (5107 items), the second one includes monetary issues of Moscow governors after the annexation of Nizhny Novgorod to Moscow for the period of 1392–1410 (3074 coins), and the third one comprises anepigraphic coins of the late 14th – early 15th century AD, largely unidentified by issuer and place of their coinage (5427 coins). Bilateral imitations of Jochid dirhams (more than 3800 coins; some of which are associated with coins of the main groups due to common stamps) are not considered in the paper.

Keywords: Medieval Rus, Principality of Moscow, coinage, coin type and variant, denga, stamp, topography of finds, coin hoard.

REFERENCES

- Chertkov A.D., 1834. Opisanie drevnikh russkikh monet [Description of coins of Rus]. Moscow: Tipografiya S. Selivanovskogo. XII, 225 p., ill.
- Chizhov S.I., 1922. Drozdovskiy klad russkikh deneg vremeni velikogo knyazya Vasiliya Dmitrievicha Moskovskogo [Drozdovo hoard of Russian money from the time of Grand Prince Vasily Dmitrievich of Moscow]. Petrograd: Rossiyskaya gosudarstvennaya akademicheskaya tipografiya. 66 p., ill.
- Fedorov-Davydov G.A., 1981. Monety Moskovskoy Rusi (Moskva v bor'be za nezavisimoe i tsentralizovannoe gosudarstvo) [Coins of Muscovite Rus (Moscow in the struggle for an independent and centralized state)]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 222 p.
- Fedorov-Davydov G.A., 1989. Monety Nizhegorodskogo knyazhestva [Coins of the Nizhny Novgorod Principality]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 253 p.

- Gaydukov P.G., 2006. Russkie poludengi, chetverettsy i polushki [Russian half-kopecks and quarter-kopecks]. Moscow: Paleograf. 407 p.
- Gaydukov P.G., Grishin I.V., 2004. Saransk hoard of Russian coins of the 14th – early 15th century. *Dvenadtsataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya: tezisy dokladov i soobshcheniy* [Twelfth All-Russian numismatic conference: Abstracts of reports and communications]. Moscow, pp. 138–140. (In Russ.)
- Gaydukov P.G., Grishin I.V., 2009a. Money of His Highness Grand Prince Dmitry Ivanovich Donskoy. *Velikiy Novgorod i Srednevekovaya Rus': sbornik statey k 80-letiyu akademika V.L. Yanina* [Veliky Novgorod and Medieval Rus: Collected articles for the 80th anniversary of Academician V.L. Yanin]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 323–364. (In Russ.)
- Gaydukov P.G., Grishin I.V., 2009b. On the metrology of Moscow money during the reign of Vasily Dmitrievich. *Pyatnadsataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya: tezisy dokladov i soobshcheniy* [Fifteenth All-Russian numismatic conference: Abstracts of reports and communications]. Moscow, pp. 136–139. (In Russ.)
- Gaydukov P.G., Grishin I.V., 2017a. To studying coins of the Nizhny Novgorod-Suzdal Prince Dmitry Konstantinovich. *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya 2017 g.: pamyati T.Yu. Stukalovoy: materialy dokladov i soobshcheniy* [Numismatic Readings of the State Historical Museum 2017: In memory of T.Yu. Stukalova: Reports and messages]. Moscow: Vneshtorgizdat, pp. 174–181. (In Russ.)
- Gaydukov P.G., Grishin I.V., 2017b. About coins with the inscription “FEDOTOV STAMP”. *Srednevekovaya numizmatika Vostochnoy Evropy* [Medieval numismatics of Eastern Europe], 6. Moscow: Vneshtorgizdat, pp. 102–114. (In Russ.)
- Gaydukov P.G., Grishin I.V., 2018. On the study of early coins of the Nizhny Novgorod-Suzdal Prince Daniil Borisovich. *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya 2018 g.: k 100-letiyu Otdela numizmatiki Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya: materialy dokladov i soobshcheniy* [Numismatic Readings of the State Historical Museum 2018: To the 100th anniversary of the Numismatics Department of the State Historical Museum: Reports and communications]. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 154–164. (In Russ.)
- Gaydukov P.G., Grishin I.V., 2019. Coins of the Nizhny Novgorod-Suzdal Prince Boris Konstantinovich. *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya 2019 g.: k 90-letiyu A.S. Mel'nikovoy i 100-letiyu V.V. Uzdrenikova: materialy dokladov i soobshcheniy* [Numismatic Readings of the State Historical Museum 2019: To the 90th anniversary of A.S. Melnikova and the 100th anniversary of V.V. Uzdrenikov: Reports and communications]. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 159–169. (In Russ.)
- Gaydukov P.G., Grishin I.V., 2020. On the coins of Grand Prince Vasily I with the image of a centaur minted in the Nizhny Novgorod-Suzdal Principality. *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya 2020 g.: pamyati V.A. Durova: materialy dokladov i soobshcheniy* [Numismatic Readings of the State Historical Museum 2020: In memory of V.A. Durov: Reports and communications]. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 162–178. (In Russ.)
- Gaydukov P.G., Grishin I.V., 2021. One type of coins of Grand Prince Vasily I minted in the Nizhny Novgorod-Suzdal Principality. *Dvadsat' pervaya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya: tezisy dokladov i soobshcheniy* [Twenty-first All-Russian numismatic conference: Abstracts of reports and communications]. Tver': Tverskaya fabrika pechati, pp. 153–157. (In Russ.)
- Gaydukov P.G., Grishin I.V., 2022a. The group of coins of Grand Prince Vasily I depicting a warrior on both sides minted in the Nizhny Novgorod-Suzdal Principality. *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya 2022 g.: k 150-letiyu Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya: materialy dokladov i soobshcheniy* [Numismatic Readings of the State Historical Museum 2022: To the 150th anniversary of the State Historical Museum: Reports and communications]. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 164–181. (In Russ.)
- Gaydukov P.G., Grishin I.V., 2022b. The group of coins of Grand Prince Vasily I depicting a six-foil rosette minted in the Nizhny Novgorod-Suzdal Principality. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 268, pp. 292–309. (In Russ.)
- Gaydukov P.G., Grishin I.V., 2023a. Anonymous Grand Prince's coins depicting an ornamental lattice minted in the Nizhny Novgorod-Suzdal Principality under the rule of Moscow. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 272, pp. 123–132. (In Russ.)
- Gaydukov P.G., Grishin I.V., 2023b. Anepigraphic coins of the Nizhny Novgorod-Suzdal Principality depicting a man and a four-legged animal. *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya 2023 g.: k 100-letiyu N.D. Mets: materialy dokladov i soobshcheniy* [Numismatic Readings of the State Historical Museum 2023: To the 100th anniversary of N.D. Mets: Reports and communications]. Moscow, pp. 166–176. (In Russ.)
- Gaydukov P.G., Grishin I.V., 2023v. The coins of the Nizhny Novgorod-Suzdal Prince Vasily Dmitrievich Kirdyapa depicting a cross. *Rossiyskiy kongress po numizmatike (Moskva, 9–10 iyunya 2022 g.): sbornik materialov* [Russian Numismatic Congress (Moscow, 9–10 June, 2022): Proceedings]. Moscow: Nauka, pp. 111–119. (In Russ.)
- Gaydukov P.G., Grishin I.V., 2023g. Anepigraphic coins depicting a cross minted in the Nizhny Novgorod-Suzdal Principality at the beginning of the 15th century AD. *Dvadsat' vtoraya Vserossiyskaya numizmaticheskaya*

- konferentsiya: tezisy dokladov i soobshcheniy* [Twenty-second All-Russian numismatic conference: Abstracts of reports and communications]. Smolensk: Smolenskiy gosudarstvennyy muzey-zapovednik, pp. 172–181. (In Russ.)
- Gorskiy A.A., 2004. The fate of the Nizhny Novgorod and Suzdal principalities at the end of the 14th – mid-15th century. *Srednevekovaya Rus'* [Medieval Rus], 4. Moscow: Indrik, pp. 140–170. (In Russ.)
- Gorskiy A.A., 2010. Nizhny Novgorod. *Ot zemel' k velikim knyazheniyam: "primysly" russkikh knyazey vtoroy poloviny XIII–XV v.* [From lands to great principalities: "conceptions" of Russian princes of the second half of the 13th–15th century AD]. Moscow: Indrik, pp. 41–71. (In Russ.)
- Guletskiy D.V., Petrunin K.M., 2017. Russkie srednevekovye monety [Russian medieval coins]. Moscow. 660 p.
- Guletskiy D.V., Petrunin K.M., 2022. Russkie srednevekovye monety [Russian medieval coins]. 2nd edition. St. Petersburg. 675 p.
- Il'in A.A., 1940. Klassifikatsiya russkikh udel'nykh monet [Classification of Russian coins from apanage principalities], 1. Leningrad. 52 p.
- Kuchkin V.A., 1984. Formirovanie gosudarstvennoy territorii Severo-Vostochnoy Rusi v X–XIV vv. [Formation of the state territory of North-Eastern Rus in the 10th–14th centuries AD]. Moscow: Nauka. 350 p.
- Mets N.D., 1962. Some issues of systematization of the Suzdal-Nizhny Novgorod Principality coins. *Istoriko-arkheologicheskiy sbornik: A.V. Artsikhovskomu k 60-letiyu so dnya rozhdeniya i 35-letiyu nauchnoy, pedagogicheskoy i obshchestvennoy deyatel'nosti* [Historical and archaeological collection of articles: To A.V. Artsikhovsky on his 60th anniversary and the 35th anniversary of his scientific, pedagogical and social activity]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, pp. 308–318. (In Russ.)
- Oreshnikov A.V., 1896. Imperatorskiy Rossiyskiy istoricheskiy muzey imeni imperatora Aleksandra III. Opisanie pamyatnikov [Imperial Alexander III Russian Historical Museum. Description of monuments], 1. Russkie monety do 1547 g. [Russian coins before 1547]. Moscow. XX, 232 p., ill.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles], XI. Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu [Chronicle collection called the Patriarchal or Nikon's Chronicle]. Moscow, 1897. 254 p.
- Trost'yanskiy O.V., 2005. The hoard of Russian and Golden Horde coins of the late 14th century AD from the village of Ilyinka. *Numizmaticheskiiy sbornik* [Numismatic collection of papers], XVII. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 152–160. (In Russ.)
- Trost'yanskiy O.V., 2009a. Monety Velikogo knyazhestva Nizhegorodsko-Suzdal'skogo 1410–1431 gg. [Coins of the Grand Principality of Nizhny Novgorod-Suzdal from 1410–1431]. Moscow: Numizmaticheskaya literatura. 178 p.
- Trost'yanskiy O.V., 2009b. Periodization of coin issues of the Nizhny Novgorod-Suzdal Principality (1383–1410). *Pyatnadtsataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya: tezisy dokladov i soobshcheniy* [Fifteenth All-Russian numismatic conference: Reports and communications]. Moscow: Numizmaticheskaya literatura, pp. 131–132. (In Russ.)
- Trost'yanskiy O.V., Trost'yanskaya O.V., 2009. Coins of the Nizhny Novgorod-Suzdal Prince Dmitry Konstantinovich. *Pyatnadtsataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya: tezisy dokladov i soobshcheniy* [Fifteenth All-Russian numismatic conference: Reports and messages]. Moscow: Numizmaticheskaya literatura, pp. 132–134. (In Russ.)

ЖЕНСКИЙ ПОЯС ИЗ КУРГАНА 12 БЕЛОРЕЧЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА

© 2024 г. А. Н. Теплякова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: teplyakova@hermitage.ru

Поступила в редакцию 11.04.2023 г.

После доработки 11.04.2023 г.

Принята к публикации 13.06.2023 г.

Статья посвящена поясу и серебряному поясному набору из женского погребения 12 кургана Белореченского могильника (1896 г., раскопки Н.И. Веселовского) в собрании Государственного Эрмитажа. В среднем течении р. Кубани, в районе современных городов Майкопа и Белореченска, в Средневековье располагалось владение адыгов Кремук. Пояс происходит из одного из самых богатых женских погребений, вероятно, знатной черкесской женщины. Погребение датируется не ранее второй трети XV – началом XVI в. Это женский пояс, в нем отсутствуют детали, характерные для мужских воинских поясов – фурнитура, необходимая для крепления оружия. Нельзя исключать, что он был собран из разных частей: бляшки – один комплекс, наконечник и пряжка – другой. Местом производства пояса, как серебряной фурнитуры, так и тесьмы, можно определить Причерноморье. Ткани кушака могут быть как импортные, так и произведенные в мастерских Северного Причерноморья.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Белореченский могильник, поясной набор, тесьма, шелк.

DOI: 10.31857/S0869606323040190, EDN: ZWBQJP

Шелковый кушак и серебряный поясной набор, прикрепленный на широкую шелковую тесьму, происходят из коллекции Белореченских курганов, хранящейся в Государственном Эрмитаже (рис. 1, 2. ГЭ, инв. № ТБ-306). Размеры фрагментов кушака: 1) 34.5×14 ; 2) 38×12.5 ; 43×7.5 см. Размеры фрагментов поясного набора на тесьме: 1) длина 43 см; 2) длина 52.6 см; 3) длина 47.5 см. Размеры наконечника – 9.3×2.4 см., ширина тесьмы – 2.5 см.

В отчете Императорской археологической комиссии указано следующее: “[Верхний] кафтан был на подкладке и подпоясан широкой шелковой лентой, к которой прикреплены перемежающиеся четырехугольные тонкие серебряные и вызолоченные бляхи троякого вида, а именно: 1) с гладким растительным орнаментом, 2) с сеткообразным выпуклым кругом по середине и 3) с рельефным изображением воина, вооруженного копьем и круглым щитом. Из двух продолговатых пластин-язычков, которыми оканчивается этот пояс, одна (с овальной пряжкой), сзади совершенно гладкая, на лицевой стороне украшена цветочным орнаментом и 4-мя ажурными звездочками,

а другая, к концу которой приделана продолговатая, украшенная кружками, головка с круглым выпуклым красным стеклом посередине, с лицевой стороны представляет также растительный орнамент, но с 3-мя ажурными звездочками, обратная же сторона ее покрыта грубо вырезанной арабской надписью, состоящей, кажется, из повторения имени Аллаха” (ОАК, 1898 г. С. 39).

Белореченские курганы располагались в среднем течении р. Кубани, близ города Белореченска, исследовались проф. Николаем Ивановичем Веселовским в 1896, 1897, 1906 и 1907 гг. Всего было исследовано 84 кургана, которые дали самый богатый материал XIV–XVI вв. на территории Северного Кавказа (ОАК, 1898. С. 2–53; 1900. С. 17–20; 1909. С. 95–100; 1910. С. 85–88; Левашева, 1953. С. 165–213).

Северный Кавказ и Крым в середине XIII в. вошли в состав Улуса Джучи (Золотой Орды), оказавшись включенными в “имперскую культуру Монгольской империи” (Горелик, 2010. С. 207). В среднем течении р. Кубани, в районе современных городов Майкопа и Белореченска, в XIV–XV вв. располагалось владение

Рис. 1. Поясной набор на тесьме. Государственный Эрмитаж, инв. № ТБ-306. 1 – общий вид. 2–4 – поясные бляшки на тесьме.

Fig. 1. Belt set on a braid. The State Hermitage Museum, inv. no. TB-306. 1 – general view. 2–4 – belt plaques on the braid

Рис. 2. Фрагменты кушака: 1 — полосатая ткань полотняного переплетения; 2–3 — атласная ткань без узора.

Fig. 2. Sash fragments: 1 — striped plain weave fabric; 2–3 — satin fabric without a pattern

адыгов Кремук (Милорадович, 1954. С. 351; Крамаровский, 2002. С. 51; Кагазежев, 2011. С. 55–59). Об этой области писал венецианский дипломат и государственный деятель Иосафат Барбаро, в 1436–1452 гг. проживавший в Тане (1971. С. 153). Католический монах генуэзец Джорджио Интериано во второй половине XV в.

упоминает Кромук (1974. С. 47), топоним Кремук указан на “Карте мира” венецианского монаха Фра Мауро и венецианского картографа Андреа Бьянко в 1459 (Хотко, 2014. С. 96–101), на карте России 1548 г. работы венецианского инженера и картографа Джакомо Гастальди (Кузнецов, 2001. С. 128–130; Волков, 2003.

С. 224–260; Голубев, 2003. С. 262–270), упоминается Кемрюк и в османских источниках (Зайцев, 2014, С. 95, 96).

Белореченск и Майкоп располагаются у перевала через кавказский хребет и на пути из Маджар в Матрегу (Тамань) и другие генуэзские фактории, но одним из крупных торговых центров вблизи княжества была Тана, находящаяся в 260 км по прямой, как отметил Иосафат Барбаро Кремуки от Таны находился в трех днях “пути вглубь от побережья” (1971. С. 153).

Пояс происходит из 12 кургана 1896 г. раскопок. В этом кургане было обнаружено одно из самых богатых женских захоронений (ОАК, 1898 г. С. 37–41). Это погребение, вероятно, знатной черкесской женщины, на что указывает серебряное навершие от конусовидного головного убора с полумесяцем наверху (Золотая Орда и Причерноморье, 2019. С. 310). Подобные навершия были обнаружены еще в курганах № 20 (ГИМ, инв. № 37258/1076. Оп.В. 2229/67) и № 45 (ГЭ, инв. № ТБ-540 (Подарок созерцающим, 2015. С. 332, 333. Кат. № 167)). Примечательно погребение наличием монетных находок — всего три, и они были найдены только в этом кургане. Младшая из монет относится ко 2-й трети XV в., времени правления Сеида Ахмета I, 1432–1459 гг. (ГЭ, инв. № ТБ-307–309 (Крамаровский, 2012. С. 382)), дающих дату захоронения не ранее второй трети XV в. Однако группа европейских (возможно, изготовленных в Северной Европе) стеклянных пуговиц в серебряной оправе, имитирующих жемчуг, датируется XV — началом XVI в. (ГЭ, инв. № ТБ-310–317 (Золотая Орда и Причерноморье, 2019. С. 310. Кат. № 231)). Таким образом, погребение может быть датировано второй третью XV — началом XVI в.

Курган дал достаточно богатый материал: помимо навершия головного убора сохранились золотые украшения, серебряные пуговицы и ткани. Верхний кафтан был пошит из узорного, богато затканного металлической нитью шелка. Густо заполненное поле с мелкими мотивами, объединяющимися в цветочные побеги без медальонов весьма необычно, несмотря на использование популярного для западной Европы мотива граната, что составляет определенную сложность в атрибуции (Крамаровский, Теплякова 2009. С. 461–472;

Теплякова, 2019. С. 213–224). По техническим деталям шелк близок группе лампасов из различных курганов Белореченского могильника с разными орнаментальными мотивами, что по совокупности позволяет определить их в условно “мамлюкскую” группу изделий (шелка, изготовленные в сиро-египетских мастерских XIV–XV вв.)¹.

Целиком пояс не был опубликован, есть воспроизведение отдельных бляшек и концевых пластин в отчете Императорской археологической комиссии (ОАК, 1898. С. 38. Рис. 204–206), а также в статье М.Г. Крамаровского. Он определил наконечник поясного набора в “латинскую” группу художественного металла: *“Латинская основа Белореченских поясных украшений особенно остро ощущается в формах поясных наконечников. Завершение фигурным выступом, соединенным с туловом узким перешейком, — один из характерных признаков наконечников поясов, получивших широкое распространение в европейском ремесле высокого и позднего средневековья... К готическим элементам декора относятся углубления с очертаниями сложной формы”* (1985. С. 157). Бляшки в этой классификации относятся к “греческой” группе, подгруппе причерноморских изделий, находящихся на стыке “греческой” и “малоазиатской” групп (Крамаровский, 1985. С. 170. Табл. XI. 9–11; 2001. С. 140).

Бляшки с изображением святого (рис. 1, 2, 3). В византийской нумизматике и сфрагистике наибольшее распространение получают образы святых воинов Георгия, Дмитрия и Феодора (Шандровская, 1994. С. 71). В мелкой пластике, в частности в изображениях на молибдовулах, присутствует ясная иконография образов святых: Георгий — юный, безбородый, круглолицый с шапкой курчавых волос; Дмитрий — юный, безбородый, с овальным лицом и короткой прической; Феодор — с узким лицом и клинообразной бородкой (Шандровская, 1994. С. 76). Такая же тенденция сохраняется и на других памятниках византийского круга в Северном Причерноморье, выполненных

¹ По этой теме был сделан доклад на заседании отдела Востока Государственного Эрмитажа 02.03.2022: “Группа тканей типа лампас из Белореченского могильника. Доклад на заседании отдела Востока”. Материалы готовятся к публикации.

в различных техниках и разного уровня мастерства: примером тому может служить икона из сланца с изображением свв. Георгия и Дмитрия в полный рост конца XI — начала XII в. из раскопок в Херсонесе (ГЭ, инв. № X-103), стеатитовая иконка с изображением св. Георгия на коне XIII в. (ГЭ, инв. № w-347 (Залесская, 2005. С. 29–35. Рис. 7; Подарок созерцающим, 2015. С. 271. Кат. № 134)), серебряная наградная иконка с изображениями свв. Федора Стратилата и Георгия в рост из клада в Долище, Болгария, конца XIII — начала XIV в. (Варна, Региональный музей, инв. № IV 3940. Крамаровский, 2012. С. 259. Ил. 66, 67), круглая серебряная иконка с поясным изображением св. Георгия на одной из сторон из того же клада (Павлова, 2007. С. 52) и фрагмент бронзовой обкладки иконы с поясным изображением святого из золотоордынской коллекции Государственного Эрмитажа (ГЭ, инв. № 30-789).

На бляшках пояса из 12 Белореченского кургана просматривается поясное изображение безбородого юноши с круглым лицом, шапкой волос, закрывающей уши, в плаще, с копьем и круглым щитом. По всем иконографическим признакам изображен св. Георгий, но в надписи просматриваются буквы “ТР” справа от фигуры, что позволило исследователям видеть в нем св. Дмитрия (Крамаровский, 1985. С. 170).

Бляшки с кабошонами (рис. 1, 3, 4). Определенный интерес представляют бляшки с кабошонами, т.е. выпуклой полусферической серединой. В поясных наборах, найденных на территории Северного Кавказа, довольно регулярно встречаются различные фигурные бляшки с гладкой и орнаментированной выпуклой серединой, это примеры из Белореченских курганов, из Майкопских курганов и случайных сборов на Северном Кавказе (ГЭ, инв. № Куб-128, 894; ТБ-1-25, 48, 93, 611, 612; ГИМ, инв. № 37258/715; Фонд Марджани, инв. № ИМ/М-54 (1-17)).

Внешне сходный, но конструктивно иной тип бляшек с выпуклой серединой — бляшки-заклепки. Такой тип встречен в поясных гарнитурах не только с Северного Кавказа (ГЭ, инв. № Куб-395-400, Фонд Марджани, инв. № ИМ/М-54 (1-17)), но и, вероятно, с Урала (поясной набор из села Губдор Соликамского р-на Пермского края, Фонд Марджани, инв.

№ ИМ/М-421 (Золотая Орда и Причерноморье, 2019. Кат. № 79²)).

Бляшки гарнитуры пояса из 12 Белореченского кургана имеют декоративный характер, выполнены из тонкого серебряного листа и прикрепляются к поясу посредством шпеньков. Декоративное оформление кабошонов этих бляшек близко декору изделий византийского круга, в частности окладов икон. Особенно сходны выпуклые диски с плетенкой из оклада иконы “Св. Георгий” из монастыря Ватопед, Греция (Цигаридас, Ловерду-Цигарида, 2016. С. 381, рис. 364). Существуют различные примеры, когда детали окладов совпадают с орнаментами украшений из северокавказских могильников. Так, для изготовления накладных пластин (ГЭ, инв. № Оп.ОВ. 38/111-115 (Золотая Орда и Причерноморье, 2019. С. 237. Кат. № 140)) и оклада иконы Богоматери Млекопитательницы конца XIV — начала XV в. из Новодевичьего монастыря (ГИКМЗ “Московский Кремль”, инв. № Ж-1760/1-2 (Золотая Орда, 2005. С. 16, 17, Кат. № 530)) был использован штамп с картушем, в котором вырезано слово “Аллах”. Сходная форма использована для изготовления обоймицы из 8 Белореченского кургана (ГЭ, инв. № ТБ-139 (Сокровища Золотой Орды, 2000. С. 250, 251. Кат. № 141)) и поясного наконечника из 43 Белореченского кургана (ГИМ, инв. № 37258/543, Оп. В 337/543 (Левашева, 1953. Рис. 11.5)).

Наконечник (рис. 3, 1, 2). Согласно типологии, предложенной М.Г. Крамаровским, наконечник относится к условной латинской группе. В своей публикации автор привел 9 наконечников, сейчас можно несколько расширить эту группу до 17. Это длинные, достаточно узкие наконечники с фигурным завершением на тонкой перемычке. Завершение может быть каплевидным или в форме трилистника. Все примеры найдены в районе Причерноморья (Белореченские курганы, раскопки 1896 г., раскопки в Кубанской обл. 1870 г., курганы в дер. Береговая у Геленджика, раскопки К.К. Мерса 1910 г., сборы А.А. Миллера в селе Ново-Михайловское Туапсинского округа в 1907 г., Симферопольский клад в Крыму, находка до 1965 г.). Они разные по размерам, материалу, технике и качеству

² Опубликован не полностью.

Рис. 3. Детали поясного набора: 1, 2 – наконечник; 3 – пряжка.

Fig. 3. Belt set details: 1, 2 – tip; 3 – buckle

исполнения (таблица). Можно выделить несколько групп. В первую группу (группа I-1 в таблице) можно определить четыре наконечника, по манере исполнения позволяющими относить их к европейскому изготовлению или же сохраняющими сильное западное влияние, но изготовленными в причерноморских или восточно-средиземноморских мастерских. Это серебряные наконечники, зачастую с сохранившейся позолотой. Изготовлены из двух или трех литых пластин, соединенных вместе как “сэндвич”, каждая дополнительно орнаментирована или в технике гравировки, или в одном случае — цветными эмалями (таблица, 9). Каплевидные навершия также орнаментированы, в одном случае навершие оформлено в виде человеческого лица (таблица, 2). Край у ремешка фигурный. Наконечники близки между собой по размерам — ширина в месте крепления ремня во всех случаях около 1.7 см, длина колеблется от 9 до 11 см.

Другая группа серебряных наконечников с менее искусным орнаментом включает в себя восемь примеров (группа I-2, таблица, 3, 4, 6–8, 12, 14, 15). Ее можно отнести к местным подражаниям. Один пример наконечника этой группы показывает пример техники изготовления подобных наконечников (таблица, 14): наконечник состоит из трех пластин — лицевая и внутренняя позолоченные, оборотная — без позолоты, и боковой узкой полосы. Лицевая пластина, по всей вероятности, литая, остальные — кованые. Каждая из пластинок имеет свой гравированный орнамент. Ремень зажимается с одного конца между двумя пластинами посредством двух шпеньков. Так же, как и в первой группе, наконечник мог состоять только из двух пластин — лицевой и оборотной. Гравированный или чеканный орнамент представляет собой довольно простые геометрические изображения: точки, зигзаги, завитки и иногда попытки скопировать более сложные композиции из “оригинальных” изделий. Навершия, как правило, каплевидные, часто с орнаментальными насечками (имитация личин?) (таблица, 6, 7, 12), в одном случае каплевидное навершие трансформировалось в трехчастное (таблица, 3). Край у ремешка простой (таблица, 3, 8, 12, 15) или фигурный (таблица, 4, 6, 7, 14). Ширина наконечников варьирует от 0.8–0.9 см (три примера) до условно стандартного 1.5–1.7 см, узкие

наконечники имеют длину около 4 см, стандартные — чаще 6–7 см, но сохранился пример длинного — 9.2 см — наконечника.

В третью группу можно поместить три литых наконечника (один серебряный, два бронзовых (группа I-3, таблица, 5, 16, 17). Навершие наконечника фигурное (в одном случае оно утрачено), угадываются контуры трилистника, край у ремешка прямой. Лицевая сторона украшена литым орнаментом: поле наконечника разделено пополам пояском, от которого к ремешку и к навершию отходят симметричные композиции в виде треугольника, оканчивающегося округлыми фигурами. Возможно, это изображение является стилизацией изображений светильников, но во всех случаях этот мотив не оригинален, является повтором с некоего прототипа, хотя он лучше проработан на наконечнике из Государственного Исторического Музея (таблица, 5), в двух других, бронзовых, является, очевидно, копией с копии.

Наконечник пояса из 12 Белореченского кургана находится между двумя группами I-1 и I-2. Он богато орнаментирован, каплевидное навершие некогда имело вставку с камнем, край у ремешка сохранился фрагментарно, но, вероятно, был фигурным. Собран наконечник из трех пластин: лицевая — литая, с последующей доработкой гравером, оборотная и внутренняя — кованые, также с гравировкой. Лицевая пластина с прорезными квадрифолиями украшена растительными побегами. Орнамент на внутренней пластинке в виде четырехлистников выполнен небрежно, по месту расположения прорезей на лицевой пластине, на оборотной пластине — также довольно небрежно многократно процарапанная надпись “Аллах”³. Именно небрежность исполнения не позволяет в полной мере отнести этот наконечник в группу I-1.

³ По качеству исполнения пока сложно сказать, была ли она выполнена сразу при изготовлении наконечника или же добавлена позднее. Тем не менее для инвентаря Белореченского могильника изделия с арабскими надписями не редки, как правило это надпись “Аллах” или цитаты из Корана. ГЭ, инв. № ТБ-132,138,139,174,475,478. (Сокровища, 2000. С. 250, 251. Кат. № 141; Подарок созерцающим, 2015. С. 336. Кат. № 170; Золотая Орда и Причерноморье, 2019. С. 292, 293, 299, 388–390. Кат. № 214, 215, 224, 298).

Наконечники с фигурными навершиями из археологических памятников Северного Кавказа и Крыма
 Tips with figured tops from the archaeological sites of the North Caucasus and the Crimea

№ п/п	Музей, инв. №	№ группы	Ширина, см	Длина, см	Место находки	Публикации
1	ГЭ, ТБ-306	I-1	2.4	9.3	Белореченский могильник, 1896 г.	ОАК, 1898. С. 38. Рис. 206 Крамаровский, 1985. Табл II, 4
2	ГИМ, 37258/977	I-1	1.7	10.8	Белореченский могильник, 1896 г.	ОАК, 1898. С. 7. Рис. 48; Левашева, 1953. Рис. 8.34; Крамаровский, 1985. Табл II, 1
3	ГИМ, 37258/713	I-2	Ок. 1.2	ок. 6	Белореченский могильник, 1896 г.	ОАК, 1898. С. 7. Рис. 46; Левашева, 1953. Рис. 8.30; Крамаровский, 1985. Табл II, 2
4	ГИМ, 37258/634	I-2	Ок. 0.7-0.8	4.5	Белореченский могильник, 1896 г.	ОАК, 1898. С. 27. Рис. 142; Крамаровский, 1985. Табл II, 3
5	ГИМ, 37258/869	I-3	Ок. 1.5	5 (обломан)	Белореченский могильник, 1896 г.	ОАК, 1898. С. 7. Рис. 49; Левашева, 1953. Рис. 8.33
6	ГИМ, 37258/870	I-2	Ок. 0.9	3.7	Белореченский могильник, 1896 г.	Левашева, 1953. Рис. 8.28 (?)
7	ГИМ, 37258/871	I-2	Ок. 0.9	4.2	Белореченский могильник, 1896 г.	
8	ГИМ, 37258/538	I-2	Ок. 1.7	7.2	Белореченский могильник, 1896 г.	Левашева, 1953 Рис. 8.27 (?)
9	ГИМ, 99264/232	I-1	1.7	9.5	Симферопольский клад	Сокровища, 2000. Кат. № 565–595
10	ГИМ, 99264/108	II	2.2	5.3	Симферопольский клад	Крамаровский, 1985. Табл II, 10; Сокровища, 2000. Кат. № 517–526; Золотая Орда и Причерноморье, 2019. Кат. № 318
11	ГЭ, Ку6-1035	I-1	Ок. 1.6-1.7	10.2	Белореченский могильник, 1896 г.	Крамаровский, 1985. Табл II, 5
12	ГЭ, ТБ-206	I-2	1.5	5.5	Белореченский могильник, 1896 г.	ОАК, 1898. С. 34. Рис. 190; Крамаровский, 1985. Табл II, 7
13	ГЭ, ТБ-383	I-1	1.6	8.8 (обломан)	Белореченский могильник, 1896 г.	Крамаровский, 1985. Табл II, 6; Золотая Орда и Причерноморье 2019. Кат. № 217
14	ГЭ, СК-1	I-2	1.8	9.2	Северный Кавказ	
15	ГЭ, СК-565	I-2	1.5	6.8	Северный Кавказ	
16	ГЭ, ЧМ-457	I-3	1.3	6	Геленджик. Д. Береговая. Раскопки К.К. Мерса, курган 45, 1910 г.	

Окончание

17	ГЭ, ЧМ-454	I-3	1.2	5.5	Геленджик. Д. Береговая. Раскопки К.К. Мерса, курган 45, 1910 г.	
18	ГЭ, СК-464	II	2	6.5	Северный Кавказ	
19	Фонд Марджани, ИМ/М-54	II	2	5	Северный Кавказ	Подарок созерцающим, 2015. Кат. № 172; Золотая Орда и Причерноморье, 2019. Кат. № 297
20	ГЭ, ТБ-140	II	1.2	3.4	Белореченский могильник, 1896 г.	
21	ГЭ, ТБ-439	II	1.5	4.5	Белореченский могильник, 1896 г.	Золотая Орда и Причерноморье, 2019. Кат. № 223
22	ГЭ, ТБ-475	II	2.2	5	Белореченский могильник, 1896 г.	ОАК, 1898. С. 22. Рис. 105; Подарок созерцающим, 2015. Кат. № 178; Золотая Орда и Причерноморье, 2019. Кат. № 224
23	ГЭ, ТБ-2	III	ок. 3.0	10.0	Белореченский могильник, 1896 г.	ОАК, 1898. С. 17. Рис. 87; Крамаровский, 1985. Табл. VII; Сокровища, 2000. Кат. № 93; Золотая Орда, 2005. Кат. № 68; Золотая Орда, 2019. Кат. № 296
24	ГЭ, ТБ-409	III	2.8	13.6	Белореченский могильник, 1896 г.	ОАК, 1898. С. 31. Рис. 175; Золотая Орда и Причерноморье, 2019. Кат. № 219
25	ГЭ, ЧМ-1398	III	1.5	5.7	Туапсинский округ. Село Ново- Михайловское. Сбор А.А. Миллера, 1907 г.	
26	ГЭ, Куб-106	III	1.4	7.4	Кубанская область. Раскопки в Покровской колонии имения Сумароков- Эльстон, 1870 г.	
27	ГИМ, 37258/496	III	ок. 1.5	5.9	Белореченский могильник, 1896 г.	ОАК, 1898. С. 7. Рис. 50 Левашева, 1953. Рис. 8.32
28	ГЭ, ЧМ-1390	III	0.8	3.5	Туапсинский округ. Село Ново- Михайловское. Сбор А.А. Миллера, 1907 г.	
29	ГЭ, ЧМ-1391	III	0.8	3.8	Туапсинский округ. Село Ново- Михайловское. Сбор А.А. Миллера, 1907 г.	

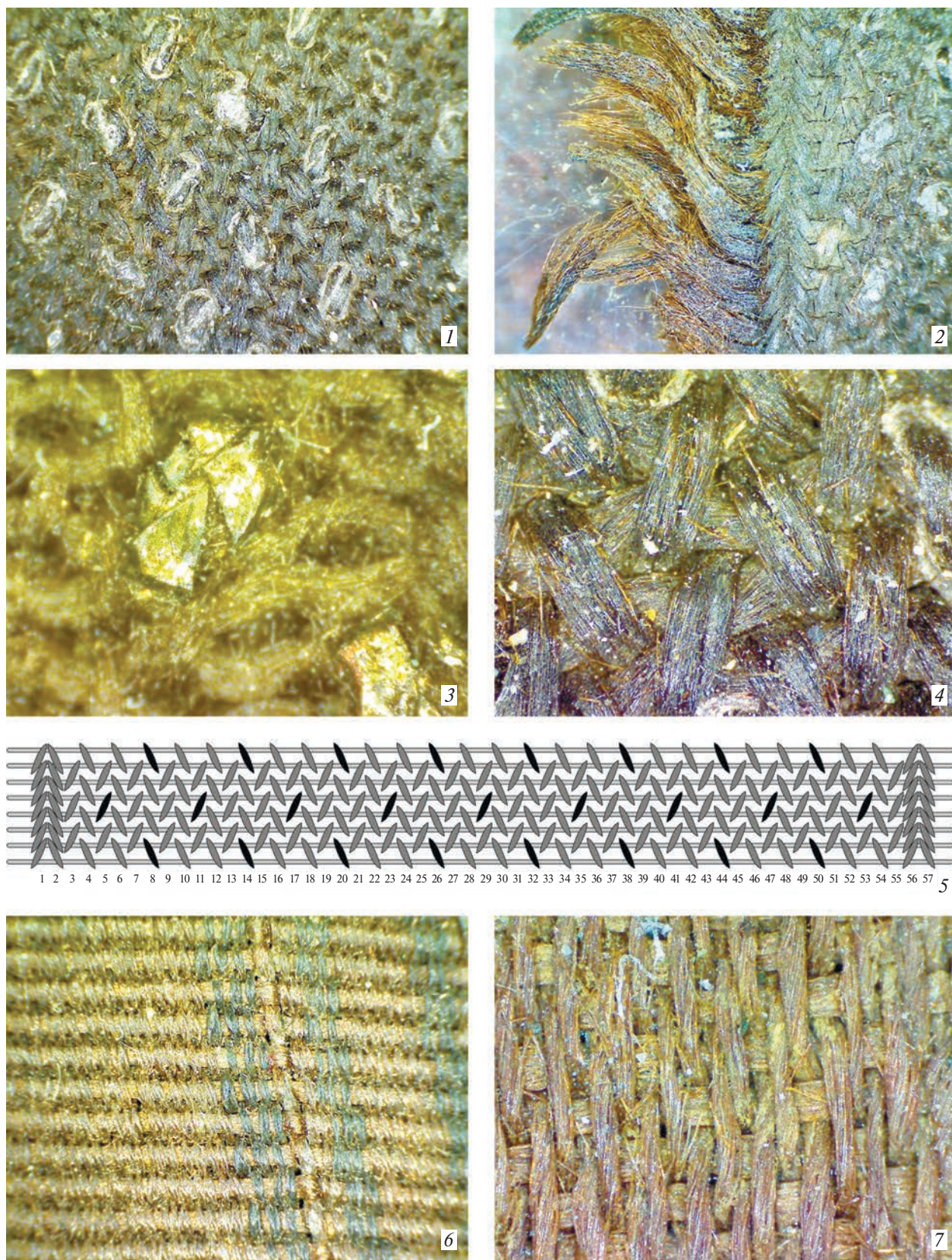

Рис. 4. Детали пояса: 1–4 – тесьма; 5 – схема переплетения тесьмы; 6 – ткань кушака полотняного переплетения; 7 – ткань кушака атласного переплетения.

Fig. 4. Belt details: 1–4 – braid; 5 – braid weaving pattern; 6 – plain weave sash fabric; 7 – satin weave sash fabric

Отмечу, что с фигурным навершием в северо-кавказских и северо-причерноморских памятниках встречается другой тип наконечников — короткие и условно широкие, с завершениями двух типов: трилистники на тонкой перемычке и трилистники на толстом основании (таблица, группа II). Последние близки по исполнению к малоазийской группе по классификации М.Г. Крамаровского (таблица, группа III) (Крамаровский, 1985. Табл. VI. 2,4,6. Табл. VII, 23. Табл. X, 1-2).

Пряжка (рис. 3, 3). Пряжка сохранилась лучше наконечника, однако, вероятно, рамка была переделана позднее. Лицевая пластинка имеет декор, аналогичный оформлению наконечника: три прорезных квадрифолия и четвертая прорезь у края с ремешком — шестилопастная. Декор дополнен гравированными цветочными побегами и пояском “меандра” по периметру пластины. Край у ремешка фигурный. Рамка пряжки простая, язычок утрачен. И наконечник, и пряжка имеют “готический” элемент — прорезные квадрифолии. Этот элемент не является исключительно западным мотивом: квадрифолиями украшен золотой наконечник, найденный в Булгарах (Крамаровский, 1985. С. 171. Табл. XII. 1,7), и бортики серебряного подноса, найденного около города Сургут в среднем течении р. Обь, выполненного, по всей вероятности, в Северной Сирии или Юго-Восточной Анатолии (Во дворцах и в шатрах, 2008. С. 40, 41. Кат. № 22).

Тесьма (рис. 4, 1–5). Общая длина фрагментов пояса составляет около 143 см, ширина 2,5, т.е., вероятно, это был довольно длинный пояс. Так хорошо сохранившиеся “готические” пояса в Причерноморье и на Кавказе имеют длину около 2 м. Самым показательным примером таких находок служит пояс с венецианскими или сиенскими эмалями (Крамаровский, 2012. С. 97, 98), в начале XX в. хранившийся как реликвия семьи Николая Мингрельского в Сванетии (Грузия), ныне в коллекции Музея искусств Кливленда (CMA, inv.no 1930.742). Его длина составляет 236 см. Однако помимо западной традиции богатых поясов в Причерноморье с середины XIV в. существовала и сельджукская традиция, пришедшая с выходцами из Малой Азии (Крамаровский, 2012. С. 97), и, следует отметить, что сельджукские пояса

также достаточно длинные (Золотая Орда и Причерноморье, 2019. С. 384, 385, 388–393. Кат. № 296, 298, 299).

Тесьма пояса из 12 кургана Белореченского могильника сохранилась удовлетворительно, выполнена она в технике ткачества на дощечках⁴. Для изготовления этой тесьмы было использовано около 57 дощечек, по всей вероятности, с тремя отверстиями. На это указывает чередование простых шелковых нитей и серебряной нити в одном вертикальном ряду в соотношении 2:1 (рис. 4, 5). На каждую нить основы приходится два прохода утка. Края тесьмы отделаны бахромой из нитей утка, но сохранилась бахрома не везде, вероятно, она была утрачена в процессе бытования или не везде была предусмотрена в процессе ткачества. Нити основы сдвоенные, каждая монопить имеет слабую s-крутку или же без крутки, изготовлена из шелка, сейчас коричневого цвета, первоначально, вероятно, красного. Особенностью этого пояса является введение серебряной нити. Она сдвоенная, каждая монопить — комбинированная, состоит из шелкового сердечника (без крутки, коричневый), на который накручена s-круткой полоска серебра (вероятно, с позолотой). Судя по сохранившимся нитям, накручена довольно плотно. Нити утка шелковые, без видимой крутки, также коричневатого цвета.

Техника тканья на дощечках весьма распространена как техника для изготовления узких поясов и лент повсеместно во многих культурах, самые ранние бесспорные образцы относятся к VI в. до н.э. Также сохранилось множество примеров изделий раннего средневековья в Европе (Collingwood, 1996. Р. 12–18). Ткачество на дощечках — самый распространенный тип изготовления основы для поясов из археологических

⁴ Ткачество на дощечках — техника ткачества, характеризующаяся использованием дощечек — плоских пластинок — для образования зева в нитях основы для прохождения утка. Дощечки изготавливают из жесткого материала, чаще всего квадратной формы, но встречаются также как треугольники, так и шести-, и восьмиугольники. В каждом углу дощечки располагается отверстие, через которое пропускают нить основы. Дощечки располагаются в ряд, близко друг к другу. Один конец нитей основы крепится к неподвижному объекту. Плетение образуется за счет поворота дощечек по часовой или против часовой стрелки, в образующийся зев между нитями основы проходит нить утка. Комбинации поворотов позволяют создавать узор в изделии (Collingwood, 1996. Р. 10).

памятников XIV–XVI вв. на Северном Кавказе (курганы у станицы Ярославской, 1895 г., Белореченский могильник, 1896 г.; курганы у Геленджика, 1911 г. ГЭ, инв. № Куб-738; ТБ-93, 133, 138, 471, 546, 552, 581, 614; ЧМ-565. ГИМ, инв. № 175, 498–500, 563, 712, 716) и в Крыму (Мангупское городище, 2005 г. Центральный музей Тавриды, Симферополь, инв. № КП-56818–56833, А-31556–31571 (Золотая Орда и Причерноморье, 2019. С. 391–393. Кат. № 299)). Однако также сохранились примеры тесьмы и лент, изготовленных на ткацких станках, следует отметить, что некоторые из них использовались не в качестве основы для пояса, а для других деталей гардероба, например, в обувной застежке (ГЭ, инв. № ТБ-272 (ОАК, 1898. С. 38. Рис. 209)). Третий тип основы для поясов – кожа. По всей вероятности, это была более практичная и менее дорогая основа, встречается в причерноморских захоронениях с менее люксовым инвентарем (Геленджик, раскопки К.К. Мерса, 1909 г.; “Тонкий мыс”, раскопки К.К. Мерса, 1910 г.; д. Береговая, раскопки К.К. Мерса, 1910 г., ГЭ, инв. № ЧМ-85, 191, 427, 486). Один исключительный пример пояса имел две основы, притом кожа использовалась как дополнительная, изначально бляшки на шпеньках крепились к другой, вероятно, тканой основе, а затем тканая основа пришивалась к кожаной (об этом свидетельствуют следы вдавленности на коже от шпенок и две строки проколов по верху и низу кожаных полос) (ГЭ, инв. № Куб-378–407)⁵.

Выделяет тесьму пояса из 12 кургана Белореченского могильника из всего ряда изделий, выполненных в технике ткачества на дощечках, введение серебряной нити. В коллекции Государственного Эрмитажа хранятся несколько образцов тесьмы в технике ткачества на дощечках, с бахромой и металлической нитью, идентичные тесьме пояса из 12 кургана Белореченского могильника. К сожалению, эти примеры беспаспортные, нельзя исключать, что это также фрагменты от исследуемого пояса (ГЭ, инв. № Оп. ОВ 39/ 37, 38)⁶. Другие примеры тесьмы, выполненной на дощечках с введением

металлической нити, в памятниках Северного Кавказа и Северного Причерноморья в музейных коллекциях пока встречены не были.

Комбинированная металлическая нить⁷ в Северном Причерноморье встречается как в рукоделии (вышивка, плетеные изделия), так и в шелковых узорных тканях со сложным орнаментом⁸. В проанализированных материалах этого региона комбинированные нити бывают двух типов, принципиальное различие которых заключается в разных крутках и степени намотки металлической полосы на сердечник. В первом типе комбинированной нити широкие полосы металла накручены плотно на шелковый сердечник s-круткой. Во втором типе полоска накручена на шелковый сердечник z-круткой. Как правило, она покрывает примерно половину площади шелковой нити или же неравномерно распределена по ней, но есть исключительные примеры с полным покрытием. Второй тип встречается только в тканях, имеет аккомпанирующий уток, в узоре чередуется с шелковым утком в соотношении 1:1 или 1:2, выполняющим ту же функцию. Первый тип встречен и в тканях (но значительно реже, чем второй тип), и в рукоделии. Нить на тесьме из 12 кургана Белореченского могильника относится к первому типу (рис. 4, 1, 3). Сравнение и анализ известных датированных и атрибутированных образцов показали, что нить первого типа характерна для тканей Италии не ранее второй четверти XV в. и Турции середины XV–XVI вв. (Теплякова, 2022. С. 63–66). Сырьем торговали, притом как шелком-сырцом, так и готовыми и окрашенными нитями, это же касается и торговли металлическими нитями. Хотя письменные источники довольно скудны и не отмечают на рынках Северного Причерноморья торговлю золотыми и серебряными нитями, ближайшим крупным торговым центром был Константинополь – Стамбул, откуда сырье в виде

⁷ То есть выполненная из различных материалов, например, сочетания полосы серебра и шелкового сердечника.

⁸ Этой теме был посвящен ряд докладов: доклад “Oro e argento filato in tesse e tessuti” В.Г. Луконина (Государственный Эрмитаж, 22–23 января 2020 г.); “Золотые нити в Северном Причерноморье в XIV–XV вв., аспекты торговли и проблемы атрибуции”, всероссийская научная конференция “I Солхатские чтения. Причерноморье в эпоху глобализации: Восток и Запад в культуре Крыма” (г. Старый Крым, 10 сентября 2022 г.), (Теплякова, 2022. С. 63–66).

⁵ Это стрелковый пояс из кургана 9 Белореченского могильника 1906 г. раскопок. Часть гарнитуры без кожаной основы опубликована (ОАК, 1909. С. 99; Золотая Орда и Причерноморье, 2019. С. 164, 165. Кат. № 81).

⁶ Длина 25 и 30 см. Если эти фрагменты считать тесьмой от пояса ТБ-306, то общая длина составляет 198 см.

металлических нитей могло попадать на местные рынки и в местные мастерские. Поэтому такие нити на внутренних рынках в Причерноморье были, вероятнее всего, или итальянского, или малоазиатского происхождения.

Кушак. Интересен пояс и комплекс тем, что сохранились фрагменты тканого полотна, использовавшегося как кушак, поверх которого был положен пояс на тесьме. Н.И. Веселовский отмечал наличие фрагментов кушаков и в других погребениях (например, курган 10, 1896 г. (ОАК, 1898. С. 35)), но примеров такой сохранности в коллекции Государственного Эрмитажа нет. Кушак также был обнаружен П.С. Уваровой при исследовании могильника в Махческе: *“На одном костяке найдены остатки шелкового пояса из весьма тонкой восточной шелковой ткани зеленого цвета, протканной золотыми поперечными полосами. Пояс состоит из широкой ткани, но сложен весьма узко и завязан спереди крепким узлом, от которого спущены концы”* (Уварова, 1900. С. 263. Табл. СХ).

Кушак белореченского пояса изготовлен из двух тканей: одна — полосатая с эффектом ложного репса (рис. 2, 1; 4, 6), вторая — однотонная, гладкая (рис. 2, 2, 3; 4, 7).

Первая ткань полотняного переплетения имеет шелковые нити: сочетаются тонкие нити основы, вдвоенные (s- и z-крутка) и толстые некрученные нити утка, образующие эффект рубчика на ткани. Плотность составляет 72–76 вдвоенных нитей основы на 1 см. Полосы образованы нитями основы разного цвета: фон — коричневатый (выцвел из красного), полосы образованы тонкими синими и толстой голубой нитью основы. Чередование нитей основы: 6 синих, 1 толстая голубая, 3 коричневых, 6 синих, 12 коричневых, 6 синих, 2 коричневые, 1 толстая голубая, 1 коричневая, 6 синих (ширина 0.6 см). Между полосами — 2.5 см, 180–190 нитей коричневой основы. Нити утка шелковые, без крутки, коричневые, 16 проходов утка на 1 см.

Вторая — однотонная ткань атласного переплетения (атлас 5, шаг 2), также из шелковых нитей (основа — тонкая, одинарная, z-крутка, красно-коричневая, плотность 116 нитей на 1 см; уток — толстый, не крученный, коричневый, 33–35 проходов утка на 1 см), вероятно, была красноватого цвета.

Женские и мужские пояса Белореченского могильника. Если сравнивать женские и мужские комплексы погребений Белореченского могильника из коллекции Государственного Эрмитажа, налицо равенство по количеству и качеству поясов. И в женских, и в мужских погребениях пояса или отдельные детали поясных гарнитур обнаруживались практически всегда. Притом качество отделки поясных гарнитур зависит не от гендерных различий, а от состоятельности и, соответственно, социального статуса погребенного. Также предварительно можно отметить, что, вполне вероятно, многие женские пояса были переделаны из мужских (парадных и повседневных). И мужские, и женские пояса зачастую собраны из разнородных элементов, что-то объясняется ремонтом и переделкой вещей в бытовании, что-то — стандартной ситуацией в изготовлении поясов, когда часть фурнитуры делалась эксклюзивно, на заказ, часть — изготавливалась массово для последующего использования в различных комплектациях (Крамаровский, 2012. С. 101). В погребениях часто присутствует несколько поясов (2 и даже 3), для верхнего и нижнего слоя одежды.

Пояс из 12 кургана Белореченского могильника — женский парадный, в нем отсутствуют детали, характерные для мужских воинских поясов: фурнитура, необходимая для крепления оружия (меча/сабли, колчана, налуча и т.д.). Нельзя исключать, что пояс был собран из разных частей: бляшки — один комплект, наконечник и пряжка — другой. В поясе “уживаются” элементы двух конфессий: христианства (бляшки с изображением святого) и ислама (слово “Аллах” на наконечнике), и если изделия с кораническими надписями и упоминанием Аллаха достаточно часты в инвентаре Белореченских курганов, то христианский мотив редок, если не единичен.

Сочетание поликонфессиональных элементов, также мотивов, отсылающих как к европейскому, так и к византийскому и сельджукскому декоративно-прикладному искусству указывает, вероятно, на Причерноморье, как место возможного изготовления. Квадратные декоративные бляшки, возможно, были изготовлены в каких-то прибрежных факториях греческим мастером или же под влиянием византийских образцов. Наконечник и пряжка,

хоть и следуют западным типам, выполнены в более небрежной манере также, вероятно, в местных мастерских. Тесьма необычна введением серебряной нити, но, поскольку такого типа нити встречаются в других текстильных памятниках, в особенности в рукоделии, то можно говорить об импорте сырья и о местном изготовлении тесьмы для пояса нужной ширины. Сложнее атрибутировать ткани кушака, они могут быть как привозными, так и изготовленными в местных причерноморских мастерских. Крупным текстильным центром по упоминанию различных путешественников и нотариальных актов, в котором производились шелковые ткани, была Каффа в Крыму, впрочем, остается только гадать, какого рода ткани там изготавливались (Теплякова, 2019. С. 223).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барбаро Иосафат.* Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России: к истории итало-русских связей в XV в. М.: Наука, 1971. С. 136–161.
- Во дворцах и в шатрах: Исламский мир от Китая до Европы: каталог выставки. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008. 432 с.
- Волков И.В.* Еще раз о локализации области Кремук и карте Джакомо Гастальдо 1548 г. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. Армавир: Армавирский гос. пед. ин-т, 2003. С. 224–260.
- Голубев Л.Э.* Еще раз об области Кремук // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 3. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2003. С. 262–270.
- Горелик М.В.* Золотоордынский костюм Кавказа (вторая половина XIII – XIV вв.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 11. Армавир: Армавирский гос. пед. ин-т, 2010. С. 207–231.
- Зайцев И.В.* Кремук-Кермук и “Татарский угол” (к пониманию двух средневековых этнотопонимов) // Книга картины земли / Ред. Т.Н. Джаксон и др. М.: Индрик, 2014. С. 93–97.
- Залеская В.Н.* Византийские стеатитовые образки и кресты эпохи крестовых походов в собрании Государственного Эрмитажа // Искусство христианского мира. Вып. 9. М.: Православный Свято-Тихоновский богослов. ин-т, 2005. С. 29–35.
- Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи: каталог выставки. М.: Фонд Марджани, 2019. 504 с.
- Золотая Орда: история и культура: каталог выставки. СПб.: Славия, 2005. 264 с.
- Интериано Дж.* Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Ред., сост. В.К. Гарданов. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 46–52.
- Кагазежев Ж.В.* Позднесредневековое адыгское княжество Кемиргой (Кремук) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия “Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология”. 2011. Вып. 1 (74). С. 55–59.
- Крамаровский М.Г.* Серебро Леванта и художественный металл Северного Причерноморья XIII–XV вв. (по материалам Крыма и Кавказа) // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л.: Искусство, 1985. С. 152–180.
- Крамаровский М.Г.* Золото Чингисидов: Культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001. 364 с.
- Крамаровский М.Г.* Белореченский могильник и вопрос о культуре провинции Кремук // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 51–57.
- Крамаровский М.Г.* Человек средневековой улицы. Золотая Орда, Византия, Италия. СПб.: Евразия, 2012. 490 с.
- Крамаровский М.Г., Теплякова А.Н.* Запад и Восток по материалам итальянского текстиля Белореченского могильника (Северный Кавказ, XIV–XV вв.) // Византия в контексте мировой культуры. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009 (Труды Гос. Эрмитажа; т. LI). С. 461–472.
- Кузнецов В.А.* Адыгское феодальное владение Кремук // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2001. С. 128–130.
- Левашева В.П.* Белореченские курганы // Археологический сборник. М.: Гос. ист. музей, 1953 (Труды Гос. ист. музея; вып. 22). С. 165–213.
- Милорадович О.В.* Кабардинские курганы XIV–XVI вв. // Советская археология. 1954. Вып. XX. С. 343–356.
- Отчет Императорской Археологической комиссии за 1896 год. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1898. 251 с.
- Отчет Императорской Археологической комиссии за 1897 год. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1900. 191 с.
- Отчет Императорской Археологической комиссии за 1906 год. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1909. 166 с.
- Отчет Императорской Археологической комиссии за 1907 год. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1910. 157 с.
- Павлова В.* Съкровищата на средновековна България: каталог на изложба. Варна: Регионалният исторически музей, 2007. 87 с.

- “Подарок созерцающим”: странствия Ибн Баттуты: каталог выставки. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. 512 с.
- Сокровища Золотой Орды: каталог выставки. СПб.: Славия, 2000. 346 с.
- Теплякова А.Н. Шелк кафтана из 5 кургана Белореченского могильника // Византия в контексте мировой культуры. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2019 (Труды Гос. Эрмитажа; т. ХСІХ). С. 213–224.
- Теплякова А.Н. Золотные нити в Северном Причерноморье в XIV–XV вв., аспекты торговли и проблемы атрибуции // Сборник научных трудов конференции “І Солхатские чтения. Причерноморье в эпоху глобализации: Восток и Запад в культуре Крыма”. Симферополь: Ариал, 2022. С. 63–66.
- Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1900 (Материалы по археологии Кавказа; вып. VIII). 135 с.
- Хотко С.Х. Черкесия и княжество Кремук на “Карте мира” (Marramondo) Фра Мауро, 1459 г. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2014. Вып. 3 (144). С. 96–101.
- Цигаридас Е.Н., Ловерду-Цигарида К. Священная Великая Обитель Ватопед – Византийские иконы и оклады. М.: Верхов С.И., 2016. 381 с.
- Шандровская В.С. Изображения святых воинов в византийской сфрагистике и нумизматике // Византия и Ближний Восток: памяти А.В. Банк: сб. науч. тр. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1994. С. 70–89.
- Collingwood P. The Techniques of Tablet weaving. McMinville: Robin & Russ Handweavers, 2002. 320 p.

WOMEN’S BELT FROM MOUND 12 OF THE BELORECHENSK BURIAL GROUND

Anastassia N. Teplyakova

The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia

E-mail: teplyakova@hermitage.ru

The article focuses on the analysis of a belt and a silver belt set from a female burial of mound 12 of the Belorechensk burial ground (excavations by Nikolai Veselovsky in 1896) now kept in the collection of the State Hermitage Museum. There was a medieval principality of the Circassians known as Kremuk located in the middle reaches of the Kuban River, in the vicinity of the modern cities of Maikop and Belorechensk. The belt was found in one of the richest female burials which probably belonged to a noble Circassian woman. The burial can be dated not earlier than the second third of the 15th – early 16th century AD. It is a women’s belt, as it lacks details typical for men’s military belts – accessories necessary for mounting weapons. It is possible that it was assembled from different parts: the plaques constitute one complex, the tip and buckle are from another one. The place of production of the belt, both silver fittings and braid, can be defined as the Black Sea region. Sash fabrics can be either imported or produced in the workshops of the Northern Black Sea region.

Keywords: North Caucasus, Belorechensk burial ground, belt set, braid, silk.

REFERENCES

- Barbaro Iosafat, 1971. Travel to Tana. *Barbaro i Kontarini o Rossii: k istorii italo-russkikh svyazey v XV v. [Barbaro and Kontarini about Russia: On the history of Italian-Russian relations in the 15th century]*. Moscow: Nauka, pp. 136–161. (In Russ.)
- Collingwood P., 2002. The Techniques of Tablet weaving. McMinville: Robin & Russ Handweavers. 320 p.
- Golubev L.E., 2003. Once again about Kremuk region. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani [Materials and research on the archaeology of the Kuban region]*, 3. Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 262–270. (In Russ.)
- Gorelik M.V., 2010. Golden Horde costume of the Caucasus (second half of the 13th–14th century). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza [Materials and research on the archaeology of the North Caucasus]*, 11. Armavir: Armavirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut, pp. 207–231. (In Russ.)
- Interiano Dzh., 1974. Life and country of Zikhs, called Circassians. Remarkable storytelling. *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII–XIX vv. [Adyghe, Balkars and Karachais in the records of European authors of the 13th–19th centuries]*. V.K. Gardanov, ed., comp. Nal’chik: El’brus, pp. 46–52. (In Russ.)

- Kagazezhev Zh.V., 2011. Adyghe Kemirgoy (Kremuk) principdom of the late Middle Ages. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya"* [Bulletin of Adyghe State University. Series "Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology"], 1 (74), pp. 55–59. (In Russ.)
- Khotko S.Kh., 2014. Circassia and the Principality of Kremuk on the "Map of the World" (Mappamondo) by Fra Mauro, 1459. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya* [Bulletin of Adyghe State University. Series "Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology"], 3 (144), pp. 96–101. (In Russ.)
- Kramarovskiy M.G., 1985. Silver of the Levant and artistic metal of the Northern Black Sea region of the 13th–15th centuries. (Based on materials from the Crimea and the Caucasus). *Khudozhestvennye pamyatniki i problemy kul'tury Vostoka* [Artistic monuments and problems of Oriental culture]. Leningrad: Iskusstvo, pp. 152–180. (In Russ.)
- Kramarovskiy M.G., 2001. Zoloto Chingisidov: Kul'turnoe nasledie Zolotoy Ordy [The gold of Genghisids: cultural heritage of the Golden Horde]. St. Petersburg: Slaviya. 364 p.
- Kramarovskiy M.G., 2002. The Belorechensk burial ground and the question of the culture of Kremuk region. *Ermitazhnye chteniya pamyati B.B. Piotrovskogo* [Hermitage readings in memory of B.B. Piotrovsky]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 51–57. (In Russ.)
- Kramarovskiy M.G., 2012. Chelovek srednevekovoy ulitsy. Zolotaya Orda, Vizantiya, Italiya [The man of medieval street. Golden Horde, Byzantium, Italy]. St. Petersburg: Evraziya. 490 p.
- Kramarovskiy M.G., Teplyakova A.N., 2009. West and East based on Italian textile materials from the Belorechensk burial ground (North Caucasus, 14th–15th centuries). *Vizantiya v kontekste mirovoy kul'tury* [Byzantium in the context of world culture]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 461–472. (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha, LI). (In Russ.)
- Kuznetsov V.A., 2001. The Adyghe fief of Kremuk. *Severnyy Kavkaz i kochevoy mir stepey Evrazii: V Minaevskie chteniya po arkheologii, etnografii i kraevedeniyu Severnogo Kavkaza* [The North Caucasus and the nomadic world of the steppes of Eurasia: V Minaev readings on archaeology, ethnography and local history of the North Caucasus]. Stavropol': Izdatel'stvo Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 128–130. (In Russ.)
- Levasheva V.P., 1953. Belorechensk mounds. *Arkheologicheskiy sbornik* [Archaeological digest]. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 165–213. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 22). (In Russ.)
- Miloradovich O.V., 1954. Kabardian mounds of the 14th–16th centuries. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], XX, pp. 343–356. (In Russ.)
- Otchet Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii za 1896 god [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1896]. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1898. 251 p.
- Otchet Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii za 1897 god [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1897]. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1900. 191 p.
- Otchet Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii za 1906 god [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1906]. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1909. 166 p.
- Otchet Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii za 1907 god [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1907]. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1910. 157 p.
- Pavlova V., 2007. S"krovishchata na srednevekovna B"lgariya: katalog na izlozhba [Treasures of the Medieval Bulgaria: catalogue of the exhibition]. Varna: Regionalniyat istoricheski muzey. 87 p.
- "Podarok sozertsayushchim": stranstviya Ibn Battuty: katalog vystavki [A Gift to Contemplators': Ibn Battuta's Travels: catalogue of the exhibition]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2015. 512 p.
- Shandrovskaia V.S., 1994. Images of holy warriors in Byzantine sphragistics and numismatics. *Vizantiya i Blizhniy Vostok: pamyati A.V. Bank: sbornik nauchnykh trudov* [Byzantium and the Middle East (in memory of A.V. Bank). Collected papers]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 70–89. (In Russ.)
- Sokrovishcha Zolotoy Ordy: katalog vystavki [Treasures of the Golden Horde]. St. Petersburg: Slaviya, 2000. 346 p.
- Teplyakova A.N., 2019. Silk caftan from mound 5 of the Belorechensk burial ground. *Vizantiya v kontekste mirovoy kul'tury* [Byzantium in the context of world culture]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 213–224. (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha, XCIX). (In Russ.)
- Teplyakova A.N., 2022. Golden threads in the Northern Black Sea region in the 14th–15th centuries, aspects of trade and problems of attribution. *Sbornik nauchnykh trudov konferentsii "I Solkhatskie chteniya. Prichernomor'e v epokhu globalizatsii: Vostok i Zapad v kul'ture Kryma"* [Collected papers of the Conference the "I Solkhat Readings. The Black Sea region in the age of globalization: East and West in the culture of the Crimea"]. Simferopol': Arial, pp. 63–66. (In Russ.)
- Tsigaridas E.N., Loverdu-Tsigarida K., 2016. Svyashchennaya Velikaya Obitel' Vatoped – Vizantiyskie ikony i oklady [Sacred Great Monastery of Vatopedi – Byzantine icons and icon-settings]. Moscow: Verkhov S.I. 381 p.

- Uvarova P.S., 1900. Mogil'niki Severnogo Kavkaza [Burial grounds of the North Caucasus]. Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova i K°. 135 p. (Materialy po arkheologii Kavkaza, VIII).
- Vo dvortsakh i v shatrakh: Islamskiy mir ot Kitaya do Evropy: katalog vystavki [In Palaces and Tents: Islamic World from China to Europe: catalogue of the exhibition]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2008. 432 p.
- Volkov I.V., 2003. Once again about the localization of the Kremuk region and the map of Giacomo Gastaldo of 1548. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza [Materials and research on the archaeology of the North Caucasus]*, 2. Armavir: Armavirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut, pp. 224–260. (In Russ.)
- Zalesskaya V.N., 2005. Byzantine steatite icons and crosses from the Crusades period in the collection of the State Hermitage Museum. *Iskusstvo khristianskogo mira [Art of Christendom]*, 9. Moscow: Pravoslavnyy Svyato-Tikhonovskiy bogoslovskiy institut, pp. 29–35. (In Russ.)
- Zaytsev I.V., 2014. Kremuk-Kermuk and the “Tatar Corner” (to the understanding of two medieval ethnic toponyms). *Kniga kartiny zemli [Book of the description of the Earth]*. T.N. Dzhakson, ed. Moscow: Indrik, pp. 93–97. (In Russ.)
- Zolotaya Orda i Prichernomor'e. Uroki Chingisidskoy imperii: katalog vystavki [The Golden Horde and the Black Sea Region. Lessons of the Genghisid Empire]. Moscow: Fond Mardzhani, 2019. 504 p.
- Zolotaya Orda: istoriya i kul'tura: katalog vystavki [The Golden Horde: history and culture]. St. Petersburg: Slaviya, 2005. 264 p.

ПУБЛИКАЦИИ

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ СОБАКИ НА ОСТРОВЕ ОЛЬХОН (озеро Байкал)

© 2024 г. Д. Е. Кичигин^{1,*}, А. М. Клементьев^{2,**}

¹Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

²Институт земной коры Сибирского отделения РАН, Иркутск, Россия

*E-mail: kichkok@rambler.ru

**E-mail: klem-al@bk.ru

Поступила в редакцию 17.04.2023 г.

После доработки 11.10.2023 г.

Принята к публикации 17.10.2023 г.

В 2022 г. проводились археологические работы по уточнению границ многослойной стоянки Унхруг 1, расположенной на о. Ольхон (оз. Байкал). В одном из шурфов в нижнем слое обнаружено погребение древней собаки в искусственной яме, с остатками благородного оленя. Эта находка очень редкая для неолита Прибайкалья. Проведено морфометрическое изучение костных остатков, сравнительный анализ с другими скелетными материалами, радиоуглеродный и изотопный анализы. Полученные данные позволили установить индивидуальные характеристики погребенной собаки и возможный рацион ее питания. Индивидуальное захоронение и присутствие в нем ритуальной мясной части туши благородного оленя свидетельствуют об особом значении этой особи для неолитических обитателей о. Ольхон.

Ключевые слова: Прибайкалье, о. Ольхон, неолит, стоянка, погребение, собака, благородный олень.

DOI: 10.31857/S0869606324010098, EDN: ZVXLEM

Стоянка Унхруг 1 расположена в юго-западной части одноименной бухты, в 0.25 км к западу от современной застройки д. Харанцы, и локализуется на террасовидных площадках пологого склона берега, на отметках 28–40 м над уровнем воды в оз. Байкал (рис. 1, 2).

Памятник открыт в 2003 г. отрядом (под руководством Г.В. Туркина) Лаборатории древних технологий Иркутского государственного технического университета¹ в результате обследования территории для землеотвода. В процессе работ заложено 6 шурфов (всего 12 м²). Археологический материал обнаружен во всех шурфах в слое черной гумусированной супеси на глубине 9–30 см от дневной поверхности. Наибольшая концентрация находок (133 из 141) — в шурфах 1 и 2, расположенных в северной

части стоянки. Стратиграфическое разделение материала на уровни в границах одного геологического слоя — культурные слои 1 (кровля) и 2 (подошва) — прослежено только в шурфе 1. Среди находок — фрагменты гладкостенной керамики преимущественно без орнамента, кусочки железного шлака, битые кости диких и домашних животных. Предварительная датировка памятника — I тыс. н.э.

В 2017 г. отрядом (под руководством А.В. Харинского и Д.Е. Кичигина) Лаборатории в целях определения границ стоянки в ее северной части заложено 4 шурфа (всего 8 м²). Археологический материал выявлен во всех шурфах в слое черной гумусированной супеси на глубине 7–30 см. Среди находок — фрагменты гладкостенных сосудов, орнаментированных в привенчиковой зоне наlepными валиками и прочерченными линиями, кусочки железных шлаков, небольшие гальки, фрагменты жженных и колотых костей животных. Датировка памятника по результатам этих работ не изменилась.

¹ В настоящее время Лаборатория археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии Иркутского национального исследовательского технического университета.

Рис. 1. Местонахождение стоянки Унхруг 1, космоснимок местности.

Fig. 1. The location of the Unkhrug 1 site, satellite image of the area

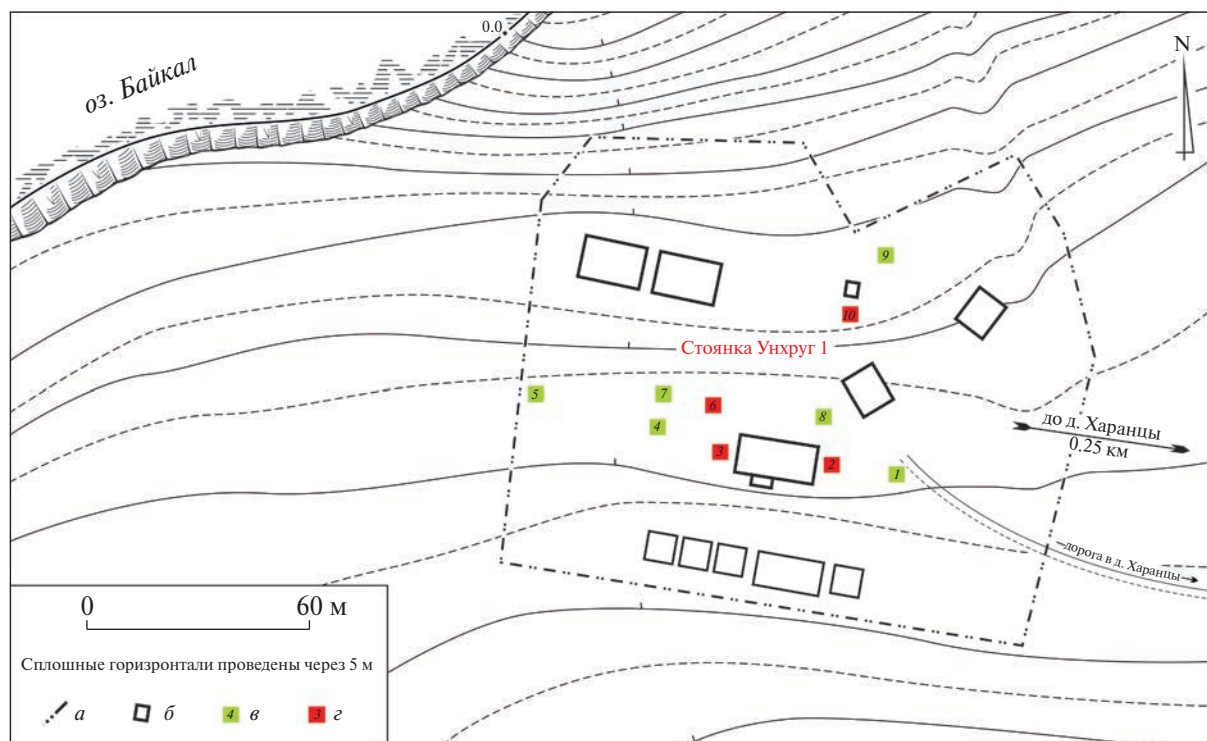

Рис. 2. План стоянки Унхруг 1 с указанием археологических шурфов 2022 г. Глазомерная съемка Д.Е. Кичигина. Условные обозначения: а — границы турбазы; б — строение/здание; в — шурф без находок; г — шурф с находками.

Fig. 2. A plan of the Unkhrug 1 site indicating archaeological test pits of 2022. Eye sketch by D.E. Chichigin

В 2022 г. тем же отрядом (под руководством Д.Е. Кичигина) на стоянке Унхруг 1 проводились работы по уточнению ее южной и восточной границ. Заложено 10 разведочных шурфов (20 м²) глубиной до 1.1 м (рис. 1, 2).

Археологический материал выявлен в шурфах 2, 3, 6 и 10 в слое черной гумусированной супеси (1-й культурный слой, далее к.с., I тыс. до н.э. — I тыс. н.э.) и подстилающем его слое серого песка (2-й к.с., VI—конец IV тыс. до н.э.).

Археологический материал 1-го к.с. представлен фрагментами керамики: гладкостенной, с наlepными рассеченными валиками, с оттисками шнура на поддонах, украшенных наlepными валиками (тышкинэ-сеногдинский тип); единственным обломком с оттисками отступающей лопаточки; медиальным сегментом призматической пластины из кремня, отщепами и сколами из кремня и кварцита, гальками; кусочками железных шлаков; игральными костями, фрагментами битых и жженных костей животных.

Немногочисленный материал 2-го к.с. выявлен в южной части стоянки (шурфы 2 и 3) и представлен фрагментом венчика от сосуда с отпечатками сетки-плетенки, орнаментированного рядом круглых отверстий и валиком под ним, призматическим нуклеусом из кремня, а также находками заполнения ямы погребения собаки.

По результатам работ 2022 г. удалось уточнить возраст стоянки, оказавшейся более древней, чем предполагалось ранее. Нижняя граница 1-го к.с. теперь соответствовала концу позднего бронзового века (первая треть I тыс. до н.э.). Выявлен 2-й к.с. эпохи неолита в южной части стоянки (VI—конец IV тыс. до н.э.). Редкая находка — погребение собаки в этом слое.

Цель статьи — введение в научный оборот материалов шурфа 3 (2022 г.) стоянки Унхруг 1 и анализ остеологического материала заполнения ямы погребения собаки.

Шурф 3 (глубина 1 м, размеры 2 × 1 м, ориентирован по линии С—Ю) заложен в южной части обследуемой территории, на террасовидной площадке пологого склона северной экспозиции. Его стратиграфия (рис. 3, 4, 5):

№	Геологические отложения	Мощность, м
1.	Черная гумусированная опесчаненная супесь с четкой нижней границей (1-й к.с.).	0.18–0.23
2.	Серый песок с нечеткой нижней границей, с многочисленными темно-серыми и черными пятнами — следами ходов растений и землеройной фауны (2-й к.с.).	0.21–0.67
3.	Серовато-желтый песок с четкой нижней границей.	0.06–0.42
4.	Тяжелый запесоченный суглинок светло-бурого цвета с включением крупных плит кварцита.	более 0,22

Выявлено два культурных слоя. Первый — на глубине 10–17 см, приурочен к средней части и подошве черной гумусированной супеси. Среди находок — 27 фрагментов гладкостенной керамики, 3 гальки, медиальный сегмент призматической пластины из кремня (рис. 4, 3), 10 фрагментов битой и обожженной кости. Керамика — фрагменты от двух сосудов, один из которых (26 фр.) орнаментирован наlepным рассеченным валиком под венчиком (рис. 4, 1), другой (1 фр.) — рядами отступающего прямоугольного орнамента (рис. 4, 2).

Гладкостенная керамика с наlepными валиками (рис. 4, 1) известна на разных памятниках всего побережья Байкала и датируется исследователями, как правило, второй половиной I тыс. до н.э. — первой половиной I тыс. н.э. (Харинский, 2005; Кичигин, 2010).

Небольшие фрагменты керамики (рис. 4, 2), украшенные рядами оттисков орнаментов с разными рабочими краями (округлый, треугольный, прямоугольный и т.д.), часто интерпретируемых как “отступающая лопаточка”, датировать узким хронологическим диапазоном практически невозможно. Подобная посуда отмечена в комплексах неолита (конец VII — конец IV тыс. до н.э.) и бронзового века (конец IV тыс. — первая треть I тыс. до н.э.) всего байкальского побережья (Кичигин, 2010; Харинский и др., 2015; Горюнова, Новиков, 2018).

Таким образом, 1-й к.с. стоянки Унхруг 1 смешанный и включает разновременный археологический материал. Нижнюю границу слоя можно определить рубежом II—I тыс. до н.э. На основании всего археологического материала, полученного в разные годы исследований на стоянке, общая датировка этого слоя сводится к периоду позднего бронзового — железного века, что соответствует I тыс. до н.э. — I тыс. н.э.

Второй культурный слой приурочен к слою серого песка и представлен находками заполнения ямы погребения собаки. Сама яма в разрезе трапециевидной формы, сужающейся ко дну. Глубина ее на фиксируемых “уровнях” — 43–44 см. Включает два уровня заполнения — верхний (кости благородного оленя) и нижний (остатки собаки). Выявить контуры ямы до расчистки костей первого уровня ее заполнения не удалось (рис. 3, 2, 3; 5, 6).

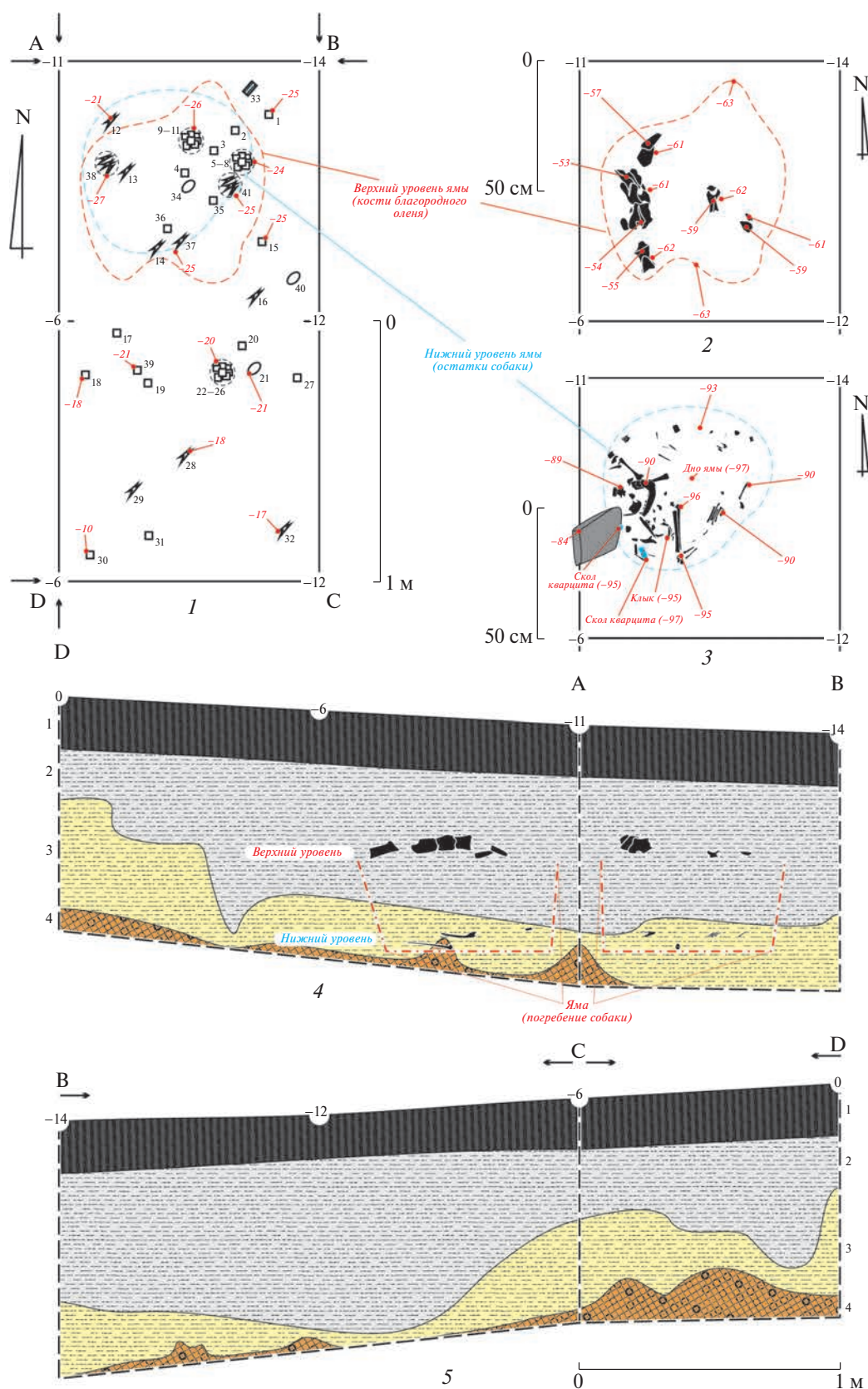

Рис. 3. Стоянка Унхруг 1, шурф 3. 1 – планиграфия находок; 2 – верхний уровень заполнения ямы (кости благородного оленя); 3 – нижний уровень заполнения ямы (погребение собаки); 4, 5 – стратиграфия бортов шурфа.

Fig. 3. The Unkrug site 1, test pit 3

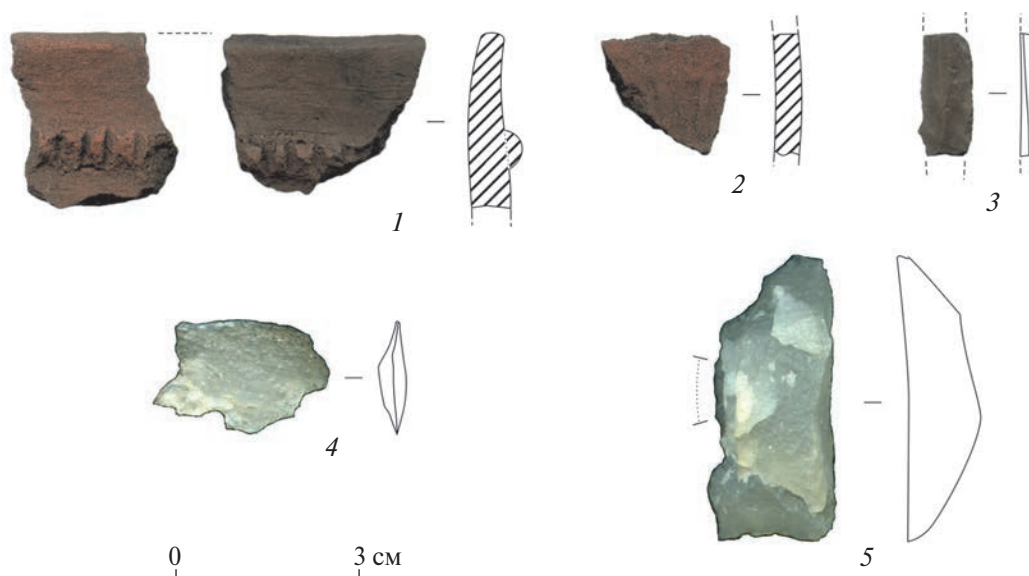

Рис. 4. Археологический материал шурфа 3. 1–3 – 1-й культурный слой; 4, 5 – 2-й культурный слой (нижний уровень заполнения ямы).

Fig. 4. Archaeological material from test pit 3

Верхний уровень заполнения ямы. На глубине 45–52 см от дневной поверхности в слое серого песка обнаружены компактной группой остатки благородного оленя (рис. 3, 2, 5). В результате их расчистки проявились контуры (неправильной формы) ямы, которые можно было проследить по гумусным темным пятнам на сером песке. Размеры ямы на этом уровне расчистки – 77 × 70 см. Большим диаметром яма вытянута по линии Ю–С (рис. 3, 2, 5). После изъятия фаунистических остатков верхнего уровня контуры ямы ниже прослеживались уже не так отчетливо.

Среди костей благородного оленя – позвонки шейного отдела, фрагменты рогов, дистальный отдел большой берцовой кости. На последней было возможным промерить лишь поперечник дистального эпифиза (45.9 мм), который немного превышает размах изменчивости позднелощеновых оленей (39.1–41.8–45.4 мм, $n = 7$) Приморского хребта. Шейные позвонки плохо сохранились, удалось сделать отдельные промеры для второго позвонка. Длина его тела – 122.1 мм, ширина – 51.8, ширина зубовидного отростка на краниальном суставе – 41.4. Те же параметры этого позвонка для оленей Приморского хребта – соответственно 133.3 мм, 47.6–48.9 и 33.3–34.9. Положение шейных позвонков в яме позволяет предполагать их анатомическое

захоронение, по крайней мере, в связочном каркасе, а возможно, и с мышечной массой.

Нижний уровень заполнения ямы. На глубине 77–88 см от дневной поверхности в слое серовато-желтого песка обнаружены остатки собаки практически в анатомическом порядке (рис. 3, 3, 6). Кости скелета сильно разрушены тафономическими факторами, что связано с хорошо аэрируемыми и дренируемыми песчаными отложениями, в которых погребена собака. Череп сильно разрушен, полностью сохранилась лишь правая сторона роства с зубным рядом и правая ветвь нижней челюсти. В целом среди костей посткраниального скелета лучше сохранились элементы правой стороны тела: кости передних ног (от плечевой до фаланг), шейные позвонки, кости задних ног (от большой берцовой до фаланг), фрагмент лопатки, головка бедренной кости. Сохранились и когтевые фаланги, из чего следует вывод, что шкура с туши не снималась. Вероятно, была захоронена полная туша, о чем косвенно свидетельствует отсутствие позвонков, ребер, диафизов отдельных костей, которые разлагаются от присутствия объемных мягких тканей. Судя по ориентировке отдельных частей скелета, собака была погребена в свернутом “калачом” виде, на правом боку, мордой ориентирована на юг.

Вместе с остатками собаки обнаружены два скола кварцита (рис. 4, 4, 5), на одном из которых

Рис. 5. Стоянка Унхруг 1, шурф 3. Верхний уровень заполнения ямы (кости благородного оленя), вид с юго-востока.
Fig. 5. The Unkhrug 1 site, test pit 3. The upper level of the pit filling (red deer bones), southeast view

отмечена ретушь утилизации (рис. 4, 5). Объяснить назначение этих предметов в погребении собаки пока невозможно.

По кости собаки получена радиоуглеродная дата 6730 ± 23 лет назад, далее л.н. (ОхА-42964), которая с учетом поправки на резервуарный эффект соответствует дате 6470 ± 46 л.н., а после калибровки в программе OxCal v4.4.4. — возрасту 7426–7329 л.н. (68.3% достоверности) (рис. 7). В данном случае для поправки на резервуарный эффект использовано уравнение, разработанное для Верхней Лены, так как измерения по стабильным изотопам углерода и азота ($\delta^{13}\text{C} = -19.2\text{‰}$, $\delta^{15}\text{N} = 11.1\text{‰}$) указывают на рацион питания унхругской собаки, характерный не для населения Приольхонья, что примечательно, а как раз для групп неолита и бронзового века соседнего района Верхней Лены (Reimer et al., 2020; Bronk Ramsey, 2021; Schulting et al., 2022).

Самые ранние псовые в Прибайкалье, датируемые эпохой мезолита, известны по двум местонахождениям. На стоянке Усть-Хайта (долина р. Ангара) остатки собаки (почти целый скелет) обнаружены в культурном горизонте 9а без какого-либо помещения в яму и сопроводительного

инвентаря. Вторая находка — это известное погребение волка на могильнике Локомотив в черте Иркутска (Савельев и др., 2001; Базалийский, 2012).

Остатки собак эпохи неолита в Прибайкалье отмечены в шести пунктах, непосредственно связанных с береговой линией Байкала (стоянки Посольская, могильники Шаманский мыс и стоянка Шаманка II) или речными системами озера — стоянки Падь Калашникова, Усть-Белая и Нижне-Березовская (Ивашина, 1979; Кконопацкий, 1982; Losey et al., 2013).

На стоянке Падь Калашникова, которая включает и человеческие захоронения, обнаружено два погребения псовых. Вместе со скелетом собаки из ямы 2 найдены многочисленные артефакты, в пасть самой собаки был вложен камешек. Вторая собака на этой стоянке была захоронена в сидячем или скорченном положении без сопроводительного инвентаря (Losey et al., 2013).

Наибольшее количество древних собак выявлено на местонахождении Усть-Белая (долина р. Ангара). Выделяется погребение собаки (№ 1) с ожерельем из восьми подвесок из клыков благородного оленя и многочисленными

Рис. 6. Стоянка Унхруг 1, шурф 3. Нижний уровень заполнения ямы (остатки собаки), вид с юго-юго-востока.

Fig. 6. The Unkhrug 1 site, test pit 3. The lower level of the pit filling (remains of a dog), south-southeast view

костными остатками, среди которых лопатка полорогого (*Bovidae*), основание рога, два целых рога косули и другие неопознанные кости. В остальных случаях остатки собак, в том числе частично расчлененных, отмечены либо в слое, либо в мусорных ямах (Бердникова, 2001; Losey et al., 2013).

К востоку от Байкала погребения собак в небольших ямах отмечены на стоянках Посольская и Нижне-Березовская. На первой из них в раскопе 2 (1964 г.) помимо двух человеческих захоронений обнаружено погребение собаки, которая лежала на правом боку, головой на юг. Сверху ее скелет был засыпан рыбьими костями (Ивашина, 1979. С. 20, 40, 132).

На двух могильниках Предбайкалья — Шаманский мыс 1 (западное побережье Байкала, о. Ольхон) и Шаманка II (южное побережье Байкала) — остатки собак обнаружены в погребениях эпохи неолита непосредственно в могильной яме вместе с человеческими останками.

В 1972 г. А.П. Окладниковым при раскопках могильника эпохи неолита — раннего бронзового века Шаманский мыс 1 на о. Ольхон (4,9 км к западу-юго-западу от стоянки Унхруг 1), в погребении 3, выявлены скелеты двух собак,

лежащих в анатомическом порядке на берестяном “покрывале”, под которым располагался скелет человека. Обе собаки были положены на правом боку и ориентированы, как и скелет человека, головами на восток (Конопацкий, 1982. С. 42–48. Рис. 43).

Еще одна особь обнаружена при раскопках могильника Шаманка II. В могиле 26, содержащей останки пяти индивидов, на дне могильной ямы обнаружены остатки собаки, лежащей на правом боку с сильно выгнутой спиной и прижатыми к телу ногами, ориентированной головой на север-северо-восток. Череп псового, правая нижняя челюсть, несколько элементов стопы и большая часть его шейных позвонков найдены отдельно в верхней части могильной ямы на том же уровне, что и некоторые человеческие останки и артефакты (Losey et al., 2011).

Как видно, в неолите Прибайкалья собака продолжала играть огромную роль в жизни человеческих коллективов, поскольку удостоивалась погребения не только в отдельных ямах в границах стоянок, но и в человеческих захоронениях. Более того, прослеживается ряд общих черт погребения собаки в неолите региона. Среди таких черт можно назвать

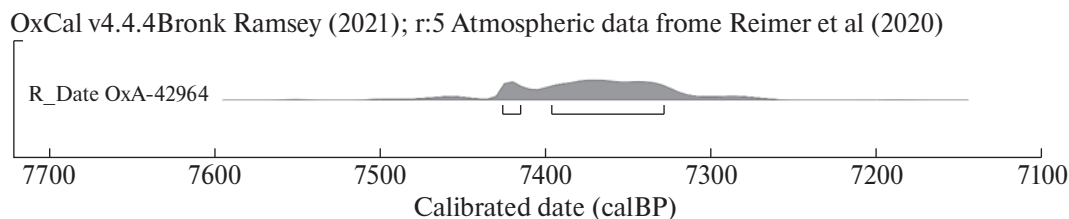

Рис. 7. Радиоуглеродное датирование погребения собаки со стоянки Унхруг 1.

Fig. 7. Radiocarbon dating of the dog burial from the Unkhrug 1 site

доминирующий тип положения (на правом боку) и наличие погребальной пищи — как символической (камешек), так и реальной (кости млекопитающих и рыб).

Собака, обнаруженная при раскопках стоянки Унхруг 1, на наш взгляд, обладала высоким статусом, о чем свидетельствует индивидуальное захоронение целой туши, положение и ориентировка костей скелета, дислокация могилы на берегу водоема, присутствие шейного отдела туши благородного оленя в засыпке могильной ямы (верхний уровень заполнения ямы), что можно интерпретировать как погребальную пищу.

Таким образом, на сегодняшний день стоянка Унхруг 1 — один из менее десяти пунктов в Прибайкалье, на которых отмечены остатки скелета собаки эпохи неолита. Находка становится еще ценнее при анализе остеологического материала.

Возраст и пол особи. По индивидуальному возрасту скелет принадлежал старой собаке. Зубы, особенно клыки, сильно стерты и по этому признаку очень похожи на зубы собаки из могилы 26 могильника Шаманка II. На левой ветви нижней челюсти первый предкоренной зуб был сломан при жизни, сохранившийся корень его завальцован. По размеру костей скелета эта особь заметно мельче шаманского кобеля. Небольшие размеры костей скелета и отсутствие остатков бакулюма говорят в пользу женского пола особи.

Высота в холке и вес. Размерные характеристики костей скелета псовых позволяют вычислить высоту в холке с использованием коэффициентов, которые были предложены А. Браунером (Секерская, 2010). Для унхругской собаки высота по лучевой кости составляет 57 см, а по локтевой — даже 65. Применение предложенных формул для вычисления веса собак

по краниодентальным показателям (Losey et al., 2015) привело к значительному разбросу полученных данных по черепу и нижней челюсти собаки со стоянки Унхруг 1. Они варьируются от 14.09 до 27.73 кг (8 промеров черепа) и от 14.34 до 26.04 кг (17 промеров нижней челюсти). Минимальные показатели получены по размерам зубов. В то же время средние значения веса по черепным промерам составили 21.55 кг, а по нижней челюсти — 21.02, что вполне может характеризовать размах колебаний предполагаемого веса унхругской собаки. При значительном росте в холке (50.9 см и выше) и весе около 20 кг ее можно отнести к средним собакам.

Размеры черепных элементов и зубов. Имеющиеся промеры черепа значительно уступают размерам черепов волков и большинству древних псовых. По длине ряда моляров, череп унхругской собаки практически идентичен черепу с Шаманки II и немного мельче черепа с Усть-Хайты. А по размеру хищнического зуба Р4 рассматриваемый череп и вовсе занимает промежуточное положение между ними. Различные промеры челюсти одновременно как превышают показатели усть-хайтинского экземпляра, так и уступают им, что может быть связано с индивидуальным биологическим возрастом особи.

Кости конечностей скелета в основном показывают размеры, идентичные с современной восточносибирской лайкой с р. Лена. Кобель с Шаманки II довольно крупный и значительно превышает размеры унхругской собаки, достигая по отдельным промерам некрупных волков. Из отличительных черт изученной собаки необходимо отметить мощный поперечник диафиза плечевой кости (идентичный с крупной шаманской собакой), хотя другие параметры этой кости вполне равноценны с современной ленокской лайкой. Также необходимо обратить внимание на абрис нижней части диафиза

малой берцовой кости у унхругской собаки: в отличие от современных лаек он массивный, не сужающийся кверху, несмотря на сходные размеры эпифизарного края. У собаки с Шаманки II он также очень широкий. Проследить этот признак для волков не удалось.

Пястные и плюсневые кости практически совпадают с промерами современной лайки с р. Лена и заметно меньше как волчьих, так и собачьих эпохи неолита из разных мест.

Питание. Несмотря на признаки высокого статуса захоронения собаки, мы принимаем тезис о подножном питании данной особи, по аналогии с современными домашними собаками сельских и таежных местностей Сибири. Свидетельством подножного питания этой собаки может служить отсутствие коронки левого нижнего первого предкоренного зуба, которая была утрачена при жизни особи, и оставшийся корень в альвеоле был завальцован. Потеря предкоренных зубов обычна у северных собак и составляет 8.07% (Losey et al., 2014). Здесь можно рассмотреть отличия питания собак у охотников и рыболовов. Рыбные кости, остающиеся после человеческих трапез, довольно мелкие и быстро уничтожаются собаками без травматических последствий для зубной системы. Исключение может представлять лишь замороженная рыба в зимний период, в том случае если она досталась собаке целиком. Среди охотничьей добычи встречаются мелкие и крупные млекопитающие, при этом мясная составляющая туши крупных копытных и медведя используется людьми, а прочные кости после грубой разделки и пищевого употребления имеют малокалорийную ценность даже для собак и оказывают травмирующее действие для их зубов. Такие ломаные травмы несет правый нижний клык унхругской собаки.

Еще одно свидетельство стрессовых событий в жизни собаки, в том числе недоедания, — гипоплазия. Здесь мы принимаем три категории развития гипоплазии, которые рассмотрены ранее в отношении собак Прибайкалья (Losey et al., 2014). На зубах собаки с Унхруг I наблюдаются лишь две категории, и их дислокация позволяет сделать интересные выводы. На внешней стороне коронок коренных зубов следы гипоплазии не наблюдаются. Дефекты ямочного типа отмечены на внутренней стороне правого

четвертого премоляра, причем невооруженным взглядом они не отмечаются. Они были выявлены при увеличении под бинокулярной лупой. Разрушения эмали плоскостного типа наблюдаются в различной степени на клыках, на внутренних частях коронок всех правых верхних коренных зубов и трех передних правых нижних премоляров. Наиболее развита плоскостная эрозия эмали на клыках, где она сочетается с интенсивными фасетками стирания. Дислокация следов гипоплазии на предкоренных зубах и клыках, которые прорезываются у современных собак к 4–5 месяцам (у древних собак можно предполагать смещение к старшему возрасту, как у волков), позволяют уверенно предполагать неблагоприятные, стрессовые условия жизни особи в период формирования коронок постоянных клыков и премоляров. Разрушение эмали могло быть обусловлено голоданием или болезнью. Несмотря на сильное стирание коронок нижних правых коренных зубов, следы гипоплазии на них не выявлены.

Исследование стабильных изотопов углерода и азота в последние десятилетия служит для интерпретации пищевого рациона млекопитающих (Ambrose, 1993; Bocherens, Drucker, 2003). Среди волков и собак Байкальского региона показатели $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ особи со стоянки Унхруг I находятся в левом нижнем облаке рассеяния собак наземных собирателей, которые приближены к показателям голоценовых волков (Losey et al., 2022). Повышенное содержание $\delta^{15}\text{N}$, по сравнению с волками, как и у собак с Усть-Хайты и одной собаки с Усть-Белой (рис. 8), можно объяснить присутствием в пище разных составляющих: 1) рыбных отходов; 2) трупов рыбоядных птиц (чаек и бакланов) и нерп, повсеместно выбрасываемых на побережье Байкала; 3) остатков хищных млекопитающих (лисицы, соболя), на которых охотился человек ради меха. Как уже отмечено выше, измерения по стабильным изотопам указывают на рацион питания унхругской собаки, характерный для наземных охотников района Верхней Лены. Довольно близкие изотопные показатели (рис. 8) имели собаки с местонахождения Остров Лиственичный (Кузнецов и др., 2019), принадлежавшие наземным охотникам-собирателям.

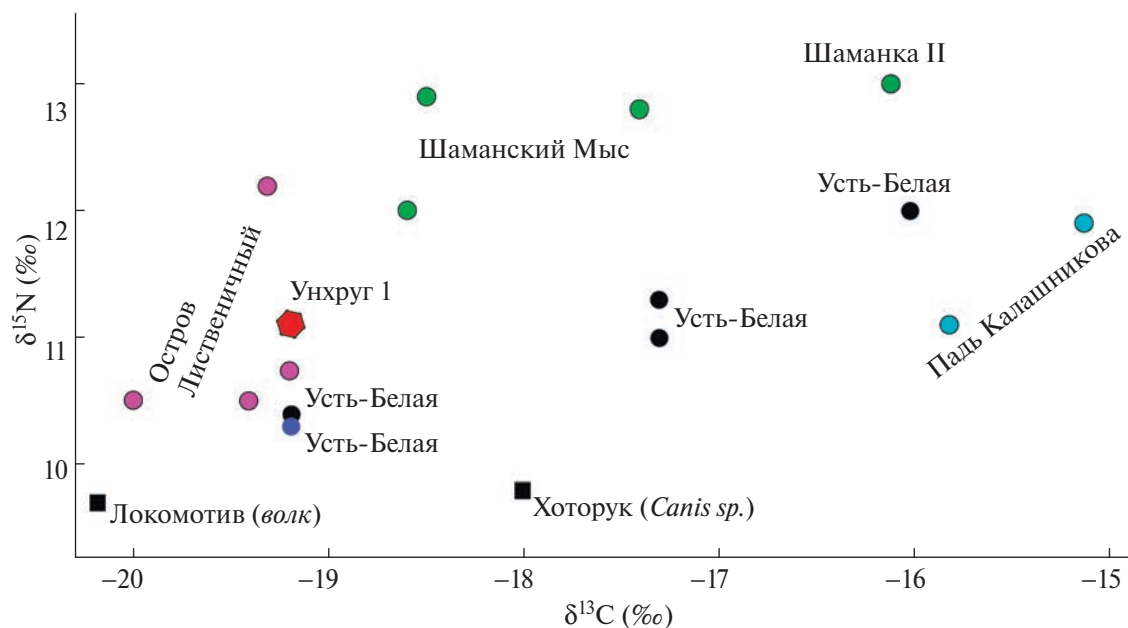

Рис. 8. График значений $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ для псовых из Байкальского региона (данные по: Losey et al., 2013, 2022; Кузнецов и др., 2019). Обозначения: цвет — принадлежность экземпляров (костный материал, по которому получены данные по азоту и углероду) к одному местонахождению; число кружков одного цвета — количество экземпляров.

Fig. 8. Graph of $\delta^{13}\text{C}$ and $\delta^{15}\text{N}$ values for canids from the Baikal region (data after Losey et al., 2013, 2022; Kuznetsov et al., 2019)

Проанализированные данные приводят к выводу, что унхругская собака в последние годы жизни питалась преимущественно продуктами охоты на копытных, с возможной примесью рыбы, рыбацкой птицы или мяса хищников. Сходство изотопных сигналов $\delta^{15}\text{N}$ унхругской собаки, собак наземных охотников (рис. 8), неолитического населения верховий Лены, приводит к выводу о принадлежности изученной собаки к коллективам охотников на крупную дичь. Косвенное подтверждение этому — наличие остатков именно благородного оленя в качестве сопровождающей погребальной пищи в могильной яме.

Итак, погребение собаки, обнаруженное в неолитическом слое шурфа 3 (2022 г.) стоянки Унхруг 1, — редкий случай для территории Прибайкалья. Остатки же самой собаки существенно дополняют базу данных по древним псовым региона.

Находка на стоянке Унхруг 1 во многом подтверждает традицию погребений собак в эпоху неолита в Прибайкалье. Общее для таких погребений — локализация их вблизи водного объекта (на побережье озера или реки) и приуроченность к могильнику или стоянке. Остается не до конца выясненным вопрос традиций

положения (поза и пр.) и ориентировки собак в могилах. Имеющиеся данные позволяют отметить только предпочтение размещения особи на правом боку.

Исследование остатков погребенной собаки позволило дополнить черепные характеристики древних псовых, а также выявить некоторые посткраниальные признаки, отличающие древних собак от современных. Среди таких показателей черепа специфическими являются крупноразмерность, массивность челюстных костей. Эти признаки могут указывать как на недавнее филогенетическое расхождение с волками, так и на непосредственное генетическое взаимодействие при частом скрещивании. Отдельные морфологические признаки посткраниальных костей пока довольно мозаичны, им трудно найти объяснение.

Полученные параллельно с датировкой данные по стабильным изотопам позволили интерпретировать унхругскую собаку как питомца охотников на крупную дичь. Макроскопическое исследование зубной эмали выявило развитие очагов гипоплазии на зубах, что указывает на пищевой стресс либо болезнь в начале жизни этой особи.

Таким образом, древняя собака эпохи неолита, обнаруженная на многослойной стоянке Унхруг 1, по нашему мнению, сопровождала охотников на крупных млекопитающих и питалась крупными костными отбросами, что повлияло на сильный износ зубов. При этом она дожила до преклонного возраста и была похоронена в индивидуальной могиле на берегу Байкала. Признание статуса найденной собаки проявилось и в характере сопровождающей ее погребальной пищи — мясной части шейного отдела благородного оленя.

Авторы статьи выражают благодарность Анджее Веберу, профессору Университета Альберты (г. Эдмонтон, Канада) за возможность датирования костей собаки со стоянки Унхруг 1 радиоуглеродным методом; В.И. Базалийскому, инженеру-исследователю Иркутского государственного университета за возможность изучить скелетные материалы с неолитических некрополей Прибайкалья: собаки с Шаманки II и волка с Локомотива. Благодарим также А.Е. Анучина, охотника из с. Коношаново (Жигаловский р-н Иркутской обл.), за предоставленную тушу современной лайки. Изучение следов гипоплазии осуществлено на бинокулярной лупе Carl Zeiss Stemi 508 Центра коллективного пользования “Геодинамика и геохронология” Института земной коры Сибирского отделения РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Базалийский В.И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита — неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Известия Лаборатории древних технологий. 2012. Вып. 9. С. 43—101.
- Бердникова Н.Е. Геоархеологический объект Усть-Белая. Культурные комплексы // Каменный век Южного Приангарья. Т. 2. Бельский геоархеологический район. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2001. С. 113—146.
- Горюнова О.И., Новиков А.Г. Радиоуглеродное датирование керамических комплексов с поселений эпохи неолита побережья Байкала // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 51. С. 98—107.
- Ивашина Л.Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. Новосибирск: Наука, 1979. 160 с.
- Кичигин Д.Е. Стоянка Красный Яр II северо-западного побережья озера Байкал: итоги и перспективы // Известия Лаборатории древних технологий. 2010. Вып. 8. С. 154—192.
- Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала (о. Ольхон). Новосибирск: Наука, 1982. 176 с.
- Кузнецов А.М., Хубанова А.М., Роговской Е.О., Клементьев А.М., Хубанов В.Б., Посохов В.Ф. Стабильные изотопы углерода и азота костных остатков млекопитающих раннего и среднего голоцена стоянки Остров Лиственичный (Пункт 2) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2019. Т. 27. С. 27—35.
- Савельев Н.А., Тетенькин А.В., Игумнова Е.С., Абдулов Т.А., Инешин Е.М., Осадчий С.С., Ветров В.М., Клементьев А.М., Мамонтов М.П., Орлова Л.А., Шибанова И.В. Многослойный геоархеологический объект Усть-Хайта — предварительные данные // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии Сибирского отд. РАН, 2001. С. 338—352.
- Секерская Е.П. Особенности палеоэкономической стратегии населения нижнего Дуная в эпоху позднего энеолита — ранней бронзы // *Terrae cognoscibilis: Культурное пространства между Балканами и Великой Степью в эпоху камня — бронзы*. Одесса: Смил, 2010 (Материалы по археологии Северного Причерноморья; вып. 11). С. 136—157.
- Харинский А.В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. // Известия Лаборатории древних технологий. 2005. Вып. 3. С. 198—215.
- Харинский А.В., Емельянова Ю.А., Кичигин Д.Е. Археологические объекты северо-западного побережья озера Байкал: по материалам разведок 1996, 1998 и 2015 годов // Известия Лаборатории древних технологий. 2015. № 4(17). С. 15—51.
- Ambrose S.H. Isotopic analysis of paleodiets: methodological and interpretative considerations // *Investigations of ancient human tissue, chemical analyses in Anthropology* / Ed. M.K. Sandford. Langhorne: Gordon and Breach Science Publishers, 1993. P. 59—130.
- Bocherens H., Drucker D. Trophic level isotopic enrichment of carbon and nitrogen in bone collagen: Case studies from recent and ancient terrestrial ecosystems // *International Journal of Osteoarchaeology*. 2003. Vol. 13, iss. 1—2. P. 46—53.
- Bronk Ramsey C. OxCal 4.4.4: program is intended to provide radiocarbon calibration and analysis of archaeological and environmental chronological information [Электронный ресурс]. 2021. URL: <https://c14.arch.ox.ac.uk/oxcal.html> (дата обращения: 22.11.2023).
- Losey R.J., Bazaliiskii V.I., Garvie-Lok S., Germonpre M., Leonard J.A., Allen A.L., Katzenberg M.A., Sablin M.V. Canids as persons: Early Neolithic dog and wolf burials, Cis-Baikal, Siberia // *Journal of Anthropological Archaeology*. 2011. Vol. 30, iss. 2. P. 174—189.

- Losey R., Garvie-Lok S., Leonard J.A., Katzenberg M.A., Germonpré M., Nomokonova T., Sablin M.V., Goriunova O.I., Berdnikova N.E., Savel'ev N.A. Burying dogs in ancient Cis-Baikal, Siberia: temporal trends and relationships with human diet and subsistence practices // PLoS ONE. 2013. Vol. 8, № 5. e63740.
- Losey R.J., Jessup E., Nomokonova T., Sablin M. Cranio-mandibular Trauma and Tooth Loss in Northern Dogs and Wolves: Implications for the Archaeological Study of Dog Husbandry and Domestication // PLoS ONE. 2014. Vol. 9, № 6. P. 1–16.
- Losey R.J., Nomokonova T., Guiry E., Fleming L.S., Garvie-Lok S.J., Waters-Rist A.L., Bieraugle M., Szpak P., Bachura O.P., Bazaliiskii V.I., Berdnikova N.E., Diatchina N.G., Frolov I.V., Gorbunov V.V., Goriunova O.I., Grushin S.P., Gusev A.V., Iaroslavl'tseva L.G., Ivanov G.L., Kharinskii A.V., Konstantinov M.V., Kosintsev P.A., Kovychev E.V., Lazin M.B., Nikitin I.G., Papin D.V., Popov A.N., Sablin M.V., Savel'ev N.A., Savinetsky A.B., Tishkin A.A. The evolution of dog diet and foraging: Insights from archaeological canids in Siberia // Science Advances. 2022. Vol. 8. eabo6493.
- Losey R.J., Osipov B., Sivakumaran R., Nomokonova T., Kovychev E.V., Diatchina N.G. Estimating body mass in Dogs and wolves using cranial and mandibular dimensions: Application to Siberian canids // International Journal of Osteoarchaeology. 2015. Vol. 25, iss. 6. P. 946–959.
- Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R., Friedrich M., Grootes P., Guilderson T., Hajdas I., Heaton T., Hogg A., Hughen K., Kromer B., Manning S., Muscheler R., Palmer J., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R., Richards D., Scott E., Southon J., Turney C., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP) // Radiocarbon. 2020. Vol. 62, iss. 4. P. 725–757.
- Schulting R.J., Bronk Ramsey C., Scharlotta I., Richards M., Weber A.W. Freshwater reservoir effects in Cis-Baikal: An overview // Archaeological Research in Asia. 2022. Vol. 29. 100324.

NEOLITHIC BURIAL OF A DOG ON OLKHON ISLAND (LAKE BAIKAL)

Dmitry E. Kichigin^{a, #} and Alexey M. Klementyev^{b, ##}

^aIrkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

^bInstitute of the Earth's Crust, Siberian Branch RAS, Irkutsk, Russia

[#]E-mail: kichkok@rambler.ru

^{##}E-mail: klem-al@bk.ru

In 2022, archaeological activities were conducted to clarify the boundaries of the multilayer Unkhrug 1 site located on Olkhon Island (Lake Baikal). In the lowest layer of one of the test pits, a burial of an ancient dog in an artificial pit was found with the remains of a red deer. This find is very rare for the Neolithic of the Baikal region. A morphometric study of bone remains, a comparative analysis with other skeletal materials, and radiocarbon and isotope analyzes were conducted. The data obtained made it possible to establish the individual characteristics of the buried dog and its possible diet. An individual burial with a ritual meat part of a red deer carcass inside indicates the special significance of this individual for the Neolithic inhabitants of Olkhon Island.

Keywords: Baikal region, Olkhon Island, the Neolithic, site, burial, dog, red deer.

REFERENCES

- Ambrose S.H., 1993. Isotopic analysis of paleodiets: methodological and interpretative considerations. *Investigations of ancient human tissue, chemical analyses in Anthropology*. M.K. Sandford, ed. Langhorne: Gordon and Breach Science Publishers, pp. 59–130.
- Bazaliyskiy V.I., 2012. Burial complexes of the late Mesolithic – Neolithic of Baikal Siberia: burial traditions, absolute age. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii [News of the Laboratory of Ancient Technologies]*, 9, pp. 43–101. (In Russ.)
- Berdnikova N.E., 2001. The geoarchaeological site of Ust-Belaya. Cultural complexes. *Kamennyy vek Yuzhnogo Priangar'ya [The Stone Age of the Southern Angara River region]*, 2. *Bel'skiy geoarkheologicheskii rayon [Belsky geoarchaeological district]*. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 113–146. (In Russ.)
- Bocherens H., Drucker D., 2003. Trophic level isotopic enrichment of carbon and nitrogen in bone collagen: Case studies from recent and ancient terrestrial ecosystems. *International Journal of Osteoarchaeology*, vol. 13, iss. 1–2, pp. 46–53.

- Bronk Ramsey C., 2021. OxCal 4.4.4: program is intended to provide radiocarbon calibration and analysis of archaeological and environmental chronological information (Electronic resource). URL: <https://c14.arch.ox.ac.uk/oxcal.html>.
- Goryunova O.I., Novikov A.G., 2018. Radiocarbon dating of pottery complexes from Neolithic settlements on the Baikal coast. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Tomsk State University. History]*, 51, pp. 98–107. (In Russ.)
- Ivashina L.G., 1979. Neolit i eneolit lesostepnoy zony Buryatii [The Neolithic and Eneolithic of the forest-steppe area of Buryatia]. Novosibirsk: Nauka. 160 p.
- Kharinskiy A.V., 2005. Western coast of Lake Baikal in the 1st millennium BC – 1st millennium AD. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy [News of the Laboratory of Ancient Technologies]*, 3, pp. 198–215. (In Russ.)
- Kharinskiy A.V., Emel'yanova Yu.A., Kichigin D.E., 2015. Archaeological sites of the northwestern coast of Lake Baikal: based on materials from the 1996, 1998 and 2015 surveys. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy [News of the Laboratory of Ancient Technologies]*, 4 (17), pp. 15–51. (In Russ.)
- Kichigin D.E., 2010. The Krasny Yar II site on the northwestern coast of Lake Baikal: results and prospects. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy [News of the Laboratory of Ancient Technologies]*, 8, pp. 154–192. (In Russ.)
- Konopatskiy A.K., 1982. Drevnie kul'tury Baykala (o. Ol'khon) [Ancient cultures of Baikal (Olkhon Island)]. Novosibirsk: Nauka. 176 p.
- Kuznetsov A.M., Khubanov A.M., Rogovskoy E.O., Klement'ev A.M., Khubanov V.B., Posokhov V.F., 2019. Stable carbon and nitrogen isotopes in bone remains of mammals from the early and middle Holocene site of Listvenichny Island (Location 2). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya [Bulletin of Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series]*, 27, pp. 27–35. (In Russ.)
- Losey R., Garvie-Lok S., Leonard J.A., Katzenberg M.A., Germonpré M., Nomokonova T., Sablin M.V., Goriunova O.I., Berdnikova N.E., Savel'ev N.A., 2013. Burying dogs in ancient Cis-Baikal, Siberia: temporal trends and relationships with human diet and subsistence practices. *PLoS ONE*, vol. 8, no. 5, e63740.
- Losey R.J., Bazaliiskii V.I., Garvie-Lok S., Germonpré M., Leonard J.A., Allen A.L., Katzenberg M.A., Sablin M.V., 2011. Canids as persons: Early Neolithic dog and wolf burials, Cis-Baikal, Siberia. *Journal of Anthropological Archaeology*, vol. 30, iss. 2, pp. 174–189.
- Losey R.J., Jessup E., Nomokonova T., Sablin M., 2014. Craniomandibular Trauma and Tooth Loss in Northern Dogs and Wolves: Implications for the Archaeological Study of Dog Husbandry and Domestication. *PLoS ONE*, vol. 9, no. 6, pp. 1–16.
- Losey R.J., Nomokonova T., Guiry E., Fleming L.S., Garvie-Lok S.J., Waters-Rist A.L., Bieraugle M., Szpak P., Bachura O.P., Bazaliiskii V.I., Berdnikova N.E., Diatchina N.G., Frolov I.V., Gorbunov V.V., Goriunova O.I., Grushin S.P., Gusev A.V., Iaroslavtseva L.G., Ivanov G.L., Kharinskii A.V., Konstantinov M.V., Kosintsev P.A., Kovychev E.V., Lazin B., Nikitin I.G., Papin D.V., Popov A.N., Sablin M.V., Savel'ev N.A., Savinetsky A.B., Tishkin A.A., 2022. The evolution of dog diet and foraging: Insights from archaeological canids in Siberia. *Science Advances*, 8, eabo6493.
- Losey R.J., Osipov B., Sivakumaran R., Nomokonova T., Kovychev E.V., Diatchina N.G., 2015. Estimating body mass in Dogs and wolves using cranial and mandibular dimensions: Application to Siberian canids. *International Journal of Osteoarchaeology*, vol. 25, iss. 6, pp. 946–959.
- Reimer P., Austin W., Bard E., Bayliss A., Blackwell P., Bronk Ramsey C., Butzin M., Cheng H., Edwards R., Friedrich M., Grootes P., Guilderson T., Hajdas I., Heaton T., Hogg A., Hughen K., Kromer B., Manning S., Muscheler R., Palmer J., Pearson C., van der Plicht J., Reimer R., Richards D., Scott E., Southon J., Turney C., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S., 2020. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP). *Radiocarbon*, vol. 62, iss. 4, pp. 725–757.
- Savel'ev N.A., Teten'kin A.V., Igumnova E.S., Abdulov T.A., Ineshin E.M., Osadchiy S.S., Vetrov V.M., Klement'ev A.M., Mamontov M.P., Orlova L.A., Shibanova I.V., 2001. The multilayer geoarchaeological site of Ust-Khayta – preliminary data. *Sovremennye problemy Evraziyskogo paleolitovedeniya [Modern issues of Eurasian palaeolithic studies]*. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk, pp. 338–352. (In Russ.)
- Schulking R.J., Bronk Ramsey C., Scharlotta I., Richards M., Weber A.W., 2022. Freshwater reservoir effects in Cis-Baikal: An overview. *Archaeological Research in Asia*, 29, 100324.
- Sekerskaya E.P., 2010. Features of the palaeoeconomic strategy of the Lower Danube population in the Late Eneolithic – Early Bronze Age. *Terracognoscibilis: Kul'turnoe prostranstvo mezhdru Balkanami i Velikoy Step'yu v epokhu kamnaya – bronzy [Terracognoscibilis: Cultural space between the Balkans and the Great Steppe in the Stone – Bronze Age]*. Odessa: Smil, pp. 136–157. (Materialy po arkheologii Severnogo Prichernom'ya, 11). (In Russ.)

ЧОБУРАК-I – НЕКРОПОЛЬ ЖУЖАНСКОГО ВРЕМЕНИ НА СЕВЕРНОМ АЛТАЕ

© 2024 г. Н. Н. Серегин^{1,*}, А. А. Тишкин^{1,**},
С. С. Матренин^{1,***}, Т. С. Паршикова^{1,****}

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

*E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

**E-mail: tishkin210@mail.ru

***E-mail: matrenins@mail.ru

****E-mail: taty-parshikova@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.03.2023 г.

После доработки 13.08.2023 г.

Принята к публикации 17.10.2023 г.

В статье представлены результаты изучения материалов раскопок некрополя булан-кобинской культуры, выявленного в составе крупного разновременного археологического комплекса Чобурак-I. Данный памятник, расположенный в Чемальском р-не Республики Алтай, исследуется экспедицией Алтайского государственного университета. Могильник состоял из 12 курганов, в которых находились непотревоженные погребения семи мужчин, трех женщин, подростка и ребенка. Ключевыми характеристиками обрядовой практики, выявленными в ходе раскопок, являются каменная насыпь небольшого размера с овальной выкладкой-крепидой; неглубокая могила; одиночная ингумация человека; ориентировка умершего головой на северо-запад; сопроводительное захоронение лошади, уложенной “в ногах” и поверх покойного. В погребениях обнаружен представительный инвентарь, включавший предметы вооружения и снаряжения, орудия труда и бытовые изделия, украшения, а также конскую амуницию. Анализ этих находок позволяет определить время сооружения некрополя Чобурак-I в рамках середины – второй половины IV в. н.э., что подтверждают результаты радиоуглеродного датирования. Выдвинуто предположение о непродолжительном периоде функционирования могильника (не более 30 лет). Установлено, что данный комплекс относится к дялянкой традиции обрядовой практики населения булан-кобинской культуры, носители которой составляли элиту кочевников Северного Алтая в жужанское время.

Ключевые слова: Алтай, жужанское время, некрополь, погребальный обряд, предметный комплекс, хронология, этнокультурная история, дяльская традиция.

DOI: 10.31857/S0869606324010109, EDN: ZVWFMV

Одним из наименее изученных периодов в истории кочевников Центральной Азии является жужанское время (вторая половина IV – первая половина VI вв. н.э.). Это обусловлено главным образом незначительным количеством имеющихся археологических материалов, полученных в ходе исследований в Монголии, Туве и Сибиряке. Исключением является, пожалуй, только Алтай, где благодаря интенсивным полевым работам на сегодняшний день сформирована довольно обширная источниковая база, которая представлена результатами раскопок

более 130 захоронений на десяти памятниках (Берель, Верх-Еланда-II, Верх-Уймон, Дялян, Катанда-I, Кок-Паш, Степушка, Чендек, Усть-Бийке-III, Яломан-II), относящихся к позднему этапу булан-кобинской культуры (вторая половина IV – первая половина V в. н.э.) (Тетерин, 1991; Соенов, Эбель, 1992; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018 и др.). Вместе с тем значительная часть обозначенных материалов остается не введенной в научный оборот. Кроме того, за редким исключением, отсутствуют

Fig. 1. The location of the funeral and memorial complex of Choburak-I

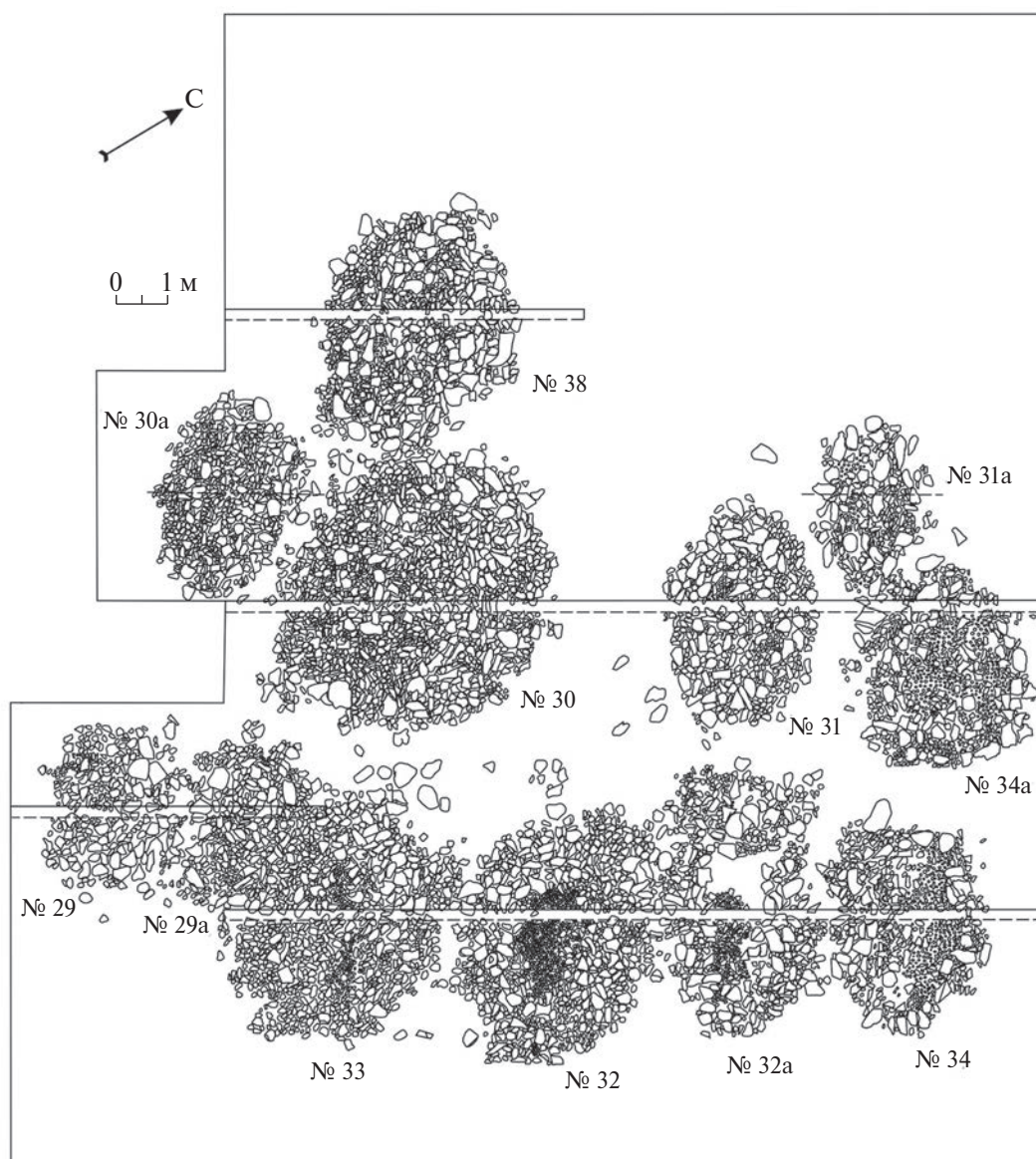

Рис. 2. План некрополя Чобурак-I.

Fig. 2. A plan of the Choburak-I necropolis

полностью раскопанные некрополи жужанского времени. Очевидна актуальность продолжения полевых исследований памятников указанного периода, а также комплексного изучения уже имеющихся источников.

Обозначенные обстоятельства определяют основную цель настоящей статьи, посвященной общей характеристике, анализу и интерпретации полностью раскопанного некрополя булан-кобинской культуры Чобурак-I, материалы которого свидетельствуют об исторической судьбе одной из локальных групп населения Алтая в жужанское время.

Погребально-поминальный комплекс Чобурак-I расположен в Чемальском р-не Республики Алтай, к югу от с. Еланда, на правом берегу Катунь (рис. 1). В составе этого разновременного памятника археологической экспедицией Алтайского государственного университета раскопан небольшой некрополь булан-кобинской культуры, состоявший из 12 курганов (Серегин и др., 2019, 2022 и др.). Данные объекты были локализованы в пространстве в виде двух параллельных рядов, ориентированных по направлению юго-запад – северо-восток (рис. 2). “Восточная” линия включала шесть насыпей (курганы № 29, 29а, 32, 32а, 33, 34), находящихся

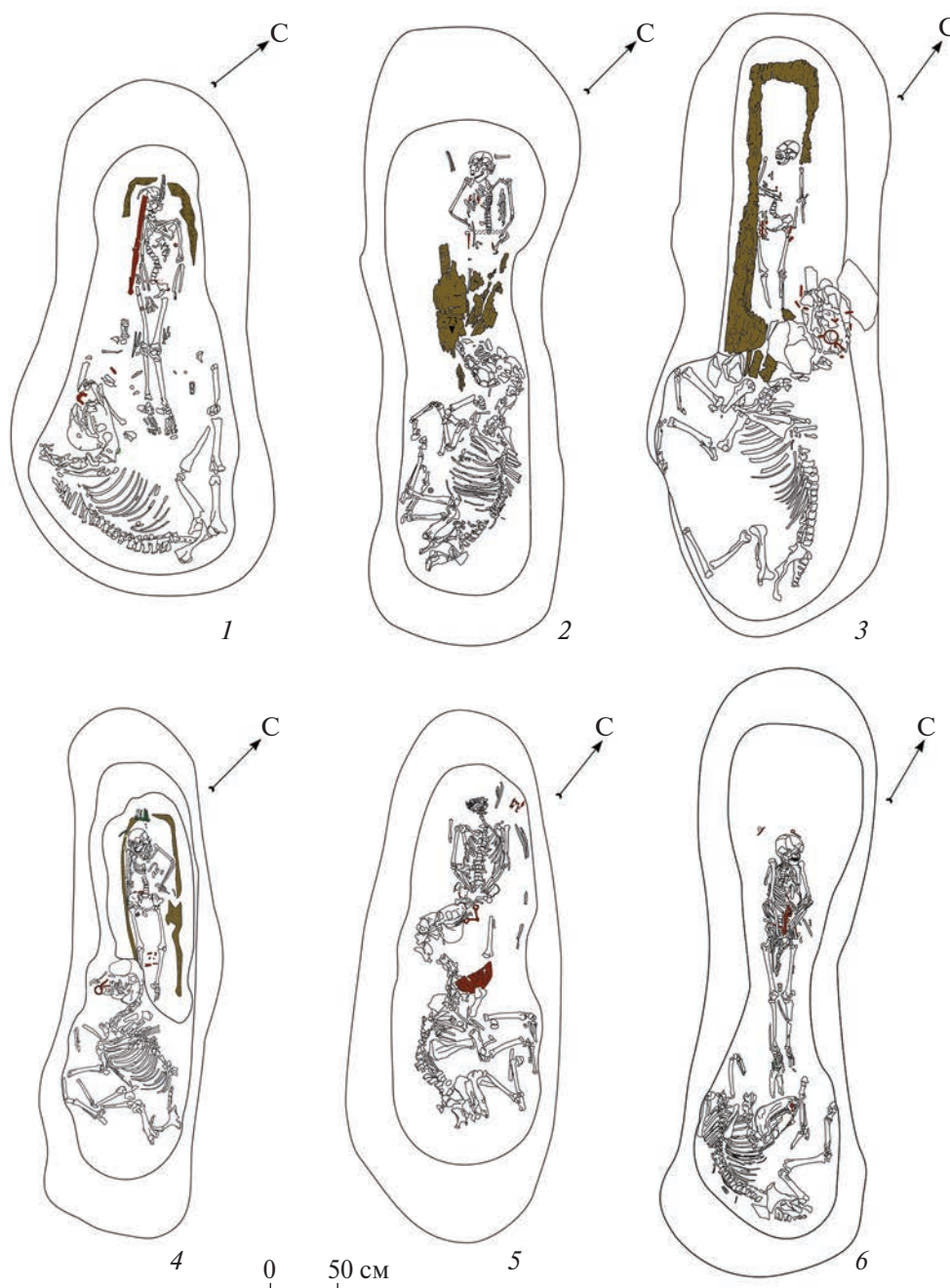

Рис. 3. Планы могил некрополя Чобурак-I: 1 – курган № 30а; 2 – курган № 32; 3 – курган № 33; 4 – курган № 34; 5 – курган № 34а; 6 – курган № 38.

Fig. 3. Plans of the graves at the Choburak-I necropolis

вплотную друг к другу, а в некоторых случаях (курганы № 29, 29а, 33), вероятно, соприкасавшихся. “Западный” ряд объединял также шесть сооружений, образовавших две группы: курганы № 30, 30а (располагались в линию) и 38 (примыкал с северо-запада к кургану № 30); курганы № 31, 34а (выстроены в линию) и 31а (примыкал с запада к кургану № 31).

Наземные конструкции рассматриваемых объектов представляли собой плоские каменные наброски округлой или овальной формы (длина 3.2–6.2 м, ширина 2.2–5 м, высота 0.3–0.5 м) с крепидой по внешнему краю, вытянутой длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Под насыпями во всех случаях находилась одна могильная яма вытянуто-овальной формы,

ориентированная продольной осью с северо-запада на юго-восток, с плотной каменно-земляной забутовкой. В десяти объектах находились “длинные” (3–4,8 м) могилы глубиной около 1 м от уровня древнего горизонта с деревянными конструкциями (колода, рама) и без таковых, содержавшие одиночные захоронения мужчин и женщин (рис. 3). Умершие были похоронены вытянуто на спине, головой ориентированы на северо-запад. Важным признаком являлось присутствие верховой лошади, уложенной в юго-восточной части могилы, “в ногах”, на одном уровне или поверх покойных (в последнем случае перекрывая до трети тела человека). Животные были обращены головой в одну сторону с погребенными людьми и размещались преимущественно на правом боку.

Все захоронения оказались непотревоженными и содержали костные останки двенадцати человек: ребенка 9–11 лет (курган № 29); подростка 13–15 лет (курган № 29а); трех женщин в возрасте от 20–25 до 40–50 лет (курганы № 32а, 33, 34); семи мужчин от возмужалого (25–30 лет) до старческого (более 55 лет) возраста (курганы № 30, 30а, 31, 31а, 32, 34а, 38)¹. Важно отметить, что на посткраниальных скелетах трех мужчин (курганы № 30а, 31, 34а) были диагностированы множественные однотипные травмы без следов заживления, нанесенные клинковым рубяще-режущим оружием (вероятно, мечом), а также иные смертельные раны. При этом похороненный в кургане № 34а индивид 30–35 лет был обезглавлен, а на месте его головы и пяти первых шейных позвонков находился череп молодого барана, установленный на основание и таким образом демонстрирующий своеобразную попытку создания муляжа целого человеческого тела.

С умершими найдены многочисленные предметы сопроводительного инвентаря (рис. 4–7). При этом раскопанные погребения довольно заметно различались по насыщенности инвентарем. Так, среди захоронений мужчин выделялись воины, снабженные мечами, боевыми ножами, железными наконечниками стрел, разнообразным воинским снаряжением, амуницией верхового коня и другими изделиями (курганы № 30, 30а, 38). В женской

группе захоронений наиболее представительный комплекс предметов найден с покойной из объекта № 34а, похороненной в оригинальном по оформлению головном уборе. Весьма своеобразный набор изделий обнаружен в погребении молодой женщины из кургана № 33, в котором преобладали вещи (железная панцирная пластина доспеха, шило, железный инструмент), в большей степени характерные для мужских захоронений булан-кобинской культуры (Серегин и др., 2019). В могиле подростка из кургана № 29а зафиксирован полноценный комплект мужского инвентаря (лук, стрелы с железными наконечниками, боевой нож в ножнах, пояс с различными ременными гарнитурами, костяная рукоять плети), и при этом найден костяной (роговой) гребень, традиционный для женских захоронений рассматриваемой общности (Серегин и др., 2022).

Изучение результатов раскопок некрополя Чобурак-I, а также сопоставление полученных данных с материалами из других памятников Алтая последней четверти I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э. позволяет выявить общие, особенные и единичные элементы обрядовой практики, важные для понимания этнокультурных и социальных процессов, происходивших в обозначенном регионе на рубеже поздней древности и раннего средневековья.

Зафиксированные показатели планиграфии погребений (плотная концентрация курганов на территории кладбища, локализация в виде рядов) и устройства насыпей (полусферические каменные наброски овальной в плане формы, практически всегда с выкладкой-крепидой) характерны для традиций большинства групп населения Алтая во II в. до н.э. — V в. н.э. (Соенов, 2003. С. 29–31; Серегин, Матренин, 2016. С. 13–21). Принимая во внимание разницу расстояний между насыпями, с большой степенью вероятности можно предположить, что более поздними являлись сооружения, выходящие за “прямую” линию (курганы № 31а и 38).

Выявлена определенная вариативность оформления семи погребальных камер, выполненного из дерева. В четырех курганах (№ 29, 29а, 30а, 34) находились конструкции плохой сохранности в виде ящика или рамы из тонких жердей с продольным перекрытием (рис. 3, 1, 4), наиболее массово представленные у кочевников

¹ Антропологические определения выполнены С.С. Тур.

Рис. 4. Комплекс вооружения и снаряжения из могильника Чобурак-I: 1–14 – накладки на лук; 15, 16 – мечи с деталями ножен; 19–32 – наконечники стрел; 33 – панцирная пластина; 34, 35 – колчаные крюки; 36, 37, 39–41 – поясные пряжки; 39 – крепление; 42 – наконечник ремня; 43, 44, 56 – “блоки”; 45 – распределитель ремней; 46–53 – поясные бляхи; 57–60 – детали плетей (1–14, 57–60 – кость (рог); 16–56 – железо).

Fig. 4. A weapon and equipment complex from the Choburak-I burial ground

Северного и Юго-Восточного Алтая во II — первой половине IV вв. н.э. (Серегин, Матренин, 2016. С. 37). В курганах № 30 и 33 сохранились колоды (рис. 3, 3). Отметим, что население булан-кобинской культуры крайне редко практиковало погребения в таких конструкциях (менее 5% случаев) (Серегин, Матренин, 2016. С. 38). В могиле кургана № 32 расчищено деревянное ложе, перекрытое сверху тесом из широких пластин, снятых со ствола дерева (рис. 3, 2). Точные аналогии такому сооружению в материалах рассматриваемой общности нам не известны. В остальных пяти объектах зафиксированы ямы без внутримогильных конструкций, в целом характерные для кочевников Северного Алтая во второй четверти I тыс. н.э. (Серегин, Матренин, 2016. С. 38). Также традиционной формой обряда являлась одиночная ингумация и ориентировка умерших головой в северо-западном направлении.

Особенностью обряда представителей локальной группы “булан-кобинцев”, оставивших погребения на некрополе Чобурак-I, является присутствие в могилах всех взрослых мужчин и женщин сопроводительного захоронения верхового коня в юго-восточной части могильной ямы. Данная традиция фиксируется в разном виде на всех этапах существования булан-кобинской культуры (Серегин, Матренин, 2016. С. 60, 61). В трех мужских (курганы № 31, 31а, 38) и одной женской (курган № 32а) могилах рассматриваемого памятника в разных местах были обнаружены остатки ритуальной мясной пищи в виде костей мелкого рогатого скота (пояснично-крестцовая часть скелета овцы, ребе лопатка, ребра), которая, вероятно, помещалась в деревянную посуду. В одном случае рядом с ней находился нож с коротким клинком.

Изучение обнаруженных в некрополе жужанского времени на памятнике Чобурак-I многочисленных предметов сопроводительного инвентаря с учетом актуальных аналогий в археологических материалах Алтая и сопредельных территорий первой половины I тыс. н.э. предоставляет широкие возможности для датирования данного комплекса.

Анализ результатов типологии разных категорий изделий позволяет выделить несколько групп хронологических индикаторов, имеющих

разное значение для установления времени сооружения некрополя жужанского периода на памятнике Чобурак-I. Наиболее показательные из них представлены “поздними” изделиями с самым коротким периодом бытования в рамках булан-кобинской культуры, определяющими нижнюю дату рассматриваемого комплекса захоронений.

В составе вооружения к таковым относятся железные однолезвийные мечи без перекрестья и наверхия (рис. 4, 15, 16), которые вошли в состав предметного комплекса воинов Алтая с середины IV в. н.э. (Горбунов, 2006. С. 59, 111). Железные бронебойные трехгранные наконечники стрел с листовидным (рис. 4, 27–29) и килевидным (рис. 4, 31) пером, а также боевые четырехгранные изделия листовидной формы (рис. 4, 30), часто снабженные кольцевым упором, активно использовались населением региона во второй половине IV — V вв. н.э. (Горбунов, 2006. С. 40). Сравнительно поздней модификацией можно считать ярусный трехгранно-трехлопастной наконечник стрелы с кольцевым упором (рис. 4, 24), являющийся продуктом усовершенствования “булан-кобинцами” изделий хуннуской военной традиции в жужанское время (Горбунов, 2006. С. 39).

Важными для хронологической интерпретации некрополя жужанского времени в составе комплекса Чобурак-I являются декоративные элементы конской амуниции. К обозначенным изделиям относятся бронзовые уздечные бляхи-накладки с полусферическим корпусом округлой формы (рис. 5, 24–27), встречающиеся среди находок на территории Северного Китая и датируемые IV–V вв. н.э. (Yu Junyu, 1997. Fig. 3, 6; Гао Фэн, 2006. Рис. 33, 1 и др.), а также известные по материалам булан-кобинских курганов второй половины IV — V вв. н.э. (Матренин, Тишкин, 2016. Рис. 1, А1, Б, В1). Верхний хронологический горизонт их бытования на Алтае демонстрируют изделия из тюркских памятников второй половины VI — первой половины VII в. н.э. (Гаврилова, 1965. С. 22, 23. Табл. VII, 2; XIV, 8; Горбунова, 2010. С. 64, 65. Рис. 29, 31). В составе уздечных суголовий из погребений жужанского времени комплекса Чобурак-I присутствуют железные бляхи, фиксирующиеся вставным шпеньком с конической или полусферической шляпкой, вмонтированным

в корпус четырехугольной в сечении пластины округлой формы (рис. 5, 19–23). Точные аналогии им происходят из объектов памятника Верх-Уймон на Алтае (Соенов, 2000. Рис. 10, 1–5). Весьма оригинальными являются железные уздечные бляхи с полусферическим корпусом округлой формы и подвеской в виде крученой восьмерковидной петли (рис. 5, 29). Конструктивно близкие уздечные детали обнаружены в ходе раскопок погребений могильника Яломан-II, относящихся ко второй половине IV — первой половине V в. н.э. (Матренин, Тишкин, 2016. Рис. 3, А, Б; Матренин, 2018. Рис. 1, 43–51). Похожие экземпляры, изготовленные из цветного металла, известны в археологических материалах второй половины IV — V в. н.э. Северного Китая и Алтайской лесостепи (Егоров, 1993. Рис. 1, 8; Yu Junyu, 1997. Fig. 3, 6; Гао Фэн, 2006. Рис. 33, 1; 36, 3, 4, 10 и др.), а также обнаружены в захоронении V — начала VI в. н.э. в Томском Приобье (Беликова, Плетнева, 1983. Рис. 2, 9; 18, 4).

В снаряжении верхового коня показательными являются костяные (роговые) цурки (рис. 5, 36–38). Такие изделия относятся к маркерам позднего этапа булан-кобинской культуры (вторая половина IV — первая половина V в. н.э.), что подтверждают датированные находки из разных регионов Центральной Азии (Левина, 1996. Рис. 94, 4; Дашибалов, 2011. С. 26. Рис. 58, 7; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003. С. 175. Рис. 4, 6, 8, 9; Матренин, 2018. С. 193. Рис. 2, 22–25 и др.). Своего рода хронологическими маркерами выступают также костяные (роговые) окантовки (рис. 5, 33, 34) несохранившихся деревянных лук от пяти седел, которые имеют аналогии на Алтае в погребениях второй половины IV — первой половины V в. н.э. из памятников Дялян и Яломан-II (Сергеев и др., 2021. С. 27, 28).

В комплексе украшений особое значение имеют металлические серьги с выделенным основанием в форме цилиндрической спирали (рис. 7, 10). Аналогии таким изделиям известны в археологических материалах второй половины IV — V вв. н.э. Верхнего Приобья и Восточного Казахстана (Грязнов, 1956. Табл. XLV, 11, 25–27; Арсланова, 1975. Табл. II, 11), а также зафиксированы в ходе раскопок комплексов позднего этапа булан-кобинской культуры

Алтая (Соенов, 2000. Рис. 7, 9; Тетерин, 2005. Рис. 2, 29; Трифанова, Соенов, 2019. С. 57).

С большой долей вероятности в серию предметов второй половины IV — первой половины V в. н.э. входят зафиксированные на могильнике Чобурак-I костяные (роговые) детали плетей в виде массивных трубочек с одним продольным (сквозным или глухим) и двумя сквозными поперечными отверстиями (рис. 4, 59, 60) (Тетерин, 2016. С. 91. Рис. 2, 1; Соенов, 2017. С. 122. Рис. 9, 1; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018. Табл. 39, 3, 4).

Важно подчеркнуть, что датировку представленной группы изделий сопроводительного инвентаря из объектов некрополя Чобурак-I временем не ранее середины — второй половины IV в. н.э. подтверждает обнаружение их в закрытых комплексах булан-кобинской культуры Алтая (Верх-Уймон, Степушка, Яломан-II), хронология которых была обоснована результатами радиоуглеродного анализа (Тишкин, 2017. С. 55, 56; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018. С. 149–154; Konstantinov et al., 2018. Tab. 1 и др.).

Судя по актуальным аналогиям в археологических комплексах Центральной и Северной Азии, многочисленная группа изделий из погребений могильника Чобурак-I датируется периодом не ранее второй половины III — начала IV в. н.э. Данная серия предметов представлена разнообразными железными наконечниками стрел: ярусными южносибирской и хуннской традиций с кольцевым упором (рис. 4, 19–20), килевидными с кольцевым и цилиндрическим упором (рис. 4, 23, 25), четырехгранным срезом с четырехугольным пером (рис. 4, 32), ассиметрично-ромбическими и шестиугольными с кольцевым упором (рис. 4, 21, 22) (Худяков, 1986. С. 71. Рис. 27, 5–11; 1991. С. 56. Рис. 26, 13, 22; Горбунов, 2006. С. 28–31, 38, 39. Рис. 26, 9, 24; 77; Эрдэнэ-Очир, 2011. С. 194. Рис. 9, 10, 11 и др.); элементами снаряжения: колчанными крюками с поперечной планкой на язычке (рис. 4, 35), креплениями в виде восьмерковидных цепочек (рис. 4, 15, 38), отдельными типами поясных пряжек (рис. 4, 40), поясными бляхами-зажимами (рис. 4, 54) и накладками (рис. 4, 50, 51) (Беликова, Плетнева, 1983. Рис. 10, 4; 11, 5; 13, 12; Матренин, 2017. С. 11–13, 17–25, 24, 38, 50, 66, 76, 83, 84, 89, 90, 94; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018. С. 68, 69, 74, 79,

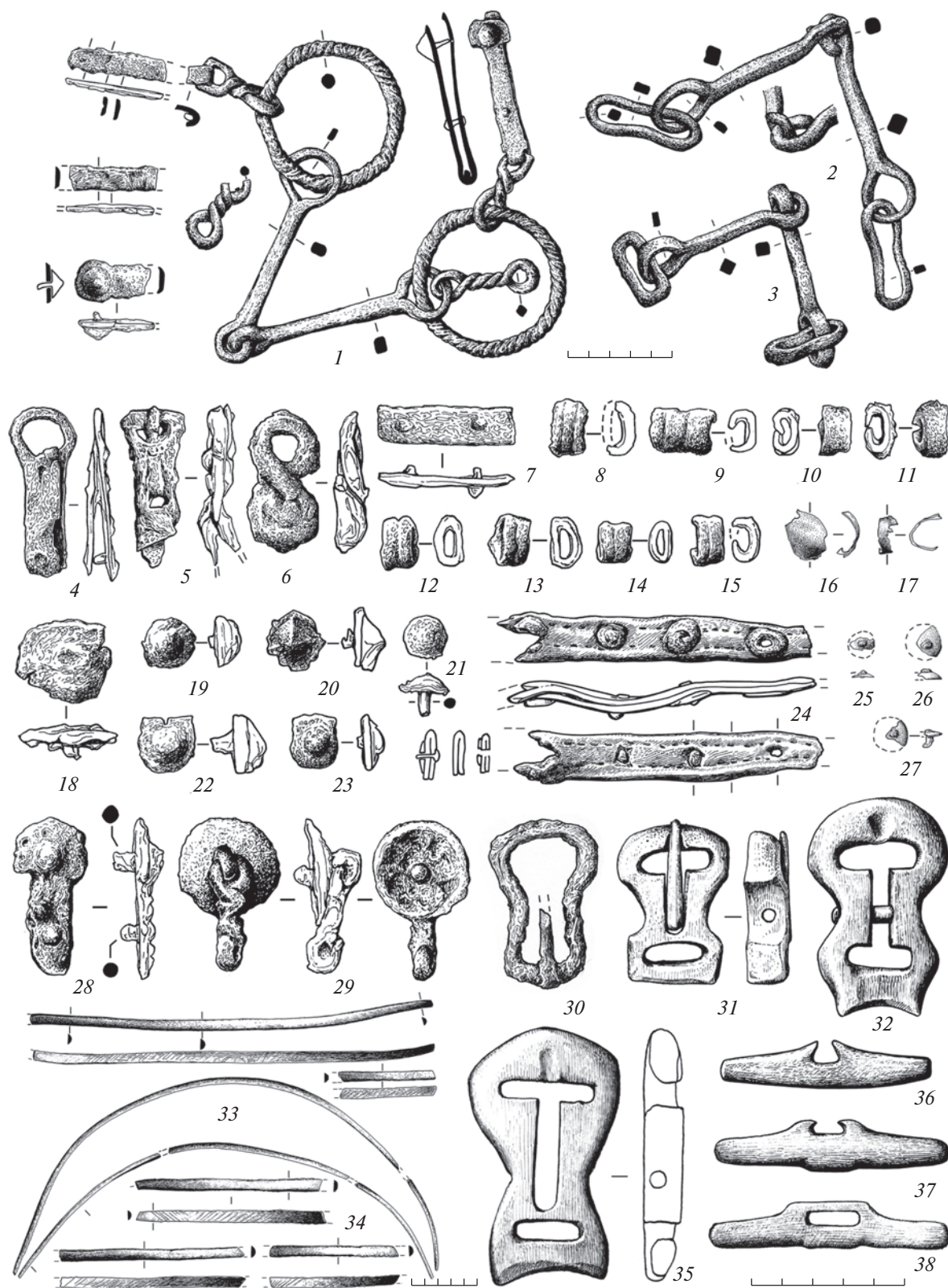

Рис. 5. Снаряжение верхнего коня из могильника Чобурак-I: 1–3 – удила с деталями узды; 4, 5 – уздечные пряжки; 6 – уздечная застежка; 7–15, 18–23, 25–27 – уздечные бляхи; 16, 17 – детали нагивника; 24 – ремень суголовья; 28 – наконечник ремня; 30–32, 35 – подпружные пряжки; 33, 34 – седельные канты; 36–38 – цурки (1–15, 18–23, 28–30 – железо; 16, 17 – цветной металл; 24 – кожа, бронза; 31–38 – кость (рог)).

Fig. 5. Riding horse equipment from the Choburak-I burial ground

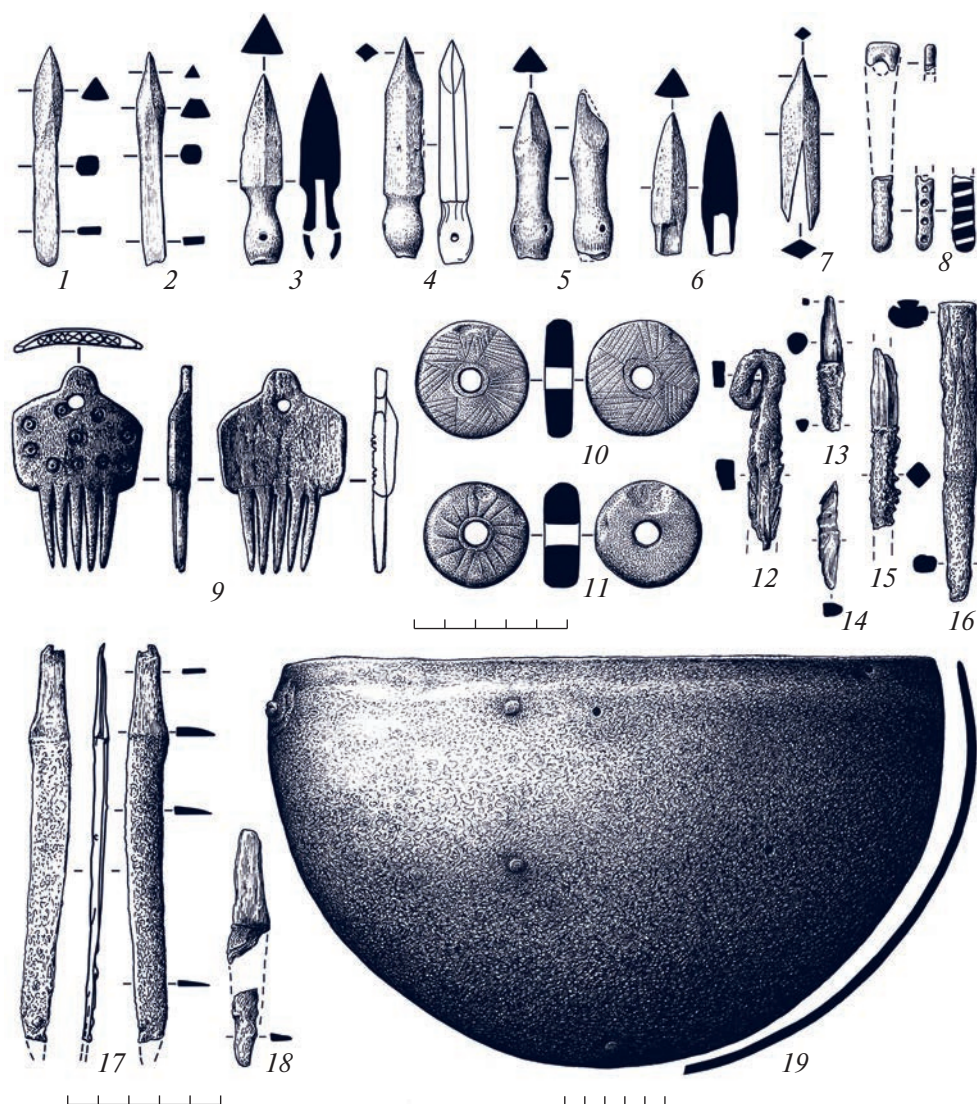

Рис. 6. Орудия труда и предметы быта из могильника Чобурак-I: 1–7 – наконечники стрел; 8 – рукоять косметической щетки; 9 – гребень; 10, 11 – пряслица; 12–15 – шилья; 16 – инструмент; 17, 18 – ножи; 19 – реконструкция котла (1–9 – кость (рог); 10, 11 – камень; 12–19 – железо).

Fig. 6. Tools and household items from the Choburak-I burial ground

94, 96 и др.); амуницией верхового коня: удилами с кольчатым соединением звеньев, оснащенными кольцевыми псалиями (рис. 5, 1), соединеннокрюковыми удилами с кольчатыми окончаниями грызл и восьмерковидными петлями (рис. 5, 2, 3), уздечными пряжками с т-образными рамками (рис. 5, 5), восьмерковидными застежками и креплениями (рис. 5, 6), уздечными бляхами-пронизьями в виде обойм (рис. 5, 8–11, 12–15), подпружными костяными (роговыми) пряжками с подвижным язычком (рис. 5, 31, 32) (Тетерин, 2007. Рис. 18, 2; Матренин, 2017. С. 48, 49, 66, 84, 92. Рис. 17, 7–13; 2018. С. 188–191; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018.

С. 112, 114); костяными (роговыми) наконечниками стрел с выступающей втулкой-свистункой бочонковидной формы (рис. 6, 3–5) (Матренин, Серегин, 2019. С. 109), крючковыми серьгами с щитком в виде двойной концентрической спирали (рис. 7, 10) (Яремчук, 2005. Рис. 114, 1–3, 5, 9, 10; Ковычев, 2006. Рис. 5, 25–27, 29), железным круглодонным котлом (“казаном”) (рис. 6, 19) (Кызласов, 1979. Рис. 21, 9).

Остальные категории сопроводительного инвентаря из объектов жужанского периода комплекса Чобурак-I существовали в течение достаточного продолжительного времени в рамках II–V вв. н.э.

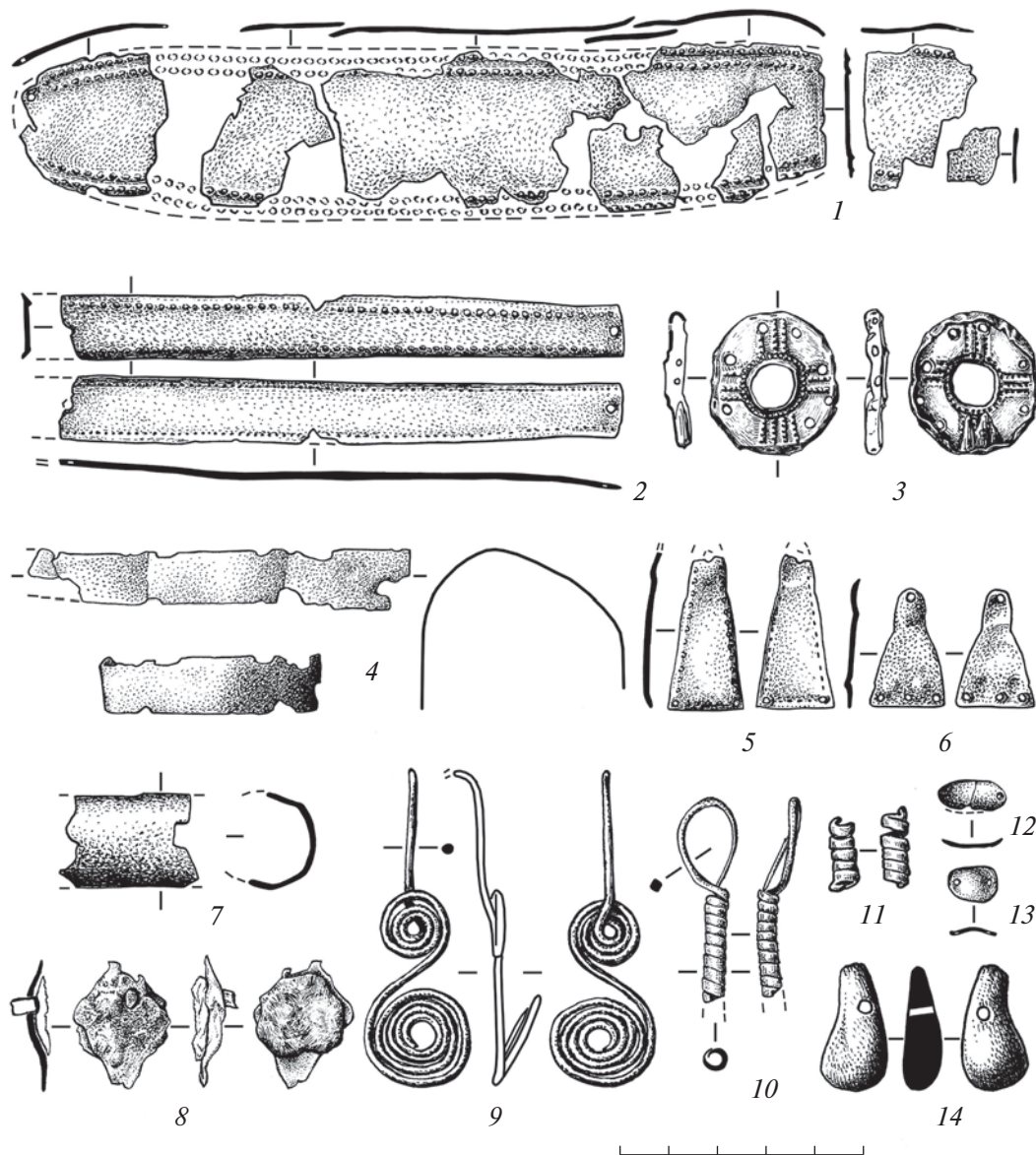

Рис. 7. Украшения из могильника Чобурак-I: 1, 2, 4 – нашивные пластины; 3, 5, 6, 12, 13 – бляхи; 7 – наконсик; 8, 14 – подвески; 9, 10 – серьги (1–7, 9–13 – цветной металл; 8 – железо; 14 – кость).

Fig. 7. Ornaments from the Choburak-I burial ground

Охарактеризованные хроноиндикаторы предметного комплекса с учетом нижней границы появления наиболее поздних изделий дают основания для определения даты рассматриваемой части могильника Чобурак-I в рамках середины – второй половины IV в. н.э., что соответствует началу жужанского периода в истории населения Алтая. Данное заключение согласуется с полученными результатами радиоуглеродного анализа серии образцов из погребений обозначенного комплекса (Серегин и др., 2022. С. 129 и др.).

По совокупности характеристик обрядовой практики некрополь жужанского времени, исследованный на памятнике Чобурак-I, относится к дялянской традиции погребального обряда населения булан-кобинской культуры. Ключевыми ее особенностями, наряду с показателями, получившими широкое распространение на Алтае во II в. до н.э. – V в. н.э., являются каменная насыпь небольшого размера с овальной выкладкой-крепидой; одиночная ингумация человека; ориентировка умершего головой на северо-запад; сопроводительное

захоронение лошади, уложенной в ногах и поверх покойного (Серегин, Матренин, 2016. С. 161, 162; Митько, 2018. С. 26–39).

Судя по имеющимся данным, ключевым компонентом в генезисе дялянской погребальной традиции была группа пришлого населения, проникшая на Алтай еще в начале хуннского времени (II — начало I в. до н.э.) и по некоторым характеристикам обряда близкая кочевникам Восточного Казахстана (Серегин, Матренин, 2016. С. 160, 161). Дальнейшие исторические судьбы носителей дялянской традиции были связаны с существовавшим в Центральной Азии Жужанским каганатом (359–552 гг. н.э.). Во второй половине IV — начале V в. н.э. “дяляны” стали элитой общества кочевников Северного Алтая. Вероятно, во второй половине V — начале VI в. н.э. носители рассматриваемой традиции были включены в состав формировавшейся этнополитической общности тюрков. При этом отсутствие у последних практики размещения в могиле лошади в ногах или поверх человека демонстрирует определенную дистанцию в контактах с “дялянами”. Одним из результатов коренных изменений политической ситуации в Центральной Азии (ослабление жужаней и образование в середине VI в. н.э. Первого тюркского каганата) стало вовлечение элиты населения булан-кобинской культуры, среди которых, очевидно, были носители дялянской традиции, в миграционный поток в западном направлении. Отражением данного переселения (в составе жужанской общности?) можно считать появление во второй половине VI — VII в. н.э. в европейских степях (Приазовье, Паннония) могил с лошастью и отдельными частями ее туши, уложенными в “длинных” ямах с западной и северо-западной ориентировкой и размещенных в ногах покойных на разном уровне (Митько, 2018. С. 32, 33. Рис. 7, 8).

Другую возможную линию истории носителей дялянской традиции позволяют наметить результаты раскопок археологических памятников раннего средневековья Алтайской лесостепи и предгорной зоны Алтая. Аргументом для ее обоснования являются объекты конца VI — начала VIII в. н.э., раскопанные на некрополе Горный-10 (Абдулганеев, 2001. С. 128; Серегин, Абдулганеев, Степанова, 2019. С. 19. Рис. 2 и др.), а также погребения второй половины VIII —

первой половины IX в. н.э. из памятника Иня-1 (Уманский, 1970. С. 50–63; Горбунов, 2020. С. 31–33), содержавшие “нестандартные” для тюрков захоронения с верховым конем.

В целом представляется возможным утверждать, что жужанское время оказалось наиболее важным этапом в истории носителей дялянской традиции погребального обряда, а в дальнейшем они оказались вовлечены в сложные этнополитические процессы, происходившие в Центральной Азии и на обширных сопредельных территориях. Именно к этому периоду относится рассматриваемый некрополь в составе комплекса Чобурак-I, демонстрирующий недолгое существование локального коллектива кочевников. Проанализированные материалы свидетельствуют о совершении захоронений на территории данного могильника в течение непродолжительного периода (по-видимому, не более 30 лет)². Основными доводами в пользу данного утверждения выступают небольшой размер рассматриваемого комплекса, значительное единообразие погребального обряда и облика сопроводительного инвентаря, а также документированные случаи насильственной смерти троих из семи мужчин. При этом, судя по имеющимся материалам, некрополь жужанского времени в составе памятника Чобурак-I является близким по времени (возможно, синхронным?) могильнику Дялян из Северного Алтая, с которым он обнаруживает поразительное сходство по большинству характеристик (Тетерин, 1991; Митько, 2018).

Несмотря на сравнительную немногочисленность, полученная серия археологических и антропологических материалов предоставляет основания для изучения некоторых аспектов социальной истории населения Северного Алтая в жужанское время. Средняя продолжительность жизни взрослых людей составляла 35 лет с незначительной разницей у мужчин (35.7 лет) и женщин (32.2 лет), что совпадает с показателями среднего возраста смерти представителей обоих полов, полученными на основе обобщенной выборки по погребальным

² Важно отметить, что раскопанные на сегодняшний день погребальные памятники булан-кобинской культуры второй половины IV — первой половины V в. н.э. пока не имеют выраженных отличий в сопроводительном инвентаре для уверенного разделения на “ранние” и “поздние” комплексы.

комплексам Алтая последней четверти I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э. (Серегин, Матренин, 2020. С. 77). Для мужской части рассматриваемой популяции характерно отсутствие индивидов моложе 25 лет. Можно сделать заключение, что пик смертности у мужчин приходился на период с 30 до 35 лет. Отдельного внимания заслуживает крайне редкий для населения булан-кобинской культуры случай доживания мужчины до глубокой старости (старше 55 лет), сохранившего, принимая во внимание состав инвентаря в рассматриваемом погребении, довольно высокий статус в обществе.

Важным фактором, оказавшим влияние на демографическую структуру локальной группы, оставившей некрополь жужанского времени на территории комплекса Чобурак-I, было участие ее представителей в вооруженных конфликтах. Зафиксированные у троих мужчин свидетельства летальных травм демонстрируют высокий уровень вооруженного насилия на Алтае в эпоху Великого переселения народов, когда в связи с распадом державы сяньби во второй половине III в. н.э. и обострением междоусобной борьбы за власть в IV в. н.э. отдельные коллективы “булан-кобинцев” могли стать участниками столкновений, в том числе с культурно/этнически чужеродным населением (Тур, Матренин, Соенов, 2018. С. 136).

Социальная стратификация мужчин, похороненных в курганах некрополя жужанского времени на территории памятника Чобурак-I, нашла отражение в качественном и количественном составе предметов вооружения, снаряжения человека и верхового коня. Изучение взаимной встречаемости различных категорий изделий позволяет с известной долей условности выделить три социальные группы: военачальники или особо отличившиеся профессиональные воины (курганы № 30, 30а, 38); профессиональный воин с высоким материальным достатком (курган № 32); зажиточная прослойка рядового населения, представители которой в мирное время занимались животноводством и охотой, а в военный период выполняли функции легковооруженных ополченцев (курганы № 31, 31а, 34а). Судя по наборам украшений и конского снаряжения, все женщины имели при жизни довольно высокий

социальный статус. При этом покойная, похороненная в кургане № 34, выделялась своим положением не только в рамках рассматриваемого локального коллектива скотоводов, но и среди других групп населения Северного Алтая предтюркского времени. Выявлен “особый” статус подростка 13–15 лет из кургана № 29а, который определялся произошедшим формальным переходом данного индивида во взрослое состояние при сохранении некоторых ограничений, обусловленных отставанием его физического развития.

Результаты раскопок некрополя жужанского времени в составе комплекса Чобурак-I представляют основания для обозначения его в качестве эталонного памятника жужанского времени на Северном Алтае, материалы которого имеют большое значение для изучения различных аспектов истории носителей дялянской погребальной традиции населения булан-кобинской культуры. Введенные в научный оборот сведения позволяют конкретизировать общие и особенные характеристики погребального обряда обозначенной группы кочевников в предтюркское время, а также представить реконструкцию исторических судеб “дялянцев” в контексте сложных этнополитических процессов в Центральной Азии и на сопредельных территориях. Проанализированный сопроводительный инвентарь, имеющий значительное количество аналогий, а также полученные результаты радиоуглеродного датирования способствуют определению времени создания рассматриваемого могильника в рамках середины — второй половины IV в. н.э. Принимая во внимание небольшое количество захоронений, значительное единообразие погребального обряда и сопроводительного инвентаря, а также зафиксированные случаи насильственной смерти мужчин, сделан вывод о функционировании данного некрополя в течение непродолжительного периода. Сопоставление материалов раскопок части комплекса Чобурак-I с другими памятниками булан-кобинской культуры позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемый некрополь оставлен представителями местной элиты кочевников Северного Алтая жужанского времени. Данный могильник отражает существование небольшого, но при этом весьма монолитного коллектива, и включает, вероятно, захоронения близких

родственников. Возможности детализации различных аспектов истории группы кочевников, совершавших погребения жужанского периода на комплексе Чобурак-I, связаны с продолжением междисциплинарного изучения полученных данных, в том числе с палеогенетическими исследованиями, предполагающими привлечение широкого круга материалов.

Исследование выполнено в рамках проекта «Тюркский мир “Большого Алтая”: единство и многообразие в истории и современности» (реестровый номер 850000Ф.99.1. БН66АА04000).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдулганеев М.Т. Могильник Горный 10 — памятник древнетюркской эпохи в северных предгорьях Алтая // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2001. С. 128—131.
- Арсланова Ф.Х. Курганы с “усами” Восточного Казахстана // Древности Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1975. С. 116—129.
- Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V—VIII вв. н.э. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1983. 243 с.
- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III—VII века). Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии Сибирского отд. РАН, 2003. 224 с.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Гао Фэн. Северо-вэйские погребения на шоссе в городе Датун провинции Шанси // Вэньу. 2006. № 10. С. 51—71. (На кит. яз.)
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III—XIV вв. Ч. II. Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2006. 232 с.
- Горбунов В.В. Сопроводительные захоронения животных на могильнике Иня-1 в Барнаульском Приобье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVI. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2020. С. 235—243.
- Горбунова Т.Г. Реконструкция конского снаряжения средневековых кочевников Алтая: методика и некоторые результаты. Барнаул: Азбука, 2010. 136 с.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 48). 162 с.
- Дашибалов Б.Б. Древности хори-монголов: хунно-сяньбийское наследие Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского ун-та, 2011. 174 с.
- Егоров Я.В. Новое исследование погребения воина эпохи “Великого переселения народов” на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1993. С. 77—80.
- Ковычев Е.В. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. // Известия Лаборатории древних технологий. 2006. Вып. 4. С. 242—258.
- Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во Московского ун-та, 1979. 207 с.
- Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. — I тысячелетие н.э. М.: Вост. лит., 1996. 396 с.
- Матренин С.С. Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. — V в. н.э.). Новосибирск: Изд-во Сибирского отд. РАН, 2017. 142 с.
- Матренин С.С. Хронологические индикаторы снаряжения верхового коня кочевников сяньбийско-жужанского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. 2. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2018. С. 188—195.
- Матренин С.С., Серегин Н.Н. Костяные (роговые) наконечники стрел кочевников Алтая рубежа древности и средневековья // Известия Алтайского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология. 2019. № 3 (107). С. 104—113.
- Матренин С.С., Тишкин А.А. Уздечные бляхи из памятников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени: опыт классификации и типологии // Известия Алтайского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология. 2016. № 2. С. 220—228.
- Митько О.А. Археологические свидетельства миграции алтайских племен в восточноевропейские степи в конце первой половины I тыс. н.э. // Актуальные вопросы изучения историко-культурного наследия народов Евразии. Астана: Евразийский нац. ун-т им. Л.Н. Гумилева, 2018. С. 26—39.
- Серегин Н.Н., Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф. Погребение с двумя лошадьми эпохи Тюркских каганатов из некрополя Горный-10 (Северный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 2. С. 15—34.
- Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. — XI в. н.э. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2016. 272 с.
- Серегин Н.Н., Матренин С.С. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. — XIV в. н.э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2020. 268 с.

- Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С.* Погребение жужанского времени из Северного Алтая (по материалам могильника Чобурак-I) // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 4 (28). С. 51–68.
- Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С.* Седельные канты из раскопанных курганов Алтая жужанского времени // Народы и религии Евразии. 2021. № 1 (26). С. 25–36.
- Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С.* Неординарное погребение подростка с воинским инвентарем из некрополя жужанского времени Чобурак-I (Северный Алтай) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 1. С. 122–133.
- Соенов В.И.* Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая. № 5. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2000. С. 48–62.
- Соенов В.И.* Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2003. 160 с.
- Соенов В.И.* Нарушенное воинское погребение на могильнике Верх-Уймон // Древности Сибири и Центральной Азии. Т. 8 (20). Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2017. С. 117–142.
- Соенов В.И., Эбель А.В.* Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуні. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. пед. ин-т, 1992. 116 с.
- Тетерин Ю.В.* Могильник Дялян — новый памятник протюркского времени Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1991. С. 155–157.
- Тетерин Ю.В.* Серьги гунно-сарматской эпохи Южной Сибири (проблемы типологии и хронологии) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2005. Т. 4, № 5: Археология и этнография. С. 52–64.
- Тетерин Ю.В.* Таштыкские склепы могильника Маркелов Мыс I на севере Хакаско-Минусинского края // Таштыкские памятники Хакаско-Минусинского края. Новосибирск: Новосибирский ун-т, 2007. С. 62–88.
- Тетерин Ю.В.* Рукояти плетей кочевников хуннского времени Южной Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2016. Т. 15, № 3: Археология и этнография. С. 87–96.
- Тишкин А.А.* Результаты радиоуглеродного датирования курганов жужанского времени памятника Яломан-II (Центральный Алтай) // Вестник Томского университета. Серия: История. 2017. № 49. С. 54–59.
- Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В.* Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2018. 368 с.
- Трифанова С.В., Соенов В.И.* Украшения населения Алтая гунно-сарматского времени [Электронный ресурс]. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2019. 160 с.
- Тур С.С., Матренин С.С., Соенов В.И.* Вооруженное насилие у скотоводов Горного Алтая гунно-сарматского времени // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 4. С. 132–139.
- Уманский А.П.* Археологические памятники у с. Иня // Известия Алтайского отдела географического общества СССР. 1970. Вып. 11. С. 45–74.
- Худяков Ю.С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.
- Худяков Ю.С.* Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.
- Эрдэнэ-Очир Н.* Предметы вооружения трех древних государств Кореи из музея Сеульского национального университета // Археологический судлал. 2011. Т. XXXI. С. 183–220.
- Яремчук О.А.* Могильник Зоргол-I — памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии: дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2005. 296 с.
- Konstantinov N., Soenov V., Trifanova S., Svyatko S.* History and culture of the early Türkic period: A review of archaeological monuments in the Russian Altai from the 4th–6th century AD // Archaeological Research in Asia. 2018. № 16. P. 103–115.
- Yu Junyu.* Relics of the Former Yan Unearthed at Sanhecheng, Chaoyang // Wenwu. 1997. № 11. P. 42–48. (На кит. яз.)

CHOBURAK-I – A NECROPOLIS OF THE ROURAN PERIOD IN THE NORTHERN ALTAI

Nikolay N. Seregin^{a, #}, Alexey A. Tishkin^{a, ##},
Sergey S. Matrenin^{a, ###} and Tatiana S. Parshikova^{a, ####}

^aAltai State University, Barnaul, Russia

[#]E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

^{##}E-mail: tishkin210@mail.ru

^{###}E-mail: matrenins@mail.ru

^{####}E-mail: taty-parshikova@yandex.ru

The article presents the results of studying materials obtained during excavations of the Bulan-Koby necropolis identified as part of the large multi-temporal archaeological complex Choburak-I. This site, located in Chermal district of the Altai Republic, is being studied by an expedition from Altai State University. The burial ground included 12 mounds, which contained undisturbed burials of seven men, three women, a teenager and a child. The key features of the ritual practice identified during the excavations include a small stone mound with an oval stonework-crepidoma; shallow graves; single human inhumation; the head of the dead person pointing northwest; accompanying burial of a horse, laid “at the feet” and on top of the deceased. Representative grave goods was found in the burials, including weapons, items of human equipment, tools and household products, ornaments, as well as horse harness. An analysis of these finds makes it possible to determine the time of construction of the Choburak-I necropolis as the middle – second half of the 4th century AD, which is confirmed by the results of radiocarbon dating. An assumption was made about the short period of the burial ground functioning (no more than 30 years). It was established that this complex belongs to the Dalian tradition of ritual practice of the Bulan-Koby population, the bearers of which constituted the elite of the Northern Altai nomads in the Rouran period.

Keywords: Altai, the Rouran period, necropolis, funeral rite, artefact complex, chronology, ethnocultural history, Dalian tradition.

REFERENCES

- Abdulganeev M.T., 2001. The Gorny 10 burial ground as a site of the ancient Turkic period in the northern foothills of Altai. *Prostranstvo kul'tury v arkhologicheskoy i etnograficheskoy izmerenii. Zapadnaya Sibir' i sopredelnye territorii* [The space of culture in the archaeological and ethnographic dimension. Western Siberia and adjacent territories]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 128–131. (In Russ.)
- Arslanova F.Kh., 1975. Mounds with stone ridges in Eastern Kazakhstan. *Drevnosti Kazakhstana* [Antiquities of Kazakhstan]. Alma-Ata: Izdatel'stvo Akademii nauk Kazakhskoy SSR, pp. 116–129. (In Russ.)
- Belikova O.B., Pletneva L.M., 1983. Pamyatniki Tomskogo Priob'ya v V–VIII vv. n.e. [Sites of the Tomsk area of the Ob region in the 5th–8th centuries AD]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 243 p.
- Bobrov V.V., Vasyutin A.S., Vasyutin S.A., 2003. Vostochnyy Altay v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (III–VII veka) [Eastern Altai in the Migration Period (3rd–7th centuries AD)]. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. 224 p.
- Dashibalov B.B., 2011. Drevnosti khori-mongolov: khunno-syanyan'skoe nasledie Baykal'skoy Sibiri [Antiquities of the Khori-Mongols: the Xiongnu-Xianbei heritage of Baikal Siberia]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo universiteta. 174 p.
- Egorov Ya.V., 1993. New study of a warrior burial from the Migration Period in Altai. *Kul'tura drevnikh narodov Yuzhnoy Sibiri* [Culture of the ancient peoples of South Siberia]. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo universiteta, pp. 77–80. (In Russ.)
- Erdene-Ochir N., 2011. Weapons of the three ancient states of Korea from the Seoul National University Museum. *Arkheologiya i sudal* [Archaeology], XXXI. C. 183–220. (In Russ.)
- Gallay G., Spindler K., 1970. Archäologische und anthropologische Betrachtungen zu den neolithisch-kupferzeitlichen Funden aus der Cova da Moura, Portugal. *Madriider Mitteilungen*, 11, pp. 35–58.
- Gao Fen, 2006. North Wen burials on the highway in the city of Datong, Shanxi province. *Ven'u* [Wenwu], 10, pp. 51–71. (In Chinese.)
- Gavrilova A.A., 1965. Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altayskikh plemen [The Kudyrge burial ground as a source on the history of Altai tribes]. Moscow; Leningrad: Nauka. 146 p.
- Gorbunov V.V., 2006. Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. [Military art of the population of Altai]

- in the 3rd–14th centuries AD], II. Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie) [Offensive weapons]. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo universiteta. 232 p. (In Russ.)
- Gorbunov V.V., 2020. Accompanying burials of animals at the Inya-1 burial ground in the Barnaul area of the Ob region. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai region], XXVI. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo universiteta, pp. 235–243. (In Russ.)
- Gorbunova T.G., 2010. Rekonstruktsiya konskogo snaryazheniya srednevekovykh kochevnikov Altaya: metodika i nekotorye rezul'taty [Reconstruction of horse equipment of Altai medieval nomads: Methodology and some results]. Barnaul: Azbuka. 136 p.
- Gryaznov M.P., 1956. Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka [History of the ancient tribes of the Upper Ob based on excavations near the village of Bolshaya Rechka]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 162 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 48).
- Khudyakov Yu.S., 1986. Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii [Armament of medieval nomads of South Siberia and Central Asia]. Novosibirsk: Nauka. 268 p.
- Khudyakov Yu.S., 1991. Vooruzhenie tsentral'noaziatskikh kochevnikov v epokhu rannego i razvitogo srednevekov'ya [Armament of Central Asian nomads in the Early and Advanced Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka. 190 p.
- Konstantinov N., Soenov V., Trifanova S., Svyatko S., 2018. History and culture of the early Türkic period: A review of archaeological monuments in the Russian Altai from the 4th–6th century AD. *Archaeological Research in Asia*, 16, pp. 103–115.
- Kovychev E.V., 2006. Some issues of the ethnic and cultural history of Eastern Transbaikalia at the end of the 1st millennium BC – 1st millennium AD. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy* [News of the Laboratory of Ancient Technologies], 4, pp. 242–258. (In Russ.)
- Kyzlasov L.R., 1979. Drevnyaya Tuva (ot paleolita do IX v.) [Ancient Tuva (from the Palaeolithic to the 9th century AD)]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 207 p.
- Levina L.M., 1996. Etnokul'turnaya istoriya Vostochnogo Priaral'ya. I tysyacheletie do n.e. – I tysyacheletie n.e. [Ethnocultural history of the Eastern Aral Sea region of the 1st millennium BC – 1st millennium AD]. Moscow: Vostochnaya literatura. 396 p.
- Matrenin S.S., 2017. Snaryazhenie kochevnikov Altaya (II v. do n.e. – V v. n.e.) [Equipment of the Altai nomads (2nd century BC – 5th century AD)]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. 142 p.
- Matrenin S.S., 2018. Chronological indications of the horse riding equipment of the Xianbei-Rouran period nomads (based on materials from burial sites of the Bulan-Koby culture). *Sovremennye resheniya aktual'nykh problem evraziyskoy arkheologii* [Modern solutions to topical issues of Eurasian archaeology], 2. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo universiteta, pp. 188–195. (In Russ.)
- Matrenin S.S., Seregin N.N., 2019. Bone (horn) arrowheads of Altai nomads at the turn of antiquity and the Middle Ages. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki i arkheologiya* [Izvestiya of Altai State University. Series: Historical sciences and archaeology], 3 (107), pp. 104–113. (In Russ.)
- Matrenin S.S., Tishkin A.A., 2016. Bridle plaques from Altai sites of the Xiongnu-Xianbei-Rouran period: experience of classification and typology. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki i arkheologiya* [Izvestiya of Altai State University. Series: Historical sciences and archaeology], 2, pp. 220–228. (In Russ.)
- Mit'ko O.A., 2018. Archaeological evidence of the migration of Altai tribes to the Eastern European steppes at the end of the first half of the 1st millennium AD. *Aktual'nye voprosy izucheniya istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Evrazii* [Current issues in the study of the historical and cultural heritage of the peoples of Eurasia]. Astana: Evraziyskiy natsional'nyy universitet imeni L.N. Gumileva, pp. 26–39. (In Russ.)
- Seregin N.N., Abdulganeev M.T., Stepanova N.F., 2019. A burial with two horses of the Turkic Khaganate period from the Gorny-10 necropolis (Northern Altai). *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research], 2, pp. 15–34. (In Russ.)
- Seregin N.N., Matrenin S.S., 2016. Pogrebal'nyy obryad kochevnikov Altaya vo II v. do n.e. – XI v. n.e. [Funeral rite of Altai nomads in the 2nd century BC – 11th century AD]. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo universiteta. 272 p.
- Seregin N.N., Matrenin S.S., 2020. Sotsial'naya istoriya naseleniya Altaya v epokhu kochevykh imperiy (II v. do n.e. – XIV v. n.e.): po materialam arkheologicheskikh kompleksov [Social history of the population of Altai in the period of nomadic empires (2nd century BC – 14th century AD): based on materials from archaeological complexes]. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo universiteta. 268 p.
- Seregin N.N., Tishkin A.A., Matrenin S.S., Parshikova T.S., 2019. Burial of the Rouran period from Northern Altai (based on materials from the Choburak-I burial ground). *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research], 4 (28), pp. 51–68. (In Russ.)
- Seregin N.N., Tishkin A.A., Matrenin S.S., Parshikova T.S., 2021. Saddle edges from excavated Rouran burial mounds of Altai. *Narody i religii Evrazii* [Peoples and religions of Eurasia], 1 (26), pp. 25–36. (In Russ.)
- Seregin N.N., Tishkin A.A., Matrenin S.S., Parshikova T.S., 2022. An extraordinary burial of a teenager with military equipment from the Rouran necropolis of Choburak-I (Northern Altai). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii], 1, pp. 122–133. (In Russ.)

- Soenov V.I., 2000. Results of excavations at the Verkh-Uimon burial ground in 1999. *Drevnosti Altaya [Antiquities of Altai]*, 5. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 48–62. (In Russ.)
- Soenov V.I., 2003. Arkheologicheskie pamyatniki Gornogo Altaya gunno-sarmatskoy epokhi (opisanie, sistematika, analiz) [Archaeological sites of the Altai Mountains of the Hunnic-Sarmatian period (description, taxonomy, analysis)]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy gosudarstvennyy universitet. 160 p.
- Soenov V.I., 2017. Disturbed military burial at the Verkh-Uimon burial ground. *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noy Azii [Antiquities of Siberia and Central Asia]*, 8 (20). Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 117–142. (In Russ.)
- Soenov V.I., Ebel' A.V., 1992. Kurgany gunno-sarmatskoy epokhi na Verkhney Katuni [Mounds of the Hunnic-Sarmatian period on the Upper Katun]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut. 116 p.
- Teterin Yu.V., 1991. The Dialian burial ground – a new site of the pre-Turkic period in the Altai Mountains. *Problemy khronologii i periodizatsii arkheologicheskikh pamyatnikov Yuzhnoy Sibiri [Problems of chronology and periodization of archaeological sites of South Siberia]*. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo universiteta, pp. 155–157. (In Russ.)
- Teterin Yu.V., 2005. Earrings of the Hunnic-Sarmatian period of South Siberia (problems of typology and chronology). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History. Philology]*, vol. 4, no. 5, pp. 52–64. (In Russ.)
- Teterin Yu.V., 2007. Tashtyk crypts of the Markelov Cape I burial ground in the north of the Khakass-Minusinsk region. *Tashtytskie pamyatniki Khakassko-Minusinskogo kraia [Tashtyk sites of Khakass-Minusinsk region]*. Novosibirsk: Novosibirskiy universitet, pp. 62–88. (In Russ.)
- Teterin Yu.V., 2016. Handles of whips of nomads in the Xiongnu period of South Siberia. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History. Philology]*, vol. 15, no. 3, pp. 87–96. (In Russ.)
- Tishkin A.A., 2017. Results of radiocarbon dating of the Rouran burial mounds of the Yaloman-II site (Central Altai). *Vestnik Tomskogo universiteta. Seriya: Istoriya [Bulletin of Tomsk University. Series: History]*, 49, pp. 54–59. (In Russ.)
- Tishkin A.A., Matrenin S.S., Shmidt A.V., 2018. Altay v syan'biysko-zhuzhanskoe vremya (po materialam pamyatnika Stepushka) [Altai in the Xianbei-Rouran period (based on materials from the Stepushka site)]. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo universiteta. 368 p.
- Trifanova S.V., Soenov V.I., 2019. Ukrasheniya naseleniya Altaya gunno-sarmatskogo vremeni (Elektronnyy resurs) [Ornaments of the Altai population of the Hunnic-Sarmatian period (Electronic resource)]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy gosudarstvennyy universitet. 160 p.
- Tur S.S., Matrenin S.S., Soenov V.I., 2018. Armed violence among the pastoralists of the Altai Mountains of the Hunnic-Sarmatian period. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]*, 4, pp. 132–139. (In Russ.)
- Umanskiy A.P., 1970. Archaeological sites near the village of Inya. *Izvestiya Altayskogo otdela geograficheskogo obshchestva SSSR [News of the Altai Department of the Geographical Society of the USSR]*, 11, pp. 45–74. (In Russ.)
- Yaremchuk O.A., 2005. Mogil'nik Zorgol-I – pamyatnik khunno-syan'biyskoy epokhi stepnoy Daurii: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [The Zorgol-I burial ground as a site of the Xiongnu-Xianbei period of steppe Dauria: the thesis for the Doctoral Degree in History]. Chita. 296 p.
- Yu Junyu, 1997. Relics of the Former Yan Unearthed at Sanhecheng, Chaoyang. *Wenwu*, 11, pp. 42–48. (In Chinese).

АЖУРНАЯ ЗАСТЕЖКА АБАКУМЛЕВСКОГО КЛАДА V в. н.э. (ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛАСТЬ): ТЕХНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

© 2024 г. А. С. Морозов^{1,*}, И. Е. Зайцева^{1,**}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: gentestud@yandex.ru

**E-mail: izaitseva@yandex.ru

Поступила в редакцию 08.08.2023 г.

После доработки 06.10.2023 г.

Принята к публикации 17.10.2023 г.

Статья посвящена круглой ажурной застёжке из клада украшений поволжско-финского женского костюма, найденного в 2021 г. на селище Абакумлево 3 (Суздальский р-н Владимирской обл.). Застёжка, как и весь комплекс предметов клада, — на данный момент не типичная находка на территории Суздальского Ополя. Авторами проведен технологический анализ украшения и осуществлен обзор близких по облику изделий с поволжско-финских памятников. Изучены особенности формирования восковой модели и определен состав металла застёжки. Обзор ажурных застёжек со сходными структурой и отдельными орнаментальными элементами показал, что формирование облика застёжки из Абакумлевского клада относится к концу IV — началу V в. н.э., а все конструктивные элементы находят аналогии в первую очередь в украшениях рязано-окской археологической культуры. Нагрудные застёжки, зафиксированные к северу и северо-востоку от основного ареала названной культуры, могут рассматриваться как маркеры направлений перемещения населения Среднего Поочья, активно воздействующего на окружающее родственное поволжско-финское население.

Ключевые слова: Суздальское Ополе, эпоха Великого переселения народов, культуры поволжских финнов, селище Абакумлево 3, ажурные застёжки.

DOI: 10.31857/S0869606324010117, EDN: ZVUEVY

Особая традиционность поволжско-финского женского костюма хорошо известна в среде специалистов. Совокупность знаков и символов содержится как в его структуре, так и в отдельных элементах. Одни из самых ярких и узнаваемых предметов ювелирного искусства этого населения — так называемые ажурные подвески и застёжки. В рамках типов они зачастую имеют близкое соответствие, иллюстрирующее передачу идей и образов между поколениями, выражающееся в сходстве композиции, отображении орнаментальных элементов и технологии изготовления. Как правило, в археологии наличие подобных украшений вдалеке от основного ареала связывают с перемещением представителей культурной группы, стабильно их использующих.

Данная работа посвящена одному из таких предметов — нагрудной круглой ажурной застёжке

(рис. 1; 2, А) из клада¹, найденного в 2021 г. на селище Абакумлево 3 в Суздальском р-не Владимирской обл. Интересующий нас предмет и весь комплекс клада не представляются в настоящее время типичными для этого региона, что делает их важным источником для изучения одного из этапов освоения территории современного Суздальского Ополя.

Состав и датировка клада. Абакумлевский клад состоит из металлической чаши и комплекса украшений женского костюма, помещенных в берестяной туес. Помимо ажурной застёжки, лежащей вверх лицевой стороной, он включает три бусинных браслета на проволоочной основе,

¹ Термин “клад” в данном случае используется как относительно формальное обозначение комплекса предметов, намеренно закопанных в определенном месте, не несущее других смысловых нагрузок, касающихся функционального назначения.

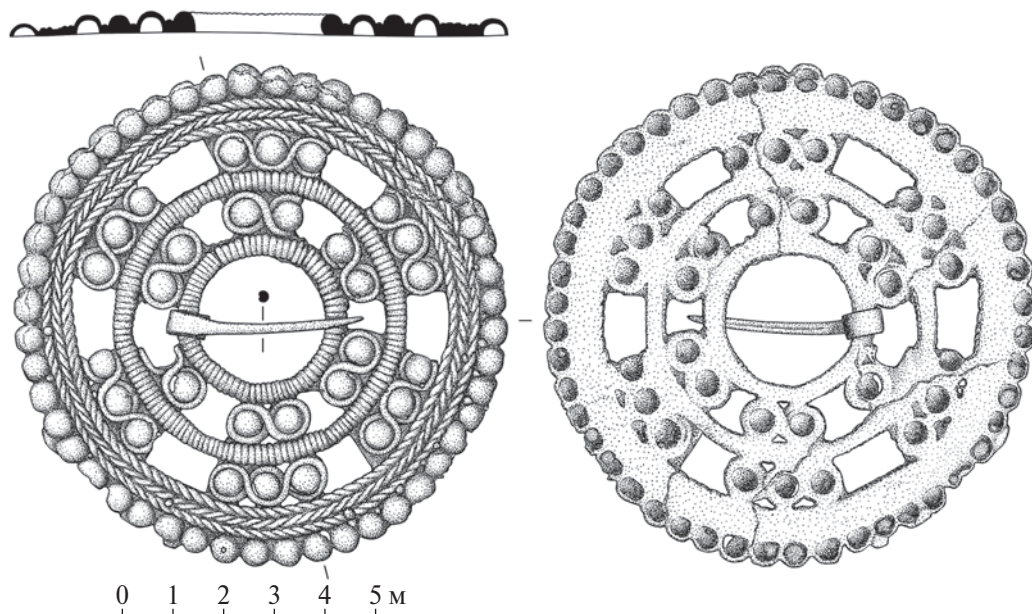

Рис. 1. Ажурная застежка из Абакумлевского клада. Автор рисунка А.С. Дементьева.

Fig. 1. An openwork clasp from the Abakumlevo hoard. The drawing by A.S. Dementyeva

бутылчатые привески от наколика, привески в виде водоплавающих птиц на кожаных шнурах с нанизанными металлическими бусинами, ожерелье из крупных бус, бутылчатых и привесок-ведерок, наборное украшение “венчик-ожерелье”, возможно, поясной набор. Между изделиями фиксировались фрагменты пластинчатой круглой бляхи с отверстием в центре, вероятно, разломанной специально. Все это могло быть перекрыто головным убором, украшенным спиральными пронизями, рубленным бисером, бусинами из красного глухого стекла и золостеклянными многочастными пронизями. Внутри чаши находились две пары ажурных застежек и подвесок, связка трапециевидных пластинчатых привесок, четырехрядный головной венчик и фитильная трубка. Украшения, входящие в состав клада, имеют полное соответствие в костюме окских финнов.

Несколько архаичными предметами в кладе, характерными для комплексов III–IV вв., представляются привески в виде водоплавающих птиц с орнаментом из валиков по тулову (Голубева, 1979. С. 11. Табл. 2; Белоцерковская, 2007. С. 191. Рис. 8, 1), пластинчатая круглая бляха с отверстием в центре, крупная бусина, выполненная в технике миллефиори (тип 5 по: Румянцева, 2019. С. 9–11).

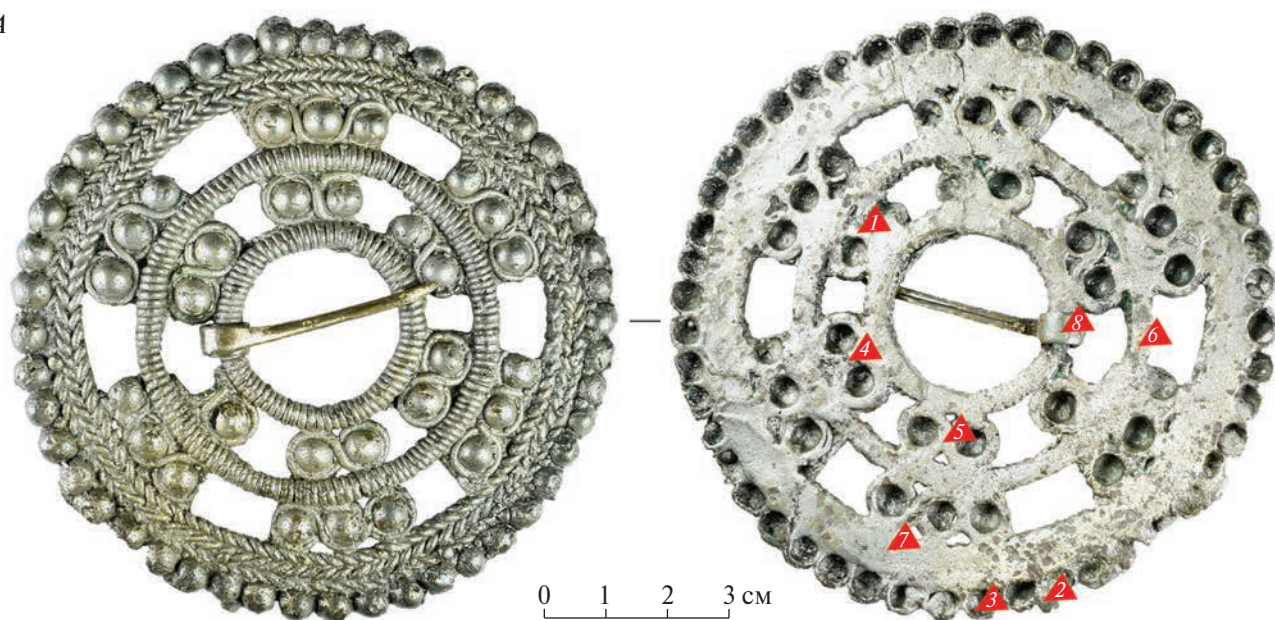
Остальной комплект, в том числе пряжка с язычком, практически охватывающим рамку

(Гавритухин, 2007. С. 22. Табл. 2. Рис. 12, 21, 22), бусинный набор группы 2 (Румянцева, 2007. С. 219, 220), гипотетическое наличие головного убора группы 4, выделенного по материалам рязано-окской культуры И.Р. Ахмедовым, И.В. Белоцерковской и А.А. Мамоновой (2019. С. 218. Рис. 20), характерны для конца IV – первой половины V в. Датировка комплекса предшествует периоду функционирования селища Абакумлево 3, определяемому в настоящее время в рамках середины–второй половины V–VI, не исключая VII в. (Морозов, 2022. С. 209).

Технология изготовления ажурной застежки. Исследование застежки выполнено с использованием приборной базы Центра коллективного пользования при ИА РАН. Предмет изучен методом оптической микроскопии на стереомикроскопе STEMI-2000 (Zeiss) при разных увеличениях для установления следов технологических операций. Состав металла определен методом растровой электронной микроскопии (РЭМ) в сочетании с энергодисперсионным рентгеновским микроанализом (ЭРМ) на сканирующем электронном микроскопе TESCAN VEGA Compact LMN с системой элементного микроанализа AZtecOne с энергодисперсионным детектором Xplore 15. Чувствительность метода составляет 0.1%.

Застежка имеет круглую форму, фиксируется с помощью иглы. Ее размеры – 97.6 × 98.4 × 3.8 мм,

А

Б

Рис. 2. Фото ажурной застёжки (А) и макрофотографии ее деталей (Б). А — 1–8 — точки анализа состава металла.
 Fig. 2. A photo of the openwork clasp (А) and macro photographs of its parts (Б)

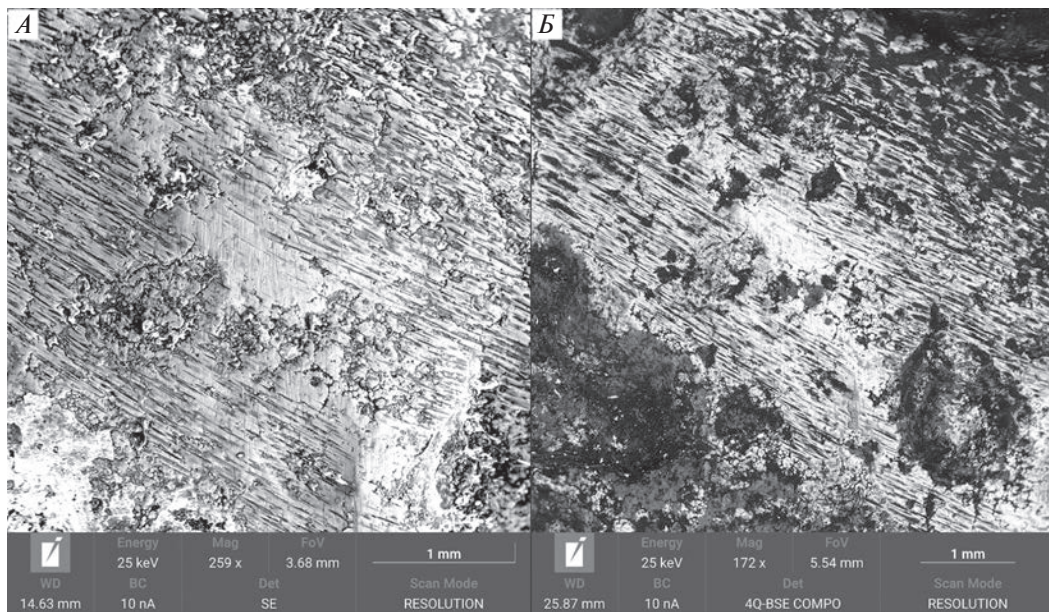

Рис. 3. Макрофотографии (РЭМ) участков застежки с белым «покрытием». *А* – рельеф поверхности; *Б* – структура.

Fig. 3. Macro photographs (SEM) of clasp sections with a white “coating”

вес – 113 г. Украшение отлито целиком (без иглы) по восковой модели, кропотливо собранной из отдельных элементов. Обратная сторона заглажена. Основу изделия составляют три окружности разного диаметра, помещенные одна в другую. Две внутренние окружности диаметром 34 и 57 мм сделаны из палочек шириной 4 мм, плотно обвитых восковой нитью² диаметром 1 мм (рис. 2, *Б*, 1, 8). Третья окружность – плетеная трехрядная полоса шириной 7 мм. Тыльные стороны всех трех окружностей уплощены. Следующий этап конструирования модели связан с изготовлением внешнего бордюра из крупных скорлупообразных элементов – “жемчужин”: к плетеной окружности была примазана полоса воска, в которой встык с изнанки были сделаны вдавления в форме полушара диаметром 5 мм (рис. 2, *Б*, 2, 7). Похожий прием получения “жемчужин” описан И.А. Сапрыкиной для изготовления моделей бантовидных накладок дяковской археологической культуры (Сапрыкина, 2005. С. 526).

Три окружности были соединены между собой при помощи гладких палочек, свернутых в виде двойных и тройных “восьмерок” (рис. 2, *Б*, 3, 5). В каждом ряду расположено по шесть групп одна над другой таким образом, чтобы сформировать

шестилучевую структуру. С лицевой стороны на эти “восьмерки” были наложены пластины воска, в которых с оборота встык сделаны полусферные вдавления диаметром 6 мм: по два во внутренней части и по три во внешней (рис. 2, *Б*, 4, 5). Получившиеся “жемчужины” оконтуривались по верху тонкой палочкой, также положенной в виде восьмерки (рис. 2, *Б*, 4). Одна из жемчужин была вырезана, чтобы освободить место для иглы³.

Литейная форма при отливке изделия, вероятно, располагалась вертикально, поскольку на одном из краев застежки сохранились остатки срезанных мощных литников (рис. 2, *Б*, 6). При увеличении на поверхности предмета видны участки, насыщенные белым металлом. Наряду с ними фиксируются участки, имеющие серебристый цвет (рис. 3). Первоначально авторами высказано гипотетическое суждение о возможности наличия покрытия на изделии.

Для определения состава металла застежки проанализировано семь областей в разных частях ее тыльной стороны с предварительным удалением на этих микроучастках верхнего коррозионного слоя, а также три области, интенсивно

² К сожалению, отпечатков нити проследить не удалось, а потому вопрос, использовались ли при изготовлении модели проволочные нити или восковые палочки, остается открытым.

³ И.А. Сапрыкиной рассмотрен вариант поэтапного изготовления подобной ажурной застежки, когда сначала отливались по восковой модели основные элементы, к которым впоследствии присоединялись детали декора (Сапрыкина, 2005. С. 526).

Состав металла корпуса застёжки и иглы, масс. %

Metal composition of the clasp body and needle, weight %

№ точки на рис. 2, А	Cu	Zn	Sn	Pb	Ag	Bi	Fe	Sb
1	71.8	1.2	18.2	2.8	5.5	0	0	0.2
2	68.5	1.1	21.0	2.7	5.8	0	0	0.2
3	53.2	0.5	31.2	5.2	8.6	0	0	0.4
4	69.5	1.0	19.4	3.4	6.0	0	0	0.2
5	67.9	1.1	20.6	3.6	6.3	0	0	0.1
6	65.3	1.2	21.0	3.9	6.3	0	0	0
7	69.2	1.2	18.8	4.1	6.2	0	0	0.2
8	85.9	7.5	3.3	2.1	0.1	0	0.3	0.1

окрашенные в серебристый цвет, без подчистки. Установлено, что изделие отлито из многокомпонентного перемешанного бронзового сплава с содержанием меди в пределах 53.2–71.8% (среднее 66.5%), олова в пределах 18.2–31.2% (среднее 21.5%), свинца в пределах 2.7–5.2% (среднее 3.7%), серебра в пределах 5.5–8.6% (среднее 6.4%), цинка около 1% (рис. 2, А; таблица).

Высокое содержание олова обеспечивало сплав хорошую жидкотекучесть, которая способствовала проникновению металла во все полости формы и получению качественной отливки (Бреполь, 1982. С. 93). Состав металла предполагаемого покрытия не отличался от основного, что заставило отказаться от упомянутой выше гипотезы: застёжка не подвергалась лужению. Вероятно, серебристый цвет поверхности получился в результате процессов ликвации сплава с высоким содержанием олова. Высокооловянным бронзам свойственна повышенная хрупкость, что подтверждается несколькими трещинами на тыльной стороне застёжки (рис. 2, Б, 7). Низкое содержание серебра не меняет цветовую характеристику изделия, но служит хорошим маркером работы с перемешанным сплавом, полученным из соединения разнохарактерного лома.

К внутреннему кольцу бляхи прикреплена игла, сделанная из кованой сложенной вдоль пластинки (рис. 2, Б, 9). Она изготовлена из многокомпонентной латуни с содержанием меди 85.9%, цинка 7.5%, олова 3.3%, свинца 2.1% (рис. 2, А; таблица).

Известен состав металла двух ажурных застёжек из погребений грунтового могильника III–IV вв. Большое Давыдовское 2 в Суздальском

Ополе (Зайцева, 2011. С. 30) и одной из погр. 14 (V в.) Никитинского могильника (Сарачева, 2005). Серебра в них нет. Одно украшение из Большого Давыдовского было отлито из оловянной бронзы (погр. 12), а другое (погр. 3) — из бронзы с добавками олова и цинка. Застёжка из Никитинского могильника изготовлена из перемешанного сплава на основе меди с близким содержанием олова, свинца и цинка (3.5–5.5%).

Для лесной зоны Восточной Европы в I тыс. характерны многокомпонентные сплавы с цинком (переработка лома), являющиеся основой так называемой прибалтийской зоны металлообработки, выделенной в 70-е годы прошлого века Е.Н. Черныхом и Т.Б. Барцевой (1972. С. 91). Многочисленные анализы находок, выполненные впоследствии, подтверждают господство многокомпонентных латуней на этой огромной территории (см., например: Сапрыкина, Энговатова, 2002; Конькова, 2003; Сарачева, 2005. С. 120; Зайцева, 2011; Сапрыкина, 2018а, б). Игла рассматриваемой застёжки как раз и сделана из такого металла. По наблюдениям И.А. Сапрыкиной, украшения, изготовленные из сплава с высоким содержанием олова, известны в Брянском кладе III в. и в синхронных ему материалах Троицкого и Боршевского городищ (Сапрыкина, 2018а. С. 235, 236).

Серебряные сплавы были в ходу в так называемой причерноморской зоне цветной металлообработки (Черных, Барцева, 1972). Это связывается исследователями с многократным использованием лома античных изделий. Проведенный ранее одним из авторов анализ 64 предметов из погребений могильника

Большое Давыдовское 2 не выявил примеси серебра в составе металла украшений (Зайцева, 2011). Тем не менее традиции “причерноморской” зоны в металле исследованных тогда предметов были зафиксированы (бронзы). Скорее всего, южные влияния достигали отдаленных суздальских мест через посредство позднедыяковских мастеров (см., например: Сапрыкина, 2005. С. 533).

Археологический (типологический) контекст. Структура и орнаментальные мотивы ажурной застежки из клада сочетают признаки изделий разных типов. В первую очередь ее следует соотносить с рязано-окскими застежками серии 2Б, выделенной И.В. Белоцерковской (1999. С. 162). Серия характеризуется наличием следующих элементов: 1) двух колец в основании с “имитацией обмотки”, между которыми расположены сдвоенные “бляшки” с окантовкой или без нее; 2) примыкающим ко второму кольцу таких же сдвоенных или строенных “бляшек”, к которым прикреплены “ложноплетенные” лопасти; 3) перпендикулярных кольцу дротов, редуцированных или отсутствующих.

Другие признаки, практически не встречающиеся у застежек описанной серии, присутствуют у изделий (3 экз.) из Безводнинского могильника (Краснов, 1980. Рис. 23 3; 36, 1 2). Единичные экземпляры известны в культурно близком Подвязьевском, а также в Абрамовском и Шокшинском могильниках. Вероятно, данная форма была популярна в костюме населения Нижнего Поочья и округи, поэтому эта серия получила рабочее название “безводнинская”.

Эти застежки имеют в основании одно кольцо, плотно обвитое тонкой гладкой нитью. К нему снаружи примыкают чаще всего шесть крупных сдвоенных спиралей, закрученных в разные стороны, где на центр каждой сверху прилеплен крупный, слегка сплюснутый шарик. Спирали обрамлены несколькими рядами плетения, ограниченного снаружи теми же сплюснутыми шариками.

Прототипами абакумлевской застежки могли служить изделия рязано-окской серии 2Б, использующиеся исключительно в качестве нагрудного украшения и сформировавшиеся, скорее всего, на основе серии 2А (Белоцерковская, 1999. С. 166). Серия застежек 2А с привесками, входящих в состав головных уборов, получила дальнейшее развитие в среде носителей

рязано-окской археологической культуры как в центральной, так и в юго-восточной частях ее ареала, вплоть до второй половины V – рубежа V–VI в. (Ахмедов и др., 2019. С. 218).

Яркий признак изделий серии 2Б – шести-лучевая структура, отраженная в виде лопастей, сохраняющаяся весь период бытования. Экземпляры с привесками практически неизвестны. Основной блок застежек этой серии можно разделить на первый вариант, объединяющий изделия, у которых ко второму кольцу примыкают сдвоенные “жемчужины”, и второй, где “жемчужины” расположены группами по три.

В хронологической схеме женских комплексов культуры рязано-окских могильников изделия со сдвоенными и строеными элементами объединены И.В. Белоцерковской под одним признаком (Белоцерковская, 2007. С. 187). Вероятно, это сделано из-за малого количества достоверных комплексов (Борковский, погр. 107, Заречье, погр. 4 и 210, Кузьминский, погр. 57, Ундрих, погр. 49). Из семи элементов костюма периодов 2а–2б застежки серии 2Б больше одного раза зафиксированы в погребениях с пластинчатыми браслетами с расширяющимися концами, пластинчатыми трех–пяти-лопастными привесками и тордированными гривнами. Логичным представляется рассмотреть более-менее надежные комплексы⁴ с застежками, имеющими строеными элементы и широкие лопасти.

Одно из таких изделий находилось в мужском погр. 107 Борковского могильника (раскопки А.В. Селиванова 1892 г.) и входило в состав жертвенного комплекса женских украшений (рис. 4, 1, 2, 5, 6). Размер застежки составляет около 10 см, расстояние между ее лопастями относительно большое, а полушарные элементы в группах по три имеют малый диаметр. Комплект украшений характерен преимущественно для периода 2а–начала 2б женских комплексов рязано-окской культуры. Головной убор, возможно, включал ажурную застежку серии 2А с привесками и круглую бляху с взаимно перпендикулярными прямоугольными накладками. Бусинный набор состоял из многочастных золотостеклянных пронизей, мелких и крупных бус из красного глухого стекла. Одна шейная гривна

⁴ Фотографии грабительских находок, опубликованные в интернете, подтверждают стабильное бытование подобных изделий.

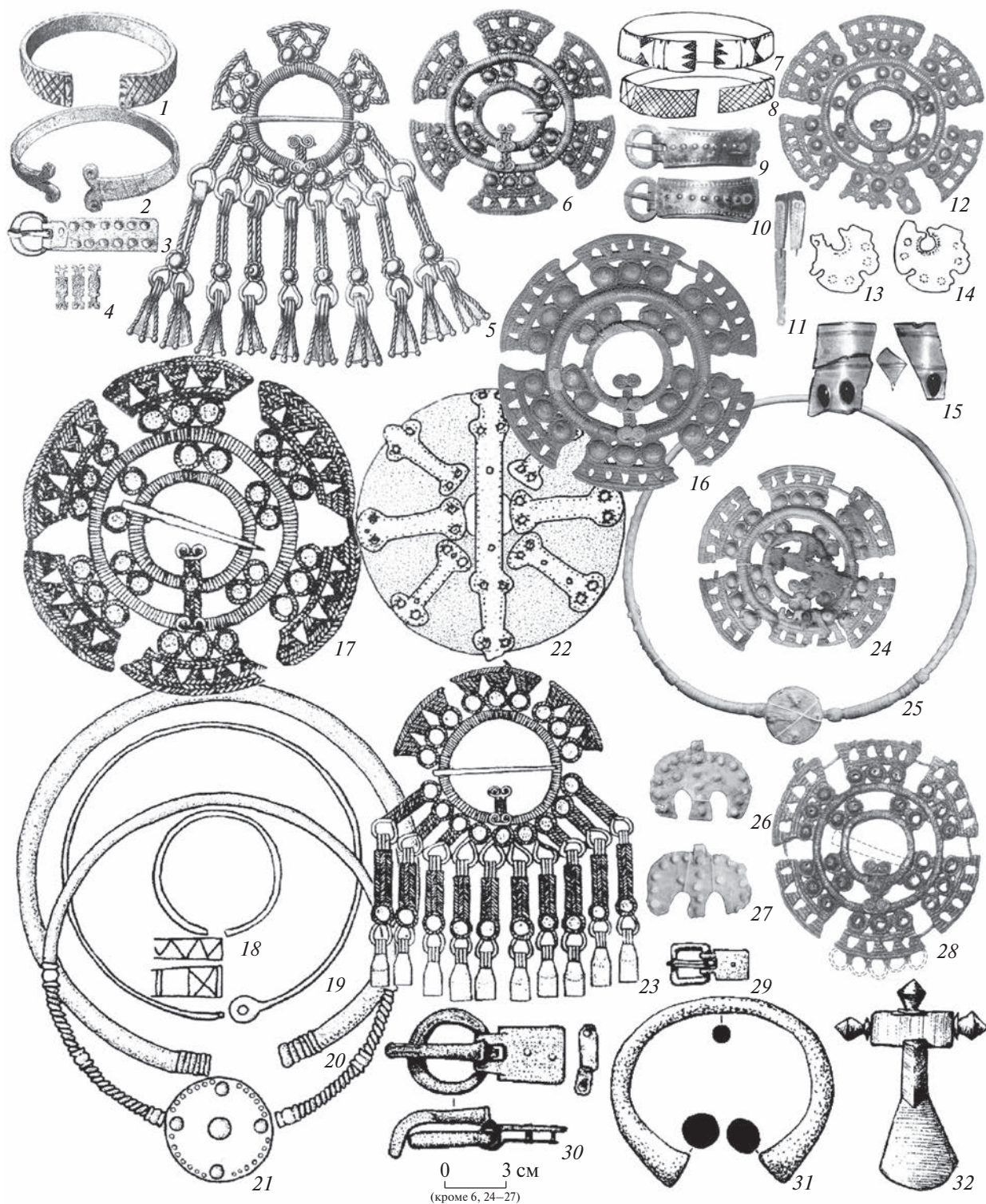

Рис. 4. Ажурные застёжки серии 2Б (по И.В. Белоцерковской) со строенными “жемчужинами” и широкими лопастями и характерные предметы комплексов рязано-окских могильников. Борки: 1–6 – п. 107; 16 – п. 8; 24–27 – п. 95; Ундрих: 7–15 – п. 49; Борок 2: 17–23 – п. 222; Никитино: 28–32 – п. 14. 1–5 – по: Спицын, 1901; 6, 24–27 – по фотографиям планшетов с находками, Рязанский историко-археологический музей-заповедник (РИАМЗ), КП-21996; 7–15 – по: Гаврилов, Семенов, 2023; 16 – по фото от Д.А. Иванова, РИАМЗ, КП-1388/251, А 208; 17–23 – по: Белоцерковская, 2014; 28–32 – по: Воронина и др., 2005.

Fig. 4. Openwork clasps of series 2B (after I.V. Belotserkovskaya) with triple “pearls” and wide blades and objects characteristic of the Ryazan-Oka burial ground complexes

состояла из железной проволочной основы, обвитой бронзовой плоской проволокой, разделенной напускными металлическими бусинами, другая гривна была изготовлена из цветного металла и представляла собой тордированный обод с замком в виде крючка и округлой пластины с отверстием. Также в комплект входят два плоских браслета с геометрическим орнаментом.

Более узкие по датировке предметы относятся к мужскому захоронению (рис. 4, 3, 4). Поясной набор включал фигурные подпрямоугольные накладки с насечками (Спицын, 1901. Табл. XI, 1), характерные для комплексов периода 2С (Ахмедов, 2007. С. 143), и пряжку с прогнутым язычком и вытянутой прямоугольной обоймицей, украшенной двумя рядами “жемчужного” орнамента (Спицын, 1901. Рис 8). Ошибочной представляется ссылка А.А. Спицына на наличие в погребении классической рязано-окской крестовидной фибулы и более верным описание А.И. Черепнина (1896. С. 365): “бронзовая фибула, имеющая форму самострела”. Под такое описание подходят экземпляры подгрупп двучленных прогнутых подвижных и “воинских» фибул из мужских комплексов ранней части периода 2С–3А и женских периода 2А–начала 2Б (Ахмедов, 2007. С. 143; Белоцерковская, 2007. С. 200). Предполагаемая датировка комплекса погр. 107 должна укладываться в рамки середины–второй половины IV в.

Ближкий размер (около 10.2 см), но более крупные лопасти имеет застежка из погр. 49 могильника Ундрих. Комплекс содержит предметы, также характерные для периодов 2а и 2б (рис. 4, 7–14): два пластинчатых браслета с нерасширяющимися концами и гравированным орнаментом, трехлопастные привески и обувные пряжки с вытянутой прямоугольной обоймицей с вогнутыми длинными сторонами, но с прямым язычком и орнаментированной прямоугольной площадкой у его основания (Белоцерковская, 2007. С. 200. Рис. 9, 36. Табл. 2; Гаврилов, Семенов, 2023. Рис. 8).

В засыпке могильной ямы, ближе к костяку, найдены фрагменты стеклянного конического кубка с врезными горизонтальными полосами и крупными синими каплевидными налечами (рис. 4, 15). Происхождение подобных сосудов, известных от Подунавья до Кавказа и Ближнего Востока, И.О. Гавритухин связывает с мастерскими Балкано-Карпатского региона, а комплексы, в которых они были обнаружены, указывают на

период их распространения во второй половине/конце IV – начале V в. (Gavritukhin, 2017. Р. 101, 103. Fig. 11). Учитывая расположение фрагментов в засыпке, датировка комплекса не может быть старше времени распространения подобных сосудов.

Застежка (рис. 4, 16) из жертвенного комплекса мужского погр. 8 Борковского могильника имеет больший диаметр (12.7 см), чем у выше описанных, крупные лопасти и дополнительные скрученные жгуты, примыкающие к обоим краям второго кольца. Вместе с застежкой лежали (Черепнин, 1896. С. 337) украшения из бус красного глухого стекла, золотостеклянных и бронзовых спиральных пронизей, две скульгамы с невыступающими концами, шесть небольших бронзовых круглых бляшек, вероятно, от головного венчика и два бронзовых браслета из толстой проволоки. По описанию А.А. Спицына (1901. С. 72, 73), в комплексе были два пластинчатых браслета с насечкой.

Наиболее крупная нагрудная застежка со строгеными “жемчужинами” и широкими лопастями (15.8 см) находилась в погр. 222 могильника Борок 2, отнесенном И.В. Белоцерковской к концу IV в. (Белоцерковская, 2014. С. 272. Рис. 2, 12).

Комплекс элементов костюма, по мнению автора, характерен для переходного этапа (рис. 4, 17–23). Сохранены старые элементы, такие как головной убор с застежкой серии 2А, украшенный умбоновидными и сегментовидными нашивными бляшками, головной венчик определенного типа с привесками, пластинчатые браслеты с гравированным орнаментом. Помимо трех гривен на груди находилось сложное украшение из бус красного глухого стекла и мелких многочастных “золотостеклянных” пронизей. Новый элемент – гривна с коробкой раннего варианта, известная в комплексах последней четверти IV – первой трети/первой половины V в. (Белоцерковская, 2010. С. 78).

Гривна с коробкой находилась в погр. 95 Борковского могильника. По разработкам И.В. Белоцерковской, коробки малого диаметра характерны для ранних экземпляров, но в комплексах с пластинчатыми лунницами подобные гривны (рис. 4, 25, 26) начинают фиксироваться во втором периоде их бытования, соответствующем первой половине V в. (Белоцерковская, 2010. С. 78, 79; Рис. 7). Такая датировка или несколько более ранняя подтверждается наличием двух бронзовых плоских браслетов и украшения из крупных

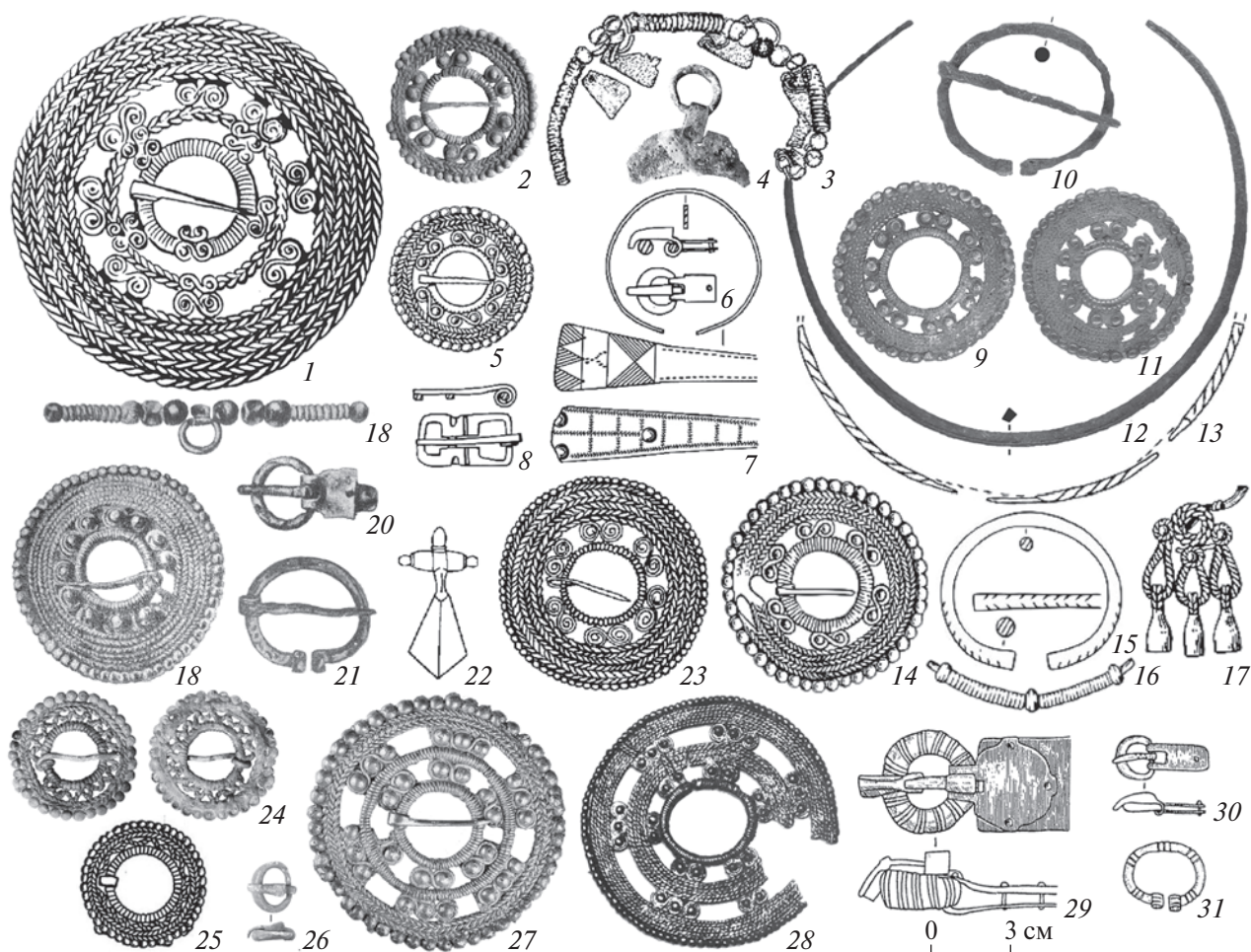

Рис. 5. Ажурные застёжки из могильников за пределами основного ареала рязано-окской культуры. Холуй: 1 – погр. неизв.; Подвязье: 2–4 – п. 36Б; Абрамово: 5–8 – п. 130; 25 – п. 126; Безводное: 9, 10, 12 – п. 142; 11 – п. 159; 18–21 – п. 85; Шокша: 13–17 – п. 853; Желтухино: 22, 23 – п. 23; Бол. Давыдовское 2: 24 – п. 12; Абакумлевский клад: 26, 27; Мл. Ахмылово: 28–31 – п. 128. 1 – по: Горюнова, 1961; 2–4 – по: Грибов, 2016, 2018; 5–8, 25 – по: Ставицкий, Шитов, 2013; 9, 11, 12 – Государственный музей-заповедник “Куликово поле”, КП-63-ТД-61/1, НВ-8/104, КП-99-ТД-89/36 (фото А.С. Морозова); 10, 18–21 – по: Краснов, 1980; 13–17 – по: Шокшинский могильник, 2023; 22, 23 – по: Уткин, Черников, 1994; 24 – по: Зайцева, 2011; 28 – по: Никитин, Никитина, 2004; 29–31 – по: Никитина, 1999.

Fig. 5. Openwork clasps from burial grounds outside the main area of the Ryazan-Oka culture

и мелких бус красного глухого стекла, золото-стеклянных многочастных и бронзовых спиральных пронизей. Ажурная застёжка из погр. 95 (рис. 4, 24) полностью идентична по конструкции и орнаментальным элементам изделию из погр. 8, но меньше по диаметру (около 10 см).

Круглая застёжка (10.5 × 10.9 см) была положена в качестве дара в мужское погр. 14 Никитинского могильника (раскопки Р.Ф. Ворониной). Особенность предмета состоит в том, что в нижней части корпуса находятся колечки для привесок, что нехарактерно для этих изделий. Погребение (рис. 4, 28–32) отнесено И.Р. Ахмедовым к периоду 3А2 мужских комплексов рязано-окской культуры,

первой половины/середины V в. (Ахмедов, 2010. С. 106). Характер использования и облик могут маркировать последние позиции в эволюционном ряду подобных изделий в рязано-окской среде.

Бытование застёжек со строенными “жемчужинами” и широкими лопастями по рассмотренным комплексам укладывается в период с середины/второй половины IV до начала V в., что в полной мере соотносится с периодом 26 женских комплексов рязано-окской культуры. О поздней дате застёжки из погр. 222 могильника Борок 2 в рамках конца IV – начала V в. уже сказано И.В. Белоцерковской (2014. С. 272), а осуществленный обзор лишь подтверждает ее наблюдения.

Другие признаки абакумлевской нагрудной застежки присутствуют у изделий “безводнинской” серии. В одноименном могильнике они зафиксированы в первой группе женских комплексов, объединенной автором и отчасти совпадающей с первой стадией Ю.А. Краснова (1980. С. 94). Характерные предметы костюма — головные жгуты на жесткой основе, наборные украшения из пронизей, бус и привесок, определенные И.В. Белоцерковской как “венчики-ожерелья” (Белоцерковская, 2012. С. 59), сюльгамы с невыступающими концами из железа и цветного металла. В целом датировка всей группы на основе аналогий укладывается в рамки конца IV — первой половины V в., но отсутствие золотостеклянных многочастных пронизей (Краснов, 1980. С. 47, 48) может свидетельствовать о поздней части этого временного отрезка.

Наиболее ранний комплекс с ажурной застежкой находился в погр. 142. В нем также присутствовали бронзовая гривна ромбовидного сечения с замком в виде крючков и железная застежка-сюльгама (рис. 5, 9, 10, 12). Близкие гривны были найдены в погр. 67 Ивановского могильника (раскопки Р.Ф. Ворониной) вместе с ранним экземпляром нагрудной бляхи с “дверцей” ромбовидной формы (Мясников, 2013. С. 26. Рис. 17, 6), определяющей дату комплекса в рамках первой половины V в., и в погр. 13 Первомайского могильника с пряжками с “хоботковидными” язычками (Лещинская, 2014. Табл. 146, 10).

Несколько более поздними должны считаться комплексы погр. 85 и 159 Безводнинского могильника (рис. 5, 11, 18–21), так как оба содержат пряжки с утолщенной в передней части рамкой и хоботковидным язычком. Также следует отметить, что, несмотря на наличие ажурной застежки в качестве нагрудного украшения, головной убор в погр. 159 уже включает головной жгут на мягкой основе (тип II по Ю.А. Краснову) и ранний вариант крестовидной фибулы “нижнеокской” серии, что характерно для следующего этапа формирования костюма населения, оставившего “безводнинско-ахмыловскую” группу памятников. Датировка погр. 159 укладывается в рамки V в., скорее всего ближе к середине столетия.

Застежка из погр. 853 Шокшинского могильника близка описанным выше застежкам Безводнинского. Комплекс (рис. 5, 13–17) содержит тордированную бронзовую гривну, литую

сложную подвеску, круглодротовые браслеты, золотостеклянные многочастные пронизы и рубленный бисер из красного глухого стекла (группа 2 по О.С. Румянцевой), характерные для периодов 2б и 3 (по И.В. Белоцерковской). Абсолютная датировка укладывается в рамки первой половины — середины V в. Примерно тот же хронологический период определен исследователями при подготовке публикации Шокшинского могильника (2023. С. 9, 35. Рис. 112).

Описанные выше четыре изделия имеют внешнее сходство. Общий диаметр колеблется в пределах 6.7–8 см, поле плетеного шнура относительно широкое (5–6 рядов, ширина 0.8–1.4 см), полушарные элементы — сплюснутые шарики, присоединенные к внешнему краю шнура и прилепленные к “центрам” двойных спиралей.

Несколько отличны застежки из Подвyezевского и Абрамовского могильников. Их общий диаметр находится в пределах 5.6–6 см, поле плетеного шнура уже (3 ряда, ширина 0.5–0.6 см), поверх “центров” двойных спиралей также крепятся сплюснутые шарики, но внешний ряд застежки из Подвyezья состоит из полушарных элементов в виде скорлупок.

Погребение 36Б (рис. 5, 2–4), где обнаружена такая застежка, Н.Н. Грибов относит ко второй хронологической группе Подвyezевского могильника, датирующейся второй половиной IV — серединой V в. (Грибов, 2018. С. 193), и первой стадии развития женского костюма (Грибов, Иванова, 2020. С. 68). Головной жгут на жесткой основе, обнаруженный в этом захоронении, известен по ранним женским комплексам (погр. 130, 142, 148) Безводнинского могильника. Однако в отличие от них погребение содержало сложное украшение, состоявшее из большого количества золотостеклянных многочастных пронизей и рубленного бисера из красного глухого стекла. Пряжки из погр. 36Б позволяют сузить его датировку до конца IV — начала V в.

Комплекс погр. 130 Абрамовского могильника отнесен В.В. Ставицким и В.Н. Шитовым к четвертому хронологическому периоду (Ставицкий, Шитов, 2013. С. 262), датирующемуся концом IV — первой половиной V в. По замечанию авторов, в этот период комплексы содержат меньшее количество золотостеклянного бисера по сравнению с предыдущими. Погребение 130 содержало (рис. 5, 5–8) пластинчатые браслеты, характерные для периодов 2а–2б женских комплексов

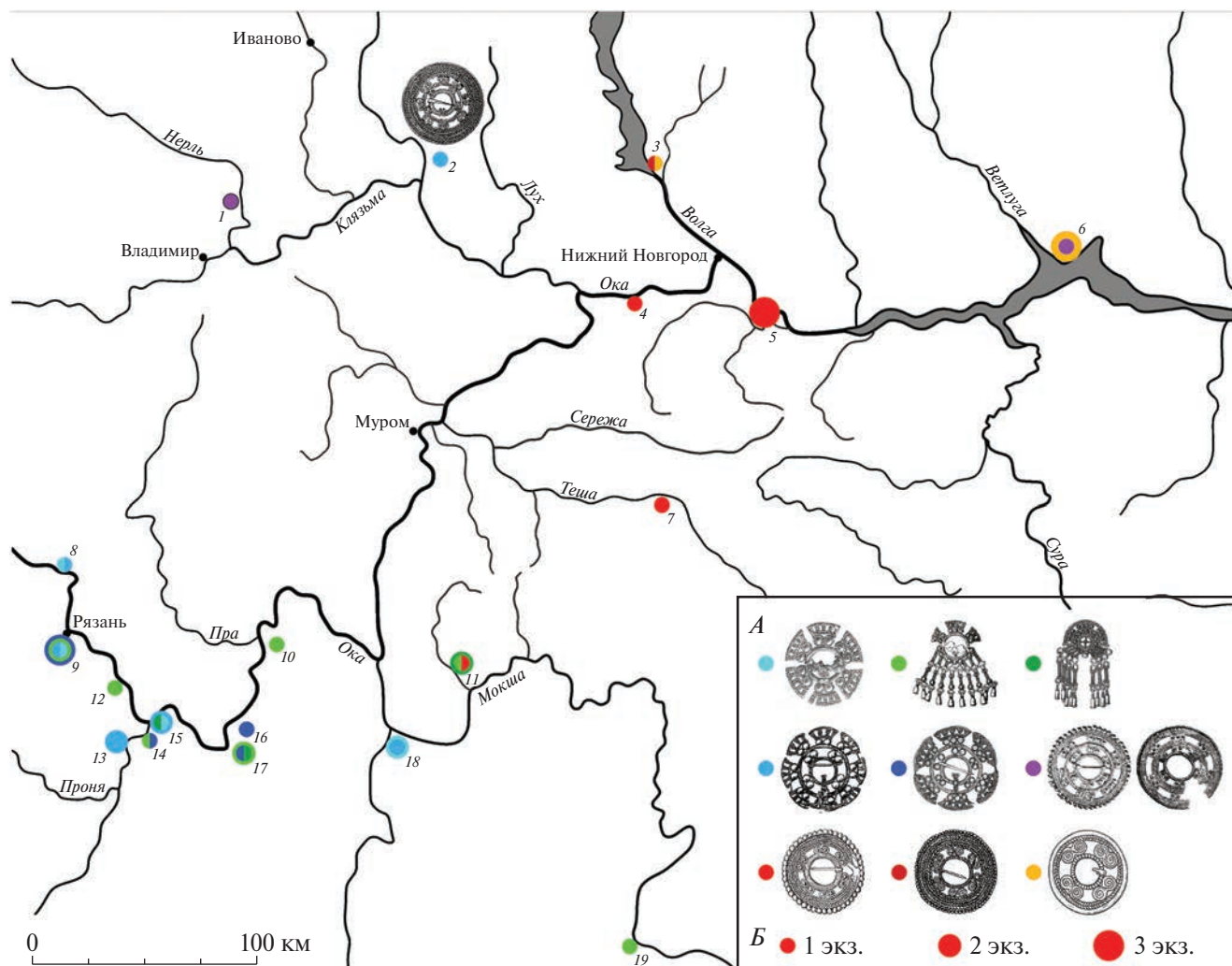

Рис. 6. Карта-схема распространения некоторых серий ажурных застёжек на территории поволжско-финских культур (перечень рязано-окских застёжек по: Белоцерковская, 1999). 1 – селище Абакумлево 3; могильники: 2 – Холуйский; 3 – Желтухинский; 4 – Подвязьевский; 5 – Безводнинский; 6 – Мл. Ахмыловский; 7 – Абрамовский; 8 – Кузьминский; 9 – Борковский; 10 – Курманский; 11 – Шокшинский; 12 – Гавердовский; 13 – Заречье 4; 14 – Никитинский; 15 – Шатрищенский; 16 – Ундрих; 17 – Борок 2; 18 – Кошибеевский; 19 – Тезиковский. Обозначения: А – серии, упомянутые в тексте статьи; Б – кол-во экз. на памятнике.

Fig. 6. A schematic map of the distribution of some series of openwork clasps across the territory of the Volga-Finnish cultures (the list of Ryazan-Oka clasps after Belotserkovskaya, 1999)

рязано-окской культуры, а также пряжки, близкие к пряжке из погр. 14 Никитинского могильника (Воронина и др., 2005. Рис. 20, 9), погр. 148 Безводнинского могильника (Краснов, 1980. С. 181), погр. 4 мыса 4 могильника Шатрищи. Подобные изделия, по мнению И.Р. Ахмедова, известны в мужских комплексах рязано-окской культуры с конца периода 3А по начало 3В, что соответствует первой половине V в. (Ахмедов, 2007. С. 146).

Наличие двух вариантов застёжек “безводнинской” серии может быть гипотетически объяснено хронологической разницей. Узкое поле

(3 ряда, ширина 0.7 см) плетеного шнура со “скорлупками” по краю сближают застёжки раннего варианта “безводнинской” серии с изделием из Абакумлевского клада. Идентичное внешнее оформление имеют застёжки с загзагообразным плетеным шнуром вместо спиралей из других комплексов Абрамовского могильника (Ставицкий, Шитов, 2013. Рис. 7, 6). Их облик сформировался еще в период 2а (Зайцева, 2011. рис. 1, 8), но, вероятно, они могли сосуществовать с ранним вариантом “безводнинских” застёжек (рис. 5, 24, 25). В таком случае нагрудные украшения из могильников Безводное и Шокша имеют несколько более

позднюю хронологическую позицию. Развитие этой категории изделий, судя по рассмотренным экземплярам, шло в сторону расширения плетеного поля и деградации круглой формы элементов внешнего края, что отражено в застёжке (рис. 5, 23) из погр. 23 Желтухинского могильника (Уткин, Черников, 1994. Рис. 8, 9). Вполне вероятно, что на основе “безводнинской” серии могли сформироваться небольшие застёжки (рис. 6, 3, 6) из могильников Младшее Ахмылово (погр. 16, 82, 81) и Желтухино (Никитина, 1999. Рис. 7А, 7; 19Б, 5; 22, 11; Уткин, Черников, 1994. Рис. 2, 17).

Близкий аналог абакумлевской застёжке, сходный по общей структуре, происходит из погр. 128 Младшего Ахмыловского могильника (рис. 5, 28–31). Украшение было положено в мужское погребение в качестве дара (Никитина, 1999. Рис. 27, 11). Данный комплекс достаточно поздний относительно рассматриваемого нами периода. Яркие хроноиндикаторы, такие как скульгама и пряжка, характерны для периода конца V – первой половины VI в.; ту же датировку предлагает И.Р. Ахмедов (2019. С. 33). Отсутствие застёжек “безводнинской” серии в Младшем Ахмыловском могильнике, вероятно, исключает присутствие погребений первой половины – середины V в., связанных с первой группой женских комплексов Безводнинского могильника. Учитывая хронологический разрыв между изделиями из клада и погр. 128, можно предположить стабильное существование застёжек похожего облика, неизвестных авторам настоящего исследования.

Таким образом, нагрудные ажурные застёжки, находящиеся к северу и северо-востоку от основного ареала рязано-окской культуры, демонстрируют генетическую преемственность с изделиями последней. Все они отличаются наличием замкнутых внутренних колец⁵ и полным отсутствием S-образных завитков. Использование в костюме ажурных застёжек северными группами поволжско-финского населения, возможно, относится ко времени, когда в рязано-окской среде в качестве нагрудных украшений уже используются нагрудные пластинчатые бляхи с “дверцей”.

Исключение – застёжка с территории могильника Холуй (рис. 5, 1). Она близка к рязано-окской серии 2Б, имеет два внутренних замкнутых кольца,

но от дровов сохранились лишь S-образные завитки (Горюнова, 1961. Рис. 57, 9). По инвентарю известных погребений этот памятник в целом относится к IV–началу VI в. Ранний этап функционирования могильника мог быть напрямую связан с рязано-окским “импульсом” на эту территорию.

Формирование облика застёжки из Абакумлевского клада относится к концу IV – началу V в. Признаки, присутствующие у ранних застёжек “безводнинской” серии и абакумлевского экземпляра, были распространены среди рязано-окских изделий как в центральной, так и в юго-восточной части ареала культуры. Рассмотренные изделия выступают маркерами разнонаправленного движения населения Среднего Поочья, активно воздействующего на культурную среду окружающего его родственного поволжско-финского населения.

Благодарим И.В. Белоцерковскую за высказанные комментарии по рязано-окским застёжкам; сотрудников Рязанского историко-культурного музея-заповедника Д.А. Иванова и Ю.В. Лошину за предоставленную информацию по фондам, фотографии изделий и планшетов комплексов Борковского могильника; И.О. Гавритухина за консультацию по стеклянным сосудам; сотрудников Государственного музея-заповедника “Куликово поле” В.П. Гриценко и Т.В. Наумову за возможность работы с предметами Безводнинского могильника; сотрудника Мордовского республиканского объединённого краеведческого музея им. И.Д. Воронина Р.Е. Головина за возможность ознакомиться с фотографиями обеих сторон застёжки из погр. 853 Шокшинского могильника; Н.Н. Грибова за возможность ознакомиться с комплексом погр. 36Б Подвизьевского могильника.

Работа выполнена по плановой теме ИА РАН. НИОТКР 122011200266-3.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахмедов И.Р. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; вып. 9). С. 137–185.
- Ахмедов И.Р. К выделению индикаторов социальной стратификации в культуре рязано-окских финнов в эпоху Великого переселения народов по материалам могильника у села Никитино // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Ч. 1. Тула: Гос. музей-заповедник “Куликово поле”. 2010. С. 101–130.

⁵ Изделия с замкнутыми кольцами известны в рязано-окских могильниках Шатрищи, погр. 137 и Кошибеево, погр. 81.

- Ахмедов И.Р.* Об одном типе мечей рязано-окских финнов в VI в. н.э. // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Ч. 2 / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Воронцов. Тула: Гос. музей-заповедник “Куликово поле”. 2019. С. 23–71.
- Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В., Мамонова А.А.* Об одном типе женских головных уборов рязанских финнов в III–V вв. // Искусство древнего текстиля. Методы изучения, сохранность, реконструкция: материалы Российско-Германского семинара (Москва, 11–13 марта 2018 г.). Оппенхайм-на-Рейне: ИА РАН; Nünnerich: Asmus Verlag & Media GmbH, 2019 (Archaeology in China and East Asia; т. 7). С. 187–222.
- Белоцерковская И.В.* Ажурные застежки из могильника Кораблино // Забелинские чтения – 1995–1996 гг. М.: Гос. ист. музей, 1999. С. 154–176.
- Белоцерковская И.В.* Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М.: ИА РАН. 2007 (Раннеславянский мир; вып. 9). С. 186–212.
- Белоцерковская И.В.* Гривны с коробками из рязано-окских могильников // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Ч. 1 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник “Куликово поле”. 2010. С. 75–100.
- Белоцерковская И.В.* Об одном типе женского костюма окских финнов гуннского и постгуннского времени // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3. Тула: Гос. музей-заповедник “Куликово поле”. 2012. С. 55–78.
- Белоцерковская И.В.* Две фибулы-броши из рязано-окских могильников // Славяне и иные языци...: к юбилею Натальи Германовны Недошивиной. М.: ИА РАН, 2014. С. 168–349.
- Бреполь Э.* Теория и практика ювелирного дела. Л.: Машиностроение, 1982. 384 с.
- Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.В.* Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977–1978 гг. М.: ИА РАН, 2005. 176 с.
- Гаврилов А.П., Семенов А.С.* Генетические исследования материалов из раскопок рязано-окского могильника Ундрих 1983 г. // Вестник Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № 2. С. 170–196.
- Гавритухин И.О.* Комплексы элиты V в. // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; вып. 9). С. 33–37.
- Голубева Л.А.* Зооморфные украшения финно-угров. М.: Наука, 1979 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Е1-59). 112 с.
- Горюнова Е.И.* Этническая история Волго-Окского междуречья. М.: Изд-во АН СССР, 1961 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 94). 266 с.
- Грибов Н.Н.* Подвязыевский могильник // Россия как археологическое пространство. М.: ИА РАН, 2016. С. 106–107.
- Грибов Н.Н.* Подвязыевский могильник на Нижней Оке: культурные особенности и хронология (предварительные итоги исследований 2010, 2012–2015 гг.) // Эпоха Великого переселения народов: материалы Всерос. науч. конф. Казань, 2018 (Археология евразийских степей; № 1/2018). С. 191–199.
- Грибов Н.Н., Иванова Н.В.* Изменение женского убора населения Нижнего Поочья в V–VI вв. (по материалам Подвязыевского могильника) // Археология Волго-Окского региона: сб. тез. к юбилею И.В. Белоцерковской. М.: Гос. ист. музей, 2020. С. 64–67.
- Зайцева И.Е.* Цветной металл из могильника Большое Давыдовское II // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы науч. семинара. Вып. 3. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2011. С. 17–33.
- Конькова Л.В.* Исследование изделий из цветного металла с городища Варварина Гора // Буров В.А. Городище Варварина Гора. Поселение I–V и XI–XIV веков на юге Новгородской земли. М.: Наука, 2003. С. 461–463.
- Краснов Ю.А.* Безводнинский могильник (к истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука, 1980. 224 с.
- Лещинская Н.А.* Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.). Ижевск, 2014 (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции; т. 27). 472 с.
- Никитин В.В., Никитина Т.Б.* К истокам марийского искусства. Йошкар-Ола: Марийский науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории, 2004. 152 с.
- Никитина Т.Б.* История Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников). Йошкар-Ола: Марийский науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории, 1999. 161 с.
- Морозов А.С.* Поселение Абакумлево 3 – новый памятник эпохи Великого переселения народов в Суздальском Ополье // Краткие сообщений Института археологии. 2022. Вып. 268. С. 197–214.
- Мясников Н.С.* Этнокультурные процессы в Чувашском Поволжье в I–VIII веках нашей эры в свете археологических данных. Чебоксары: Чувашский гос. ин-т гуманитар. наук, 2013. 72 с.
- Румянцева О.С.* Бусы массовых типов // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М.: ИА РАН, 2007. С. 213–245.
- Румянцева О.С.* Находки полихромных бус на территории Среднего Поочья: хронология, распространение, социокультурный контекст // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Ч. 2. Тула: Гос. музей-заповедник “Куликово поле”, 2019. С. 7–22.
- Сапрыкина И.А.* Производственный ювелирный комплекс Троицкого городища дьяковской культуры // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего

- средневековья: памяти Валерия Сергеевича Олховского. М.: ИА РАН, 2005. С. 521–534.
- Сапрыкина И.А. Некоторые данные к технике изготовления и химическому составу цветного металла предметов из Брянского клада // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.). М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 2018а (Раннеславянский мир; вып. 18). С. 227–236.
- Сапрыкина И.А. Цинкосодержащие сплавы в цветной металлообработке лесной и лесостепной зон конца I тысячелетия до н.э. — первой половины I тысячелетия н.э.: “индекс романизации” // Земли родной минувшая судьба...: к юбилею А.Е. Леонова. М.: ИА РАН, 2018б. С. 277–287.
- Сапрыкина И.А., Энгватова А.В. Химический состав цветного металла дьяковского времени из раскопок городища Настасьино // Тверской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Тверской гос. объедин. ист.-архитектур. и литератур. музей, 2022. С. 477–493.
- Сарачева Т.Г. Технология изготовления ювелирных изделий Никитинского могильника // Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977–1978 гг. М.: ИА РАН, 2005. С. 103–122.
- Спицын А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы. СПб., 1901 (Материалы по археологии России; № 25). 150 с.
- Ставицкий В.В., Шитов В.Н. Планиграфия и хронология Абрамовского могильника // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 3. Пенза: Пензенский ин-т регион. развития, 2013. С. 255–278.
- Уткин А.В., Черников В.Ф. Желтухинский грунтовый могильник // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. Йошкар-Ола: Марийский науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории, 1994. С. 41–66.
- Черепнин А.И. Извлечение из дневника раскопок Борковского могильника // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Т. X, вып. 3. За 1895 г. Рязань: Тип. Губ. правл., 1896. С. 334–373.
- Черных Е.Н., Барцева Т.Б. Сплавы цветных металлов // Барцева Т.Б., Вознесенская Г.А., Черных Е.Н. Металл черняховской культуры. М.: Наука, 1972. С. 50–94.
- Шокшинский могильник: Материалы раскопок 1983–1993, 1995 гг. Т. 2. Саранск: Науч.-исслед. ин-т гуманитар. наук, 2023. 480 с.
- Gavritukhin I. Glass vessels of the Final of the Chernyakhov culture // Na hranicích Impéria. Extra Fines Imperii: Jaroslavu Tejralovi k 80. Narozeninám. Brno: Masarykova Univerzita: Archeologický Ústav Akademie Věd České republiky, 2017. S. 83–109.

OPENWORK CLASP FROM THE ABAKUMLEVO HOARD OF THE 5th CENTURY AD (VLADIMIR REGION): TECHNOLOGY AND ARCHAEOLOGICAL CONTEXT

Aleksandr S. Morozov^{a, #} and Irina E. Zaytseva^{a, ##}

^aInstitute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

[#]E-mail: gentestud@yandex.ru

^{##}E-mail: izaitseva@yandex.ru

The article considers a round openwork clasp from a hoard of ornaments of the Volga-Finnish women's attire found in 2021 in the village of Abakumlevo 3 (Suzdal District of Vladimir Region). Currently, the clasp as the entire complex of hoard items is not a typical find on the territory of Suzdal Opolye. The authors conducted a technological analysis of the ornament and made a review of items similar in appearance from the Volga-Finnish sites. The features of the formation of a wax model were studied and the composition of the metal in the clasp was determined. The review of openwork clasps with a similar design and individual ornamental elements showed that the formation of the appearance of the clasp from the Abakumlevo Hoard dates back to the late 4th — early 5th century AD, and all structural elements find analogies, first of all, in the ornamentation of the Ryazan-Oka archaeological culture. Breast clasps recorded to the north and northeast of the main area of the above culture can be considered as markers of the migration directions of the Middle Oka region's population, actively influencing the surrounding Volga-Finnish population related to the former.

Keywords: Suzdal Opolye, the Migration Period, cultures of the Volga Finns, the settlement of Abakumlevo 3, openwork clasps.

REFERENCES

- Akhmedov I.R., 2007. Grave goods from male burials. Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya n.e. [Eastern Europe in the middle of the 1st millennium AD]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 137–185. (Ranesslavyskiy mir, 9). (In Russ.)
- Akhmedov I.R., 2010. To the identification of social stratification indicators in the culture of the Ryazan-Oka Finns during the Migration Period based on

- materials from the burial ground near the village of Nikitino. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konferentsiya 2* [Forest and forest-steppe areas of Eastern Europe in the Roman and Migration Periods. Conference 2], part 1. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole», pp. 101–130. (In Russ.)
- Akhmedov I.R., 2019. On one type of swords of the Ryazan-Oka Finns in the 6th century AD. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konferentsiya 4* [Forest and forest-steppe areas of Eastern Europe in the Roman and Migration Periods. Conference 4], part 2. I.O. Gavritukhin, A.M. Vorontsov, eds. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole», pp. 23–71. (In Russ.)
- Akhmedov I.R., Belotserkovskaya I.V., Mamonova A.A., 2019. One one type of women's headdress of the Ryazan Finns in the 3rd–5th centuries AD. *Iskusstvo drevnego tekstilya. Metody izucheniya, sokhraneniya, rekonstruktsiya: materialy Rossiysko-Germanskogo seminar (2018 g.)* [The art of ancient textiles. Study methods, preservation, reconstruction: Proceedings of the Russian-German seminar (2018)]. Oppenkhaym-na-Reyne: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk; Nünnerich: Asmus Verlag & Media GmbH, pp. 187–222. (Archaeology in China and East Asia, 7). (In Russ.)
- Belotserkovskaya I.V., 1999. Openwork clasps from the Korablino burial ground. *Zabelinskie chteniya – 1995–1996 gg.* [Zabelin Readings – 1995–1996]. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 154–176. (In Russ.)
- Belotserkovskaya I.V., 2007. Grave goods from female burials. *Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya n.e.* [Eastern Europe in the middle of the 1st millennium AD]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 186–212. (Ranneslavyanskiy mir, 9). (In Russ.)
- Belotserkovskaya I.V., 2010. Neck-rings with boxes from the Ryazan-Oka burial grounds. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konferentsiya 2* [Forest and forest-steppe areas of Eastern Europe in the Roman and Migration Periods. Conference 2], part 1. A.M. Vorontsov, I.O. Gavritukhin, eds. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole», pp. 75–100. (In Russ.)
- Belotserkovskaya I.V., 2012. On one type of female attire of the Oka Finns during the Hunnic and post-Hunnic periods. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konferentsiya 3* [Forest and forest-steppe areas of Eastern Europe in the Roman and Migration Periods. Conference 3]. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole», pp. 55–78. (In Russ.)
- Belotserkovskaya I.V., 2014. Two brooches from the Ryazan-Oka burial grounds. *Slavyane i inye yazytsi...: k yubileyu Natal'i Germanovny Nedoshivinoi* [Slavs and other nations...: To the anniversary of Natalya Germanovna Nedoshivina]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 168–349. (In Russ.)
- Brepol' E., 1982. *Teoriya i praktika yuvelirnogo dela* [Theory and practice of jewellery art]. Leningrad: Mashinostroyeniye. 384 p.
- Cherepnin A.I., 1896. An extract from the diary of excavations in the Borki burial ground. *Trudy Ryazanskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of the Ryazan Scientific Archival Commission], vol. X, iss. 3. Za 1895 g. Ryazan': Tipografiya Gubernskogo pravleniya, pp. 334–373. (In Russ.)
- Chernykh E.N., Bartseva T.B., 1972. Alloys of non-ferrous metals. *Bartseva T.B., Voznesenskaya G.A., Chernykh E.N. Metall chernyakhovskoy kul'tury* [Metal of the Chernyakhov culture]. Moscow: Nauka, pp. 50–94. (In Russ.)
- Gavrilov A.P., Semenov A.S., 2023. Genetic studies of materials from excavations in the Ryazan-Oka burial ground of Undrikh in 1983. *Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* [Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia], vol. 15, no. 2, pp. 170–196. (In Russ.)
- Gavritukhin I., 2017. Glass vessels of the Final of the Chernyakhov culture. *Na hranicih Impéria. Extra Fines Imperii: Jaroslavu Tejralovi k 80. Narozheninám.* Brno: Masarykova Univerzita: Archeologický Ústav Akademie Věd České republiky, pp. 83–109.
- Gavritukhin I.O., 2007. Elite complexes of the 5th century AD. *Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya n.e.* [Eastern Europe in the middle of the 1st millennium AD]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 33–37. (Ranneslavyanskiy mir, 9). (In Russ.)
- Golubeva L.A., 1979. Zoomorfnye ukrasheniya finno-ugrov [Zoomorphic ornaments of the Finno-Ugric peoples]. Moscow: Nauka. 112 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, E1-59).
- Goryunova E.I., 1961. *Etnicheskaya istoriya Volgo-Okskogo mezhdurech'ya* [Ethnic history of the Volga-Oka interfluvium]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 266 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 94).
- Gribov N.N., 2016. The Podvyazye burial ground. *Rossiya kak arkheologicheskoe prostranstvo* [Russia as an archaeological space]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 106–107. (In Russ.)
- Gribov N.N., 2018. The Podvyazye burial ground in the Lower Oka region: cultural features and chronology (preliminary results of research in 2010, 2012–2015). *Epokha Velikogo pereseleniya narodov: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [The Migration Period: Proceedings of the All-Russian scientific conference]. Kazan', pp. 191–199. (Arkheologiya evraziyskikh stepey, 1/2018). (In Russ.)
- Gribov N.N., Ivanova N.V., 2020. Changes in the female attire of the Lower Oka population in the 5th–6th centuries AD (based on materials from the Podvyazye burial ground). *Arkheologiya Volgo-Okskogo regiona: sbornik tezisev k yubileyu I.V. Belotserkovskoy* [Archaeology of the Volga-Oka region: Collected abstracts for the anniversary of I.V. Belotserkovskaya]. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 64–67. (In Russ.)

- Kon'kova L.V., 2003. Study in non-ferrous metal products from the Varvarina Gora fortified settlement. *Burov V.A. Gorodishche Varvarina Gora. Poselenie I–V i XI–XIV vekov na yuge Novgorodskoy zemli [The fortified settlement of Varvarina Gora. Settlement of the 1st–5th and 11th–14th centuries AD in the south of Novgorod land]*. Moscow: Nauka, pp. 461–463. (In Russ.)
- Krasnov Yu.A., 1980. Bezvodninskiy mogil'nik (k istorii Gor'kovskogo Povolzh'ya v epokhu rannego srednevekov'ya) [The Bezvodnoye burial ground (to the history of the Gorky area of the Volga region in the Early Middle Ages)]. Moscow: Nauka. 224 p.
- Leshchinskaya N.A., 2014. Vyatskiy kray v p'yanoborskuyu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov I–V vv. n.e.) [Vyatka land in the Pyany Bor period (based on materials from burial sites of the 1st–5th centuries AD)]. *Izhevsk*. 472 p. (Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoy arkheologicheskoy ekspeditsii, 27).
- Morozov A.S., 2022. The Abakumlevo 3 settlement as a new site of Migration Period in Suzdal Opolye. *Kratkie soobshcheniy Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 268, pp. 197–214. (In Russ.)
- Myasnikov N.S., 2013. Etnokul'turnye protsessy v Chuvashskom Povolzh'e v I–VIII vekakh nashey ery v svete arkheologicheskikh dannyykh [Ethnocultural processes in the Chuvashia area of the Volga region in the 1st–8th centuries AD in the light of archaeological data]. *Cheboksary: Chuvashskiy gosudarstvennyy institut gumanitarnyykh nauk*. 72 p.
- Nikitin V.V., Nikitina T.B., 2004. K istokam mariyskogo iskusstva [To the origins of Mari art]. *Yoshkar-Ola: Mariyskiy nauchno-issledovatel'skiy institut yazyka, literatury i istorii*. 152 p.
- Nikitina T.B., 1999. Istoriya Mariyskogo kraja v I tys. n.e. (po materialam mogil'nikov) [History of the Mari land in the 1st millennium AD (based on materials from burial grounds)]. *Yoshkar-Ola: Mariyskiy nauchno-issledovatel'skiy institut yazyka, literatury i istorii*. 161 p.
- Rumyantseva O.S., 2007. Beads of frequent types. *Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya n.e. [Eastern Europe in the middle of the 1st millennium AD]*. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 213–245. (In Russ.)
- Rumyantseva O.S., 2019. Finds of polychrome beads on the territory of the Middle Oka region: chronology, distribution, sociocultural context. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konferentsiya 4 [Forest and forest-steppe areas of Eastern Europe in the Roman and Migration Periods. Conference 4]*, part 2. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole», pp. 7–22. (In Russ.)
- Saprykina I.A., 2005. Jewellery production complex of the Troitskoye fortified settlement of the Dyakovo culture. *Drevnosti Evrazii: ot ranney bronzы do rannego srednevekov'ya: pamyati Valeriya Sergeevicha Ol'khovskogo [Antiquities of Eurasia: from the Early Bronze to the Early Middle Ages: in memory of Valery Sergeevich Olkhovsky]*. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 521–534. (In Russ.)
- Saprykina I.A., 2018a. Some data on the manufacturing technique and chemical composition of non-ferrous metal objects from the Bryansk hoard. *Bryanskiy klad ukrasheniy s vyemchatoy emal'yu vostochnoevropeyskogo stilya (III v. n.e.) [Bryansk hoard of adornments with champlevé enamel of the Eastern European style (3rd century AD)]*. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 227–236. (Ranneslavyanskiy mir, 18). (In Russ.)
- Saprykina I.A., 2018b. Zinc-containing alloys in non-ferrous metalworking of forest and forest-steppe areas in the late 1st millennium BC – first half of the 1st millennium AD: “Romanization index”. *Zemli rodnoy minuvshaya sud'ba...: k yubileyu A.E. Leont'eva [The past fate of native land...: to the anniversary of A.E. Leontyev]*. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 277–287. (In Russ.)
- Saprykina I.A., Engovatova A.V., 2022. Chemical composition of non-ferrous metal of the Dyakovo period from excavations at the Nastasino fortified settlement. *Tverskoy arkheologicheskiiy sbornik [Tver collected papers on archaeology]*, 5. I.N. Chernykh, ed. Tver': Tverskoy gosudarstvennyy ob"edinennyy istoriko-arkhitekturnyy i literaturnyy muzey, pp. 477–493. (In Russ.)
- Saracheva T.G., 2005. Technology for manufacturing jewellery from the Nikitino burial ground. *Nikitinskiy mogil'nik: publikatsiya materialov raskopok 1977–1978 gg. [The Nikitino burial ground: Publication of materials from excavations of 1977–1978]*. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 103–122. (In Russ.)
- Shokshinskiy mogil'nik: Materialy raskopok 1983–1993, 1995 gg. [The Shoksha burial ground: Materials of excavations in 1983–1993, 1995], 2. Saransk: Nauchno-issledovatel'skiy institut gumanitarnyykh nauk, 2023. 480 p.
- Spitsyn A.A., 1901. Drevnosti basseynov rek Oki i Kamy [Antiquities of the Oka and Kama River regions]. St. Petersburg. 150 p. (Materialy po arkheologii Rossii, 25).
- Stavitskiy V.V., Shitov V.N., 2013. Planigraphy and chronology of the Abramovo burial ground. *Arkheologiya Vostochnoevropeyskoy lesostepi [Archaeology of the East European forest-steppe]*, 3. Penza: Penzenskiy institut regional'nyy razvitiya, pp. 255–278. (In Russ.)
- Utkin A.V., Chernikov V.F., 1994. The Zheltukhin burial ground. *Problemy srednevekovoy arkheologii volzhskikh finnov [Issues of medieval archaeology of the Volga Finns]*. Yoshkar-Ola: Mariyskiy nauchno-issledovatel'skiy institut yazyka, literatury i istorii, pp. 41–66. (In Russ.)
- Voronina R.F., Zelentsova O.V., Engovatova A.V., 2005. Nikitinskiy mogil'nik: publikatsiya materialov raskopok 1977–1978 gg. [The Nikitino burial ground: Publication of materials from excavations of 1977–1978]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 176 p.
- Zaytseva I.E., 2011. Non-ferrous metal from the Bolshoye Davydovskoye II burial ground. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of the Vladimir-Suzdal land: Proceedings of the Scientific seminar]*, 3. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 17–33. (In Russ.)

ШЛЕМ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ С КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ЮВАНАЯГ

© 2024 г. А. Л. Белицкая^{1,*}, Е. В. Попов^{1,**}, В. И. Силаев^{2,***},
В. Н. Филиппов^{2,****}, А. Ф. Хазов^{2,*****}

¹Институт языка, литературы и истории Федерального исследовательского центра Коми
научного центра Уральского отделения РАН, Сыктывкар, Россия

²Институт геологии им. Н.П. Юшкина Федерального исследовательского центра Коми
научного центра Уральского отделения РАН, Сыктывкар, Россия

*E-mail: belitskaia522@yandex.ru

**E-mail: evpopovich@bk.ru

***E-mail: silaev@geo.komisc.ru

****E-mail: filippov@geo.komisc.ru

***** E-mail: akhazov@geo.komisc.ru

Поступила в редакцию 17.03.2023 г.

После доработки 20.07.2023 г.

Принята к публикации 17.10.2023 г.

В статье вводятся в научный оборот первые результаты исследования железного шлема, найденного в 2022 г. на территории курганного могильника Юванаяг в бассейне р. Вычегда в Республике Коми. Могильник принадлежит кругу памятников типа Веслянского I могильника, оставленных мигрантами с развитой воинской культурой, отличительной особенностью которых была традиция сооружения насыпей над могилами. Некрополи являются отражением позднего этапа эпохи Великого переселения народов на европейском Северо-Востоке (V–VII вв.). Найденный шлем типа бандхельм (по классификации К. Микса) представляет уникальный для региона экземпляр, не имеющий также аналогов на сопредельных территориях. По данным минералогических исследований шлем железный с микровключениями самородного алюминия и бурогоугольного углеродного вещества. Накладки на шлеме – латунные с включениями свинцово-медно-цинковых сплавов и меди. Своей вытянутой формой и декором полусферическими латунными накладками он близок шлемам Сасанидского Ирана. Территориально ближайшая аналогия юванаягской находке – бандхельм из грабительских раскопок у с. Царицыно Рязанской области. Предварительная датировка находки с Юванаягского могильника – конец IV–V в.

Ключевые слова: защитное снаряжение, курганный могильник, европейский Северо-Восток, бассейн р. Вычегда, Великое переселение народов, Сасанидский Иран, минералогический анализ.

DOI: 10.31857/S0869606324010129, EDN: ZVSVLH

Летом 2022 г. Нившерским археологическим отрядом (под руководством Е.В. Попова) Института языка, литературы и истории Федерального исследовательского центра Коми научного центра (далее – ИЯЛИ ФИЦ КНЦ) УрО РАН проводились разведочные работы в долинах р. Вишера (правый приток р. Вычегда) и ее левого притока – р. Нившера. Их целью был мониторинг современного состояния и уточнение сведений об известных объектах археологического наследия. В процессе работ

на Юванаягском могильнике велась съемка инструментального ситуационного плана территории памятника, в ходе которой на склоне террасы обнаружены железный шлем и миска из цветного металла. Вероятнее всего, предметы были перенесены сюда и сокрыты во время раскопок могильника.

Юванаягский курганно-грунтовой могильник расположен в 2 км к востоку – юго-востоку от д. Ивановка Корткеросского р-на Республики

Коми, на левобережье р. Нившера. Он занимает участок первой надпойменной “боровой” террасы, примыкающей с юга к старичному оз. Ивкаты (рис. 1). Выявлен сотрудником отдела археологии Института Л.И. Ашихминой в 1986 г. и исследовался ею же в 1987–1988 гг. Вскрыто 9 насыпей, 23 погребения, из которых 2 – грунтовые, 3 – организованы в канавках (рис. 2, 1).

Погребальный обряд могильника своеобразен (Ашихмина, 1989; Белицкая, 2015а). Его отличительная черта – традиция сооружения насыпей над погребениями. Курганы расположены двумя рядами вдоль берега озера (рис. 2, 1). Форма овальная и округлая, высота варьирует в пределах 0.1–0.5, размеры – 4–14.5 × 3–6 м, под ними находилось 1–6 погребений. Для более ранних курганов характерен больший размер. Они окружены канавками и ямами, из которых брался грунт для сооружения насыпи, разокнутыми с юга, со стороны водоема.

Могильные ямы овальной (18)¹ и прямоугольной (3) форм, простые и с заплечиками (7), стенки ям наклонные и отвесные. Характерно наличие внутримогильных конструкций на дне (16), деревянных перекрытий ям (6) и бересты (10), которая выступала и как самостоятельный элемент погребального обряда, и сопровождала погребальную конструкцию. Внутримогильные сооружения представлены лодкой, колодой, гробовищем, настилами из плах; часть обуглена (Белицкая, 2015б. С. 8). На перекрытиях камер погребений курганов V–VII расчищен тлен от костяков животных (коней?), уложенных головой к югу (Ашихмина, 1989. С. 4).

Способ захоронения умерших – ингумация. Костные останки практически не сохранились, поэтому половозрастные определения невозможны. По костному тлену и расположению вещей установлено, что умершие лежали вытянуто на спине, головой к воде. В одном случае Л.И. Ашихмина предполагает кремацию (погребение кург. IV) (Ашихмина, 1987. Л. 13).

Сопровождающий инвентарь представлен оружием (меч, кинжал с ножами), защитным снаряжением (кольчуги), украшениями (бусы, височные кольца, гривна), предметами костюма (обувные и поясные пряжки, наколенники ремней), ножами, предметами культа

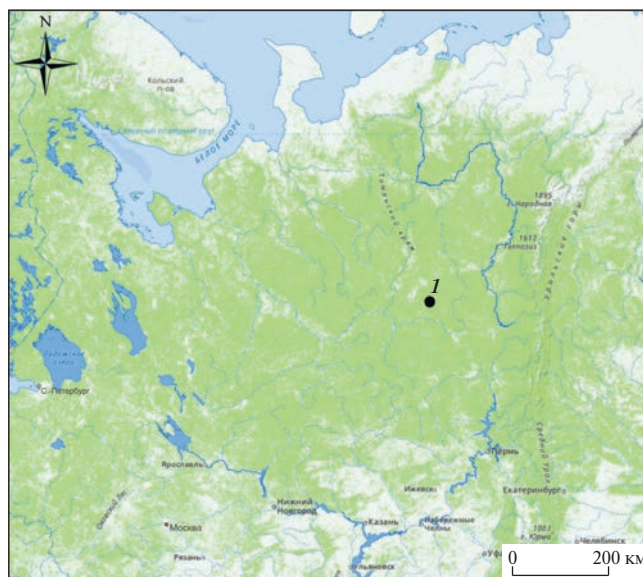

Рис. 1. Местоположение могильника Юванаяг (1).

Fig. 1. The location of the Yuvanayag mound cemetery (1)

(деревянная чаша), керамической посудой, поставленной вверх дном на уровне древней дневной поверхности.

Большая часть погребений (17) – со следами вторичных проникновений и разрушений. Эта характерная для курганных некрополей черта связана как с грабительской деятельностью, так и с постпогребальными обрядами, что обуславливает разный характер нанесенного ущерба (подробнее см. Ашихмина, 2003; Белицкая, 2016).

Облик инвентаря позволил предварительно датировать Юванаягский могильник концом V–VI в. (Ашихмина, 1989. С. 5). Своеобразие погребального обряда, в первую очередь традиция сооружения насыпей, указывает на то, что он, как и другие курганные могильники европейского Северо-Востока, был оставлен группой иноэтничного населения. Могильники отражают поздний этап (V–VII вв.) эпохи Великого переселения народов. Одним из авторов рассмотрен вопрос об их культурном единстве: предложено выделить могильники в отдельную группу – памятники типа Веслянского I могильника (Белицкая, 2015а). Их появление объясняется продвижением из Верхнего Прикамья групп мигрантов с развитой воинской культурой. Одно из доказательств этого – уникальная для региона находка шлема. Боевые наголовья неизвестны на европейском Северо-Востоке ни в предшествующие, ни в последующие

¹ В скобках указано количество погребений.

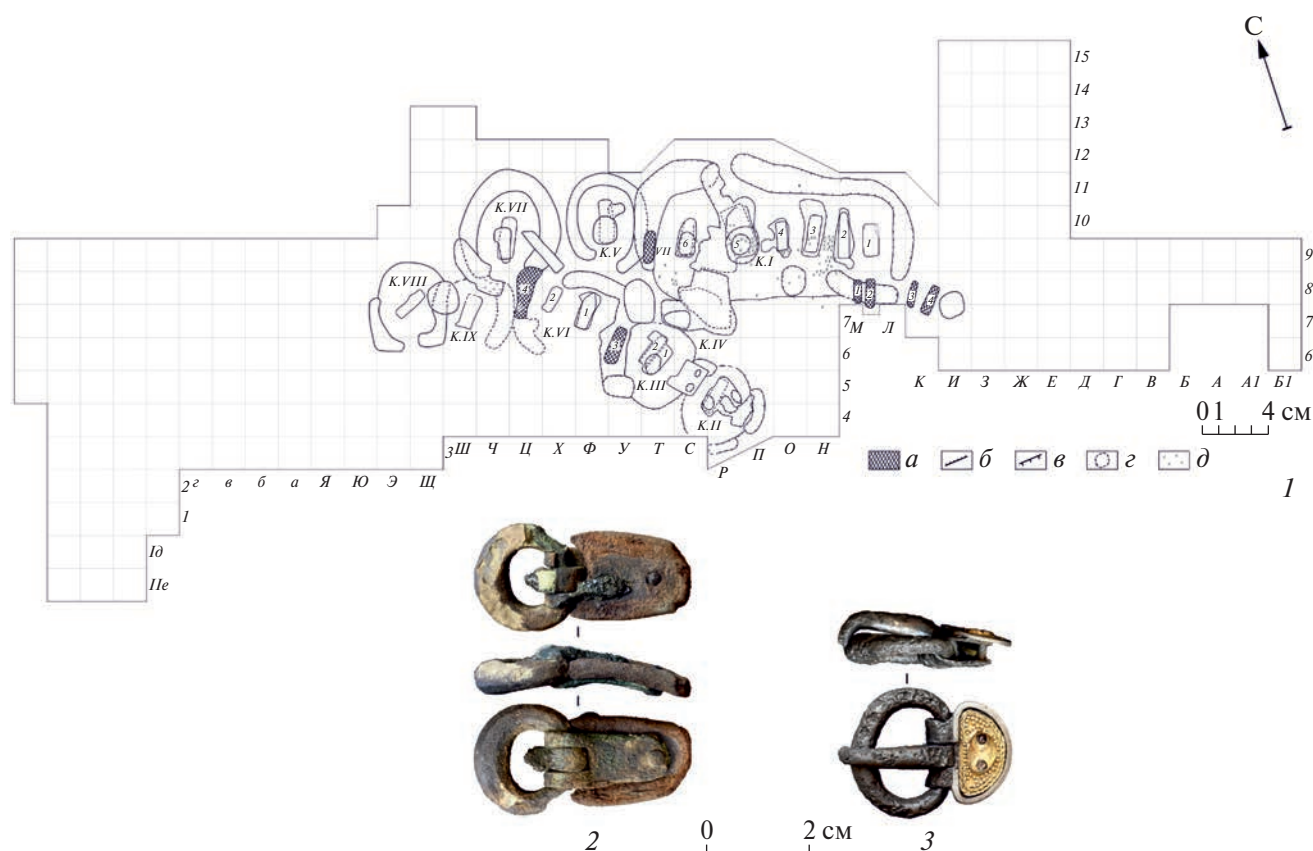

Рис. 2. Могильник Юванаяг. 1 — план раскопа могильника Юванаяг; 2 — обувная пряжка; 3 — поясная пряжка (обе находки — погр. 5, к. I). Условные обозначения: а — впускные и грунтовые погребения; б — курганные ямы-канавки; в — курганный насыпь; г — грабительские вкопы, ямы от деревьев; д — фрагменты кольчуги. Здесь и далее фотографии Е.В. Попова.

Fig. 2. The Yuvanayag mound cemetery (plan) and finds from burial 5 in mound I

периоды истории. Цель данной публикации — введение в научный оборот первых результатов его исследования.

Шлем железный, вытянутый, уплощен с боков, купол собран из двух половин (рис. 3). Высота — 18 см, диаметр основания — 19. Изделие сильно разрушено, сохранились задняя часть левой половины купола и большая часть обода. Ширина обода — 6 см, концы соединены между собой сзади. Левый и правый сегменты купола не примыкают друг к другу, а удерживаются продольной полосой (рис. 4, 2). Ширина основания полосы, соединяющей половины купола, — 7.5 см, кверху она сужается. Способ крепления частей — клепка при помощи мелких железных штифтов, которые видны по верхнему краю обода и с внутренней стороны шлема (рис. 4, 1). В качестве декоративного элемента использованы полусферические бляшки-накладки диаметром 0.5 см (рис. 4, 3). Сзади и по бокам шеи

владельца защищала бармица, от которой остались отдельные кольца, их внешний диаметр — 1.1 см, внутренний — 0.6 (рис. 4, 4).

Исследование материалов шлема проведено в Институте геологии им. Н.П. Юшкина ФИЦ КНЦ УрО РАН. В ходе исследований использовались рентгеновская дифрактометрия (Shimadzu XRD-6000); термический анализ (DTG-60A/60AH Shimadzu); рентгенофлуоресцентный анализ (Shimadzu XRF-1800); определение валового содержания углерода методом кулонометрического титрования по величине pH (Ан-7529М); аналитическая сканирующая электронная микроскопия (JSM-6400 Jeol); изотопная спектрометрия (Delta V + (Finnigan) с элементным анализатором Flash EA-HT 1112 и газовым коммутатором Confo IV). Анализировались сам шлем и накладки на него (рис. 5).

Рис. 3. Шлем могильника Юванаяг. 1 – вид сзади; 2 – вид спереди.

Fig. 3. A helmet from the Yuvanayag mound

Результаты исследования материала шлема.

По валовому химическому составу шлем железный с незначительными примесями (мас. %): Fe = 92.26, Al = 1.02, Cu = 0.21, As = 0.17, SiO₂ = 2.57, CaO = 0.4, K₂O = 0.04, P₂O₅ = 0.33. Фазовая диагностика осуществлялась рентгеноспектральным микрозондовым методом по энергодисперсионным спектрам (рис. 6). Основная часть шлема сложена α-железом состава Fe_{0.99–1}Cu_{0–0.01}, в качестве микрофазной примеси в нем установлены субмикронные включения самородного алюминия состава Al_{0.94–0.96}Cu_{0.02–0.05}Fe_{0–0.01} (табл. 1). Эта примесь

Рис. 4. Детали шлема. 1 – способ крепления частей шлема; 2 – способ крепления сегментов купола; 3 – накладки на куполе; 4 – накладки на ободу и элементы бармицы.

Fig. 4. Helmet details

может свидетельствовать о том, что в качестве сырья при выплавке железа использовались оолитовые или болотные железные руды с нагреванием, по крайней мере, до 800 °C, в процессе которого происходили последовательные превращения: FeO(OH)nH₂O и AlO(OH)nH₂O → FeO(OH) и AlO(OH) → Fe₂O₃ и Al₂O₃ → Fe и Al.

На поверхности шлема железо в условиях захоронения подверглось гидролитическому окислению с образованием гидрогетита FeO(OH)nH₂O и гетита (Fe_{0.99}Cu_{0.01})O(OH). Эти фазы хорошо диагностируются термическим анализом (рис. 7). На кривых нагревания гидрогетиту отвечает эндотермический пик при 100–115 °C, а гетиту – при 275–285 °C. Массовое отношение гидрогетит / гетит в продуктах

Таблица 1. Химический состав (масс. %) и кристаллохимические формулы металлических фаз воинского шлема
Table 1. Chemical composition (weight %) and crystal chemical formulas of the metal phases of the helmet

№ п/п	Fe	Cr	Cu	Zn	Pb	Al	Эмпирические формулы
1	100	н/о	н/о	н/о	н/о	н/о	Fe
2	98.59	—“—	1.41	—“—	—“—	—“—	Fe _{0.99} Cu _{0.01}
3	100	—“—	н/о	—“—	—“—	—“—	Fe
4	100	—“—	“	—“—	—“—	—“—	Fe
5	100	—“—	“	—“—	—“—	—“—	Fe
6	100	—“—	“	—“—	—“—	—“—	Fe
7	2.69	—“—	4.5	1.33	0.79	90.69	Al _{0.96} Cu _{0.02} Fe _{0.01} (Zn,Pb) _{0.01}
8	1.16	—“—	11.09	0.79	н/о	86.96	Al _{0.94} Cu _{0.05} Fe _{0.01}
9	1.14	—“—	9.48	0.94	н/о	88.44	Al _{0.95} Cu _{0.04} Fe _{0.01}
Среднее	1.66	0	8.36	1.02	0.26	88.7	Al _{0.94–0.96} Cu _{0.02–0.05} Fe _{0–0.01} (Zn,Pb) _{0–0.01}
СКО	0.89		3.44	0.28	0.46	1.88	
10	н/о	н/о	80.21	18.86	0.93	н/о	Cu _{0.81} Zn _{0.19}
11	—“—	—“—	72.36	27.64	н/о	—“—	Cu _{0.73} Zn _{0.27}
12	—“—	—“—	79.2	20.21	н/о	—“—	Cu _{0.8} Zn _{0.2}
13	—“—	—“—	79.66	19.14	1.2	—“—	Cu _{0.81} Zn _{0.19}
14	—“—	—“—	77.35	19.44	3.21	—“—	Cu _{0.79} Zn _{0.2} Pb _{0.01}
Среднее	0	0	77.14	21.61	1.1	2.06	Cu _{0.73–0.81} Zn _{0.19–0.27} Pb _{0–0.01}
СКО			3.34	4.05	1.51	4.61	
15	н/о	—“—	23.83	5.41	70.76	—“—	Cu _{0.47} Pb _{0.42} Zn _{0.1}
16	0.36	—“—	38.48	9.54	51.62	—“—	Cu _{0.66} Pb _{0.25} Zn _{0.15}
17	н/о	—“—	22.94	6.14	70.92	—“—	Cu _{0.45} Pb _{0.43} Zn _{0.12}
18	0.79	—“—	58.3	13.34	27.57	—“—	Cu _{0.72} Pb _{0.1} Zn _{0.17} Fe _{0.01}
Среднее	0.29	0	35.89	8.61	55.22	0	Cu _{0.45–0.72} Pb _{0.1–0.43} Zn _{0.1–0.17} Fe _{0–0.01}
СКО	0.37		16.55	3.63	20.54		
19	н/о	—“—	26.87	5.52	67.61	—“—	Pb _{0.67} Cu _{0.27} Zn _{0.06}
20	0.39	—“—	25.31	6.15	68.15	—“—	Pb _{0.4} Cu _{0.48} Zn _{0.11} Fe _{0.01}
Среднее	0.2	0	26.09	5.83	67.88	0	Pb _{0.4–0.67} Cu _{0.27–0.48} Zn _{0.06–0.11} Fe _{0–0.01}
СКО	0.27		1.1	0.45	0.38		
21	1.08	0	97.37	0.94	н/о	0.71	Cu _{0.96} Zn _{0.01} Al _{0.02} Fe _{0.01}

Примечание: железо (1–6), самородный алюминий (7–9), латунь (10–14), медно-свинцово-цинковый сплав (15–18), свинцово-медно-цинковый сплав (19–20), самородная медь (21). Среднее – среднеарифметическое, мас. %; СКО – среднее квадратическое отклонение; н/о – не обнаружено.

гидролиза железа варьируется в пределах 0.6–0.7. Кроме того, на кривых нагревания наблюдается малоинтенсивный эндотермический пик с максимумом при 400–420 °С, который отвечает выгоранию тонкодисперсного углеродного вещества, находящегося на стадии низших керитов-асфальтов. Содержание этого вещества в железном материале шлема по данным химического анализа оценивается в 0.01–0.05 мас. %, что соответствует данным об углеродистости археологического железа и его минимальному содержанию в современных сталях. По изотопному составу – $\delta^{13}\text{C}_{\text{PDB}} = -24.8...-24.59\text{‰}$ – примесь углеродного вещества в исследуемом шлеме в наибольшей степени соответствует древесным и бурым углям.

Результаты исследования материала накладок. Накладки на шлем имеют субизометричную

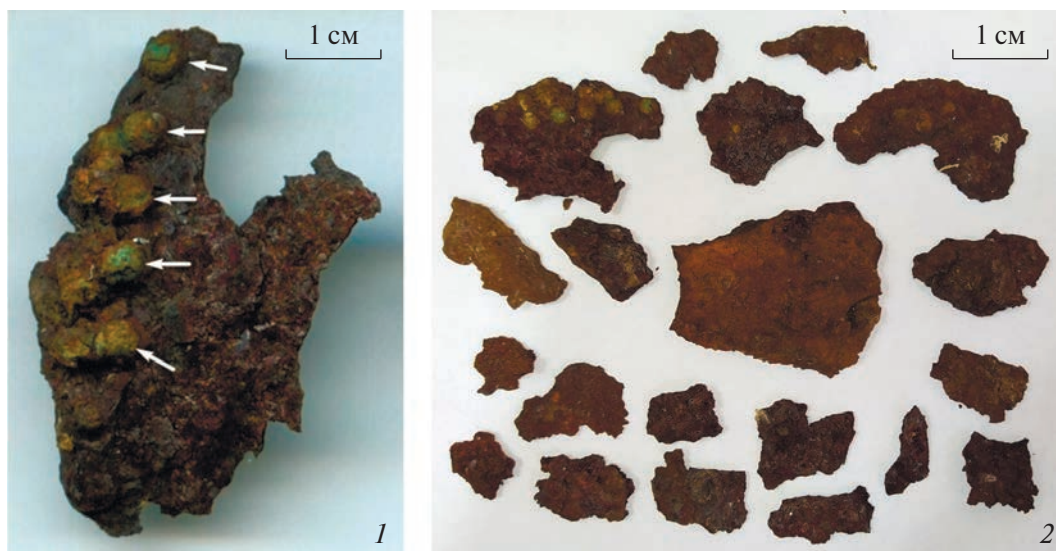

Рис. 5. Исследованные фрагменты шлема. 1 — латунные накладки (показаны стрелками); 2 — железные пластинки с основной части шлема.

Fig. 5. Investigated fragments of the helmet

форму и размер в пределах 4–5 мм. В их составе установлены преобладающая латунь сплава $\text{Cu}_{0.73-0.81}\text{Zn}_{0.19-0.27}\text{Pb}_{0-0.01}$ и микро-включения в нее медно-свинцово-цинковых и свинцово-медно-цинковых сплавов соответственно, $\text{Cu}_{0.45-0.72}\text{Pb}_{0.1-0.43}\text{Zn}_{0.1-0.17}\text{Fe}_{0-0.01}$ и $\text{Pb}_{0.4-0.67}\text{Cu}_{0.27-0.48}\text{Zn}_{0.06-0.11}\text{Fe}_{0-0.01}$, а также самородной меди $\text{Cu}_{0.96}\text{Zn}_{0.01}\text{Al}_{0.02}\text{Fe}_{0.01}$ (табл. 1). Упомянутые включения представлены частицами разной формы и размера (рис. 8). Для свинцово-медно-цинковых сплавов отмечаются две градации округлых частиц — преобладающая с варьированием частиц в пределах $(51 \pm 24) \times (30 \pm 19)$ мкм, и дополнительная с размером частиц $(1450 \pm 794) \times (525 \pm 263)$ мкм. Кроме того, в латунях наблюдаются редкие игольчато-волокнистые выделения размером $(20-25) \times (1-2)$ мкм. Самородная медь наблюдается в редких вытянутых зернах размером $(500-600) \times (200-250)$ мкм. Такой химический и фазовый состав хорошо согласуется с данными об археологических латунях.

На поверхности латунных накладок обнаружены так называемые зеленые продукты окисления преимущественно медьсодержащих металлических сплавов, сложенные, в рассматриваемом случае, малахитоподобными карбонатами (табл. 2). Составу последних отвечает брутто-формула $(\text{Cu}_{0.84-1.82}\text{Zn}_{0.08-0.7}\text{Fe}_{0.02-0.9}\text{Ca}_{0-0.02})_2[\text{CO}_3](\text{OH})_2$.

После окончания раскопок могильника Юванаяг в 1988 г. был сделан ряд аналитических исследований, в том числе спектральный анализ состава металлов (Ашихмина и др., 1988, 1990). К сожалению, в публикациях нет ссылки на то, какие предметы из каких объектов были взяты (только обобщенное перечисление категорий): в первой речь идет о трех вещах, во второй количество не указано (по устному сообщению одного из авторов, их было пять). Состав сплава всех находок одинаков — латунь со значительным количеством цинка (Ашихмина и др., 1988. С. 23).

Юванаягский могильник вместе с Шойнаягским (вещи из которого также были проанализированы) составляют раннюю хронологическую группу памятников (вторая половина V–VI в.), маркирующую первую волну миграций. Возможно, благодаря именно им на европейском Северо-Востоке появляются изделия из латуни, неизвестной местному ананьинско-гляденовскому населению (Ашихмина и др., 1990. С. 104).

Учитывая, что шлем — случайная находка, необходимо попытаться хотя бы приблизительно установить контекст его размещения до раскопок. На могильниках Волго-Камья первой половины I тыс., связанных с эпохой Великого переселения народов, находки шлемов сопровождалась оружием и защитным снаряжением — кольчугами и панцирями (Генинг,

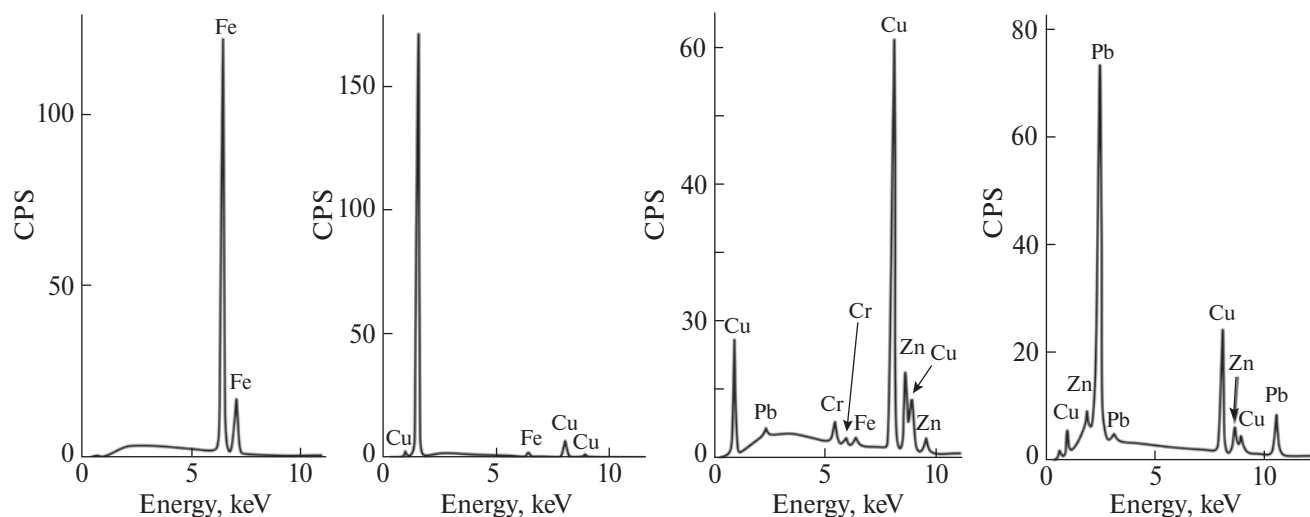

Рис. 6. Типичные энергодисперсионные спектры основных металлических фаз в составе шлема. 1 – железо; 2 – самородный алюминий; 3 – латунь; 4 – свинцово-медно-цинковый сплав.

Fig. 6. Typical energy-dispersive spectra of the main metal phases in the helmet

1963. С. 107–125; 1976. С. 67–76; Голдина, Волков, 2000. С. 104; Лещинская, 2014а. С. 23, 24; Казанцева, 2018). На Юванаяге в погребении кургана VII найден меч, фрагменты кольчуг сконцентрированы в кургане I: рядом с погр. 3 и в заполнении погр. 5 (рис. 2, 1).

Могильные ямы кургана I имеют заплечики с остатками деревянных перекрытий, в погр. 5 они выражены более четко, перекрытие носит следы огня. В камере погр. 3 на дне читался тлен от внутримогильной конструкции, камера погр. 5 была полностью облицована плахами по дну и стенкам. В заполнении погребения кургана VII обнаружены куски обугленного дерева, на дне – тлен от деревянной конструкции. Во всех трех погребениях использована береста, в нее были завернуты умершие. Могила разрушена в древности с юга, погр. 5, вероятно, неоднократно. Нарушения касаются области верхней части тела покойного.

В погр. 3 найдены обувные пряжки с остатками ремешков и железный нож. В погр. 5 сохранились поясная пряжка, инкрустированная золотой зернью со вставкой, обувные пряжки, фрагменты серебряного наконечника пояса. На древней дневной поверхности и в заполнении погребения кургана VII найдены фрагменты глиняного сосуда, на дне – обувные пряжки (Ашихмина, 1987. Л. 5–8).

Судя по инвентарю и более сложному устройству погребальной камеры, шлем мог находиться сбоку от умершего, в изголовье, в погр. 5 кургана I. Возможно, кольчуга была уложена рядом. Диаметр ее колец – 1,1 см.

Авторы воспользовались классификацией боевых наголовий, предложенной К. Миксом (Miks, 2009. S. 403). Шлем с Юванаягского могильника отнесен к типу бандхельм: его купол состоял из двух сегментов, скрепленных продольной полосой и усиленных ободом. В связи с уникальностью находки, поиск аналогий среди древностей I тыс. велся как к западу, так и к востоку от европейского Северо-Востока.

В Западной Сибири находки шлемов – большая редкость. Авторам известно пять экземпляров, датируемых I тыс., из которых два – из раскопок: из насыпи кургана II Релкинского и погр. 6 кургана 3 Исаковского-1 могильников (Чернецов и др., 1953. С. 162–164; Чиндина, 1977. С. 14; Ожередов, 1987. С. 115–119; Погодин, 1998. С. 60). Шлемы с цельнокованым (истяцкие, старицынский) и сегментным (релкинский) куполами, один – ламинарный (исаковский). Они имеют коническую (истяцкий), сфероконическую (исаковский) или сферическую форму; с нащечниками (исаковский), остатками бармицы (старицынский, исаковский, релкинский), окуляров и наносника (истяцкий), втулкой для султана (релкинский).

Таблица 2. Химический состав (масс. %) и кристаллохимические формулы малахитоподобных карбонатов, эпигенетически развивающихся по латуням, в накладках на шлем**Table 2.** Chemical composition (weight %) and crystal chemical formulas of malachite-like carbonates epigenetically developing on brass in the helmet overlays

CuO	ZnO	PbO	Fe ₂ O ₃	CaO	Эмпирические формулы
56.97	27.71	н/о	20.84	0.48	(Cu _{1.14} Zn _{0.42} Fe _{0.42} Ca _{0.02}) ₂ [CO ₃](OH) ₂
42.1	12.12	—“—	44.89	0.89	(Cu _{0.84} Zn _{0.24} Fe _{0.9} Ca _{0.02}) ₂ [CO ₃](OH) ₂
90.89	3.59	—“—	н/о	н/о	(Cu _{1.82} Zn _{0.08} Fe _{0.1}) ₂ [CO ₃](OH) ₂
76.55	22.72	—“—	0.73	—“—	(Cu _{1.54} Zn _{0.442} Fe _{0.2}) ₂ [CO ₃](OH) ₂
67.7	22.05	—“—	10.25	—“—	(Cu _{1.36} Zn _{0.44} Fe _{0.2}) ₂ [CO ₃](OH) ₂
81.61	15.69	—“—	2.7	—“—	(Cu _{1.64} Zn _{0.32} Fe _{0.06}) ₂ [CO ₃](OH) ₂
74.73	23.74	—“—	1.53	—“—	(Cu _{1.5} Zn _{0.46} Fe _{0.04}) ₂ [CO ₃](OH) ₂
75.36	20.88	1.24	2.52	—“—	(Cu _{1.52} Zn _{0.42} Fe _{0.04} Pb _{0.01}) ₂ [CO ₃](OH) ₂
53.66	35.81	н/о	10.53	—“—	(Cu _{1.08} Zn _{0.7} Fe _{0.11}) ₂ [CO ₃](OH) ₂
73.72	23.42	1.25	1.51	—“—	(Cu _{1.5} Zn _{0.46} Fe _{0.02} Pb _{0.02}) ₂ [CO ₃](OH) ₂

Примечание: н/о — не обнаружено.

Культурно-хронологическая атрибуция дана шлемам Истяцкого клада. Они отнесены к кушанским, датированным I–II вв. (Федорова, 2019. С. 65), или к парфянским, с ремаркой о дискуссионности региона происхождения (Негин, 2007. С. 344, 345). Шлем из Релки датирован VIII–X вв. (Чиндина, 1977. С. 32). Ю.И. Ожередов наиболее близким к старицынскому шлему считает шлем из Тураевского могильника, в связи с чем датирует первый широко — V–X вв. А.Л. Гордиенко отнес старицынскую находку к релкинской культуре (VI–IX вв.) (Гордиенко, 2019. С. 69. Рис. 38). Шлем Исаково-1 датирован первой половиной I в. и, по могильнику, отнесен к саргатской археологической культуре (Лурье, 2013. С. 289).

Авторы публикаций признают, что шлемы в Западной Сибири — предмет импорта. В.Н. Чернецов, ссылаясь на находки изображений шлемов на гравировках и литье, указывал на их распространенность в Приобье с конца I тыс. до н.э. (Чернецов и др., 1953. С. 163). Н.В. Федорова, напротив, считает, что появление боевых наголовий оказало влияние на развитие искусства населения севера Западной Сибири, выразившееся в появлении изображений шлемов к концу раннего железного века (Федорова, 2019. С. 99). Однако более на территории Западной Сибири были распространены простейшие типы боевых наголовий в виде

шапок с нашитыми на них костяными пластинами, экземпляры которых есть, в частности, в коллекции поселения-святилища Усть-Полуй (Гусев, 2017. С. 30–34).

Авторы “Угорского наследия...” высказывают мнение, что в начале I тыс. в таежной зоне Западной Сибири получили распространение высокие конические шлемы, которые в IV–V вв. сменяются низкими сферическими. В VIII в. последние были оснащены плюмажной втулкой и в таком виде бытовали до XVI–XVII вв. (Зыков и др., 1994. С. 50). Одна из авторов позднее уточнила, что в период позднего железного века, вплоть до рубежа I–II тыс. был перерыв в поступлении импорта, в том числе и шлемов, на территорию севера Западной Сибири (Федорова, 2019. С. 99).

Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод, что появление шлема на курганном могильнике Юванаяг не связано с территорией Западной Сибири: на это указывают его морфологические особенности, датировка, а также крайняя редкость подобной категории находок в I тыс. за Уралом. Иначе обстоит ситуация в Вятско-Камском регионе в азелинско-мазунинское время: Р.Д. Голдина и С.Р. Волков пишут о 18 шлемах с территории Средней Камы и Вятки (Голдина, Волков, 2000. С. 98), С.Э. Зубов и О.А. Радюш — о “не менее чем 23 экземплярах с территории Прикамья” (Зубов, Радюш, 2014).

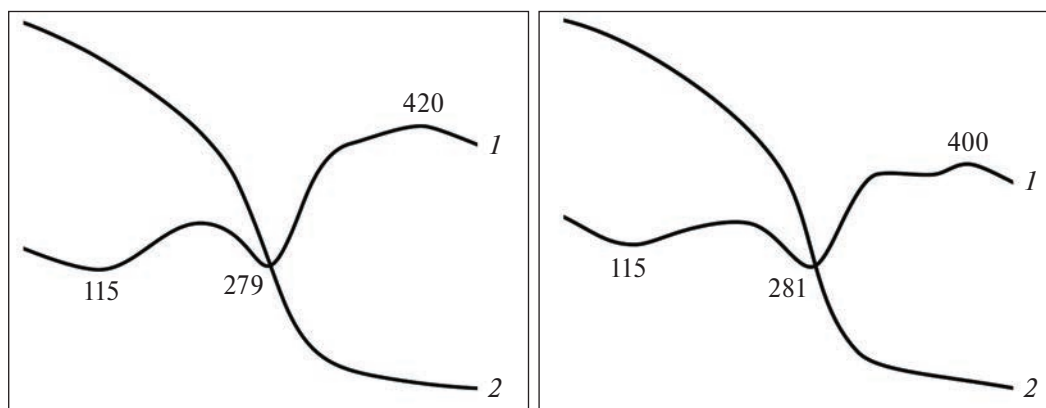

Рис. 7. Данные термического анализа железного материала воинского шлема. Кривые: 1 – нагревания, цифры на кривой – температуры эффектов, °C; 2 – потери веса.

Fig. 7. Thermal analysis data of the iron material in the helmet

С. 94), Р.В. Матвеев указывает, что “достоверно известно о 22 шлемах” первой половины I тыс. (Матвеев, 2014. С. 359). Как и в случае с западносибирскими шлемами, все исследователи высказываются в пользу высокого социального статуса людей, владевших подобным защитным снаряжением, относя их к немногочисленной прослойке профессиональных воинов (Бернц и др., 2015. С. 140; Казанцева, 2018. С. 218).

Шлемы Вятско-Камского региона неоднократно описаны в многочисленных публикациях, поэтому повторять все их характеристики не имеет смысла. Достаточно отметить, что исследователи сходятся во мнении о “западном”, римско-византийском, происхождении таких шлемов. Р.В. Матвеев обратился к их генеалогии и сделал вывод о смешанном римско-ближневосточном происхождении выделенных им типов (Матвеев, 2014. С. 360). Это же касается шлемов со Среднего Поволжья (Зубов, Радюш, 2014). О.А. Казанцева, без аргументации, в качестве источников поступления защитного снаряжения Кудашевского I могильника указывает два региона: Иран и Алтай (Казанцева, 2018. С. 219).

Появление боевых наголовий в азелинских и мазунинских могильниках объясняется проникновением в IV в. сравнительно небольшой военизированной группы населения европейского происхождения, разделившейся на два отряда (Голдина Волков, 2000. С. 102). А.А. Красноперов, напротив, отрицает масштабные миграции и высказывает точку зрения об “участии прикамского населения в военных

кампаниях на восточных рубежах Римской империи” (Красноперов, 2022. С. 274). Компромиссную версию, основанную на анализе шлемов азелинской археологической культуры, о разнонаправленности источников поступления и возможных причинах появления предлагает Н.А. Лещинская (2014б).

Несколько отличается от последней последовательно развиваемая точка зрения М.Л. Перескокова. Он признает факт проникновения на территорию Прикамья в третьей четверти IV – начале V в. небольшой военизированной группы, растворившейся в среде местного населения, но при этом оставившей “после себя погребальный обряд и ‘моду’ на элементы костюма и вооружение”. Военные погребения этого времени, распространенные на обширной территории, М.Л. Перескоков объединяет в рамках Тураево-Кудашевского культурно-хронологического горизонта, отделяя их от прикамских раннесредневековых культур (Перескоков, 2014).

Ряд признаков вятско-камских шлемов, характерных для вооружения римской армии и ее союзников, таких как нашечники, много-сегментная и ажурная каркасная конструкция, сферическая или близкая к ней форма, принципиально отличают их от шлема с Юванаягского могильника, что не позволяет говорить о его “западном” происхождении.

Итак, поиск аналогий уводит нас в более отдаленные регионы. Территориально ближайшая подобная находка – шлем № 1, найденный у с. Царицыно в Рязанской области (Ахмедов, Биркина, 2017; Кубик, Радюш, 2019). В пользу

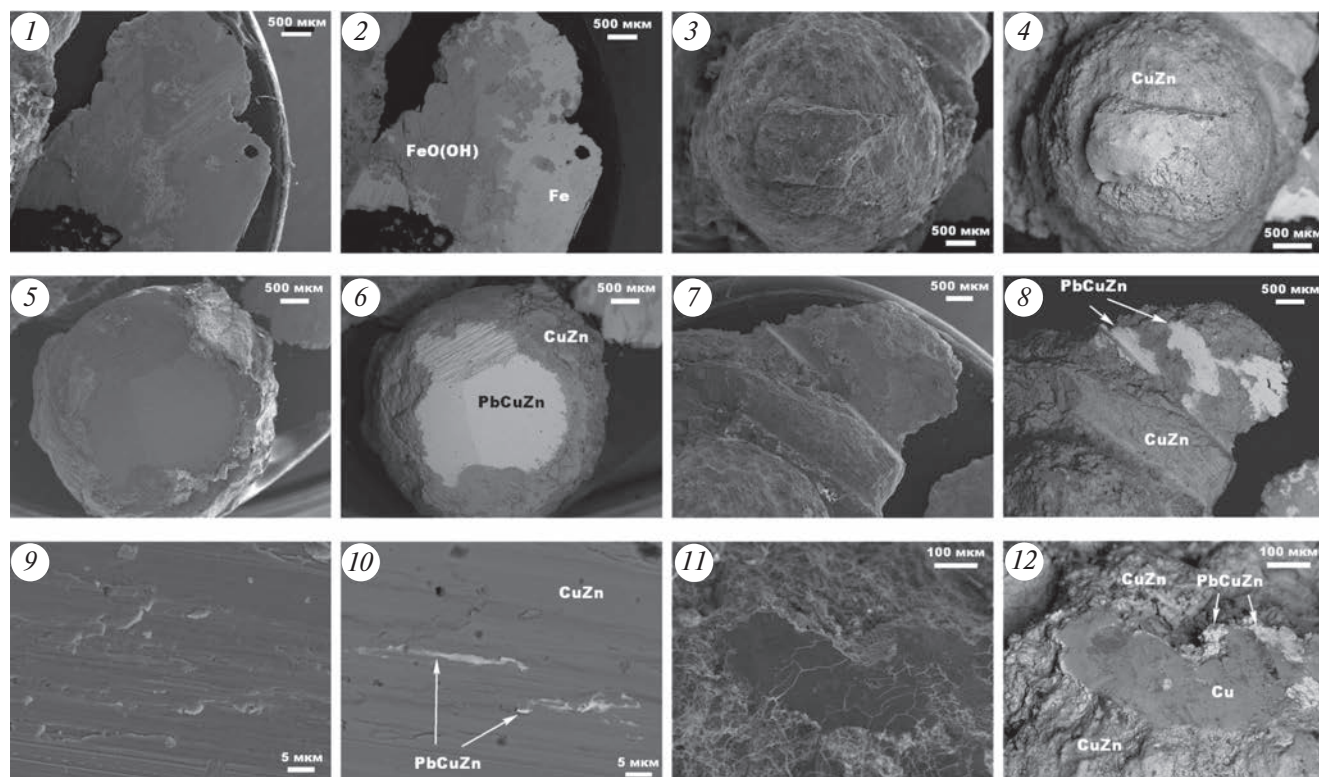

Рис. 8. СЭМ-изображения металлических и оксигидроксидных фаз на воинском шлеме. Объекты: 1, 2 – железная часть шлема; 3–12 – накладки. Фазы: Fe – железо, FeO(OH) – оксигидроксиды железа, CuZn – латунь, Cu – медь, PbCuZn – свинцово-медно-цинковые сплавы. Изображения в режимах вторичных (1, 3, 5, 7, 9, 11) и упруго-отраженных электронов (2, 4, 6, 8, 10, 12).

Fig. 8. SEM images of metal and oxyhydroxide phases in the helmet

их сходства говорят конструкция типа бандхельм, специфическая уплощенная вытянутая форма, способ крепления мелкими штифтами и декор в виде полусферических накладок-“жемчужин” по нижнему краю обода и на ленте, скрепляющей половины купола.

Шлем из Царицыно опубликован трижды (Ахмедов, Биркина, 2017; Негин, 2018; Кубик, Радюш, 2019). Авторы сходятся в датировке находки – вторая половина V – начало VI в., но придерживаются разных взглядов на место производства. Р.И. Ахметов и Н.А. Биркина относят его к типу St.Vid/Narona и не сомневаются в ранневизантийском происхождении (Ахмедов, Биркина, 2017. С. 236–238). Однако у шлемов типа St.Vid/Narona иные форма купола и способ крепления частей шлема, отсутствует декор в виде накладок из цветного металла. Поэтому можно согласиться с О.А. Радюшем и А.Л. Кубиком, что шлемы с конструкцией, подобной царицынской, могут предшествовать типу St.Vid (Кубик, Радюш, 2019. С. 88). В поиске

источков происхождения шлема они обращаются к ближневосточному контексту. Авторы приводят ряд аргументов о принадлежности царицынского шлема к образцам иранского вооружения. Среди них – форма конструкции (кросс-бандхельм), удлиненная, уплощенная с боков, напоминающая “колаф” – иранскую шапку-митру, украшение полусферическими накладками-“жемчужинами” (Кубик, Радюш, 2019. С. 85–88).

Описания иранских боевых наголовий в других источниках укрепляют это мнение. В.А. Дмитриев в своей монографии пишет: “Шлемы персов имели в целом однотипную конструкцию и восходили к парфянским образцам, т.е. отличались высоким сводом и приплюснутой с боковых сторон формой. При виде сбоку верхняя часть сасанидского шлема имеет округлые очертания, при виде же спереди – остроконечную конфигурацию. Как правило, боевые наголовья персидских воинов состояли из двух железных скорлупообразных пластин, которые

скреплялись друг с другом продольной, зачастую расширяющейся книзу полосой, укреплявшей и закрывавшей место их соединения. Кроме того, другая железная полоса образовывала нижнее основание персидского шлема” (Дмитриев, 2008. С. 76, 77). Схожее, но более краткое описание персидских наголовий дает А.Е. Негин (2007. С. 345).

Близкими признаками обладает шлем с Юванаягского могильника, что дает возможность поиска аналогий в ближневосточном регионе. Информация об известных экземплярах сасанидских шлемов (18 шт. на 2018 г.), собрана в археологическом каталоге (Шлемы и маски: Сасанидские шлемы [Электронный ресурс]). Однако обсуждение имеющихся данных о боевых наголовьях эпохи Сасанидов сопряжено с большими трудностями. Это обусловлено небольшим количеством вещей, отсутствием аналитических данных по ним, неопределенностью во многих случаях контекста находки, поступлением вещей из недокументированных источников при неясной общей ситуации в регионе нахождения. В силу всего этого в настоящее время сохраняется низкий уровень соответствующих знаний.

Несмотря на отсутствие гребня и наносника, юванаягская находка имеет морфологическое и конструктивное сходство со шлемом середины III в. из Дура-Европос. А.Е. Негин считает его прототипом образцы парфянского вооружения (Негин, 2007. С. 342), А.Л. Кубик и О.А. Радюш называют этот шлем сасанидским (Кубик, Радюш, 2019. С. 85). Также со шлемом из Дура-Европос сравнивают известную находку в могиле из Концешти — позднеримский гребневый шлем с двухчастной калоттой, датированный серединой IV — началом V в. (Фурасев, Шаблавина, 2019).

Другие схожие с юванаягским экземпляры — это бандхельмы из Ниневии, хотя последние отличаются тем, что имеют ребро жесткости на продольной пластине. А.Е. Негин относит их к месопотамской группе сасанидских шлемов V–VII вв., выдвигая гипотезу об их парфянском происхождении (Негин, 2007. С. 346). А.Л. Кубик и О.А. Радюш также ссылаются на них как на “непосредственно связанные с Сасанидской империей” (Кубик, Радюш, 2019. С. 86). Также

в качестве предлагаемой датировки для шлемов из Ниневии встречаются IV–V и V–VII вв.

Таким образом, шлем с Юванаягского курганного могильника имеет близкое сходство как с хрестоматийными образами защитного снаряжения эпохи Сасанидов, так и с находкой в окрестностях с. Царицыно и, вероятнее всего, имеет ближневосточное происхождение.

Остается открытым вопрос об источнике поступления шлема на европейский Северо-Восток. Авторам публикации неизвестны находки боевых наголовий в материалах ломоватовской и неволинской археологических культур Верхнего Прикамья, с которыми связывается появление курганных могильников на европейском Северо-Востоке. Отметим, что И.В. Босенко на основе анализа украшений указывала, что неволинское население поддерживало тесные связи с Сасанидским Ираном (Босенко, 2007. С. 79).

В определении источника импорта и датировки может помочь предполагаемый контекст находки — вещи из погр. 5 кургана I (рис. 2, 2, 3), в первую очередь поясная пряжка в полихромном стиле (рис. 2, 3). По мнению Ф.В. Овчинникова, она относится к полихромной гарнитуре типа Варна–Кара–Агач и датируется V в. (Овчинников, 2005. С. 61. Рис. 8), хотя в тексте публикации он проводит аналогии с вещами, датировка которых не выходит за рамки конца IV в. — комплексы из Тугозвонovo и Учкекен-Терезе (Овчинников, 2005. С. 50). Автор делает акцент на сарматско-аланской ювелирной традиции происхождения полихромной гарнитуры, к которой принадлежат вещи погр. 5 кургана I Юванаягского могильника (Овчинников, 2005. С. 51, 52).

Точка зрения Ф.В. Овчинникова относительно датировки пряжки была подвергнута конструктивной критике А.А. Красноперовым (Красноперов, 2019). Он относит пряжку с Юванаяга к наиболее поздним вещам в “умеренно-зерненном” полихромном стиле, появление которых “не ранее второй четверти IV в.”, но “индикаторов V в. в этих комплексах нет” (Красноперов, 2019. С. 110). Более конкретной датировки пряжки А.А. Красноперов не дает, а появление “умеренно-зерненого” полихромного стиля связывает с Ираном (Красноперов, 2019. С. 110, 111).

В.Ю. Малашевым разработана наиболее используемая в настоящее время периодизация позднесарматской ременной гарнитуры (Малашев, 2000), где пряжки с почковидным щитком, украшенные зернью и кабошонами, отнесены к группам IIIб и IV. Эти группы “северопричерноморского” полихромного стиля подробно проанализированы в статье С.А. Яценко и В.Ю. Малашева (2000), где соотнесены с хронологическими группами 3 и 4. Их датировка: “2–3 десятилетие IV в. — начало гуннской эпохи” и “не ранее середины IV в. с возможным заходом в начало V в.” соответственно. Центрами производства изделий в “северопричерноморском” полихромном стиле авторы считают Пантикапей и Херсонес (Яценко, Малашев, 2000. С. 229, 230).

А.Е. Негин отмечает, что “намного раньше римлян с клепанной двухчастной конструкцией среднеазиатских шлемов познакомились сарматы” (Негин, 2007. С. 342). А.Л. Кубик и О.А. Радюш также упоминают об “оживленных контактах между народами, живущими к северу от Черного моря и цивилизациями Среднего Востока” (Кубик, Радюш, 2019. С. 85). В настоящее время этот вопрос, как и другие, связанные с курганными могильниками эпохи Великого переселения народов на европейском Северо-Востоке, остается далеким от окончательного решения.

Данная работа — первая попытка осмысления беспрецедентной находки, с практически утраченным, к сожалению, контекстом, с территории могильника Юванаяг, относящегося к эпохе Великого переселения народов на европейском Северо-Востоке. Судя по конструктивным особенностям, шлем генетически связан с парфяно-персидской оружейной традицией, хотя сейчас трудно сказать, был ли он изготовлен в мастерских Ирана эпохи Сасанидов или является подражанием им.

Датировка вещи затруднена, судя по предполагаемому контексту (пряжка), нижняя граница может находиться в пределах второй половины IV в. А.А. Красноперов на основе изучения полихромных накладок упоминает V в. в качестве датировки могильника Юванаяг, однако, без аргументации (Красноперов, 2022. С. 272).

Конечно, находки одной вещи недостаточны для реконструкции этнокультурных или

социально-исторических процессов, происходящих в середине I тыс. в Евразии. Однако немногочисленность сасанидских боевых наголовий и бандхельмов в целом делает значимым каждый новый найденный экземпляр. Дальнейшее, более углубленное изучение шлема способствует поиску ответов на вопросы, едва намеченные в настоящей работе: место и время его производства, особенности технологии, источник поступления на европейский Северо-Восток, аналогии. К тому же шлем является своего рода “трамплином” для решения более масштабных, давно вызревающих проблем: генезис курганных могильников на европейском Северо-Востоке, их хронология и периодизация, связи с синхронными памятниками на других территориях, особенности социальной организации, духовной культуры, историческая судьба носителей традиции сооружения курганных некрополей.

Авторы выражают благодарность сотруднику Института истории, языка и литературы Удмуртского Федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, к.и.н. А.А. Красноперову за консультативную помощь.

Работа выполнена в рамках плановой темы Сектора сохранения и популяризации археологического наследия на 2021–2025 гг. “Археологическое наследие европейского Северо-Востока: выявление, научное описание и систематизация” № ГР 121051400045-9.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахмедов Р.И., Биркина Н.А. Шлемы из могильников рязано-окских финнов у с. Царицыно (предварительное сообщение) // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: к 60-летию М.А. Обломского. М.: ИА РАН, 2017 (Раннеславянский мир; вып. 19). С. 235–248.
- Ашихмина Л.И. Отчет об исследованиях Вычегодско-Вятского отряда в 1987 г. // Научный архив Федерального исследовательского центра “Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук”. Ф. 5. Оп. 2. Д. 387.
- Ашихмина Л.И. Исследования Вычегодско-Вятского отряда в бассейне средней Вычегды // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар: Коми науч. центр Уральского отд. АН СССР, 1989. С. 3–5.

- Ашихмина Л.И.* О ритуальных нарушениях погребений эпохи Великого переселения народов в бассейне Вычегды (предварительные заметки) // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: материалы междунар. конф. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2003. С. 184–187.
- Ашихмина Л.И., Васкул И.О., Каликов В.Н.* Минералы в раннесредневековой культуре народов Европейского Северо-Востока // Минералы в материальной культуре древних уральских народов: Информационные материалы. Свердловск: Ин-т минералогии, 1988. С. 19–26.
- Ашихмина, Л.И., Васкул И.О., Каликов В.Н.* К проблеме смены культур эпохи железа на Европейском Северо-Востоке // Взаимодействие древних культур Урала. Пермь: Пермский гос. ун-т, 1990. С. 97–106.
- Белицкая А.Л.* К вопросу о культурном единстве курганных могильников Европейского Северо-Востока // Российская археология. 2015а. № 2. С. 101–110.
- Белицкая А.Л.* Остатки деревянных конструкций на курганных могильниках Европейского Северо-Востока // Studia juvenalia. Вып. 3. Сыктывкар: Ин-т языка, литературы и истории Коми науч. центра Уральского отд. РАН, 2015б. С. 6–18.
- Белицкая А.Л.* Целенаправленные разрушения погребений курганных могильников европейского Северо-Востока // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. СПб.: ИИМК РАН, 2016 (Тр. ИИМК РАН; т. 46). С. 179–188.
- Бернц В.А., Черных Е.М., Липина Л.И.* Меч и всадник эпохи Великого переселения народов: комплекс погребения 11 Дубровского могильника в Южной Удмуртии // Уфимский археологический вестник. 2015. Вып. 15. С. 130–147.
- Босенко И.В.* Этнокультурные связи неволинской культуры (по материалам бронзовых украшений) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 4. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2007. С. 76–83.
- Генинг В.Ф.* Азелинская культура III–V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого перенаселения народов. Ижевск: Удмуртский республикан. краевед. музей, 1963 (Вопросы археологии Урала; вып. 5). 161 с.
- Генинг В.Ф.* Тураевский могильник V в. н.э. (захоронения военачальников) // Из археологии Волго-Камья. Вопросы археологии Урала. Вып. 2. Казань: Ин-т языка, литературы и искусства Казанского филиала АН СССР, 1976. С. 55–108.
- Голдина Р.Д., Волков С.Р.* Шлемы Тарасовского могильника // Уфимский археологический вестник. 2000. Вып. 2. С. 98–122.
- Гордиенко А.В.* Средневековые Западной Сибири и Европы. М.: Русайнс, 2019. 232 с.
- Гусев А.В.* Коллекция изделий из кости и рога по материалам раскопок 1993–1995, 2006–2016 гг. // Археология Арктики. Вып. 4. Усть-Полуй: материалы и исследования. Т. 2. Екатеринбург: Деловая пресса, 2017. С. 4–103.
- Дмитриев В.А.* Всадники в сверкающей броне: военное дело Сасанидского Ирана и история римско-персидских войн. СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. 358 с.
- Зубов С.Э., Радюш О.А.* Шлемы среднего Поволжья в среднесарматское время // Уфимский археологический вестник. 2014. Вып. 14. С. 94–104.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В.* Угорское наследие: Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. 158 с.
- Казанцева О.А.* Защитное вооружение воинов III–V вв. (по материалам Кудашевского I могильника) // XXI Уральское археологическое совещание, посвящ. 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева: материалы Всерос. науч. конф. Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т, 2018. С. 217–219.
- Красноперов А.А.* Пряжка из Бродовского могильника (Прикамье) в контексте полихромных стилей // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Ч. 2. Тула: Гос. музей-заповедник “Куликово поле”, 2019. С. 103–190.
- Красноперов А.А.* Внедрение в мазунинскую культуру тураевско-харинских групп: к дефиниции типов // Уфимский археологический вестник. 2022. Т. 22, № 2. С. 269–283.
- Кубик А.Л., Радюш О.А.* Шлемы многосегментной конструкции у восточных врагов поздней Римской империи: находки из Царицыно (Рязанская обл.) и их место в оружейведческом дискурсе // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Ч. 2. Тула: Гос. музей-заповедник “Куликово поле”, 2019. С. 84–104.
- Лещинская Н.А.* Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.). Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2014а (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции; т. 27). 472 с.
- Лещинская Н.А.* Древности I–V вв. Вятского края как источник по межкультурному взаимодействию в условиях Великого переселения народов // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II. Казань: Отечество, 2014б. С. 345–347.
- Лурье Е.В.* Изображения шлемов с составным куполом на Боспоре и археологические реалии // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке: материалы междунар. науч. конф. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 284–292.

- Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232.
- Матвеев Р.В. Шлемы первой половины I тыс. н.э. из некрополей Волго-Камья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II. Казань: Отечество, 2014. С. 359–362.
- Негин А.Е. Позднеримские шлемы: проблема генезиса // ANTIQVITAS AETERNA. Поволжский антиковедческий журнал. Т. 2. Саратов: Саратовский ун-т, 2007. С. 335–359.
- Негин А.Е. К вопросу об интерпретации шлемов из могильника рязано-окских финнов у с. Царицыно // Древние цивилизации: социум и человек: докл. конф. Ярославль: Филигрань, 2018. С. 47–65.
- Овчинников Ф.В. О происхождении харинской полихромной гарнитуры // Памятники эпохи камня, раннего металла, и средневековья Европейского Северо-Востока. Сыктывкар: Ин-т языка, литературы и истории Коми науч. центра Уральского отд. РАН, 2005 (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока; вып. 17). С. 47–61.
- Ожередов Ю.И. Старицынские находки // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 114–119.
- Перескоков М.Л. Культурно-хронологический горизонт Тураево-Кудаш: теоретический аспект // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II. Казань: Отечество, 2014. С. 379–382.
- Погодин Л.И. Вооружение населения Западной Сибири раннего железного века. Омск: Омский гос. ун-т, 1998. 84 с.
- Шлемы и маски: Сасанидские шлемы [Электронный ресурс] // Поздняя Римская Империя. URL: <http://late-roman.ru/arheologicheskij-katalog/shlemy-i-maski-sasanidskie-shlemy/> (дата обращения: 01.11.2023.)
- Федорова Н.В. Север Западной Сибири в железном веке: традиции и мобильность. Очерки. Омск: Золотой тираж, 2019. 149 с.
- Фурасьев А.Г., Шаблава Е.А. Концешти: княжеское погребение эпохи Великого переселения народов. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2019. 244 с.
- Чернецов В.Н., Мошинская В.И., Талицкая И.А. Древняя история Нижнего Приобья. М.: Изд-во АН СССР, 1953 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 35). 360 с.
- Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1977. 192 с.
- Яценко С.А., Малашев В.Ю. О полихромном стиле позднеримского времени на территории Сарматии // Stratum plus. 2000. № 4. С. 226–250.
- Miks K. Relikte eines frühmittelalterlichen Oberschichtgrabes? Überlegungen zu einem Konvolut bemerkenswerter Objekte aus dem Kunsthandel // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 56. Mainz, 2009. S. 395–538.

HELMET OF THE MIGRATION PERIOD FROM THE YUVANAYAG MOUND CEMETERY

Anastasiya L. Belitskaya^{a, #}, Evgeny V. Popov^{a, ###}, Valery I. Silaev^{b, ##}, **Vasily N. Filippov^{b, ####}**, and Anton F. Khazov^{b, #####}

^aInstitute of Language, Literature and History FRC Komi SC UB RAS, Syktyvkar, Russia

^bInstitute of Geology FRC Komi SC UB RAS, Syktyvkar, Russia

[#]E-mail: belitskaia522@yandex.ru

^{##}E-mail: evpopovich@bk.ru

^{###}E-mail: silaev@geo.komisc.ru

^{####}E-mail: filippov@geo.komisc.ru

^{#####}E-mail: akhazov@geo.komisc.ru

The article introduces first results of the research on an iron helmet found in 2022 at the Yuvanayag mound cemetery in the Vychegda River region, the Komi Republic. The mound cemetery belongs to the circle of the Veslyansky I type cemetery, which was left by migrants with a developed military culture. Its distinctive feature was the tradition of building mounds over graves. Those burial mounds are a reflection of the late Migration Period in the European North-East (5th–7th centuries AD). The found helmet of the Bandhelm type (after Ch. Miks's classification) is a unique specimen for the region, which also had no analogues in the adjacent territories. Based on mineralogical and geochemical studies, the helmet is made of iron with micro-inclusions of native aluminum and lignite carbon matter. The helmet overlays are made of brass with inclusions of lead-copper-zinc alloys and copper. Its elongated shape and decoration with hemispherical brass overlays are close to the helmets of Sasanian Iran. Geographically, the closest analogy to the Yuvanayag find is the Bandhelm from the predatory excavations near the

village of Tsaritsyno in Ryazan Region. Preliminary dating of the artefact from the Yuvanayag burial mound is the late 4th – 5th century AD.

Keywords: protective clothing, burial mound, European North-East, the Vychegda River basin, the Migration Period, Sasanian Iran, mineralogical analysis.

REFERENCES

- Akhmedov R.I., Birkina N.A., 2017. Helmets from burial grounds of the Ryazan-Oka Finns near the village of Tsaritsyno (preliminary report). *Evropa ot Latena do Srednevekov'ya: varvarskiy mir i rozhdenie slavyanskikh kul'tur: k 60-letiyu M.A. Oblomskogo [Europe from La Tène to the Middle Ages: Barbarian world and the birth of Slavic cultures: to the 60th anniversary of M.A. Oblomsky]*. Moscow: Institut arkhologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 235–248. (Ranneslavyanskiy mir, 19). (In Russ.)
- Ashikhmina L.I. Otchet ob issledovaniyakh Vychegodsko-Vyatskogo otryada v 1987 g. [Report on the research of the Vychegda-Vyatka detachment in 1987]. *Nauchnyy arkhiv Federal'nogo issledovatel'skogo tsentra "Komi nauchnyy tsentr Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk" [Scientific Archive of the Federal Research Centre "Komi Scientific Centre of the Ural Branch RAS"]*, F. 5, Op. 2, D. 387.
- Ashikhmina L.I., 1989. Research of the Vychegda-Vyatka detachment in the middle Vychegda River region. *Arkheologicheskie otkrytiya Urala i Povolzh'ya [Archaeological discoveries of the Urals and Volga region]*. Syktyvkar: Komi nauchnyy tsentr Ural'skogo otdeleniya Akademii nauk SSSR, pp. 3–5. (In Russ.)
- Ashikhmina L.I., 2003. On ritual disturbances of burials during the Migration Period in the Vychegda River region (preliminary notes). *Mezhdunarodnoe (XVI Ural'skoe) arkheologicheskoe soveshchanie: materialy mezhdunarodnoy konferentsii [International (XVI Ural) archaeological session: Proceedings of the International conference]*. Perm': Permskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 184–187. (In Russ.)
- Ashikhmina L.I., Vaskul I.O., Kalikov V.N., 1988. Minerals in the early medieval culture of the peoples of the European North-East. *Mineraly v material'noy kul'ture drevnikh ural'skikh narodov: Informatsionnye materialy [Minerals in the material culture of the ancient Uralic peoples: Information materials]*. Sverdlovsk: Institut mineralogii, pp. 19–26. (In Russ.)
- Ashikhmina, L.I., Vaskul I.O., Kalikov V.N., 1990. To the change of the Iron Age cultures in the European North-East. *Vzaimodeystvie drevnikh kul'tur Urala [Interaction of ancient cultures of the Urals]*. Perm': Permskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 97–106. (In Russ.)
- Belitskaya A.L., 2015a. On the question of cultural propinquity of burial mounds of the European North-East. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 2, pp. 101–110. (In Russ.)
- Belitskaya A.L., 2015b. Remains of wooden structures in burial mounds of the European North-East. *Studia juvenalia*, 3. Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk, pp. 6–18. (In Russ.)
- Belitskaya A.L., 2016. Purposeful destruction of burial mounds in the European North-East. *Drevnie nekropoli i poseleniya: postpogrebal'nye ritualy, simbolicheskie zakhoroneniya i ogrableniya [Ancient necropolises and settlements: postfuneral rituals, symbolic burials and looting]*. St.Petersburg: Institut istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, pp. 179–188. (Trudy Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, 46). (In Russ.)
- Bernts V.A., Chernykh E.M., Lipina L.I., 2015. Sword and horseman of the Migration Period: burial complex 11 of the Dubrovsky burial ground in Southern Udmurtia. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik [Ufa Archaeological Herald]*, 15, pp. 130–147. (In Russ.)
- Bosenko I.V., 2007. Ethnocultural connections of the Nevolino culture (based on bronze adornments). *Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii [Proceedings of the Kama archaeological and ethnographic expedition]*, 4. Perm': Permskiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet, pp. 76–83. (In Russ.)
- Chernetsov V.N., Moshinskaya V.I., Talitskaya I.A., 1953. *Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya [Ancient history of the Lower Ob region]*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 360 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 35).
- Chindina L.A., 1977. Mogil'nik Relka na Sredney Obi [The Ryolka burial ground in the Middle Ob region]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 192 p.
- Dmitriev V.A., 2008. Vsadniki v sverkayushchey brone: voennoe delo Sasanidskogo Irana i istoriya rimskopersidskikh voyn [Riders in shining armor: military art of Sasanian Iran and the history of the Roman-Persian wars]. St.Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 358 p.
- Fedorova N.V., 2019. Sever Zapadnoy Sibiri v zheleznom veke: traditsii i mobil'nost'. Ocherki [The north of Western Siberia in the Iron Age: Traditions and mobility. Studies]. Omsk: Zolotoy tirazh. 149 p.
- Furas'ev A.G., Shablavina E.A., 2019. Kontseshti: knyazheskoe pogrebenie epokhi Velikogo pereseleniya narodov [Concești: a princely burial of the Migration Period]. St.Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. 244 p.

- Gening V.F., 1963. Azelinskaya kul'tura III–V vv. Ocherki istorii Vyatskogo kraia v epokhu velikogo pereseleniya narodov [The Azelino culture of the 3rd–5th centuries AD. Studies in the history of the Vyatka land in the Migration Period]. Izhevsk: Udmurtskiy respublikanskiy kraevedcheskiy muzey. 161 p. (Voprosy arkheologii Urala, 5).
- Gening V.F., 1976. The Turaevo burial ground of the 5th century AD (burials of military leaders). *Iz arkheologii Volgo-Kam'ya. Voprosy arkheologii Urala [From the archaeology of the Volga-Kama region. Issues of the Ural archaeology]*, 2. Kazan': Institut yazyka, literatury i iskusstva Kazanskogo filiala Akademii nauk SSSR, pp. 55–108. (In Russ.)
- Goldina R.D., Volkov S.R., 2000. Helmets from the Tarasovo burial ground. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik [Ufa Archaeological Herald]*, 2, pp. 98–122. (In Russ.)
- Gordienko A.V., 2019. Srednevekov'e Zapadnoy Sibiri i Evropy [The Middle Ages of Western Siberia and Europe]. Moscow: Rusayns. 232 p.
- Gusev A.V., 2017. Collection of items made from bone and horn based on materials from excavations of 1993–1995, 2006–2016. *Arkheologiya Arktiki [Archaeology of the Arctic region]*, 4. Ust'-Poluy: materialy i issledovaniya [Ust'-Poluy: Materials and research], 2. Ekaterinburg: Delovaya pressa, pp. 4–103. (In Russ.)
- Kazantseva O.A., 2018. Protective clothes of warriors of the 3rd–5th centuries AD (based on materials from the Kudashevsky I burial ground). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie, posvyashchennoe 85-letiyu so dnya rozhdeniya G.I. Matveevoy i 70-letiyu so dnya rozhdeniya I.B. Vasil'eva: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii [XXI Ural archaeological conference to the 85th anniversary of G.I. Matveeva and the 70th anniversary of I.B. Vasilyev: Proceedings of the All-Russian scientific conference]*. Samara: Samarskiy gosudarstvennyy sotsial'no-pedagogicheskiy universitet, pp. 217–219. (In Russ.)
- Krasnoperov A.A., 2019. A buckle from the Brody burial ground (the Kama region) in the context of polychrome styles. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konferentsiya 4 [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the Roman and Migration Periods. Conference 4]*, part 2. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik "Kulikovo pole", pp. 103–190. (In Russ.)
- Krasnoperov A.A., 2022. Introduction of Turaevo-Kharino groups into the Mazunino culture: to a definition of types. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik [Ufa Archaeological Herald]*, vol. 22, no. 2, pp. 269–283. (In Russ.)
- Kubik A.L., Radyush O.A., 2019. Helmets of a multi-segment design among the eastern enemies of the late Roman Empire: finds from Tsaritsyno (Ryazan region) and their place in weapon studies discourse. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konferentsiya 4 [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the Roman and Migration Periods. Conference 4]*, part 2. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik "Kulikovo pole", pp. 84–104. (In Russ.)
- Leshchinskaya N.A., 2014a. Vyatskiy kray v p'yanoborskuyu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov I–V vv. n.e.) [Vyatka region in the Pyany Bor period (based on materials from burial sites of the 1st–5th centuries AD)]. Izhevsk: Udmurtskiy gosudarstvennyy universitet. 472 p. (Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoy arkheologicheskoy ekspeditsii, 27).
- Leshchinskaya N.A., 2014b. Antiquities of the 1st–5th centuries AD in the Vyatka land as a source of intercultural interaction under the conditions of the Migration of Peoples. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani [Works of the IV (XX) All-Russian archaeological congress in Kazan]*, II. Kazan': Otechestvo, pp. 345–347. (In Russ.)
- Lur'e E.V., 2013. Images of helmets with a multi-segment dome in the Bosphorus and archaeological realities. *Bosporskiy fenomen. Greki i varvary na Evraziyskom perekrestke: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Bosporan phenomenon. Greeks and barbarians at the Eurasian crossroads: Proceedings of the international scientific conference]*. St.Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 284–292. (In Russ.)
- Malashev V.Yu., 2000. Periodization of belt sets of the late Sarmatian period. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu [Sarmatians and their neighbours on the Don]*. Rostov-na-Donu: Terra, pp. 194–232. (In Russ.)
- Matveev R.V., 2014. Helmets of the first half of the 1st millennium AD from the Volga-Kama necropolises. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani [Works of the IV (XX) All-Russian archaeological congress in Kazan]*, II. Kazan': Otechestvo, pp. 359–362. (In Russ.)
- Miks K., 2009. Relikte eines frühmittelalterlichen Oberschichtgrabes? Überlegungen zu einem Konvolut bemerkenswerter Objekte aus dem Kunsthandel *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*, 56. Mainz, pp. 395–538.
- Negin A.E., 2007. Late Roman helmets: the genesis issue. *ANTIQUITAS AETERNA. Povolzhskiy antikovedcheskiy zhurnal [ANTIQUITAS AETERNA. Volga Region journal of classical studies]*, 2. Saratov: Saratovskiy universitet, pp. 335–359. (In Russ.)
- Negin A.E., 2018. On the interpretation of helmets from the burial ground of the Ryazan-Oka Finns near the village of Tsaritsyno. *Drevnie tsivilizatsii: sotsium i chelovek: doklady konferentsii [Ancient civilizations: society and person: Conference reports]*. Yaroslavl': Filigran', pp. 47–65. (In Russ.)
- Ovchinnikov F.V., 2005. On the origin of the Kharino polychrome set. *Pamyatniki epokhi kamnya, rannego metalla, i srednevekov'ya Evropeyskogo Severo-Vostoka [Sites of the Stone Age, Early Metal Age, and the Middle Ages in the European North-East]*. Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk,

- pp. 47–61. (Materialy po arkheologii Evropeyskogo Severo-Vostoka, 17). (In Russ.)
- Ozheredov Yu.I., 1987. Staritsa finds. *Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoy Azii [Military art of the ancient population of North Asia]*. Novosibirsk: Nauka, pp. 114–119. (In Russ.)
- Pereskokov M.L., 2014. Cultural and chronological horizon of Turaevo-Kudash: theoretical aspect. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani [Works of the IV (XX) All-Russian archaeological congress in Kazan]*, II. Kazan': Otechestvo, pp. 379–382. (In Russ.)
- Pogodin L.I., 1998. Vooruzhenie naseleniya Zapadnoy Sibiri rannego zheleznogo veka [Armaments of the West Siberian population in the Early Iron Age]. Omsk: Omskiy gosudarstvennyy universitet. 84 p.
- Yatsenko S.A., Malashev V.Yu., 2000. On the polychromic style of the Late Roman time in Sarmatia. *Stratum plus*, 4, pp. 226–250. (In Russ.)
- Zubov S.E., Radyush O.A., 2014. Helmets of the Middle Volga region in the Middle Sarmatian period. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik [Ufa Archaeological Herald]*, 14, pp. 94–104. (In Russ.)
- Zykov A.P., Koksharov S.F., Terekhova L.M., Fedorova N.V., 1994. Ugorskoe nasledie: Drevnosti Zapadnoy Sibiri iz sobraniy Ural'skogo universiteta [Ugric heritage: Antiquities of Western Siberia from the collections of the Ural University]. Ekaterinburg: Vneshtorgizdat. 158 p.
- Helmets and masks: Sasanian helmets (Electronic resource). *Pozdnyaya Rimskaya Imperiya [Late Roman Empire]*. URL: <http://late-roman.ru/arheologicheskii-katalog/shlemy-i-maski-sasanidskie-shlemy>

КЛАД ДЖУЧИДСКИХ МОНЕТ ИЗ РАСКОПА СХСП БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА

© 2024 г. А. И. Бугарчев

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань, Россия

E-mail: Abugar.61@rambler.ru

Поступила в редакцию 07.01.2022 г.

После доработки 09.05.2023 г.

Принята к публикации 13.06.2023 г.

Статья посвящена введению в научный оборот и установлению времени тезаврации клада серебряных монет, найденного в 2016 г. на территории Болгарского городища в раскопе СХСП, квадрат 75. Всего в кладе находилось 11 дирхамов болгарской чеканки. Приводится метрологический анализ монет типов С/180 и С/197 с привлечением фотоархива автора. Используя информацию о глубине залегания клада и других монет (пулов XIV в.) в квадрате 75, автор приходит к заключению о том, что клад был сокрыт в конце 1320-х годов. С учетом ранее изданных материалов новому кладу присвоен № 33 Б в очередности учтенных кладов. Публикуется информация о топографии единичных находок С/180. В конце статьи приводится фототаблица с изображением всех монет клада.

Ключевые слова: дирхам, монета, клад, денежное обращение, Джучиды, Болгарское городище, XIV в.

DOI: 10.31857/S0869606323040050, **EDN:** ZVQWOM

Археологическое изучение Болгарского городища и других памятников Волжской Булгарии продолжается уже более 70 лет. Каждый год в результате раскопок обнаруживаются десятки средневековых монет, в основном XIII–XIV вв., как поодиночке, так и в составе кладов. По состоянию на 2022 г. нами учтен 141 клад серебряных джучидских монет, чеканенных в период 1240–1440-х годов и найденных на территории современных Татарстана и Ульяновской области. И число таких находок продолжает увеличиваться. В данной статье вводится в научный оборот новый клад анэпиграфных болгарских дирхамов, обнаруженный в раскопе СХСП (192) в результате работ 2016 г. (руководители Д.Ю. Бадеев и В.Ю. Коваль) (рис.1).

При поступлении материала в фонды Болгарского музея-заповедника монеты были атрибутированы научным сотрудником музея, известным татарстанским нумизматом и эпиграфистом Джамилем Габдрахимовичем Мухаметшиным. Приведем состав клада (табл. 1).

Все монеты были найдены в квадрате 75 (участок Ж) на глубине 190 см от репера раскопа. Для

установления времени чеканки кладовых монет сравним состав клада с ранее опубликованными материалами. В монографии А.И. Бугарчева и П.Н. Петрова (2018. С. 136) была приведена таблица “Хронологической классификации тезаврации кладов...” периода 1290–1331 гг. (вторая линия).

По времени тезаврации все клады XIII – первой трети XIV в. делятся на два этапа – конец 1230-х – 1266 гг. и 1266 – 1331 гг. К первому этапу мы относим клад, тезаврированный в период нахождения Болгарского региона в составе Улуса Джучидов Монгольской империи, т.е. до 1266 г. Ко второму этапу относятся клад с монетами, чеканенными с 1266 до 1331 г. Это период самостоятельного Золотоордынского государства, все монеты этого времени несут “двуногую” тамгу Менгу-Тимура.

Со второй половины 1260-х до 1331 г. в Болгарском регионе было выпущено около 200 типов¹ серебряных дирхамов. В отличие от имперского

¹ За критерий типа принимаются два внешних параметра – композиционное оформление и содержание легенд на каждой из сторон монеты (Петров, 2010. С. 126).

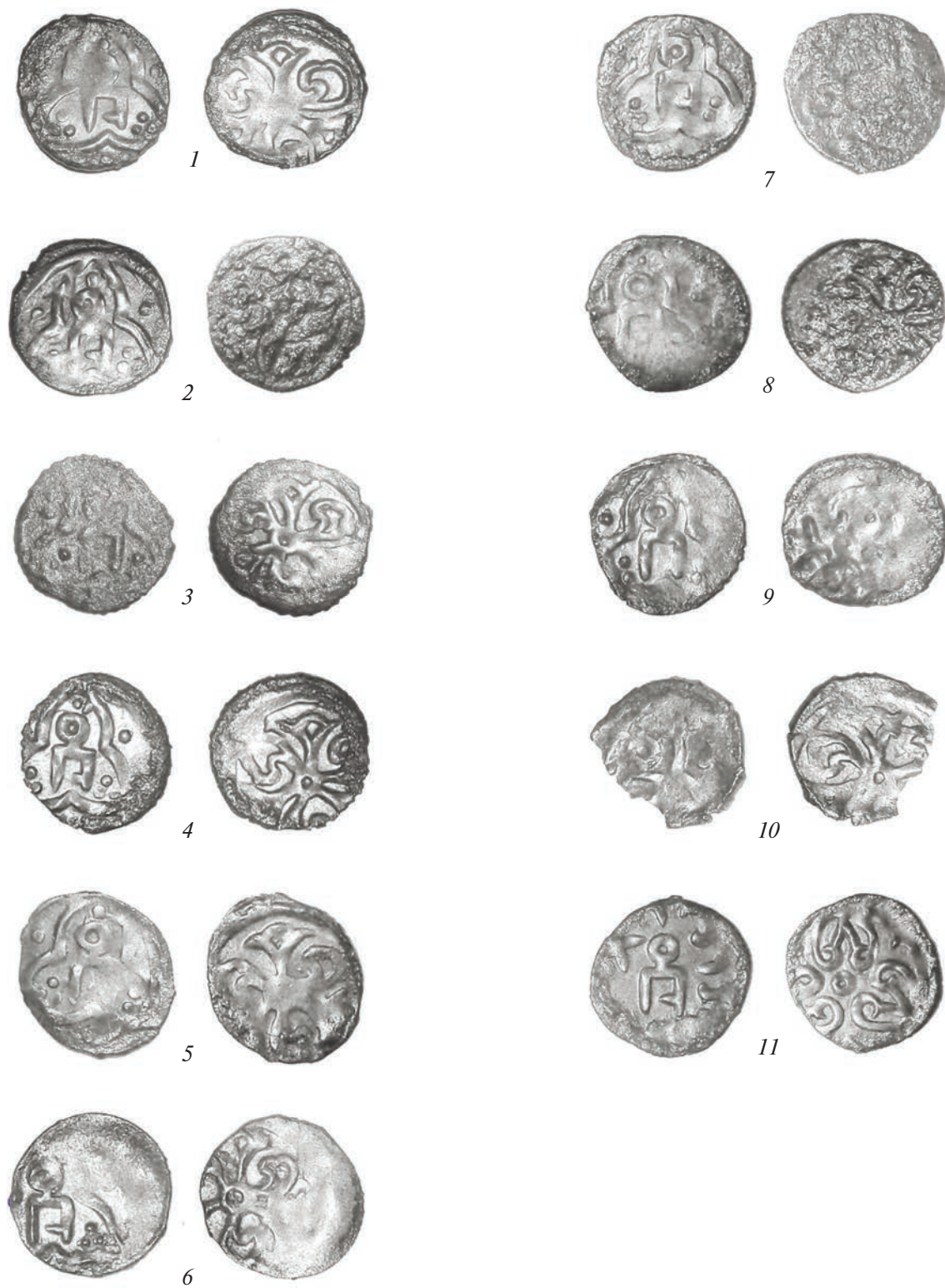

Рис. 1. Монеты клада из раскопа СХСII. 1–10 – дирхамы типа С/180. 11 – дирхам типа С/197.

Fig. 1. Coins of the hoard from excavation site СХСII. 1–10 – C/180 dirhams. 11 – C / 197 dirham

Таблица 1. Клад болгарских монет из раскопа СХСII Болгарского городища**Table 1.** The hoard of Bolgar coins from excavation site СХСII in the Bolgar fortified settlement

№ по описи 296/	Эмитент	Вес, г	Размер, см	Примечание
1	Анонимная	1.45	1.7 × 1.6	С/180*
2	—“—	1.41	1.9 × 1.7	—“—
3	—“—	1.44	1.8 × 1.8	—“—
4	—“—	1.40	1.7 × 1.7	—“—
5	—“—	1.37	1.8 × 1.6	—“—
6	—“—	1.35	1.6 × 1.7	—“—
7	—“—	1.42	1.7 × 1.6	—“—
8	—“—	1.44	1.8 × 1.6	—“—
9	—“—	1.38	1.6 × 1.7	С/180. Односторонняя
10	—“—	1.23	1.7 × 1.4	С/180. Обломана
11	Анэпиграфная	1.35	1.7 × 1.7	С/197

Примечание: *Номера указаны в соответствии с номерами в монографии А.З. Сингатуллиной (2003). Номера монет в табл. 1 соответствуют номерам на рис. 1.

периода 1230-х — первой половины 1260-х годов в ранний золотоордынский период существенным фактором стала фиксация совместного нахождения в кладе различных типов монет. Задача облегчалась, если в конкретном кладе присутствовали датированные типы. В привязке к ним можно было атрибутировать анонимные/анэпиграфные монеты, так как указание года чеканки не являлось обязательным компонентом для болгарских эмиссий.

Учитывая факт присутствия недатированных монет в одном кладе с датированными и последующей фиксации этих типов недатированных монет в составах других кладов, можно с определенной степенью точности датировать время тезаврации известных кладов и осуществить относительную хронологическую атрибуцию отдельных типов монет. Такое соприсутствие датированных и недатированных монет одновременно в нескольких кладах позволило разместить все учтенные клады Болгарского региона в хронологической последовательности их сокрытия. Так, в результате сравнительного анализа составов кладов, была составлена таблица, в которой клады размещены в порядке очередности их тезаврации (Бугарчев, Петров, 2018. С.132–137). Основная цель составления такой таблицы заключается в попытке провести хронологическую атрибуцию если не каждого

типа анонимных и анэпиграфных недатированных монет изученных кладов, то хотя бы групп монет разных типов.

Таблица кладов второго этапа была разделена на две линии: первая линия — это клады с середины 1260-х до середины 1290-х годов, вторая линия — клады периода с середины 1290-х годов до 1331 г. (перечень указан в Приложении 1). Клады № 28–35 расположены в виде своеобразной “лесенки”. При составлении второй линии пришлось отталкиваться от последнего Барское-норускинского клада № 35 — единственного из всех кладов второй линии с датированными монетами. В нем находились два анонимных дирхама 728/1327–1328 гг. и именной дирхам Узбек-хана, выпущенный, как мы считаем, в 730-731/1329–1331 гг. (Петров, Бугарчев, 2012. С. 178). Исходя из принципа взаимосвязи кладов через повторяемость типов в их составах, в одну цепочку были соединены клады от 35 до 28. Таким образом, вторая линия кладов охватывает период с середины 1290-х до 1331 г.

Рассмотрим положение нашего нового клада во второй линии. Из указанной таблицы следует, что дирхамы С/180 встречались в кладах 31 (1320–1327 гг.), 33 (1300–1320 гг.) и 35 (1330–1331 гг.). Дирхамы С/197 входили в состав клада 33. По нашему предположению, монеты типа

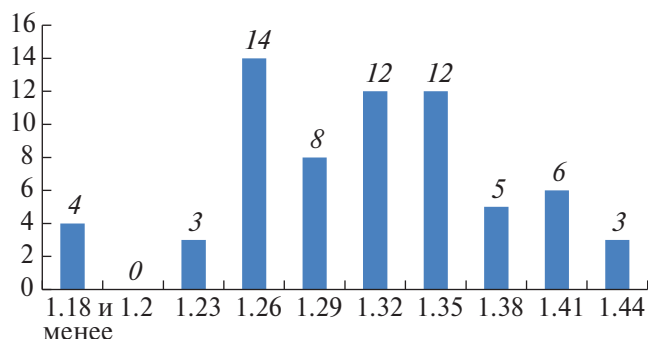

Рис. 2. Гистограмма веса дирхамов C/180.

Fig. 2. Weight histogram of C/180 dirhams

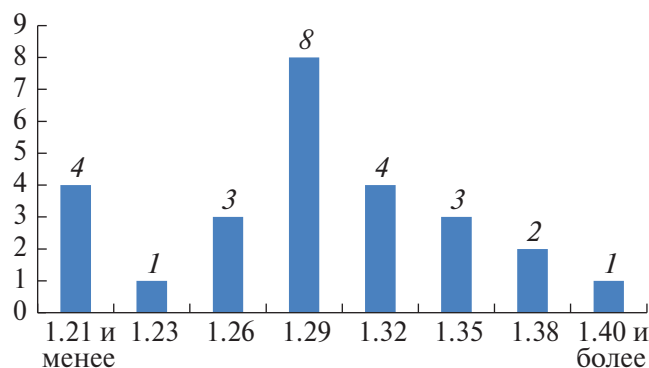

Рис. 3. Гистограмма веса дирхамов C/197.

Fig. 3. Weight histogram of C/197 dirhams

C/180 могли чеканиться в период с 1293 до 1313 г. (Бугарчев, Петров, 2018. С. 182). С учетом статьи Бугарчева 2020 г. (С. 83–85) и публикуемого материала вторая линия таблицы болгарских кладов будет выглядеть следующим образом (см. Приложение 2). Чтобы не нарушать сложившуюся нумерацию, новый клад получает номер 33 Б. В дальнейшем новые открытые кладов будут встраиваться в уже готовую конструкцию и получать относительную датировку.

Разберем особенности метрологии C/180 и C/197. По имеющемуся материалу с учетом веса монет клада 33 Б были построены гистограммы 1 и 2 (рис. 2 и 3) с целью установления весовой группы кладовых типов.

Метрология C/180. Учтено 67 экз. (каталог А.З. Сингатуллиной – 28 экз., Болгарское городище, раскоп 179 – 5 экз., раскоп 192 – 9 экз., фотоархив автора – 25 экз.). Мода – $1,26 \pm 0,02$ г. (Допуск $\pm 0,02$ – здесь и далее по тексту указана не математическая ошибка данного расчета, а возможное отклонение реального значения моды монет изучаемого типа (длительность

обращения которых на рынке была различна) от значения их первоначального веса, который они имели сразу после чеканки. В данном случае нами принято, что это удвоенная величина математической ошибки (консультация к.и.н. П.Н. Петрова) (14 экз., 20,9% от всех учтенных монет). Средний вес – 1.296 г.

Метрология C/197. Учтено 26 экз. (каталог А.З. Сингатуллиной – 11 экз., Болгарское городище, раскоп 162 и раскоп 192 – по 1 экз., фотоархив автора – 13 экз.). Мода $1,29 \pm 0,02$ г – 8 экз. (30,8%). Средний вес (без учета одного самого легкого и одного самого тяжелого экземпляра) – 1,277 г.

Как нами было установлено, в первой четверти XIV в. в денежном обращении Булгарского региона использовалось “серебро” трех весовых групп – номиналов: указным весом 0.31 г (1 весовой данг), указным весом 1.09 г ($3\frac{1}{2}$ данга) и самый распространенный номинал $4\frac{1}{2}$ данга с нормой 1.39 г. (о системе номиналов болгарского дирхамов и фракций в 1266–1331 гг. см.: Бугарчев, Петров, 2018. С. 183–187). Публикуемые монеты относятся, скорее всего, к номиналу $4\frac{1}{2}$ данга (с учетом потертости за время обращения). В результате региональной реформы Узбека 1330 г. все прежние разновесные фракции были удалены, и в обращение были выпущены дирхамы указным весом 1.56 г (5 дангов). Они отличались от прежних эмиссий указанием имени эмитента – Мухаммад Узбек, помещением названия монетного двора – Булгар ал-Махруса (“Булгар Богохранимый, Богоспасаемый”) и годами выпуска (731, 732 и 733 г. хиджры / 1329–1333 г. н.э.)².

В раскопе СХСII в этом же квадрате на глубине 157 см была найдена серебряная монета хана Джанибека (монетный двор Гюлистан, 752–756 / 1351–1355 гг.). Вес дирхама 1.45 г, размеры 1.7×1.3 см. Количество медных монет, поднятых из квадрата 75 и имеющих зафиксированную глубину залегания, равняется 10 экземплярам (табл. 2).

Из таблицы следует, что пулы Тамга в треугольнике, чеканенные в конце 1320-х годов, обнаружены на глубине 216–193 см, пулы Тамга в звезде первой половины 1330-х годов обнаружены

² О денежной реформе в Булгарском регионе в правление хана Узбека см. (Бугарчев, Петров, 2018 С. 33–35).

Таблица 2. Золотоордынские монеты из раскопа СХСII, квадрат 75***Table 2.** Golden Horde coins from excavation site СХСII, square 75

№ по описи	Тип	Место чеканки	Время чеканки	Вес, г	Глубина залегания, см
415	Пул Тамга в треугольнике	Не указано	1320-е — начало 1330-х годов	0.89	216
323	—“—	—“—	—“—	1.04	194
324	—“—	—“—	—“—	0.91	193
296	Клад дирхамов № 33 Б	—“—	1300–1320-е годы	—	190
235	Пул Тамга в звезде	Булгар	1331–1336	1.45	178
163	Пул Тамга в звезде	Булгар	1331–1336	1.47	162
272	Пул Двуглавый орел	Сарай ал-Джадид	1340-е годы	1.26; 0.93	150/160. 2 экз.
150	Пул Лев и солнце	Не указано (Сарай)?	(1340-е)	1.12	162
164	Пул Лев и солнце	Не указано (Сарай)?	(1340-е)	1.48	160
103	Пул Лев влево, голова назад	Не указано (Крым)	(1320-е)?	1.63	156

Примечание: *Монеты расположены в зависимости от глубины залегания.

на глубине 178–162 см. Полученные путем сопоставления цифры позволяют предположительно назвать время тезаврации клада 33 Б — поднятый с глубины 190 см, он был тезаврирован перед реформой 1330 г., т.е. в конце 1320-х годов.

Кроме кладовых монет С/180, в раскопе СХСII были обнаружены еще два экземпляра дирхамов данного типа: в квадрате 106 на глубине 172 см (вес 1.17 г) и в квадрате 82 (переборка, вес 1.43 г).

Рассмотрим археологические материалы, сопутствующие публикуемому кладу. В квадрате 75, горизонт 2, субгоризонт 2 были найдены многочисленные предметы:

- из медного сплава: серьги, перстни, кольцо, цепочка и бубенчики, обоймица и язычок пряжки;
- обломок бронзового зеркала;
- четыре свинцовых грузика;
- “капля желтого металла” (Бадеев, Коваль, 2017. С. 204, 205);
- керамические изделия — 29 находок (Там же. С. 205);
- изделия из железа: ножи и другие инструменты, ключи, обломок замка, накладки, колчаный

крюк, наконечник стрелы и сапожная подкова (Там же. С. 205, 206) — всего 30 экз.;

— изделия из кости и рога — 23 экз. (Там же. С. 206);

— предметы из камня, бусы из горного хрусталя и сердолика, а также две раковины каури (Там же. С. 206).

Как пишут авторы отчета: “Монетный материал и индивидуальные находки подтверждают установленную датировку для 2 субгоризонта IV — позднего слоя — 30–40 гг. XIV в.» (Бадеев, Коваль, 2017. С. 206). Новый клад несколько расширяет границы субгоризонта до 1320-х годов.

Кроме джучидского нумизматического материала в раскопе 75, слой VI был обнаружен обломок саманидского дирхама — эмир Наср бен Ахмад (301–331 г.х./914–943 гг.), чекан Самарканда³.

Можно добавить, что в 2015 г. в квадрате 56 был обнаружен еще один клад дирхамов, только уже XIV в., состоявший из 14 монет: Узбек — Сарай (1 экз.), Джанибек — Сарай ал-Джадид (8 экз.), Джанибек — Гулистан (1 экз.), Хызр — Гулистан (2 экз.), Навруз — Гулистан (2 экз.).

³ Монета атрибутирована к.и.н. А.А. Гомзиным — ИА РАН.

Младшая монета выпущена в 761 / 1359–1360 гг. Стратиграфия находки — участок Д, кв. 56, я. 13, гл. 298 см, пл. 9. Публикации клада XIV в. будет посвящена отдельная статья.

Денежное обращение Улуса Джучидов XIII–XV вв., согласно разработанной П.Н. Петровым схеме, разделяется на шесть этапов (2016. С. 619–632). К первому — второму этапам, а это столетний отрезок от 1230-х до 1330 г., относится 41 клад с болгарскими монетами (включая клад из раскопа СХСII)⁴. Для сравнения можно сказать, что количество зарегистрированных кладов из других регионов Улуса в указанные 100 лет представлено 38 комплексами.

Приведем полный список кладов из регионов Улуса:

— Маджар — 1 клад (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 112);

— Хорезм — 7 кладов (Фёдоров-Давыдов, 1965. С. 216, 218; Петров, 2010; Петров, Беляев, 2012; Петров, Батраков, 2013);

— Сарай — 6 кладов (Фёдоров-Давыдов, 1960, № 1, 19, 21; Винничек, Лебедев, 2010); Фёдоров-Давыдов, 2003 — № 1А, 1Б — это две части одного клада — личное сообщение В.П. Лебедева; Петров, Кравцов, Гумаюнов, 2018);

— Крым — 10 кладов (Фёдоров-Давыдов, 1960 — № 10, 124; Фёдоров-Давыдов, 2003 — № 10 А, 122 В, 122 Г; Пачкалов, 2002 — № 155; Пипериди, 2008 — 1/1, 1/2, 1/3; Петров, Исаев, Панин, 2018. С. 96–102);

— район Поднестровья — 14 кладов (Фёдоров-Давыдов, 1960 — № 11, 126; Фёдоров-Давыдов, 1963 — № 13 В, 13 Г, 13 Д, 126 А; Фёдоров-Давыдов, 1974 — № 13 С; Фёдоров-Давыдов, 2003 — № 11 А, 13 Ж; Пачкалов, 2004 — № 37–40, 51).

Данные цифры косвенно свидетельствуют о более высоком уровне розничного торгово-экономического развития Болгарского региона в середине XIII — первой четверти XIV в. по сравнению с другими областями Джучидского Улуса⁵.

⁴ В монографии А.И. Бугарчева и П.Н. Петрова говорится о 35 кладах (Бугарчев, Петров, 2018, с. 61, 62).

⁵ Безусловно, нельзя не учитывать разную степень археологического исследования указанных историко-географических районов.

Клад из раскопа СХСII, тезаврированный в 1320-х годах, представляет важный источник для изучения денежного обращения на территории средневекового Болгара и всего Золотоордынского государства.

Автор благодарит к.и.н. П.Н. Петрова и к.и.н. В.Ю. Ковалю за ценные советы, высказанные при написании данной статьи, а также к.и.н. Д.Ю. Бадеева за возможность работать с нумизматическим материалом.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Перечень кладов второй линии (клады № 1–27 относятся к другому историческому периоду).

28. Болгар (Болгарское городище, раскоп CLXXIX), 2013 г. 47 монет — 1 анонимная и 46 анэпиграфных. Сокрыт в конце XIII в.

29. Болгар, 1967 г. (“II Болгарский”). 108 анонимных и анэпиграфных монет. Сокрыт в начале XIV в.

29 А. Северная часть Ульяновской области, 2019 г. 53 анонимные и анэпиграфные монеты. Сокрыт в первой четверти XIV в.

30. Д. Дятлово, Лаишевский район РТ, до 2010 г. 7 анэпиграфных монет. Сокрыт в первой четверти XIV в.

31. Окрестности Болгара, 1999 г. Около 50 анэпиграфных монет. Сокрыт в первой половине правления Узбека, в интервале 1313–1327 гг.

32. Окрестности Болгара, 2014 г. Около 60 анонимных и анэпиграфных монет. Сокрыт в начале 1320-х гг.

33. Д. Шмелёвка, Старомайнский район, Ульяновская область, 2013 г. 21 анэпиграфная монета. Сокрыт в первой четверти XIV в.

33 Б. Болгар (Болгарское городище, раскоп СХСII), 2016 г. 11 анэпиграфных монет. Сокрыт в первой четверти XIV в.

34. Болгар (Болгарское городище, раскоп ССIII), 2015 г. 98 анонимных и анэпиграфных дирхамов и фракций. Сокрыт в первой четверти XIV в.

35. Барскоенорускинское городище, Аксубаевский район РТ, 2001 г. 16 монет Узбека, анонимных и анэпиграфных. Сокрыт в 1330–1331 гг.

Состав и анализ кладов 28–35 приведен в монографии А.И. Бугарчева и П.Н. Петрова (2018. С. 168–180). Клад 29 А издан в 2020 г. (Бугарчев, 2020).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Хронологическая классификация тезаврации кладов золотоордынского периода (вторая линия – 1290-е – 1331 гг.). Вариант с Ульяновским кладом и кладом из раскопа СХСII

Номера монет по литературе	28 ~1290-е ~1300-е	29 1300~ 1313	33 1300~ 1320	33 А 1300~ 1320	29 А 1300- 1320	31 1320~ 1327	32 1320~ 1327	34 1320~ 1327	35 ~1330- 1331
С/70 (птицы)					X				
С/82					X	X			
СБ/3 (змеи)	97.9								
С/130 ("ослик")		75.0			X				
С/172 ("птичьи головы")			4.8						
С/76 (две рыбы)			4.8						6.2
С/133 (уйгурская надпись)		7.4			X				
С/135					X				6.2
С/198 ("ага")						X		1.0	
С/71	2.1								
С/124		14.8					1.5		
С/127		1.8			X				
С/123		0.9			X				
С/140					X				
С/155					X				
С/159					X				
С/163					X				
С/183					X				
С/185					X				
С/192					X				
С/101			4.8						
С/151			4.8						
С/165			4.8						
С/182			4.8						
С/197			4.8	9.1					
С/164 ("бутон")			9.5					8.2	
С/126			4.8						12.5
С/128			4.8					2.0	12.5
С/129 фракция								14.3	
С/176 (снежинки)								2.0	

Окончание

С/208 фракция								11.2	
С/160 фракция								6.1	
С/179 фракция							1.5	1.0	
С/180			14.3	90.9		X			12.5
С/161			14.3			X		2.0	6.2
С/195			9.5			X			6.2
С/139							1.5		
С/156					X		1.5		
С/171					X		1.5		
С/173							1.5		
С/177							1.5		
С/157						X			
С/131						X		1.0	
С/194								2.0	6.2
С/203 фракция ("Султан")							18.2		
С/202 ("Султан")						X	71.2	4.1	6.2
Фр/43 (728 г.х.)									12.5
ПБ/3 ("Узбек хан")									6.2

Примечание. Числовые значения – количество (%) дирхамов данного типа в конкретном кладе. X – в данном кладе присутствовали монеты данного типа, но их количество неизвестно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. Отчет об археологических раскопках на Болгарском городище (раскопы CLXXIX, CXCI) в 2016 г. Том I. М., 2017. 336 с.
- Бугарчев А.И. О кладе болгарских монет начала XIV в. // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2020 года (Москва, 25 и 26 ноября): материалы докл. и сообщ. / Отв. ред. Е.В. Захаров. М., 2020. С. 79–85.
- Бугарчев А.И., Петров П.Н. Монетные клады Булгарского вилайата XIII – первой четверти XIV вв.: монография. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, 2018. 336 с.: ил.
- Винничек В.А., Лебедев В.П. Период экономической активности на Никольском селище по нумизматическим данным // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V / Гл. ред. П.Н. Петров. М.: Нумизматическая литература, 2004 (Нумизматический сборник; т. 4). С. 119–148.
- Пачкалов А.В. Новые клады монет Золотой Орды // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV / Гл. ред. П.Н. Петров. М.: Информэлектро, 2002 (Нумизматический сборник; т. 3). С. 178–210.
- Пачкалов А.В. Новые находки кладов золотоордынских монет // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V / Гл. ред. П.Н. Петров. М.: Нумизматическая литература, 2004 (Нумизматический сборник; т. 4). С. 158–171.
- Петров П.Н. Клад из Дев-кескен-кала и вопросы начала чеканки серебряных монет в Джучидском улусе // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. Казань: Фэн, 2010. С. 121–149.
- Петров П.Н. Деньги и денежная политика Джучидов в XIII–XV вв. // Золотая Орда в мировой истории: коллективная монография / Отв. ред.:

- И. Миргалеев, Р. Хаутала. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2016. С. 616–633.
- Петров П.Н., Батраков О.А. Клад дирхамов времени Менгу-Тимура из Туркменистана // Эпиграфика Востока. XXX. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013. С. 241–265.
- Петров П.Н., Беляев В.А. Клад хорезмийских дирхамов конца XIII в. из Афганистана // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 2. Казань: Яз, 2012. С. 54–59.
- Петров П.Н., Бугарчев А.И. Монеты Узбек-хана, выпущенные монетными дворами Булгарского вилайата // Stratum plus. 2012. № 6. С. 173–181.
- Петров П.Н., Исаев В.Ю., Панин Е.В. Крым – один из западных форпостов Шелкового пути Великой Монгольской империи // Исламский фактор в интеграционных процессах Великого Шелкового пути: материалы II Междунар. научно-богословской конф. “Духовный Шелковый путь. Созидание. Интеграция”. М.: Исламская книга, 2018. С. 96–102.
- Петров П.Н., Кравцов К.В., Гумаюнов С.В. Монеты Сарая первой половины 660-х гг. х. / 1260-х гг. // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 145–158.
- Пунериди К.Л. Средневековые клады Старого Крыма и его округа // Труды Международных нумизматических конференций “Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков”: Болгар 2005, Волгоград 2006. М.: Нумизматическая литература, 2008. С. 70–72.
- Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. Казань: Заман, 2003. 192 с.
- Фёдоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. М., 1960. С. 94–192: карт.
- Фёдоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV. М., 1963. С. 165–221: ил., карт.
- Фёдоров-Давыдов Г.А. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода // Нумизматика и эпиграфика. Т. V. М., 1965. С. 179–224: ил., карт.
- Фёдоров-Давыдов Г.А. Находки кладов золотоордынских монет // Города Поволжья в средние века. М.: Наука, 1974. С. 176–182.
- Фёдоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с.: ил.

THE HOARD OF JUCHID COINS FROM EXCAVATION SITE CXCII IN THE BOLGAR FORTIFIED SETTLEMENT

Alexey I. Bugarchev

*A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia
E-mail: Abugar.61@rambler.ru*

The article introduces the hoard of silver coins found in 2016 on the territory of the Bolgar fortified settlement in excavation site CXCII, square 75, and establishes the concealment time of the find. In total, the hoard contained 11 dirhams of Bolgar coinage. A metrological analysis of coins of types C/180 and C/197 with the involvement of the author's photo archive is given. Based on the depth of the hoard and other coins (pools of the 14th century) in square 75, the author concludes that the hoard was hidden in the late 1320s. Taking into account the previously published materials, the newly found hoard was assigned number 33 A in the order of hoards recorded. The paper also gives information about the topography of single finds of C/180 type and the hoard of 14th century AD dirhams from southern mints.

Keywords: dirham, coin, hoard, monetary circulation, the Juchids, the Bolgar fortified settlement, the 14th century.

REFERENCES

- Badeev D.Yu., Koval' V.Yu., 2017. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na Bolgarskom gorodishche (raskopy CLXXIX, CXCII) v 2016 g. Tom I [Report on archaeological excavations at the Bolgar fortified settlement (excavation sites of CLXXIX, CXCII) in 2016. Volume I]. Moscow. 336 p.
- Bugarchev A.I., 2020. On the hoard of Bulgarian coins from the early 14th century AD. *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya 2020 goda (Moskva, 25 i 26 noyabrya): materialy dokladov i soobshcheniy [Numismatic readings of the State Historical Museum 2020 (Moscow, November 25–26): Reports and communications]*. E.V. Zakharov, ed. Moscow, pp. 79–85. (In Russ.)
- Bugarchev A.I., Petrov P.N., 2018. Monetnye klady Bulgarskogo vilayata XIII – pervoy chetverti XIV vv.: monografiya [Coin hoards of the Bulgar Vilayet of the 13th – first quarter of the 14th century: Monograph]. Kazan': Institut istorii imeni Sh. Mardzhani Akademii nauk Respubliki Tatarstan. 336 p.: ill.

- Fedorov-Davydov G.A., 1960. Hoards of Jochid coins. *Numizmatika i epigrafika [Numismatics and epigraphy]*, I. Moscow, pp. 94–192. (In Russ.)
- Fedorov-Davydov G.A., 1963. Finds of Juchid coins. *Numizmatika i epigrafika [Numismatics and epigraphy]*, IV. Moscow, pp. 165–221: ill. (In Russ.)
- Fedorov-Davydov G.A., 1965. Numismatics of Khorezm of the Golden Horde period. *Numizmatika i epigrafika [Numismatics and epigraphy]*, V. Moscow, pp. 179–224: ill. (In Russ.)
- Fedorov-Davydov G.A., 1974. Finds of hoards of Golden Horde coins. *Goroda Povolzh'ya v srednie veka [Cities of the Volga region in the Middle Ages]*. Moscow: Nauka, pp. 176–182. (In Russ.)
- Fedorov-Davydov G.A., 2003. Denezhnoe delo Zolotoy Ordyy [Coinage of the Golden Horde]. Moscow: Paleograf. 352 p.: ill.
- Pachkalov A.V., 2002. New hoards of coins of the Golden Horde. *Drevnosti Povolzh'ya i drugikh regionov [Antiquities of the Volga region and other areas]*, IV. P.N. Petrov, ed. Moscow: Informelektro, pp. 178–210. (Numizmaticheskiy sbornik, 3). (In Russ.)
- Pachkalov A.V., 2004. New finds of hoards of Golden Horde coins. *Drevnosti Povolzh'ya i drugikh regionov [Antiquities of the Volga region and other areas]*, 5. P.N. Petrov, ed. Moscow: Numizmaticheskaya literatura, pp. 158–171. (Numizmaticheskiy sbornik, 4). (In Russ.)
- Petrov P.N., 2010. A hoard from Dev-Kesken qala and issues of the emergence of minting silver coins in the Juchi ulus. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya [The Golden Horde civilization]*, 3. Kazan': Fen, pp. 121–149. (In Russ.)
- Petrov P.N., 2016. Money and monetary policy of the Juchids in the 13th–15th centuries. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii: kollektivnaya monografiya [The Golden Horde in world history: Joint monograph]*. I. Mirgaleev, R. Khautala, eds. Kazan': Institut istorii imeni Sh. Mardzhani, pp. 616–633. (In Russ.)
- Petrov P.N., Batrakov O.A., 2013. A hoard of dirhams of the Mengu-Timur period from Turkmenistan. *Epigrafika Vostoka [Epigraphy of the Orient]*, XXX. Moscow: Institut vostokovedeniya Rossiyskoy akademii nauk, pp. 241–265. (In Russ.)
- Petrov P.N., Belyaev V.A., 2012. A hoard of Khorezmian dirhams of the late 13th century. *Numizmatika Zolotoy Ordyy [Numismatics of the Golden Horde]*, 2. Kazan': Yaz, pp. 54–59. (In Russ.)
- Petrov P.N., Bugarchev A.I., 2012. Khan Uzbek's coinage in the Bulgar Vilayet. *Stratum plus*, 6, pp. 173–181. (In Russ.)
- Petrov P.N., Isaev V.Yu., Panin E.V., 2018. The Crimea as a western outpost of the Silk Road of the Great Mongol Empire. *Islamskiy faktor v integratsionnykh protsessakh Velikogo Shelkovogo puti: materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-bogoslovskoy konferentsii "Dukhovnyy Shelkovyy put". Sozidanie. Integratsiya* [The Islamic factor in the integration processes of the Great Silk Road: Proceedings of the II International scientific and theological conference "Spiritual Silk Road. Creation. Integration"]. Moscow: Islamskaya kniga, pp. 96–102. (In Russ.)
- Petrov P.N., Kravtsov K.V., Gumayunov S.V., 2018. Coins of Saray in the first half of the 660s/1260s. *Zolotoordynskoe obozrenie [Golden Horde review]*, vol. 6, no. 1, pp. 145–158. (In Russ.)
- Piperidi K.L., 2008. Medieval hoards of Stary Krym and its vicinity. *Trudy Mezhdunarodnykh numizmaticheskikh konferentsiy "Monety i denezhnoe obrashchenie v mongol'skikh gosudarstvakh XIII–XV vekov": Bolgar 2005, Volgograd 2006 [Proceedings of the International numismatic conferences "Coins and monetary circulation in the Mongolian states of the 13th–15th centuries": Bolgar 2005, Volgograd 2006]*. Moscow: Numizmaticheskaya literatura, pp. 70–72. (In Russ.)
- Singatullina A.Z., 2003. Dzhuchidskie monety povolzhskikh gorodov XIII v. [Juchid coins of the Volga region towns of the 13th century]. Kazan': Zaman. 192 p.
- Vinnichuk V.A., Lebedev V.P., 2004. The period of economic activity in the Nikolskoye settlement according to numismatic data. *Drevnosti Povolzh'ya i drugikh regionov [Antiquities of the Volga region and other areas]*, 5. P.N. Petrov, ed. Moscow: Numizmaticheskaya literatura, pp. 119–148. (Numizmaticheskiy sbornik, 4). (In Russ.)

Б.С. ЖУКОВ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ: К ЮБИЛЕЮ УЧЕНОГО

© 2024 г. С. В. Кузьминых^{1,*}, О. А. Лопатина^{1,**}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: kuzminykhsv@yandex.ru

**E-mail: lopatina.olga@gmail.com

Поступила в редакцию 17.07.2023 г.

После доработки 17.07.2023 г.

Принята к публикации 17.10.2023 г.

Б.С. Жуков принадлежит к числу ключевых фигур в российской археологии 1920-х годов. Основоположником палеоэтнологического направления исследований в Московском университете стал Д.Н. Анучин с его известной триадой — синтезом доисторической археологии, антропологии и этнографии. Жуков, его ученик, в начале 1920-х годов пошел дальше и на практике воплотил идеи учителя, предложив исследовательскую программу и объединив коллектив молодых ученых — археологов, антропологов, этнологов, специалистов других научных дисциплин. Жуков как лидер палеоэтнологической школы осуществил эту программу в ходе масштабных комплексных исследований. Школа Жукова как научное направление развивалась непродолжительное время в середине и второй половине 1920-х годов. В ней выросло поколение археологов, антропологов и этнологов, внесших неоценимый вклад в развитие российской и мировой науки. Именно к этим вопросам и обращена настоящая статья.

Ключевые слова: Б.С. Жуков, московская палеоэтнологическая школа, Институт и Музей антропологии 1-го МГУ, Антропологическая комплексная экспедиция, методика научных и полевых исследований.

DOI: 10.31857/S0869606324010148, EDN: ZVOLMG

Юбилейные даты — 130 лет со дня рождения и 90 лет со дня смерти — повод вспомнить имя Бориса Сергеевича Жукова (рис. 1). В 1920-е годы он являлся безусловным лидером московской палеоэтнологической школы, основы которой были заложены Д.Н. Анучиным. Ядром исследовательской программы школы Жукова стала анучинская идея междисциплинарного подхода к изучению человека в его прошлом и настоящем. На практике она осуществлялась в ходе комплексных экспедиций, объединявших усилия археологов, антропологов, этнографов, лингвистов, географов и представителей других научных дисциплин. Интеграции такого рода исследований ученый придавал ключевое значение.

Изучению наследия Жукова и его роли в науке посвящено немного трудов. Отчасти это можно объяснить тем, что Борис Сергеевич оставил после себя, к сожалению, мало работ: в самом расцвете творческой карьеры он был

репрессирован и погиб в лагере. После реабилитации в 1959 г. о нем вышли две небольшие статьи: В.В. Бунака и О.Н. Бадера в журнале “Вопросы антропологии” (1963) и О.Н. Бадера в журнале “Советская археология” (1968). В 1970–80-е годы научный путь Жукова и в целом история московской палеоэтнологической школы крайне скупо освещались в советской историографии (Генинг, 1982. С. 77–91). Ситуация стала меняться лишь в последние десятилетия (Решетов, 1999; Кузьминых, 2004; Формозов, 2008. С. 71–84; Платонова, 2010. С. 179, 180, 185, 186, 197, 206–210; Кузнецов, 2013; Клейн, 2014. С. 40–47 и др.).

Причина тому — негласное табу, которое долгое время распространялось на имя и деятельность ученого и действовало не менее жестко официальных запретов. Крайне редко и избирательно исследователи, включая и учеников Жукова, осмеливались упоминать и цитировать его имя в контексте руководителя экспедиции

Рис. 1. Борис Сергеевич Жуков (1892–1933).

Fig. 1. Boris Sergeevich Zhukov

или автора раскопок того или иного памятника¹. Кроме того, более полувека опубликованные труды Бориса Сергеевича оставались невостребованными. “Забытыми” оказались и архивные источники, связанные с деятельностью ученого и его научной школы. Работа над их изучением только-только начинается (Кузнецов, 2013; Кузьминых, 2023; Кузьминых, Белозёрова, 2023; Детлова и др., 2023). Сравнительно недавно были опубликованы факты биографии ученого и история семьи из воспоминаний его внучки А.П. Сергиевской (2020; 2023).

Б.С. Жуков родился 1 декабря 1892 г. в Нижнем Новгороде. В 1917 г. окончил естественное

¹ Нельзя отказать в смелости А.В. Збруевой (1952. С. 8) и А.Е. Алиховой (1948. С. 173–175; 1948а. С. 213), указавшим Б.С. Жукова как руководителя экспедиций. Подобной отсылки, например, нет в труде О.Н. Бадера (1951), подготовленном совместно с Б.С. Жуковым и М.В. Воеводским в конце 1920-х годов.

отделение физико-математического факультета Московского университета, кафедру географии и антропологии (по специальности “антропология”). В том же году был оставлен Д.Н. Анучиным при университете для подготовки к профессорскому званию. Окончил аспирантуру по специальности “палеоантропология” и в 1921 г. получил право самостоятельного преподавания. Тогда же был зачислен самостоятельным преподавателем (доцентом) по кафедре антропологии 1-го МГУ.

Во второй половине 1920-х годов Жуков стал одной из ключевых фигур советской археологии. В 1926 г. ученый возглавил Археологический подотдел Музейного отдела Главнауки НКП РСФСР. В Институте антропологии 1-го МГУ он занимал должности ученого секретаря, зам. директора, руководил палеоантропологической лабораторией. В Центральном музее народоведения являлся заведующим отделом Австралии, Океании, Индонезии и Африки. Жуков активно участвовал в краеведческой деятельности, будучи членом ЦБК. Под его началом успешно работали крупные археологические экспедиции: Антропологическая комплексная по Центрально-Промышленной области (АКЭ), Ветлужская (рис. 2), Крымская, Камско-Вятская, Черноморская (Археологические... 1962. С. 25, 30, 31, 38–40, 50, 51, 61, 62). Важнейшие совещания этнологов и палеоэтнологов ЦПО в 1926 и 1927 гг. подготовлены и проведены при деятельном участии Жукова и его команды. На них была намечена программа исследований ученых Москвы, Ленинграда, региональных центров, состоялся обмен опытом, прежде всего методическим, раскопок и обработки археологического материала (Материалы... 1927; Протоколы... 1927). Признанием высокого научного авторитета стало приглашение исследователя в 1929 г. на Международный археологический конгресс, посвященный столетнему юбилею Германского археологического института (Schukov, 1930), и его избрание в январе 1930 г. членом-корреспондентом этого института (Детлова и др., 2023) (рис. 3).

Жуков сыграл ключевую роль в издании сборника в честь 70-летия А.А. Спицына в серии “Eurasia Septentrionalis Antiqua”. Юбилейный выпуск ESA, в котором львиная доля статей принадлежала ученым из СССР, вышел

Рис. 2. Раскопки Чортова городища: лодки Ветлужской экспедиции. Слева на корме О.Н. Бадер. 1925 г.

Fig. 2. Excavations at the Chortovo fortified settlement: boats of the Vetluga expedition. O.N. Bader is at the left astern. 1925

Auslandsgäste bei der Hundertjahrfeier des Archäologischen Instituts:
1. Prof. Persson (Universität Uppsala), 2. Prof. Begouën (Toulouse), 3. Prof. Melida Alinari (Madrid), 4. Prof. Andreas Alföldi (Debrecen in Ungarn), 5. Prof. Panaitescu (Klausenburg in Rumänien), 6. Prof. Eugli (Rom), 7. Prof. Obermeier (Universität Madrid), 8. Prof. Safnit (Jerusalem), 9. Prof. Schuraw (Moskau).

Рис. 3. Участники Международного археологического конгресса (Берлин, 1929 г.). Сидят (слева направо): Аксель Перссон (Уппсала), Анри Бегуэн (Тулуза), Хосе Рамон Мелида-и-Алилари (Мадрид), неизвестный; стоят (слева направо): Андраш Алфёльди (Дебрецен), Эмиль Панайтеску (Бухарест), Джузеппе Лугли (Рим), неизвестный, Гуго Обермайер (Мадрид), Элеазар Липа Сукеник (Иерусалим), Борис Жуков (Москва). Сверху дочь Б.С. Жукова оставила надпись: “Отец. Крайний справа на праздновании Берлинского археологического института”. Фото из газеты Цайтбилдер 28 Апреля 1929.

Fig. 3. Participants of the International archaeological congress (Berlin, 1929). Seated (left to right): Axel Persson (Uppsala), Henri Begouën (Toulouse), José Ramon Melida y Alinari (Madrid), unknown; standing (left to right): Andreas Alföldi (Debrecen), Emil Panaitescu (Bucharest), Giuseppe Lugli (Rome), unknown, Hugo Obermeier (Madrid), Eleazar Lipa Sukenik (Jerusalem), Boris Zhukov (Moscow). B.S. Zhukov's daughter left the inscription on the photo: “Father. Far right at the celebration in Berlin Archaeological Institute”. Photo from the newspaper Zeitbilder 28 April 1929

только благодаря такту, настойчивости и гибкости Бориса Сергеевича, сумевшего убедить руководство Главнауки в том, что этот сборник отражает достижения передовой советской

науки и работает на ее положительный имидж. Необходимо отдать должное и редактору журнала А.М. Тальгрену, который в ходе подготовки сборника стал в СССР персоной *non grata*

после своего открытого письма в Главнауку в защиту академика Жебелёва (Тункина, 2000), но пошел на компромисс и издал *ESA IV*. Выход сборника стал поистине царским подарком для Александра Андреевича Спицына (Кузьминых, 2011). Лично для Жукова публикация статьи в тальгреновском журнале (Joukov, 1929) стала презентацией для западных коллег того опыта исследований в области методики анализа и классификации археологического материала, который в конце 1920-х годов был в арсенале ученого и его палеоэтнологической школы.

К концу 1920-х годов вышли основополагающие труды Жукова (1925, 1926; 1927; 1927б; 1928; 1928а; б; 1929; 1929а; Joukov, 1929). В них, и в целом в своей многогранной деятельности, Борис Сергеевич ярко проявил себя как истинный ученый, прекрасный преподаватель, умелый организатор науки, музейного дела и краеведения.

В последние годы в историографии уделялось большое внимание переоценке взглядов на развитие палеоэтнологического направления в отечественной археологии и вкладу отдельных ученых (Тихонов, 2003. С. 99–130; Платонова, 2008; 2010. С. 125–197). В этой связи фигура Жукова заслуживает особого внимания. В 1920-е годы, в период подъема и исканий, перестройки старых институций, именно он сформулировал основные положения палеоэтнологического подхода, его задачи и методы. В то время — становления археологии как науки — было еще не вполне ясно, как будет развиваться археология: самостоятельно или в рамках других дисциплин (антропологии, этнологии), еще не сформировались подходы к преподаванию археологии, обучение шло одновременно на факультетах физико-математическом и общественных наук столичных университетов (Тихонов, 2019. С. 366–370).

В программных статьях “Археология” и “Вопросы методологии выделения культурных элементов и групп” (Жуков, 1928; 1929а) Борис Сергеевич четко обозначил научную платформу, свое понимание археологии как палеоэтнологии. Рассматривая успехи археологии за десятилетие после революции, он с оптимизмом отмечал, что археология перестала быть областью любительства с шатким научно-методическим фундаментом: произошло “рождение

археологии как академической науки в уклоне этнологическом, пересмотр ее научных позиций, ее методологических путей, размежевание специальных задач и уклонов, создание новых научных концепций” (Жуков, 1928. С. 91).

Как прогрессивное явление Жуков оценивал сложившееся до революции размежевание “церковной” или “историко-искусствоведческой археологии” и “доисторической археологии”, выделяя в рамках последней университетские школы Д.Н. Анучина в Москве и Ф.К. Волкова в Санкт-Петербурге. Именно такое понимание развития палеоэтнологического направления в России оформилось в современных исследованиях (Тихонов, 2003. С. 129; Платонова, 2010. С. 196, 197). Несмотря на то что Анучин не использовал понятие “палеоэтнология” в своих трудах, а его отношения с Волковым были отчужденными, Борис Сергеевич совершенно справедливо объединил эти школы как общие по духу и связанные с традициями западноевропейской науки. По мнению ученого, они охватывали “наряду с географией науки о человеке и его культуре — антропологию и этнологию с палеоэтнологией (доисторической археологией)” (Жуков, 1928. С. 91). Уже после смерти учителя в 1923 г. Жуков постепенно вводит в свой научный лексикон понятие “палеоэтнология” в первую очередь как синоним археологии. В его статьях часто можно найти упоминание “палеоэтнологических раскопок”, “палеоэтнологических объектов” и т.п. Вместе с тем совершенно очевидно, что замена понятий, даже чрезмерное акцентирование этой замены, является не просто использованием синонимов, но имеет под собой глубокую основу.

Взяв в качестве девиза высказывание Спицына о том, что “археология — это историческая этнография”, Жуков обосновывает мысль: изучение древних памятников должно происходить в рамках этнологической науки — будь то этнология “эволюционистского, культурно-исторического или социологического направления”. По мнению ученого, хронологически “этнология изучает человеческую культуру от древнейших продуктов человеческого труда <...> до тех ступеней, где нивелированы признаки самобытной культурной среды волною интернациональной цивилизации” (Жуков, 1929а. С. 32). Разделение дисциплин на этнологию и

археологию Борис Сергеевич считал необоснованным, указывая на единство этнологической науки в отношении погребенных и современных культур. В этом состояла суть полемики с Куфтиным (1927), чья позиция была связана, по Жукову, с “недостаточно четким отделением общей методологии нашей науки (палеоэтнологии — *авт.*) от частной методики собирания материала и его первичной интерпретации” (Жуков, 1929а. С. 32, 33).

Поскольку изучение погребенных человеческих культур предполагалось в рамках этнологической науки, Борис Сергеевич развивал те подходы и методы, которые были свойственны этнологии в тот период. В частности, на Совещаниях этнологов и палеоэтнологов ЦПО 1926 и 1927 гг. в программных докладах его участников активно обсуждался культурно-исторический подход (Лопатина, 2023). Именно с позиций культурно-исторического подхода Жуков обосновывал объекты изучения, задачи и методы палеоэтнологии. Для него основными объектами исследований “являются элементы культуры и их сочетания в группах или комплексах, обусловленные взаимодействием определенных факторов” (Жуков, 1929а. С. 34). В качестве первоочередной задачи этнологического анализа ученый рассматривал “фиксацию культурных элементов и их сочетаний на территории и во времени” (Там же). Она должна опираться на типологический метод, “требует точности определений, а также количественного и качественного учета и выделения тех характерных признаков, которые определяют группы” (Там же).

Этот подход, когда единые методы изучения признавались как для древних, так и для современных культур, делал логичным обращение и к собственно этнологическим исследованиям, и к изучению “ближайших к современности погребенных групп” (рис. 4). Культуры недавнего прошлого ранее никогда не были объектами систематического археологического изучения, они вошли в поле зрения археологов только в русле палеоэтнологического направления и, прежде всего, благодаря работам Жукова и его учеников. Так, совершенно новаторским стало исследование АКЭ волжско-финских могильников XVII–XVIII вв. (Большепольский, Одошнурский, Сарлейский). Борис Сергеевич

Рис. 4. Раскопки Перемчалкинского могильника. На верхнем фото Б.С. Жуков стоит справа, на нижнем — сидит на заднем плане. Антропологическая комплексная экспедиция, 1926 г.

Fig. 4. Excavations of the Peremchalka burial ground. In the top photo, B.S. Zhukov is standing on the right, on the bottom photo, he sitting in the background. Anthropological complex expedition, 1926

полагал, что изучение этих памятников, принадлежащих мокшанам, эрзянам, терюханам и луговым мари позволит “сопоставлять при сравнительно-хронологическом анализе одновременные или предшествующие им комплексы, в частности материалы могильников первой половины 1 тыс. н.э.” (Там же, 2023. С. 34, 35).

Разработка методов палеоэтнологического направления логично подводила Жукова и к исследованиям в области этнологии. В статье “Задачи изучения национальных меньшинств Нижегородского края” (Жуков, 1928б) в фокусе его внимания оказались процессы смешения между русскими и волжско-финскими народами. Борис Сергеевич проанализировал уменьшение численности национальных меньшинств

края за последние 70 лет: это горные и луговые мари (черемисы) и группы мордвы — терюхане, эрзя и мокша. В связи с этим ученый выделил два процесса. Первый связан с обрусением нацменов, с утратой национальной группой своей самобытной культуры и языка, что дает смешанные признаки и в физическом типе населения. Такое смешение имеет для исчезающей группы в целом положительное значение, поскольку происходит поднятие ее хозяйственного уровня за счет более прогрессивной культуры. Второй процесс Жуков охарактеризовал как протекающее угасание в рамках отдельных национальных групп, не смешивающихся с русским населением, слабо воспринимающих его культуру, уступающих ему в хозяйственных навыках, имеющих “более слабую хозяйственную и трудовую потенцию по сравнению с русскими” (Жуков, 1928б. С. 320–331). Подобная работа являлась шагом вперед к разработке на этнографическом материале моделей, которые позволяли бы использовать их для данных археологии. Это интересное направление исследований до сих пор мало реализовано в отечественной археологии.

Не случайно основной труд Жукова “Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики” был издан в журнале “Этнография” (1929). В этой работе впервые была представлена схема культурогенеза от неолита до железного века на обширной территории Русской равнины. Предложенная схема в основных своих позициях выдержала проверку временем, несмотря на то, что после разгрома палеоэтнологического направления многие археологи эту статью либо не замечали, либо не подчеркивали ее основополагающее значение, хотя она того безусловно заслуживала.

Та научная платформа, о которой выше шла речь, сочеталась в трудах Жукова с совершенно передовой для своего времени методикой полевых исследований и приемами обработки массового археологического материала. Эти подходы реализовались, прежде всего, при изучении неолитических памятников. Интерес ученого к неолитической тематике был связан, с одной стороны, с успешными раскопками торфяниковых и свайных поселений в Европе,

и с другой — со сравнительно слабой изученностью неолита в России. Хотя работы В.А. Городцова позволили продвинуться в этой области, методический уровень его раскопок оставлял много вопросов. Торфяниковые памятники в России систематически не исследовались. Начав с раскопок Балахнинских стоянок (Жуков, 1922; Бадер, Воеводский, 1935), Борис Сергеевич сумел быстро выстроить для себя основные подходы к полевой практике, которые в полной мере были реализованы при раскопках Льяловской стоянки в 1923–1925 гг. (Жуков, 1925; 1927).

Работы на этом памятнике демонстрировали подходы, которые намного опережали свое время: проводились регистрация границ простирания культурного слоя методом бурения, фиксация глубин залегания слоев и находок, фотографирование, зарисовка профилей, нанесение находок на план раскопок. На ряде участков стоянки взяты послойно образцы торфа и подстилающих его отложений для лабораторного анализа. Были привлечены специалисты, которые провели геоморфологическое описание котловины у с. Льялова и торфяника, специальные исследования торфа и древесных остатков (Мещеряков, 1925), пыльцы растений (Доктуровский, 1925), образцов торфа, костей животных и рыб (М.В. Павлова, М.А. Мензбир, С.А. Сидоров), моллюсков (Линдгольм, 1925); результаты естественнонаучных исследований были оперативно опубликованы. Весь массовый материал подвергался строгому учету по квадратам 1 × 1 м, велся протокол разборки слоя с подсчетом находок на участках, составлялась их полевая опись. В процессе полевых работ разрабатывались подходы камеральной обработки массового материала, в частности керамики, исследованию которой ученый придавал первостепенное значение (Лопатина, 2023).

В целом Жуков уделял самое пристальное внимание разработке полевой методики. К этой работе был привлечен его ближайший ученик О.Н. Бадер. На совещании палеоэтнологов 1926 г. прозвучали их доклады, дополняющие друг друга: один по методике ведения раскопок стоянок и городищ (Жуков, 1927б), другой — разведок (Бадер, 1927). По сути это был первый в нашей стране опыт систематизации приемов полевой практики. Разработанная программа широко использовалась в ходе работ АКЭ.

Именно она была положена в основу первой в СССР инструкции к открытым листам, автором которой стал Жуков (Сорокина, 2018).

Важным нововведением была предложенная ученым унифицированная система описания памятников археологии в виде карточек. Они включали как общую информацию (описание, история открытия, методы работы), так и конкретную, содержащую протокол послойной разборки слоя с определенной системой этикетаж и графические материалы. Раскопочная карточка определенного образца соответствовала каждому 1 м² культурного слоя. Выполнение столь высоких требований к полевой методике казалось некоторым современникам чрезвычайно прогрессивным, но мало выполнимым (Протоколы... 1927. С. 76). Тем не менее прямым продолжением идей Жукова стала методическая брошюра «Археологические памятники, их охрана и методы первичного изучения» (Бадер, 1938), в которой развивалась система их карточного описания. В дальнейшем так называемые карточки Бадера неоднократно служили источником при каталогизации памятников археологии (Янишевский и др., 2020. С. 29). Система унифицированного описания памятников археологии воплотилась гораздо позже в связи с их паспортизацией, которой с 1972 г. занимался Отдел сводов и карт ИА РАН.

Важнейшей сферой деятельности Жукова являлось преподавание на кафедре антропологии 1-го МГУ. В письмах финскому коллеге А.М. Тальгрёну сообщается, что им «читаются курсы «Палеоантропология», «Палеоантропология Восточной Европы», ведутся два практикума — малый и большой — по палеоэтнологии, имеется семинарий и специальные занятия по этой дисциплине и есть научные работники, которые работают над специальными темами...» (Кузьминых, 2023. С. 25). Для улучшения учебного процесса Борис Сергеевич «озабочен собиранием материала в объектах (подлинных и копиях) для возможно полного обставления занятий» (Там же. С. 28). Он обращается к Тальгрёну, в то время профессору Тартуского университета, с просьбой об обмене не только муляжами археологических предметов, но и частью музейных коллекций. Жукова особенно интересуют образцы балтийской неолитической керамики. Он готов прислать в Тарту

в обмен керамику Льялова, Балахны, окских стоянок, подмосковных и ветлужских городищ (Там же. С. 30).

К сожалению, в архивах не выявлены материалы к лекционным курсам Жукова. Но можно полагать, что серия научно-популярных книг «Происхождение человека» (пять изданий), «Древнейшие строители из дерева и камня», «Первые шахтеры и металлисты», «Как люди расселялись по земле» (Жуков, 1925а; 1927а; 1931; 1931а) как раз и составляла основу его лекционных курсов в 1-м МГУ. Во всех этих изданиях проводился главный методологический принцип ученого — принцип комплексного изучения древнего человека в его природном окружении. В первой книге наряду с антропологическими данными об ископаемых человеческих останках дана информация о культуре человека древнекаменного периода и о ледниковой геологической эпохе (Жуков, 1931). Вторая дает представление о населении неолита Западной Европы до появления металла: о культурах, связанных с древнейшими свайными постройками, и о древнейших мегалитических культурах. И снова Борис Сергеевич подходит к изложению материала комплексно, обращается к сведениям древних авторов о свайных постройках, приводит этнографические параллели, а также антропологические данные (Жуков, 1925а). В книге о горняках и металлистах изложены первые свидетельства использования металлов в древности, особенности распространения навыков металлургии по земле, дана характеристика связанных с этим культурных процессов (Жуков, 1931а). Курсы лекций по каждому периоду сопровождались наглядными пособиями в виде серии диапозитивов, снабженных развернутыми описаниями Жукова. В целом принципы изложения материала серьезно отличались от учебника А.В. Арциховского (1940), ставшего впоследствии на многие годы основой преподавания археологии в МГУ и других вузах страны.

В докладе на Совещании палеоэтнологов ЦПО 1926 г. в качестве основных достижений Антропологического института 1-го МГУ Борис Сергеевич отметил: 1) организацию преподавания палеоэтнологии и палеоантропологии со специализацией в этих областях; 2) создание палеоэтнологической лаборатории;

Рис. 5. В экспедиционном лагере на р. Кержинец. Слева направо по часовой стрелке: О.Н. Бадер, П.И. Зенкевич, С.П. Толстов, А.И. Горюнов, Б.С. Жуков, М.Г. Левин, Т.А. Трофимова, А.Е. Алихова, Е.И. Горюнова, стоит Е.Р. Лебедева. Ветлужская экспедиция, 1926 г.

Fig. 5. In the expedition camp on the Kerzhinets River. Left to right, clockwise: O.N. Bader, P.I. Zenkevich, S.P. Tolstov, A.I. Goryunov, B.S. Zhukov, M.G. Levin, T.A. Trofimova, A.E. Alikhova, E.I. Goryunova, standing E.R. Lebedeva. Vetluga expedition, 1926

3) выработку некоторых методов полевой и музейно-лабораторной палеоэтнологической практики (Жуков, 1927в. С. 67). За довольно скуными строками этого отчета стоит огромная научно-преподавательская, полевая и музейно-лабораторная работа ученого.

Образовательные программы Б.С. Жукова и Б.А. Куфтина, другого выдающегося ученика Д.Н. Анучина, который вел народоведческий цикл лекций на кафедре антропологии (Алымов, Решетов, 2003. С. 244, 245), составляли явную конкуренцию преподаванию археологии и этнологии на ФОН 1-го МГУ В.А. Городцовым, Ю.В. Готье, А.С. Башкировым, П.Ф. Преображенским. Несмотря на то что курсы археологии в университете осуществлялось одновременно на факультетах физико-математическом и общественных наук, Борис Сергеевич оценивал такое положение дел скорее положительно, считая, что это дает возможность для формирования разносторонне подготовленных специалистов (Жуков, 1928. С. 93).

Отметим среди учеников Жукова целую плеяду выдающихся ученых — археологов,

антропологов и этнологов (О.Н. Бадер, М.В. Воеводский, М.В. Талицкий, А.Е. Алихова, Е.И. Горюнова, А.В. Збруева, С.П. Толстов, Т.А. Трофимова, М.Г. Левин, Г.Ф. Дебеч, П.И. Зенкевич) (рис. 5; 6). По воспоминаниям Алиховой, ученики с благодарностью называли себя жуковцами (Воронина, 2003). Борис Сергеевич объединил своих учеников и сотрудников в рамках гибких организационных структур, созданных в Институте и Музее антропологии 1-го МГУ (археологический кружок, палеоантропологическая лаборатория, АКЭ), Музее ЦПО и Центральном музее народоведения. Усилия молодого целеустремленного коллектива были направлены на реализацию палеоэтнологической программы исследований, обращенной, прежде всего, на изучение древностей центра Русской равнины — от неолита до позднего средневековья.

О рабочей кухне исследований самого Жукова, его учеников и сотрудников, манере и стиле руководства и общения Бориса Сергеевича со своими подчиненными мы можем судить по его корреспонденции (Кузьминых, 2023; Кузьминых, Белозёрова, 2023). Жуков,

Рис. 6. На берегу Ветлуги. Слева направо — задний ряд: О.Н. Бадер, Б.С. Жуков, Е.И. Горюнова; передний ряд: А.И. Горюнов, Е.Р. Лебедева, Т.А. Трофимова, С.П. Толстов, П.И. Зенкевич, М.Г. Левин, А.Е. Алихова. Ветлужская экспедиция, 1926 г.

Fig. 6. On the Vetluga River bank. Left to right — the back: O.N. Bader, B.S. Zhukov, E.I. Goryunova; the front: A.I. Goryunov, E.R. Lebedeva, T.A. Trofimova, S.P. Tolstov, P.I. Zenkevich, M.G. Levin, A.E. Alikhova. Vetluga expedition, 1926

организованный и требовательный к себе, в той же мере был строг и к коллегам, если это касалось их общего дела. Особенно примечательны в этом отношении его письма Воеводскому: они передают пульс многогранной деятельности Жукова как лидера московской палеоэтнологической школы 1920-х годов, раскрывают рабочую кухню исследований его учеников и сотрудников, ярко характеризуют Бориса Сергеевича как администратора и руководителя больших комплексных экспедиций и уникального научного коллектива.

Палеоэтнологическая школа Жукова как научное направление институционально развивалась непродолжительное время в середине и второй половине 1920-х годов. Тем не менее в ней выросло поколение археологов, антропологов и этнологов, воспринявших традиции исключительного уважения к источнику, строгости и точности в методике исследований, приверженности к комплексному подходу в изучении ископаемых и живых культур. На переломном этапе развития советской археологии на рубеже 1920–30-х годов большинство учеников Жукова не встало под знамена схоластической яфетической теории, или теории стадиальности, избежало участия в политизированных кампаниях и дискуссиях конца 1920-х и начала 1930-х годов

(за исключением С.П. Толстова) — его ученики продолжили активную полевою деятельность и изучение конкретного археологического материала. Навыки школы Жукова позволили его ученикам в 1932 и в последующие годы влиться в состав Московского отделения ГАИМК—ИИМК и включиться, прежде всего, в масштабные новостроечные работы тех лет. Ученики Жукова в своих трудах сохранили верность палеоэтнологическому направлению и обогатили советскую археологию методами и приемами полевых, камеральных и кабинетных исследований, воспринятых в жуковской школе.

События “великого перелома” рубежа 1920–30-х годов, развернувшаяся кампания по разгрому палеоэтнологического направления (Арциховский, 1929; Равдоникас, 1930) отразились на судьбе ученого. Было сфабриковано дело о краеведах², по которому Жуков был арестован и осужден на три года лагерей, где он и умер от воспаления легких в 1933 г. незадолго до освобождения (Сергиевская, 2023).

К началу 1930-х годов изменилась и руководящая концепция в отношении задач археологии.

² Имеющиеся в литературе сведения о том, что Жуков был осужден по Академическому делу, ошибочны, как и дата гибели в 1934 г.

Они стали рассматриваться не как исследование культуругенеза, а как подспорье в изучении производительных сил прошлого. Негативная сторона этого процесса отразилась в полной мере, например, в исследованиях памятников на территории современной Москвы (Янишевский и др., 2020). Изменение курса привело к тому, что культуругенетическая схема ученого (Жуков, 1929; Joukov, 1929) была естественным путем вытеснена из числа основополагающих работ своего времени.

К сожалению, аресты — первый в сентябре 1930 и повторный в апреле 1931 г. — привели к тому, что типографские наборы работ Жукова, уже анонсированные к печати, были рассыпаны. Среди них статья “Раскопки неолитической торфяной стоянки близ д. Языкова”. В серии “Трудов” АКЭ в I томе планировались, в частности, к изданию работы: Жукова “Культура стоянки пережиточного каменного века “Паново городище”; Жукова, Бадера и Воеводского “Городища Поветлужья”; Жукова, Воеводского “Альбом элементов орнамента доисторической керамики территории СССР”. В письме Тальгрену (15.01.1929) Борис Сергеевич отмечал, что “обещают издать хорошо и не урезать иллюстраций” (Кузьминых, 2023. С. 37). В начале августа он написал финскому коллеге: “Ветлужские наши работы сейчас верстают. Из-за массы рисунков типография работает медленно. Однако надеемся к концу года выпустить” (Там же. С. 40). Анонсированные труды так и не увидели свет, хотя ученики Жукова позднее частично восполнили их утрату (Бадер, Воеводский, 1935; Збруева, 1940; Бадер, 1951; Воеводский, 1951).

Из переписки с Тальгренем видно, что 1929 год был особенно насыщен издательскими планами — планировалось завершение статей о комплексных методах в изучении человека и о морфологических признаках погребений эрзи, терюхан, мокши, мари и некоторых более древних групп финнов. Судьба первой статьи неизвестна, вторая опубликована только в виде тезисов (Жуков, 1929а). В ближайших планах Жукова были работы по неолитическим и мезолитическим (микролитическим, по его терминологии) культурам Крыма, а также монографии по поздняяковской и волосовской (Волосово I) культурам и Сейминскому

могильнику в соавторстве с Бадером (Кузьминых, 2023. С. 23).

Имя Жукова на несколько десятилетий выпало из лексикона отечественной науки. Палеоэтнологические школы Москвы и Ленинграда на рубеже 1920–30-х годов подверглись шельмованию, были признаны чуждыми марксизму и вредными, их лидеры в своем большинстве подверглись репрессиям, а организационные структуры разгромлены (Платонова, 2010. С. 180–197). В политизированной атмосфере того времени и с потерей лидера московская палеоэтнология как научно-организационная структура не имела шансов на выживание. Ученики Жукова, прежде всего Бадер и Воеводский, стремились сохранить палеоэтнологическое направление исследований в Институте антропологии МГУ, но в изменившихся условиях реальные условия для продолжения этих работ сложились в Московском отделении ГАИМК–ИИМК, тем более что к середине 1930-х годов сгладились противоречия двух московских археологических школ — городцовой и жуковской³. Ученики Городцова и Жукова, составившие костяк МО ГАИМК–ИИМК, сохранили в своей научной и полевой деятельности верность идеям и подходам своих учителей, осуществили сближение и взаимное обогащение двух основных научных направлений отечественной археологии.

Статья подготовлена по госзаданию Института археологии РАН, № НИОКТР 122011200264-9 (С.В. Кузьминых).

Благодарим А.П. Сергеевскую (рис. 1, 3, 5, 6) и А.Н. Бадер (рис. 2) за предоставленные фото из семейных архивов, А.П. Бужилову (рис. 4) — за фото из Архива Института антропологии МГУ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алихова А.Е. Перемчалкинский могильник // Археологический сборник. Саранск: Морд. гос. изд-во, 1948. С. 173–211.
- Алихова А.Е. Старосотенский могильник // Археологический сборник. Саранск: Морд. гос. изд-во, 1948а. С. 215–258.

³ См. подробнее об этих противоречиях: (Платонова, 2010. С. 206–210).

- Алымов С.С., Решетов А.М.* Борис Алексеевич Куфтин: изломы жизненного пути // Репрессированные этнографы. Вып. 2. М.: Вост. лит., 2003. С. 227–268.
- Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР. 1919–1956 гг.: указатель. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 264 с.
- Арциховский А.В.* Новые методы в археологии // Вестник Коммунистической академии. 1929. Т. 35–36. С. 322–325.
- Арциховский А.В.* Введение в археологию. М.: Московский гос. ун-т, 1940. 164 с.
- Бадер О.Н.* О палеоэтнологических обследованиях и о составлении районных каталогов памятников // Материалы к доистории Центрально-Промышленной области: 1-е совещание палеоэтнологов Центр.-Пром. обл. М., 1927. С. 6–12.
- Бадер О.Н.* Археологические памятники, их охрана и методы первичного изучения. М.: Наркомпрос РСФСР, 1938. 62 с.
- Бадер О.Н.* Городища Унжи и Ветлуги // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 22). С. 110–158.
- Бадер О.Н.* Памяти Бориса Сергеевича Жукова // Советская археология. 1968. № 4. С. 234–238.
- Бадер О.Н., Бунак В.В.* Памяти Б.С. Жукова // Вопросы антропологии. 1963. № 15. С. 146–148.
- Бадер О.Н., Воеводский М.В.* Стоянки Балахнинской низины // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1935. Вып. 106. С. 298–346.
- Воеводский М.В.* Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 22). С. 159–180.
- Воронина Р.Ф.* Анне Епифановне Алиховой 100 лет // Российская археология. 2003. № 3. С. 166–168.
- Генинг В.Ф.* Очерки по истории советской археологии. Киев: Наукова думка, 1982. 225 с.
- Детлова Е.В., Кузьминых С.В., Наглер А.О.* Б.С. Жуков и его заграничные контакты // Археология евразийских степей. 2023. № 3. С. 81–95.
- Доктуровский В.С.* Определение возраста Льяловской стоянки по пыльце в торфе // Труды Антропологического института. Вып. I. М., 1925. С. 83–84.
- Жуков Б.С.* Неолитическая дюнная стоянка близ гор. Балахны // Русский антропологический журнал. 1922. Т. XII, кн. 1–2. С. 110–119.
- Жуков Б.С.* Неолитическая стоянка близ с. Льялова, Московского уезда // Труды Антропологического института. Вып. I. М., 1925. С. 37–78.
- Жуков Б.С.* Древнейшие строители из дерева и камня. М.: Знание, 1925а. 53 с.
- Жуков Б.С.* Работы по палеоэтнологии в СССР за 1918–1925 гг. // Этнография. 1926. № 1–2. С. 179–192.
- Жуков Б.С.* К вопросу о стратиграфии и культуре неолитической стоянки близ с. Льялова Московского уезда // Русский антропологический журнал. 1927. Т. 16, вып. 1–2. С. 58–75.
- Жуков Б.С.* Как люди расселялись по земле. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927а. 152 с.
- Жуков Б.С.* Из методологии изучения культур стоянок и городищ: автореферат // Материалы к доистории Центрально-Промышленной области: 1-е совещание палеоэтнологов Центр.-Пром. обл. М., 1927б. С. 13–18.
- Жуков Б.С.* Палеоэтнологическая деятельность Антропологического Института 1-го МГУ // Материалы к доистории Центрально-Промышленной области: 1-е совещание палеоэтнологов Центр.-Пром. обл. М., 1927в. С. 67–68.
- Жуков Б.С.* Археология // Общественные науки СССР. 1917–1927: сб. М.: Работник просвещения, 1928. С. 90–100.
- Жуков Б.С.* Очерк трехлетних работ Антропологической комплексной экспедиции по ЦПО Антропологического научно-исследовательского института (1925–1927 гг.) // Известия Ассоциации научно-исследовательских институтов при физико-математическом факультете 1 МГУ. 1928а. Т. 1, вып. 1–2. С. 264–286.
- Жуков Б.С.* Задачи изучения национальных меньшинств Нижегородского края // Труды Третьей губернской конференции по изучению производительных сил Нижегородской губернии. Н. Новгород: Нижполиграф, 1928б. С. 320–340.
- Жуков Б.С.* Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики // Этнография. 1929. № 1. С. 54–77.
- Жуков Б.С.* Вопросы методологии выделения культурных элементов и групп: (по материалам волго-финских погребенных культур) // Культура и быт населения Центрально-Промышленной области: 2-е совещание этнологов Центр.-Пром. обл. М., 1929а. С. 31–35.
- Жуков Б.С.* Происхождение человека. 5-е изд. М.; Л.: Огиз: Гос. мед. изд-во, 1931. 239 с.
- Жуков Б.С.* Первые металлосты: Металлообработка в древности. М.; Л.: Огиз: Моск. рабочий, 1931а. 64 с.
- Збруева А.В.* Свиногорское городище // Археологические памятники Урала и Прикамья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 1). С. 100–110.
- Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. М.: Изд-во АН СССР, 1952

- (Материалы и исследования по археологии СССР; № 30). 326 с.
- Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. Археологи советской эпохи. СПб.: Евразия, 2014. 640 с.
- Кузнецов А.А. Новые материалы к биографии Б.С. Жукова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 5 (1). С. 238–244.
- Кузьминых С.В. Отто Николаевич Бадер и отечественная археология эпохи раннего металла // Российская археология. 2004. № 4. С. 142–150.
- Кузьминых С.В. А.А. Спицын и А.М. Тальгрэн: из истории отечественной археологии начала XX века // Тверской археологический сборник. Вып. 8, т. II. Тверь: Триада, 2011. С. 5–27.
- Кузьминых С.В. Б.С. Жуков — лидер московской палеоэтнологической школы (по материалам переписки с А.М. Тальгрэном) // Археология евразийских степей. 2023. № 3. С. 8–66.
- Кузьминых С.В., Белозёрова И.В. Письма Б.С. Жукова М.В. Воеводскому (1925–1929 гг.) // Археология евразийских степей. 2023. № 3. С. 67–80.
- Куфтин Б.А. О методе изучения преемственности погребенных и современных племенных культур // Материалы к доистории Центрально-промышленной области: 1-е совещание палеоэтнологов Центр.-Пром. обл. М., 1927. С. 19–23.
- Линдгольм В.К. Моллюски из слоев торфяника близ села Льялова, Московского уезда, содержащих стоянку неолитического человека // Труды Антропологического института. Вып. I. М., 1925. С. 85–90.
- Лопатина О.А. Б.С. Жуков и его исследовательский подход к изучению древностей IV—I тыс. до н.э. лесной зоны Восточной Европы // Археология евразийских степей. 2023. № 3. С. 96–108.
- Материалы к доистории Центрально-промышленной области: 1-е совещание палеоэтнологов Центр.-Пром. обл. М., 1927. 91 с.
- Мещеряков Д.П. Торфяник у села Льялова как место неолитической стоянки // Труды Антропологического института. Вып. I. М., 1925. С. 79–82.
- Платонова Н.И. Палеоэтнологическая школа археологии и Ф.К. Волков // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 315. С. 96–103.
- Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб.: Нестор-История. 2010. 316 с.
- Протоколы заседаний первого Совещания палеоэтнологов ЦПО // Материалы к доистории Центрально-Промышленной области: 1-е совещание палеоэтнологов Центр.-Пром. обл. М., 1927. С. 74–89.
- Равдоникас В.И. За марксистскую историю материальной культуры. Л., 1930 (Известия Гос. акад. истории материал. культуры; т. 7, вып. 3–4). 94 с.
- Решетов А.М. Борис Сергеевич Жуков как представитель анучинской школы // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Омский гос. пед. ун-т, 1999. С. 63–66.
- Сергиевская А.П. Мой дед Борис Сергеевич Жуков // Смирнов С.А. Башкировы. Триумф и трагедия. Н. Новгород: Отчина, 2020. С. 346–356.
- Сергиевская А.П. Взгляд из семьи // Археология евразийских степей. 2023. № 3. С. 109–120.
- Сорокина И.А. Первые советские инструкции по проведению полевых исследований памятников археологии (1927 г.): к истории создания // Известия Самарского научного центра РАН. 2018. Т. 20, № 3(2). С. 537–543.
- Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2003. 332 с.
- Тихонов И.Л. Археологическое образование в российских университетах // Очерки истории отечественной археологии. Вып. V. М.: ИА РАН, 2019. С. 361–379.
- Тункина И.В. “Дело” академика Жебелёва // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: альманах. Вып. II. СПб.: Алетейя, 2000 (Bibliotheca Classica Petropolitana). С. 116–161.
- Формозов А.А. Статьи разных лет. Курск: Курский гос. мед. ун-т, 2008. 132 с.
- Янишевский Б.Е., Кренке Н.А., Чернов С.З. Введение // Археологическая карта России. Москва. Ч. I. М.: ИА РАН, 2020. С. 13–99.
- Joukov B. Les modifications chronologiques et locales de la céramique de certaines cultures de la pierre et du metal en Europe du Nord-Est // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1929. Vol. IV. P. 61–81.
- Joukov B.S. Tardenoisien in der Krim. Neolithikum im Wolgagebiet // Archäologisches Institut des Deutschen Reiches: Bericht über die Hundertjahrfeier 21–25 April 1929. Berlin: Walter de Gruyter, 1930. S. 281–290.

B.S. ZHUKOV IN THE HISTORY OF RUSSIAN ARCHAEOLOGY: TO THE SCIENTIST'S ANNIVERSARY

Sergey V. Kuzminykh^{a, #} and Olga A. Lopatina^{a, ##}

^a*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

[#]*E-mail: kuzminykhsv@yandex.ru*

^{##}*E-mail: lopatina.olga@gmail.com*

B.S. Zhukov is one of the key figures in Russian archaeology of the 1920s. Palaeoethnological field of research at Moscow University was established by D.N. Anuchin who suggested his famous triad, a synthesis of prehistoric archaeology, anthropology and ethnography. In the early 1920s, Zhukov, his disciple, went further and put the teacher's ideas into practice by proposing a research programme and building a team of young researchers – archaeologists, anthropologists, ethnologists, and experts in other areas. The leader of the palaeoethnological school, B.S. Zhukov did not only absorbed Anuchin's idea of an interdisciplinary approach to the study of humans in their past and present development, but also implemented it in the course of large-scale complex expeditions and in-depth research. Zhukov's school as a special research direction was developing for a short period in the mid and second half of the 1920s. However, it raised a generation of archaeologists, anthropologists and ethnologists, who made an invaluable contribution to the development of Russian and world science.

Keywords: B.S. Zhukov, Moscow palaeoethnological school, 1st MSU Institute and Museum of Anthropology, Anthropological complex expedition, methods of scientific and field research.

REFERENCES

- Minutes of the first Meeting of palaeoethnologists of the Central Industrial Region. *Materialy k doistorii Tsentral'no-Promyshlennoy oblasti: 1-e Soveshchanie paleoetnologov Tsentral'no-Promyshlennoy oblasti* [Materials on the prehistory of the Central Industrial Region: 1st Meeting of palaeoethnologists of the Central Industrial Region]. Moscow, 1927, pp. 74–89. (In Russ.)
- Alikhova A.E., 1948. The Peremchalki burial ground. *Arkheologicheskiy sbornik* [Archaeological collection]. Saransk: Mordovskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 173–211. (In Russ.)
- Alikhova A.E., 1948a. The Staraya Sotnya burial ground. *Arkheologicheskiy sbornik* [Archaeological collection]. Saransk: Mordovskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 215–258. (In Russ.)
- Alymov S.S., Reshetov A.M., 2003. Boris Alekseevich Kuftin: sharp bends in the path of life. *Repressirovannyye etnografy* [Ethnographers victims of political repressions], 2. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 227–268. (In Russ.)
- Arkheologicheskie ekspeditsii Gosudarstvennoy Akademii istorii material'noy kul'tury i Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR. 1919–1956 gg.: ukazatel' [Archaeological expeditions of the State Academy for the History of Material Culture and the Institute of Archaeology at the USSR Academy of Sciences. 1919–1956: index]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1962. 264 p.
- Artsikhovskiy A.V., 1929. New methods in archaeology. *Vestnik Kommunisticheskoy akademii* [Bulletin of Communist Academy], 35–36, pp. 322–325. (In Russ.)
- Artsikhovskiy A.V., 1940. Vvedenie v arkheologiyu [Introduction to archaeology]. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet. 164 p.
- Bader O.N., 1927. On palaeoethnological surveys and the compilation of regional catalogues of sites. *Materialy k doistorii Tsentral'no-Promyshlennoy oblasti: 1-e soveshchanie paleoetnologov Tsentral'no-Promyshlennoy oblasti* [Materials on the prehistory of the Central Industrial Region: 1st Meeting of palaeoethnologists of the Central Industrial Region]. Moscow, pp. 6–12. (In Russ.)
- Bader O.N., 1938. Arkheologicheskie pamyatniki, ikh okhrana i metody pervichnogo izucheniya [Archaeological sites, their conservation and methods of primary research]. Moscow: Narkompros RSFSR. 62 p.
- Bader O.N., 1951. Fortified settlements of the Unzha and Vetluga region. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Urala i Priural'ya* [Materials and research on the archaeology of the Urals and the Cis-Urals], III. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 110–158. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 22). (In Russ.)
- Bader O.N., 1968. In memory of Boris Sergeevich Zhukov. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 4, pp. 234–238. (In Russ.)
- Bader O.N., Bunak V.V., 1963. In memory of B.S. Zhukov. *Voprosy antropologii* [Issues of anthropology], 15, pp. 146–148. (In Russ.)
- Bader O.N., Voevodskiy M.V., 1935. Sites of the Balakhninskaya lowland. *Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury* [News of the State Academy for the History of Material Culture], 106, pp. 298–346. (In Russ.)

- Detlova E.V., Kuz'minykh S.V., Nagler A.O., 2023. B.S. Zhukov and his foreign connections. *Arkheologiya evraziyskikh stepey [Archaeology of the Eurasian steppes]*, 3, pp. 81–95. (In Russ.)
- Dokurovskiy V.S., 1925. Determining the age of the Lyalovo site by pollen in peat. *Trudy Antropologicheskogo instituta [Proceedings of the Anthropological Institute]*, I. Moscow, pp. 83–84. (In Russ.)
- Formozov A.A., 2008. Stat'i raznykh let [Articles of different years]. Kursk: Kurskiy gosudarstvennyy meditsinskiy universitet. 132 p.
- Gening V.F., 1982. Ocherki po istorii sovetskoy arkheologii [Studies in the history of Soviet archaeology]. Kiev: Naukova dumka. 225 p.
- Joukov B., 1929. Les modifications chronologiques et locales de la céramique de certaines cultures de la pierre et du métal en Europe du Nord-Est. *Eurasia Septentrionalis Antiqua*, IV, pp. 61–81.
- Joukov B.S., 1930. Tardenoisien in der Krim. Neolithikum im Wolgagebiet. *Archäologisches Institut des Deutschen Reiches: Bericht über die Hundertjahrfeier 21–25 April 1929*. Berlin: Walter de Gruyter, pp. 281–290.
- Kleyn L.S., 2014. Istoriya rossiyskoy arkheologii: ucheniya, shkoly i lichnosti [History of Russian archaeology: doctrines, schools and personalities], 2. Arkheologi sovetskoy epokhi [Archaeologists of the Soviet period]. St. Petersburg: Evraziya. 640 p.
- Kuftin B.A., 1927. On the method of studying the continuity of buried and contemporary tribal cultures. *Materialy k doistorii Tsentral'no-promyshlennoy oblasti: 1-e Soveshchanie paleoetnologov Tsentral'no-Promyshlennoy oblasti [Materials on the prehistory of the Central Industrial Region: 1st Meeting of palaeoethnologists of the Central Industrial Region]*. Moscow, pp. 19–23. (In Russ.)
- Kuz'minykh S.V., 2004. Otto Nikolaevich Bader and the national archaeology of the Early Metal period. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 4, pp. 142–150. (In Russ.)
- Kuz'minykh S.V., 2011. A.A. Spitsyn and A.M. Thalgren: from the history of Russian archaeology of the early 20th century. *Tverskoy arkheologicheskii sbornik [Tver collection of articles on archaeology]*, iss. 8, vol. II. Tver': Triada, pp. 5–27. (In Russ.)
- Kuz'minykh S.V., 2023. B.S. Zhukov as the leader of the Moscow palaeoethnological school (based on correspondence with A.M. Thalgren). *Arkheologiya evraziyskikh stepey [Archaeology of the Eurasian steppes]*, 3, pp. 8–66. (In Russ.)
- Kuz'minykh S.V., Belozerova I.V., 2023. Letters of B.S. Zhukov to M.V. Voyevodsky (1925–1929). *Arkheologiya evraziyskikh stepey [Archaeology of the Eurasian steppes]*, 3, pp. 67–80. (In Russ.)
- Kuznetsov A.A., 2013. New materials for the biography of B.S. Zhukov. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod]*, 5 (1), pp. 238–244. (In Russ.)
- Lindgol'm V.K., 1925. Mollyuski iz sloev torfyanika bliz sela L'yalova, Moskovskogo uyezda, sodержashchikh stoyanku neoliticheskogo cheloveka [Mollusks from peat bog layers near the village of Lyalovo, Moscow district, containing a Neolithic site]. *Trudy Antropologicheskogo instituta [Proceedings of the Anthropological Institute]*, I. Moscow, pp. 85–90.
- Lopatina O.A., 2023. B.S. Zhukov and his research approach to the study of antiquities of the 4th–1st millennia BC in the forest zone of Eastern Europe. *Arkheologiya evraziyskikh stepey [Archaeology of the Eurasian steppes]*, 3, pp. 96–108. (In Russ.)
- Materialy k doistorii Tsentral'no-promyshlennoy oblasti: 1-e Soveshchanie paleoetnologov Tsentral'no-Promyshlennoy oblasti [Materials on the prehistory of the Central Industrial Region: 1st Meeting of palaeoethnologists of the Central Industrial Region]. Moscow, 1927. 91 p.
- Meshcheryakov D.P., 1925. Peat bog near the village of Lyalovo as a Neolithic site. *Trudy Antropologicheskogo instituta [Proceedings of the Anthropological Institute]*, I. Moscow, pp. 79–82. (In Russ.)
- Platonova N.I., 2008. Palaeoethnological school of archaeology and F.K. Volkov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]*, 315, pp. 96–103. (In Russ.)
- Platonova N.I., 2010. Istoriya arkheologicheskoy mysli v Rossii. Vtoraya polovina XIX – pervaya tret' XX veka [History of archaeological thought in Russia. Second half of the 19th century – first third of the 20th century]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 316 p.
- Ravdonikas V.I., 1930. Za marksistskuyu istoriyu material'noy kul'tury [For the Marxist history of material culture]. Leningrad. 94 p. (Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury, vol. 7, iss. 3–4).
- Reshetov A.M., 1999. Boris Sergeevich Zhukov as a representative of the Anuchin school. *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy [Integration of archaeological and ethnographic research]*. Omsk: Omskiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet, pp. 63–66. (In Russ.)
- Sergievskaya A.P., 2020. My grandfather Boris Sergeevich Zhukov. *Smirnov S.A. Bashkirov. Triumf i tragediya [The Bashkirovs. Triumph and tragedy]*. Nizhniy Novgorod: Otchina, pp. 346–356. (In Russ.)
- Sergievskaya A.P., 2023. A view from inside the family. *Arkheologiya evraziyskikh stepey [Archaeology of the Eurasian steppes]*, 3, pp. 109–120. (In Russ.)
- Sorokina I.A., 2018. The first Soviet guidelines for conducting field research of archaeological sites (1927): to the history of creation. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk [Izvestia of the RAS Samara Scientific Center]*, vol. 20, no. 3 (2), pp. 537–543. (In Russ.)
- Tikhonov I.L., 2003. Arkheologiya v Sankt-Peterburgskom universitete. Istoriograficheskie ocherki [Archaeology at St. Petersburg University. Historiographic studies].

- St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet. 332 p.
- Tikhonov I.L., 2019. Archaeological education in Russian universities. *Ocherki istorii otechestvennoy arkheologii [Studies on the history of Russian archaeology]*, V. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 361–379. (In Russ.)
- Tunkina I.V., 2000. “The Case” of Academician Zhebelev. *Drevniy mir i my: Klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii: al'manakh [Ancient world and us: Classical heritage in Europe and Russia: Almanac]*, II. St. Petersburg: Aleteyya, pp. 116–161. (Bibliotheca Classica Petropolitana). (In Russ.)
- Voevodskiy M.V., 1951. Brief characteristics of the ceramics from the fortified settlements in the Vetluga and Unzha regions. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Urala i Priural'ya [Materials and research on the archaeology of the Urals and the Cis-Urals]*, III. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 159–180. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 22). (In Russ.)
- Voronina R.F., 2003. 100th anniversary of Anna Epifanovna Alikhova. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 166–168. (In Russ.)
- Yanishhevskiy B.E., Krenke N.A., Chernov S.Z., 2020. Introduction. *Arkheologicheskaya karta Rossii. Moscow [Archaeological map of Russia. Moscow]*, I. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 13–99. (In Russ.)
- Zbrueva A.V., 1940. The Svinogorye fortified settlement. *Arkheologicheskie pamyatniki Urala i Prikam'ya [Archaeological sites of the Urals and the Kama region]*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 100–110. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 1). (In Russ.)
- Zbrueva A.V., 1952. Istoriya naseleniya Prikam'ya v anan'inskuyu epokhu [History of the Kama region population in the Ananyino period]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 326 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 30).
- Zhukov B.S., 1922. Neolithic dune site near the town of Balakhny. *Russkiy antropologicheskii zhurnal [Russian anthropological journal]*, vol. XII, part 1–2, pp. 110–119. (In Russ.)
- Zhukov B.S., 1925. Neolithic site near the village of Lyalovo, Moscow district. *Trudy Antropologicheskogo instituta [Proceedings of the Anthropological Institute]*, I. Moscow, pp. 37–78. (In Russ.)
- Zhukov B.S., 1925a. Drevneyshie stroiteli iz dereva i kamnya [The earliest builders of wood and stone]. Moscow: Znanie. 53 p.
- Zhukov B.S., 1926. Works on palaeoethnology in the USSR. 1918–1925. *Etnografiya [Ethnography]*, 1–2, pp. 179–192. (In Russ.)
- Zhukov B.S., 1927. On the stratigraphy and culture of the Neolithic site near the village of Lyalovo, Moscow district. *Russkiy antropologicheskii zhurnal [Russian anthropological journal]*, vol. 16, iss. 1–2, pp. 58–75. (In Russ.)
- Zhukov B.S., 1927a. Kak lyudi rasselyalis' po zemle [How people settled around the earth]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 152 p.
- Zhukov B.S., 1927b. From the methodology of studying the cultures of sites and settlements: an author's abstract. *Materialy k doistorii Tsentral'no-Promyshlennoy oblasti: 1-e soveshchanie paleoetnologov Tsentral'no-Promyshlennoy oblasti [Materials on the prehistory of the Central Industrial Region: 1st Meeting of palaeoethnologists of the Central Industrial Region]*. Moscow, pp. 13–18. (In Russ.)
- Zhukov B.S., 1927b. Palaeoethnological activities of the Anthropological Institute at the 1st Moscow State University. *Materialy k doistorii Tsentral'no-Promyshlennoy oblasti: 1-e soveshchanie paleoetnologov Tsentral'no-Promyshlennoy oblasti [Materials on the prehistory of the Central Industrial Region: 1st Meeting of palaeoethnologists of the Central Industrial Region]*. Moscow, pp. 67–68. (In Russ.)
- Zhukov B.S., 1928. Archaeology. *Obshchestvennye nauki SSSR. 1917–1927: sbornik [Social sciences in the USSR. 1917–1927: Collected papers]*. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya, pp. 90–100. (In Russ.)
- Zhukov B.S., 1928a. An overview of the three-year work of the Anthropological complex expedition at the Central Educational Centre of the Anthropological Research Institute (1925–1927). *Izvestiya Assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov pri fiziko-matematicheskoy fakul'tete 1 Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta [News of the Association of Research Institutes at the Physics and Mathematics Department of the 1st Moscow State University]*, vol. 1, iss. 1–2, pp. 264–286. (In Russ.)
- Zhukov B.S., 1928b. Objectives of studying national minorities of Nizhny Novgorod Region. *Trudy Tret'ey gubernskoy konferentsii po izucheniyu proizvoditel'nykh sil Nizhegorodskoy gubernii [Proceedings of the Third regional conference on studying the productive forces of Nizhny Novgorod Province]*. Nizhny Novgorod: Nizhpoligraf, pp. 320–340. (In Russ.)
- Zhukov B.S., 1929. The theory of chronological and territorial modifications of some Neolithic cultures of Eastern Europe based on the study of pottery. *Etnografiya [Ethnography]*, 1, pp. 54–77. (In Russ.)
- Zhukov B.S., 1929a. Issues of methodology for identifying cultural elements and groups: (based on materials from Volga-Finnish buried cultures). *Kul'tura i byt naseleniya Tsentral'no-Promyshlennoy oblasti: 2-e soveshchanie etnologov Tsentral'no-Promyshlennoy oblasti [Culture and everyday life of the population of the Central Industrial Region: 2nd Meeting of ethnologists of the Central Industrial Region]*. Moscow, pp. 31–35. (In Russ.)
- Zhukov B.S., 1931. Proiskhozhdenie cheloveka [The origin of humans]. 5th edition. Moscow; Leningrad: Ogiz: Gosudarstvennoe meditsinskoe izdatel'stvo. 239 p.
- Zhukov B.S., 1931a. Pervye metallisty: Metalloobrabotka v drevnosti [The earliest metalworkers: Metalworking in ancient times]. Moscow; Leningrad: Ogiz: Moskovskiy rabochiy. 64 p.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

**ЗДАНОВИЧ Г.Б., МАЛЮТИНА Т.С., ЗДАНОВИЧ Д.Г.
АРКАИМ. АРХЕОЛОГИЯ УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ.
В 2-х КНИГАХ. ЧЕЛЯБИНСК: ИЗД-ВО ЧЕЛ. ГУ, 2020, 2022.**

© 2024 г. С. А. Григорьев

*Институт истории и археологии УрО РАН, Челябинск, Россия
E-mail: stgrig@mail.ru*

Поступила в редакцию 03.04.2023 г.

После доработки 03.07.2023 г.

Принята к публикации 17.10.2023 г.

DOI: 10.31857/S0869606324010158, EDN: ZVKYKU

С выходом 2-й книги монографии “Аркаим. Археология укрепленных поселений” завершена публикация материалов этого важного памятника. В будущем предполагаются дополнительные издания, посвященные их более детальным исследованиям, результатам естественно-научного изучения, но основные характеристики поселения стали, наконец, доступны для специалистов. В 70-е годы прошлого века раскопки могильников Синташта и Новокумакский произвели переворот в археологической науке. Последующие работы на Синташтинском поселении выявили сложную систему планировок и удивительный архитектурный комплекс, а исследования новых памятников привели к постепенному пониманию, что эти материалы лежат в основе процессов культурогенеза степной и лесостепной зон от Днепра до Казахстана. Многие из этих материалов уже опубликованы, но поселение Аркаим, которое было обнаружено третьим после Синташты и Устья, много лет ждало своего часа, будучи представлено довольно скромными публикациями. Мне посчастливилось редактировать обе эти книги, и теперь я понимаю причины столь длительной их подготовки помимо огромного комплекса работ по созданию и развитию музея-заповедника на памятнике, который вели в эти годы авторы монографии. Мне не приходилось сталкиваться ни с одной столь детально выверенной публикацией поселенческого объекта. При этом каждая деталь рассмотрена во взаимосвязи с остальными, осмыслена и использована в реконструкции. Сделанные

реконструкции основаны не на предположениях, а строго выверены материалом и сопоставлены с реконструкциями иных участков. Поэтому данное издание может быть полезно не только специалистам, которые непосредственно занимаются данной проблемой. Оно, на мой взгляд, будет способствовать методическому развитию нашей науки.

Монография удобно структурирована, что позволяет легко найти необходимые детали. Книга 1, посвященная описанию жилого пространства, предваряется первой главой, содержащей историю открытия и исследования памятника, общую характеристику культурного слоя и методику раскопок. Главы 2 и 3 последовательно описывают жилища внешнего и внутреннего круга. Завершается книга приложением по геофизическим исследованиям на поселении (Пунегов Б.Н., Батанина И.М.), по применению 3D-технологий для интерпретации магнитных полей (Кочнев В.А., Зданович Г.Б., Гоз И.В.) и небольшим культурологическим очерком (Зданович Г.Б.). Глава 4, с которой начинается книга 2, посвящена фортификациям внешнего круга, а глава 5 содержит описание укреплений цитадели и центральной площади. Каждый раздел внутри глав, посвященный отдельному жилищу или фрагменту фортификационных сооружений, начинается с детального описания архитектурных конструкций, за которым следуют детали интерьера, описание находок и материалы к реконструкции данного объекта. Глава 6 носит обобщающий характер, она содержит данные

по хронологии памятника, обобщение его архитектурных характеристик, особенностям хозяйствования и демографии, размышления об Аркаиме как культурном явлении в степной Евразии. Завершается книга двумя приложениями с анализом теплотехнических сооружений поселения (Григорьев С.А., Зданович Г.Б., Малютина Т.С.), его каменных орудий (Зданович С.Я., Сёмин Д.В., Малютина Т.С.), остеологического материала (Косинцев П. А.), а также культурологические размышления в контексте индоарийской письменной традиции (Зданович Г.Б., Марсадалов Л.С.).

Важным достоинством монографии является полнота информации о характере архитектурных объектов и локализации находок, поэтому все выводы могут быть легко проверены при внимательном чтении работы. Это достаточно сложный и большой памятник, тем не менее в публикации подробно описаны все его детали с соответствующими отсылками к планам и разрезам. Необходимо отметить и язык описания: лаконичный, но точный, как правило, не допускающий разных трактовок характера того или иного объекта. Описание каждого жилища или отрезка оборонительной стены завершается небольшим разделом “Материалы к реконструкции”, в котором делается обобщение по данному объекту. Причем в большинстве случаев эти обобщения достаточно корректны и строго соответствуют приводимому материалу. Последующие описания жилой и оборонительной архитектуры в целом построены уже на этом.

Архитектура синташтинских городищ варьирует, но внутри каждого отдельного поселения она предельно стандартизирована. Тем не менее встречаются отклонения от этого стандарта, в том числе на Аркаиме. Эти отклонения не обойдены вниманием, они тщательно продуманы, и делаются выводы об их причинах, что, в конечном счете, позволяет понять принципы и техники строительства в целом. Проведен даже подсчет расстояний между рядами столбовых ямок и отдельными ямками и сделана реконструкция возможной метрической системы. Показано наличие разных типов строительных смесей и их использование для разных конкретных операций. В итоге читателю представлена объемная картина сложной и продуманной

логики синташтинских строителей, и эта реконструкция, в целом, вызывает доверие. Можно поставить под сомнения некоторые ее части. Например, я убежден в ошибочности выводов о том, что ямы колодцев, чье функционирование было прекращено, использовались как печи, и там совершались какие-то ритуалы. На мой взгляд, после покрытия засыпанных колодцев обмазкой пола на ней иногда возводилась печь, которая затем опускалась вниз по мере уплотнения заполнения, и это углубление досыпалось. У читателей могут возникнуть и иные сомнения по той или иной реконструкции. Но детальность публикации позволяет эти сомнения проверить и составить собственное впечатление.

В завершении основной части монографии авторы обсуждают проблему формирования феномена этих городищ в Зауралье, приводя обширные аналогии, большинство из которых, к сожалению, неправомерны. Тем не менее они пишут, что наиболее близкой является анатolianская архитектура, но принципы кольцевой архитектуры были уже в курганах ямного времени, и процесс урбанизации осуществлялся на местной степной основе. При этом идеи ближневосточной архитектуры могли распространяться посредством степных племен. На мой взгляд, основной текст, показывающий сложную архитектуру с обилием технических приемов, направленных на решение конкретных задач, указывает на развитие тысячелетней традиции, и эти конкретные технические приемы, как и сама идея, должны были иметь столь же конкретных носителей, что невозможно без миграции.

Менее удачны, на мой взгляд, культурологические сюжеты в конце каждой книги, но преимущественно, в книге 2. Некоторые из них, например, размышления о демографии Аркаима, привязаны к материалу и прежним исследованиям и вполне уместны в контексте монографии. Но другие абсолютно чужды ей, в частности сопоставление архитектуры Аркаима с описаниями домов и фортификаций в Ригведе. Однако Ригведа формировалась в ином территориальном и культурном контексте, а принадлежность синташтинцев к индо-ариям, а не к ранним иранцам, возможна, но не доказана. Сомнительно и само использование

предельно размытых описаний Ригведы, которые можно применить ко многим архитектурным памятникам Евразии. Совершенно неприемлемым мне показалось приложение Л. С. Марсадолова “Наследие Аркаима в древних культурах Евразии” с использованием псевдонаучного “центрографического метода” и произвольно выбранных, не связанных друг с другом памятников, от египетских пирамид до кургана Аржан. Вызывают сомнения и поиски сакральности в архитектуре Аркаима, изложенные в ином приложении. Подобные сюжеты возможны в научно-популярной литературе, но их странно видеть в столь выверенной монографии. Собственно, они и не являются

интегральной ее частью, а были включены составителями именно из научно-популярных изданий. К сожалению, к моменту работы над составлением второй книги Г.Б. Зданович ушел из жизни, иначе этой ошибки бы не произошло.

Тем не менее это ни в коем случае не отменяет главного — очень качественной публикации материала, критически важного для понимания процессов культурогенеза в степной Евразии. Надеюсь, что в течение ближайших 10 лет мы увидим столь же обстоятельные публикации по анализу иных материалов этого поселения, в частности керамики. Но уже эта публикация в значительной степени обогатила наши представления о синташтинской культуре.

**Д.Г. САВИНОВ, И.В. ТУНКИНА.
СИБИРСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ Д.Г. МЕССЕРШМИДТА.
ПЕРВОЕ НАУЧНОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ РОССИИ.
СПб., 2022. Изд-во РЕНОМЕ. 552 с.: илл (Ad fontes. Материалы и
исследования по истории науки; suppl. 11)**

© 2024 г. В. И. Молодин^{1,*}, А. Ю. Борисенко^{1,**}

¹Институт археологии СО РАН, Новосибирск, Россия

*E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

**E-mail: aborisenko2@mail.ru

Поступила в редакцию 31.07.2023 г.

После доработки 31.07.2023 г.

Принята к публикации 17.10.2023 г.

DOI: 10.31857/S0869606324010162, EDN: ZVKNHW

История российской науки насчитывает уже более 300 лет и имеет на сегодняшний день внушительную историографию. Область интересов исследователей охватывает самые разнообразные сферы деятельности — история накопления знаний в отдельных научных отраслях, структурная организация науки, биографии ученых и т.д. Значительную роль в деле изучения истории науки играет серия *Ad fontes* (материалы и исследования по истории науки), организованная и активно работающая под руководством председателя научного совета серии чл.-корр. РАН И.В. Тункной. Перед нами 11-й выпуск серии.

Сразу следует отметить, что мы имеем дело с редким по полноте и широте охвата сочинением, выполненным помимо основных авторов — Д.Г. Савиновым и И.В. Тункной — также проф. В. Лефельдтом, к.и.н. М.В. Поникаровской, А.А. Сизовой, А.В. Зориным, К.В. Кравцовым, Е.Ф. Корольковой и Д.Г. Мухаметшиным.

Работу отличает великолепная полиграфия, а также исчерпывающая подборка иллюстративного материала, делающая книгу по-настоящему привлекательной и рабочей.

Сегодня уже неоспорим тот факт, что самое деятельное участие в становлении отечественной науки сыграли ученые — выходцы из европейских государств, главным образом, немецких земель. К моменту организации Петербургской

Академии наук и художеств и к началу проведения первых научно-исследовательских предприятий у иностранцев существовало определенное представление о древней и традиционной культуре народов, населяющих обширные просторы нашей страны. Иностранные путешественники, специалисты, дипломаты, миссионеры, купцы бывали в Российском государстве, сотрудничали с ним, некоторые ее территории были отмечены на европейских картах, была собрана первая коллекция артефактов из древних памятников Сибири, экспонаты которой своей уникальностью привлекали к себе внимание. Однако она была собрана по личной инициативе частного лица, безусловно, одного из самых знающих и осведомленных о древностях Сибири человека своего времени, бургомистра Амстердама Николааса Корнелиуса Витсена.

Первые научные исследования памятников древностей на территории сибирской провинции Российской империи, которые были приняты по инициативе и под руководством государства в лице Медицинской канцелярии, были осуществлены в ходе экспедиция 1719–1727 гг., которую по поручению Петра I возглавил Даниэль Готлиб Мессершмидт (Daniel Gottlieb Messerschmidt, 1685–1735). Основная программа научно-исследовательской деятельности была составлена самим Д.Г. Мессершмидтом в процессе работы. Она была обширна и значительно превосходила изначальную задачу,

поставленную Медицинской канцелярией перед ученым. Кроме собирания лекарственных трав и сбора сведений по зоологии и ботанике Сибири Д.Г. Мессершмидт планировал фиксировать все новое в области традиционных культур исследуемых территорий, а также составить коллекции древних предметов. Быт, язык, традиции, образ жизни аборигенного населения сибирского региона нашли отражение в его работах. Имея опыт исследований в области естественных наук, Д.Г. Мессершмидт в полной мере продемонстрировал рационалистический подход к проведению работ, придав ему энциклопедичный характер. Результатом этого масштабного, почти авантюрного предприятия стал колоссальный объем письменных, иллюстративных сведений и предметов традиционной культуры и древних артефактов. Вместе с тем судьба ученого и его научного наследия оказалась крайне печальной. Согласно договору с Медицинской канцелярией, собранные материалы ему не принадлежали. Часть коллекций погибла в результате пожара Кунсткамеры в 1747 г., другая часть — во время кораблекрушения, когда Д.Г. Мессершмидт возвращался на родину. Однако часть его рукописного фонда тем не менее сохранилась до наших дней. Анализ иллюстративного и письменного наследия Даниила Готлиба Мессершмидта и посвящена работа Д.Г. Савинова и И.В. Тункиной “Сибирская коллекция Д.Г. Мессершмидта. Первое научное археологическое собрание России” (2022).

Следует подчеркнуть, что И.В. Тункина посвятила изучению научного творчества Д.Г. Мессершмидта немало специальных исследований (2017; 2019; 2020; 2021), а вместе с Д.Г. Савиновым они выпустили и монографию “Даниэль Готлиб Мессершмидт: у истоков сибирской археологии” (Тункина, Савинов, 2017), фактически в развитие которой опубликовано рецензируемое издание.

Авторы монографии видят свою цель во введении в научный оборот “всех без исключения рисунков артефактов из коллекции Д.Г. Мессершмидта и их культурно-исторической атрибуции” (С. 11). Именно поэтому основную ее часть составляет иллюстративное приложение, которое сопровождается лаконичными, но содержательными аналитическими статьями.

В первой из них приводится краткая характеристика истории коллекций немецкого ученого и современного состояния его иллюстративного и архивного наследия (С. 7–16).

В особой главе, написанной И.В. Тункиной и Е.Ф. Корольковой, приводится Сибирская коллекция Петра I в гравюрах “Академического альбома” (С. 16–39). Она сопровождается прекрасными рисунками предметов и исчерпывающей библиографией, что крайне важно для современного исследователя.

В аналитической статье Д.Г. Савинова предложена краткая характеристика археологических культур, которым принадлежит подавляющее большинство артефактов из коллекции Д.Г. Мессершмидта — окуневской, тагарской, таштыкской и культуры енисейских кыргызов, а также сросткинской культуры (С. 40–49). В разделе, посвященном истории создания археологической коллекции Д.Г. Мессершмидта, Д.Г. Савинов разделяет его собрание на предметную и иллюстративную часть, для изучения которых привлекались два основных вида источников — письменные и археологические (С. 51).

И.В. Тункиной и Д.Г. Савиновым в отдельных главах были рассмотрены иллюстративные материалы из экспедиционных дневников исследователя, рапортов, составленных им в Медицинскую канцелярию, рукописи “Sibiria Perlustrata”, изображения (рисунки и гравюры) предметов из коллекции Д.Г. Мессершмидта, хранившихся в Кунсткамере. Дана общая характеристика рукописи Д.Г. Мессершмидта “Sibiria Perlustrata”, которая посвящена императору Петру II.

В отдельную группу и, соответственно, раздел своей монографии, авторы выделили те предметы, которые, по их мнению, возможно, происходят из коллекции Д.Г. Мессершмидта или ошибочно относятся к его собранию (С. 358–385). К ним были отнесены находки, имеющие параллели с изображениями экспонатов Кунсткамеры 30-х годов XVIII в., и описания, данные ученым, но при этом в основном фонде № 98 их зарисовок нет. Кроме того, к этой же группе “спорных”, по выражению авторов, предметов были отнесены изделия, которые в разное время были ошибочно отнесены к его собранию.

Отдельный раздел внушительного приложения составляют рисунки памятников и артефактов с территорий Сибири и Урала, которые были зафиксированы по следам первой исследовательской экспедиции участниками Второй Камчатской экспедиции и зарисованы художниками сухопутного академического отряда И.В. Люрсениусом, И.Х. Беркханом, И.К. Деккером и геодезистом И.И. Шишковым (С. 390–539). Среди них выделены категории – писаницы и ритуальные предметы манси, каменные изваяния и стелы курганов, а также археологические находки, поступившие в Сибирскую коллекцию Петра I и зафиксированные участниками экспедиции в собрании уральских и сибирских коллекционеров – предметы из собрания Г.Ф. Де Геннина, И.Р. Форстера, чертежи и росписи стен Аблай-кита.

Рассматриваемая монография имеет представительный библиографический раздел (С. 540–549), что имеет чрезвычайно важное значение для читателя, работающего над материалами, публикуемыми в книге.

Таким образом, рецензируемая монография представляет собой наиболее полное на сегодняшний день издание иллюстративных материалов, собранных в ходе работы первой научно-исследовательской экспедиции в зауральские районы Российского государства, которые сопровождаются обстоятельными комментариями и пояснениями, и может использоваться специалистами как полноценный источник по древним культурам населявших их народов.

Работа, посвященная 350-летию со дня рождения Петра Великого и 300-летию основания Российской Академии наук, несомненно, является достойным подарком к этим замечательным юбилеям, с чем от души следует поздравить ее авторов.

Работа выполнена по проекту № FWZG-2022-0006 “Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Тункина И.В.* Памятники археологии Сибири в документах личного фонда Д. Г. Мессершмидта // Университетская археология: прошлое и настоящее. СПб., изд-во СПб. гос. ун-та, 2017. С. 234–239.
- Тункина И.В.* Археология Сибири в документах Д.Г. Мессершмидта // Вестник РФФИ: Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 3. С. 45–61.
- Тункина И.В.* Материалы об экспедиции Д.Г. Мессершмидта в письмах Ф.И. Страленберга Э. Бенцелиусу-младшему // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археологии. Новосибирск: изд-во Ин-та истории СО РАН, 2020. С. 305–309.
- Тункина И.В.* Памятники археологии Сибири в рисунках экспедиций Д.Г. Мессершмидта и Г.Ф. Миллера // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готтлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727). СПб., “Реноме”, 2021. С. 266–272.
- Тункина И.В., Савинов Д.Г.* Даниэль Готтлиб Мессершмидт: у истоков сибирской археологии. СПб., “ЭлекСис”, 2017. 168 с.
- Савинов Д.Г., Тункина И.В.* Сибирская коллекция Д.Г. Мессершмидта. Первое научное археологическое собрание России. СПб., “Реноме”. 2022. 552 с.

ШЕСТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “АРХЕОЛОГИЯ И ГЕОИНФОРМАТИКА” (Москва, 2023 г.)

© 2024 г. Д. С. Коробов

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: dkorobov@mail.ru

Поступила в редакцию 01.07.2023 г.

После доработки 01.07.2023 г.

Принята к публикации 17.10.2023 г.

DOI: 10.31857/S0869606324010176, EDN: ZVJLKR

24–26 мая 2023 г. в Институте археологии РАН проходила Шестая международная конференция “Археология и геоинформатика”, посвященная использованию географических информационных систем (ГИС), данных дистанционного зондирования (ДДЗ), геофизических методов и трехмерного компьютерного моделирования в археологии. Предыдущее мероприятие состоялось в 2021 г., о чем было сообщено в журнале “Российская археология” (Коробов, 2022). К началу работы текущей конференции были изданы тезисы докладов (Археология и геоинформатика, 2023).

Конференция продолжает серию мероприятий, которые с 2003 г. были организованы бывшей группой “Археолого-географических информационных систем” (АГИС) Отдела сохранения археологического наследия ИА РАН в форме круглых столов, школ и конференций.

Организатором настоящей конференции выступил Отдел теории и методики Института археологии РАН. Конференция проходила в смешанном формате — всего прозвучало 44 устных и 10 постерных докладов, из которых 28 докладов и 8 постеров были заслушаны в очном режиме в конференц-зале Института археологии РАН, а 16 докладов и 2 постера были сделаны в режиме онлайн.

В работе конференции приняли участие более 140 специалистов из 14 городов и 36 разных организаций, в число которых входили иностранные ученые из Сухума (Абхазия), Мюнхена и Тюбингена (Германия), Кызылорды

(Казахстан), Бишкека (Кыргызстан), Эйсдена (Нидерланды), Экс-ан-Прованса (Франция).

Традиционно работа конференции протекала в рамках нескольких секций. В первый день заседаний, 24 мая 2023 г., в рамках секции “ГИС в археологических исследованиях” под председательством *Д.С. Коробова* (Москва) и *Ст.А. Васильева* (Санкт-Петербург) было заслушано 13 устных докладов, в которых отразились разнообразные направления применения геоинформационных технологий в археологии. Открыл работу секции доклад *С.Л. Смекалова* (Тула) с соавторами, в котором был изложен личный опыт докладчиков по использованию геоинформационных порталов и систем открытого доступа. Большой интерес вызвал доклад коллектива авторов из Санкт-Петербурга, представленный *А.И. Королевым*, который был посвящен применению искусственного интеллекта для распознавания археологических находок. *С.В. Наугольных* (Москва) познакомил аудиторию с особенностями геологического строения Московской морены Теплостанской возвышенности и перспективами ее изучения с точки зрения геоархеологии.

Опыт планиграфического анализа плейстоценовых отложений Предвходовой площадки пещеры Цагаан-Агуй (Гобийский Алтай) был рассмотрен в докладе *Д.В. Марченко* (Новосибирск). Далее два доклада были сделаны *Е.В. Долбуновой* (Санкт-Петербург), которая представила результаты работ коллектива специалистов из Государственного Эрмитажа по пространственному моделированию

культурного слоя на поселении Сертея II (VII–III тыс. до н.э.), а также по моделированию хозяйственного освоения сертейского микрорегиона в Верхнем Подвинье в раннем неолите. *А.Н. Берлизов* (Москва) рассказал о применении ГИС в изучении погребальных памятников Азиатского Боспора VI–IV вв. до н.э. Коллективный доклад по использованию цифровых технологий в исследованиях погребальных памятников Южной Синдики был зачитан *А.В. Мочаловым* (Москва).

Интересным с методической точки зрения выглядит доклад *А.В. Сафронова* (Москва), который был посвящен территориально-политической организации древних майя в долине Верхней Усумасинты в VII–VIII вв. по результатам ГИС-анализа. Некоторые результаты междисциплинарных исследований раннесредневекового города Джанкент (VI–XI вв. н.э.), полученные крупным международным коллективом ученых, были изложены *И.А. Аржанцевой* (Москва). *В.Б. Степанов* (Москва) с соавторами представил геоинформационную систему “Археологическая карта Московской области” в качестве инструмента обеспечения сохранения объектов археологического наследия. Итоги создания геопортала “Страна городов”, на котором размещены материалы комплексного изучения городищ Волжской Булгарии современными методами, излагались коллективом во главе с *И.И. Гайнуллиным* (Казань). *Е.А. Борисов* (Владимир) представил совместный доклад с *И.В. Чечушковым* (Екатеринбург) о применении ГИС-методов в изучении системы расселения в Нижнем Поклязьминьи в XI–XIII вв.

Второй день работы конференции был посвящен выступлениям, объединенным в секцию “Использование данных дистанционного зондирования и геофизических методов в археологии” (председатели Д.С. Коробов, С.Л. Смечалов). Помимо двух докладов зарубежных коллег, посвященных геофизическим методам при исследовании археологических памятников, остальные 13 докладов рассматривали разнообразные виды дистанционного зондирования: аэрофото- и космоснимки, многозональную и низковысотную съемку, применение технологии LiDAR.

Работу секции открыл доклад “Структура и сохранность культурного слоя по данным

многозональной съемки (Гординское I, городище Гурьякар, IX–XIII вв.)”, подготовленный коллективом авторов из Ижевска и представленный *И.В. Журбиным*, *Д.В. Вальков* (Самара) с соавторами поделился опытом вторичного поиска памятников археологии, открытых экспедициями В.В. Гольмстен в 1920–1932 гг. в Поволжском регионе. Весьма интересным показался аудитории доклад авторского коллектива из Тюмени во главе с *В.М. Костомаровым*, которым был разработан алгоритм автоматического дешифрирования ДДЗ с использованием нейросетей по поиску нераспаханных курганных насыпей в лесостепной части Тоболо-Иртышья.

Е.А. Мануилова (Москва) представила совместный доклад, посвященный применению данных дистанционного зондирования для выделения древней гидросети Таманского полуострова. Об исследовании антропогенного ландшафта в окрестностях Малого Утриша рассказал аудитории *А.А. Малышев* (Москва) и его соавторы.

Представляется очевидным возросший интерес к использованию технологии LiDAR, опыт применения которой рассматривался в целой серии докладов и сообщений. Два из них — о применении беспилотных воздушных судов ГК “Геоскан” на базе Рунского отряда ИА РАН (*Д.А. Клестов* (Москва) совместно с *А.Л. Смирновым*) и о воздушном лазерном сканировании Передольского археологического комплекса “Шум-Горы” (*М.В. Марунин* (С.-Петербург) совместно с *Н.И. Платоновой*) были изложены в качестве первых в этой серии сообщений.

Затем последовало два доклада, посвященных использованию геофизических методов в археологических исследованиях. *Дж. Орбонс* (Эйсен, Нидерланды) представил результаты комплексного геофизического обследования средневековых и постсредневековых архитектурных объектов. *Й.В.Е. Фассбиндер* (Мюнхен, Германия) поделился итогами совместной работы археологов и геофизиков из Мюнхенского университета в области арабских болот Месопотамии, где с помощью магнитометрии изучались остатки первых городов, гидравлических сооружений, каналов и гаваней. Близкие темы в территориальном и методическом отношении поднимает доклад *А.И. Янковского-Дьяконова* (Москва), подготовленный совместно

с *В.В. Новиковым*, который был посвящен региональным дистанционным разведкам в Южной Месопотамии в окрестностях Эриду и Дехайлы.

Далее в последующих докладах вновь внимание аудитории было привлечено к технологии лазерного сканирования. *О.Ю. Зими́на* (Тюмень) в соавторстве с *Н.В. Приходько* поделилась опытом лидарной съемки на памятниках Зауралья. Работы коллектива авторов из Татарстана по исследованию комплекса мавзолеев у с. Лапас Астраханской области с применением современных технологий представила *Г.Х. Зарипова* (Казань). *А.М. Колоколов* (Тула) в сотрудничестве с коллегами из государственного музея-заповедника “Куликово поле” рассказал об опыте применения воздушного лазерного сканирования при изучении памятников археологии на территории Тульских засек. Целый комплекс подводных геофизических методов был применен коллективом ученых при обследовании затопленной крепости Саркел (Левобережное Цимлянское городище), о чем рассказал присутствующим *С.А. Хохлов* (Москва). Завершил работу секции доклад *Ст.А. Васильева* с интригующим названием “Apple LiDAR – инструмент или игрушка?”, в котором автор показал преимущества и ограничения лидарной установки на современных мобильных устройствах компании Apple.

В финале заседания была организована постерная сессия, в рамках которой было заслушано пять сообщений об использовании метода фотограмметрии при изучении эпиграфических памятников разных эпох и культур. Все доклады были подготовлены специалистами лаборатории RSSDA во главе с *Ю.М. Свойским* (Москва). В краткой форме были представлены результаты создания свода русских надписей (*Ю.М. Свойский*), документирования арабографических памятников в Чувашии (*Ю.А. Миронова*, Москва), базы данных древнетюркских рунических надписей (*М.А. Сысоева*, Москва). Аудитория была знакома с применением алгоритма мультимасштабного интегрального инварианта в эпиграфике и способах выявления угасшего тиснения на кожаных книжных переплетах в двух сообщениях *Е.В. Романенко* (Москва).

В заключительный день работы конференции в ходе выступлений на секции “Геофизические

методы и трехмерное моделирование в археологических исследованиях” под председательством *И.В. Журбина* и *Д.С. Коробова* было заслушано 16 докладов, в 3 из которых рассматривались методы геофизики, использованные при исследовании археологических памятников, а остальные были посвящены разнообразным методам трехмерного моделирования ландшафтов, объектов и находок. Большинство специалистов для этой цели использовался метод фотограмметрии, примерам применения которого было также посвящено пять сообщений в рамках постерной сессии.

Блок докладов геофизической тематики был открыт *В.Г. Бездудным* (Ростов-на-Дону), который совместно с *О.А. Радюшем* рассказал о геофизических исследованиях части территории городища Новосиль в Орловской области, проведенных с помощью магнитометрии и георадиолокации. *Г.В. Требелева* (Москва) представила работу коллектива, осуществившего тестовые магнитометрические исследования на территории Маркульского городища (Очамчирский район, Республика Абхазия). Геофизические исследования курганного некрополя Сельцо излагались в коллективном докладе *В.А. Шевченко* (Москва).

Обширный блок докладов по методам цифрового трехмерного моделирования открыло сообщение *И.О. Горячева* (Москва), посвященное методике полевой электронной фиксации на примере работы Окской археологической экспедиции Центра палеоэтнологических исследований. Данную тему продолжил доклад *А.М. Гринева* (Великий Новгород) о трехмерной визуализации сооружений из раскопок Великого Новгорода 2022 г. с применением программных средств ArcGIS Pro. *И.И. Шкрибляк* (Симферополь) представила опыт использования трехмерных данных грунтовых и курганных могильников Крыма для подготовки археологической отчетности.

Обзор разнообразного программного обеспечения для трехмерного моделирования методом фотограмметрии был подготовлен и представлен *Е.В. Романенко* совместно с *Ю.М. Свойским*. Коллектив этих авторов во главе с *Е.С. Левановой* (Москва) поделился с аудиторией итогами мониторинга движения камней с петроглифами в пойме р. Амур. *Г.В. Требелева* изложила

результаты работы своего творческого коллектива по реконструкции и 3D-визуализации крепости Великого Питиунта и его первых христианских храмов. Применению цифровых технологий при документировании святилища Уркош-ХV (Центральный Алтай) был посвящен коллективный доклад, представленный Ю.М. Свойским.

Интересный опыт натуральной масштабной реконструкции формы корабля эллинистического времени из Фанагории был получен С.В. Ольховским (Москва) в соавторстве со специалистами из Центра Камиля Жюлиана Национального центра научных исследований (Экс-ан-Прованс, Франция) Д. Боэтто и П. Поведо. Применению 3D-моделей в процессе определения техник скола, использовавшихся на юге Ферганской долины в раннем и среднем голоцене, было посвящено сообщение международного коллектива, которое изложил Г.И. Марковский (Новосибирск). Доклад С.Н. Чаукина (Москва) несколько выбивался из тематики секции и был посвящен изучению закономерностей пространственного расположения памятников раннего железного века в бассейне Москва-реки, проведенному с помощью пространственного ГИС-анализа.

Блок докладов о применении трехмерного цифрового моделирования разнообразных археологических находок продолжил С.В. Ольховский с соавторами, рассказавший об опыте моделирования амфорных клейм с помощью фотограмметрии. Возможности современного документирования средневековых болгаро-татарских эпиграфических памятников в 3D рассматривались в совместном докладе И.И. Гайнуллиной и Х.М. Абдуллиной (Казань). А.В. Зайцев (Москва) познакомил присутствующих с опытом роботизации и алгоритмизации в документировании массового археологического материала в коллективном докладе специалистов из лаборатории RSSDA.

Знакомство аудитории с опытом сотрудников этой лаборатории было продолжено в рамках постерной сессии в серии коротких сообщений,

подготовленных коллективно и представленных А.А. Пичугиной (Москва) о различиях в практике применения цифрового документирования при археологических раскопках памятников античности и палеолита; Д.М. Павловым (Москва) о цифровом документировании петроглифов в гроте на р. Пегтымель; А.П. Гурич (Москва) об использовании методов трехмерного моделирования для анализа архитектуры на примере колоннады храма Диоскуров в Агридженто; Е.А. Бойко (Москва) о применении методов сопоставления трехмерных моделей при исследовании серийных терракот группы “кампанских” рельефов из ГМИИ и М.Г. Бодровой (Москва) о методе применения трехмерных моделей при иллюстрировании публикаций надписей на цилиндрических, бочкообразных и биконических предметах небольших размеров из камня и дерева.

В заключительной дискуссии были подведены итоги работы форума. Прошедшая Шестая международная конференция “Археология и геоинформатика” продемонстрировала неуклонно растущий интерес к новым технологиям и приемам цифровой фиксации, документирования, анализа и изучения археологических памятников, объектов и структур. Для знакомства широкой аудитории с прозвучавшими докладами и сообщениями была организована видеозапись, которая доступна на сайте Института археологии РАН. Часть сделанных докладов Пятой и Шестой конференций будут включены в очередной (11-й) выпуск электронного издания “Археология и геоинформатика”, предыдущие выпуски которого также доступны в сети Интернет (<https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib/el-cat/el-series/arch-i-geoinform>).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археология и геоинформатика. Шестая Международная конференция. Тезисы докладов* / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2023. 88 с.
- Коробов Д.С. Пятая международная конференция “Археология и геоинформатика” (Москва, 2021 г.) // РА. 2023. № 4. С. 209–211.

СЕМИНАР “ДЕНДРОХРОНОЛОГИЯ В АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА. К 90-ЛЕТИЮ НАТАЛИИ БОРИСОВНЫ ЧЕРНЫХ”

© 2024 г. А. А. Карпухин

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: Karpukhin.A@rambler.ru

Поступила в редакцию 08.06.2023 г.

После доработки 08.06.2023 г.

Принята к публикации 17.10.2023 г.

DOI: 10.31857/S0869606324010185, EDN: ZVJKZI

29–30 марта 2023 г. в Москве состоялся научный семинар “Дендрохронология в археологии и истории деревянного зодчества. К 90-летию Наталии Борисовны Черных”, организованный лабораторией естественнонаучных методов в археологии Института археологии РАН.

В рамках семинара обсуждался широкий круг вопросов, связанных с дендрохронологическим датированием древесины из археологических раскопов и деревянных архитектурных памятников. Очно и в видеоформате в его работе приняли участие более 20 специалистов семи различных организаций из шести городов. Прозвучало восемь докладов, два из которых в режиме онлайн.

С приветственным словом обратился к участникам семинара чл.-корр. РАН, д.и.н. *Е.Н. Черных*. В его выступлении были освещены основные этапы развития дендрохронологии в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН (АН СССР) и роль Н.Б. Черных в этих работах и публикации полученных результатов.

В докладе докт. биол. наук, зав. лаборатории дендрохронологии Института экологии растений и животных УрО РАН (Екатеринбург) *Л.И. Агафонова*, посвященном перспективам и проблемам дендрохронологического изучения архитектурных памятников Южного Урала и Зауралья было указано на почти полное уничтожение в данных регионах коренных лесных массивов, что затрудняет построение долговременных древесно-кольцевых хронологий. Решению этой проблемы должно способствовать привлечение образцов древесины из старых архитектурных построек, многие из которых заброшены, подвержены пожарам и активно разрушаются, а

также археологических памятников. Приведен обзор и результаты датировок уже изученных архитектурных построек. Существенными геоморфологическими и климатическими отличиями Южного Урала и Зауралья обусловлена необходимость создания региональных генерализированных древесно-кольцевых хронологий и дендроклиматических реконструкций. Отмечена высокая взаимосвязь годичного прироста древесины этих территорий с влажностью почв и осадками, в то время как для более северных регионов основным лимитирующим фактором является температура.

Дендрохронологии исторических построек Восточной и Центральной Сибири был посвящен доклад к.и.н., сотрудника Сибирской дендрохронологической лаборатории Сибирского федерального университета (Красноярск) *З.Ю. Жарникова*. Приведены результаты последних исследований древесины отдельных археологических памятников: Старотуруханского городища, Стадухинского и Енисейского острогов Красноярска. Основное внимание уделено итогам изучения сохранившихся до нашего времени исторических построек Енисейска, оборонительных сооружений Братского, Илимского, Бельского острогов, памятников культового зодчества, гражданских городских и сельских построек Красноярского края, Иркутской области, Забайкальского края.

С результатами дендрохронологического датирования памятников деревянного зодчества европейской части России, полученными коллективом лаборатории дендрохронологии Института географии РАН (Москва) за последние три года, ознакомил канд. геол. наук, зав. лабораторией

В.В. Мацковский. Проведен обзор работ по архитектурным памятникам Новгородской (Музей народного деревянного зодчества “Витославлицы”), Архангельской, Ярославской, Костромской (архитектурно-этнографический и ландшафтный музей-заповедник “Костромская слобода”), Пермской (архитектурно-этнографический музей “Холмогоры”), Ульяновской и Вологодской областей.

Характеристика этапов застройки территории Владычного двора Великого Новгорода была дана в докладе к.и.н., зав. Центром археологических исследований НГОМ (Великий Новгород) *О.А. Тарабардиной.* На основании результатов анализа распределения порядка 70 дендрохронологических датировок материалов из раскопа Лихудова корпуса, Кремлевского раскопа, и архитектурно-археологических исследований 2020 г. выявлено время серьезной перепланировки, приходящейся на рубеж XIII–XIV вв., связанной с прекращением существования на этом месте рядовой жилой застройки XII–XIII вв. и началом функционирования Владычного двора. Прослежена взаимосвязь возобновления отдельных построек с известными по письменным источникам пожарами в более поздние периоды.

В докладе д.и.н., ведущего научного сотрудника Сибирской дендрохронологической лаборатории СФУ (Красноярск) *В.С. Мыглан* и к.и.н., научного сотрудника Института археологии и этнографии СО РАН *М.О. Филатовой* были доложены результаты дендрохронологических исследований фрагментов углей, сохранивших структуру древесины, происходящих из шлаков металлургических печей Юго-Восточного Алтая. Несмотря на сложность вычленения углей из металлургических шлаков, авторам удалось выделить фрагменты с большим количеством годовых колец, пригодные для датирования.

Первые итоги относительного датирования древесины из Оглахтинского могильника таштыкской культуры (Республика Хакасия) были изложены в сообщении к.и.н., старшего научного сотрудника Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск) *И.Ю. Слюсаренко.* Коллекция древесины из погребальных срубов этого памятника, собранная автором как в музейных собраниях (Государственный Эрмитаж, работы А.В. Адрианова 1903 г., Л.Р. Кызласова, 1969–1973 гг.), так и при новых археологических исследованиях начала 2020-х годов, в настоящее

время насчитывает около 70 образцов. На их основе составлена относительная древесно-кольцевая хронология протяженностью в 186 лет. Крайне любопытными представляются выводы автора о том, что даты последних образцов годовых колец, происходящих из разных могильных конструкций, распределяются в достаточно узком хронологическом интервале – порядка 20 лет.

Обзору историографии дендрoarхеологических исследований в Сибири был посвящен доклад к.и.н., научного сотрудника Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск) *М.О. Филатовой.* В нем рассмотрены основные этапы становления и развития дендрохронологических исследований археологических и архитектурных памятников Сибири в лабораториях Института экологии растений и животных УРО РАН (Екатеринбург), Института леса им. В.Н. Сукачева СО РАН (Красноярск), Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск), Сибирского федерального университета (Красноярск), Алтайского государственного университета (Барнаул), Сибирского института физиологии и биохимии растений (Иркутск), Байкальского института природопользования (Улан-Удэ).

Проблемы интерпретации серий дендрохронологических датировок при определении дат строительства археологических и архитектурных сооружений рассматривались в сообщении научного сотрудника Института археологии РАН (Москва) *А.А. Карпухина.* Были представлены конкретные примеры результатов анализа хронологического и количественного распределения дендродат образцов древесины сооружений из культурного слоя и памятников русского деревянного зодчества. Продемонстрировано, что использование серий дендрохронологических датировок позволяет проводить более подробную реконструкцию строительной истории отдельных построек, чем при использовании единичных датировок. Указывалось на некорректность выводов о времени возведения построек, основанных на единичных дендрохронологических датировках.

В ходе семинара проходили дискуссии и обсуждения заслушанных докладов, подведены итоги работы. По предложению дирекции Института археологии РАН часть докладов, прозвучавших на семинаре, предполагается опубликовать в виде статей на страницах Кратких сообщений Института археологии в 2024 г.

НЕУТОМИМЫЙ ПУТНИК... К 75-летию А.А. МАСЛЕННИКОВА

© 2024 г. А. А. Завойкин^{1,*}, В. Д. Кузнецов^{1,**}, Л. А. Беляев^{1,***},
П. Г. Гайдуков^{1,****}, Н. А. Макаров^{1,*****}, А. В. Энговатова^{1,*****}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: bospor@inbox.ru

**E-mail: phanagor@mail.ru

***E-mail: labeliaev@bk.ru

****E-mail: russianchange@yandex.ru

*****E-mail: nmakarov1@yandex.ru

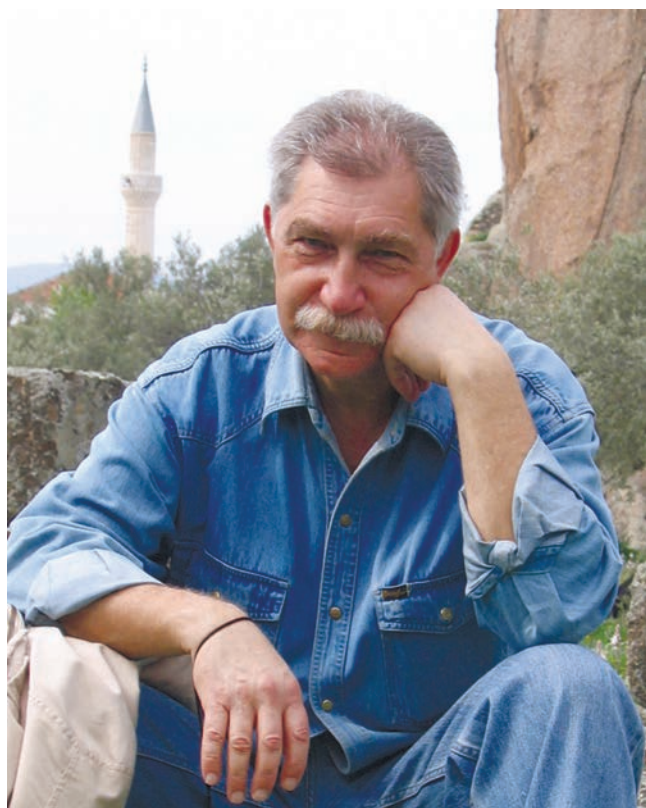
*****E-mail: engov@mail.ru

Поступила в редакцию 10.10.2023 г.

После доработки 10.10.2023 г.

Принята к публикации 17.10.2023 г.

DOI: 10.31857/S0869606324010193, EDN: ZVIPXX

23 октября 2023 г. отметил 75-й день своего рождения доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом полевых исследований ИА РАН Александр Александрович Масленников, один из ведущих археологов-антиковедов нашей страны, научные достижения

которого широко известны и далеко за ее пределами. Его авторитет в области изучения древностей Боспора Киммерийского столь высок, что без преувеличения можно сказать: современные разработки ни одной значимой темы без учета полевых открытий и опубликованных исследований А.А. Масленникова почти невозможны.

Юбиляр родился и вырос в старинном русском городе Туле, с которым он и поныне связан теснейшими узами. Здесь его родовые корни. После окончания средней школы Александр Александрович высшее образование получил в Тульском государственном педагогическом институте. В 1970–1971 гг. он проходил срочную службу в Советской Армии, что сыграло заметную роль в становлении его характера. Затем работал в школе, а в 1973 г. он приехал в Москву и поступил в аспирантуру Института археологии. Его научным руководителем стал проф. В.Д. Блаватский, которого А.А. Масленников часто вспоминает с искренней благодарностью и глубочайшим уважением. Чувство искренней признательности своим учителям — среди них как главного своего наставника в полевой работе А.А. Масленников отмечает И.Т. Кругликову — неотъемлемая черта личности юбиляра. О них и других людях, с которыми свела его судьба, в одном интервью он сам сказал так: “От них я взял все, что есть во мне хорошего как

в человеке, мужчине, исследователе: отношение к людям, отношение к себе, отношение к стране” (Масленников, 2018. С. 168).

Обучение в аспирантуре Александр Александрович завершил в 1976 г. И с тех пор его судьба неразрывно связана с Институтом археологии. Здесь в 1977 г. он с большим успехом защитил сначала кандидатскую диссертацию (“Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э.”), а в 1993 г. и докторскую (“Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху (система расселения и этнический состав населения)”).

Александр Александрович – страстный полевик, не пропустивший за долгие годы, кажется, ни одного полевого сезона. Стаж его полевых работ и межсезонных изысканий исчисляется более чем полувеком! Впервые в археологической экспедиции он побывал в далеком 1967 г. Работал в Молдавии, в Крыму, на Северном Кавказе, приобретая бесценный опыт. А в 1975 г., еще не закончив аспирантуру, он возглавил Восточно-Крымский археологический отряд ИА АН СССР, со временем превратившийся в крупнейшую по масштабам полевых исследований Восточно-Крымскую археологическую экспедицию ИА РАН.

Благодаря трудолюбию, организаторским способностям и неутолимой жажде познания и новых открытий А.А. Масленников внес огромный вклад в изучение археологических памятников Европейского Боспора. Ему принадлежит ряд важнейших археологических открытий в Крымском Приазовье, долгое время до этого остававшемся для археологов *terra incognita*. Здесь на протяжении десятилетий под его непосредственным руководством была раскопана и исследована целая серия интереснейших памятников, датированных от поздней греческой архаики и до раннего средневековья.

Приоритетное внимание юбиляра всегда было направлено на исследование сельских территорий Боспора, где им плодотворно изучались не только разнотипные поселенческие памятники, но и некрополи сельского населения, сельская инфраструктура, системы межевания, фортификационные сооружения (знаменитые боспорские валы – рвы). Им же была открыта новая страница в исследованиях культуры античного Боспора, когда А.А. Масленников

выявил и раскопал ряд интересных религиозно-культовых памятников (святилищ), а их материалы опубликовал монографически.

Научный стиль работы А.А. Масленникова отличают две черты. Источниковую базу его исследований главным образом составляют материалы, добытые в поле им самим, и которые он знает досконально. Львиная доля полученных раскопками и разведками материалов опубликована им в отечественных и зарубежных изданиях. А.А. Масленников – автор почти трех сотен научных трудов. В их числе особо следует отметить монографии, ставшие этапными в изучении затронутых в них проблем. Назовем лишь некоторые из них, те, без которых сложно представить себе современный уровень исследования Боспора: “Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э.” (М., 1981); “Население Боспорского государства в первых веках н.э.” (М., 1990); “Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI–II вв. до н.э.)” (М., 1995); “Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора” (М., 1997); “Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху” (М., 1998); “Древние греки на севере Понта Евксинского” (на греч. яз., Фессалоники, 2000); “Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма” (Тула, 2003); “Античное святилище на Меотиде” (Тула, 2006); “Сельские святилища европейского Боспора” (Тула, 2007); “Граффити и дипинти хоры античного Боспора” (Киев, 2007, в соавторстве с С.Ю. Сапрыкиным); “Царская хора Боспора”: Т. 1. “Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников”; Т. 2. “Индивидуальные находки и массовый археологический материал” (М., 2010; 2012).

Даже простое перечисление наиболее значимых научных открытий и достижений А.А. Масленникова потребовало бы слишком много места и времени. Но едва ли в этом имеется необходимость, поскольку всякий специалист по истории и археологии Боспора прекрасно себе представляет, сколь значителен вклад юбиляра в изучение классических древностей юга России. Без преувеличения, его книги и статьи вошли в “золотой фонд” отечественной науки о северопричерноморской античности.

Еще раз подчеркнем, что очень существенно в его научных трудах то, что все они опираются на глубокое знание материала, а также то, что в их основе лежит страстная, по-юношески свежая любовь их исследователя к памятникам древних культур.

Александр Александрович — человек разносторонний, знающий толк и в некоторых, иной раз неожиданных для коллег областях. Он ценитель хорошей художественной литературы, особо выделяет творчество Н.В. Гоголя. Очевидно, что стилистика автора бессмертных «Мертвых душ» отразилась на собственных текстах юбиляра, которым присуще такое своеобразие, что их авторство практически невозможно ошибочно приписать кому-либо другому. Но речь здесь не идет о подражательстве. Для самого юбиляра чрезвычайно важны смысловые нюансы, оттенки мысли, возможность говорить своим собственным языком. Это позволяет ему отразить «многослойность» изучаемого им источника. И в этой специфической стилистике его текстов отражается глубина Масленникова как исследователя, избегающего слишком простых решений.

Нельзя не отметить еще одно дело, которым с 1998 г. занят А.А. Масленников и которое сам юбиляр считает в своей работе весьма значимым. Он является главным редактором серийного издания ИА РАН «Древности Боспора». Каждый год выходит очередной том (иногда два) этого жадно ожидаемого специалистами сборника. Уже увидели свет 28 томов авторитетного издания.

Чрезвычайно велика роль этого замечательного человека и специалиста также в области научно-организационной. С 2004 г. на посту заведующего ОПИ А.А. Масленников, не жалея ни времени, ни сил, ни здоровья, стоит на страже принципов полноценного и высококачественного научного изучения памятников археологии на территории всей нашей страны. Через его руки проходят тысячи заявок и отчетов о полевых работах сотрудников научных учреждений и коммерческих организаций, получивших право проводить раскопки и разведки. Каждая такая заявка или отчет требуют не только внимания, погруженности в конкретные обстоятельства, но и личного его участия,

регулярного общения со многими очень разными людьми... Позволительно сказать, что все эти дела проходят не только через его руки и ум, но и через сердце Александра Александровича. Можно также утверждать, что этот его подвижнический труд лишил нас интересных книг и множества научных статей, которые он не написал, будучи перегружен научно-организационными заботами в ОПИ. Отечественной науке еще предстоит по достоинству оценить эту жертвенность, принципиальность и стойкость Александра Александровича на этом посту.

Многие годы А.А. Масленников является членом Ученого и Диссертационного советов Института археологии. Его мудрые суждения и благожелательное отношение к людям и здесь выделяют его характерный стиль общения и гибкость в решении самых трудных задач.

Для своих учеников и младших по возрасту коллег А.А. Масленников является непререкаемым авторитетом, образцом служения науке, человеком, который не только чрезвычайно плодотворно реализует свои таланты в научных трудах и организационной деятельности, но и щедро делится своим опытом. Александр Александровичу обязаны за бескорыстную помощь и добрый совет многие, а в особенности — его ученики, выросшие в его экспедиции, его аспиранты (некоторые из которых — уже доктора наук). Всех их он воспринимает не просто как учеников и последователей, но и как бы «своих детей», о которых заботится, которым помогает, судьба которых ему не безразлична даже после того, как «птенцы вылетели из гнезда».

Чествуя нашего дорогого друга и коллегу, мы воздаем должное его трудолюбию, преданности избранной им науке, целеустремленности и самым лучшим человеческим качествам. Поздравляя А.А. Масленникова с юбилеем, искренне желаем ему крепкого здоровья, долгих лет жизни, душевной гармонии, благополучия и, конечно, новых открытий и творческих свершений¹.

¹ Важно услышать самого юбиляра, поэтому прилагаем ссылку на его интервью: *Масленников А.А. «Специфика — это главное, что привлекает здесь историка»* // *Tractus Aevorum*. Т. 5 (1). Весна 2018. С. 165–179. <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-eto-glavnoe-chto-privlekaet-zdes-istorika>

К 75-ЛЕТИЮ АЛЕКСАНДРА ИЛЬИЧА АЙБАБИНА

© 2024 г. Э. А. Хайрединова

Институт археологии Крыма РАН, Республика Крым

E-mail: khairedinovaz@rambler.ru

Поступила в редакцию 05.10.2023 г.

После доработки 05.10.2023 г.

Принята к публикации 17.10.2023 г.

DOI: 10.31857/S0869606324010208, EDN: ZVHTPF

30 декабря 2023 г. 75-летие отметил Александр Ильич Айбабин, известный отечественный историк и археолог, профессор, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки и техники Республики Крым, директор Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

Александр Ильич родился в г. Калининграде, в семье преподавателей русского языка и литературы. В 1956 г. семья вслед за отцом,

участвовавшим в организации Нахимовских училищ, переехала в Севастополь. Детство ученого прошло буквально на руинах Херсонеса, рядом с которыми жила семья, что способствовало раннему проявлению интереса к археологии и во многом предопределило выбор профессии. В 1966–1972 гг. Александр Ильич учился на историческом факультете Ленинградского государственного университета, специализируясь сразу на двух кафедрах – Археологии и Истории средних веков. Большое влияние на формирование будущего ученого оказал научный руководитель – Михаил Илларионович Артамонов, великий российский археолог и историк. Написанная под его руководством первая курсовая работа, посвященная проблеме происхождения сережек пастырского типа, была высоко оценена и после небольшой доработки стала первой серьезной публикацией в журнале “Советская археология”. Еще студентом А.И. Айбабин прошел хорошую школу полевых археологических исследований. Археологическое “крещение” состоялось в 1968 г. в Боспорской экспедиции под руководством П.Н. Шульца, затем последовали работы в Херсонесе под руководством И.А. Антоновой, В.И. Кадеева и В.В. Борисовой, в Астраханской экспедиции – под руководством Е.В. Шнайдштейн и А.Н. Мелентьева, в экспедиции А.Н. Щеглова – на Панском городище. В 1971–1972 гг. Александр Ильич был одним из организаторов и активным участником совместной экспедиции Карельского филиала АН СССР и ЛГУ, проводившей подводные археологические работы для изучения онежских петроглифов.

В 1972–1975 гг., работая старшим научным сотрудником Феодосийского краеведческого

музея, А.И. Айбабин начинает самостоятельные археологические раскопки Средневековой Кафы и ее окрестностей. Одновременно проходит учеба в заочной аспирантуре при Государственном Эрмитаже под руководством А.Л. Якобсона.

В 1975–1986 гг. Александр Ильич – сотрудник отдела археологии Крыма Института археологии АН УССР и руководитель масштабных новостроечных работ в разных регионах полуострова. Продолжая научно-исследовательскую работу, определенную темой диссертации, в 1978–1982 гг. А.И. Айбабин проводит раскопки некрополя на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен, а в 1982–1984 и 1986 гг. – могильника у с. Лучистое, в ходе которых были зачищены неграбленные склепы с многослойными захоронениями, важные для понимания хронологии раннесредневековых древностей Крыма. На основании взаимовстречаемости вещей в закрытых комплексах ученый разработал типологию и обосновал хронологию археологического материала раннесредневековых памятников Крыма. Результаты исследований обобщены в кандидатской диссертации “Хронология могильников Крыма IV–VII вв.”, явившейся самой полной на тот момент сводкой раннесредневековых находок. Основываясь на уточненной хронологии могильников, Александр Ильич по-новому осветил некоторые спорные проблемы этнической истории населения полуострова. Защита диссертации успешно прошла в феврале 1988 г. в Киеве, в Институте археологии АН УССР.

В 1989 г. по инициативе и под руководством А.И. Айбабина в Симферопольском государственном университете создана лаборатория по изучению этнической истории Крыма. В 1992 г. на ее базе при поддержке президента НАН Украины академика Б.Е. Патона Александр Ильич основал Крымское отделение Института востоковедения НАНУ (КОИВ), которым руководил на протяжении 22 лет. В 2015 г. КОИВ в качестве структурного подразделения включено в состав КФУ имени В.И. Вернадского и преобразовано в Научно-исследовательский центр Истории и археологии Крыма, по сей день возглавляемый А.И. Айбабиным.

Особое место в исследованиях ученого занимает история византийского Крыма. В 1994–1996 гг.

Александр Ильич по приглашению Жильбера Дагрона работал в Париже в Центре по изучению истории и цивилизации Византии (CNRS) над монографией “Этническая история ранневизантийского Крыма”, которая увидела свет в 1999 г. В апреле 1998 г. в Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург) текст монографии был защищен в качестве докторской диссертации.

А.И. Айбабин стал инициатором и главным организатором первых на постсоветском пространстве крупных международных византологических конференций “Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.)” (сентябрь 1994 г., Алушта) и “Византия и Крым” (июнь 1997 г., Севастополь), в ходе которых выступили с докладами более 80 ученых из научных организаций, университетов и музеев Австрии, Болгарии, Великобритании, Германии, Греции, Польши, России, США, Украины и Франции. С 1991 г. ученый неоднократно выступал с докладами на всемирных конгрессах византинистов в Москве, Париже, Лондоне и Белграде. В 2001 г. Александр Ильич организовал делегацию, достойно представившую крымскую византистику на юбилейном XX конгрессе, проходившем в Париже.

Александр Ильич непрерывно ведет археологические исследования. Для изучения этнических процессов, проходивших на полуострове в эпоху поздней античности и раннего средневековья большое значение имели его раскопки могильников на Черной Речке (1988–1989 гг.), в Баклинском овраге (1992–1993 гг.) и у с. Лучистое (1993–2008 гг.). В 2003 г. возобновлены раскопки на плато Эски-Кермен, продолжающиеся по сей день. Исследуются некрополь, оборонительные сооружения, открыты кварталы на главной улице и в центре города. Плодотворными оказались и раскопки в г. Керчь: в 1989–1991 гг. и в 2006 г. в центре города впервые удалось проследить стратиграфию жилой застройки Боспора-Корчева на протяжении долгого периода – с конца VII и до середины XVIII в., выявлен и детально зафиксирован хазарский слой; в 2002 г. – у подножия горы Митридат исследованы зольники и остатки святилища римского времени; в 2007–2009 гг. – в Босфорском переулке обнаружен уникальный

рыбозасолочный комплекс позднееримского времени, часть квартала, где в I–VI вв. жила иудейская община, и участок христианского городского некрополя VII–VIII вв.

Организация и налаживание международного научного сотрудничества – одна из заслуг Александра Ильича. В 1994–1996 гг. он – соруководитель совместного крымско-французского проекта “Варвары на границах Империи”, в ходе которого международная команда исследователей проводила археологические раскопки памятников эпохи Великого переселения народов в Крыму и в Нижней Нормандии. В 2006–2008 гг. А.И. Айбабин становится одним из руководителей масштабного научно-исследовательского проекта “Готы в Крыму”, осуществлявшегося совместно крымскими археологами и специалистами Римско-германского центрального музея г. Майнца во главе с Ф. Даймом. При активном участии ученого в нескольких музеях Италии (1994, 1995 г.), Франции (1997 г.), Германии (1999 г.) проведены выставки, посвященные истории и культуре варварских народов Крыма, и опубликованы их каталоги.

А.И. Айбабин является основателем и главным редактором ежегодника “Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии” (МАИЭТ), в котором публикуются результаты научных исследований как отечественных ученых, так и специалистов из ближнего и дальнего зарубежья. На сегодняшний день вышло 28 томов МАИЭТа.

По приглашению Т.И. Макаровой и С.А. Плещевой Александр Ильич написал разделы по археологии средневекового Крыма для вышедшего в 2003 г. тома фундаментального издания “Археология СССР в 20 томах”. В серии “Монографии Римско-германского центрального музея г. Майнца” в 2011 г. опубликована монография ученого “Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit (Археология и история Крыма в византийское время)”, которая, по признанию немецких коллег, является современной энциклопедией по истории и археологии Крыма византийского времени. В 2017 г. Александр Ильич участвовал в написании и редактировании первого тома двухтомной “Истории Крыма”, первом обобщающем научном исследовании по истории полуострова от каменного века до наших дней. Им написаны

главы по истории Крыма с середины III по X в. Совместно с Э.А. Хайрединовой начато полное и подробное издание материалов раскопок могильника у с. Лучистое. В 2008 и 2014 гг. выпущены два тома, один из которых переведен на немецкий язык и издан в Германии. В 2017 г. в соавторстве с Э.А. Хайрединовой выпущена монография “Крымские готы страны Дори (середина III–VII вв.)”, в которой сделан комплексный анализ выявленной в Юго-Западном Крыму археологической культуры, созданной аланами и готами. В 2018 г. за работу авторы отмечены премией имени И.Е. Забелина Российской академии наук. Александр Ильич – автор 10 монографий и более 250 статей, значительная часть которых опубликована в зарубежных изданиях на английском, французском, немецком и итальянском языках.

В своем насыщенном графике ученый находит время и для преподавательской деятельности. В 1989–2015 гг. он читал курсы лекций по античной археологии, по этнической истории ранне-средневекового Крыма, по истории и археологии славян в Симферопольском государственном (ныне – Крымском федеральном) университете. По приглашению зарубежных коллег в разные годы Александр Ильич прочел спецкурсы и лекции в университетах Сорбонны-1 (Франция), Хайдельберга (Германия), Варшавы и Познани (Польша). На протяжении многих лет А.И. Айбабин возглавлял ученый совет по защите докторских диссертаций Института востоковедения НАН Украины, а с 2016 г. является председателем Совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук по специальностям “Всеобщая история” и “Археология” КФУ им. В.И. Вернадского. Александром Ильичем создана научная школа. Одиннадцать его аспирантов подготовили и защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: шесть – по специальности “всемирная история” и пять – по специальности “археология”.

А.И. Айбабин и сегодня находится в прекрасном жизненном и научном тонусе, вдохновляя коллег и подчиненных своей работоспособностью и творческой целеустремленностью. Искренне поздравляем Александра Ильича со знаменательной датой и желаем здоровья, оптимизма, научного вдохновения и успехов в его плодотворной деятельности!

К 70-летию Г.Е. ДУБРОВИНА

© 2024 г. В. Ю. Коваль^{1,*}, П. Г. Гайдуков^{1,**}, Д. О. Осипов^{1,***}, Н. Н. Фараджева^{1,****}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: kovaloka@mail.ru

**E-mail: russianchange@yandex.ru

***E-mail: dmitriyosipov@mail.ru

****E-mail: fnn1@yandex.ru

Поступила в редакцию 21.09.2023 г.

После доработки 21.09.2023 г.

Принята к публикации 17.10.2023 г.

DOI: 10.31857/S0869606324010219, EDN: ZUSJJV

9 сентября 2023 г. исполнилось 70 лет Геннадию Евгеньевичу Дубровину, старшему научному сотруднику отдела средневековой археологии Института археологии РАН. Геннадий Евгеньевич является одним из авторитетных специалистов по истории и археологии Великого Новгорода, отдавшим этому замечательному памятнику все свои силы и творческую энергию.

Г.Е. Дубровин родился Москве, в семье инженера, что во многом определило его поступление по окончании школы на конструкторско-механический факультет Московского Высшего технического училища им. Баумана, которое он окончил в 1976 г. После получения диплома Геннадий Евгеньевич 15 лет плодотворно работал в конструкторском бюро, занимавшемся разработками для космических кораблей и техники по изучению поверхности Луны, получив за это время девять авторских свидетельств СССР на изобретения. Но в 1985 г. он попал в Новгородскую археологическую экспедицию, что и стало причиной для крутого изменения его судьбы. Начав работу на Троицком раскопе простым рабочим, со временем он стал выполнять обязанности лаборанта, затем начальника участка, а позднее стал заместителем начальника раскопа. Именно тогда Геннадий Евгеньевич приобрел ценный опыт полевых исследований, работая под руководством В.Л. Янина, А.С. Хорошева и П.Г. Гайдукова. Уже начиная с 1991 г. Дубровин самостоятельно руководил работами на Федоровском, Никитинском и других раскопах в Великом Новгороде и ряде раскопов в Торжке.

В 1990 г. Г.Е. Дубровин полностью сменил сферу деятельности. Но в новгородской археологии тех переломных лет не было возможности для трудоустройства, и это заставило его поступить на работу в Центр археологических исследований Москвы, где он возглавлял несколько крупных археологических проектов.

Не довольствуясь полевой практикой, Г.Е. Дубровин поступил в аспирантуру Института археологии РАН, где под руководством П.Г. Гайдукова подготовил кандидатскую диссертацию «Транспорт Новгорода Великого X–XV вв. (по археологическим данным)», успешно защищенную в 1995 г. В том же году Геннадий Евгеньевич перешел на работу в Институт археологии РАН, в котором и продолжает трудиться до сегодняшнего дня.

Круг интересов Г.Е. Дубровина весьма широк и включает историю судостроения, технологию деревянного строительства, материальную культуру Великого Новгорода и Северной Руси в целом, вопросы новгородской истории, генеалогии родов эпохи Средневековья и более поздних эпох. В начале 2000-х годов Геннадий Евгеньевич участвовал в работе совместной экспедиции Муниципального этнографического музейного комплекса г. Нижневартовска и Уральского госуниверситета (г. Екатеринбург), исследовавшей остатки судна на обской протоке Кирьяс.

Результатом тщательных штудий стали более сотни опубликованных работ, среди которых шесть капитальных монографий: «Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода X–XV вв.», 2000; «Никитинский раскоп в Новгороде», 2010; «Плотницкий конец средневекового Новгорода. Федоровский раскоп», 2020; «История северорусского судостроения», 2001. (в соавторстве с А.В. О कोरोковым, В.Ф. Старковым, П.Ю. Черносвитовым) и др.

После 2007 г. по состоянию здоровья Геннадий Евгеньевич перестал принимать участие

в столь любимых им полевых работах и выездных конференциях, сосредоточившись на кабинетных исследованиях и публикациях материалов своих полевых работ в Великом Новгороде. Тем не менее он продолжает участвовать в качестве научного консультанта в полевых исследованиях при выполнении наиболее сложных и ответственных проектов Института, например, при раскопках в Москве и Московском Кремле в 2007 и 2019–2021 гг., в г. Александрове в 2020 г. и т.д.

В общении с коллегами, в повседневной научной жизни Г.Е. Дубровин известен своей бескомпромиссной позицией при отстаивании своих убеждений, всегда основанных на скрупулезном изучении и анализе фактов, конкретного археологического материала. При этом он отличается исключительной щепетильностью в формулировках, корректным отношением к своим противникам в научных диспутах. Геннадий Евгеньевич — человек высокой духовной культуры, успешно применяющий свои профессиональные знания в технических и точных науках для решения масштабных археологических задач. В отделе средневековой археологии он пользуется любовью и уважением, является заслуженным авторитетом как крупный специалист в области средневековой археологии и глубоко интеллигентный человек с обширным кругом интересов и увлечений, хорошо ориентирующийся в том числе в музыкальной и литературной сферах.

Пожелаем Геннадию Евгеньевичу крепкого здоровья и сил для исполнения задуманных планов, новых исследований и книг, бодрости духа и добра от всех окружающих его людей.

МАРГАРИТА ВАКЛИНОВА (04.05.1939–05.04.2023)

© 2024 г. Снежана Горянова^{1,*}, В. С. Флёров^{2,**}

¹Археологический институт с музеем Академии наук Болгарии, София, Болгария

²Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: valerij-flyorov@yandex.ru

**E-mail: sgoryanova@gmail.com

Поступила в редакцию 09.06.2023 г.

После доработки 26.07.2023 г.

Принята к публикации 17.10.2023 г.

DOI: 10.31857/S0869606324010221, EDN: ZUQYDW

5 апреля 2023 г. скончалась известный болгарский археолог, бывший и.о. директора Археологического института с музеем Болгарской академии наук Маргарита Ваклинова.

София-Маргарита Деянова-Ваклинова, ее полное семейное имя, родилась 4 мая 1939 г. в семье интеллигентов в тревожное время. Спустя несколько месяцев началась Вторая мировая война — одно из тяжелейших испытаний Болгарии в XX в.

Перипетии военного времени, эвакуация из Софии из-за угрозы бомбардировок оставили яркие воспоминания у ребенка.

Избрав для себя научное поприще, Маргарита Ваклинова в 1962 г. получила высшее образование

на философско-историческом факультете Софийского университета “Свети Климент Охридски” по специальности “история” со специализацией по археологии и музейному делу.

Сразу по окончании университета Маргарита была назначена заведующим Историческим музеем в г. Смолян. В это же время она проводила в Родопх свои первые раскопки в пещере Имамова дупка (Ягодинската пещера) с отложениями от энеолита до гальштата. Исследованиям в Родопх посвящены ее первые публикации.

В 1966 г. Маргарита Ваклинова уже сотрудник Археологического института в Софии. Отныне с ним связаны все ее полевые и кабинетные исследования вплоть до выхода на пенсию в 2012 г., а потом и до кончины таких знаковых для Болгарии объектов, как средневековые болгарские столицы Плиска, Велики Преслав, Велико Търново, античный *Nicopolis ad Nestum* в Юго-Западной Болгарии, Червената черква у г. Перушица, раннехристианская церковь у с. Гела (округа г. Смолян). Сфера научных интересов М. Ваклиновой простиралась вплоть до XV–XVI вв.

С 1968 до середины 1980-х годов она специализировалась в Институте византийского искусства Болонского ун-та в Равенне, в Колежде Франс и Сорбонне, в Британской академии наук, где изучала средневековые металлопластику, эмали, архитектуру. Серьезной школой для М. Ваклиновой стали и беседы с А. Грабарем.

В 1978 г. М. Ваклинова совместно с Дм. Овчаровым издала “Ранновизантийски паметници от България IV–VII в.” — каталог самых

замечательных на то время предметов из Болгарии. И сегодня это издание — отправная точка при изучении новооткрытых памятников византийского и раннего болгарского искусства.

В 1980 г. М. Ваклинова защитила диссертацию “Каменната декоративна пластика от ранновизантийската епоха в България (V–VI в.)” с анализом ордеров, византийских капителей V–VI в. с территории Болгарии, каменных декоративных элементов раннехристианских храмов. Особое внимание было уделено материалам, инструментарию, организации производства, а также привозным изделиям. Позднее диссертация М. Ваклиновой стала основой для проекта “Византийската архитектурна скулптура от западного черноморско крайбрежие (IV–XV в.)” болгарского Археологического института совместно с Французской археологической школой в Афинах.

В 1970-е годы М. Ваклинова участвовала в раскопках слоев ранневизантийского периода, над которыми позднее был построен дворец царей Второго Болгарского царства — Тырновоград.

Продолжилась и ее активная работа в Западных и Центральных Родопах в связи с разработкой тематики раннего христианства и развития городских структур в Тракии и Родопской области. Публикует предварительные итоги своих раскопок культового центра у с. Гела, где среди прочих объектов была трехнефная базилика с трансептом VI в. над раннехристианской гробницей. Изучает христианскую топографию в Родопах, проявления криптохристианства и проблемы формирования болгарской общности в Родопах в позднем средневековье.

В последующие годы М. Ваклинова возобновила изучение *Nicropolis ad Nestum* (около г. Гоце Делчев), где была открыта перистильная постройка. Полное издание этих исследований готовится ее сотрудниками.

Центральное место в 60-летней научной деятельности М. Ваклиновой занимали первая столица Первого Болгарского царства Плиска и особенно Великий Преслав — вторая столица царства.

В обеих столицах под руководством проф. Станчо Ваклинова и при ведущем участии Маргариты Ваклиновой и Ирины Штеревой были произведены большие раскопки главных дворцовых сооружений.

Вполне естественно, что интересы М. Ваклиновой в дальнейшем сосредоточились на проблеме развития планировки болгарских дворцов, поиске источников их архитектурных схем и строительных приемов, месте дворцов в городской структуре. Этим вопросам посвящена ее краткая, но концептуальная статья “Дворците на Средновековна България” (1982) и статья “Преславския дворец (Главните дворцови сгради през столичния период)” (1994).

Большой интерес представляет гипотеза М. Ваклиновой и ее соавторов о мартирии в так называемой Владетельской базилике Великого Преслава как месте погребения князя-крестителя Болгарии Бориса-Михаила I.

В Плиске Ваклинова познакомилась с С.А. Плетнёвой, которая в 1977–1980 гг. возглавляла Болгаро-Советскую экспедицию на одном из участков болгарской столицы и долгие годы сохраняла с ней связи.

М. Ваклинова и И. Штерева в свое время подготовили два тома результатов раскопок в Преславе Западного дворца, Тронной палаты и роскошного Юго-Западного двора, предназначенного, вероятно, для размещения гостей-иностранцев. Рукопись ждет издания.

В собственных изысканиях о Великом Преславе М. Ваклинова обращалась к дворцовым комплексам Византии, Армении, ранним арабским дворцам, а также Овиедо (Астурия), к постройкам Каролингов. В этих сравнениях она основывалась прежде всего на скульптурно-декоративных особенностях сооружений второй болгарской столицы.

В отдельных штудиях, статьях или аннотациях к каталогам исследовательница анализировала произведения металлопластики высокой художественной и научной ценности, демонстрируя глубокое знание изделий византийского и западноевропейского прикладного искусства средних веков. Среди них — византийская золотая с эмалью реликварий-икона Богородицы из Тырновской обл. XI–XII вв., медальон с эмалью из Велико-Тырново, Малое сокровище XIII в. из Преслава в составе украшений и монет, сокровище из Надь-Сент-Миклоша (соавтор Ст. Ваклинов), гривны из Филиппополя, металлические части поясов из собрания Национального археологического музея.

Много сил и времени Маргарита Ваклинова отдавала созданию энциклопедических статей. При этом адресовались они не только ученым, но и широкой публике для ознакомления с болгарским культурным наследием и призывом к его сохранению.

Весь профессиональный путь Маргариты Ваклиновой сопровождался заботой о развитии музеев. Идеи, которые исследовательница вкладывала в создание выставок в Национальном археологическом музее, в Музее Софии и других как руководитель, автор концепций и исполнитель или в качестве консультанта, она теоретически обосновала в статье “Музеят — в миналото или към бъдещето” (2001). В статье проявилось глубокое понимание европейской и мировой практик и тенденций в них, роли архитектурной среды и архитектурных сооружений как части собственной истории, к побуждению людей понимать ценности культуры.

Любимой деятельностью Маргариты Ваклиновой была работа со студентами. В течение полутора десятилетий (1990–2005) она читала общий курс лекций “Българската култура през VII–XIV в.” на кафедре культурологии Софийского университета. Другой курс лекций — “Опазване и менажиране на археологическите резервати в България” — являлся на кафедре магистерской программой. Читала она также отдельные курсы и лекции по болгарской культуре, археологии и византистике в Велико-Тырновском университете и в Новом болгарском университете в Софии.

В конце 1980-х годов Ваклинова в качестве приглашенного преподавателя читала в зарубежных университетах лекции по раннехристианскому искусству и раннесредневековой культуре в болгарских землях. Руководила написанием более десяти успешно защищенных диссертаций в болгарских и зарубежных научных центрах и университетах. Все ее студенты, аспиранты, диссертанты, коллеги всегда могли рассчитывать на ее энциклопедические знания, на искреннее желание поделиться ими, на нестандартные решения научных проблем.

Помимо научной деятельности М. Ваклиновой пришлось заниматься большой административной работой в Национальном археологическом институте Болгарской АН как заместителю

его директора (1993–2008 гг.) и как исполняющей обязанности директора (2008–2010 гг.).

Она была членом ряда комиссий по организации научной работы Болгарской АН, музеев и сохранению культурного наследия Болгарии, членом руководства ИКОМОС-Болгария, различных экспертных органов и жюри.

Долгая научная и общественная деятельность Маргариты Ваклиновой отмечена государственными наградами Болгарии — “Златен грифон” за вклад в развитие болгарской археологической науки, “Пифагор” за вклад в науку, Орден “Св. Кирил и Методий” за особо значимые заслуги в развитии культуры. Она Почетный гражданин городов София, Великий Преслав и Смолян.

Маргарита Ваклинова была не только компетентным ученым с разносторонними интересами, но и человеком с устойчивым и сильным характером. Ее равнодушие к проблемам других людей, даже не особенно ей близких, выражалось не только в словах сочувствия, но и в реальной помощи, которую она никогда не афишировала. Она была исключительно толерантна и терпелива к окружающим ее людям. Свои же личные неприятности она переживала стоически, не вовлекая в них окружающих.

Активный и интересный собеседник, Маргарита Ваклинова могла поддержать разговор на самые разные темы — о науке, театре, музыке, искусстве и литературе, кино, психологии, политике, кулинарии и спорте. Общение с людьми — с близкими и друзьями, коллегами, с публикой — буквально заряжало ее. Любимые книги — от мировой классики до современной болгарской литературы — всегда сопровождали ее и дома, и в поле. Любившая проводить время за интеллектуальными беседами, Маргарита Ваклинова не забывала заботиться о домашнем уюте и очень любила принимать гостей, часто собиравшихся в ее доме. В уютной и изысканной, но при этом простой обстановке радушная хозяйка устраивала трапезы с исключительно вкусными блюдами балканской и восточной кухни, которые сама готовила по семейным рецептам. Пение песен, среди которых самыми любимыми были родопские, помогали ей пережить особенно тяжелые моменты ее жизни.

АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ СКАКОВ (1971–2023)

© 2024 г. Д. В. Журавлев^{1,*}, Д. С. Коробов^{2,**}

¹Государственный исторический музей, Москва, Россия

²Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: denzhuravlev@mail.ru

**E-mail: dkorobov@mail.ru

Поступила в редакцию 04.10.2023 г.

После доработки 04.10.2023 г.

Принята к публикации 17.10.2023 г.

DOI: 10.31857/S0869606324010235, EDN: ZUOCDU

28 июня 2023 г. после тяжелой болезни ушел из жизни известный ученый, крупный археолог-кавказовед, политолог, научный сотрудник отдела археологии бронзового века Института археологии РАН, заместитель директора Института востоковедения РАН Александр Юрьевич Скаков.

А.Ю. Скаков родился 28 ноября 1971 г. в Москве в семье физика, профессора МИСиС Ю.А. Скакова и врача Л.И. Скаковой. После окончания кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (научный руководитель И.В. Яценко) поступил в аспирантуру Института археологии, где в 1998 г. под руководством В.И. Марковина успешно защитил кандидатскую диссертацию, посвященную типологии орнаментированных топоров кобано-колхидской культурно-исторической общности, к сожалению, оставшуюся неопубликованной. Основными научными интересами Александра Юрьевича в течение всей его жизни были яркие культуры Кавказа эпохи позднего бронзового и раннего железного веков. В 1991–2000 гг. он был заместителем начальника Северо-Кавказской экспедиции ГИМ, где вместе с А.П. Мошинским исследовал позднекобанское поселение Сауар.

Начав свою творческую деятельность с материалов кобанской культуры, А.Ю. Скаков постепенно переместил экспедиционную активность на южную сторону Кавказского хребта, и с 2002 г. возглавил Гудаутскую, а с 2006 г. — Ткуарчельскую российско-абхазскую экспедицию. Работая совместно с А.И. Джопуа, директором Государственного музея Абхазии, Александру Юрьевичу удалось изучить интереснейшие погребальные

комплексы могильника Джантух, открыть абгархукские поселения эпохи поздней бронзы, провести раскопки в селе Ачандара и на поселении Цоухуа. Последним местом его археологических работ стал античный город Гюэнос в Очамчирском районе, где археолог обнаружил свинцовый саркофаг ранневизантийского времени и святилище античной эпохи, в котором были найдены интересные приношения — золотые украшения и статуэтка античного божества. В 2015 г. А.Ю. Скаков был удостоен звания Заслуженного деятеля науки Республики Абхазия. До последнего дня своей жизни он не терял контакта с абхазскими коллегами, готовясь к грядущему полевому сезону. При этом он не оставлял без внимания и

другие экспедиционные кампании на Кавказе, принимая участие в работах на территории Северной и Южной Осетии, Кабардино-Балкарии, Краснодарского края.

В 1998–2009 гг. А.Ю. Скаков совмещал научную работу в Академии наук со службой в Институте стратегических исследований, где много лет он занимался вопросами современной политической жизни Южного Кавказа. С 2009 г. он работал в Центре изучения Центральной Азии и Кавказа Института востоковедения РАН в качестве старшего научного сотрудника, координатора рабочей группы, а с 2020 г. он становится заместителем директора, курируя вопросы развития института. С 2017 г. Александр Юрьевич также работал ведущим научным сотрудником Сектора Кавказа Центра постсоветских исследований в Институте мировой экономики и международных отношений РАН.

А.Ю. Скаков внес большой вклад в изучение кобано-колхидской культурно-исторической общности, искусства древних народов Кавказа, хронологии Кавказа и Закавказья эпох поздней бронзы и раннего железа. Его знания в этой области были необъятными. Будучи страстным библиофилом, Александр Юрьевич собрал огромную библиотеку по археологии, этнографии, истории Кавказа, которая не раз служила подспорьем не только ему, но и многим коллегам и начинающим археологам благодаря его открытому и щедрому нраву.

Помимо кавказоведения А.Ю. Скаков прекрасно разбирался в архитектуре и искусстве, мог часами рассказывать о псковском зодчестве и храмах Подмосковья, византийских фресках и живописи Возрождения, очень хорошо знал историю и литературу. Не раздумывая, он мог составить настоящий итинерарий для предстоящего путешествия в любой конец страны, чем его друзья с благодарностью многократно пользовались.

Обладая поистине энциклопедическими знаниями, Александр Скаков оставил богатое наследие не только в области археологии. Его яркому перу принадлежит множество сочинений по политическим вопросам в современном Закавказье, по истории культуры, жизни русских святых и литературной среде Серебряного века (Барон и муза. Барон Николай Врангель. Паллада Богданова-Бельская / Сост. Мурашев А.А. Скаков А.Ю. 2-е изд. Дегунино-Фрязино, 2020). Недавно вышла его монография по региональной истории

Сухумского района Республики Абхазии (Скаков А.Ю. Сухумский район Республики Абхазия: история и современность. М.: ИВ РАН, 2021. 312 с.). Научное наследие А.Ю. Скакова составляют более 200 работ по археологии Кавказа, около 100 политологических публикаций, а также многочисленные газетные статьи.

Много раз он выступал ответственным редактором и членом редколлегии различных изданий, постоянно участвовал в различных конференциях по самой различной проблематике — подчас было сложно даже уследить за его перемещениями.

Александр Юрьевич чтит своих научных учителей, щедро делился своими знаниями с коллегами, с молодым поколением ученых, с аспирантами и студентами. До последней минуты, пока была возможность, следил за работой своих учеников и поддерживал их. Буквально за несколько дней до смерти он участвовал онлайн в защите дипломных работ своих последних учеников.

Не будет преувеличением сказать, что с уходом Александра Юрьевича Скакова наша отечественная наука и культура понесли серьезную утрату. Прежде всего это касается кавказоведения в целом и, особенно, области его основных интересов — археологии эпохи бронзы и раннего железного века Северного Кавказа и Закавказья. Настоящий профессионал своего дела, надежный и открытый, он был хорошим другом и товарищем. Его великолепная легендарная библиотека была всегда открыта для коллег и друзей, а после его смерти была передана в Институт востоковедения РАН. Саша мужественно перенес известие о своей страшной болезни и боролся с ней до последнего, одновременно занимаясь подготовкой работ своей экспедиции в Абхазии и экспедиции в Северной Осетии, которую он взялся курировать после безвременной смерти А.П. Мошинского. За несколько дней до смерти он говорил, что, похоже, в этом сезоне ему в экспедицию не попасть. Впереди было много планов, но прежде всего, он хотел завершить публикацию материалов, полученных в ходе его раскопок, и продолжить раскопки Гюэноса... Увы, судьба распорядилась по-другому.

Нам будет очень не хватать острых полемических выступлений и дружеских застольных бесед с нашим старым другом и коллегой, Александром Скаковым, или Шарлем, как все привыкли называть его со студенческой скамьи.